

История Великой реформации шестнадцатого века в Германии, Швейцарии и др., том 4

Ж. Х. Мерль д'Обинье

**History of the Great Reformation of the
Sixteenth Century in Germany, Switzerland,
&c., Volume 4**

J. H. Merle d'Aubigné

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории Великой реформации Шестнадцатого века в Германии, Швейцарии и др., том 4

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Великой реформации Шестнадцатого века в Германии, Швейцарии и др., том 4

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Переводчик: Х. Уайт

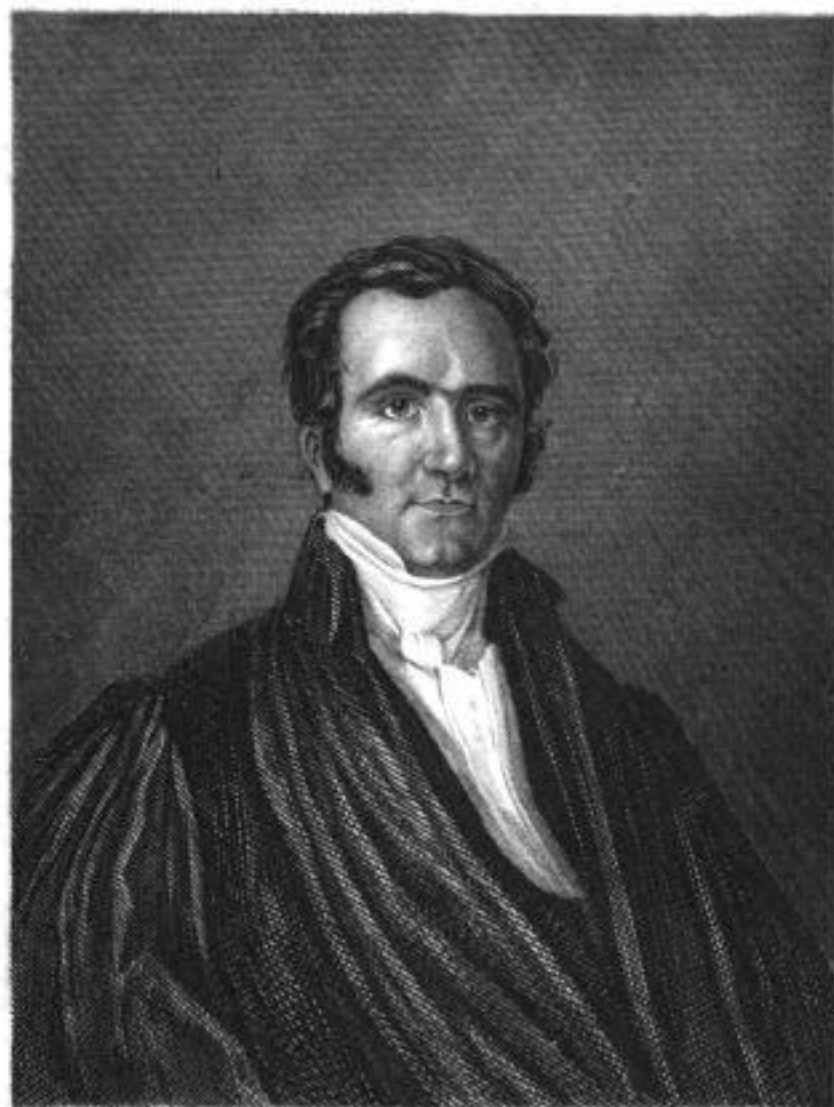
Дата выхода: 8 октября 2012 г. [Электронная книга № 40971]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Колином Беллом, Джулией Нойфельд и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА В ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ", ТОМ 4 ***

J. H. MERLE D'AUBIGNÉ.

*vostra firma
Merle d'Aubigné.*

J. H. MERLE D'AUBIGNÉ

Martinus Luther
1543

MARTIN LUTHER BEFORE THE DIET AT WORMS

NEW YORK

R. CARTER 58 CANAL STREET.

МАРТИН ЛЮТЕР ПЕРЕД НАЧАЛОМ СЕЙМА В ВОРМСЕ,

НЬЮ-ЙОРК

Р. КАРТЕР, КАНАЛ-СТРИТ, 58.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА В ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ И Т.Д.

Дж. Х. Мерль Д'Обинье,

ПРЕЗИДЕНТ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЖЕНЕВЫ И ЧЛЕН "ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА"
ПОМОГАЛ В ПОДГОТОВКЕ АНГЛИЙСКОГО ОРИГИНАЛА

Х. УАЙТУ, Б.А. ТРИНУ. КОЛЛ. КЕМБРИДЖ, магистр И доктор философии ГЕЙДЕЛЬБЕРГ.

ТОМ IV.

НЬЮ-ЙОРК:

РОБЕРТ КАРТЕР, КАНАЛ-СТРИТ, 58;

И ПИТТСБУРГ, МАРКЕТ-СТРИТ, 56.

1846.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Когда иностранец посещает определенные страны, такие как Англия, Шотландия или Америка, ему иногда предоставляются права гражданства. Такова была привилегия "Истории реформации Шестнадцатого века". В странах, которые я только что упомянул, на английском языке имеется в обращении от 150 000 до 200 000 экземпляров, в то время как во Франции их число едва превышает 4000. Это настоящее усыновление — натурализация этой Работы в странах, которые отнеслись к ней с таким благосклонностью.

Я принимаю эту честь. Соответственно, хотя предыдущие тома моей Истории были первоначально опубликованы во Франции, теперь, когда по прошествии пяти лет я подумываю о том, чтобы издать ее продолжение, я делаю это в Великобритании.

Это не единственное изменение в способе публикации. Я не считал правильным перекладывать на переводчиков, как в случае с предыдущими Томами, задачу выражения моих идей на английском языке. Лучшие переводы всегда ошибочны; и только Автор может быть уверен в передаче своей идеи, всей своей идеи и ничего, кроме своей идеи. Не упуская из виду достоинства, которыми могут обладать несколько существующих переводов, даже лучший из них не свободен от неточностей, более или менее важных. Примеры из них я привел в Предисловии к Новому переводу предыдущих томов доктора Уайта, который был переработан мной и который вскоре будет опубликован господами Оливером и Бойдом. Оливер и Бойд. Эти неточности, без сомнения, самые непреднамеренные, способствовали возникновению очень

серьезного соперничества, которое имело место в Америке, по теме этой Работы, между епископалами и баптистами, с одной стороны, и пресвитерианами, с другой, — соперничества, которое, я надеюсь, теперь завершено, но в котором (как сообщил мне нью-йоркский корреспондент) одно из самых полезных и могущественных христианских обществ Соединенных Штатов было на грани распада.

Имея перед глазами такие факты, я не мог больше колебаться. Мне стало необходимо самому опубликовать их на английском языке; что я, соответственно, и делаю. Но хотя этот язык мне знаком, я желал в определенной степени заручиться сотрудничеством английского джентльмена-литератора. Доктор Генри Уайт, выпускник Кембриджа и сотрудник Континентального университета, был очень любезен, посетив Швейцарию с этой целью, хотя такой шаг причинил ему много неудобств, и проведя со мной в Женеве время, необходимое для этой работы. У меня не могло быть более просвещенного помощника; и здесь я выражаю ему свои обязательства за его очень умелую помощь.

Поэтому я публикую на английском языке это Продолжение истории Реформации. Я не думаю, что, поскольку я сам публикуюсь на этом языке, у кого-то хватит сил или возникнет идея предпринять еще одну публикацию. Это было бы очень нехорошей спекуляцией со стороны любого книготорговца; ибо где найдется читатель, который не предпочел бы оригинальный текст, опубликованный самим Автором, переводу, сделанному незнакомцем?

Но есть более высокий вопрос — вопрос морали. Из всей собственности, которой может обладать человек, ни одна не принадлежит ему в такой степени, как труды его ума. Человек добывает плоды со своих полей в поте лица своих слуг и своих вьючных животных; а продукты своих мануфактур — трудом своих рабочих и движением своих машин; но именно своим собственным трудом, упражнением своих самых возвышенных способностей он создает произведения своего разума. Соответственно, ставя эту Историю под защиту законов, я в то же время ставлю ее под не менее надежную защиту — защиту правосудия. Я знаю, что это записано в сознании людей по ту сторону Ла-Манша и Атлантики: *У вас будет один закон, как для чужестранца, так и для жителя вашей страны: ибо Я Господь, Бог ваш.* [1] К чести английского языка я доверяю эту Работу.

Первые две книги этого Тома содержат наиболее важные эпохи Реформации — Протест Спайра и Исповедь Аугсбурга. Последние два рассказывают о введении Реформы в большинстве швейцарских кантонов и о поучительных и прискорбных событиях, связанных с катастрофой при Каппеле.

Моим желанием было также рассказать о начале английской реформации; но моя книга заполнена, и я вынужден отложить эту тему до следующей. Это правда, что я мог бы опустить некоторые вопросы, о которых здесь идет речь, но у меня были веские причины поступить наоборот. Реформация в Великобритании не имела большого значения до периода, описанного в этой книге; поэтому ход времени вынудил меня остаться на Континенте; ибо, каким бы ни было желание историка, он не может изменять даты и порядок, который Бог установил для событий в мире. Кроме того, прежде чем обратиться более конкретно к Англии, Шотландии, Франции и другим странам, я решил довести Реформацию Германии и Немецкой Швейцарии до решающих эпох 1530 и 1531 годов. Таким образом, история Реформации, правильно так называемой, в этих

странах, на мой взгляд, почти завершена. Здесь работа Веры достигла своего апогея: начинаются конференции, перерывы, дипломатия. Я, однако, не отказываюсь полностью от Германии и немецкой Швейцарии, но отныне они будут занимать меня меньше: движение шестнадцатого века приложило там свои усилия. Я с самого начала сказал: я рассказываю историю Реформации, а не протестантизма.

Однако я не без некоторого страха подхожу к истории Реформации в Англии; возможно, это сложнее, чем где бы то ни было. Я получил сообщения от некоторых наиболее уважаемых людей из различных церковных партий, которые, каждый из которых убежден в том, что их собственная точка зрения является истинной, желают, чтобы я представил историю в этом свете. Я надеюсь выполнить свою задачу беспристрастно и правдиво. Но я подумал, что было бы полезно еще некоторое время изучать принципы и факты. В настоящее время я занят этой задачей и посвящаю ей, с Божьей помощью, первую часть моего следующего Тома.

Если кто-то подумает, что я мог бы описать Реформацию в Швейцарии более кратко, я прошу моих читателей помнить, что, независимо от внутренней важности этой истории, Швейцария является родиной Автора.

Сначала я думал договориться о настоящей публикации с английскими и шотландскими книготорговцами, которые перевели предыдущие части. Отношения, которые я поддерживал с некоторыми из этих издателей, и которые завоевали мое уважение к ним, побудили меня избрать этот курс. Впоследствии они были уведомлены письмом о моей цели, и несколько месяцев спустя у меня была беседа с некоторыми из них в Глазго. Я рассказал им о своих намерениях и пожелал узнать об их. Они ответили, что не могут сообщить о них немедленно, поскольку сначала им нужно будет договориться со своими коллегами, чтобы сделать мне общее предложение. Похоже, им это не удалось. Как бы то ни было, и хотя я допускал, что прошел достаточный период времени, я не получал никаких сообщений от ассоциированных издателей. Но в то же время одно из первых издательств в Великобритании, Messrs. Оливер и Бойд из Эдинбурга, которых мне представил мой высокоуважаемый друг доктор Чалмерс, сделали мне подходящее и точное предложение. Я не мог больше ждать; и накануне моего отъезда из Лондона на Континент, после трехмесячного пребывания в Шотландии и в Англии, я договорился с ними, которые с тех пор были окончательно урегулированы, и Работа теперь является их собственностью.

Французские законы положительно относятся к защите литературной собственности во Франции, даже если она принадлежит иностранцу. Я менее знаком с английскими законами, но я не буду несправедлив к Англии, полагая, что ее законодательство превосходит французское в справедливости и нравственности.

Дж. Х. МЕРЛЬ Д'Обинье.

О-Вив, Женева, январь 1846 г..

Содержание.

КНИГА XIII.—Страница 11.

ПРОТЕСТ И КОНФЕРЕНЦИЯ.

1526-1529гг.

Двукратный движения реформы—реформы, работа Бога—первый рацион шпиль—палладий реформы—дела диеты—доклад уполномоченных—папство описано—разрушение Иерусалима—инструкции Севилья—изменение политики—В Священной Лиги—свобода вероисповедания, предложенные кризиса Реформации—итальянской войне—императорский Манифест—Итальянский поход—поход на Рим—восстание войск—Папская армия—Штурм—Куль—немецкий юмор насилия испанцев—выгодно, спокойно—Конституции Церковь—Филипп Гессен—преподобный Марбург—Ламберта парадоксы—монах Бонифаций—диспут по Хомбург—торжество Евангелия в Гессен—Конституции—церковных Синодов—два элемента в церкви—Лютер Министерства—организация церкви—зло от государственного вмешательства—Лютера письмо курфюрста—немецких масс—Меланхтону по инструкции—неудовлетворенности—посещение реформатских церквей—важный результат—Реформация авансы—Елизавета Бранденбург—благочестивая Принцесса—указ офеней—гонения—Уинклер и плотник—гонения—Кайзер—сигнализация в Германии—пакета подделки—Лига реформатских князей—Совет реформаторов—Лютера Тихоокеанская адвокат—сюрприз Папист князей—стая схема не исключено,—энергично Реформации—союз между Карлом и Климент—приметы—враждебность со стороны папистов—произвольное высказывание Чарльза—раскол завершен—протест—протест принципы—верховенство Евангелие—Союз правды и милосердия—Фердинанд отклоняет протест—Радость протестанты—ликование католиков—Питер Muterstatt—христианского единства—побег Grynæus—Меланхтону уныние—в князя, истинные реформаторы—Германия и реформы—Союз нужно реформировать—сложность Союз—Лютеранской предупреждения—предложенные конференции в Марбурге—Меланхтону и Zwingle—Zwingle вылета—слухи в Цюрихе—Хок ЭСТ корпус Меум—Обсуждение—фигурки—Писание объясняет Писание—это духовное питание—Zwingle старая песня—агитка в конференц—метафора—Христа конференции—ландграфа опосредует их последнейвстречи—Zwingle эмоции—сектантского Духа немцев—мусульмане отвергли—Христианское милосердие торжествует—реальное присутствие Лютера уныние—государство по политическим вопросам—Лютера, Битва проповедь.

КНИГА XIV.—Страница 113.

АУГСБУРГСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ.

1530г.

Два ярких уроков—Чарльз В.—немецкие посланники—смелость посланники—ландграфа по настоящее время—посланники под арестом—их освобождение и выезд—встреча Чарльза и Климент—Гаттинара предложение—Клеман возражение—война неминуема—Лютера возражений—Спаситель идет—Чарльз Согласительного язык—императора мотивы—коронация—сигнализация протестантов—Лютер проповедует пассивное сопротивление—Brüch благородный Совет—духовные доспехи—Лютер остается на Кобург—Чарльз в Innsbruck—Две

партии при дворе—чувства Гаттинара—король Дании—благочестие курфюрста—козни Romanists—Аугсбург—проповедь Евангелия—императора сообщение—проповеди запрещены—твердость курфюрст—курфюрст ответ—подготовка к исповеди—Церковь, судья—ландграфа католическим духом—Аугсбург—насилия империалистов—Чарльз-Мюнхен—Чарльз и князя—Крестный ход—выходит Аугсбург—благословение—Чарльз и Ландграф—Маркграф Бранденбург—императора молчание—отказ от интервью—агитки Чарльз—отказ князей—процессия Корпус-Кристи—раздраженно Чарльз—проповеди запрещены—предложил компромисс—компромисс—любопытство сограждан—новых проповедников—попурри из папством—Лютер призывает князей—Вени Спиритус—массовых Святого Духа—проповедь—Открытие диета—избиратель молитва—коварного плана Romanists—Валдес и Меланхтону—Евангелическо-твердость преобладает—рвению курфюрста—подписание Исповедь—Лютера тревожность—Лютера тексты Лютера к Меланхтону,—Палатинской капеллой—воспоминания и наоборот—признание—Пролог—Исповедь—обоснование—свободная воля и строительство—Вера Лютера на исповеди—нарушения—Церкви и государства—Обязанность епископов—Эпилог—заявление о признании—Церковь и государство различны—Примечания—умеренный тон исповеди—дефекты—новый Крещение—эффект на Romanists—Лютер требует религиозной свободы—Лютера доминирующей идеей—песня "Триумф"—искренняя Исповедь—надежды протестантов—провал попишу интриги императорского совета—Лютер выступает против концессии—увлечение для папистов—схема Римская врачи—Меланхтону объяснение—опровержение—Чарльз недовольства—Интервью с князьями—швейцарский Аугсбурга—Zwingle Исповедь—страдает подразделений—по месту жительства, так Вера—львиная шкура—опровержение—Империал команды—Меланхтону по предвидение—политика Шарль—бурная встреча—постановления консистории—"молитвами святых"—два чуда—императора угроза—Маска—приметы—суматоха в Аугсбурге—Филипп Гессен—искушение—Союз сопротивлялся—Ландграф—протестант стойкость—Филипп Гессен—рейс Аугсбург—сигнализации в Аугсбурге—Метаморфозы—Необычные Умеренность—Мир, Мир—смешанные комиссии—три очка—Ромиш лицемерие—главный вопрос—в церкви—опасность Концессии—делали вид, что Конкорд—Лютера букв—Слово над Церковью—Меланхтону слепоты—Папист увлечение—новая комиссия—ландграфа по твердости—двух Фантомов—уступки—Рим и христианство—раздражение—гордиев узел—совет предоставил—тревога в Риме—опасность—столкновения—свежие переговоров—протестантизм сопротивляется—Лютера призыв—курфюрста Саксонии—Углубление Аугсбург—раздражать язык—подобие исповеди—запугивание—итоговое собеседование—послания—раздражение от папистов—восстановление католицизм—смятение в церкви, Союза Церквей—папы и императора—близко диеты—Атака Женева—радость Евангелисты—установление протестантизма.

КНИГА XV.—Страница 265.

ШВЕЙЦАРИЯ—ЗАВОЕВАНИЯ.

1526-1530.

Три периода реформы—два движения в церкви—двух движений—агрессивный дух—Учитель—Фарел нового Крещения—Фарел исследований—дверь открыта,—оппозиция—Лозанна—изображение духовенства—Фарел в Лозанне—Фарел и монах—оппозиция Евангелию—преобразованный монашество—христианское единство—государство-религия—постановление Берн—альманах еретиков—Галлер—Zwingle призывом—анабаптистов в Берне—

победа Евангелия—Папист провокации—предложил спор—Возражений со стороны лесных кантонов—важный вопрос—неравной схватке—христианская группа—от Кордильер Церковь—открытие конференции—Христа единственным главой—замечательные преобразования—Сент-Винсента день—странный аргумент—Папист горечь—необходимость проведения реформ—Zwingle проповеди—благотворительность—указ реформы—Реформации упрекнуть—реформа принята, вере и любви—первой Евангельской Причастие—Вера показала на строительство—начальник Беат—угрожающий шторм—восстание Христа, в опасность—мятеж—Энергетики Берн—Победы—политические плюсы—Ромиш реликвии—монахини Святой Екатерины—конкурсы—распространение реформа—попишу чудо—препятствия в Базеле—ревность граждан—острот Эразма—полумеры—ходатайство—переполох в Базеле—полумеры отвергает—реформатская предложения—ночь террора—идолов, сломанный—час безумия реформы легализовали—Эразм Роттердамский в Базеле—возражения—принципов Реформации—Фарел комиссии—Фарел в Лозанне—Фарел в Мора—Нефшатель—Фарел ближним—Фарел проповедует—католицизм в neufchâtel—сопротивление монахов—часовне при больнице—гражданская власть применяла—Guillemette de Vugy—праздник Успения—масса прерывается—Фарел опасность—жестокое обращение с Фарел—Апостолов и реформаторы в сравнении—Фарел в соборе—идолов разрушены—взаиморасположение губернатора—размышления—планы Romanists—губернатора трудности—предварительные—ненависть и раскол,—предложил задержки—Romanist протеста—голосование—большинство реформ—Протестантизм вечное—образ святого Иоанна—чудо—католицизм и Евангелие—реакция подготовке—отказ труды—де сюжета—Фарел это белый в Фонтен—пастор Marcourt—позорно целесообразно—реформа создала—Примечания.

КНИГА XVI.—Страница 361.

ШВЕЙЦАРИЯ—КАТАСТРОФА.

1528-1531гг.

Христианская война—Цвингле—Преследования—Австрийский союз—Вражда—Христианские увещевания—Мученическая смерть Кейзера—Цвингле и война—Ошибка Цвингле—Совет Цвингле—Религиозная война—Цвингле вступает в Армию—Война—Ландамман Эбли—Вмешательство Бернцев—Швейцарское радушие—Цюрихский лагерь—Конференция—Восстановление мира—Разрыв Австрийского договора—Гимн Цвингле—Монахини Святой Екатерины—Достижения реформы—Священник Цурзакский—Реформа в Гларисе— Судебные приставы Италии—Монах из Комо—Монах из Локарно—Письмо немецкой церкви—Монахи Веттингена—Аббат Сент—Галль—Килианкуффи—Солейр—Новое чудо—Папство торжествует—Граубюндены захвачены—Предчувствия Берна—Взаимные ошибки—Провал сейма—Политическая реформация—Деятельность Цюриха—Сейм Арау—Блокада Вальдследт—Возмущение—Франция примиряется—Сейм в Бремгартене—Непреклонность пяти кантонов—Цюрих— Ложная позиция Цвингле—Великий Совет—Цвингле в Бремгартене—Явление—Агония Цвингле—Страшные предзнаменования—Комета—Спокойствие Цвингле—Новые посредники—Обманчивое спокойствие—Фатальная бездеятельность—Цюрих предупрежден—Манифесткантонов—Аббат Вольфганг—Увлечение Цюрихом—Начинается война—Страшная ночь—Война—Армия Цюриха—Отъезд Цвингле—Анна Цвингле—Армия Цюриха—Битва при Каппеле—Марш —Засада—Знамя в опасности—Знамя спасено—Ужасная резня—Резня пасторов—Последние минуты Цвингле—Варварство победителей—Горнило испытаний—

Бедствие—Цвингле мертв—Похоронная речь—Армия Цюриха—Еще одна обратная ситуация—
Бездействие бернцев—Радость романистов—Конец войны—Смерть Николампадия—
Заключение.

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ.

КНИГА XIII.

ПРОТЕСТ И КОНФЕРЕНЦИЯ. 1526-1529гг.

I. Мы были свидетелями начала, борьбы, поражений и прогресса Реформации; но конфликты, которые мы до сих пор описывали, были лишь частичными; мы вступаем в новый период — период генеральных сражений. Шпиль (1529) и Аугсбург (1530) - два названия, которые сияют более бессмертной славой, чем Марафон, Павия или Маренго. Силы, которые до настоящего времени были разделены, теперь объединяются в одну энергетическую группу; и сила Божья действует в этих блестящих действиях, которые открывают новую эру в истории народов и сообщают человечеству непреодолимый импульс. Наступил переход от средневековья к современности.

Великий протест вот-вот свершится; и хотя протестанты были в Церкви с самого начала христианства, поскольку свобода и истина не могли быть сохранены здесь, внизу, иначе как постоянными протестами против деспотизма и заблуждений, протестантизм вот-вот сделает новый шаг. Оно вот-вот станет телом и, таким образом, с большей энергией нападет на ту "тайну беззакония", которая веками принимала телесную форму в Риме, в самом храме Божьем. [2]

ДВОЙНОЕ ДВИЖЕНИЕ РЕФОРМ.

Но хотя мы должны относиться к протестам, однако не следует воображать, что Реформация - это негативная работа. В каждой сфере, в которой развивается что-либо великое, будь то в природе или обществе, действует принцип жизни — семя, которое оплодотворяет Бог. Реформация, когда она появилась в шестнадцатом веке, правда, не совершила новой работы, ибо реформация - это не формация; но она обратила свое лицо к истокам христианства, туда были направлены ее шаги; она ухватила за них с обожанием и приняла их с любовью. И все же он не был удовлетворен этим возвращением к первобытным временам. Нагруженный своим драгоценным бременем, он снова пересек интервал веков и вернул падшему и безжизненному христианскому миру священный огонь, которому было суждено вернуть ему свет и жизнь. В этом двойственном движении заключались его действие и его сила. Впоследствии, без сомнения, он отказался отустаревших форм и боролся с ошибками; но это было, так сказать, лишь наименьшее из его произведений и его третья часть. Даже протест, о котором мы должны говорить, имел своей целью восстановление истины и жизни и был, по сути, позитивным актом.

РЕФОРМИРУЙТЕ ДЕЛО БОЖЬЕ.

Это мощное и быстрое двойное действие реформы, благодаря которому были восстановлены апостольские времена в начале современной истории, исходило не от человека. Реформация не проводится произвольно, как хартии и революции в некоторых странах. Настоящая реформация, готовившаяся на протяжении многих веков, является работой Духа Божьего. До назначенного часа величайшие гении и даже самые верные Божьи слуги не могут произвести это; но когда наступает время реформирования, когда Богу угодно вмешиваться в дела мира, божественная жизнь должна расчистить проход, и она способна сама создать скромные инструменты, с помощью которых эта жизнь передается человечеству. Тогда, если люди будут молчать, сами камни будут кричать. [3]

Именно на протест Спайра (1529) мы сейчас собираемся обратить свой взор; но путь к этому протесту был подготовлен годами мира, за которыми последовали попытки достижения согласия, которые нам также придется описать. Тем не менее официальное утверждение протестантизма остается великим фактом, который преобладает в истории Реформации с 1526 по 1529 год.

Герцог Брауншвейгский привез в Германию угрожающее послание Карла Пятого. Император собирался отправиться из Испании в Рим, чтобы договориться с папой, а оттуда отправиться в Германию, чтобы обуздать еретиков. Последний призыв должен был быть адресован им сеймом Спайра в 1526 году. [4] Решающий час Реформации вот-вот должен был пробить.

25 июня 1526 года открылся сейм. В инструкциях, датированных Севильей 23 марта, император приказал, чтобы церковные обычаи соблюдались в полном объеме, и призвал сейм наказывать тех, кто отказался выполнять вормсский эдикт, [5] Сам Фердинанд находился в Шпиле, и его присутствие делало эти приказы более грозными. Никогда еще враждебность, которую римские приверженцы питали к евангелическим князьям, не проявлялась столь разительно. "Фарисеи, - сказал Спалатин, - преследуют Иисуса Христа с неистовой ненавистью". [6]

ПАЛЛАДИЙ РЕФОРМ.

Никогда еще евангельские князья не выказывали столько надежды. Вместо того, чтобы казаться испуганными и дрожащими, как провинившиеся люди, они приближались в окружении слугителей Слова с поднятыми головами и жизнерадостными взглядами. Их первым шагом было попросить место для поклонения. Епископ Шпира, граф-палатин Рейнский, с негодованием отклонил эту странную просьбу, [7] князья пожаловались на это как на несправедливость и приказали своим министрам ежедневно проповедовать в залах своих дворцов. Огромная многотысячная толпа из города и деревни немедленно заполнила их. [8] Напрасно в праздничные дни Фердинанд, ультрамонтанские князья и епископы помогали в пышном римском богослужении в прекрасном соборе Шпиля; неприкрашенное Слово Божье, проповедуемое в протестантских вестибюлях, захватило слушателей, и месса была отслужена в пустой церкви. [9]

Не только министры, но и рыцари и конюхи, "простые идиоты", которые, не в силах сдержать свое рвение, повсюду превозносили Слово Господне. [10] Все последователи евангельских князей носили на своих правых руках вышитые буквы: V. D. M. I. A., что означает "Слово

Господне пребывает вовеки". [11] Ту же надпись можно прочесть на гербах принцев, подвешенных над их отелями. Слово Божье — таков с этого момента был палладиум Реформы.

Это было еще не все. Протестанты знали, что простого богослужения недостаточно: поэтому ландграф призвал курфюрста отменить некоторые "придворные обычаи", которые позорили Евангелие. В результате эти два принца составили образ жизни, запрещающий пьянство, разврат и другие порочные обычаи, распространенные во время диеты. [12]

ТВЕРДОСТЬ РЕФОРМАТОРОВ.

Возможно, протестантские князья иногда высказывали свое несогласие сверх того, чего требовало благоразумие. Они не только не ходили к мессе и не соблюдали предписанные посты, но, более того, в скудные дни их слуги были замечены публично несущими блюда с мясом и дичью, предназначенные для столов их хозяев, и пересекающими, как говорит Кохлус, в присутствии всей аудитории зала, в которых совершалось богослужение. "Это было сделано, - говорит этот автор, - с намерением привлечь католиков вкусом мяса и вин". [13]

Фактически у курфюрста был многочисленный двор: семьсот человек составляли его свиту. Однажды он устроил банкет, на котором присутствовали двадцать шесть принцев со своими кавалерами и советниками. Они продолжали играть до очень позднего времени — десяти вечера. Все в герцоге Джоне говорило о том, что он самый могущественный принц империи. Юный ландграф Гессенский, полный рвения и знаний, а также силы первой христианской любви, производил еще более глубокое впечатление на тех, кто приближался к нему. Он часто спорил с епископами и, благодаря своему знакомству со Священным Писанием, легко затыкал им рты. [14]

Эта твердость друзей Реформации принесла плоды, превзошедшие их ожидания. Обманываться больше было невозможно: дух, проявленный в этих людях, был духом Библии. Повсюду скипетр выпадал из рук Рима. "Закваска Лютера, - сказал ревностный папист, - приводит к брожению весь народ Германии, и сами иностранные нации взбудоражены грозными движениями". [15]

Сразу стало видно, насколько велика сила глубоких убеждений. Государства, которые были хорошо настроены по отношению к Реформе, но которые не осмелились публично заявить о своей приверженности, осмелели. Нейтральные государства, требовавшие упокоения империи, приняли решение выступить против вормсского эдикта, исполнение которого вызвало бы волнения по всей Германии, и папистские государства потеряли свою смелость. Лук могущественного был сломан. [16]

ЗАСЕДАНИЯ СЕЙМА.

Фердинанд не считал нужным в столь критический момент сообщать сейму о суровых инструкциях, которые он получил из Севильи. [17] Он заменил предложение таким образом, чтобы оно удовлетворяло обе стороны.

Мирыне немедленно восстановили влияние, которого их лишило духовенство. Церковники воспротивились предложению коллегии принцев о том, чтобы сейм занялся церковными злоупотреблениями, но их усилия оказались тщетными. Несомненно, неполитическое собрание

было бы предпочтительнее сейма, но это уже означало, что религиозные вопросы больше не должны регулироваться исключительно священниками.

Депутаты от городов, получив сообщение об этой резолюции, призвали к отмене любого обычая, противоречащего вере в Иисуса Христа. Напрасно епископы восклицали, что вместо того, чтобы отменять мнимые злоупотребления, им было бы гораздо лучше сжечь все книги, которыми Германия была наводнена за последние восемь лет. "Ты желаешь, - был ответ, - похоронить всю мудрость и знание". [18] Просьба городов была удовлетворена, [19] и сейм был разделен на комитеты по отмене злоупотреблений.

Тогда проявилось глубокое отвращение, внушаемое римскими священниками. "Духовенство, - сказал депутат от Франкфурта, - насмехается над общественным благом и заботится только о своих собственных интересах". "Миряне, - сказал депутат от герцога Георга, - принимают спасение христианского мира гораздо ближе к сердцу, чем духовенство".

ОПИСАННОЕ ПАПСТВО.

Комиссии представили свой отчет: люди были поражены им. Никогда еще люди не высказывались так открыто против папы и епископов. Комиссия князей, в состав которой входили священнослужители и миряне в равном количестве, предложила сплав папства и реформы. "Священникам было бы лучше жениться, - говорили они, - чем держать в своих домах женщин с дурной славой; каждый мужчина должен иметь право общаться под одной или обеими формами; немецкий и латынь могут в равной степени использоваться на Вечере Господней и при крещении; что касается других таинств, то пусть они будут сохранены, но совершаются безвозмездно. Наконец, пусть Слово Божье проповедуется в соответствии с толкованием Церкви (таково было требование Рима), но всегда объясняя Писание по Писанию" (это был великий принцип Реформации). Таким образом, был сделан первый шаг к национальному союзу. Еще несколько усилий, и вся немецкая раса пошла бы в направлении Евангелия.

Евангельские христиане при виде этой великолепной перспективы удвоили свои усилия. "Твердо придерживайтесь доктрины", - сказал курфюрст Саксонии своим советникам. [20] В то же время разносчики в каждой части города продавали христианские брошюры, короткие и легко читаемые, написанные на латыни и немецком и украшенные гравюрами, в которых яростно критиковались ошибки Рима. [21] Одна из этих книг называлась *"Папство с его членами, нарисованное и описанное доктором Лютером"*. На нем были изображены папа римский, кардинал, а затем все религиозные ордена, которых насчитывалось более шестидесяти, каждый со своими костюмами и описанием в стихах. Под изображением одного из этих орденов были следующие строки:

Жадные священники, видите ли, купаются в золоте,
Забыв о смиренном Иисусе:

под другим:

Мы запрещаем вам читать
Библию, чтобы она не ввела вас в заблуждение! [22]

и меньше трети:

Мы можем поститься и молиться еще усерднее,
Когда кладовая переполнена. [23]

"Ни один из этих орденов, - сказал Лютер читателю, - не думает ни о вере, ни о милосердии. Этот носит тонзуру, другой - капюшон; этот - плащ, тот - рясу. Один белый, другой черный, третий серый, а четвертый синий. Вот один из них держит зеркало, вон тот - ножницы. У каждого свои игрушки Ах! это черви палмера, саранча, язвенные черви и гусеницы, которые, как говорит Джозел, съели всю землю". [24]

РАЗРУШЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА.

Но если Лютер использовал бичи сарказма, он также трубил в трубу пророков; и это он сделал в работе, озаглавленной *Разрушение Иерусалима*. Проливая слезы, подобно Иеремии, он обличал немецкий народ в разорении, подобном разорению Святого Города, если они, подобно ему, отвергнут Евангелие. [25] "Бог передал нам все свои сокровища", - воскликнул он; "он стал человеком, он служил нам, [26] он умер за нас, он воскрес, и у него есть так открылись врата рая, чтобы все могли войти.....Час благодати настал.....Благая весть провозглашена.....Но где город, где князь, принявший ее? Они оскорбляют Евангелие: они обнажают меч и дерзко хватают Бога за бороду. [27].....Но подождите... Он обернется; одним ударом он сломает им челюсти, и вся Германия превратится в одни сплошные руины".

Эти работы пользовались очень большим спросом. [28] Их читали не только крестьяне и горожане, но также дворяне и принцы. Оставив священников одних у подножия алтаря, они бросились в объятия нового Евангелия. [29] Необходимость реформы злоупотреблений была провозглашена 1 августа генеральным комитетом.

ИНСТРУКЦИИ СЕВИЛЬИ.

Затем Рим, который, казалось, дремал, пробудился. Фанатичные священники, монахи, церковные князья - все окружили Фердинанда. Хитрость, подкуп - не жалели ничего. Разве у Фердинанда не было инструкций из Севильи? Отказаться от их публикации означало привести к гибели Церковь и империю. Пусть голос Карла противопоставит свое могущественное *вето* головокружению, которое торопит Германию вперед, говорили они, и Германия будет спасена! Фердинанд принял решение и, наконец, 3 августа опубликовал декрет, составленный более четырех месяцев назад в поддержку Вормсского эдикта. [30]

Вот-вот начнутся гонения; реформаторов бросят в темницы, и меч, обнаженный на берегах Гвадалквивира, наконец-то пронзит лоно Реформы.

Эффект императорского указа был огромен. Перелом дерева оси не приводит к более серьезному ограничению скорости железнодорожного состава. Курфюрст и ландграф объявили, что они собираются покинуть сейм, и приказали своим слугам готовиться к их отъезду. Кто же самое время депутаты от городов потянулись к этим двум князьям, и Реформация оказалась на грани немедленного вступления в борьбу с папой римским и Карлом Пятым.

Но оно еще не было готово к всеобщей борьбе. Дереву было необходимо пустить свои корни поглубже, прежде чем Всемогущий освободит его от штормовых ветров. Дух слепоты, подобный тому, который в прежние времена был наслан на Саула и Ирода, [31] затем овладел великим врагом Евангелия; и таким образом Божественное Провидение спасло реформу в ее колыбели.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ.

Первая часть неприятностей закончилась. Друзья Евангелия начали обдумывать дату получения императорских инструкций и взвешивать новые политические комбинации, которые, казалось, возвещали миру о самых неожиданных событиях. "Когда император писал эти письма, - говорили города Верхней Германии, - он был в хороших отношениях с папой римским, но теперь все изменилось. Утверждается даже, что он сказал Маргарет, своему заместителю в Нидерландах, действовать *мягко* в отношении Евангелия. Давайте пошлем к нему депутацию". В этом не было необходимости. Карл не стал ждать до сих пор, чтобы принять другое решение. Ход государственных дел, сделав внезапный поворот, устремился по совершенно новому пути. Реформе вот-вот должны были быть дарованы годы мира.

ПРЕДЛАГАЕТСЯ СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ.

Климент VII, которого Карл собирался посетить, согласно указанию Севильи, чтобы получить в самом Риме и из его священных рук императорскую корону, а взамен передать понтифику Евангелие и Реформацию, — Климент VII, охваченный странным увлечением, внезапно обратился против этого могущественного монарха. Император, не желая во всем потакать его честолюбию, выступил против его притязаний на владения герцога Феррарского. Климент немедленно пришел в ярость и закричал, что Карл хотел поработить полуостров, но что пришло время восстановить независимость Италии. Эта великая идея независимости Италии, поддерживаемая в тот период немногочисленными литераторами, не проникла, как сейчас, в массы нации. Поэтому Климент поспешил прибегнуть к политическим комбинациям. Папа, венецианцы и король Франции, едва вернувший себе свободу, образовали *священную лигу*, хранителем и покровителем которой буллой был провозглашен король Англии. [32] В июне 1526 года император распорядился представить папе самые благоприятные предложения; но эти авансы оказались безрезультатными, и герцог Сесский, посол Карла в Риме, возвращаясь верхом со своей последней аудиенции, посадил позади себя придворного шута, который с помощью тысячи обезьяньих трюков дал римскому народу понять, как они смеялись над проектами папы. Последний ответил на эти бравады кратким письмом, в котором угрожал императору отлучением от церкви, и, не теряя времени, двинул свои войска в Ломбардию, в то время как Милан, Флоренция и Пьемонт выступили за Священную лигу. Так Европа готовилась отомстить за триумф Павии.

Карл не колебался. Он повернул направо так же быстро, как папа римский повернул налево, и резко повернулся к князьям-евангелистам. "Давайте приостановим действие Вормсского эдикта, - писал он своему брату. - Давайте мягкостью вернем сторонников Лютера и добрым советом добьемся торжества евангельской истины". В то же время он потребовал, чтобы курфюрст, ландграф и их союзники выступили вместе с ним против турок — или против Италии, ради общего блага христианского мира.

Фердинанд колебался. Завоевать дружбу лютеран означало лишиться дружбы других князей. Последние уже начали высказывать яростные угрозы. [33] Сами протестанты не очень стремились пожать руку императору. "Это Бог, сам Бог, который спасет свои церкви". [34]

Что было делать? Вормсский эдикт нельзя было ни отменить, ни привести в исполнение.

КРИЗИС РЕФОРМАЦИИ.

Эта странная ситуация неизбежно привела к желаемому решению: свободе вероисповедания. Первая идея об этом пришла в голову городским депутатам. "В одном месте, - сказали они, - сохранились древние церемонии; в другом они были отменены; и оба считают, что они правы. Давайте позволим каждому поступать так, как он считает нужным, до тех пор, пока совет не восстановит желаемое единство Словом Божьим ". Эта идея получила одобрение, и *перерыв* в работе сейма, датированный 27 августа, постановил, что в течение года должен быть созван всеобщий или, по крайней мере, национальный свободный совет, который должен просить императора как можно скорее вернуться в Германию, и что до тех пор каждое государство должно вести себя на своей территории таким образом, чтобы иметь возможность отчитаться перед Богом и императором. [35]

Таким образом, они избежали своего затруднения средним путем; и на этот раз это был действительно правильный путь. Каждый отстаивал свои права, признавая права другого. Сейм 1526 года образует важную эпоху в истории: древняя власть, власть средневековья, поколеблена; новая власть, власть нового времени, продвигается вперед; религиозная свобода смело противостоит римскому деспотизму; мирской дух преобладает над духовным духом. В этом единственном шаге заключена полная победа: дело Реформы выиграно.

И все же об этом мало кто подозревал. На следующий день после того, как был опубликован *перерыв*, Лютер написал другу: "Сейм заседает в Шпиле по немецкой моде. Они пьют и играют в азартные игры, и, кроме этого, ничего не делается". [36] "Конгресс танцующих и не марш пас", [37] была сказано в наши дни. Это происходит потому, что великие дела часто совершаются под видом легкомыслия, и потому, что Бог осуществляет свои замыслы, неизвестные даже тем, кого он использует в качестве своих инструментов. В этой диете проявились серьезность и любовь к свободе совести, которые являются плодами христианства и которые в шестнадцатом веке получили свое самое раннее, если не самое энергичное развитие среди немецких народов.

Однако Фердинанд все еще колебался. Магомет сам пришел на помощь Евангелию. Людовик, король Венгрии и Богемии, утонувший при Мохаче 29 августа 1526 года, спасаясь от Солимана II, завещал корону этих двух королевств Фердинанду. Но герцог Баварский, правитель Трансильвании и, прежде всего, ужасный Солиман оспорил это против него. Этого было достаточно, чтобы занять брата Карла: он оставил Лютера и поспешил оспорить два трона.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

II. Император немедленно пожал плоды своей новой политики. У него больше не были связаны руки Германией, и он обратил их против Рима. Реформация была возвышена, а папство должно

было быть унижено. Удары, нанесенные его безжалостному врагу, должны были открыть евангелической работе новую дорогу.

Фердинанд, которого задержали венгерские дела, поручил руководство итальянской экспедицией Фрейндсбергу, тому старому генералу, который дружески похлопал Лютера по плечу, когда реформатор собирался предстать перед вормсским сеймом. [38] Этот ветеран, по словам современника, [39] который "нес в своем рыцарском сердце святое Евангелие Божье, хорошо укрепленное и окруженное крепкой стеной", поклялся своей жене он разослал вербовочные отряды во все города Верхней Германии и, благодаря волшебной идее войны против папы римского, вскоре стал свидетелем того, как толпы солдат стеклись под его знамена. "Объяви, — сказал Чарльз своему брату, - объяви, что армия выступает против турок; каждый поймет, что имеется в виду под турками".

Таким образом, могущественный Карл, вместо того чтобы выступить вместе с папой против Реформы, как он угрожал в Севилье, выступает вместе с Реформой против папы. Несколько дней было достаточно, чтобы произвести эту перемену направления: в истории мало таких, в которых рука Божья проявлялась более явно. Карл немедленно напустил на себя вид реформатора. 17 сентября он обратился к Папе с манифестом, [40] в котором он упрекает его в том, что он ведет себя не как отец верующих, а как наглый и надменный человек; [41] и выражает свое удивление тем, что, будучи наместником Христа, он осмеливается проливать кровь ради приобретения земных благ, "что, - добавил он, - совершенно противоречит евангельскому учению". [42] Лютер не мог бы выразиться лучше. "Пусть ваше святейшество, - продолжал Карл Пятый, - вернет меч святого Петра в ножны и созовет святой и вселенский собор". Но меч был гораздо больше по вкусу понтифику, чем совет. Разве папство, по мнению римских докторов, не является источником двух сил? Разве она не может свергать королей и, следовательно, бороться против них? [43] Чарльз приготовился ответить "око за око и зуб за зуб". [44]

ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ.

Теперь началась та ужасная кампания, во время которой на Рим и папство обрушилась буря, которой было суждено обрушиться на Германию и Евангелие. По силе ударов, нанесенных папскому городу, мы можем судить о серьезности тех, которые разнесли бы вдребезги реформатские церкви. Вспоминая так много сцен ужаса, мы постоянно нуждаемся в напоминании о том, что наказание города с семью холмами было предсказано Божественными Писаниями. [45]

ПОХОД НА РИМ.

В ноябре месяце Фройндсберг во главе пятнадцати тысяч человек был у подножия Альп. Старый генерал, избегая военных дорог, которые хорошо охранялись врагом, бросился по узкой тропинке над страшными пропастями, которые несколько ударов мотыгой сделали бы непроходимыми. Солдатам запрещено оглядываться назад; тем не менее их головы поворачиваются, ноги скользят, а конные и пешие время от времени падают в пропасть. В самых трудных проходах самые уверенные в себе пехотинцы опускают свои длинные пики справа и слева от своего престарелого командира в качестве барьера, и Фрейндсберг продвигается вперед, цепляясь за ланскене впереди и подталкиваемый тем, кто сзади. За три дня переходят Альпы, и 19 ноября армия достигает территории Брешии.

Коннетабль Бурбонский, который после смерти Пескары был главнокомандующим императорской армией, только что вступил во владение миланским герцогством. Император пообещал ему это завоевание в качестве вознаграждения, и Бурбон был вынужден остаться там на некоторое время, чтобы укрепить свою власть. Наконец, 12 февраля он и его испанские войска присоединились к армии Фройндсберга, которая начинала терять терпение из-за его задержек. У коннетабля было много людей, но не было денег; поэтому он решил последовать совету герцога Феррарского, этого заклятого врага князей Церкви, и отправиться прямо в Рим. [46] Вся армия встретила это известие радостными криками. Испанцы были преисполнены желания отомстить Карлу Пятому, а немцев переполняла ненависть к папе: все ликовали в надежде получить свое жалованье и наконец щедро вознаградить свои труды сокровищами христианского мира, которые Рим копил веками. Их крики эхом отдавались за Альпами. Каждый человек в Германии думал, что настал последний час папства, и приготовился созерцать его падение. "Войска императора торжествуют в Италии, - писал Лютер. - Папу посещают отовсюду. Его гибель близка; его час и его конец настали". [47]

ВОССТАНИЕ ВОЙСК.

Несколько незначительных преимуществ, полученных папскими солдатами в Неаполитанском королевстве, привели к заключению перемирия, которое должно было быть ратифицировано папой и императором. При этом известии в армии коннетабля поднялся страшный переполох. Испанские войска взбунтовались, вынудили его бежать и разграбили его палатку. Затем, приблизившись к ланскенцам, они начали кричать так громко, как только могли, единственные немецкие слова, которые они знали: *Копье! копье! деньги! деньги!* [48] Эти слова нашли отклик в сердцах империалистов; они, в свою очередь, были тронуты и тоже начали кричать изо всех сил: *Копье! копье! деньги! деньги!* Фройндсберг собрался с силами и, выстроив солдат вокруг себя и своих старших офицеров, спокойно спросил, не покидал ли он их когда-нибудь. Все было бесполезно. Старая привязанность, которую ланскенцы питали к своему лидеру, казалось, угасла. В их сердцах вибрировала только одна струна: они должны были получить жалованье и повоевать. Соответственно, опустив свои копья, они представили их, как будто собирались убить своих офицеров, и снова начали кричать: "Копье! копье! деньги! деньги!" — Фрейндсберг, которого никогда не пугала никакая, даже самая многочисленная армия! Фрейндсберг, который привык говорить: "чем больше врагов, тем выше честь", увидев этих ланскенцев, на голову которых он навел седину, нацеливших на него свою смертоносную сталь, потерял дар речи и упал без чувств на барабан, словно пораженный ударом молнии. [49] Сила генерала-ветерана была сломлена навсегда. Но вид их умирающего капитана произвел на ланскенцев эффект, которого не смогла бы произвести никакая речь. Все копья были подняты, и взволнованные солдаты отступили, опустив глаза. Четыре дня спустя к Фройндсбергу вернулся дар речи. "Вперед, - сказал он констеблю, - сам Бог приведет нас к цели". Вперед! вперед! - повторили ланскенеты. У Бурбонов не было другого выхода: кроме того, ни Карл, ни Климент не желали слушать никаких мирных предложений. Фрейндсберга перевезли в Феррару, а затем в его замок Миндельхайм, где он скончался после восемнадцатимесячной болезни; а 18 апреля Бурбоны вышли на большую дорогу в Рим, по которой уже прошло столько грозных армий, наступавших с севера.

НАПАДЕНИЕ.

В то время как буря, спускавшаяся с Альп, приближалась к вечному городу, папа потерял присутствие духа, отослал свои войска и оставил при себе только телохранителей. Правда, более тридцати тысяч римлян, способных носить оружие, демонстрировали свою храбрость на улицах, волоча за собой длинные мечи, ссорясь и сражаясь; но эти граждане, жаждущие наживы, мало думали о защите папы и, напротив, желали, чтобы Карл великолепный приехал и поселился в Риме, надеясь извлечь большую выгоду из своего пребывания.

Вечером 5 мая Бурбон прибыл под стены столицы; и он начал бы штурм в тот самый момент, если бы у него были лестницы. Утром 6-го армия, скрытая густым туманом, который скрывал их передвижения, [50] была приведена в движение, испанцы маршировали к своей позиции над воротами Святого Духа, а немцы ниже. [51] Констебль, желая подбодрить своих солдат, схватил стремянку, взобрался на стену и позвал их следовать за ним. В этот момент в него попал мяч, он упал и через час скончался. Таков был конец этого несчастного человека, предателя своего короля и своей страны, которого подозревали даже его новые друзья.

Его смерть не только не остановила, но только возбудила армию. Клавдиус Зайденштукер, схватив свой длинный меч, первым преодолел стену; за ним последовал Михаэль Хартманн, и эти два реформированных немца воскликнули, что сам Бог шествует перед ними в облаках. Ворота были открыты, армия хлынула внутрь, предместья были взяты, и папа, окруженный тринадцатью кардиналами, бежал в замок Святого Анджело. Империалисты, во главе которых теперь стоял принц Оранский, предложили ему мир при условии, что он заплатит триста тысяч крон. Но Климент, который думал, что Священная лига вот-вот освободит его, и которому казалось, что он уже видит их передовых всадников, отверг все предложения. После четырехчасового перерыва атака возобновилась, и через час после захода солнца армия овладела всем городом. Он оставался под ружьем и в полном порядке до полуночи, испанцы - на Пьяцца Навона, а немцы - в Кампофьоре. Наконец, не увидев никаких проявлений ни войны, ни мира, солдаты разошлись и бросились грабить.

МЕШОК.

Затем началось знаменитое "Разграбление Рима". Папство веками помещало информацию о христианском мире в прессу. Пребанды, аннаты, юбилеи, паломничества, церковные милости — на всем этом она зарабатывала деньги. Эти жадные войска, которые месяцами жили в нищете, решили заставить ее извергнуться. Никто не был пощажен: имперцы - не больше, чем ультрамонтане, гибеллины - не больше, чем гвельфы. Церкви, дворцы, монастыри, частные дома, базилики, банки, гробницы — все было разграблено, даже золотое кольцо, которое труп Юлия II все еще носил на пальце. Испанцы проявили величайшее искусство; они вынюхивали и обнаруживали сокровища в самых таинственных тайниках; но неаполитанцы были еще более дерзкими. [52] "Со всех сторон были слышны, - говорит Гвиччардини, - жалобные вопли римских женщин и монахинь, которых солдаты группами утаскивали, чтобы утолить свою похоть". [53]

НЕМЕЦКИЙ ЮМОР.

Поначалу немцы находили определенное удовольствие в том, чтобы заставить папистов почувствовать тяжесть своих мечей. Но вскоре, довольные тем, что нашли еду и питье, они стали более миролюбивы, чем их союзники. Гнев лютеран особенно выплескивался на те вещи, которые римляне называли "святыми". Они унесли чаши, пиксы, серебряные подношения и облачили своих слуг и мальчишек в священнические одежды. [54] Кампофьоре был превращен

в огромный игорный дом. Солдаты принесли туда золотые сосуды и мешки, полные крон, поставили их на один бросок костей, а после проигрыша отправились на поиски других. Некий Симон Баптиста, предсказавший разграбление города, был брошен папой в тюрьму; немцы освободили его и заставили пить вместе с ними. Но, подобно Иеремии, он пророчествовал против всех. "Грабьте, грабьте, - кричал он своим освободителям. - Однако вы должны вернуть все; деньги солдат и золото священников пойдут тем же путем".

Ничто так не радовало немцев, как насмешки над папским двором. "Многих прелатов, - говорит Гвиччардини, - проехали на ослах по всему Риму". [55] После этой процессии епископы заплатили свой выкуп; но они попали в руки испанцев, которые заставили их заплатить его во второй раз. [56]

Однажды ланскенет по имени Гийом де Сент-Челль облачился в папские одежды и возложил себе на голову тройную корону; другие, украсившись красными шляпами и длинными одеяниями кардиналов, окружили его; и все они, проехав процессией на ослах по улицам города, прибыли, наконец, к замку Святого Анджело, где жил Климент VII. удалился. Тут солдаты-кардиналы вышли и, приподняв полы своих мантий, поцеловали ноги мнимого понтифика. Последние выпили за здоровье Климента VII, кардиналы, преклонив колени, сделали то же самое и воскликнули, что отныне они будут благочестивыми папами и хорошими кардиналами, которые будут заботиться о том, чтобы не разжигать войн, как это делали все их предшественники. Затем они сформировали конклав, и папа объявил в своей консистории, что он намерен сложить с себя папский престол, все немедленно подняли руки для избрания и закричали: "Лютер - папа! Лютер - папа римский!" [57] Никогда еще понтифик не провозглашался с таким совершенным единодушием. Таков был характер немцев.

НАСИЛИЕ ИСПАНЦЕВ.

Испанцы так легко их не отпустили. Климент VII. назвал их "маврами" и опубликовал полное снисхождение для того, кто убьет любого из них. Поэтому ничто не могло сдержать их ярость. Эти верные католики предавали прелатов смерти в условиях ужасных пыток, намереваясь вымогать у них их сокровища: они не щадили ни ранга, ни пола, ни возраста. Только после того, как разграбление продолжалось десять дней, была собрана добыча в десять миллионов золотых крон и погибло от пяти до восьми тысяч жертв, спокойствие начало в какой-то степени восстанавливаться.

Так погиб папский город в результате длительного и жестокого разграбления, и то великолепие, которым Рим с начала шестнадцатого века наполнял мир, померкло за несколько часов. Ничто не могло спасти этот надменный город от наказания, даже молитвы его врагов. "Я бы не хотел, чтобы Рим был сожжен, - воскликнул Лютер. - Это было бы чудовищным деянием". [58] Опасения Меланхтона были еще острее: "Я трепещу за библиотеки, - сказал он. - Мы знаем, насколько ненавистны книги на Марсе". [59] Но, несмотря на эти пожелания реформаторов, город Льва X. подвергся Божьему суду.

Климент VII, осажденный в замке Святого Анджело и опасавшийся, что враг подорвет его убежище на воздух своими минами, наконец капитулировал. Он отказался от всякого союза против Карла Пятого и обязался оставаться пленником до тех пор, пока не выплатит армии четыреста тысяч дукатов. Евангельские христиане с изумлением взирали на этот суд Господень. "Такова, - говорили они, - империя Иисуса Христа, что император, преследующий Лютера из-за

папы Римского, вынужден погубить Папу вместо Лютера. Все служит Господу и обращается против его противников". [60]

ВЫГОДНОЕ СПОКОЙСТВИЕ.

III. И в самом деле, Реформе требовалось несколько лет отдыха, чтобы она могла разрастись и набраться силы; и она не могла наслаждаться миром, если только ее великие враги не воевали друг с другом. Безумие Климента VII. было как бы *громоотводом* Реформации, и разорение Рима укрепило Евангелие. Это был выигрыш не только на несколько месяцев; с 1526 по 1529 год в Германии царило затишье, которым воспользовалась Реформация, чтобы организовать и расширяться. Теперь обновленной церкви должна была быть дана конституция.

Когда папское иго было сброшено, требовалось восстановить церковный порядок. Восстановить их древнюю юрисдикцию перед епископами было невозможно, поскольку эти континентальные прелаты утверждали, что они были, в определенном смысле, слугами папы Римского. Поэтому требовалось новое положение вещей под страхом того, что Церковь погрузится в анархию. Для этого были приняты соответствующие меры. Именно тогда евангельские народы окончательно отделились от того деспотического владычества, которое веками держало в рабстве весь Запад.

Уже дважды сейм хотел сделать реформу Церкви национальным делом; император, папа и несколько князей были против этого; поэтому сейм Спайра возложил на каждое государство задачу, которую оно не могло выполнить само.

Но какой конституцией они собирались заменить папскую иерархию?

Они могли, подавляя папу, сохранить епископальный порядок: это была форма, наиболее приближенная к той, которая находилась на грани уничтожения.

Они могли бы, напротив, восстановить церковный порядок, обратившись к верховенству Слова Божьего и восстановив права христианского народа. Эта форма была наиболее удаленной от римской иерархии. Между этими двумя крайностями существовало несколько промежуточных звеньев.

ФИЛИПП ГЕССЕНСКИЙ.

Последний план принадлежал Цвингле, но цюрихский реформатор не осуществил его полностью. Он не призывал христианский народ осуществлять суверенитет и остановился на совете двухсот как представляющий Церковь. [61]

Шаг, перед которым Цвингле колебался, мог быть сделан, и это было так. Принц не уклонился от того, что встревожило даже республики. Евангелическая Германия, в тот момент, когда она начала пробовать свои силы в церковных конституциях, начала с того, что нанесло самый глубокий урон папской монархии.

Однако такая система могла быть внедрена не в Германии. Если аристократической Англии было суждено цепляться за епископальную форму, то покорной Германии было суждено,

скорее, остановиться на правительственной среде. Крайняя демократическая форма возникла в Швейцарии и Франции. Затем один из предшественников Кальвина поднял тот флаг, который могучая рука женевого реформатора должна была поднять снова спустя годы и водрузить во Франции, Швейцарии, Голландии, Шотландии и даже в Англии, откуда столетие спустя он пересек Атлантику и призвал Северную Америку занять свое место среди наций.

Ни один из евангельских князей не был таким предприимчивым, как Филипп Гессенский, которого сравнивали с Филиппом Македонским по хитрости и с его сыном Александром по храбрости. Филипп понял, что религия, наконец, приобретает должное значение; и, далекий от того, чтобы противостоять великому развитию, которое волновало людей, он привел себя в гармонию с новыми идеями.

Утренняя звезда возшла для Гессена почти в то же время, что и для Саксонии. В 1517 году, когда Лютер проповедовал в Виттемберге безвозмездное отпущение грехов, в Марбурге были замечены мужчины и женщины, которые тайно направлялись к одному из городских рвов и там, возле уединенной бойницы, слушали слова, доносившиеся изнутри и проповедовавшие доктрины утешения через решетку. Это был голос францисканца Джеймса Лимбурга, который, заявив, что на протяжении пятнадцати веков священники фальсифицировали Евангелие Христа, был брошен в это мрачное подземелье. Эти таинственные собрания продолжались две недели. Внезапно голос смолк; эти уединенные собрания были обнаружены, и францисканца, вырванного из своей кельи, поспешно увели через Ланберг в какое-то неизвестное место. Недалеко от Цигенберга к нему подошли несколько плачущих жителей Марбурга и, поспешно сорвав брезент, которым была прикрыта его машина, спросили его: "Куда ты направляешься?" "Где пожелает Бог", - спокойно ответил монах. [62] Больше о нем не говорили, и неизвестно, что с ним стало. Подобные исчезновения - обычное дело для папства.

Едва Филипп одержал верх в сейме Спайра, как решил посвятить себя преобразованию своих наследственных штатов.

Парадоксы Ламберта.

Его решительный характер заставил его склониться к швейцарской реформе: следовательно, он не принадлежал к числу умеренных, в которых нуждался. В Шпиле у него завязалась связь с Джеймсом Штурмом, депутатом от Страсбурга, который рассказал ему о Фрэнсисе Ламбере из Авиньона, который тогда находился в Страсбурге. Обладая приятной внешностью и решительным характером, Ламберт добавил к южному огню настойчивости Севера. Он был первым во Франции, кто сбросил капюшон, и с тех пор не переставал призывать к радикальной реформе в Церкви. "Раньше, - сказал он, - когда я был лицемером, я жил в достатке; теперь я экономно питаюсь хлебом насущным со своей маленькой семьей"; [63] но я предпочел бы быть бедным в царстве Христа, чем обладать изобилием золота в развратных жилищах папы Римского". Ландграф увидел, что Ламберт именно такой человек, какой ему нужен, и пригласил его к своему двору.

Ламберт, желая подготовить реформу Гессена, составил сто пятьдесят восемь тезисов, которые он озаглавил "парадоксы", и вывесил их, по обычаю того времени, на дверях церкви.

Друзья и враги немедленно столпились вокруг них. Некоторые римские католики снесли бы их, но реформатские горожане оставались начеку и, созвав синод на площади, обсуждали, развивали, доказывали эти положения и высмеивали гнев папистов.

БРАТ БОНИФАЦИЙ.

Молодой священник Бонифаций Дорнеманн, полный самомнения, которого епископ в день его хиротонии превозносил выше Павла за его ученость и выше Пресвятой Девы за его целомудрие, обнаружив, что ему не дотянуться до плаката Ламберта, одолжил табурет и, окруженный многочисленной аудиторией, начал читать предложения вслух. [64]

"Все, что деформировано, должно быть исправлено. Только Слово Божье учит нас тому, что должно быть так, и все реформы, которые осуществляются иначе, тщетны". [65]

Это был первый тезис. "Хм!" - сказал молодой священник. - "Я не буду нападать на это". Он продолжил.

"Судить о вопросах веры принадлежит Церкви. Теперь Церковь - это собрание тех, кто объединен одним и тем же духом, одной и той же верой, одним и тем же Богом, одним и тем же Посредником, одним и тем же Словом, которым только они управляются и в котором только они имеют жизнь". [66]

"Я не могу оспорить это предложение", - сказал священник. [67] Он продолжил чтение со своего табурета.

"Слово - это истинный ключ. Царство небесное открыто для того, кто верит Слову, и закрыто для того, кто в него не верит. Следовательно, тот, кто действительно обладает Словом Божиим, обладает силой ключей. Все остальные ключи, все постановления соборов и пап, а также все правила монахов не имеют ценности".

Брат Бонифаций покачал головой и продолжил.

ДИСПУТ В ГОМБУРГЕ.

"Поскольку священство Закона было упразднено, Христос - единственный бессмертный и вечный священник, и он, в отличие от людей, не нуждается в преемнике. Ни епископ Рима, ни какой-либо другой человек в мире не является его представителем здесь, внизу. Но все христиане с момента основания Церкви были и остаются участниками его священства".

Это предложение пахивало ересью. Дорнеман, однако, не был обескуражен; и то ли по слабоумию, то ли от озарения, при каждом предложении, которое не слишком шокировало его предубеждения, он не упускал случая повторить: "Конечно, я не стану нападать на это!" Люди с изумлением слушали, когда один из них, — был ли он фанатичным романистом, фанатичным реформатором или озорным остряком, я не могу сказать, — устав от этих постоянных повторений, воскликнул: "Слезай, негодяй, который не может найти слова для возражения". Затем, грубо выдернув из-под него табуретку, он швырнул несчастного клерка плашмя в грязь. [68]

21 октября, в семь часов утра, ворота главной церкви Гомбурга распахнулись, и прелаты, аббаты, священники, графы, рыцари и депутаты от городов вошли по очереди, и среди них был Филипп в качестве первого члена Церкви.

После того, как Ламберт объяснил и доказал свои тезисы, он добавил: "Пусть выступит тот, кому есть что сказать против них". Сначала воцарилось глубокое молчание; но наконец Николас

Фербер, настоятель францисканцев Марбурга, который в 1524 году, прибегнув к любимому аргументу Рима, умолял ландграфа пустить в ход меч против еретиков, начал говорить, опустив голову и опустив глаза; но когда он призвал к себе на помощь Августина, Питера Ломбарда и других врачей, ландграф заметил ему: "Не выдвигайте колеблющихся мнений людей, но Слово Божье, которое одно укрепляет наши сердца". Францисканец в замешательстве сел, сказав: "Здесь не место для ответа". Спор, однако, возобновился, и Ламберт, проявив весь южный пыл, так изумил своего противника, что настоятель, встревоженный тем, что он назвал "громами богохульства и молниями нечестия", [69] снова сел, заметив во второй раз: "Здесь не место для ответа".

ТОРЖЕСТВО ЕВАНГЕЛИЯ В ГЕССЕНЕ.

Напрасно канцлер Фейге заявлял ему, что каждый человек имеет право совершенно свободно отстаивать свое мнение; напрасно сам ландграф восклицал, что Церковь вздыхает по истине: молчание стало убежищем Рима. "Я буду защищать доктрину чистилища", - сказал священник перед обсуждением; "Я нападую на парадоксы шестой главы (об истинном священстве)", - сказал другой; [70] а третий воскликнул: "Я свергну те, что в десятой главе (об изображениях)"; но теперь все они были немые.

При этих словах Ламберт, всплеснув руками, воскликнул вместе с Захарией: *Благословен Господь Бог Израиля, ибо Он посетил и искупил свой народ.*

После трехдневных дискуссий, которые были постоянным триумфом евангельской доктрины, были отобраны люди, которым было поручено основать церкви Гессена в соответствии со Словом Божьим. Они были заняты этим более трех дней, а затем их новая конституция была опубликована от имени синода.

Первая церковная конституция, созданная Реформацией, должна занять место в истории, тем более что тогда она была выдвинута в качестве образца для новых Церквей Христианского мира. [71]

КОНСТИТУЦИЯ ЦЕРКВИ.

Автономия или самоуправление Церкви является ее основополагающим принципом: именно от Церкви, от ее представителей, собранных во имя Господа, исходит это законодательство; в прологе нет упоминания ни о государстве, ни о ландграфе. [72] Филипп, довольный тем, что сбросил для себя и своего народа ярмо иностранного священника, не имел желания ставить себя на его место и был удовлетворен внешним надзором, необходимым для поддержания порядка.

Второй отличительной чертой этой конституции является ее простота как в управлении, так и в богослужении. Ассамблея призывает все будущие синоды не нагружать Церкви множеством постановлений, "видя, что там, где изобилуют порядки, царит беспорядок". Они даже не стали бы продолжать играть на органах в церквях, потому что, по их словам, "люди должны понимать то, что они слышат". [73] Чем больше человеческий разум склонен к одному направлению, тем более бурной является реакция в противоположном направлении, когда он отклоняется. Церковь перешла в то время от крайности символов к простоте. Вот основные черты этой конституции:—

"Церковь может обучаться и управляться только Словом ее Суверенного Пастыря. Всякий, кто прибегнет к какому-либо другому слову, будет низложен и отлучен от церкви. [74]

"Каждый благочестивый человек, сведущий в Слове Божьем, каким бы ни было его состояние, может быть избран епископом, если пожелает этого, ибо внутренне он призван Богом. [75]

"Пусть никто не верит, что под епископом мы понимаем что-либо иное, кроме простого служителя Слова Божьего. [76]

"Министры - это слуги, и, следовательно, они не должны быть лордами, принцами или губернаторами.

КОНСТИТУЦИЯ ЦЕРКВИ—ЕПИСКОПЫ.

"Пусть верующие соберутся и выберут своих епископов и дьяконов. Каждая церковь должна избрать своего собственного пастора. [77]

"Пусть те, кто избран в епископы, будут посвящены в свои должности возложением рук трех епископов; а что касается дьяконов, если здесь нет служителей, пусть они получают возложение рук от старейшин Церкви. [78]

"Если епископ вызывает какой-либо скандал в Церкви своей изнеженностью, или великолепием своих одежд, или легкомыслием своего поведения, и если, получив предупреждение, он упорствует, пусть он будет низложен Церковью. [79]

"Пусть каждая церковь создаст своему епископу условия жить со своей семьей и быть гостеприимным, как предписывает Святой Павел; но пусть епископы ничего не требуют за свои случайные обязанности. [80]

"Каждое воскресенье пусть в каком-нибудь подходящем месте собирается собрание всех людей, причисленных к лику святых, чтобы урегулировать с епископом, согласно Слову Божьему, все дела Церкви и отлучать от Церкви всякого, кто дает Церкви повод для скандала; ибо Церковь Христова никогда не существовала без применения силы отлучения. [81]

"Поскольку еженедельные собрания необходимы для управления отдельными церквями, генеральный синод должен проводиться ежегодно для управления всеми церквями в стране. [82]

ДВА ЭЛЕМЕНТА В ЦЕРКВИ.

"Все пастыри являются ее естественными членами; но каждая церковь должна далее избрать из своего тела человека, полного Духа и веры, которому она должна верить полномочия во всем, что находится в юрисдикции синода. [83]

"Ежегодно избираются три посетителя, которым поручено обходить все церкви, проверять тех, кто был избран епископом, утверждать тех, кто был утвержден, и обеспечивать исполнение постановлений синода".

Несомненно, обнаружится, что эта первая евангелическая конституция в некоторых моментах доходила до крайности церковной демократии; но вкрались определенные институты, способные усилить и изменить ее природу. Шесть пожизненных суперинтендантов

впоследствии были заменены этими ежегодными посетителями (которые, согласно первоначальному институту, могли быть простыми членами церкви); и, как было отмечено, [84] посягательства, будь то со стороны этих суперинтендантов или государства, постепенно парализовали активность и независимость церквей Гессена. Эта конституция действовала так же, как и конституция аббата Сийеса в 8 году, которой, будучи суждено стать республиканской, под влиянием Наполеона Бонапарта установился деспотизм в империи.

Это была не менее замечательная работа. Римские врачи упрекали Реформацию в том, что Она превратила Церковь в слишком внутренний институт. [85] По сути, Реформация и папство признают в Церкви два элемента— один внешний, другой внутренний; но в то время как папство отдает предпочтение первому, Реформация приписывает его последнему. Если, однако, это упрек Реформации в том, что она имела только внутреннюю Церковь и не создавала внешнюю, то замечательное устройство, несколько черт которого мы только что продемонстрировали, избавит нас от необходимости отвечать. Внешний церковный порядок, который тогда возник в самом сердце Реформации, гораздо более совершенен, чем папский.

ЛЮТЕР О СЛУЖЕНИИ.

Возник один важный вопрос: будут ли эти принципы приняты всеми Церквями Реформации?

Все, казалось, указывало на это. Самые набожные люди думали в то время, что церковная власть исходит от членов Церкви. Отказавшись от иерархической крайности, они бросились в демократическую. Сам Лютер исповедовал эту доктрину еще в 1523 году. Богемские каликстины, увидев, что епископы их страны отказывают им в служении, зашли так далеко, что взяли первого попавшегося бродячего священника. "Если у вас нет другого способа заполучить пасторов, - писал им Лютер, - лучше обойдитесь без них, и пусть каждый глава семьи читает Евангелие в своем доме и крестит своих детей, вздыхая после таинства у алтаря, как иудеи в Вавилоне вздыхали по Иерусалиму. [86] Посвящение Папы создает священников - не от Бога, а от дьявола, предназначенных исключительно для того, чтобы попирали Иисуса Христа ногами, сводить на нет его жертву и продавать миру воображаемые холокосты от его имени. [87] Мужчины становятся министрами только путем выборов и призвания, и это должно осуществляться следующим образом:—

"Сначала ищите Бога в молитве; [88] затем, собравшись вместе со всеми, чьих сердец коснулся Бог, выберите во имя Господа того или их, кого вы признаете пригодными для этого служения. После этого пусть главные люди среди вас возложат на них свои руки и порекомендуют их народу и Церкви". [89]

ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКВИ.

Лютер, призывая таким образом только народ назначать своих пасторов, подчинился требованиям времени. Это было необходимо для создания служения; но поскольку служения не существовало, оно не могло тогда играть законной роли, которая ему принадлежит, в выборе Божьих служителей.

Но другая необходимость, аналогично вытекавшая из положения дел, заключалась в том, чтобы склонить Лютера к отклонению от принципов, которые он изложил.

Вряд ли можно сказать, что немецкая реформация началась с низших классов, как в Швейцарии и Франции; и Лютер едва ли мог где-либо найти тот христианский народ, который должен был сыграть столь важную роль в его новой конституции. Невежественные люди, тщеславные горожане, которые даже не хотели содержать своих служителей — таковы были члены Церкви. Что же теперь можно было сделать с такими элементами?

Но если народ был равнодушен, то князья — нет. Они стояли в первых рядах битвы и сидели на первой скамье в совете. Таким образом, демократическая организация была вынуждена уступить место организации, подчиняющейся гражданскому правительству. Церковь состоит из христиан, и их принимают везде, где они находятся, — в высших или низших слоях общества. Лютер нашел их особенно на высоких постах. Он признал князей представителями народа, и с тех пор влияние государства стало одним из главных элементов устройства Евангелической церкви.

По мнению Реформатора, эта опека князей должна была носить лишь временный характер. Поскольку верующие были тогда в меньшинстве, они нуждались в опекуне; но могла наступить эпоха большинства Церкви, а вместе с ней и ее освобождения.

ПИСЬМО ЛЮТЕРА КУРФЮРСТУ.

Мы можем признать, что обращение к гражданской власти было в то время необходимо, но мы не можем отрицать, что это также было источником трудностей. Мы укажем только на одно. Когда протестантизм стал делом правительств и наций, он перестал быть универсальным. Новый дух был способен создать новую землю. Но вместо того, чтобы открывать новые дороги и ставить перед собой цель возрождения всего христианского мира и обращения всего мира, протестанты стремились устроиться как можно комфортнее в нескольких немецких герцогствах. Эта робость, получившая название благоразумия, нанесла огромный ущерб Реформации.

Однажды обнаружив организующую силу, реформаторы задумались об организации, и Лютер взялся за эту задачу; ибо, хотя он был в особом роде нападающим, а Кальвин — организатором, ни в одном из этих великих слуг Божьих не было недостатка в этих двух качествах, столь же необходимых реформаторам Церкви, как и основателям империй.

Было необходимо создать новое служение, поскольку большинство священников, покинувших папский престол, довольствовались лозунгом Реформы, не испытав лично освящающую силу Истины. Был даже один приход, в котором священник проповедовал Евангелие в своей главной церкви и пел мессу после нее. [90] Но не хватало чего-то большего: нужно было создать христианский народ. "Увы! — сказал Лютер о некоторых приверженцах Реформы. — они отказались от своих римских доктрин и обрядов и насмеяются над нашими". [91]

НЕМЕЦКАЯ МЕССА.

Лютер не отступил перед этой двойной необходимостью и позаботился о ней. Понимая, что необходимо всеобщее посещение церквей, он обратился к курфюрсту по этому поводу 22 октября 1526 года. "Ваше высочество, в качестве опекуна молодежи и всех тех, кто не знает, как позаботиться о себе, — сказал он, — вы должны заставить жителей, которые не желают ни пасторов, ни школ, получать эти средства благодати, поскольку они вынуждены работать на

дорогах, мостах и тому подобных службах. [92] Поскольку папский орден упразднен, ваш долг - регулировать эти вещи; никто другой не заботится о них, никто другой не может и никто другой не должен этого делать. Поэтому поручите четырем лицам посетить всю страну; пусть двое из них расспросят о десятине и церковном имуществе; и пусть двое возьмут на себя ответственность за доктрину, школы, церкви и пасторов ". Читая эти слова, мы, естественно, задаемся вопросом: могла ли церковь, сформировавшаяся в первом веке без поддержки князей, в шестнадцатом быть реформирована без них?

Лютер не удовлетворился письменным ходатайством о вмешательстве принца. Он был возмущен, видя, как придворные, которые во времена курфюрста Фридриха показали себя закоренелыми врагами Реформации, теперь набрасываются, "резвятся, смеются, скачут вприпрыжку", как он выразился, на церковную добычу. Соответственно, в конце этого года, когда курфюрст прибыл в Виттемберг, Реформатор немедленно отправился во дворец, обратился с жалобой к принцу-выборщику, которого встретил у ворот, затем, не заботясь о тех, кто его останавливал, силой проник в спальню своего отца и, обращаясь к этому принцу, который был удивлен столь неожиданным визитом, умолял его исправить зло Церкви. Было решено посетить церкви, и Меланхтону было поручено составить необходимые инструкции.

В 1526 году Лютер опубликовал свою "Немецкую мессу", которой он обозначал порядок церковной службы в целом. "Настоящие евангельские собрания, - сказал он, - не проводятся публично, пеллмелл, принимая людей всех мастей; [93] но они состоят из серьезных христиан, которые исповедуют Евангелие своими словами и своей жизнью, [94] и среди которых мы можем обличать и отлучать от церкви, согласно правилу Христа Иисуса. [95] Я не могу учреждать такие собрания, поскольку мне некого в них разместить; [96] но если это станет возможным, я не останусь без этой обязанности ".

ИНСТРУКЦИИ МЕЛАНХТОНА.

Меланхтон также был убежден, что он должен дать Церкви не лучшую форму богослужения, какую только можно вообразить, но наилучшую из возможных, и трудился по его Указаниям.

Немецкая реформация в то время как бы лавировала между собой. Если Ламберт в Гессене дошел до крайности демократической системы, то Меланхтон в Саксонии приблизился к противоположной крайности традиционных принципов. Консервативный принцип был заменен реформирующим. Меланхтон написал одному из инспекторов: [97] "Все старые церемонии, которые вы можете сохранить, молитесь об этом. [98] Не вводите много новшеств, ибо каждое новшество наносит вред людям". [99]

Поэтому они сохранили латинскую литургию с примесью нескольких немецких гимнов; [100] причастие в одном виде только для тех, кто по привычке стеснялся принимать его в обоих; исповедь священнику, никоим образом не являющаяся обязательной; дни многих святых, священные облачения, [101] и другие обряды", в которых, - сказала Меланхтон, - "нет вреда, что бы ни говорил Цвингл". [102] И в то же время они сдержанно излагают доктрины Реформации.

Справедливо лишь признать власть фактов и обстоятельств над этими церковными организациями; но есть власть, которая возвышается еще выше, — Власть Слова Божьего.

Возможно, то, что сделал Меланхтон, было всем, что можно было сделать в то время: но это было необходимо для того, чтобы однажды работа была возобновлена и восстановлена по своему первоначальному плану, и в этом заключалась слава Кальвина.

НЕДОВОЛЬСТВО.

Крик изумления раздался как в лагере Рима, так и в лагере сторонников Реформации. "Наше дело предано", воскликнули некоторые из евангельских христиан: "У нас отнята свобода, которую дал нам Иисус Христос". [103]

Со своей стороны, ультрамонтанисты восторжествовали над умеренностью Меланхтона: они назвали это отречением и воспользовались этим, чтобы оскорбить Реформу. Кохлус опубликовал "ужасную" гравюру, как он называет ее сам, на которой из-под того же капюшона выглядывало семиглавое чудовище, изображающее Лютера. У каждой из этих голов были разные черты лица, и все они, произнося вместе самые страшные и противоречивые слова, продолжали спорить, рвать и пожирать друг друга. [104]

Изумленный курфюрст решил передать документ Меланхтона Лютеру. Но никогда уважение Реформатора к своему другу не проявлялось более поразительным образом. Он внес лишь одно или два незначительных дополнения в этот план и отослал его обратно, сопроводив самыми высокими похвалами. Романисты говорили, что тигр, пойманный в сеть, лизал руки, которые подрезали ему когти. Но это было не так. Лютер знал, что целью трудов Меланхтона было укрепить саму суть Реформации во всех церквях Саксонии. Для него этого было достаточно. Кроме того, он считал, что во всем должен быть переход; и, будучи справедливо убежден, что его друг в большей степени, чем он сам, был человеком переходного периода, он откровенно разделял его взгляды.

Началось всеобщее посещение. Лютер в Саксонии, Спалатин в округах Альтенбург и Цвиккау, Меланхтон в Тюрингии и Тюрингия во Франконии с духовными заместителями и несколькими коллегами-мирянами приступили к работе в октябре и ноябре 1528 года.

ВАЖНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

Они очистили духовенство, уволив всех священников скандальной жизни; [105] они выделили часть церковного имущества для поддержания общественного богослужения, а остальное поместили вне досягаемости грабежей; они продолжили подавление монастырей; они повсюду установили единство обучения; и "большой и малый катехизисы Лютера", появившиеся в 1529 году, внесли, возможно, больший вклад, чем любой другой. другие писания распространяли во всех новых церквях древнюю апостольскую веру; они поручали пасторам больших городов, носящим титул суперинтендантов, присматривать за церквями и школами; они поддерживали отмену безбрачия; и служители Слова, ставшие мужьями и отцами, сформировали зародыш третьего сословия, откуда в последующие годы во всех слоях общества распространились знания, активность и свет. Это одна из самых истинных причин интеллектуального и морального превосходства, которое бесспорно отличает евангельские народы.

Организация церквей в Саксонии, несмотря на ее несовершенство, дала по крайней мере для того времени наиболее важные результаты. Это произошло потому, что Слово Божье возобладало; и потому, что везде, где это Слово проявляет свою силу, вторичные ошибки и злоупотребления парализуются. Сама осмотрительность, которая была применена, на самом

деле исходила из хорошего принципа. Реформаторы, в отличие от энтузиастов, не отвергали институт полностью из-за того, что он был коррумпирован. Они не говорили, например: "Таинства искажены, давайте обойдемся без них! министерство коррумпировано, давайте отвергнем это!" — но они отвергли злоупотребление и восстановили использование. Такое благоразумие является признаком дела Божьего; и если Лютер иногда позволял плевелам оставаться вместе с пшеницей, то Кальвин появился позже и более тщательно очистил христианское гумно.

РЕФОРМАЦИЯ ПРОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД.

Организация, действовавшая в то время в Саксонии, оказала сильное воздействие на всю Германскую империю, и учение Евангелия продвигалось гигантскими шагами. Замысел Бога в том, чтобы отвернуться от реформированных государств Германии, молния, которую он обрушил на город с семью холмами, была ясно проявлена. Никогда еще годы не были потрачены с такой пользой; и Реформация посвятила себя не только разработке конституции, но и распространению своей доктрины.

Герцогства Люнебургское и Брауншвейгское, многие из важнейших городов империи, такие как Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, Страсбург, Геттинген, Госслар, Нордхаузен, Любек, Бремен и Гамбург, сняли свечи с часовен и заменили их более ярким факелом Слова Божьего.

Напрасно перепуганные каноники ссылались на авторитет Церкви. "Авторитет Церкви, - ответили Кемпе и Зехенхаген, гамбургские реформаторы, - не может быть признан, если сама Церковь не повинуется своему пастору Иисусу Христу". [106] Померанус посетил много мест, чтобы довести Реформу до конца.

Во Франконии маркграф Георг Бранденбургский, реформировав Анспакх и Байройт, написал своему давнему покровителю Фердинанду Австрийскому, который нахмурил брови, услышав о его реформаторских действиях: "Я сделал это по велению Бога; ибо он повелевает князьям заботиться не только о телах своих подданных, но и об их душах". [107]

В Восточной Фрисландии в день нового 1527 года доминиканец по имени Резиус, надев капюшон, [108] вззошел на кафедру в Нордене и объявил, что готов отстаивать определенные тезисы в соответствии с содержанием Евангелия. Заставив аббата Нурдена замолчать убедительностью своих аргументов, Ресиус снял свой капюшон, положил его на кафедру и был встречен в неф одобрительными возгласами верующих. Вскоре вся Фрисландия сбросила с себя униформу папства, как это сделал Реций.

БЛАГОЧЕСТИВАЯ ПРИНЦЕССА.

В Берлине Елизавета, курфюрстина Бранденбургская, прочитав труды Лютера, почувствовала желание принять вечерю Господню в соответствии с установлением Христа: священник тайнопроводил ее на празднике Пасхи 1528 года; но один из ее детей сообщил курфюрсту. Иоахим был сильно раздражен и приказал своей жене оставаться в своей комнате в течение нескольких дней; [109] поговаривали даже, что он намеревался заставить ее замолчать. [110] Эта принцесса, лишенная всякой религиозной поддержки и не доверяя вероломным маневрам римских священников, решила спастись бегством; и она обратилась за помощью к своему брату Кристиану II Датскому, который в то время проживал в Торгау. Воспользовавшись темной ночью, она покинула замок в крестьянском платье и села в грубую деревенскую повозку,

которая ждала ее у городских ворот. Элизабет подначивала водителя, когда на плохой дороге повозка сломалась. Курфюрстина, поспешно развязав носовой платок, который она носила на голове, бросила его мужчине, который воспользовался им, чтобы исправить ущерб, и вскоре Елизавета прибыла в Торгау. "Если я подвергну вас какому-либо риску, - сказала она своему дяде, курфюрсту Саксонии, - я готова отправиться туда, куда меня направит Провидение". Но Иоанн поселил ее в замке Лихтенберг на Эльбе, недалеко от Виттемберга. Не беря на себя обязательство одобрять бегство Елизаветы, давайте признаем пользу, которую Божье Провидение извлекло из этого. Эта любезная дама, которая жила в Лихтенберге, изучая Его слово, редко появляясь при дворе, часто посещая проповеди Лютера и оказывая благотворное влияние на своих детей, которым иногда разрешалось видеться с ней, была первой из тех благочестивых принцесс, которых бранденбургский дом причислял и даже продолжает причислять к своим членам.

В то же время Гольштейн, Шлезвик и Силезия приняли решение в пользу Реформации, а в Венгрии, как и в Богемии, увеличилось число ее приверженцев.

ЭДИКТ ОФЕНА.

Повсюду, вместо иерархии, ищущей свою праведность в делах человеческих, свою славу во внешней пышности, свою силу в материальной мощи, вновь появлялась Апостольская Церковь, смиренная, как в первобытные времена, и подобно древним христианам, ищущая свою праведность, свою славу и свое могущество исключительно в крови Христа и в Слове Божьем.

[111]

IV. Все эти триумфы Евангелия не могли остаться незамеченными; последовала мощная реакция, и до тех пор, пока политические обстоятельства не позволили бы провести масштабную атаку на Реформацию на той самой земле, где она зародилась, и преследовать ее с помощью сеймов, а при необходимости и армий, они начали детально преследовать в римских странах с применением пыток и эшафота.

20 августа 1527 года король Фердинанд эдиктом Офена в Венгрии опубликовал перечень преступлений и наказаний, в котором он угрожал смертью от меча, огня или воды, [112] против любого, кто скажет, что Мария была женщиной, подобной другим женщинам; или примет причастие еретическим образом; или освятит хлеб и вино, не будучи римским священником; и далее, во втором случае дом, в котором должно было совершаться таинство, подлежал конфискации или сносу с лица земли.

Законодательство Лютера таковым не было. Линк спросил его, законно ли магистрату предавать смерти лжепророков, имея в виду сакраментариев, доктрины которых Лютер атаковал с такой силой, [113] Реформатор ответил: "Я медлителен, когда речь идет о жизни, даже если преступник чрезвычайно виновен. [114] Я ни в коем случае не могу признать, что лжеучители должны быть преданы смерти; [115] достаточно удалить их." Веками Римская церковь купалась в крови. Лютер был первым, кто провозгласил великие принципы гуманности и религиозной свободы.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ —ВИНКЛЕР И КАРПЕНТЕР.

Иногда они прибегали к более оперативным процедурам, чем сам эшафот. Джордж Винклер, пастор Галле, весной 1527 года вызванный к архиепископу Альберту за совершение таинств обоих видов, был оправдан. Когда этот священник возвращался домой по безлюдной дороге посреди леса, на него внезапно напали несколько всадников, которые убили его и немедленно скрылись в зарослях, ничего у него не взяв. [116] "Мир, - восклицал Лютер, - это пещера убийц под командованием дьявола; гостиница, хозяин которой - разбойник, и на которой написано: *"Ложь и убийство"*; и никого там не убивают с большей готовностью, чем тех, кто провозглашает Иисуса Христа".

В Мюнхене Джорджа Карпентера повели на эшафот за то, что он отрицал, что крещение водой само по себе способно спасти человека. "Когда тебя бросят в огонь, — сказали некоторые из его братьев, - дай нам знак, по которому мы узнаем, что ты упорствуешь в вере". - "Пока я могу открывать свои уста, я буду исповедовать имя Господа Иисуса". [117] Палач растянул его на лестнице, привязал к шее небольшой мешочек с порохом, а затем бросил в пламя. Карпентер немедленно закричал: "Иисус! Иисус!" и палач, снова и снова переворачивавший его своими крюками, мученик несколько раз повторил слово "Иисус" и испустил дух.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ—КЕЙЗЕР.

В Ландсберге девять человек были преданы огню, а в Мюнхене двадцать девять были брошены в воду. В Шердинге Леонард Кейзер, друг и ученик Лютера, был осужден епископом, ему обрили голову и, переодев в рабочий халат, посадили верхом на лошадь. Когда палачи ругались и негодовали, потому что они не могли распутать веревки, которыми он должен был быть связан, он мягко сказал им: "Дорогие друзья, в ваших узах нет необходимости; мой Господь Христос уже связал меня". Когда он приблизился к столбу, Кейзер посмотрел на толпу и воскликнул: "Смотрите на жатву! О Учитель, пошли своих работников!" Затем он взошел на эшафот и сказал: "О Иисус, спаси меня! Я твой". Это были его последние слова. [118] "Кто я, многословный проповедник, - воскликнул Лютер, когда получил известие о его смерти, - по сравнению с этим великим деятелем?" [119]

Таким образом, Реформация такими поразительными делами продемонстрировала истину, которую она пришла восстановить; а именно, что вера - это не историческое, тщетное, мертвое знание, как утверждает Рим. [120] но живая вера, действие Святого Духа, канал, по которому Христос наполняет сердца новыми желаниями и новыми привязанностями, истинное поклонение живому Богу.

Эти мученичества наполнили Германию ужасом, и мрачные предчувствия сошли с тронов в рядах народа. Долгими зимними вечерами у домашнего очага разговор всецело вертелся вокруг тюрем, пыток, эшафотов и мучеников, и малейший шум пугал стариков, женщин и детей. Эти рассказы набирали силу из уст в уста; слух о всемирном заговоре против Евангелия распространился по всей Империи. Его противники, воспользовавшись этим террором, с таинственным видом объявили, что в течение этого года (1528) они должны предпринять какие-нибудь решительные меры против Реформы. [121] Один негодяй решил воспользоваться таким состоянием ума, чтобы удовлетворить свою алчность.

ПОДДЕЛКА ПАКЕТА.

Нет более страшных ударов по делу, чем те, которые оно наносит само себе. Реформация, охваченная головокружением, была на грани саморазрушения. Существует дух заблуждения, который плетет заговор против дела истины, обольщая хитростью; [122] Реформация была близка к тому, чтобы испытать его атаки и пошатнуться под самым грозным натиском — возмущением мысли и отклонением от путей мудрости и истины.

Отон из Пака, вице-канцлер герцога Георга Саксонского, был хитрым и рассеянным человеком, [123] который пользовался своим служебным положением и прибегал ко всевозможным методам добывания денег. Герцог однажды послал его в Нюрнбергский сейм в качестве своего представителя, и епископ Мерзебургский поделился с ним своим вкладом в имперское правительство. Когда впоследствии к епископу обратились за этими деньгами, Пак заявил, что он заплатил их гражданину Нюрнберга, печать и подпись которого он предъявил. Эта статья была подделкой; автором ее был сам Пак. [124] Этот негодяй, однако, нагло взялся за дело, и поскольку его не осудили, он сохранил доверие своего хозяина. Вскоре представилась возможность проявить свой криминальный талант в более широком масштабе.

Никто не питал больших подозрений по отношению к папистам, чем ландграф Гессенский. Молодой, впечатлительный и беспокойный, он всегда был начеку. В феврале 1528 года, когда Пак случайно оказался в Касселе, чтобы помочь Филиппу в каком-то трудном деле, ландграф поделился с ним своими опасениями. Если кто-то и мог иметь хоть какое-то представление о замыслах папистов, то это, должно быть, был вице-канцлер, один из злейших врагов Реформы. Хитрая Свора тяжело вздохнул, опустил глаза и замолчал. Филипп сразу же забеспокоился, стал умолять его и пообещал не делать ничего, что могло бы навредить герцогу. Затем Пак с сожалением, как будто он позволил вырвать у себя важную тайну, признался, что в среду, следующую за Юбилейным воскресеньем 12 мая 1527 года, в Бреслау был заключен союз против лютеран; и пообещал доставить оригинал этого акта ландграфу, который предложил ему за эту услугу вознаграждение в десять тысяч флоринов. Это была величайшая сделка, которую когда-либо совершал этот несчастный человек; но она вела ни к чему иному, как к полному свержению Империи.

Ландграф был поражен: однако он сдержался, желая увидеть действие собственными глазами, прежде чем информировать своих союзников. Поэтому он отправился в Дрезден. "Я не могу, - сказал Пак, - предоставить вам оригинал: герцог всегда носит его при себе, чтобы прочесть другим принцам, которых он надеется привлечь на свою сторону. Недавно в Лейпциге он показал его герцогу Генриху Брауншвейгскому. Но вот копия, сделанная по приказу его высочества." Ландграф взял документ, на котором были все признаки совершенной подлинности. Его пересекал черный шелковый шнур, скрепленный с обоих концов печатью герцогской канцелярии. [125] Выше был оттиск от кольца, которое герцог Георг всегда носил на пальце, с тремя четвертинками, которые так часто видел Филипп; сверху - корона, а внизу - два льва. У него больше нет сомнений в его подлинности. Но как мы можем описать его возмущение, когда он прочитал этот обвинительный документ? Король Фердинанд, курфюрсты Менца и Бранденбурга, герцог Георг Саксонский, герцоги Баварии, епископы Зальцбурга, Вюрцбурга и Бамберга объединились, чтобы призвать курфюрста Саксонии выдать архиеретика Лютера со всеми священниками-отступниками, монахами и монахинями и восстановить древнее богослужение. Если он допустит дефолт, его государства подвергнутся вторжению, а этот принц и его потомки будут навсегда лишены собственности. Затем та же мера должна была быть применена к ландграфу, только ("Именно ваш тесть, герцог Георг, - сказал Пак Филиппу, -

добился включения этого пункта") ему будут возвращены его состояния, учитывая его молодость, если он полностью примирился со Святой Церковью. Кроме того, в документе указывались контингенты людей и деньги, которые должны были быть предоставлены конфедератами, и доля, которую они должны были иметь в добыче этих двух принцев-еретиков. [126]

Многие обстоятельства, как правило, подтверждали подлинность этого документа. Фердинанд, Иоахим Бранденбургский и Георг Саксонский действительно встречались в Бреслау в указанный день, и князь-евангелист, маркграф Георг, видел, как Иоахим выходил из апартаментов Фердинанда, держа в руке большой пергамент, к которому было прикреплено несколько печатей. Взволнованный ландграф приказал снять копию с этого документа, пообещал некоторое время хранить тайну, заплатил Паку четыре тысячи флоринов и пообещал возместить оговоренную сумму, если тот достанет ему оригинал. И тогда, желая предотвратить бурю, он поспешил в Веймар, чтобы сообщить курфюрсту об этом беспрецедентном заговоре.

"Я видел, - сказал он Джону и его сыну, - более того, у меня в руках был дубликат этого ужасного договора. Подписи, печати — ни в чем не было недостатка. [127] Вот копия, и я обязуюсь показать вам оригинал. Самая страшная опасность угрожает нам — нам самим, нашим верным подданным и Слову Божьему".

СОВЕТ РЕФОРМАТОРОВ.

У курфюрста не было причин сомневаться в отчете, который только что дал ему ландграф: он был ошеломлен, сбит с толку и подавлен. Только самые срочные меры могли бы предотвратить такие неслыханные бедствия: нужно рискнуть всем, чтобы спасти их от неминуемой гибели. Стремительный Филипп дышал огнем; [128] его план защиты был уже подготовлен. Он предъявил его и в первый момент оцепенения получил согласие своего союзника, так сказать, путем нападения. 9 марта 1528 года два принца согласились использовать все свои силы для самозащиты и даже перейти в наступление и пожертвовать жизнью, честью, рангом, подданными и государствами, чтобы сохранить Слово Божье. Герцоги Пруссии, Мекленбурга, Люнебурга и Померании, короли Дании и Польши, а также маркграф Бранденбургский должны были быть приглашены вступить в этот союз. Шестьсот тысяч флоринов предназначались на военные расходы, и, чтобы раздобыть их, они собирали ссуды, закладывали свои города и продавали пожертвования в церквях. [129] Они уже начали собирать мощную армию. [130] Ландграф лично отправился в Нюрнберг и Ансплах. Тревога была всеобщей в этих странах; волнение ощущалось по всей Германии, [131] и даже за ее пределами. Иоанн Заполя, король Венгрии, в то время беженец в Кракове, пообещал сто тысяч флоринов на набор армии и двадцать тысяч флоринов в месяц на ее содержание. Таким образом, дух заблуждения вводил в заблуждение князей; если бы он увлек и реформаторов, то гибель Реформации была бы недалека.

Но Бог наблюдал за ними. Опираясь на скалу Слова, Меланхтон и Лютер ответили: "Написано: не искушай Господа, Бога твоего". Как только эти два человека, которым угрожала опасность (ибо именно они должны были быть переданы папской власти), увидели, что молодой ландграф обнажает меч, а сам престарелый курфюрст кладет руку на рукоять, они издали крик, и этот крик, услышанный на небесах, спас Реформу.

Лютер, Померанус и Меланхтон немедленно передали курфюрсту следующий совет: "Прежде всего, не допускайте нападения с нашей стороны и не допускайте пролития крови по нашей вине. Давайте дождемся врага и будем стремиться к миру. Отправьте посла к императору, чтобы ознакомить его с этим отвратительным заговором".

МИРНЫЙ СОВЕТ ЛЮТЕРА.

Таким образом, вера детей Божьих, которую так презирают политики, правильно вела их в тот самый момент, когда дипломаты сбивались с пути истинного. Курфюрст и его сын заявили ландграфу, что они не пойдут в наступление. Филипп был в изумлении. "Разве приготовления папистов не достойны нападения?" - спросил он. [132] "Что! мы будем угрожать войной, и все же не добьемся ее! Мы разожжем ненависть наших противников и дадим им время подготовить свои силы! Нет, нет; вперед! Таким образом, мы добьемся почетного мира". - "Если ландграф желает начать войну, - ответил Реформатор, - курфюрст не обязан соблюдать договор, ибо мы должны повиноваться Богу, а не людям. Бог и право превыше любого союза. Давайте остерегаться изображать дьявола на наших дверях и приглашать его в качестве крестного отца. [133] Но если ландграф подвергнется нападению, курфюрст должен прийти ему на помощь; ибо Божья воля в том, чтобы мы сохранили нашу веру ". Этот совет, который дали реформаторы, дорого им обошелся. Никогда человек, приговоренный к пыткам, не подвергался такому наказанию, как у них. За страхами, возбужденными ландграфом, последовали ужасы, внушенные папистскими князьями. Это жестокое испытание повергло их в великое отчаяние. "Я измучена горем, - воскликнула Меланхтон, - и это горе подвергает меня самой ужасной пытке. [134] Решение проблемы, - добавил он, - будет найдено на наших коленях перед Богом". [135]

Курфюрст, увлекаемый в разные стороны теологами и политиками, в конце концов избрал средний путь: он решил собрать армию, "но только для того, - сказал он, - чтобы добиться мира". Филипп Гессенский, наконец, уступил и немедленно разослал копии знаменитого договора герцогу Георгу, герцогам Баварским и представителям императора, призывая их отказаться от столь жестоких замыслов. "Я бы предпочел, чтобы мне отрубили конечность, - сказал он своему тестю, - чем знать, что ты член такого союза".

УДИВЛЕНИЕ ПАПИСТСКИХ КНЯЗЕЙ.

Удивление немецких судов, когда они ознакомились с этим документом, не поддается описанию. Герцог Георг немедленно ответил ландграфу, что он позволил ввести себя в заблуждение бессмысленными нелепостями; что тот, кто притворился, что видел оригинал этого акта, был отъявленным лжецом и неисправимым негодяем; и что он призвал ландграфа сложить свои полномочия, иначе вполне можно подумать, что он сам был изобретателем этой наглой выдумки. Король Фердинанд, курфюрст Бранденбургский и все мнимые заговорщики дали аналогичные ответы.

Филипп Гессенский увидел, что его обманули; [136] его замешательство превзошло только гнев. Таким образом, он сам оправдал обвинения своих противников, которые называли его вспыльчивым молодым человеком, и в высшей степени скомпрометировал дело Реформации и своего народа. Впоследствии он сказал: "Если бы этого не произошло, этого бы больше не происходило сейчас. Ничто из того, что я делал за всю свою жизнь, не вызывало у меня большего раздражения".

Пак в тревоге побежал к ландграфу, который приказал арестовать его; и посланцы от нескольких князей, которых этот негодяй скомпрометировал, встретились в Касселе и приступили к допросу. Он утверждал, что первоначальный акт о союзе действительно существовал в дрезденских архивах. В следующем году ландграф изгнал его из Гессена, показав этим действием, что не боится его. Впоследствии Пак был обнаружен в Бельгии; и по требованию герцога Георга, который никогда не проявлял к нему никакой жалости, он был схвачен, подвергнут пыткам и, наконец, обезглавлен.

Ландграф не желал брать в руки оружие без всякой цели. Архиепископ-курфюрст Менца был вынужден 11 июня 1528 года отказаться в лагере Герцкирхен от всякой духовной юрисдикции в Саксонии и Гессене. [137] Это было немалым преимуществом.

ПЛАН СТАИ НЕ ТАК УЖ НЕВЕРОЯТЕН.

Едва было отложено оружие, как Лютер взялся за перо и начал войну другого рода. "Нечестивые принцы могут сколько угодно отрицать этот союз, - писал он Линку. - Я совершенно уверен, что это не химера. Эти ненасытные пиявки не успокоятся до тех пор, пока не увидят, что вся Германия залита кровью". [138] Эта идея Лютера была общепринятой. "Документ, представленный ландграфу, может быть, - говорилось в нем, - изобретением Пака; но вся эта ткань лжи основана на некоторой правде. Если союз не был заключен, то он был задуман". [139]

Печальными были результаты этого дела. Это вызвало раскол в рядах Реформации и раздуло ненависть между двумя партиями. [140] Искры от груды Кайзера, Винклера, Карпентера и многих других мучеников подлили масла в огонь, который уже угрожал охватить империю пламенем. Именно при таких критических обстоятельствах и с такими угрожающими настроениями в марте 1529 года был открыт знаменитый Спайрский сейм. Империя и папство на самом деле готовились уничтожить Реформацию, хотя и иным способом, чем утверждал Пак. Еще предстояло выяснить, найдется ли в возрожденной Церкви больше жизненной силы, чем было в стольких сектах, которые Рим легко сокрушил. К счастью, вера возросла, и конституция, данная Церкви, наделила ее приверженцев большей властью. Все были полны решимости защищать столь чистое учение и церковное правление, столь превосходящее папское. За три года спокойствия Евангельское дерево пустило глубокие корни, и если разразится буря, теперь оно сможет противостоять ей.

СОЮЗ МЕЖДУ КАРЛОМ И КЛИМЕНТОМ.

V. Разграбление Рима, вызвавшее раздражение приверженцев папства, дало оружие всем врагам Карла V. Французская армия под командованием Лотрека вынудила императорскую армию, обессиленную прелестями новой Капуи, укрыться за стенами Неаполя. Дориа во главе своих генуэзских галер уничтожил испанский флот, и казалось, что всей императорской власти в Италии приходит конец. Но Дориа внезапно встал на сторону императора; мор унес Лотрека и половину его войска; и Карл, страдавший только от тревоги, снова захватил власть с твердой решимостью отныне тесно соединиться с понтификом, унижение которого едва не стоило ему такой дорогой жизни. Со своей стороны, Климент VII, услышав, как итальянцы упрекают его в незаконнорожденности и даже отказывают ему в титуле папы, громко заявил, что он предпочел бы быть конюхом императора, чем развлечением своего народа. 29 июня 1528 года в Барселоне

был заключен мир между главами Империи и Церкви, основанный на уничтожении ереси; а в ноябре был созван сейм, который собрался в Шпиле 21 февраля 1529 года. Карл был полон решимости сначала попытаться уничтожить Реформу федеральным голосованием; но если этого голосования окажется недостаточно, употребить против нее всю свою власть. Проложив таким образом дорогу, они были готовы приступить к работе.

Германия почувствовала серьезность положения. Скорбные предзнаменования заполнили умы всех. Примерно в середине января яркий свет внезапно разогнал ночную тьму. [141] "Что это предвещает, - воскликнул Лютер, - одному Богу известно!" В начале апреля прошел слух о землетрясении, которое охватило замки, города и целые районы в Каринтии и Истрии и раскололо башню Святого Марка в Венеции на четыре части. "Если это правда, - сказал Реформатор, - то эти чудеса - предвестники дня Иисуса Христа". [142] Астрологи заявили, что аспект квартилей Сатурна и Юпитера и общее положение звезд были зловещими. [143] Воды Эльбы бушевали бурно, с крыш церквей падали камни. "Все это, - воскликнула перепуганная Меланхтон, - глубоко волнует меня". [144]

ПРИМЕТЫ.

Приказы о созыве, изданные имперским правительством, слишком хорошо согласовывались с этими вундеркиндами. Император в письме из Толедо к курфюрсту обвинил его в подстрекательстве к мятежу. Из уст в уста передавались тревожные слухи, которых было достаточно, чтобы привести к падению слабых. Герцог Генрих Мекленбургский и курфюрст-палатин поспешно вернулись на сторону папства.

Никогда еще партия священнослужителей не появлялась в сейме в таком количестве, не была такой могущественной и решительной. [145] 5 марта Фердинанд, президент сейма, за ним герцоги Баварии и, наконец, церковные курфюрсты Менца и Тревеса, вошли в ворота Шпиля в окружении многочисленного вооруженного эскорта. [146] 13 марта прибыл курфюрст Саксонии, сопровождаемый только Меланктоном и Агриколой. Но Филипп Гессенский, верный своему характеру, вступил в город 18 марта под звуки труб и с двумястами всадниками.

Вскоре стало очевидным расхождение в умах людей. Папист не мог встретить евангелиста на улице без того, чтобы не бросить на него сердитый взгляд и втайне не пригрозить ему вероломными махинациями. [147] Курфюрст-палатин прошел мимо саксов, по-видимому, не узнав их; [148] и хотя Иоанн Саксонский был самым важным из курфюрстов, ни один из вождей пфальцграфов не был известен саксам. его посетила противоположная сторона. Собравшись за своими столами, римско-католические принцы, казалось, были поглощены азартными играми. [149]

ВРАЖДЕБНОСТЬ ПАПИСТОВ.

Но вскоре они ясно показали свое враждебное отношение. Курфюрсту и ландграфу было запрещено проповедовать Евангелие в их особняках. В этот ранний период даже утверждалось, что Джона вот-вот вышвырнут из Спайра и лишат его электората. [150] "Мы - воплощение проклятия в мире, - сказал Меланхтон, - но Христос посмотрит свысока на свой бедный народ и сохранит его". [151] На самом деле Бог был со свидетелями его Слова. Жители Спайра жаждали Евангелия, и курфюрст написал своему сыну в Вербное воскресенье: "Около восьми тысяч человек присутствовали сегодня в моей часовне на утреннем и вечернем богослужении".

Теперь римская сторона ускорила свои действия: их план был простым, но энергичным. Необходимо было покончить со свободой вероисповедания, существовавшей более трех лет, и для этого они должны были отменить указ 1526 года и возродить указ 1521 года.

15 марта имперские комиссары объявили сейму, что последняя резолюция Шпиля, которая предоставляла каждому штату свободу действовать в соответствии с побуждениями его совести, вызвала большие беспорядки, и император отменил ее в силу своей верховной власти. Этот произвольный акт, не имевший прецедента в Империи, а также деспотический тон, которым он сопровождался, наполнили евангельских христиан негодованием и тревогой. "Христос, - воскликнул Штурм, - снова попал в руки Каиафы и Пилата". [152]

ПОСТАНОВЛЕНИЯ СЕЙМА.

Было поручено комиссии изучить императорское предложение. Архиепископы Зальцбурга Фабер и Экк, то есть самые яростные враги Реформации, были среди ее членов. "Турки лучше лютеран, - сказал Фабер, - потому что турки соблюдают посты, а лютеране их нарушают. [153] Если мы должны выбирать между Священным Писанием Божьим и старыми заблуждениями Церкви, мы должны отвергнуть первое". [154] "Каждый день в полном составе Фабер бросает новый камень в сторону Евангелистов", - говорит Меланктон. [155] "О, какую Илиаду мне пришлось бы сочинить, - добавил он, - если бы я сообщил обо всех этих богохульствах!"

Священники призывали к исполнению Вормсского эдикта 1521 года, а евангелические члены комиссии, среди которых были курфюрст Саксонии и Штурм, напротив, требовали сохранения в силе эдикта Шпиля 1526 года. Последние, таким образом, оставались в рамках законности, в то время как их противники были вынуждены совершать *государственные перевороты*. Фактически, поскольку в Империи был юридически установлен новый порядок вещей, никто не мог его нарушать; и если сейм осмеливался силой разрушить то, что было конституционно установлено тремя годами ранее, евангелические штаты имели право воспротивиться этому. Большинство членов комиссии считало, что восстановление древнего порядка вещей было бы революцией не менее полной, чем сама Реформация. Как они могли заново подчинить Риму и его духовенству те народы, в лоне которых Слово Божье было так обильно распространено повсюду? По этой причине, в равной степени отвергая требования священников и евангелистов, большинство 24 марта пришло к решению, что каждое религиозное нововведение должно по-прежнему запрещаться в тех местах, где был приведен в исполнение Вормсский эдикт; и что в тех местах, где люди отклонились от него и где они не могли подчиниться ему без опасности восстания, они, по крайней мере, не должны проводить никаких новых реформ, они не должны затрагивать никаких спорных вопросов, они не должны препятствовать проведению мессы, они не должны позволять ни одному католику принимать лютеранство, [156] они не должны отказываться от епископальной юрисдикции и не должны терпеть анабаптистов или сакраментариев. Статус-кво и никакого прозелитизма — таковы были основные положения этой резолюции.

РЕФОРМАЦИЯ В ОПАСНОСТИ.

Большинство больше не голосовало, как в 1526 году: ветер повернул против Евангелия. Соответственно, это предложение, отложенное на несколько дней из-за праздника Пасхи, было внесено на рассмотрение сейма 6 апреля и принято 7-го. [157]

Если бы это стало законом, Реформация не смогла бы ни распространиться на те места, где она еще была неизвестна, ни утвердиться на прочном фундаменте в тех, где она уже существовала. Восстановление римской иерархии, предусмотренное этим предложением, безошибочно вернуло бы к старым злоупотреблениям; и малейшее отклонение от столь возмутительного постановления легко дало бы романистам предлог для завершения уничтожения дела, которое и так сильно пошатнулось.

Курфюрст, ландграф, маркграф Бранденбургский, принц Ангальтский и канцлер Люнебургский, с одной стороны, и депутаты от городов - с другой, совещались между собой. Этот совет должен был установить совершенно новый порядок вещей. Если бы они были движимы эгоизмом, они, возможно, приняли бы этот указ. Фактически, им была предоставлена свобода, по крайней мере внешне, исповедовать свою веру: должны ли они требовать большего? могли ли они это сделать? Были ли они обязаны провозгласить себя поборниками свободы совести во всем мире? Возможно, никогда не было более критической ситуации; но эти благородно мыслящие люди вышли победителями из процесса. Что? должны ли они заранее узаконить эшафот и пытки! Должны ли они противостоять Святому Духу в его работе по обращению душ ко Христу! Должны ли они забыть повеление своего Учителя: *"Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари"*? Если одно из государств империи пожелает когда-нибудь последовать их примеру и реформироваться, должны ли они лишить его возможности сделать это? Войдя сами в царство небесное, должны ли они закрыть за собой дверь? Нет! лучше претерпеть все, пожертвовать всем, даже своим состоянием, своими коронами и своими жизнями!

РЕШЕНИЕ КНЯЗЕЙ.

"Давайте отвергнем этот указ", - сказали принцы. "В вопросах совести большинство бессильно". — "Именно декрету 1526 года, - добавили города, - мы обязаны миром, которым наслаждается империя: отменить его означало бы наполнить Германию смутами и разделениями. Сейм некомпетентен сделать больше, чем сохранить свободу вероисповедания до заседания совета". Таков, по сути, главный атрибут государства, и если в наши дни протестантские державы попытаются повлиять на римские правительства, они должны стремиться исключительно к тому, чтобы добиться для подданных последнего той религиозной свободы, которую папа конфискует в своих собственных интересах везде, где он правит единолично, и за счет которой он извлекает большую выгоду в каждом евангелическом государстве. Некоторые депутаты предлагали отказаться от всякой помощи против турок, надеясь таким образом заставить императора вмешаться в этот религиозный вопрос. Но Штурм призвал их не смешивать политические вопросы со спасением душ. Поэтому они решили отклонить это предложение, но без каких-либо угроз. Именно это благородное решение принесло современникам свободу мысли и независимость веры.

Фердинанд и священники, которые были не менее решительны, решили, однако, победить то, что они называли дерзким упрямством; и они начали с более слабых государств. Они начали пугать и разделять города, которые до сих пор шли общим курсом. 12 апреля их вызвали на заседание сейма: тщетно они ссылались на отсутствие некоторых из них и просили отсрочки. В этом было отказано, и вызов был продолжен в спешке. Двадцать один свободный город принял предложение сейма, а четырнадцать отвергли его. Это был смелый поступок со стороны последнего, и он был совершен в разгар самых мучительных страданий. "Это первый судебный

процесс, — сказал Пфаррер, второй депутат Страсбурга. - Теперь наступит второй: мы должны либо отречься от Слова Божьего, либо быть сожженными". [158]

ЖЕСТОКОСТЬ ФЕРДИНАНДА.

Жестокое обращение Фердинанда немедленно положило начало серии унижений, которые были зарезервированы для евангелических городов. Депутат Страсбурга должен был, в соответствии с вормсским декретом, быть членом имперского правительства с начала апреля. Он был объявлен лишенным своих прав до восстановления мессы в Страсбурге. Все города объединились в протесте против этого произвола.

В то же время курфюрст-палатин и сам король Фердинанд умоляли принцев принять указ, заверяя их, что император будет ими чрезвычайно доволен. "Мы будем повиноваться императору, - спокойно ответили они, - во всем, что может способствовать поддержанию мира и прославлению Бога".

Пришло время положить конец этой борьбе. 18 апреля было постановлено, что евангелические штаты больше не будут услышаны, и Фердинанд приготовился нанести решающий удар на следующий день.

Когда настал день, король появился на сейме в окружении других комиссаров империи и нескольких епископов. Он поблагодарил римско-католиков за их верность и заявил, что резолюция была окончательно согласована и вот-вот будет оформлена в виде императорского указа. Затем он объявил избирателю и его друзьям, что им ничего больше не остается, как подчиниться большинству.

РАСКОЛ ЗАВЕРШЕН.

Евангелические князья, не ожидавшие столь решительного заявления, были взволнованы этим призывом и, согласно обычаю, перешли в соседнюю комнату для обсуждения. Но Фердинанд был не в том настроении, чтобы ждать их ответа. Он встал, и все имперские комиссары вместе с ним. Тщетны были все попытки остановить его. "Я получил приказ его императорского величества, - ответил он. - я исполнил его. Все кончено".

Таким образом, брат Карла отдает приказ христианским князьям, а затем удаляется, даже не заботясь о том, был ли какой-либо ответ. Напрасно они послали депутацию, умоляя короля вернуться. "Это решенное дело", - повторил Фердинанд. - "Покорность - это все, что остается". [159] Этот отказ завершил раскол: он отделил Рим от Евангелия. Возможно, проявление большей справедливости со стороны Империи и папства могло бы предотвратить разрыв, который с тех пор разделил Западную Церковь.

VI. Если императорская партия проявляла такое презрение, то это было неспроста. Они чувствовали, что слабость была на стороне Реформации, а сила - на стороне Карла и папы римского. Но у слабых есть и своя сила, и евангельские князья знали об этом. Поскольку Фердинанд не обращал внимания на их заявления, им оставалось не обращать внимания на его отсутствие и апеллировать к отчету сейма Словом Божьим, а от императора Карла - к Иисусу Христу, Царю королей и Господу господствующих.

Они решились на этот шаг. На этот счет была составлена декларация, и это был знаменитый *Протест* который отныне дал обновленной церкви название *протестантской*. Курфюрст и его союзники, вернувшись в общий зал сейма, обратились к собравшимся штатам с таким обращением:— [160]

ПРОТЕСТ.

"Дорогие лорды, Кузены, дяди и Друзья! Обратившись к этому сейму по созыву его величества и для общего блага Империи и христианского мира, мы услышали и узнали, что решения последнего сейма, касающиеся нашей святой христианской веры, подлежат отмене, и что предлагается заменить их ограничительными и обременительными резолюциями.

Король Фердинанд и другие имперские комиссары, прикрепляя свои печати к последнему *Углублению* Шпиля, пообещали, однако, от имени императора искренне и нерушимо выполнять все, что в нем содержится, и не допускать ничего, что противоречило бы ему. Подобным же образом вы и мы, выборщики, принцы, прелаты, лорды и депутаты Империи, обязались всегда и изо всех сил соблюдать все статьи этого указа.

Поэтому мы не можем согласиться на его отмену.

"Во-первых, потому, что мы верим, что его императорское величество, а также вы и мы призваны твердо отстаивать то, что было единогласно и торжественно решено.

Во-вторых, потому что это касается славы Божьей и спасения наших душ, и что в таких вопросах мы должны, прежде всего, руководствоваться заповедью Бога, который есть Царь царей и Господь господствующих; каждый из нас отчитывается перед ним за себя, нисколько не заботясь о большинстве или меньшинстве. [161]

"Мы не выносим никакого суждения о том, что касается вас, самые дорогие господа; и мы довольствуемся ежедневной молитвой Богу о том, чтобы он привел всех нас к единству веры, в истине, милосердии и святости через Иисуса Христа, наш Престол Благодати и нашего единственного Посредника.

"Но в том, что касается нас, мы придерживаемся вашего решения (и пусть каждый честный человек будет судьей!). было бы действовать против нашей совести, осуждая доктрину, которую мы считаем христианской, и заявляя, что ее следовало бы отменить в наших штатах, если бы мы могли сделать это без проблем.

"Это означало бы отречься от Господа нашего Иисуса Христа, отвергнуть его святое Слово и таким образом дать ему справедливый повод отречься от нас в свою очередь перед своим Отцом, как он угрожал.

- Что?! мы ратифицируем этот указ! Мы утверждаем, что когда Всемогущий Бог призывает человека к Своему знанию, этот человек не может, однако, получить знание о Боге! О! в каком смертоносном отступничестве мы не должны были бы таким образом стать соучастниками не только среди наших собственных подданных, но и среди ваших!

"По этой причине мы отвергаем наложенное на нас ярмо. И хотя общеизвестно, что в наших штатах святое причастие тела и крови Господа Нашего совершается должным образом, мы не можем придерживаться того, что предлагает эдикт против сакраментариев, видя, что в императорском эдикте о них ничего не говорилось, что они не были услышаны, и что мы не можем принять решение по таким важным вопросам до следующего собора.

"Более того, — и это существенная часть протеста, — новый указ, объявляющий, что служители должны проповедовать Евангелие, объясняя его в соответствии с писаниями, принятыми святой христианской церковью; мы думаем, что для того, чтобы это постановление имело какую-либо ценность, мы должны сначала договориться о том, что подразумевается под этой истинной и святой Церковью. Теперь, видя, что существует большое разнообразие мнений на этот счет; что нет надежного учения, кроме такого, которое соответствует Слову Божьему; что Господь запрещает преподавать какое-либо другое учение; что каждый текст Священного Писания должен быть объяснен другими и более ясными текстами; что эта священная книга во всем, что необходимо для христианина, легка для понимания и рассчитана на то, чтобы рассеять тьму: мы полны решимости, с милостью Божьей, поддерживать чистую и исключительную проповедь его единственного Слова, такого, какое содержится в библейских книгах Ветхого и Нового Завета, не добавляя ничего нового. все, что может ему противоречить. [162] Это Слово - единственная истина; это непреложное правило всей доктрины и всей жизни, и оно никогда не может подвести или обмануть нас. Тот, кто строит на этом фундаменте, устоит против всех сил ада, в то время как все человеческое тщеславие, которое противостоит ему, падет перед лицом Бога.

ПРИНЦИПЫ ПРОТЕСТА.

"По этим причинам, самые дорогие лорды, дяди, кузены и Друзья, мы искренне умоляем вас тщательно взвесить наши обиды и наши мотивы. Если вы не уступите нашей просьбе, этими подарками мы заявляем протест перед Богом, нашим единственным Создателем, Хранителем, Искупителем и Спасителем, и который однажды станет нашим Судьей, а также перед всеми людьми и всеми созданиями, что мы, для себя и для нашего народа, не соглашаемся и никоим образом не придерживаемся предлагаемого постановления, в чем бы то ни было, что противоречит Богу, его святому Слову, нашей чистой совести, спасению наших душ и последнему постановлению Spire.

"В то же время мы ожидаем, что его императорское величество будет вести себя по отношению к нам как христианский государь, который любит Бога превыше всего; и мы заявляем, что готовы проявлять к нему, а также к вам, милостивые государи, всю любовь и послушание, которые являются нашим справедливым и законным долгом".

Так в присутствии сейма высказались те отважные люди, которых христианский мир отныне будет называть протестантами.

Едва они закончили, как объявили о своем намерении покинуть Шпиль завтра. [163]

Этот протест и декларация произвели глубокое впечатление. Заседание сейма было грубо прервано и разделено на две враждебные партии, что предвещало войну. Большинство стало жертвой сильнейших страхов. Что же касается протестантов, полагавшихся *jure humano*, на эдикт Спайра и *jure divino*, на Библию, то они были полны мужества и твердости.

ПРЕВОСХОДСТВО ЕВАНГЕЛИЯ.

Принципы, содержащиеся в этом знаменитом протесте 19 апреля 1529 года, составляют саму суть протестантизма. Теперь этот протест направлен против двух злоупотреблений человеком в вопросах веры: первое - это вмешательство гражданского магистрата, а второе - деспотичный авторитет Церкви. Вместо этих двух злоупотреблений протестантизм ставит над магистратом

власть совести, а над видимой Церковью - авторитет Слова Божьего. Прежде всего, он отвергает гражданскую власть в божественных делах и говорит вместе с Пророками и Апостолами: *мы должны повиноваться Богу, а не человеку*. В присутствии короны Карла Пятого он возвышает корону Иисуса Христа. Но она идет дальше: она устанавливает принцип, что все человеческое учение должно быть подчинено Божьим оракулам. Даже первобытная Церковь, признав писания Апостолов, совершила акт подчинения этой высшей власти, а не акт авторитета, как утверждает Рим; и учреждение трибунала, которому было поручено толкование Библии, привело лишь к рабскому подчинению человека человеку в том, что должно было быть наиболее свободным — в совести и вере. В этом знаменитом акте Шпиля не появляется ни один врач, и царит только Слово Божье. Никогда человек не возвышал себя так, как папа Римский; никогда людей не держали в тени, как Реформаторов.

Римский историк утверждает, что слово *протестант* означает *враг императора и папы*. [164] Если под этим подразумевается, что протестантизм в вопросах веры отвергает вмешательство как Империи, так и папства, то это хорошо. Однако даже это объяснение не исчерпывает значения этого слова, поскольку протестантизм отвергал власть человека исключительно для того, чтобы возвести Иисуса Христа на престол Церкви и произнести его Слово за кафедрой. Никогда не было ничего более позитивного и в то же время более агрессивного, чем позиция протестантов в Спайре. Утверждая, что только их вера способна спасти мир, они с неустрашимым мужеством защищали права христианского прозелитизма. Мы не можем отказаться от этого прозелитизма, не отказавшись от протестантских принципов.

ФЕРДИНАНД ОТКЛОНЯЕТ ПРОТЕСТ.

Протестанты Спайра не довольствовались тем, что превозносили истину; они защищали милосердие. Фабер и другие папские приверженцы пытались отделить князей, которые в целом поддерживали Лютера, от городов, которые скорее стояли на стороне Цвингле. СЕ Колампадий немедленно написал Меланхтону и ознакомил его с доктринами цюрихского реформатора. Он с негодованием отверг идею о том, что Христос был изгнан в уголок рая, и энергично заявил, что, согласно швейцарским христианам, Христос был повсюду, поддерживая все Словом своей силы. [165] "С помощью видимых символов, - добавил он, - мы даем и получаем невидимую благодать, как и все верующие". [166]

Эти заявления не были бесполезными. В Спайре было два человека, которые из разных побуждений выступали против усилий Фабера и поддерживали усилия СЕ Colampadius. Ландграф, постоянно прокручивавший в уме проекты союза, ясно чувствовал, что если христиане Саксонии и Гессена позволят осудить Церкви Швейцарии и Верхней Германии, они тем самым лишат себя могущественных помощников. [167] Меланхтон, который был далек от стремления, как ландграф, к дипломатическому союзу, опасаясь, что это приведет к войне, защищал великие принципы справедливости и восклицал: "Каким справедливым упрекам мы не подверглись бы, если бы признали за нашими противниками право осуждать доктрину, не выслушав тех, кто ее защищает!" Таким образом, объединение всех евангельских христиан является принципом примитивного протестантизма.

Поскольку Фердинанд не слышал протеста от 19 апреля, депутация евангелических штатов отправилась на следующий день, чтобы представить его ему. Брат Карла Пятого сначала получил его, но сразу же после этого пожелал вернуть. Затем стал свидетелем странной сцены — король отказался оставить протест, а депутаты - забрать его обратно. Наконец последний из

уважения принял его из рук Фердинанда, но они смело положили его на стол и сразу же вышли из зала.

РАДОСТЬ ПРОТЕСТАНТОВ.

Король и имперские комиссары остались перед этим грозным письмом. Оно было там — перед их глазами — значительным памятником мужества и веры протестантов. Раздраженный этим молчаливым, но могущественным свидетелем, который обвинял его тиранию и возлагал на него ответственность за все бедствия, которые вот-вот обрушатся на Империю, брат Карла Пятого созвал нескольких своих советников и приказал им немедленно вернуть этот важный документ протестантам.

Все это было бесполезно; протест был занесен в мировые анналы, и ничто не могло стереть его из памяти. Свобода мысли и совести была завоевана на века вперед. Таким образом, вся евангелическая Германия, предвидя все это, была тронута этим мужественным поступком и приняла его как выражение своей воли и своей веры. Люди со всех сторон видели в этом не политическое событие, а христианский поступок, и молодой принц-выборщик Джон Фредерик, в этом отношении орган своего времени, воззвал к протестантам Спайра: "Пусть Всемогущий, даровавший вам благодать исповедовать энергично, свободно и бесстрашно, сохранит вас в этой христианской твердости до дня вечности!" [\[168\]](#)

В то время как христиане были полны радости, их враги были напуганы их собственным делом. В тот самый день, когда Фердинанд отказался принять протест, во вторник, 20 апреля, в час дня Генрих Брауншвейгский и Филипп Баденский выступили в качестве посредников, заявив, однако, что они действуют исключительно по собственному усмотрению. Они предложили, чтобы больше не упоминалось о декрете Вормса и чтобы первый декрет Спайра был сохранен, но с некоторыми изменениями; чтобы обе партии, оставаясь свободными до следующего собора, выступали против каждой новой секты и не терпели никакой доктрины, противоречащей причастию тела Господня. [\[169\]](#)

ЛИКОВАНИЕ ПАПИСТОВ.

В среду, 21 апреля, евангелические штаты, казалось, не возражали против этих предложений; и даже те, кто принял доктрину Цвингля, смело заявили, что такое предложение не поставит под угрозу их существование. "Только давайте вспомним, - сказали они, - что в таких трудных делах мы должны действовать не мечом, а верным Словом Божьим. [\[170\]](#) Ибо, как говорит святой Павел: *то, что не от веры, есть грех*. Поэтому, если мы принуждаем христиан делать то, что они считают несправедливым, вместо того, чтобы вести их Словом Божьим к признанию добра, мы вынуждаем их грешить и берем на себя ужасную ответственность".

Фанатики римской партии трепетали, видя, что победа почти ускользает от них; ибо они отвергали всякий компромисс и желали чисто и незатейливо восстановления папства. Их рвение пересилило все, и переговоры были прерваны.

В четверг, 22 апреля, сейм собрался в семь утра, и *перерыв* был зачитан в точности в том виде, в каком он был составлен ранее, даже без упоминания о попытке примирения, которая только что провалилась.

Фабер торжествовал. Гордый тем, что к нему прислушиваются короли, он яростно метался, и, по словам очевидца, глядя на него, можно было бы сказать, что он Циклоп, кующий в своей пещере чудовищные цепи, которыми он собирался сковать Реформу и Реформаторов. [171] Папистские князья, увлеченные беспорядками, дали шпору, говорит Меланхтон, и очертя голову бросились на путь, полный опасностей. [172] Евангельским христианам ничего не оставалось, как упасть на колени и воззвать к Господу. "Все, что нам остается сделать, - повторила Меланхтон, - это воззвать к Сыну Божьему". [173]

Последнее заседание сейма состоялось 24 апреля. Принцы возобновили свой протест, к которому присоединились четырнадцать вольных и имперских городов, и в следующий раз они подумали о том, чтобы придать своему обращению законную форму.

ХРИСТИАНСКОЕ ЕДИНСТВО - РЕАЛЬНОСТЬ.

В воскресенье, 25 апреля, два нотариуса, Леонард Стетнер из Фрейзингена и Панграций Зальцманн из Бамберга, сидели за маленьким столиком в узкой комнате на первом этаже дома, расположенного на Сент-Джонс-лейн, недалеко от церкви с тем же названием в Шпице, а вокруг них были канцлеры принцев и евангелических городов в сопровождении нескольких свидетелей. [174]

Этот маленький дом принадлежал скромному пастору Питеру Мутерштатту, дьякону церкви Святого Иоанна, который, заняв место курфюрста или ландграфа, предоставил жилье для готовящегося важного акта. Впоследствии его имя будет передано потомкам. Когда документ был окончательно составлен, один из нотариусов начал его зачитывать. "Поскольку между всеми людьми существует естественное общение, - говорили протестанты, - и поскольку даже лицам, приговоренным к смерти, разрешено объединяться и обжаловать свое осуждение, насколько больше мы, являющиеся членами одного духовного тела, Церкви Сына Божьего, детьми одного Небесного Отца и, следовательно, братьями по Духу, [175] уполномочены объединяться, когда наше спасение и речь идет о вечном осуждении".

Проанализировав все, что было принято в сейме, и включив в свое обращение основные документы, которые имели к нему отношение, протестанты закончили словами: "Поэтому мы обращаемся за собой, за нашими подданными и за всеми, кто получает или кто впоследствии получит Слово Божье, несмотря на все прошлые, настоящие или будущие возмутительные меры, к его Императорскому Величеству и к свободному и всеобщему собранию святого христианского Мира". Этот документ занимал двенадцать листов пергамента; подписи и печати были проставлены на тринадцатом.

ПОБЕГ ГРИН.

Так в темном жилище капеллана церкви Святого Иоанна было сделано первое признание истинного христианского союза. В присутствии святого механического единства Папы Римского эти исповедники Иисуса подняли знамя живого единства Христа; и, как во дни нашего Спасителя, если в Израиле было много синагог, то был по крайней мере один-единственный храм. Христиане избирательной Саксонии, Люнебурга, Ангальта, Гессена и маркграфства, Страсбурга, Нюрнберга, Ульма, Констанца, Линдау, Меммингена, Кемптена, Нордлинга, Хайльбронна, Ройтлинга, Исны, Сен-Галля, Вайсенбурга и Виндсхайма пожали друг другу руки 25 апреля возле церкви Святого Иоанна перед лицом угрожающих преследований. Среди них можно было бы найти тех, кто, подобно Цвингле, признавал на Вечере Господней полностью

духовное присутствие Иисуса Христа, а также тех, кто, подобно Лютеру, признавал его телесное присутствие. В то время в евангелическом сообществе не существовало никаких сект, ненависти или раскола; христианское единство было реальностью. Та верхняя палата, в которой в первые дни христианства апостолы с женщинами и братьями "единодушно пребывали в молитве и прощении", [176] и та нижняя палата, где в первые дни Реформации обновленные ученики Иисуса Христа предстали перед Папой и Императором, перед миром и на эшафот, как составляющие одно тело, являются две колыбели Церкви; и именно в этот час ее слабости и унижения она сияет ярчайшей славой.

УНЫНИЕ МЕЛАНХТОНА.

После этого обращения каждый молча вернулся в свое жилище. Несколько знаков вызвали тревогу за безопасность протестантов. Незадолго до этого Меланхтон поспешно повел по улицам Шпиля к Рейну своего друга Симона Гринейуса, настаивая на том, чтобы тот пересек реку. Последний был поражен такой осадкой. [177] "Старик серьезного и торжественного вида, но который мне неизвестен, - сказал Меланхтон, - предстал передо мной и сказал: через минуту Фердинанд пошлет офицеров юстиции арестовать Грин". Поскольку он был близок с Фабером и был шокирован одной из его проповедей, Гриней пришел к нему и умолял его больше не воевать против истины. Фабер скрыл свой гнев, но сразу же отправился к королю, от которого получил приказ против назойливого профессора Гейдельберга. [178] Меланхтон не сомневался, что Бог спас его друга, послав одного из Своих святых ангелов предупредить его. Неподвижно стоя на берегу Рейна, он ждал, пока воды этого потока не спасли Грин от его преследователей. "Наконец-то, - воскликнул Меланхтон, увидев его на противоположной стороне, - он вырван из жестоких зубов тех, кто пьет невинную кровь". [179] Когда Меланхтон вернулся в свой дом, ему сообщили, что офицеры, разыскивавшие Гринейуса, обыскали его сверху донизу. [180]

Ничто не могло дольше удерживать протестантов в Спайре. Соответственно, на следующее утро после их апелляции (понедельник, 26 апреля) курфюрст, ландграф и герцоги Люнебургские покинули город, добрались до Вормса, а затем вернулись через Гессен в свои собственные государства. Обращение Спайра было опубликовано ландграфом 5-го числа и курфюрстом 13 мая.

Меланхтон вернулся в Виттемберг 6 мая, убежденный в том, что обе стороны вот-вот обнажат меч. Его друзья были встревожены, увидев его взволнованным, измученным и похожим на мертвеца. [181] "Это великое событие, которое только что произошло в Spire", - сказал он. "Это чревато опасностями не только для Империи, но и для самой Религии. [182] Все муки ада угнетают меня". [183]

ПРИНЦЫ, ИСТИННЫЕ РЕФОРМАТОРЫ.

Величайшим несчастьем Меланхтона было то, что все эти пороки приписывались ему, как, впрочем, и он сам приписывал их себе. "Одно-единственное обстоятельство нанесло нам ущерб, - сказал он, - то, что мы не одобрили, как от нас требовали, эдикт против цвинглианцев". Лютер не придерживался такого мрачного взгляда на вещи, но он был далек от понимания силы протеста. "Диета, - сказал он, - подошла к концу почти безрезультатно, за исключением того, что те, кто бичевал Иисуса Христа, не смогли утолить свою ярость". [184]

Потомство не ратифицировало это решение, и, напротив, начиная с этой эпохи окончательного формирования протестантизма, оно приветствовало Протест Спайра как одно из величайших движений, зарегистрированных в истории.

Давайте посмотрим, кому принадлежит главная слава этого поступка. Роль, которую сыграли князья, и особенно курфюрст Саксонии, в немецкой реформации, должна поразить каждого беспристрастного наблюдателя. Это настоящие реформаторы — настоящие мученики. Святой Дух, который веет, где ему заблагорассудится, вдохновил их мужеством древних исповедников Церкви; и Бог Избрания был прославлен в них. Чуть позже, возможно, эта великая роль, сыгранная князьями, привела бы к плачевным последствиям: нет такой Божьей благодати, которую человек не мог бы извратить. Но ничто не должно мешать нам воздавать почести тем, кому подобает почести, и преклоняться перед работой вечного Духа в этих выдающихся людях, которые под властью Бога были в шестнадцатом веке спасителями христианского мира.

Реформация приняла телесную форму. Только Лютер сказал "Нет" Вормсскому сейму, но Церкви и служители, князья и народ сказали "Нет" Спайрскому сейму.

Ни в одной стране суеверия, схоластика, иерархия и папство не были так сильны, как среди германских народов. Эти простые и искренние люди смиренно склонили свою шею под ярмо, пришедшее с берегов Тибра. Но в них была глубина, жизнь, потребность во внутренней свободе, которые, освященные Словом Божиим, могли бы сделать их самыми энергичными проводниками христианской истины. Именно от них должна была исходить реакция против той материальной, внешней и правовой системы, которая заменила христианство; именно они были призваны разбить вдребезги скелет, заменявший дух и жизнь, и вернуть сердцу христианского мира, окостеневшему под властью иерархии, щедрые побои, которых оно было лишено на протяжении стольких веков. Вселенская церковь никогда не забудет о своем долге перед князьями Спайра и перед Лютером.

ГЕРМАНИЯ И РЕФОРМЫ.

VII. Протест Шпиля еще больше усилил негодование приверженцев папства, и Карл Пятый, согласно клятве, данной им в Барселоне, приступил к приготовлению "подходящего противоядия от чумы, которой подверглись немцы, и к возмездию поразительным образом за оскорбление, нанесенное Иисусу Христу". [185] Папа, со своей стороны, пытался объединить всех других князей христианского мира в этом крестовом походе; и Камбрэйский мир, заключенный 5 августа, способствовал осуществлению его жестоких замыслов. Это развязало руки императору в борьбе с еретиками. После того, как евангелисты вышли на акцию протеста в Шпиле, им было необходимо подумать о ее поддержке.

Протестантские штаты, которые уже заложили основы евангелического союза в Шпиле, согласились направить депутатов в Ротак; но избиратель, пораженный заявлениями Лютера, который постоянно говорил ему: "Вы будете спасены, сохраняя спокойствие", [186] приказал своим депутатам выслушать предложения его союзники, но ни на что не решающиеся. Они собрались на новую конференцию, которая так и не состоялась. Лютер восторжествовал, ибо человеческие союзы рухнули. "Христос Господь знает, как избавить нас без ландграфа и даже против ландграфа", - сказал он своим друзьям. [187]

ТРУДНОСТЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ.

Филипп Гессенский, которого раздражало упрямство Лютера, был убежден, что оно возникло из-за спора о словах. "Они и слышать не хотят о союзах из-за цвинглианцев, - сказал он. - Что ж, тогда давайте положим конец противоречиям, которые отделяют их от Лютера".

Объединение всех последователей Слова Божьего на самом деле казалось необходимым условием успеха Реформы. Как могли бы протестанты противостоять власти Рима и Империи, если бы они были разделены? Ландграф, без сомнения, хотел объединить их умы, чтобы впоследствии он мог объединить их оружие; но дело Христа не должно было восторжествовать мечом. Если им удастся объединить свои сердца и молитвы, Реформа обретет такую силу в вере своих детей, что копейщики Филиппа больше не понадобятся.

К сожалению, это единение умов, к которому теперь следовало стремиться превыше всего, было очень трудной задачей. Лютер в 1519 году, поначалу казалось, не только реформировал, но и полностью обновил учение о Вечере Господней, как это сделали швейцарцы несколько позже. "Я прихожу на таинство Вечери Господней, - сказал он, - и там получаю знамение от Бога, что праведность и страсти Христа оправдывают меня; таково назначение Таинства". [188] Эта беседа, которая прошла через несколько показов в городах Верхней Германии, подготовила умы людей к доктрине Цвингля. Соответственно, Лютер, пораженный завоеванной репутацией, опубликовал в 1527 году это торжественное заявление: "Я протестую перед Богом и перед всем миром, что я никогда не ходил с сакраментариями".

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЛЮТЕРАНЕ.

На самом деле Лютер никогда не был цвинглианцем в отношении Причастия. Более того, в 1519 году он все еще верил в Пресуществление. Почему же тогда он должен говорить о знамении? Именно по этой причине. В то время как, согласно Цвингле, хлеб и вино являются знаками тела и крови Христа, согласно Лютеру, само тело и кровь Иисуса Христа являются знаками Божьей благодати. Эти мнения сильно отличаются друг от друга.

Вскоре это разногласие заявило о себе. В 1527 году Цвингле в своем *Дружеском изложении* [189] с мягкостью и уважением повторил мнение Лютера. К сожалению, в то время в печати вышла брошюра саксонского реформатора "Против энтузиастов", и в ней Лютер выразил свое возмущение тем, что его противники осмеливаются говорить о христианском единстве и мире. "Что ж! - воскликнул он. - поскольку они таким образом оскорбляют всякий разум, я сделаю им лютеранское предупреждение. [190] Будь проклято это согласие! будь проклято это милосердие! долой, долой его, в бездонную яму ада! Если бы я убил вашего отца, вашу мать, вашу жену, вашего ребенка, а затем, желая убить вас, я бы сказал вам: "Давайте жить в мире, мой дорогой друг!" что бы вы ответили?— Именно таким образом энтузиасты, убивающие Иисуса Христа, моего Господа, Бога-Отца, и христианский мир, мою мать, хотят убить и меня; и тогда они говорят: "Давайте будем друзьями!"

Цвингле написал два ответа "превосходному Мартину Лютеру" в холодном тоне и с надменным спокойствием, которые простить труднее, чем оскорбления саксонского доктора. "Мы должны почитать вас достойным сосудом, и мы делаем это с радостью, - сказал он, - несмотря на ваши

недостатки". Памфлет следовал за памфлетом, Лютер всегда писал с той же порывистостью, а Цвингле - с той же прохладой и иронией.

ПРЕДЛАГАЕМАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В МАРБУРГЕ.

Таковы были врачи, которых ландграф взялся примирить. Уже во время заседания сейма в Спайре Филипп Гессенский, который был огорчен, услышав, как паписты постоянно повторяют: "Вы хвастаетесь своей привязанностью к чистому Слову Божьему, и все же вы, тем не менее, разобщены", [191] сделал Цвингле письменные предложения. Теперь он пошел дальше и пригласил богословов разных партий встретиться в Марбурге. Эти приглашения были встречены с различными приемами. Цвингле, чье сердце было большим и братским, откликнулся на призыв ландграфа; но Лютер, который обнаружил лиги и битвы за этим мнимым согласием, отверг его.

Однако казалось, что большие трудности задержат Цвингле. Чтобы добраться из Цюриха в Марбург, необходимо было пройти через территории императора и других врагов Реформации; сам ландграф не скрывал опасностей путешествия; [192] но для того, чтобы избежать этих трудностей, он пообещал сопровождение из Страсбурга в Гессен, а в остальном "защиту Божью". [193] Эти меры предосторожности не могли успокоить цюрихцев.

Причины другого рода задержали Лютера и Меланхтона. "Это неправильно, - говорили они, - что ландграф имеет так много общего с цвинглианцами. Их ошибка такого характера, что люди с острым умом легко ею заражаются. Разум любит то, что он понимает, особенно когда ученые люди облачают свои идеи в одежды Священного Писания".

Меланхтон на этом не остановился, но выдвинул весьма необычную идею о выборе папистов в качестве судей дискуссии. "Если бы не было беспристрастных судей, - сказал он, - у цвинглианцев был бы хороший шанс похвастаться победой". [194] Таким образом, согласно Меланхтону, паписты были бы беспристрастными судьями, если бы предметом обсуждения было реальное присутствие! Он пошел еще дальше. "Пусть курфюрст, - писал он 14 мая принцу-выборщику, - откажет нам в разрешении на поездку в Марбург, чтобы мы могли сослаться на это оправдание". Курфюрст не позволил бы себе столь позорного поступка, и виттембергские реформаторы оказались вынужденными удовлетворить просьбу Филиппа Гессенского. Но они сделали это со следующими словами: "Если швейцарцы не уступят нам, все ваши проблемы пропадут даром"; и они написали теологам из числа своих друзей, которых созвал принц: "Держитесь подальше, если можете; ваше отсутствие будет нам очень полезно". [195]

ОТЪЕЗД ЦВИНГЛЯ.

Цвингле, напротив, который готов был отправиться на край света, приложил все усилия, чтобы получить у магистратов Цюриха разрешение посетить Марбург. "Я убежден, - сказал он тайному совету, - что если мы, врачи, встретимся лицом к лицу, сияние истины осветит наши глаза". [196] Но совет, который только что подписал первый религиозный мир, [197] и который боялся, что война вспыхнет снова, решительно отказался разрешить уход Реформатора .

На этот счет Цвингле принял решение для себя. Он чувствовал, что его присутствие необходимо для поддержания мира в Цюрихе; но именно благополучие всего христианского мира вызвало

его в Марбург. Соответственно, подняв глаза к небу, он решил удалиться, воскликнув: "О Боже! Ты никогда не оставлял нас; Ты исполнишь свою волю для собственной славы". [198] Ночью 31 августа Цвингле, не желавший дожидаться охранной грамоты ландграфа, приготовился к путешествию. Рудольф Коллин, профессор греческого языка, сопровождал его один. Реформатор написал Малому и Великому Советам: "Если я уйду, не уведомив вас, то это не потому, что я презираю вашу власть, мудрейшие лорды; но потому, что, зная любовь, которую вы питаете ко мне, я предвижу, что ваше беспокойство будет препятствовать моему отъезду".

СЛУХИ В ЦЮРИХЕ.

Когда он писал эти слова, от ландграфа пришло четвертое послание, еще более срочное, чем предыдущие. Реформатор отправил письмо принца бургомистру вместе со своим собственным; затем он тайно покинул свой дом ночью, [199] скрыв свой отъезд как от друзей, назойливости которых он опасался, так и от врагов, ловушек которых у него были веские причины опасаться. Он даже не сказал своей жене, куда направляется, чтобы это не огорчило ее. Затем он и Коллин сели на двух лошадей, которые были наняты для этой цели, [200] и быстро поскакали в направлении Базеля.

В течение дня слух об отсутствии Цвингле распространился по Цюриху, и его враги были в приподнятом настроении. "Он бежал из страны, - говорили они, - он сбежал со сворой негодяев!" "Когда он переправлялся через реку в Бруке, - рассказывали другие, - лодка перевернулась, и он утонул". "Дьявол, - утверждали многие со злобной улыбкой, - явился ему во плоти и унес его". [201]— "Их историям не было конца", - говорит Буллингер. Но совет немедленно принял решение согласиться с пожеланием Реформатора. В самый день его отъезда они назначили одного из советников, Ульрика Функа, сопровождать его в Марбург, который немедленно отправился в путь с прислугой и одним аркебузиром. Страсбург и Базель подобным же образом послали государственных деятелей вместе со своими теологами, полагая, что эта конференция, несомненно, будет иметь и политическую цель.

Цвингле прибыл в Базель целым и невредимым, [202] и 6 сентября вместе с Николаем Лампадием и несколькими купцами отправился по реке. [203] Через тринадцать часов они добрались до Страсбурга, где двое реформаторов поселились в доме Мэтью Зелла, кафедрального проповедника. Кэтрин, жена пастора, готовила блюда на кухне, прислуживала за столом в соответствии со старинными немецкими обычаями, [204] а затем села рядом с Цвингле, внимательно слушала и говорила с таким благочестием и знанием дела, что последний вскоре поставил ее выше многих врачей.

РЕФОРМАТОРЫ В МАРБУРГЕ.

Цвингле, обсудив с магистратами Страсбурга способы сопротивления римской лиге и организацию, которую следует придать христианской конфедерации, [205] покинул Страсбург; и он и его друзья, которых вели проселочными дорогами, через леса, горы и долины, тайными, но надежными тропами, наконец прибыли в Марбург, сопровождаемые сорока гессенскими кавалерами. [206]

Лютер, со своей стороны, в сопровождении Меланхтона, Круцигера и Йонаса остановился на границе с Гессеном, заявив, что ничто не заставит его пересечь ее, пока он не получит охранную грамоту от ландграфа. Получив этот документ, Лютер прибыл в Альсфельд, где ученые, преклонив колени под окнами реформатора, распевали свои благочестивые гимны. Он

вошел в Марбург 30 сентября, на следующий день после прибытия швейцарцев. Обе стороны отправились на постоянные дворы; но едва они вышли, как ландграф пригласил их приехать и остановиться в замке, думая таким образом сблизить противоборствующие стороны. Филипп развлекал их по-настоящему по-королевски. [207] "Ах! - сказал благочестивый Йонас, бродя по залам дворца. - Не в честь Муз, а в честь Бога и его Христа с нами так щедро обращаются в этих лесах Гессена!" После обеда в первый день СЕКолампадий, Гедио и Буцер, желая разделять взгляды принца, подошли и поприветствовали Лютера. Последний дружески беседовал с Колампадием во дворе замка; но Буцер, с которым он когда-то был очень близок и который теперь был на стороне Цвингле, приблизившись к нему, сказал Лютеру, улыбаясь и делая знак рукой: "Что касается тебя, то ты ни на что не годный парень и плут!" [208]

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ.

Несчастный Карлштадт, затеявший весь этот спор, находился в то время во Фрисландии, проповедуя духовное присутствие Христа и живя в такой нужде, что был вынужден продать свою Библию на иврите, чтобы купить хлеба. Судебный процесс сокрушил его гордость, и он написал ландграфу: "Мы всего лишь одно тело, один дом, один народ, одна священная раса; мы живем и умираем с одним и тем же Спасителем. [209] По этой причине я, бедный и в изгнании, смиренно молю ваше высочество кровью Иисуса Христа позволить мне присутствовать на этом диспуте".

Но как свести Лютера и Карлштадта лицом к лицу? и все же как оттолкнуть несчастного человека? Ландграф, чтобы выпутаться из этого затруднения, направил его к саксонскому реформатору. Карлштадт не явился.

Филипп Гессенский пожелал, чтобы перед началом публичной конференции богословы побеседовали с глазу на глаз. Однако, по словам современника, для Цвингле и Лютера, которые оба были от природы вспыльчивыми, было сочтено опасным с самого начала ссориться друг с другом; а поскольку Колампадиус и Меланхтон были самыми мягкими, их причислили к самым грубым. [210] В пятницу, 1 октября, после богослужения Лютера и СЕColampadius отвели в одну камеру, а Цвингле и Меланхтон - в другую. Затем сражающимся пришлось сражаться по двое.

МЕЛАНХТОН И ЦВИНГЛЕ.

Основное состязание проходило в комнате Цвингле и Меланхтон. "Утверждается, - сказала Меланхтон Цвингле, - что некоторые из вас говорят о Боге на манер евреев, как будто Христос по сути своей не был Богом". "Я думаю о Святой Троице, - ответил Цвингле, - а также о Ниццком соборе и афанасианском символе веры". "Соборы! символы веры! Что это значит? - спросила Меланхтон. "Разве вы не повторяли постоянно, что не признаете никакого другого авторитета, кроме Священного Писания?" "Мы никогда не отвергали соборы, - ответил швейцарский реформатор, - когда они основаны на авторитете Слова Божьего. [211] Четыре первых собора действительно священны в том, что касается доктрины, и никто из верующих никогда их не отвергал". Это важное заявление, переданное нам Николампадием, характеризует реформатское богословие. [212]

- Но вы учите, - продолжал Меланхтон, - подобно Томасу Мюнстеру, что Святой Дух действует совершенно самостоятельно, независимо от таинств и Слова Божьего. "Святой Дух, - ответил Цвингле, - производит в нас оправдание Словом, но Словом проповедуемым и понятым, душой и костным мозгом Слова, разумом и волей Бога, облеченными в человеческий язык". [213]

"По крайней мере, - продолжала Меланхтон, - вы отрицаете первородный грех и считаете, что грех заключается только в реальных и внешних деяниях, подобно пелагианцам, философам и папистам".

В этом и заключалась главная трудность. "Поскольку человек, естественно, любит себя, - ответил Цвингле, - вместо того, чтобы любить Бога; в этом есть преступление, грех, который осуждает его". [214] Он уже не раз высказывал то же мнение; [215] и все же Меланхтон ликовал, услышав его: "Наши противники, - сказал он впоследствии, - уступили по всем этим пунктам!"

Лютер использовал тот же метод в отношении Колампадия, что и Меланхтон в отношении Цвингле. Дискуссия, в частности, касалась крещения. Лютер жаловался, что они не хотели признавать, что по этому простому знаку человек становится членом Церкви. "Это правда, - сказал Колампадий, - что нам нужна вера — настоящая или будущая вера. Почему мы должны это отрицать? Кто такой христианин, если не тот, кто верит во Христа? Однако я не хотел бы отрицать, что вода крещения в определенном смысле является водой возрождения, ибо благодаря ей тот, кого Церковь не знала, становится ее ребенком ". [216]

Эти четверо богословов были в самом разгаре своих дискуссий, когда пришли слуги и сообщили им, что ужин для принца на столе. Они немедленно поднялись, и Цвингле и Меланхтон, встретив Лютера и Колампадиуса, которые тоже выходили из своей комнаты, подошли к Цвингле и скорбно прошептали ему на ухо: "Я во второй раз попал в руки доктора Экка". [217] На языке реформаторов ничего более сильного сказать было нельзя.

Не похоже, что беседа между Лютером и Колампадием была возобновлена после обеда. Поведение Лютера не внушало особой надежды; но Меланхтон и Цвингле вернулись к дискуссии, и цюрихский доктор, обнаружив, что виттембергский профессор ускользает от него, как угорь, как он выразился, и принимает "подобно Протею тысячу различных форм", схватил ручку, чтобы наказать своего оппонента. Цвингле пообещал записать все, что продиктует Меланхтон, а затем написал свой ответ и отдал его другому для прочтения. [218] Таким образом они провели шесть часов, три часа утра и три часа дня. [219] Они готовились к генеральной конференции.

Цвингле требовал, чтобы оно было открытым; Лютер воспротивился этому. Было решено, что принцы, дворяне, депутаты и богословы должны быть допущены; но большая толпа граждан и даже многие ученые и джентльмены, приехавшие из Франкфурта, из рейнских округов, из Страсбурга, из Базеля и других швейцарских городов, были исключены. Бренц говорит о пятидесяти или шестидесяти слушателях, Цвингле - только о двадцати четырех. [220]

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ.

На пологом возвышении, омываемом Ланом, расположен старый замок с видом на город Марбург; вдалеке видна прекрасная долина Лана, а за ней горные вершины, возвышающиеся одна над другой, пока не теряются за горизонтом. Конференция должна была состояться под сводами и готическими арками старинного зала этого замка, называемого Рыцарским залом.

Субботним утром (2 октября) ландграф занял свое место в зале, окруженный придворными, но одетый так просто, что никто не принял бы его за принца. Он хотел избежать видимости того, что играет роль Константина в делах Церкви. Перед ним был стол, к которому подошли Лютер, Цвингле, Меланхтон и СЕКолампадий. Лютер, взяв кусок мела, склонился над бархатной тканью, которой он был покрыт, и уверенно написал крупными буквами четыре слова. Все взоры проследили за движением его руки, и вскоре они прочли "Hoc est Corpus Meum". [221] Лютер хотел постоянно иметь при себе это заявление, чтобы оно укрепляло его веру и служило знаком для его противников.

Позади этих четырех теологов сидели их друзья — Хедио, Штурм, Функ, Фрей, Эберард, Тан, Йонас, Кройгерк и другие. Йонас бросил вопросительный взгляд на швейцарца: "Цвингле, - сказал он, - обладает определенной деревенской натурой и высокомерием; [222] если он и сведущ в литературе, то лишь вопреки Минерве и Музам. В СЕКолампадиусе есть природная доброта и достойная восхищения кротость. Хедио, кажется, обладает такой же щедростью, как и добротой; но я нахожу в Буцере хитрость лисы, которая знает, как придать себе вид разумного и благоразумного человека ". Люди умеренных настроений часто подвергаются худшему обращению, чем представители крайних партий.

АДРЕС КОРДЬЮ.

Другие чувства одушевляли тех, кто созерцал это собрание издалека. Великие люди, которые вели людей по их стопам на равнинах Саксонии, на берегах Рейна и в высокогорных долинах Швейцарии, встретились там лицом к лицу: вожди христианского мира, отделенного от Рима, собрались вместе, чтобы посмотреть, смогут ли они остаться единым целым. Соответственно, со всех концов Германии молитвы и встревоженные взгляды были устремлены в сторону Марбурга. "Прославленные князья Слова", [223] воскликнула евангелическая церковь устами поэта Кордуса: "проницательный Лютер, кроткий Колампадий, великодушный Цвингле, благочестивый Снепф, красноречивый Меланхтон, мужественный Буцер, искренний Гедио, превосходный Осиандер, доблестный Бренц, любезный Йонас". , огненный Крейтон, Менус, чья душа сильнее тела, великий Дионисий и ты, Миконий — все вы, кого призвал принц Филипп, этот прославленный герой, министры и епископы, которых христианские города послали положить конец расколу и указать нам путь истины; Церковь-просительница с плачем припадает к твоим ногам и умоляет тебя внутренностями Иисуса Христа довести это дело до счастливого исхода, чтобы мир мог признать в твоём решении работу самого Святого Духа ". [224]

Канцлер ландграфа Джон Фейдж, напомнив им от имени принца, что целью этого разговора было восстановление союза, сказал: "Я протестую, - сказал Лютер, - что я отличаюсь от моих противников в отношении учения о Вечере Господней и что я всегда буду отличаться от них. Христос сказал: *Сие есть тело мое*. Пусть они покажут мне, что тело - это не тело. Я отвергаю разум, здравый смысл, плотские аргументы и математические доказательства. Бог выше математики. [225] У нас есть Слово Божье; мы должны обожать его и исполнять!"

ОБСУЖДЕНИЕ—ЦИФРЫ.

"Нельзя отрицать, - сказал Колампадий, - что в Слове Божьем есть фигуры речи; поскольку *Иоанн - это Илия, скалой был Христос, я - виноградная лоза*. Выражение *Это мое тело-*

фигура того же рода". Лютер допускал, что в Библии были фигуры, но он отрицал, что это последнее выражение было образным.

Однако все различные партии, из которых состоит христианская церковь, видят в этих словах фигуру. Фактически, романисты заявляют, что *Это мое тело* означает не только "мое тело", но и "моя кровь", "моя душа" и даже "моя Божественность" и "всецело Христос". [226] Таким образом, по мнению Рима, эти слова представляют собой синекдоху, фигуру, с помощью которой часть принимается за целое. А что касается лютеран, то эта цифра еще более очевидна. [227] Будь то синекдоха, метафора или метонимия, фигура все равно есть. Чтобы доказать это, СЕКолампадий использовал такой силлогизм:—

"То, что Христос отверг в шестой главе Евангелия от Иоанна, он не мог признать словами Евхаристии.

"Итак, Христос, который сказал жителям Капернаума: *"плоть не приносит никакой пользы"*, отверг этими самыми словами оральное воспитание своего тела.

"Следовательно, он не установил этого при учреждении своей Вечери".

Лютер.— "Я отрицаю второстепенное (второе из этих утверждений); Христос отверг не всякую устную пищу, а только материальную пищу, подобную мясу быка или свиньи". [228]

СЕКолампадий. — "Опасно приписывать слишком многое простой материи".

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ СВЯЩЕННЫМ ПИСАНИЕМ.

Лютер. — "Все, что повелевает Бог, становится духом и жизнью. Если по повелению Господа мы поднимаем соломинку, то самым этим действием мы совершаем духовную работу. Мы должны обращать внимание на того, кто говорит, а не на то, что он говорит. Бог говорит: Люди, черви, слушайте!—Бог повелевает: пусть мир повинуетя! и давайте все вместе падем ниц и смиренно поцелуем это Слово". [229]

СЕКолампадий. — "Но поскольку у нас есть духовная пища, какая нужда в телесной?"

Лютер.— "Я не спрашиваю, какая нам в этом нужда; но я вижу, что написано: *Ешь, это мое тело*. Поэтому мы должны верить и действовать. Мы должны действовать — мы должны действовать! [230]— Если Бог прикажет мне есть навоз, я сделаю это с уверенностью, что это будет полезно". [231]

В этот момент в дискуссию вмешался Цвингле. "Мы должны объяснять Писание по Писанию", - сказал он. "Мы не можем допустить двух видов телесного умаления, как если бы Иисус говорил о поедании, а капернаиты - о разрывании на куски, поскольку в обоих случаях используется одно и то же слово. Иисус говорит, что вкушение его плоти телесно не приносит никакой пользы (Иоанна vi. 63); отсюда следовало бы, что он дал нам на Вечере то, что было бы бесполезно для нас.— Кроме того, есть некоторые слова, которые кажутся мне довольно детскими, — навоз, например. Оракулы демонов были темны, в отличие от пророчеств Иисуса Христа".

Лютер.— "Когда Христос говорит, что плоть ни к чему не приводит, он говорит не о своей плоти, а о нашей".

Цвингле. — "Душа питается Духом, а не плотью".

Лютер. — "Именно ртом мы едим тело; душа его не ест". [232]

Цвингле. — "Следовательно, тело Христа - это телесная пища, а не духовная".

Лютер. — "Ты придирчив".

Цвингле. — "Это не так; но вы говорите противоречивые вещи".

Лютер. — "Если бы Бог подарил мне дикие яблоки, я бы ел их духовно. В Евхаристии уста принимают тело Христа, а душа верит в его слова".

ДУХОВНАЯ ПИЩА.

Затем Цвингле процитировал множество отрывков из Священного Писания, в которых знамение описывается самым означаемым; и отсюда пришел к выводу, что, принимая во внимание заявление нашего Господа в Евангелии от Иоанна: *"плоть не приносит никакой пользы"*, мы должны аналогичным образом объяснить слова Евхаристии.

Многие слушатели были поражены этими аргументами. Среди марбургских профессоров сидел француз Ламбер; его высокая худощавая фигура была сильно взволнована. Сначала он придерживался мнения Лютера, [233], а затем колебался между двумя реформаторами. Отправляясь на конференцию, он сказал: "Я хочу быть листом чистой бумаги, на котором перст Божий может написать свою истину". Вскоре, выслушав Цвингле и Николампадиуса, он воскликнул: "Да! дух - вот что оживляет!" [234] Когда стало известно об этом обращении, виттембергцы, пожимая плечами, сказали: "Галльское непостоянство!" "Что? - возразил Ламбер. - святой Павел был непостоянен потому, что он был обращен из фарисейства? И были ли мы сами непостоянны, отказавшись от утраченных сект папства?"

Однако Лютер отнюдь не был потрясен. *"Это мое тело"*, - повторил он, указывая пальцем на слова, написанные перед ним. *"Это мое тело"*. Сам дьявол не прогонит меня от этого. Пытаться понять это - значит отпасть от веры". [235]

"Но, доктор, - сказал Цвингль, - святой Иоанн объясняет, как едят тело Христа, и вы будете вынуждены, наконец, перестать петь всегда одну и ту же песню".

АГИТАЦИЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ.

"Вы пользуетесь невежливыми выражениями", - ответил Лютер [236]. Сами виттембергцы называли аргументы Цвингле "его старой песней". [237] Цвингле продолжил, не будучи смущенным: "Я спрашиваю вас, доктор, не пожелал ли Христос в шестой главе Евангелия от Иоанна ответить на вопрос, который был ему задан?"

Лютер. — "Мистер Цвингль, вы хотите заткнуть мне рот своим высокомерием. Этот отрывок не имеет здесь никакого отношения.

Цвингле, поспешно. — "Простите, доктор, этот отрывок ломает вам шею".

Лютер. — "Не хвались так сильно! Ты в Гессене, а не в Швейцарии. В этой стране мы не ломаем людям шеи".

Затем, повернувшись к своим друзьям, Лютер горько пожаловался на Цвингле, как будто последний действительно хотел сломать ему шею. "Он употребляет солдатские и запятнанные кровью слова", - сказал он. [238] Лютер забыл, что использовал аналогичное выражение, говоря о Карлштадте. [239]

Цвингле продолжил: "В Швейцарии также существует строгое правосудие, и мы никому не ломаем шею без суда. Это выражение означает просто, что ваше дело проиграно и безнадежно".

В Рыцарском зале царило сильное волнение. Грубость швейцарца и упрямство саксонца столкнулись. Ландграф, опасаясь увидеть провал своего плана примирения, кивнул в знак согласия с объяснениями Цвингле. "Доктор, - сказал он Лютеру, - вы не должны обижаться на такие банальные выражения". Это было напрасно: взбудораженное море уже не могло успокоиться. Поэтому принц встал, и все отправились в банкетный зал. После ужина они вернулись к своим обязанностям.

"Я верю, - сказал Лютер, - что тело Христа находится на небесах, но я также верю, что оно находится в причастии. Меня мало волнует, противоречит ли это природе, при условии, что это не противоречит вере. [240] Христос по существу пребывает в таинстве, таким, каким он был рожден от Девы".

МЕТАФОРА.

СЕКолампадий, цитирующий отрывок из апостола Павла: "Мы не знаем Иисуса Христа по плоти". [241]

Лютер. — "По плоти" в этом отрывке означает "по нашим плотским привязанностям". [242]

СЕ Колампадий.— "Вы не допускаете, что в этих словах есть метафора, *Это мое тело*, и все же вы допускаете синекдоху".

Лютер. — "Метафора допускает существование только знака; но это не так с синекдохой. Если мужчина говорит, что хочет выпить бутылку, мы понимаем, что он имеет в виду пиво в бутылке. Тело Христа находится в хлебе, как меч в ножнах, [243] или как Святой Дух в голубе".

Дискуссия продолжалась в таком ключе, когда в зал вошли Осиандер, пастор из Нюрнберга, Стефан Агрикола, пастор из Аугсбурга, и Бренц, пастор из Галле в Швабии, автор знаменитой Синграммы. Они тоже были приглашены ландграфом. Но Бренц, которому Лютер написал, что ему следует позаботиться о том, чтобы не появляться, без сомнения, своей нерешительностью задержал свой отъезд, а также отъезд своих друзей. Им выделили места рядом с Лютером и Меланхтоном. "Слушайте и говорите, если необходимо", - сказали им. Они воспользовались этим разрешением, но мало чем воспользовались. "Все мы, кроме Лютера, - сказала Меланхтон, - были молчаливыми личностями". [244]

Борьба продолжалась.

Когда Цвингле увидел, что экзегезы для Лютера недостаточно, он добавил к ней догматическую теологию и, как следствие, натурфилософию.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ХРИСТА ОГРАНИЧЕНО.

"Я возражаю вам, - сказал он, - этим догматом нашей веры: *Ascendit in cælum*— он вознесся на небеса. Если Христос находится на небесах в том, что касается его тела, как он может быть в хлебе? Слово Божье учит нас, что он был подобен своим братьям во всем (Евр. ii. 17). Следовательно, он не может находиться в нескольких местах одновременно".

Лютер.— "Если бы я хотел рассуждать таким образом, я бы взялся доказать, что у Иисуса Христа была жена; что у него были черные глаза", [245] и жил в нашей доброй стране Германии. [246] Меня мало интересует математика".

"Здесь речь идет не о математике, - сказал Цвингль, - а о святом Павле, который пишет филиппийцам *μορφῇ τοῦ θεοῦ*". [247]

Лютер перебивает его. — Прочтите нам это на латыни или по-немецки, но не по-гречески.

Цвингле (на латыни).— "Простите меня: последние двенадцать лет я пользовался только греческим Заветом". Затем, продолжая читать этот отрывок, он сделал из него вывод, что человечество Христа имеет конечную природу, подобную нашей собственной.

Лютер, указывая на слова, написанные перед ним. — "Самые дорогие господа, поскольку мой Господь Иисус Христос говорит: *Hoc est corpus meum*, я верю, что его тело действительно там".

Тут сцена оживилась. Цвингле вскочил со стула, подскочил к Лютеру и, ударив кулаком по столу перед собой, сказал ему: [248]

"Значит, вы утверждаете, доктор, что тело Христа находится в Евхаристии локально; ибо вы говорите, что тело Христа действительно *там—там—там*", - повторил Цвингль. "*Там* есть наречие места. [249] Следовательно, тело Христа имеет такую природу, что существует в определенном месте. Если оно есть в каком-то месте, то только на небесах, откуда следует, что его нет в хлебе".

Лютер.— "Я повторяю, что не имею никакого отношения к математическим доказательствам. Как только над хлебом произносятся слова освящения, тело оказывается там, каким бы нечестивым ни был священник, произносящий их".

ПРИСУТСТВИЕ ТЕЛА ХРИСТОВА.

Цвингле. — "Таким образом, вы восстанавливаете папство. [250]"

Лютер. — "Это делается не благодаря заслугам священника, а благодаря постановлению Христа. Я не желаю, когда речь идет о теле Христа, слышать разговоры об определенном месте. Я категорически этого не сделаю".

Цвингль. — "Значит, каждая вещь должна существовать именно так, как вы того хотите?"

Ландграф почувствовал, что спор становится жарким, и, поскольку трапеза была уже подана, прервал состязание. [251]

На следующий день было воскресенье, 3 октября. Конференция была продолжена, возможно, из-за эпидемии (Потливости), которая только что вспыхнула в Марбурге и не позволила продлить конференцию. Лютер, возвращаясь к дискуссии предыдущего вечера, сказал:

"Тело Христа находится в причастии, но его там нет, как в определенном месте".

Цвингль. — "Тогда его там вообще нет".

Лютер. — "Софисты говорят, что тело вполне может находиться в нескольких местах одновременно. Вселенная - это тело, и все же мы не можем утверждать, что оно находится в определенном месте".

Цвингле. — "А! вы говорите о софистах, доктор: в конце концов, вы действительно обязаны вернуться к египетскому луку и мясным горшочкам. [252] Что касается того, что вы говорите, что вселенная не находится в определенном месте, я умоляю всех разумных людей взвесить это доказательство ". Тогда Цвингль, у которого, что бы ни говорил Лютер, в колчане была не одна стрела, после того как он обосновал свое положение экзегезой и философией, решил подтвердить его свидетельством Отцов Церкви.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОГЮСТЕНА.

"Послушайте, - сказал он, - что сказал Фульгенций, епископ Руспы в Нумидии, в пятом веке Тразамонду, королю вандалов: "Сын Божий принял атрибуты истинной человечности и не утратил атрибутов истинной Божественности. Рожденный во времени, согласно своей матери, он живет в вечности в соответствии с Божественностью, которую он унаследовал от Отца: происходя от человека, он есть человек и, следовательно, находится в определенном месте; происходя от Отца, он есть Бог и, следовательно, присутствует в каждом месте. Согласно его человеческой природе, он отсутствовал на небесах, пока был на земле, и он покинул землю, когда вознесся на небеса; но, согласно его Божественной природе, он оставался на небесах, когда спустился оттуда, и он не покинул землю, когда вернулся туда". " [253]

Но Лютер все равно ответил: "Написано, *Это мое тело*". Цвингль, потеряв терпение, сказал: "Все это пустые пререкания. Упрямый спорщик мог бы также привести это выражение нашего Спасителя, обращенное к своей матери: "*Вот сын твой*", указывая на святого Иоанна. Тщетны были бы все объяснения; он не переставал бы кричать: "Нет, нет!" Он сказал: *Ecce filius tuus*, Узри своего сына, узри своего сына! Послушайте новое свидетельство; оно принадлежит великому Августину: "Давайте не будем думать, - говорит он, - что Христос в своем человеческом облике присутствует повсюду; давайте остерегаться в нашем стремлении утвердить его Божественность отнимать его истину от его тела. Христос теперь повсюду присутствует подобно Богу; и все же, благодаря своему реальному телу, он находится в определенной части небес". "" [254]

"Святой Августин, - ответил Лютер, - говорит здесь не о Евхаристии. Тело Христа находится не в Евхаристии, как в каком-то месте".

СЕ Колумпадий увидел, что он мог бы воспользоваться этим утверждением Лютера. "Тело Христово, - сказал он, - не находится локально в Евхаристии, следовательно, там нет настоящего тела; ибо каждый знает, что сущность тела заключается в его существовании в определенном месте".

На этом утренняя дискуссия закончилась.

НАСИЛИЕ ЛЮТЕРА.

СЕ Колумпадий, поразмыслив, пришел к убеждению, что утверждение Лютера можно рассматривать как приблизительное. "Я помню, - сказал он после обеда, - что сегодня утром доктор признал, что тело Христа находилось не в причастии, как в каком-то другом месте. Поэтому давайте по-дружески спросим, какова природа телесного присутствия Христа".

"Вы не заставите меня сделать ни шагу дальше", - воскликнул Лютер, понявший, куда его хотят затащить. - "На вашей стороне Фульгенций и Августин, но все остальные Отцы Церкви на нашей".

СЕ Колампадий, который показался виттембергцам раздражающе точным, [255] затем сказал: "Назовите этих врачей. Мы возьмем на себя смелость доказать, что они придерживаются нашего мнения".

"Мы не будем называть их вам", [256] сказал Лютер. "То, что вы процитировали, Огюстен написал в молодости, - добавил он, - и, кроме того, он малоизвестный автор". Затем, отступив на землю, которую он решил никогда не покидать, он больше не довольствовался тем, что указывал пальцем на надпись "*Hoc est corpus meum*", но схватил бархатную обложку, на которой были написаны эти слова, стащил ее со стола, поднял перед Цвингле и Колампадиусом и положил перед их глазами: " [257] "Смотрите! - сказал он, - смотри! Это наш текст; вы еще не изгнали нас из него, как вы хвастались, и нас не интересуют никакие другие доказательства".

"Если это так, - сказал Колампадий, - то нам лучше прекратить дискуссию. Но сначала я заявлю, что, если мы цитируем Отцов Церкви, то только для того, чтобы освободить наше учение от упрека в новизне, а не для того, чтобы поддержать наше дело их авторитетом ". Нельзя дать лучшего определения законному использованию Докторов Церкви.

ОКОНЧАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ.

На самом деле не было никаких причин для продления конференции. "Поскольку Лютер обладал несговорчивым и властным характером, - говорит даже его великий апологет Секендорф, - он не переставал призывать швейцарцев просто подчиняться его мнению". [258]

Канцлер, встревоженный таким прекращением беседы, призвал теологов прийти к взаимопониманию. "Я знаю только одно средство для этого, - сказал Лютер, - и оно таково: пусть наши противники верят так же, как верим мы". "Мы не можем", - ответил швейцарец. "Что ж, - ответил Лютер, - я оставляю вас на Божий суд и молюсь, чтобы он просветил вас". "Мы сделаем то же самое", - добавил Николампадий.

Пока произносились эти слова, Цвингле был молчалив, неподвижен и глубоко тронут; и живость его чувств, о которой он не раз говорил во время конференции, проявилась тогда совсем по-другому. Он разрыдался в присутствии всех.

Конференция закончилась. На самом деле она была более спокойной, чем, кажется, показывают документы, или, возможно, летописцы оценивали такие вопросы иначе, чем мы. "За исключением нескольких вылазок, все прошло спокойно, в вежливой манере и с очень большой мягкостью", - говорит очевидец. [259] "Во время беседы не было слышно никаких других слов, кроме этих: "Сэр, и очень дорогой друг, ваша благотворительность", или других подобных выражений. Ни слова о расколе или ереси. Можно было бы сказать, что Лютер и Цвингле были братьями, а не противниками". [260] Это свидетельство Бренца. Но эти цветы

скрывали пропасть, и Джонас, тоже очевидец, называет конференцию "очень острым соревнованием". [261]

ПОСРЕДНИКОМ ВЫСТУПАЕТ ЛАНДГРАФ.

Эпидемия, внезапно вспыхнувшая в Марбурге, вызвала ужасные разрушения и наполнила всех тревогой. [262] Каждому не терпелось покинуть город. - Господа, - заметил ландграф, - вы не можете так расходиться. Желая дать врачам возможность встретиться друг с другом, не занятыми теологическими диспутами, он пригласил их всех к своему столу. Это было в воскресенье вечером.

Филипп Гессенский с самого начала проявлял самое пристальное внимание, и каждый воображал, что он на его стороне. "Я бы скорее доверился простым словам Христа, чем тонким мыслям человека", - было замечание, сделанное им, по словам Джонаса; [263] но Цвингле подтвердил, что этот принц думал сейчас так же, как и он, хотя в отношении некоторых людей он скрывал свое мнение. Лютер, чувствуя слабость своей защиты в отношении заявлений Отцов Церкви, передал Филиппу записку, в которой было указано на несколько отрывков из Илария, Златоуста, Киприана, Ириния и Амвросия, которые, по его мнению, были в его пользу.

Приближалось время отъезда, а ничего не было сделано. Ландграф усердно трудился над созданием союза, о чем Лютер писал своей жене. [264] Он приглашал богословов одного за другим в свой кабинет; [265] он настаивал, умолял, предупреждал, увещевал и заклинал их. "Подумайте, - сказал он, - о спасении христианской республики и устраните все раздоры из ее недр". [266] Никогда генерал во главе армии не прилагал таких усилий для победы в битве.

ЭМОЦИИ ЦВИНГЛЯ.

Состоялось заключительное общее собрание, и, несомненно, Церковь редко была свидетелем более торжественного собрания. Лютер и Цвингле, Саксония и Швейцария, встретились в последний раз. Потная болезнь уносила людей тысячами; [267] Карл Пятый и Папа объединялись в Италии; Фердинанд и римско-католические князья готовились разорвать в клочья Протест в Шпиле; грозовая туча с каждым днем становилась все более угрожающей; казалось, что только союз способен спасти протестантов, и вот-вот пробьет час отъезда — час, который станет решающим. разлучить их, возможно, навсегда.

"Давайте признаем наш союз во всем, в чем мы согласны, - сказал Цвингле, - а что касается остального, давайте помнить, что мы братья. Между Церквями никогда не будет мира, если, сохраняя великое учение о спасении по вере, мы не сможем расходиться во мнениях по второстепенным вопросам". [268] Таков, по сути, истинный принцип христианского союза. Шестнадцатый век все еще был слишком глубоко погружен в схоластику, чтобы понять это: будем надеяться, что девятнадцатый век поймет это лучше.

- Да, да! - воскликнул ландграф. - Вы согласны! Тогда засвидетельствуйте свое единство и признайте друг друга братьями". — "Нет никого на земле, с кем я больше всего хотел бы соединиться, чем с вами", - сказал Цвингле, подходя к виттембергским врачам. [269] Се Колампадий, Буцер и Хедио сказали то же самое.

- Признайте их! признайте их братьями! - продолжал ландграф. [270] Их сердца были тронуты; они были накануне единства: Цвингле, заливающийся слезами в присутствии принца, придворных и богословов (это записывает сам Лютер), [271] подходит к Лютеру и протягивает ему руку. Две семьи Реформации были близки к объединению: долгие ссоры должны были вот-вот прекратиться в их колыбели; но Лютер отвергает предложенную ему руку: "У вас иной дух, чем у нас", - сказал он. Эти слова, так сказать, поражают швейцарцев электрическим током. Их сердца замирали каждый раз, когда Лютер повторял их, а делал он это часто. Он сам является нашим информатором.

СЕКТАНТСКИЙ ДУХ НЕМЦА.

Между виттембергскими врачами состоялся краткий консилиум. Лютер, Меланхтон, Агрикола, Бренц, Йонас и Осиандер совещались вместе. Убежденные в том, что их особое учение о Евхаристии необходимо для спасения, они считали всех тех, кто отвергал его, лишенными веры. "Что за безумие!" [272] сказал Меланхтон, который впоследствии почти разделял чувства Цвингле: "они осуждают нас, и все же они хотят, чтобы мы считали их нашими братьями!" "Какая разносторонность!" - добавил Бренц. "Совсем недавно они обвиняли нас в том, что мы поклоняемся хлебному богу, а теперь просят общения с нами!" [273] Затем, повернувшись к Цвингле и его друзьям, виттембергцы сказали: "Вы не принадлежите к общине христианской Церкви: мы не можем признать вас братьями!" [274]

Швейцарцы были далеки от того, чтобы разделять этот сектантский дух. "Мы думаем, - сказал Буцер, - что ваше учение наносит удар по славе Иисуса Христа, который сейчас царствует одесную Отца. Но, видя, что ты во всем признаешь свою зависимость от Господа, мы смотрим на твою совесть, которая заставляет тебя принимать учение, которое ты исповедуешь, и мы не сомневаемся, что ты принадлежишь Христу".

"А мы, — сказал Лютер, - еще раз заявляем вам, что наша совесть противится тому, чтобы мы принимали вас как братьев". "Если это так, - ответил Буцер, - было бы глупо спрашивать об этом".

"Я чрезвычайно удивлен, что вы хотите считать меня своим братом", - продолжал Лютер. "Это ясно показывает, что вы не придаете большого значения своему собственному учению".

БРАТСТВО ОТВЕРГНУТО.

"Выбирайте сами", — сказал Буцер, предлагая Реформатору дилемму: "либо вы не должны признавать братьями тех, кто отличается от вас ни в чем — и если это так, вы не найдете ни одного брата в своих рядах". [275] - или же вы примете некоторых из тех, кто отличается от вас, и тогда вы должны принять нас".

Швейцарцы исчерпали все свои уговоры. "Мы сознаем, - сказали они, - что действовали так, словно находились в присутствии Бога. Потомки будут нашими свидетелями". [276] Они были близки к тому, чтобы удалиться: Лютер оставался непоколебим, к великому негодованию ландграфа. [277] Гессенские богословы Крафт, Ламберт, Снепф, Лоницер и Меландер объединили свои усилия с усилиями принца.

Лютер был поражен и снова посовещался со своими коллегами. "Давайте остерегаться, - сказал он своим друзьям, - слишком грубо вытирать носы, чтобы не пошла кровь". [278]

Затем, повернувшись к Цвингле и Николампадиусу, они сказали: "Мы признаем вас друзьями; мы не считаем вас братьями и членами Церкви Христа. [279] Но мы не исключаем вас из той всеобщей благотворительности, которой мы обязаны даже нашим врагам". [280]

Сердца Цвингле, Колампадиуса и Буцера были готовы разорваться, [281] поскольку эта уступка была почти новым оскорблением. Тем не менее, они решили принять то, что им предлагали. "Давайте тщательно избегать всех грубых и насильственных слов и писаний, - сказали они, - и пусть каждый защищает себя сам, не прибегая к ругательствам". [282]

Затем Лютер подошел к швейцарцу и сказал: "Мы согласны, и я предлагаю вам руку мира и милосердия". Швейцарцы в сильном волнении бросились к виттембергцам, и все пожали друг другу руки. [283] Сам Лютер смягчился: христианское милосердие восстановило свои права в его сердце. "Несомненно, - сказал он, - большая часть скандала устранена подавлением наших ожесточенных дебатов; мы и не могли надеяться на столь многое. Пусть рука Христа устранил последнее препятствие, разделяющее нас. [284] Теперь между нами установилось дружеское согласие, и если мы будем упорствовать в молитве, наступит братство".

ОТЧЕТ ЛЮТЕРА О КОНФЕРЕНЦИИ.

Было желательно подтвердить этот важный результат отчетом. "Мы должны сообщить христианскому миру, - сказал ландграф, - что, за исключением способа присутствия тела и крови в Евхаристии, вы согласны со всеми символами веры". [285] Это было решено; но кому следует поручить составление документа? Все взоры были обращены на Лютера. Сами швейцарцы взывали к его беспристрастности.

Лютер удалился в свой чулан, погруженный в раздумья, чувствуя себя неловко и находя эту задачу очень трудной. "С одной стороны, - сказал он, - я хотел бы пощадить их слабость; [286] но, с другой стороны, я ни в малейшей степени не стал бы нападать на святое учение Христа". Он не знал, как за это взяться, и его тоска усилилась. Наконец он освободился. "Я составлю статьи, - сказал он, - самым точным образом. Разве я не знаю, что бы я ни написал, они никогда это не подпишут?" [287] Вскоре пятнадцать статей были перенесены на бумагу, и Лютер, держа их в руках, обратился к теологам обеих партий.

ЕДИНСТВО ДОКТРИНЫ.

Эти статьи важны. Две доктрины, которые развивались в Швейцарии и Саксонии независимо друг от друга, были сведены воедино и сопоставлены. Если бы они были от человека, в них можно было бы обнаружить раболепное единообразие или заметную противоположность. Это было не так. Между немецкой и швейцарской реформациями было обнаружено великое единство, поскольку обе они исходили из одного и того же Божественного учения; и различие во второстепенных моментах, поскольку Бог осуществил их с помощью человека.

Лютер взял свою газету и, прочитав первую статью, сказал:

"Во-первых, мы верим, что есть один единственный, истинный и естественный Бог, Творец неба, земли и всех созданий; и что тот же самый Бог, единый по сути и природе, троичен в личности, то есть Отец, Сын и Святой Дух, как было провозглашено на Никейском соборе и как исповедует вся христианская Церковь".

На это швейцарцы дали свое согласие.

Они были согласны также в божественности и человечности Иисуса Христа; в его смерти и воскресении, в первородном грехе, оправдании верой, действии Святого Духа и Слова Божьего, крещении, добрых делах, исповеди, гражданском порядке и традиции.

Пока все были едины. Виттембергцы не могли оправиться от изумления. [288] Обе партии отвергли, с одной стороны, заблуждения папистов, для которых религия - не более чем внешняя форма, а с другой - заблуждения энтузиастов, которые говорят исключительно о внутренних чувствах; и оказалось, что они встали под одни и те же знамена между этими двумя лагерями. Но настал момент, который должен был разлучить их. Лютер до последнего хранил статью о Евхаристии.

Реформатор продолжил:

"Что касается Вечери Господней, то мы все верим, что она должна совершаться в обоих видах, в соответствии с первоначальным установлением; что месса - это не работа, посредством которой христианин получает прощение за другого человека, живого или мертвого; что таинство алтаря - это таинство самого тела и самой крови Иисуса Христа; и что духовное очищение этого тела и крови особенно необходимо каждому истинному христианину". [289]

ЕДИНСТВО СРЕДИ РАЗНООБРАЗИЯ.

Теперь настала очередь швейцарцев удивляться. Лютер продолжил:

"Точно так же, что касается использования таинства, мы согласны с тем, что, как и Слово, оно было предопределено Всемогущим Богом для того, чтобы слабая совесть могла быть побуждена Святым Духом к вере и милосердию".

Радость швейцарцев удвоилась. Лютер продолжил: "И хотя в настоящее время мы не пришли к согласию по вопросу о том, присутствуют ли настоящие тело и кровь Христа телесно в хлебе и вине, все же обе заинтересованные стороны должны все больше и больше проявлять истинно христианское милосердие друг к другу, насколько позволяет совесть; и мы все будем искренне умолять Господа снизить своим Духом и утвердить нас в здоровом учении". [290]

Швейцарцы получили то, о чем они просили: единство в многообразии. Было немедленно решено провести торжественное собрание для подписания статей.

Их перечитали еще раз. СЕ Сначала их подписали на одном экземпляре Колампадиус, Цвингле, Буцер и Хедио; в то время как Лютер, Меланхтон, Йонас, Осиандер, Бренц и Агрикола написали свои имена на другом; затем обе стороны подписали копии своих противников, и этот важный документ был отправлен в печать. [291]

ЗАМЕЧАНИЯ.

Таким образом, Реформация сделала разумный шаг в Марбурге. Мнение Цвингле о духовном присутствии и Лютера о телесном присутствии оба встречаются в христианской древности; но обе крайние доктрины всегда отвергались: рационалистов, с одной стороны, которые видят в Евхаристии не что иное, как простое поминовение; и папистов, с другой, которые обожают в ней пресуществление. Оба они являются ошибками; в то время как доктрины Лютера и Цвингле, а

также медиумизм Кальвина, которого уже придерживались некоторые Отцы Церкви, рассматривались в древние времена как разные взгляды на одну и ту же истину. Если бы Лютер уступил, можно было бы опасаться, что Церковь впадет в крайность рационализма; если Цвингль, то она впадет в крайность папизма. Для Церкви полезно придерживаться этих различных взглядов; но для отдельных людей пагубно придерживаться одного из них таким образом, чтобы предавать анафеме остальные. "Есть только этот маленький камень преткновения, - писала Меланхтон, - который ставит в неловкое положение Церковь Господа нашего". [292] Все — романисты и евангелисты, саксонцы и швейцарцы - признавали присутствие и даже реальное присутствие Христа; но здесь был существенный момент разделения: осуществляется ли это присутствие верой причастника или *opus operatum* священника? В этом последнем тезисе неизбежно содержатся зародыши папизма, жречества, пьюсизма. Если будет утверждаться, что нечестивый священник (как уже было сказано) управляет этим реальным присутствием Христа тремя словами, мы войдем в Церковь Папы Римского. Иногда казалось, что Лютер признает эту доктрину, но он часто говорил в более духовной манере; и, рассматривая этого великого человека в его лучшие моменты, мы видим не более чем существенное единство и вторичное разнообразие в двух партиях Реформации. Несомненно, Господь оставил своей Церкви внешние знаки своей благодати; но он не связал спасение с этими знаками. Существенным моментом является связь верующих со Словом, со Святым Духом, с Главой Церкви. Это великая истина, которую провозглашает Реформа и которую признает само лютеранство. После Марбургской конференции споры стали более умеренными.

Было и еще одно преимущество. Евангелические богословы в Марбурге единодушно отметили свое отделение от папства. Цвингле не был лишен страхов (без сомнения, необоснованных) по отношению к Лютеру: эти страхи были рассеяны. "Теперь, когда мы пришли к согласию, - сказал он, - паписты больше не будут надеяться, что Лютер когда-либо станет одним из них". [293] Марбургские статьи - первый оплот, совместно возведенный реформаторами против Рима.

Таким образом, не напрасно после протеста Шпиля Филипп Гессенский попытался собрать в Марбурге друзей Евангелия. Но если религиозная цель была частично достигнута, то политическая цель почти полностью провалилась. Они не смогли прийти к конфедерации Швейцарии и Германии. Тем не менее Филипп Гессенский и Цвингле с этой целью вели многочисленные тайные беседы, которые вызывали беспокойство саксов, поскольку они были настроены против политики Цвингле не меньше, чем против его теологии. "Когда ты переделаешь крестьянскую шапку, - сказал ему Джонас, - ты также заявишь, что переделаешь собориную шапку принцев".

Ландграф, собрав всех врачей за своим столом в последний день, дружески пожал им руки, [294] и каждый подумал о том, чтобы покинуть город.

УНЫНИЕ ЛЮТЕРА.

Во вторник, 5 октября, ландграф рано покинул Марбург, и во второй половине того же дня Лютер отбыл в сопровождении своих коллег; но он выступил не как победитель. Дух уныния и тревоги овладел его разумом. [295] Он корчился в пыли, как червяк, по его собственному выражению. Ему казалось, что он никогда больше не увидит свою жену и детей, и он кричал, что он, "утешитель стольких измученных душ, теперь остался без всякого утешения!" [296]

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЛ.

Это состояние могло частично возникнуть из-за недостатка братских чувств у Лютера; но у него были и другие причины. Солиман прибыл, чтобы выполнить обещание, данное королю Фердинанду. Последний потребовал в 1528 году сдачи Белграда, на что султан надменно ответил, что он сам доставит ключи в Вену. Фактически, великий турок, перейдя границы Германии, вторгся в страны, "по которым никогда не ступала нога мусульманских боевых коней", и за восемь дней до конференции в Марбурге он покрыл своими бесчисленными палатками равнину и плодородные холмы, посреди которых возвышаются стены Вены. Борьба началась под землей, обе стороны вырыли глубокие галереи под крепостными валами. Трижды взрывались турецкие мины; рушились стены; [297] "ядра летали по воздуху, как стая маленьких птичек, - говорит турецкий историк, - и был ужасный банкет, на котором гении смерти радостно осушили свои бокалы". [298]

Лютер не оставался на заднем плане. Он уже писал против турок, а теперь опубликовал *Боевую проповедь*. "Магомет, - сказал он, - превозносит Христа как безгрешного; но он отрицает, что он был истинным Богом; следовательно, он его враг. Увы! по сей день мир таков, что, кажется, повсюду льется дождь из учеников Магомета. Два человека должны противостоять туркам: первый - христианин, то есть Молитва; второй - Карл, то есть меч". И в другом месте: "Я хорошо знаю моих дорогих немцев, жирных и откормленных свиней; как только опасность устранена, они думают только о еде и сне. Несчастный человек! если ты не возьмешь в руки оружие, придет турок; он уведет тебя в свою Турцию; он продаст тебя там, как собаку; и ты будешь служить ему день и ночь, под розгами и дубинками, за стакан воды и кусок хлеба. Подумай об этом; обрати себя и умоляй Господа не давать тебе турка в качестве твоего школьного учителя". [299]

РАЗНООБРАЗИЕ ХАРАКТЕРОВ.

Два оружия, на которые указал Лютер, в действительности были энергично задействованы; и Солиман, осознав наконец, что он не "душа вселенной", как называли его поэты, но что в мире есть сила, превосходящая его собственную, снял осаду Вены 16 октября; и "тень Бога над двумя мирами", как он называл себя, "исчезла и растворилась в Босфоре".

Но Лютер вообразил, что, отступая от стен Вены, "турок или, по крайней мере, его бог, который есть дьявол", бросился на него; и что именно с этим врагом Христа и слуг Христа ему суждено сразиться и победить в его ужасных муках. [300] Нарушенный закон незамедлительно воздействует на того, кто его нарушает. Итак, Лютер нарушил королевский закон, которым является милосердие, и он понес наказание. Наконец он вернулся в Виттемберг и бросился в объятия своих друзей, "терзаемый ангелом смерти". [301]

Не упуская, однако, из виду основные качества Реформатора, которые Лютер проявил в Марбурге, отметим, что в Божьем деле, как в драме, есть разные роли. Какие разные характеры мы видим среди Апостолов и среди реформаторов! Было сказано, что одни и те же персонажи и одни и те же роли были отведены святому Петру и Лютеру во времена Образования и Реформации Церкви. [302] На самом деле они оба были инициативными людьми, которые идут вперед совершенно одни, но вокруг которых вскоре собирается армия при виде знамени, которым они размахивают.

Но, возможно, в Реформаторе была черта, которой не было в той же степени у Апостола; это твердость.

РАЗДРАЖЕНИЕ ПАПИСТОВ.

Что касается Цвингле, то он покинул Марбург, встревоженный нетерпимостью Лютера. "Лютеранство, - писал он ландграфу, - ляжет на нас таким же тяжелым бременем, как и папство". [303] Он прибыл в Цюрих 19 октября. "Истина, - говорил он своим друзьям, - восторжествовала так явно, что если когда-либо кто и был побежден перед всем миром, то это Лютер, хотя он постоянно восклицал, что он непобедим". [304] Со своей стороны, Лютер говорил в похожем тоне. "Именно из-за страха перед своими согражданами, - добавил он, - швейцарцы, хотя и побеждены, не желают отступить". [305]

Если спросить, на чьей стороне на самом деле была победа, возможно, нам следовало бы сказать, что Лютер напускал на себя вид победителя, но Цвингле был таковым на самом деле. Конференция распространила по всей Германии доктрину швейцарцев, которая до того времени была там мало известна, и она была принята огромным числом людей. Среди них были Лаффардс, первый ректор школы Святого Мартина в Брауншвейге, Дионисий Меландер, Юстус Ленинг, Хартманн, Ибах и многие другие. Сам ландграф незадолго до своей смерти заявил, что эта конференция побудила его отказаться от устного проповедования Христа. [306]

И все же доминирующим принципом в эту знаменитую эпоху было единство. Противники - лучшие судьи. Римско-католики были раздражены тем, что лютеране и цвинглианцы пришли к согласию по всем основным вопросам веры. "Они настроены против католической церкви, - говорили они, - как Ирод и Пилат против Иисуса Христа". Секты-энтузиасты говорили то же самое, [307] и крайне иерархическая, а также крайне радикальная партия в равной степени осуждали единство Марбурга.

УГРОЖАЮЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Вскоре еще большее волнение затмило все эти слухи, и события, угрожавшие всему евангелическому корпусу, с новой силой провозгласили его великое и тесное объединение. Повсюду поговаривали, что император, раздраженный протестом Спайра, высадился в Генуе с помпой завоевателя. Поклявшись в Барселоне подчинить еретиков власти папы римского, он собирается посетить этого понтифика, смиренно преклонить перед ним колени; и он восстанет только для того, чтобы перейти Альпы и осуществить свои ужасные замыслы. "Император Карл, - сказал Лютер через несколько дней после высадки этого принца, - решил проявить по отношению к нам большую жестокость, чем сам турок, и он уже произнес самые ужасные угрозы. Узрите час агонии и слабости Христа. Давайте помолимся за всех тех, кому вскоре придется пережить плен и смерть". [308]

Таковы были новости, взбудоражившие тогда всю Германию. Главный вопрос заключался в том, можно ли продолжать протест Шпиля против власти императора и папы римского. Это было видно в 1530 году.

КНИГА XIV.

АУГСБУРГСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ. 1530.

I. Реформация была совершена во имя духовного принципа. Она провозгласила своим учителем Слово Божье; во имя спасения - Веру; во имя царя - Иисуса Христа; во имя оружия - Святого Духа; и именно этими средствами отвергла все мирские элементы. Рим был основан *законом плотской заповеди*; Реформация - *силой бесконечной жизни*. [309]

Если и есть какая-то доктрина, отличающая христианство от любой другой религии, то это его духовность. Небесная жизнь, ниспосланная человеку, — такова ее работа; таким образом, противостояние духа Евангелия духу мира было великим фактом, ознаменовавшим появление христианства среди народов. Но то, что разделил ее Основатель, вскоре соединилось снова; Церковь попала в объятия мира; и этот преступный Союз довел ее до того плачевного состояния, в котором она находилась в эпоху Реформации.

Таким образом, одной из величайших задач шестнадцатого века было восстановление духовного элемента в его правах. Евангелие реформаторов не имело ничего общего с миром и политикой. В то время как римская иерархия стала предметом дипломатии и придворных интриг, Реформации не было суждено оказывать на князей и народ никакого другого влияния, кроме того, которое исходит из Евангелия мира.

ДВА ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ УРОКА.

Если Реформация, достигнув определенной точки, стала не соответствовать своей природе, начала вести переговоры и тянуть время с миром и, таким образом, перестала следовать духовному принципу, который она так громко провозглашала, она была неверна Богу и самой себе.

С этого момента его упадок был близок.

Общество не может процветать, если оно неверно принципам, которые оно устанавливает. Отказавшись от того, что составляло его жизнь, он не может найти ничего, кроме смерти.

Божьей волей было, чтобы эта великая истина была начертана на самом пороге храма, который Он тогда воздвигал в мире; и поразительный контраст заключался в том, чтобы эта истина предстала во славе.

Одна из частей Реформы заключалась в стремлении к союзу всего мира и в этом союзе найти разрушение, полное опустошения.

Другая часть, взирая на Бога, надменно отвергала руку плоти и самым этим актом веры добивалась благородной победы.

Если три столетия сбились с пути, то это потому, что они не смогли постичь столь святой и торжественный урок.

В начале сентября 1529 года Карл V, одержавший победу в битвах или по договорам над папой римским и королем Франции, высадился в Генуе. Крики испанцев приветствовали его, когда он

покидал Пиренейский полуостров; но только понурые глаза, склоненные головы, безмолвные губы итальянцев, отдавших в его руки, приветствовали его у подножия Апеннин. Все приводило к убеждению, что Карл вознаградит себя за них за очевидную щедрость, с которой он обошелся с папой.

КАРЛ ПЯТЫЙ.

Они были обмануты. Вместо тех варварских вождей готов и гуннов или тех гордых и свирепых императоров, которые не раз переходили Альпы и нападали на Италию с мечом в руке и криками о мести, итальянцы увидели среди них молодого и грациозного принца с бледными чертами лица, хрупким телосложением и слабым голосом, с обаятельными манерами, имеющего вид скорее придворного, чем воина, скрупулезно выполняющего все обязанности римской религии и ведущего в своей свите не ужасные когорты германских варваров, а блестящую свиту испанских грандов. , которые самодовольно выставляли напоказ гордость своей расы и величие своей нации. Этот государь, победитель Европы, говорил только о мире и амнистии, и даже герцог Феррарский, которого из всех итальянских князей больше всего боялись, когда в Модене ему вручили ключи от города, услышал из его дружеских уст самые неожиданные ободрения.

Откуда взялось это странное поведение? Карл достаточно ясно показал во время пленения Франциска I. Что великодушие по отношению к своим врагам не было его доминирующей добродетелью. Прошло совсем немного времени, прежде чем эта тайна получила объяснение.

Почти одновременно с Карлом в Италию через Лион и Геную прибыли три немецких гражданина, весь экипаж которых состоял из шести лошадей. [310] Это были Джон Эхингер, бургомистр Меммингена, который высоко держал голову, разбрасывал деньги вокруг себя и не гордился особой трезвостью; Михаэль Каден, синдик Нюрнберга, достойный, набожный и храбрый человек, но которого ненавидел граф Нассау, самый влиятельный из министров Карла; и, наконец, Алексис Фрауэнтраут , секретарь маркграфа Бранденбургского, который, женившись на монахини, пользовался очень дурным уважением среди римско-католиков. Таковы были три человека, которым протестантские князья, собравшиеся в Нюрнберге, поручили передать императору знаменитый Протест Шпиля. Они намеренно выбрали этих заместителей со среднего поста, полагая, что они подвергнутся меньшей опасности. [311] Передать такое послание Карлу V. было, по правде говоря, миссией, которую мало кто хотел выполнить. Соответственно, вдовам этих посланников была назначена пенсия на случай несчастья.

СМЕЛОСТЬ ПОСЛАННИКОВ.

Карл был на пути из Генуи в Болонью и остановился в Пьяченце, когда трое протестантских депутатов догнали его. Эти простые немцы представляли собой странный контраст среди той испанской пышности и римского пыла, которыми был окружен молодой принц. Кардинал Гаттинара, канцлер императора, искренне желавший реформы Церкви, добился для них аудиенции у Карла V. на 22 сентября; но им рекомендовали быть поосторожнее в выражениях, поскольку ничто так сильно не нравилось императору, как протестантская проповедь.

Эти инсинуации не остановили депутатов, и, передав протест Чарльзу, Фрауэнтраут начала говорить: "Каждый из нас должен отчитываться перед Верховным Судьей, - сказал он, - а не перед существами, которые оборачиваются при каждом порыве ветра. Лучше впасть в самую

жестокую необходимость, чем навлечь на себя гнев Божий. Наша нация не будет подчиняться никаким указам, основанным на каком-либо ином основании, кроме Священного Писания".

[312]

Таков был гордый тон, которым эти немецкие граждане обращались к императору Запада. Чарльз не сказал ни слова — это было бы оказанием им слишком большой чести, но он поручил одному из своих секретарей огласить ответ как-нибудь в будущем.

Не было никакой спешки отправлять обратно этих ничтожных послов. Напрасно они ежедневно возобновляли свои просьбы. Гаттинара относился к ним с добротой, но Нассау отослал их прочь с горькими словами. Рабочий, придворный оружейник, которому пришлось посетить Аугсбург для закупки оружия, упросил графа Нассауского отправить протестантских депутатов. "Вы можете сказать им, - ответил министр Карла V. - что мы прекращаем их дела, чтобы у вас были попутчики". Но оружейник нашел другую компанию, и они были вынуждены ждать. [313]

ПОДАРОК ЛАНДГРАФА.

Эти посланники старались, по крайней мере, с пользой использовать свое время. "Возьмите эту книгу, - сказал ландграф Кадену в самый момент отъезда, вручая ему французскую работу, переплетенную в бархат и богато украшенную, - и передайте ее императору". [314] Это было краткое изложение христианской веры, которое ландграф получил от Фрэнсиса Ламберта и которое, вероятно, было написано этим доктором. Кейден искал возможности представить этот трактат; и поэтому однажды так и сделал, когда Карл публично собирался на мессу. Император взял книгу и немедленно передал ее испанскому епископу. Испанец начал читать это, [315] и наткнулся на тот отрывок из Священного Писания, в котором Христос повелевает своим апостолам *не проявлять господства*. [316] Автор воспользовался этим, чтобы утверждать, что служитель, отвечающий за духовные вопросы, не должен вмешиваться в те, которые являются мирскими. Папистский прелат прикусил губу, и Карл, заметивший это, спросил: "Ну, в чем дело?" епископ в замешательстве прибегнул ко лжи. [317] "Этот трактат, - ответил он, - отнимает меч у христианского магистрата и дарует его только народам, чуждым веры". Сразу же поднялся большой шум: испанцы, прежде всего, были вне себя.

"негодяи, которые пытались ввести в заблуждение столь юного принца, - говорили они, - заслуживают того, чтобы их повесили на первом же дереве у дороги!" Чарльз фактически поклялся, что предьявитель должен понести наказание за свою дерзость.

Наконец, 12 октября Александр Швейсс, имперский секретарь, передал депутатам ответ императора. В нем говорилось, что меньшинство должно подчиниться декретам, принятым в сейме, и что, если герцог Саксонии и его союзники откажутся, средств не хватит, чтобы принудить их. [318]

ПОСЛЫ АРЕСТОВАНЫ.

После этого Эхингер и Кейден зачитали вслух обращение к императору, составленное в Шпиле, в то время как Фрауэнтраут, отказавшийся от должности заместителя и принявший должность нотариуса, [319] записывал происходящее. Когда чтение было закончено, депутаты подошли к Швейсу и представили апелляцию. Имперский секретарь с изумлением отклонил документ; депутаты настаивали; Швейс продолжал настаивать. Затем они положили обращение на стол. Швайсс был поражен; он взял бумагу и понес ее императору.

После ужина, как только один из помощников шерифа (Кейден) вышел, шум в отеле возвестил о какой-то катастрофе. Это был императорский секретарь, который вернулся в надлежащем сопровождении. "Император чрезвычайно разгневан на вас из-за этого обращения, - сказал он протестантам, - и он запрещает вам под страхом конфискации и смертной казни покидать ваш отель, писать в Германию или отправлять какие-либо сообщения вообще". [320] Таким образом, Карл отправил послов под арест, как он сделал бы это с офицерами своей гвардии, желая таким образом выразить свое презрение и напугать принцев.

Слуга Кейдена в тревоге выскользнул из гостиницы и подбежал к своему хозяину. Последний, все еще считая себя на свободе, поспешно написал отчет обо всем случившемся в сенат Нюрнберга, отправил свои письма экспресс-почтой и вернулся, чтобы принять участие в аресте своих коллег. [321]

ВСТРЕЧА ЧАРЛЬЗА И КЛЕМЕНТА.

23 октября император покинул Пьяченцу, взяв с собой трех немцев. Но 30-го числа он освободил Эхингера и Фрауэнтраута, которые, вскочив на лошадей посреди ночи, во весь опор помчались по дороге, кишасей солдатами и грабителями. "Что касается вас, - сказал Гранвель Кейдену, - вы останетесь здесь под страхом смерти. Император ожидает, что книга, которую вы ему подарили, будет передана папе римскому". [322] Возможно, Чарльз счел приятным показать римскому понтифику этот запрет, наложенный на служителей Бога участвовать в управлении народами. Но Каден, воспользовавшись замешательством двора, тайно раздобыл лошадь и бежал в Феррару, оттуда в Венецию, откуда вернулся в Нюрнберг. [323]

Чем больше Карл казался раздраженным против Германии, тем большую умеренность он проявлял по отношению к итальянцам: большие денежные взносы были всем, что ему требовалось. Именно за Альпами, в центре христианского мира, посредством этих самых религиозных противоречий он хотел установить свою власть. Он настаивал на своем и требовал только двух вещей: за спиной — покой; с собой — деньги.

5 ноября он въехал в Болонью. Все в нем поражало: толпа знати, великолепие экипажей, надменность испанских войск, четыре тысячи дукатов, которые горстями рассыпались среди народа; [324] но прежде всего величие и великолепие молодого императора. Два вождя римско-христианского мира вот-вот должны были встретиться. Папа покинул свой дворец со всем своим двором, а Карл во главе армии, которая могла бы завоевать всю Италию за несколько дней, изображая смирение ребенка, упал на колени и поцеловал ноги понтифика.

Император и папа проживали в Болонье в двух смежных дворцах, разделенных единственной стеной, в которой была проделана дверь, от которой у каждого был ключ; и часто видели, как молодой и политичный император навещал старого и хитрого понтифика с бумагами в руке.

Климент добился прощения Сфорцы, который предстал перед императором больным и опирающимся на посох. Венеция также была прощена: миллион крон уладил эти два вопроса. Но Карл не смог добиться от папы помилования Флоренции. Этот прославленный город был принесен в жертву Медичи, "учитывая, - говорилось в нем, - что наместник Христа не может требовать ничего несправедливого".

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГАТТИНАРЫ.

Самым важным делом была Реформация. Некоторые представляли императору, что, одержав победу над всеми своими врагами, он должен вести дело высоко и сдерживать протестантов силой оружия. [325] Карл был более умеренным; он предпочитал ослаблять протестантов папистами, а затем папистов протестантами и таким образом возвышать свою власть над ними обоими.

Тем не менее, на торжественной конференции был предложен более мудрый курс. "Церковь разорвана на куски", - сказал канцлер Гаттинара. "Вы (Чарльз) являетесь главой империи: вы (папа) являетесь главой Церкви. Ваш долг - обеспечивать по общему согласию беспрецедентные потребности. Соберите благочестивых людей всех наций, и пусть свободный совет выведет из Слова Божьего схему учения, такую, которая может быть принята каждым народом". [326]

Удар грома не поразил бы Климента VII так сильно. Отпрыск незаконного союза, получивший папство далеко не почетным путем и растративший сокровища Церкви в несправедливой войне, этот понтифик имел тысячу личных причин опасаться собрания христианского мира. "Большие собрания, - ответил он, - служат только для распространения популярных мнений. Мы должны решать споры не постановлениями советов, а острием меча". [327]

ВОЙНА НЕИЗБЕЖНА — ВОЗРАЖЕНИЯ ЛЮТЕРА.

Поскольку Гаттинара все еще настаивал: "Как! - сказал папа, сердито перебивая его. - Ты смеешь противоречить мне и настраивать своего учителя против меня!" Карл встал; все собрание хранило глубочайшее молчание, и принц, вернувшись на свое место, поддержал просьбу своего канцлера. Климент удовлетворился тем, что сказал, что подумает над этим. Затем он начал воздействовать на молодого императора на их частных совещаниях, и Карл, наконец, пообещал обуздать еретиков насилием, в то время как папа должен призвать всех других монархов к себе на помощь. [328] "Победить Германию силой, а затем стереть ее с поверхности земли - единственная цель итальянцев", - писали они из Венеции курфюрсту. [329]

Таковы были зловещие новости, которые, посеяв тревогу среди протестантов, должны были также объединить их. К сожалению, в то время происходило противоположное движение. Лютер и некоторые из его друзей пересмотрели марбургские статьи в исключительно лютеранском смысле, и министры курфюрста Саксонии представили их конференции в Швабах. Реформированные депутаты от Ульма и Страсбурга немедленно отозвали свои кандидатуры, и конференция была разогнана.

Но вскоре возникла необходимость в новых конференциях. Экспресс, который Кейден отправил из Пяченцы, достиг Нюрнберга. Каждый в Германии понимал, что арест княжеских депутатов был объявлением войны. Курфюрст был потрясен и приказал своему канцлеру проконсультроваться с теологами Виттемберга.

"По совести нашей, - ответил Лютер 18 ноября, - мы не можем одобрить предлагаемый союз. Мы скорее умрем десять раз, чем увидим, как из-за нашего Евангелия прольется хоть капля крови. [330] Наша задача - быть подобными агнцам на заклание. Крест Христов должен быть понесен. Пусть ваше высочество не боится. Мы своими молитвами сделаем больше, чем все наши враги своим хвастовством. Только пусть ваши руки не будут запятнаны кровью ваших братьев! Если

император потребует, чтобы мы предстали перед его трибуналом, мы готовы явиться. Вы не можете защищать нашу веру: каждый должен верить на свой страх и риск". [331]

СПАСИТЕЛЬ ГРЯДЕТ!

29 ноября в Смалькальде открылся евангелический конгресс, и неожиданное событие сделало это собрание еще более важным. Эхингер, Кейден и Фрауэнтраут, вырвавшиеся из рук Карла V, предстали перед ними. [332] Ландграф больше не сомневался в успехе своего плана.

Он был обманут. Отсутствие согласия между противоположными доктринами, отсутствие союза между политикой и религией — вот два принципа Лютера, и они по-прежнему преобладали. Было решено, что те, кто чувствовал себя склонным подписать швабахские статьи, и только они, должны встретиться в Нюрнберге 6 января.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЧАРЛЬЗА.

Горизонт с каждым часом становился все более угрожающим. Паписты Германии написали друг другу эти несколько, но значимых слов: "Спаситель грядет". [333] "Увы! - воскликнул Лютер, - какой безжалостный спаситель! Он сожрет их всех, так же как и нас. Фактически два итальянских епископа, уполномоченные Карлом V., потребовали от имени папы все золото и серебро из церквей и третью часть церковных доходов: процедура, которая вызвала огромную сенсацию. "Пусть папа убирается к дьяволу", - ответил каноник из Падерборна чересчур развязно. [334] "Да, да!" - лукаво ответил Лютер, "это ваш спаситель, который грядет!" Люди уже начали говорить об ужасных предзнаменованиях. Взволнованы были не только живые: ребенок, еще находившийся в утробе матери, издавал ужасные крики. [335] "Все свершилось, - сказал Лютер, - турок достиг высшей степени своего могущества, слава папства приходит в упадок, и мир раскалывается со всех сторон". [336] Реформатор, опасаясь, что конец света наступит до того, как он переведет всю Библию, опубликовал пророчества Даниила отдельно — "труд, - сказал он, - для этих последних времен". "Историки рассказывают, - добавил он, - что Александр Македонский всегда клал Гомера себе под подушку: пророк Даниил достоин того, чтобы короли и принцы носили его не только под головами, но и в своих сердцах; ибо он научит их, что управление народами исходит от силы Божьей. Мы балансируем в руке Господа, как корабль на море или облако в небе". [337]

Однако страшный призрак, на который Филипп Гессенский не переставал указывать своим союзникам и чьи угрожающие челюсти, казалось, уже открывались, внезапно исчез, и они обнаружили на его месте грациозный образ самого любезного из принцев.

21 января Карл созвал все государства империи в Аугсбург и постарался использовать самые примирительные формулировки. "Давайте положим конец всем разногласиям, - сказал он, - давайте откажемся от наших антипатий, давайте принесем нашему Спасителю в жертву все наши заблуждения, давайте сделаем своим делом понимание и взвешивание с кротостью мнений других. Давайте уничтожим все, что было сказано или сделано обеими сторонами вопреки праву, и будем искать христианскую истину. Давайте все будем сражаться под руководством одного и того же лидера, Иисуса Христа, и будем стремиться таким образом встретиться в одном сообществе, одной церкви и одном единстве". [338]

МОТИВЫ ИМПЕРАТОРА.

На каком языке! Как получилось, что этот принц, который до сих пор говорил только о мече, теперь говорит только о мире? Скажут, что мудрый Гаттинара принимал в этом участие; что акт о созыве был составлен под впечатлением ужаса, вызванного турецким вторжением; что император уже видел, с каким небольшим рвением римские католики Германии поддерживают его взгляды; что он хотел запугать папу; что этот язык, столь полный любезности, был всего лишь маской, которую Карл использовал, чтобы обмануть своих врагов; что он хотел управлять религией в истинно имперской манере, подобно Феодосию и Константину, и сначала попытаться объединить обе партии влиянием своей мудрости. и о своих милостях, оставляя за собой право, если доброта не поможет, впоследствии применить силу. Возможно, что каждый из этих мотивов оказал определенное влияние на Карла, но последний представляется нам более близким к истине и более соответствующим характеру этого принца.

Однако, если Карл поддавался склонности к мягкости, фанатичный Фердинанд был рядом, чтобы вернуть его к жизни. "Я продолжу переговоры, не придя ни к какому заключению, - писал он своему брату. - и если я даже дойду до этого, не бойся; предложений для наказания этих мятежников не будет, и ты найдешь достаточно людей, которые будут счастливы помочь тебе в твоей мести". [339]

II. Карл, подобно Карлу Великому в прежние времена и Наполеону в последние дни, желал быть коронованным папой римским и сначала думал посетить Рим с этой целью; но настойчивые письма Фердинанда вынудили его выбрать Болонью. [340] Он назначил 22 февраля для получения железной короны в качестве короля Ломбардии и решил принять золотую корону в качестве императора римлян 24 числа того же месяца — в свой день рождения и годовщину битвы при Павии, которая, по его мнению, всегда приносила ему удачу. [341]

КОРОНАЦИЯ.

Почетные должности, принадлежавшие курфюрстам Империи, были переданы иностранцам: на коронации императора Германии все были испанцами или итальянцами. Скипетр нес маркиз Монферратский, меч - герцог Урбинский, а золотую корону - герцог Савойский. Присутствовал только один немецкий принц, не имевший большого значения, граф-палатин Филипп: он нес державу. За этими лордами следовал сам император в сопровождении двух кардиналов; затем члены его совета. Вся эта процессия прошествовала по великолепному временному мосту, возведенному между дворцом и церковью. В тот самый момент, когда император приблизился к церкви Сан-Петронио, где должна была состояться коронация, строительные леса позади него затрещали и обвалились, так что многие из его свиты были ранены, а толпа в тревоге разбежалась. Чарльз спокойно обернулся и улыбнулся, не сомневаясь, что его спасла счастливая звезда.

Наконец Чарльз В. прибыл в передней части трона, на котором Климент VII. сидел. Но перед их императором, это было необходимо, что он должен быть произведен в священных орденах. Папа подарил ему стихарь и амулет, чтобы сделать его каноником церкви святого Петра и святого Иоанна Латеранского, и каноники этих двух церквей немедленно сняли с него королевские украшения и облачили в эти священные одежды. Папа направился к алтарю и

начал мессу; и новый каноник приблизился, чтобы прислуживать ему. После подношения императорский дьякон поднес понтифику воду. Затем он опустился на колени между двумя кардиналами и передал послание из рук папы. Император вернулся к своему трону, где принцы облачили его в императорскую мантию, привезенную из Константинополя и всю сверкающую бриллиантами, а Карл смиренно преклонил колено перед Климентом VII.

Понтифик, помазав его елеем и вручив ему скипетр, вручил ему обнаженный меч, сказав: "Используй его для защиты Церкви от врагов веры!" Затем, взяв золотой шар, усыпанный драгоценными камнями, который держал палатинский граф, он сказал: "Правь миром с благочестием и твердостью!" Последним шел герцог Савойский, который нес золотую корону, украшенную бриллиантами. Принц наклонился, и Климент надел диадему ему на голову, сказав: "Карл, император непобедимый, прими эту корону, которую мы возлагаем на твою голову, как знак для всей земли той власти, которая тебе дарована".

Затем император поцеловал белый крест, вышитый на красной туфельке папы Римского, и воскликнул: "Я клянусь всегда использовать все свои силы для защиты папского достоинства и Римской церкви". [342]

Теперь оба принца заняли свои места под тем же балдахином, но на тронах неодинаковой высоты, причем трон императора был на полфута ниже трона понтифика, а кардинал-дьякон провозгласил народу "непобедимого императора, защитника Веры". В течение следующего полчаса не было слышно ничего, кроме шума мушкетной стрельбы, труб, барабанов и флейт, всех городских колоколов и криков толпы. Таким образом, был заново провозглашен тесный союз политики с религией. Могущественный император, превратившийся в римского дьякона и смиренно служивший мессу, подобно канонику собора Святого Петра, олицетворял и провозглашал неразрывный союз Римской церкви с государством. Это одна из основных доктрин папства и одна из наиболее ярких характеристик, отличающих его от евангелической и христианской церкви.

Тем не менее, во время всей этой церемонии папа казался не в своей тарелке и вздохнул, как только взгляды людей перестали быть обращены на него. Соответственно, французский посол написал своему двору, что эти четыре месяца, которые император и папа провели вместе в Болонье, принесут плоды, на которые у короля Франции, несомненно, не будет причин жаловаться. [343]

ТРЕВОГА ПРОТЕСТАНТОВ.

Едва Карл V встал перед алтарем Сан-Петронио, как он повернулся лицом к Германии и появился в Альпах как помазанник папства. Указ о созыве, такой снисходительный и милосердный, казалось, был забыт: с благословения папы все стало по-новому: в императорском караване была только одна мысль - о необходимости строгих мер; и легат Кампеджио не переставал шептать Карлу на ухо раздражающие слова. "При первом же слухе о грозящей им буре, - сказал Гранвель, - мы увидим, что протестанты разбегутся во все стороны, как робкие голуби, на которых набрасывается альпийский орел".. [344]

Поистине велика была тревога по всей Империи; уже даже испуганный народ, предчувствуя величайшие бедствия, повсюду повторял, что Лютер и Меланхтон мертвы. "Увы! - сказал Меланхтон, охваченный горем, когда услышал эти сообщения. - слухи слишком правдивы, потому что я умираю каждый день". [345] Но Лютер, напротив, смело подняв глаза веры к небу,

воскликнул: "Наши враги торжествуют, но вскоре погибнут". По правде говоря, советы курфюрста проявили неслыханную смелость. "Давайте соберем наши войска, - сказали они, - давайте двинемся на Тироль и закроем императору путь через Альпы". [346] Филипп Гессенский издал крик радости, когда услышал об этом. Меч Карла наконец-то пробудил его ленивых союзников. Немедленно были посланы новые придворные от Фердинанда, чтобы ускорить прибытие Карла, и вся Германия была в ожидании.

Прежде чем приступить к осуществлению этого гигантского замысла, курфюрст пожелал еще раз посоветоваться с Лютером. Император среди выборщиков был лишь первым среди равных себе; и независимым князьям разрешалось сопротивляться другому князю, даже если он был выше их рангом. Но Лютер, больше всего на свете опасавшийся вмешательства светской власти в дела церкви, был вынужден ответить 6 марта в такой необычной манере: "Подданные наших князей также являются подданными императора, и даже в большей степени, чем принцы. Защищать с оружием в руках подданных императора от самого императора было бы все равно, как если бы бургомистр Торгау захотел силой защитить своих граждан от курфюрста".

БЛАГОРОДНЫЙ СОВЕТ БРУКА.

"Что же тогда нужно делать?— Присутствовать", - ответил Лютер. "Если император пожелает выступить против нас, пусть ни один князь не берется за нашу защиту. Бог верен: он не оставит нас". Все приготовления к войне были немедленно приостановлены, ландграф получил вежливый отказ, и конфедерация была распущена. Такова была воля Божья, чтобы его дело предстало перед императором без союза и без солдат, имея щитом одну веру.

Возможно, никогда еще не наблюдалось такой смелости у слабых и безоружных людей; но никогда, хотя и под маской слепоты, не было столько мудрости и понимания.

Следующим вопросом, обсуждавшимся в совете выборщиков, был вопрос о том, следует ли ему идти в сейм. Большинство членов совета выступили против этого. "Разве это не рисковать всем, - сказали они, - идти и запирается в стенах города с могущественным врагом?" Брук и принц-выборщик придерживались другого мнения. Долг в их глазах был лучшим советчиком, чем страх. "Что? - сказали они. - неужели император так настаивал на присутствии принцев в Аугсбурге только для того, чтобы заманить их в ловушку?" Мы не можем приписать ему такое вероломство". Ландграф, напротив, поддержал мнение большинства. "Вспомните Пьяченцу", - сказал он. "Какое-нибудь непредвиденное обстоятельство может побудить императора поймать всех своих врагов в одну сеть".

Канцлер стоял твердо. "Пусть князья только проявят мужество, - сказал он, - и дело Божье будет спасено". Решение было принято в пользу более благородного плана.

ДУХОВНАЯ БРОНЯ.

Этот сейм должен был стать советом мирян или, по крайней мере, национальным съездом. [347] Протестанты предвидели, что сначала им будут сделаны несколько незначительных уступок, а затем от них потребуется пожертвовать своей верой. Поэтому было необходимо выяснить, каковы основные положения христианской истины, чтобы знать, могут ли они, какими средствами и насколько далеко они могут прийти к взаимопониманию со своими противниками. Соответственно, курфюрст 14 марта отправил письма четырем главным теологам Виттемберга, поставив перед ними эту задачу, поскольку все остальные дела были отложены.

[348] Таким образом, вместо того, чтобы собирать солдат, этот принц составлял предметы: они были лучшим вооружением.

Лютер, Йонас и Меланхтон (Померанус остался в Виттемберге) прибыли в Торгау на пасхальной неделе, попросив разрешения лично доставить свои статьи Карлу Пятому. [349] "Боже упаси!" - ответил курфюрст. - "Я также желаю исповедаться моему Господину".

Затем Иоанн, доверив Меланхтону окончательное составление исповеди и приказав вознести общие молитвы, отправился в путь 3 апреля со ста шестьюдесятью всадниками, одетыми в богатые алые плащи, расшитые золотом.

Каждый человек знал об опасностях, угрожавших курфюрсту, и поэтому многие в его свите маршировали с опущенными глазами и упавшими сердцами. Но Лютер, полный веры, возродил мужество своих друзей, сочинив и спев своим прекрасным голосом этот прекрасный гимн, с тех пор ставший таким знаменитым: *"Огромный город без добра"*. Наш Бог - крепкая башня. [350] Никогда душа, которая знала свою собственную слабость, но которая, взирая на Бога, презирала всякий страх, не находила таких благородных акцентов.

Своими силами мы ничего не можем сделать,
Разрушение зияет со всех сторон:
Он сражается за нас, наш истинный чемпион,
Избранный Богом быть нашим проводником.
Как его зовут? Помазанник,
Бог воинств он;
На земле и небесах один Господь —
С ним на поле выигранной битвы
Пребывает победа.

ЛЮТЕР ОСТАЕТСЯ В КОБУРГЕ.

Этот гимн пели во время сейма не только в Аугсбурге, но и во всех церквях Саксонии, и часто было замечено, что его энергичные звуки оживляют и вдохновляют самые подавленные умы. [351]

В канун Пасхи отряд достиг Кобурга, и 23 апреля курфюрст продолжил свое путешествие; но в самый момент отъезда Лютер получил приказ остаться. "Кто-то сказал: "Придержи язык, у тебя резкий голос", - написал он одному из своих друзей. [352] Однако он подчинился без колебаний, подавая пример того пассивного повиновения, за которое он так смело выступал. Курфюрст опасался, что присутствие Лютера еще больше разозлит его противников и подтолкнет Карла к крайним мерам: город Аугсбург также написал ему об этом. Но в то же время Иоанн стремился держать Реформатора в пределах досягаемости, чтобы иметь возможность посоветоваться с ним. Поэтому его оставили в Кобурге, в замке с видом на город и реку Иц, на верхнем этаже с южной стороны. Именно отсюда он писал те многочисленные письма, датированные *областью птиц*; и именно там в течение многих месяцев ему приходилось вести со своим старым врагом из Вартбурга, Сатаной, борьбу, полную тьмы и мучений.

ЧАРЛЬЗ В ИННСПРУКЕ.

2 мая курфюрст прибыл в Аугсбург; ожидалось, что он будет отсутствовать, и, ко всеобщему великому изумлению, он был первым на месте встречи. [353] Он немедленно отправил Дольцига, маршала двора, встретиться с императором и высказать ему комплименты. 12 мая Филипп Гессенский, который, наконец, решил не отделяться от своего союзника, прибыл в сопровождении эскорта из ста девяноста всадников; и почти в то же время император въехал в Инспрук в Тироле в сопровождении своего брата, королев Венгрии и Богемии, послов Франции, Англии и Португалии, папского легата Кампеджио, и других кардиналов, а также многих принцев и знати Германии, Испании и Италии.

Как вернуть еретиков к послушанию Церкви? Такова была главная тема для разговоров при этом блестящем дворе среди знати и священников, дам и солдат, советников и послов. Они, или, по крайней мере, Карл, не были за то, чтобы заставить их взойти на эшафот, но они хотели действовать таким образом, чтобы, не следуя своей вере, преклонить колено перед папой римским. Карл остановился в Иннсбруке, чтобы изучить положение Германии и убедиться в успехе своих планов.

Едва стало известно о его прибытии, как толпа людей, высоких и низких, окружила его со всех сторон, и более 270 000 крон, ранее собранных в Италии, помогли немцам понять справедливость дела Рима. "Все эти еретики, - раздался крик, - упадут на землю и приползут к ногам папы Римского". [354]

Карл так не думал. Напротив, он был поражен, увидев, какую силу приобрела Реформация. На мгновение ему даже пришла в голову мысль оставить в покое Аугсбург, отправиться прямо в Кельн и там провозгласить своего брата королем римлян. [355] Таким образом, религиозные интересы уступили бы место династическим интересам, по крайней мере, так говорилось в отчете. Но Карл Пятый не остановился на этой идее. Вопрос о Реформации стоял перед ним, с каждым часом набирая силу, и от него нельзя было уклониться.

ЧУВСТВА ГАТТИНАРЫ.

Императорский двор разделили две партии. Один, многочисленный и деятельный, призывал императора просто отменить вормсский эдикт и, не выслушав протестантов, осудить их дело. [356] Легат был во главе этого отряда. "Не медлите, - сказал он Карлу, - конфискуйте их имущество, учредите инквизицию и покарайте этих упрямых еретиков огнем и мечом". [357] Испанцы, которые решительно поддерживали эти призывы, предались привычному для них разврату, так что многие из них были арестованы за соращение. [358] Это был печальный образец веры, которую они хотели навязать Германии. Рим всегда легкомысленно относился к морали.

Гаттинара, хотя и был болен, с трудом следовал в свите Карла, чтобы нейтрализовать влияние легата. Будучи решительным противником римской политики, он считал, что протестанты могли бы оказать важные услуги христианскому миру. "Ничего так сильно я не желаю, - сказал он, - как видеть, как курфюрст Саксонии и его союзники мужественно продолжают исповедовать Евангелие и призывают к созданию свободного религиозного совета. Если они позволяют остановить себя обещаниями или угрозами, я сам колеблюсь, я шатаюсь и сомневаюсь в средствах спасения". [359] Просвещенные и честные члены Папской церкви (которых всегда немного) обязательно сочувствуют Реформации.

Карл V, подверженный этим противоположным влияниям, пожелал восстановить религиозное единство Германии своим личным вмешательством: на мгновение ему показалось, что он накануне успеха.

БЛАГОЧЕСТИЕ ИЗБИРАТЕЛЯ.

Среди людей, столпившихся в Инспруке, был несчастный Кристиан, король Дании, шурин Карла. Напрасно он предлагал своим подданным совершить паломничество в Рим во искупление жестокостей, в которых его обвиняли: его народ изгнал его. Отправившись в Саксонию, к своему дяде курфюрсту, он услышал там Лютера и принял евангелические доктрины, по крайней мере, в том, что касается внешнего исповедания. Этот бедный свергнутый с престола король не смог устоять перед красноречием могущественного правителя двух миров, и Кристиан, привлеченный на свою сторону Карлом Пятым, публично снова встал под скипетр римской иерархии. Вся папская партия издала крик триумфа. Ничто не сравнится с их доверчивостью и важностью, которую они придают таким бесполезным присоединениям. "Я не могу описать эмоции, которыми наполнила меня эта новость", - писал Климент VII. Чарльзу, рука которого дрожала от радости: "блеск добродетелей вашего величества начинает наконец рассеивать тьму: этот пример приведет к бесчисленным обращениям".

Ситуация была в таком состоянии, когда герцог Георг Саксонский, герцог Вильгельм Баварский и курфюрст Иоахим Бранденбургский, три немецких принца, которые были злейшими врагами Реформации, спешно прибыли в Иншпрук.

Спокойствие курфюрста, которого они видели в Аугсбурге, встревожило их, ибо они не знали, откуда Иоанн черпал свое мужество; они вообразили, что он вынашивает в уме какой-то вероломный план. "Недаром, - сказали они Карлу, - курфюрст Иоанн первым направился в Аугсбург и появился там со значительной свитой: он хочет схватить вас лично. Действуйте тогда энергично и позвольте нам предоставить вашему Величеству гвардию в шесть тысяч всадников". [360] Конференция за конференцией немедленно состоялись. Протестанты были напуганы. "Они проводят в Иннспруке диету, - сказал Меланхтон, - посвященную лучшему способу лишить нас головы". [361] Но Гаттинара убедил Чарльза сохранить нейтралитет.

В то время как в Тироле царило такое волнение, евангельские христиане, вместо того чтобы браться за оружие, как их обвиняли, возносили свои молитвы к небесам, а протестантские князья готовились дать отчет в своей вере.

УЛОВКИ РОМАНИСТОВ.

Первое место среди них занимал курфюрст Саксонии. Искренний, честный и непорочный с юности, рано испытывавший отвращение к блестящим турнирам, в которых он поначалу принимал участие, Иоанн Саксонский радостно приветствовал день Реформации, и свет Евангелия постепенно проник в его серьезный и размышляющий ум. Большим удовольствием для него было, когда в последние часы дня ему читали Священное Писание. Правда, достигнув преклонного возраста, благочестивый курфюрст иногда засыпал, но вскоре резко просыпался и повторял последний отрывок вслух. Хотя он был умеренным человеком и сторонником мира, он все же обладал энергией, которая была мощно возбуждена великими интересами веры. В шестнадцатом веке и, возможно, со времен зарождения Церкви не было ни одного монарха, который сделал бы для дела Евангелия так много, как Иоанн Саксонский. Соответственно, именно против него были направлены первые усилия папистов.

Чтобы привлечь его на свою сторону, они хотели применить тактику, совершенно отличную от той, которая применялась ранее. В Шпиле евангелисты повсюду встречали сердитые взгляды; в Аугсбурге, напротив, паписты оказали им сердечный прием; они считали ничтожным расстояние, разделявшее две партии, и в своих частных беседах выражались в самых мягких выражениях, "стремясь таким образом заставить доверчивых протестантов попасться на удочку", - говорит историк. [362] Последний с легкостью поддался этим искусным маневрам.

Карл Пятый был убежден, что простые немцы не смогут устоять перед его звездой. "Король Дании обратился, - говорили ему придворные. - Почему бы курфюрсту не последовать его примеру? Давайте вовлечем его в имперскую атмосферу". Иоанна немедленно пригласили приехать и лично побеседовать с императором в Иннспруке, заверив, что он может рассчитывать на особое расположение Карла.

AUGSBURG.

Принц-выборщик Джон Фредерик, который, увидев успехи папистов, сначала воскликнул: "Мы ведем наши дела с такой неуклюжестью, что это достойно сожаления!" - позволил поймать себя на этой уловке. "Папистские князья, - сказал он своему отцу, - используют все средства, чтобы очернить нашу репутацию. Отправляйся в Инспрук, чтобы положить конец этим коварным практикам; или, если ты не хочешь, отправь меня вместо себя".

На этот раз благоразумный курфюрст умерил поспешность своего сына и ответил министрам Карла, что не подобает рассматривать дела сейма в каком-либо другом месте, кроме того, которое назначил сам император, и поэтому он просил его величество ускорить его прибытие. Это была первая проверка, с которой столкнулся Чарльз.

III. Тем временем Аугсбург с каждым днем заполнялся все больше и больше. Принцы, епископы, депутаты, джентльмены, кавалеры, солдаты в богатых мундирах входили во все ворота и заполняли улицы, общественные места, гостиницы, церкви и дворцы. Все, что было самого великолепного в Германии, вот-вот должно было быть собрано именно там. Критические обстоятельства, в которых оказались империя и христианский мир, присутствие Карла V и его любезные манеры, любовь к новизне, грандиозным зрелищам и живым эмоциям оторвали немцев от их домов. Все, у кого были серьезные интересы для обсуждения, не считая толпы бездельников, стекались из различных провинций империи и спешно направлялись в этот прославленный город. [363]

ПРОПОВЕДАННОЕ ЕВАНГЕЛИЕ.

Посреди этой толпы курфюрст и ландграф решили исповедать Иисуса Христа и воспользоваться этим собранием, чтобы обратить империю. Едва Иоанн прибыл, как приказал одному из своих богословов ежедневно проповедовать при открытых дверях в доминиканской церкви. [364] В воскресенье, 8 мая, то же самое было сделано в церкви Святой Екатерины; 13 мая Филипп Гессенский открыл ворота собора, и его капеллан Снепфф проповедовал там Слово спасения; а в следующее воскресенье (15 мая) этот принц приказал Целлариусу, министру Аугсбурга и последователю Цвингле, проповедовать в том же храме. Несколько позже ландграф прочно устроился в церкви Св. Ульрик, и избиратель в СВ. Екатерины. Таковы были

две позиции, которые занимали эти прославленные князья. Каждый день в этих местах проповедовалось Евангелие перед огромной и внимательной толпой. [365]

Сторонники Рима были поражены. Они ожидали увидеть преступников, пытающихся скрыть свои проступки, а встретили исповедников Христа с высоко поднятыми головами и словами силы. Желая уравновесить эти проповеди, епископ Аугсбурга приказал своему суффражисту и капеллану взойти на кафедру. Но римские священники лучше понимали, как служить мессе, чем проповедовать Евангелие. "Они кричат, они вопят", - говорили некоторые. "Они глупые ребята", - добавляли все их слушатели, пожимая плечами. [366]

Романисты, стыдясь своих собственных священников, начали сердиться, [367] и, не имея возможности отстаивать свои позиции проповедью, они прибегли к светской помощи. "Жрецы приводят в действие чудесные машины, чтобы завладеть разумом цезаря", - сказала Меланхтон. [368] Они преуспели, и Карл высказал свое неудовольствие твердолобостью принцев. Затем друзья папы приблизились к протестантам и прошептали им на ухо, "что император, победивший короля Франции и римского понтифика, появится в Германии, чтобы сокрушить всех евангелистов". [369] Встревоженный избиратель обратился за советом к своим теологам.

Прежде чем ответ был готов, прибыли приказы Карла в сопровождении двух его самых влиятельных министров, графов Нассау и Нуэнара. Более умелого выбора было сделать невозможно. Эти два дворянина, хотя и были преданы Карлу, благосклонно относились к Евангелию, которое они вскоре исповедали. Поэтому курфюрст был полностью расположен прислушаться к их совету.

ПОСЛАНИЕ ИМПЕРАТОРА.

24 мая оба графа передали свои письма Иоанну Саксонскому и заявили ему, что император чрезвычайно огорчен тем, что религиозные разногласия нарушили доброе взаимопонимание, которое столько лет объединяло дома Саксонии и Австрии; [370] что он был поражен, увидев, что курфюрст выступает против эдикта (Вормсского), который был единогласно принят парламентом. все государства Империи; что заключенные им союзы имели тенденцию разрушить единство Германии и могли затопить ее кровью. Наконец, они потребовали, чтобы избиратель немедленно прекратил евангельские проповеди, и конфиденциальным тоном добавили, что они трепещут при мысли о немедленных и прискорбных последствиях, которые, несомненно, последуют за отказом избирателя. "Это, - сказали они, - всего лишь выражение наших личных чувств". Это был дипломатический маневр, император повелел им высказать несколько угроз, но исключительно от их собственного имени. [371]

Курфюрст был сильно взволнован. "Если его величество запретит проповедовать Евангелие, - воскликнул он, - я немедленно вернусь домой". [372] Однако он ждал совета своих теологов.

Ответ Лютера был готов первым. "Император - наш повелитель, - сказал он. - город и все, что в нем, принадлежит ему. Если ваше высочество прикажет в Торгау сделать это и оставить это незавершенным, народ не должен сопротивляться. Я бы предпочел попытаться изменить решение его величества скромными и уважительными просьбами; но если он будет упорствовать, сила исправит положение; мы всего лишь выполнили свой долг ". [373] Так говорил человек, которого часто представляли как бунтаря.

ТВЕРДОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЯ.

Меланхтон и другие были почти того же мнения; только они больше настаивали на необходимости представлять императору, "что они не говорят о противоречиях в своих проповедях, а довольствуются просто преподаванием учения Христа Спасителя". [374] Давайте прежде всего остерегаться, - продолжали они, - покидать это место. Позвольте вашему высочеству с бесстрашным сердцем признаться в присутствии его величества, какими чудесными путями вы достигли правильного понимания истины, [375] и не позволяйте себе тревожиться этим раскатам грома, которые срываются с уст наших врагов". По правде говоря, такова была цель, которой, по мнению реформаторов, должно быть подчинено все остальное.

Уступит ли курфюрст этому первому требованию Карла и, таким образом, начнет, еще до прибытия императора, этот список жертв, конец которого невозможно предвидеть?

Никто в Аугсбурге не был тверже Джона. Напрасно реформаторы изображали, что они находятся в городе Императора и всего лишь чужаки: [376] Курфюрст покачал головой. Меланхтон в отчаянии писал Лютеру: "Увы! как непривлекателен наш старик!" [377] Тем не менее он снова вернулся к обвинению. К счастью, по правую руку от курфюрста был бесстрашный человек, канцлер Брук, который, будучи убежден, что политика, честь и, прежде всего, долг обязывают друзей Реформации противостоять угрозам Карла, сказал курфюрсту: "Требование императора - всего лишь достойное начало для окончательной отмены Евангелия. [378] Если мы сейчас уступим, они постепенно раздавят нас. Поэтому давайте смиренно просить его величество разрешить продолжить проповеди ". Таким образом, в то время государственный деятель стоял в первых рядах исповедников Иисуса Христа. Это одна из характерных черт нашей великой эпохи, и ее не следует забывать, если мы хотим правильно понять ее историю.

ОТВЕТ ИЗБИРАТЕЛЯ.

31 мая курфюрст направил свой письменный ответ министрам Карла. "Это неправда, - говорилось в нем, - что Вормсский эдикт был одобрен шестью выборщиками. Как могли избиратель, мой брат и я, одоблив его, выступить против вечного слова Всемогущего Бога? Соответственно, последующие сеймы объявили этот указ невыполнимым. Что касается дружеских отношений, которые у меня сложились, то их единственная цель - защитить меня от актов насилия. Пусть мои обвинители представят его величеству союзы, которые они заключили; я готов предъявить свои, и император решит между нами.— Наконец, что касается требования приостановить наши проповеди, то в них не провозглашается ничего, кроме славной истины Божьей, и никогда это не было нам так необходимо. Поэтому мы не можем обойтись без этого!" [379]

Этот ответ неизбежно должен был ускорить прибытие Чарльза, и они должны были срочно подготовиться к его приему. Объяснить, во что они верят, а затем хранить молчание - таков был весь план протестантской кампании. Поэтому признание было необходимо. Одному человеку, маленького роста, хрупкому, робкому и сильно встревоженному, было поручено подготовить это орудие войны. Филипп Меланхтон работал над этим день и ночь: он взвешивал каждое выражение, смягчал его, изменял, а затем часто возвращался к своей первой идее. Он истощал свои силы; его друзья дрожали, опасаясь, что он умрет, выполняя свою задачу; и Лютер приказал ему еще 12 мая под страхом анафемы принять меры для сохранения "его маленького тела", а не "совершать самоубийство из любви к Богу". [380] "Богу с такой же пользой служит покой, - добавил он, - и действительно, человек никогда не служит ему лучше, чем сохраняя

спокойствие. Именно по этой причине Бог пожелал, чтобы суббота соблюдалась так строго". [381]

ПОДГОТОВКА ПРИЗНАНИЯ.

Несмотря на эти просьбы, ходатайство Меланхтона расширилось, и он приступил к изложению христианской веры, одновременно мягкой, умеренной и как можно менее далекой от доктрины латинской церкви. В Кобурге он уже приложил руку к этой задаче и в первой части изложил доктрины веры в соответствии с уставом Швабаха; а во второй - злоупотребления Церкви в соответствии с уставом Торгау, составив в целом совершенно новую работу. В Аугсбурге он придал этому признанию более правильную и изящную форму. [382]

Апология, как ее тогда называли, была завершена 11 мая, и курфюрст отправил ее Лютеру, умоляя его отметить, что следует изменить. "Я сказал то, что считал наиболее полезным", - добавил Меланхтон, опасавшийся, что его другу признание покажется слишком слабым. "ибо Эрк не перестает распространять против нас самую дьявольскую клевету, и я пытался найти противоядие от его ядов". [383]

15 мая Лютер ответил курфюрсту: "Я прочитал Извинения магистра Филиппа; они мне достаточно понравились, мне нечего исправлять. Кроме того, это вряд ли подошло бы мне, ибо я не могу ходить так кротко и так тихо. Пусть Христос, Господь наш, дарует, чтобы эта работа принесла много плодов".

Однако каждый день советники и богословы курфюрста совместно с Меланхтоном совершенствовали исповедь и старались сделать ее такой, чтобы очарованный сейм, несмотря ни на что, выслушал ее до самого конца. [384]

LUTHER'S SINAI.

Пока в Аугсбурге готовилась борьба, Лютер в Кобурге, на вершине холма, "на своем Синае", как он его называл, воздел руки, подобно Моисею, к небу. [385] Он был настоящим генералом духовной войны, которая тогда велась; его письма не переставали давать сражающимся указания, в которых они нуждались, а многочисленные брошюры, выходившие из его цитадели, подобно ружейным залпам, сеяли смятение в стане врага.

Место, где его оставили, благодаря своему уединению было благоприятно для учебы и медитации. [386] "Я сделаю Сион из этого Синая, - сказал он 22 апреля, - и я построю здесь три скинии: одну для Псалмов, одну для Пророков и одну - для Эзопа!" Последнее слово поражает. Эта ассоциация не соответствует ни языку, ни духу Апостолов. Это правда, что Эзоп не был его основным предметом изучения: басни вскоре были отложены в сторону, и Лютер занялся только истиной. "Я буду плакать, я буду молиться, я никогда не умолкну, - писал он, - пока не узнаю, что мой крик услышан на небесах". [387]

Кроме того, в качестве отдыха у него было кое-что получше Эзопа; у него были те домашние радости, драгоценные сокровища которых Реформация открыла служителям Слова. Именно в это время он написал очаровательное письмо своему маленькому сыну, в котором описывает восхитительный сад, где резвятся дети, одетые в золото, собирая яблоки, груши, вишни, и

сливы; они поют, танцуют, веселятся и катаются на хорошеньких маленьких лошадках с золотыми уздечками и серебряными седлами. [388]

ВЕСЕЛЬЕ ЛЮТЕРА.

Но Реформатор вскоре отвлекся от этих приятных образов. Примерно в это же время он узнал, что его отец тихо уснул в вере в Иисуса Христа. "Увы! - воскликнул он, проливая слезы сыновней любви, - в поте лица своего он сделал меня тем, кто я есть". [389] На него обрушились другие испытания; и к телесным мукам добавились призраки его воображения. В частности, однажды ночью он увидел, как перед его глазами быстро промелькнули три факела, и в тот же момент у себя в голове услышал раскаты грома, которые он приписал дьяволу. Его слуга вбежал в тот момент, когда он потерял сознание, и, приведя его в чувство, прочел ему Послание к Галатам. Лютер, который заснул, сказал, проснувшись: "Приди и, несмотря на дьявола, давай споем псалом *"Из глубин Я взывал к Тебе, о Господь"*. Они оба спели гимн. Пока Лютера мучили эти внутренние шумы, он переводил пророка Иеремию, и все же он часто сожалел о своем безделье.

Вскоре он посвятил себя другим исследованиям и излил потоки своей иронии на повседневную практику судов. Он видел Венецию, папу римского и короля Франции, протягивающих руки Карлу V. Чтобы сокрушить Евангелие. Затем, оставшись один в своих покоях в старом замке, он разразился неудержимым смехом. "Мистер *Пар-ма-фой* (так он называл Франциска I.), *Innomine-Domini* (Папа Римский) и Венецианская Республика передают свое имущество и свои тела императору.....*Святейший отец*. Поистине, самый священный союз! Этот союз между этими четырьмя державами принадлежит капитулу *Неверующих*, Венеция, папа римский и Франция становятся *империалистами*!.....Но это три личности в одном лице, исполненные невыразимой ненависти к императору. Мистер *Пар-ма-фой* не может забыть своего поражения при Павии; мистер *номинальный Домини*, во-первых, итальянец, что уже слишком; во-вторых, флорентиец, что еще хуже; в-третьих, незаконнорожденный, то есть порождение дьявола; в-четвертых, он никогда не забудет позора разграбления Рима. Что же касается венецианцев, то они венецианцы, этого вполне достаточно, и у них есть веские причины отомстить потомкам Максимилиана. Все это относится к главе *Firmiter-credimus*. Но Бог поможет благочестивому Карлу, который - овца среди волков. Аминь". [390] Бывший монах из Эрфурта обладал большей политической дальновидностью, чем многие дипломаты его эпохи.

СОСТОЯНИЕ САКСОНИИ.

Раздраженный тем, что сейм откладывается со дня на день, Лютер сформулировал свою резолюцию и в конце концов созвал ее даже в Кобурге. "Мы уже в полном сборе", - писал он 28 апреля и 9 мая. "Вы могли бы здесь увидеть королей, герцогов и других вельмож, обсуждающих дела своего королевства и неутомимым голосом публикующих в эфире свои догмы и указы. Они обитают не в тех пещерах, которые вы украшаете именем дворцов; небеса - это их балдахин; покрытые листвой деревья образуют пол тысячи цветов, а их стены - это края земли. Они испытывают ужас перед всей бессмысленной роскошью шелка и золота; они не просят ни коней, ни доспехов, и у всех одинаковая одежда и одного цвета. Я не видел и не слышал их императора; но, если я могу их понять, они решили в этом году начать безжалостную войну с самыми прекрасными плодами земли.— Ах! мои дорогие друзья, — сказал он своим товарищам по кают—компании, [391], которым он писал, "это софисты, паписты, которые собрались передо мной в кучу". , чтобы заставить меня услышать их проповеди и их крики". - Эти два письма,

датированные "*империей воронов*", заканчиваются следующей скорбной фразой, которая показывает нам, как Реформатор погружается в себя после этой игры своего воображения: "Хватит шуток! - шуток, которые, однако, иногда необходимы, чтобы развеять мрачные мысли, которые меня преследуют". [392]

ТРУДЫ ЕВАНГЕЛИЯ.

Вскоре Лютер вернулся к реальной жизни и затрепетал от радости, увидев плоды, которые уже приносила Реформация и которые были для него более сильным "извинением", чем даже исповедь Меланхтона. "Есть ли во всем мире хоть одна страна, которая могла бы сравниться со штатами вашего высочества, - писал он курфюрсту, - и в которой есть проповедники столь чистого учения или пастыри, столь способные установить царство мира? Где мы видим, как в Саксонии, мальчиков и девочек, хорошо обученных Священному Писанию и Катехизису, возрастающих в мудрости и росте, молящихся, верующих, говорящих о Боге и Христе лучше, чем это делалось до сих пор всеми университетами, монастырями и капитулами христианского мира?" [393] "Мой дорогой герцог Джон, говорит тебе Господь, я веряю тебе этот рай, самый прекрасный из существующих в мире, чтобы ты мог быть его садовником". И затем он добавил: "Увы! безумие папистских князей превращает этот Божий рай в грязное болото и, развращая молодежь, каждый день населяет настоящими дьяволами их государства, их столы и их дворцы".

Лютер, не довольствуясь поощрением своего монарха, желал также напугать его противников. Именно с этим намерением он написал в то время обращение к представителям духовенства, собравшимся в Аугсбурге. Толпа мыслей, подобно ланскенцам, вооруженным до зубов, "ворвалась, чтобы утомить и сбить его с толку"; [394] и на самом деле в речи, с которой он обращается к епископам, нет недостатка в колких словах. "Короче говоря, - сказал он им в заключение, - мы знаем, и вы знаете, что у нас есть Слово Божье, а у вас его нет. О Папа! если я выживу, я буду для тебя мором; а если я умру, я стану твоей смертью!" [395]

Таким образом, Лютер присутствовал в Аугсбурге, хотя и невидимый; и своими словами и молитвами он добился большего, чем Агрикола, Бренц или Меланхтон. Это были дни тяжких трудов за Евангельскую истину. Оно должно было вот-вот появиться в мире с мощью, которой было суждено затмить все, что было сделано со времен святого Павла; но Лютер лишь возвещал и проявлял то, что совершал Бог: он не исполнял их сам. В отношении событий Церкви он был тем же, чем Сократ был для философии: "Я подражаю своей матери (она была акушеркой)", - имел обыкновение говорить этот философ; "она не мучается сама, но помогает другим". Лютер — и он никогда не переставал повторять это — ничего не создал; но он извлек на свет драгоценное семя, веками сокрытое в лоне Церкви. Человек Божий - это не тот, кто стремится сформировать свою эпоху в соответствии со своими особыми представлениями, но тот, кто, отчетливо воспринимая Божью истину, какую она содержится в его Слове и как она скрыта в его Церкви, мужественно и решительно доносит ее до своих современников.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ НАДЕЖДЫ РУШАТСЯ.

Никогда еще эти качества не были так необходимы, поскольку ситуация принимала тревожный характер. 4 июня умер канцлер Гаттинара, который был для Карла Пятого "тем, чем Ульпиан был для Александра Севера", по словам Меланхтона, и вместе с ним исчезли все человеческие надежды протестантов. "Это Бог, - сказал Лютер, - воздвиг для нас неемана при дворе короля

Сирии". По правде говоря, только Гаттинара сопротивлялся папе. Когда Карл изложил ему возражения Рима: "Помните, - сказал канцлер, - что вы хозяин!" С этого момента все, казалось, приняло новое направление. Папа требовал, чтобы Карл был удовлетворен тем, что является его "ликтором", как говорит Лютер, для исполнения его приговоров против еретиков. [396] Эхк, чье имя (согласно Меланхтону) было неплохой имитацией крика ворон Лютера, нагромождался одно на другое [397] множество мнимых еретических положений, извлеченных из трудов Реформатора. Их было *четыреста четыре* человека, и все же он оправдывался тем, что, будучи застигнутым врасплох, был вынужден ограничиться таким небольшим числом, и громко призывал к диспуту с лютеранами. Они ответили на эти утверждения рядом ироничных и язвительных тезисов на тему "вино, Венера и ванны против Джона Эка", и бедный доктор стал всеобщим посмешищем.

ЦЕРКОВЬ - СУДЬЯ.

Но другие взялись за работу более искусно, чем он. Кохлус, который в 1527 году стал капелланом герцога Георга Саксонского, попросил о встрече с Меланхтон, "поскольку, - добавил он, - я не могу разговаривать с вашими женатыми министрами". [398] Меланхтон, на которого в Аугсбурге смотрели недобрыми глазами и который жаловался на то, что там ему было более одиноко, чем Лютеру в его замке, [399] был тронут этой любезностью, и был еще более проникнут идеей, что порядок во всем должен быть как можно более мягким.

Римские священники и миряне подняли большой шум, потому что в постные дни при дворе курфюрста обычно ели мясо. Меланхтон посоветовал своему принцу ограничить свободу своих приближенных в этом отношении. "Этот беспорядок, - сказал он, - далек от того, чтобы вести простодушных к Евангелию, он шокирует их". В своем дурном настроении он добавил: "Поистине прекрасная святость - считать делом совести поститься и в то же время день и ночь предаваться вину и безумию!" [400] Курфюрст не поддался совету Меланхтона; это было бы признаком слабости, которой его противники знали бы, как воспользоваться.

31 мая саксонское исповедание было наконец доведено до сведения других протестантских государств, которые потребовали, чтобы оно было представлено совместно от их имени. [401] Но в то же время они хотели бы высказать свои оговорки в отношении влияния государства. "Мы обращаемся к совету, - сказал Меланхтон. - мы не примем императора в качестве нашего судьи; сами церковные конституции запрещают ему высказываться по духовным вопросам. [402] Моисей заявляет, что решает не гражданский судья, а сыновья Левия. Святой Павел также говорит (1 Кор. xiv.): "*Пусть другие судят*", что может быть понято только всем христианским собранием; и сам Спаситель дает нам эту заповедь: "*Скажите это Церкви*". Поэтому мы клянемся в нашем послушании Закону Божьему. Император во всех гражданских делах; но что касается Слова Божьего, то мы требуем свободы".

КАТОЛИЧЕСКИЙ ДУХ ЛАНДГРАФА.

Все были согласны по этому пункту; но несогласие исходило с другой стороны. Лютеране боялись скомпрометировать свое дело, если пойдут рука об руку с цвинглианцами. "Это безумие лютеран, - ответил Бучер. - оно погибнет от собственного веса". [403] Но, отнюдь не позволив этому безумию "исчезнуть", реформированные усилили разобщенность преувеличенными жалобами. "В Саксонии снова начинают петь латинские гимны, - говорили

они. - Возобновлены священные облачения, и снова требуются жертвоприношения. [404] Мы предпочли бы, чтобы нас вели на бойню, чем быть христианами таким образом".

Пораженный ландграф, по словам Буцера, находился "между молотом и наковальней", и его союзники причиняли ему больше беспокойства, чем враги. [405] Он обратился к Регию, к Бренцу, к Меланхтону, заявив, что его самым искренним желанием было видеть, как среди всех евангелических врачей воцаряется согласие. "Если этим роковым доктринам не противостоять, - ответил Меланхтон, - в Церкви возникнут разногласия, которые продлятся до конца света. Разве цвинглианцы не хвастаются своей полной казней, подготовленными солдатами и иностранными нациями, готовыми помочь им? Разве они не говорят о разделении между собой прав и собственности епископов и о провозглашении свободы ... Боже милостивый! разве мы не должны подумать о потомстве, которое, если мы не подавим эти преступные мятежи, сразу останется без трона и без алтаря?" [406]—"Нет, нет! мы едины, - ответил этот великодушный принц, который был намного старше своего возраста. - мы все исповедуем одного и того же Христа, мы все исповедуем, что должны вкушать Иисуса Христа верою в Евхаристии. Давайте объединимся". Все было бесполезно. Время, когда истинное католичество должно было заменить этот сектантский дух, наиболее совершенным выражением которого является Рим, еще не наступило.

AUGSBURG.

IV. По мере приближения императора к Аугсбургу беспокойство протестантов продолжало возрастать. Бюргеры этого имперского города ожидали, что он превратится в театр странных событий. Соответственно, они заявили, что если бы курфюрст, ландграф и другие друзья Реформации не были среди них, они все покинули бы ее. [407] "Нам угрожает великое разрушение", - повторяли со всех сторон. [408] Надменное выражение лица Карла больше всего встревожило протестантов. "Чего хотят от меня эти избиратели?" он нетерпеливо сказал: "Я буду делать то, что мне заблагорассудится!" [409] Таким образом, имперскому закону суждено было восторжествовать в сейме.

К этому волнению человеческих умов добавилось волнение улиц, или, скорее, одно привело к другому. Каменщики и слесари работали во всех общественных местах и переходах, усердно прикрепляя к стенам заграждения и цепи, которые можно было закрыть или натянуть при первом тревожном крике. [410] В то же время было замечено около восьмисот пеших и конных солдат, патрулировавших улицы, одетых в бархат и шелк, [411] которых зарегистрировали магистраты, чтобы с пышностью принять императора.

Дело находилось в таком состоянии, и была примерно середина мая, когда прибыло несколько надменных испанских квартирмейстеров, которые с презрением смотрели на этих несчастных бюргеров, врывались в их дома, вели себя буйно и даже грубо вырвали оружие у некоторых принцев. [412] Магистраты делегировали советников для переговоров с ними, испанцы сделали дерзкий ответ. "Увы! - сказали горожане. - если слуги таковы, то кем же будет их хозяин?" Министры Карла были огорчены их дерзостью и послали немецкого квартирмейстера, который использовал формы немецкой вежливости, чтобы заставить их забыть об этой испанской надменности.

ЧАРЛЬЗ В МЮНХЕНЕ.

Это длилось недолго, и вскоре они почувствовали более серьезную тревогу. Членов Аугсбургского совета спросили, что означают эти цепи и солдаты, и им было приказано именем императора снять одно и распустить другое. Городские власти в тревоге ответили: "Более десяти лет назад мы намеревались установить эти цепи; [413] а что касается солдат, то наша цель - просто воздать должное его величеству". После долгих переговоров было решено распустить войска и что имперское командование должно заново отобрать тысячу человек, которые должны принести присягу императору, но за это им будет платить город Аугсбург.

Тогда имперские квартирмейстеры возобновили всю свою дерзость; и, больше не утруждая себя заходом в дома и лавки, они сорвали вывески граждан Аугсбурга и написали вместо них, сколько людей и лошадей им потребуется для ночлега. [414]

Таковы были прелюдии к примирительной работе, о которой объявил Карл V и которую он так медленно начинал. Соответственно, его задержка, приписываемая одними толпам людей, окруживших его своими одобрительными возгласами; другими - просьбам священников, которые противодействовали его въезду в Аугсбург до тех пор, пока он не заставил министров замолчать; а третьи, наконец, урокам, которые папа преподавал ему в искусстве политики и стратегемы, [415] еще больше отчуждил курфюрста и заставил его замолчать министров. его союзники.

ЧАРЛЬЗ И ПРИНЦЫ.

Наконец Чарльз, покинув Иншпрук через два дня после смерти Гаттинары, прибыл в Мюнхен 10 июня. Прием был великолепным. На расстоянии двух миль от города временная крепость, солдатские хижины, пушки, всадники, штурм, повторяющиеся взрывы, пламя, крики, клубы дыма и ужасный лязг оружия, все это было очень приятно императору; [416] в городе были построены театры под открытым небом, *еврейка Эстер, персидский театр. Камбизи* другие не менее знаменитые произведения искусства в сочетании с великолепным фейерверком представляли собой прием, оказанный приверженцами папы тому, кого они называли своим Спасителем.

Карл находился недалеко от Аугсбурга. Уже 11 июня каждый день и каждый час члены императорского двора, экипажи, повозки и багаж въезжали в этот город под звуки щелкающего кнута и звукового рожка; [417] и бюргеры в изумлении удрученными глазами смотрели на весь этот наглый обоз, который обрушился на их город подобно стае саранчи. [418]

В пять часов утра 15 июня, [419] Курфюрст, принцы и их советники собрались в ратуше, и вскоре прибыли имперские комиссары с приказом им выйти и встретить Карла. В три часа пополудни принцы и депутаты покинули город и, добравшись до небольшого моста через реку Лех, остановились там и стали ждать императора. Взгляды каждого члена блестящего собрания, остановившиеся на улыбающихся берегах альпийского потока, были устремлены вдоль дороги на Мюнхен. Наконец, после двух или трех часов ожидания, облака пыли и громкий шум возвестили о появлении императора. Две тысячи солдат императорской гвардии выступили первыми; затем, когда Карл подошел на расстояние пятидесяти шагов к реке, выборщики и принцы вышли. Их сыновья, которые выехали за мост, увидев, что император готовится сделать то же самое, подбежали к нему и умоляли остаться верхом; [420] но Карл спешил без колебаний, [421] и, подойдя к принцам с любезной улыбкой, сердечно пожал им руки. Альберт

Ментцский, в качестве архи-канцлера империи, теперь приветствовал императора, и граф-палатин Фридрих ответил от имени Карла.

ПРОЦЕССИЯ.

Пока это происходило, три человека стояли отдельно на небольшом возвышении; [422] это был римский легат, гордо восседавший на муле, сверкающем пурпуром, в сопровождении двух других кардиналов, архиепископа Зальцбургского и епископа Трентского. Нунций, увидев всех этих великих личностей на дороге, поднял руки и дал им свое благословение. Император, король и принцы, подчинившиеся папе, немедленно упали на колени; испанцы, итальянцы, голландцы и немцы, находившиеся в их свите, подражали их движениям, бросая, однако, косые взгляды на протестантов, которые одни остались стоять посреди этой смиренно распростертой толпы. [423] Чарльз, казалось, не заметил этого, но он, несомненно, понял, что это означало. Затем курфюрст Бранденбургский обратился к легату с речью на латыни. Он был выбран потому, что говорил на этом языке лучше, чем князя Церкви; и соответственно, Карл, восхваляя его красноречие, лукаво замолвил словечко о небрежности прелатов. [424] Император теперь готовился снова сесть на коня, когда принц-выборщик Саксонии и молодые принцы Люнебурга, Мекленбурга, Бранденбурга и Ангальта бросились к нему, чтобы помочь ему взобраться в седло: один держал уздечку, другой - стремя, и все были очарованы великолепным видом своего могущественного государя. [425] Процессия двинулась дальше.

Первыми шли две роты ланскенцев под командованием Симона Зайца, гражданина Аугсбурга, который совершил поход в Италию и возвращался домой, нагруженный золотом. [426] Затем продвигались дворы шести курфюрстов, состоящие из принцев, графов, советников, дворян и солдат; двор герцогов Баварских влился в их ряды, и четыреста пятьдесят всадников, составлявших его, маршировали по пять в ряд, покрытые яркими кирасами, в красных камзолах, а над их головами развевались красивые разноцветные плащи. плюмажи.—Бавария уже в ту эпоху была главной опорой Рима в Германии.

Сразу же после этого появились домочадцы императора и его брата, составлявшие разительный контраст с этим воинственным зрелищем. Они состояли из турецких, польских, арабских и других ведомых лошадей; затем следовало множество юных пажей, одетых в желтый или красный бархат, с испанскими, чешскими и австрийскими дворянами в одеждах из шелка и бархата; [427] среди них богемцы имели самый воинственный вид и искусно ездили верхом на своих великолепных и гарцующих скакунах. Последними трубачи, барабанщики, герольды, конюхи, лакеи и крестonosцы легата возвестили о приближении принцев.

Фактически, эти могущественные лорды, чьи раздоры так часто приводили Германию к смуте и войнам, теперь мирно продвигались вперед бок о бок. После принцев появились курфюрсты; и курфюрст Саксонии, согласно обычаю, пронес обнаженный и сверкающий императорский меч непосредственно перед императором. [428]

Последним шел принц, на которого были устремлены все взгляды. [429] Тридцати лет, выдающегося телосложения и приятных черт лица, облачен в золотые одежды, сплошь усыпанные драгоценными камнями, [430] носит маленькую Испанская шляпа на макушке, [431] восседая на прекрасном польском наемном экипаже ослепительной белизны, под богатым балдахином из красного, белого и зеленого дамаста, который несли шесть сенаторов Аугсбурга,

и бросая вокруг себя взгляды, в которых мягкость смешивалась с серьезностью, Карл вызвал живейший энтузиазм, и все восклицали, что он лучший из всех. самый красивый мужчина в империи, а также самый могущественный принц в мире.

ВЪЕЗЖАЕТ В АУГСБУРГ.

Сначала он хотел посадить рядом с собой своего брата и легата, но курфюрст Менцкий, сопровождаемый двумя сотнями облаченных в шелка гвардейцев, занял правую руку императора, а курфюрст Кельнский с сотней хорошо вооруженных сторонников занял место слева. Король Фердинанд и легат были вынуждены занять свои места позади них, за ними последовали кардиналы, послы и прелаты, среди которых был замечен надменный епископ Осмы, духовник императора. Замыкали шествие императорская кавалерия и войска Аугсбурга.

Никогда, по мнению историков, в Империи не видели ничего столь великолепного; [432] но они продвигались медленно, и было между восемью и девятью часами вечера, прежде чем они достигли ворот Аугсбурга. [433] Здесь они встретили бургомистра и советников, которые пали ниц перед Карлом, и в то же время пушки с крепостных стен, колокола со всех шпилей в полном звоне, звуки труб и барабанов и радостные возгласы народа отозвались громким шумом. Стадион, епископ Аугсбургский, и его духовенство, облаченное в белое, заиграли *Advenisti desirabilis*; и шесть каноников, выдвинувшись с великолепным балдахином, приготовились проводить императора в собор, когда конь Карла, испуганный этим необычным зрелищем, внезапно встал на дыбы, [434] так, что император с трудом совладал с ним. Наконец Карл вошел в базилику, украшенную гирляндами и цветами и внезапно освещенную тысячью факелов.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ.

Император подошел к алтарю и, упав на колени, воздел руки к небу. [435] Во время *Молебна* протестанты с беспокойством наблюдали, что Карл продолжал вполголоса беседовать с архиепископом Менца; что он склонил ухо к легату, который подошел поговорить с ним, и дружески кивнул герцогу Джорджу. Все это показалось им дурным предзнаменованием; но в тот момент, когда священники запели "*Te ergo quæsimus*", Карл, прервав свои разговоры, внезапно встал, и один из послушников подбежал к нему с расшитой золотом подушкой, император отложил ее в сторону и преклонил колени на голых камнях церкви. Все собрание преклонило колени вместе с ним; только курфюрст и ландграф остались стоять. Герцог Георг, пораженный такой смелостью, бросил угрожающий взгляд на своего кузена. Маркграф Бранденбургский, увлекаемый толпой, упал на колени; но, увидев, что двое его союзников стоят, он поспешно поднялся снова.

Кардинал-архиепископ Зальцбурга затем приступил к произнесению благословения; но Кампеджио, раздраженный тем, что до сих пор не принял участия в церемонии, поспешил к алтарю и, грубо оттолкнув архиепископа в сторону, резко сказал ему: [436] "эта должность принадлежит мне, а не вам". Другой уступил дорогу, император наклонился, а ландграф, с трудом скрывая улыбку, спрятался за канделябром. Колокола зазвонили снова, процессия возобновила свое шествие, и принцы проводили императора в Пфальц (так назывался епископский дворец), который был приготовлен для него. Толпа теперь рассеялась: было уже больше десяти вечера.

Настал час, когда сторонники папства тешили себя надеждой, что протестанты изменят своей вере. Прибытие императора, готовившаяся процессия со святыми дарами, поздний час — все было рассчитано заранее; "ночь измены вот-вот должна была начаться", - сказал Спалатин.

КАРЛ И ЛАНДГРАФ.

В покоях императора состоялось несколько минут общей беседы; затем принцам римской партии разрешили удалиться; но Карл дал знак курфюрсту Саксонскому, ландграфу Гессенскому, Георгу Бранденбургскому, принцу Ангальтскому и герцогу Люнебургскому следовать за ним в его личные покои. [437] Его брат Фердинанд, который должен был выполнять функции переводчика, один пошел с ними. Карл полагал, что до тех пор, пока за протестантскими принцами наблюдают, они не уступят; но в частной и дружеской беседе он мог бы добиться от них всего, чего хотел.

"Его величество просит вас прекратить проповеди", - сказал Фердинанд. Услышав эти слова, два старых принца (курфюрст и маркграф) побледнели и замолчали; [438] наступило долгое молчание.

Наконец ландграф сказал: "Мы умоляем ваше величество отозвать вашу просьбу, ибо наши служители проповедуют только чистое Слово Божье, как это делали древние учителя Церкви, святой Августин, святой Хилари и многие другие. Вашему величеству будет легко убедить себя в этом. Мы не можем лишать себя пищи Слова Божьего и отрицать его Евангелие". [439]

МОЛЧАНИЕ ИМПЕРАТОРА.

Фердинанд, возобновив разговор по-французски [440] (поскольку именно на этом языке он разговаривал со своим братом), сообщил императору ответ ландграфа. Ничто так не раздражало Чарльза, как эти цитаты о Хилари и Огастине; краска прилила к его щекам, и он почти разозлился. [441] "Его величество, — сказал Фердинанд более уверенным тоном, - не может отказаться от своего требования". - "Ваша совесть, - быстро ответил ландграф, - не имеет права командовать нашей". [442] Поскольку Фердинанд все еще настаивал, маркграф, до тех пор хранивший молчание, больше не мог сдерживаться; и, не заботясь о переводчиках, вытянул шею в сторону Карла, воскликнув в глубоком волнении: "Скорее, чем позволю отнять у меня Слово Господне, чем отрекусь от моего Бога, я бы преклонил колени перед вашим величеством и приказал отрубить мне голову!" Когда он произносил эти простые и великодушные слова, говорит современник, [443] принц сопровождал их многозначительным жестом и опустил руки на шею, как топор палача. Возбуждение принцев достигло апогея: если бы это было необходимо, они все четверо немедленно взойшли бы на эшафот. Карл был тронут этим: удивленный и взволнованный, он поспешно выкрикнул на своем плохом немецком, делая вид, что проверяет ландграфа: "Дорогой принц, только не голову! только не голову!" Но едва он произнес эти несколько слов, как одернул себя.

Это были единственные слова, которые Чарльз произнес перед принцами за все время сейма. Его незнание немецкого языка, а иногда и эскуриального этикета вынуждало его говорить только устами своего брата или графа-палатина. Поскольку у него была привычка ежедневно посвящать четыре часа богослужению, люди говорили: "Он больше разговаривает с Богом, чем с людьми". Это обычное молчание не способствовало его планам. Они требовали активности и красноречия; но вместо этого немцы увидели в безмолвном лице своего юного императора простую марионетку, кивающую головой и подмигивающую глазами. Чарльз иногда очень

остро ощущал недостатки своего положения: "Чтобы иметь возможность говорить по-немецки, - говорил он, - я бы охотно пожертвовал любым другим языком, даже если бы это был испанский или французский, и более того, одним из моих штатов". [444]

ПРОВАЛ СОБЕСЕДОВАНИЯ.

Фердинанд видел, что настаивать на прекращении этих встреч бесполезно, но у него была еще одна стрела в колчане. На следующий день был праздник *Тела Христова*, и по обычаю, который до сих пор никогда не нарушался, все принцы и депутаты, присутствовавшие на сейме, должны были принять участие в процессии. Что? отказались бы протестанты от этого акта вежливости в самом начале диеты, на которую каждый пришел в духе примирения? Разве они не провозгласили, что тело и кровь Христа действительно находятся в Воинстве? Разве они не хвастаются своей оппозицией Цвингле и могут ли они оставаться в стороне, не будучи запятнанными ересью? Теперь, если они разделят великолепие, окружающее "тело Господне"; если они смешаются с этой толпой духовенства, блистающего роскошью и раздувающегося от гордости, которое носит с собой Бога, которого они создали; если они будут присутствовать, когда люди преклоняются; разве они не поступят своей верой безвозвратно? Машина хорошо подготовлена; ее движения не могут подвести; сомнений больше нет! Мастерство итальянцев вот-вот восторжествует над простотой этих немецких хамов!

Поэтому Фердинанд продолжает и использует в качестве оружия тот самый отказ, с которым он только что столкнулся: "Поскольку император, - сказал он, - не может добиться от вас приостановки ваших собраний, он просит, по крайней мере, чтобы вы сопровождали его завтра, согласно обычаю, в процессии Святого Причастия. Сделай это, если не из уважения к нему, то, по крайней мере, во славу Всемогущего Бога". [445]

Князья были еще более раздражены и встревожены. "Христос, - сказали они, - установил свое таинство не для того, чтобы ему поклонялись". Карл упорствует в своем требовании, а протестанты - в своем отказе. [446] На это император заявляет, что не может принять их оправдание, что он даст им время на размышление и что они должны быть готовы ответить рано утром.

ВОЛНЕНИЕ ЧАРЛЬЗА.

Они расстались в сильнейшем волнении. Принц-выборщик, который вместе с другими лордами ждал своего отца в первом зале, в тот момент, когда принцы вышли из покоев императора, попытался прочесть по их лицам, что произошло. Судя по выражению эмоций на их лицах, борьба была жестокой, он подумал, что его отец подвергается величайшей опасности, и соответственно, схватив его за руку, потащил к дворцовой лестнице, испуганно восклицая, как будто спутники Карла уже преследовали его по пятам: "Идите, идите скорее!"

Карл, не ожидавший такого сопротивления, был по правде говоря сбит с толку, и легат попытался вывести его из себя еще больше. [447] Взмолванный, полный гнева и досады, и изрекающий самые страшные угрозы, [448] молодой император торопливо расхаживал взад и вперед по залам из своего дворца; и, не в силах ждать ответа до завтра, он послал посреди ночи потребовать окончательного решения курфюрста. "В настоящее время нам нужен сон, - ответил тот. - завтра мы сообщим вам о нашем решении". [449] Что касается ландграфа, то он мог отдыхать не больше, чем Карл. Едва он вернулся домой, как послал своего канцлера к нюрнбергским депутатам и разбудил их, чтобы ознакомить с тем, что произошло. [450]

В то же время требование Чарльза было изложено богословам, и Спалатин, взяв перо, за ночь составил их мнение. "Таинство, - говорилось в нем, - было установлено не для того, чтобы ему поклонялись, как евреи поклонялись медному истукану. [451] Мы здесь, чтобы исповедовать правду, а не для подтверждения злоупотреблений. Поэтому давайте держаться подальше!" Это мнение укрепило евангельских князей в их решимости; и день 16 июня начался.

Курфюрст Саксонии, почувствовавший ночью недомогание, поручил своему сыну представлять его интересы, и в семь часов принцы и советники верхом отправились во дворец императора. [452]

ПРОЦЕССИЯ ТЕЛА ХРИСТОВА.

Их представителем был маркграф Бранденбургский. "Вы знаете, - сказал он Чарльзу, - как, рискуя жизнями, мои предки и я сам поддерживали ваш августейший дом. Но в делах Божьих заповеди самого Бога обязывают меня отложить в сторону все человеческие заповеди. Нам сказано, что смерть ожидает тех, кто будет упорствовать в здравом учении: я готов перенести это". Затем он представил заявление евангельских князей императору. "Мы не будем поддерживать своим присутствием, - сказали они, - эти нечестивые человеческие традиции, которые противоречат Слову Божьему. Напротив, мы заявляем без колебаний и единодушно, что мы должны изгнать их из Церкви, чтобы те из ее членов, которые все еще здоровы, не были заражены этим смертельным ядом". [453] "Если вы не хотите сопровождать его величество из любви к Богу, - сказал Фердинанд, - сделайте это, по крайней мере, из любви к императору и как вассалы Империи. [454] Его величество приказывает вам". "Речь идет об акте поклонения, - ответили принцы, - наша совесть запрещает это". Затем Фердинанд и Карл, переговорив вполголоса: "Его величество желает видеть, - сказал король, - будете ли вы повиноваться ему или нет". [455] В то же время император и его брат вышли из комнаты; но принцы, вместо того, чтобы последовать за ним, как надеялся Карл, вернулись, полные радости, в свои дворцы.

РАЗДРАЖЕНИЕ ЧАРЛЬЗА.

Шествие началось только в полдень. Сразу же за балдахин, под которым курфюрст Менцкий нес Войско, появился император в одиночестве, с благочестивым видом, со свечой в руке, с непокрытой головой, остриженной, как у священника, хотя полуденное солнце освещало его самыми яркими лучами. [456] Подвергая себя этим испытаниям, Чарльз хотел громко заявить о своей вере в то, что составляет сущность римско-католицизма. По мере того, как дух и жизнь ускользали из первобытных Церквей, они стремились заменить их формами, зрелищами и церемониями. Существенная причина римского богослужения кроется в том упадке милосердия и веры, о котором часто сожалели католики первых веков; и история Рима резюмируется в этом выражении святого Павла, *имеющем форму благочестия, но отрицающем его силу*. [457] Но по мере того, как власть в Церкви начала возрождаться, форма также начала приходить в упадок. Едва ли сотня жителей Аугсбурга присоединилась к шествию 16 июня. Это уже не было помпезностью прежних времен: христианский народ заново научился любить и верить.

Однако Чарльз под маской набожности скрывал раненое сердце. Легат был менее способен владеть собой и громко сказал, что это упрямство князей нанесет папе большой вред. [458] Когда процессия закончилась (она длилась час), Карл больше не мог сдерживать свое крайнее

раздражение; и едва он вернулся в свой дворец, как заявил, что выдаст протестантским принцам охранную грамоту и что уже на следующий день эти упрямые и непокорные люди должны покинуть Аугсбург; [459] затем сейм примет такие резолюции, которые потребуются для безопасности Церкви и Империи. Без сомнения, именно легат подал Карлу эту идею, исполнение которой безошибочно привело бы к религиозной войне. Но некоторым князьям римской партии, желавшим сохранить мир, удалось, хотя и не без труда, заставить императора отозвать свой угрожающий приказ. [460]

ПРОПОВЕДИ ЗАПРЕЩЕНЫ.

V. Карл, потерпев поражение по поводу процессии, решил отомстить собраниям, ибо ничто так не раздражало его, как эти проповеди. Толпа не переставала заполнять огромную францисканскую церковь, где цвинглианский священник с живым и проникновенным красноречием проповедовал по Книге Иисуса Навина. [461] Он поставил перед ними царей Ханаана и сынов Израилевых: его собрание слышало их речи и видело их действия, и каждый узнал в Ханаане Императора и ультрагорных князей, а в народе Божьем приверженцев Реформации. В результате верующие покинули церковь, преисполненные энтузиазма в своей вере и желая увидеть, как мерзости идолопоклонников падут на землю. 16 июня протестанты обсудили требование Карла, и оно было отклонено большинством. "Это всего лишь пугало, - говорили они. - Паписты хотят только посмотреть, не расшатается ли гвоздь в стене и смогут ли они спугнуть зайца из чащи".

На следующее утро (17 июня) перед завтраком принцы ответили императору. "Запрещать нашим служителям проповедовать только святое Евангелие было бы бунтом против Бога, который желает, чтобы его Слово не было связано обязательствами. Какими бы бедными грешниками мы ни были, мы нуждаемся в этом Божественном Слове, чтобы преодолеть наши проблемы. [462] Более того, его величество заявил, что в этом сейме каждая доктрина должна быть беспристрастно рассмотрена. Теперь приказать нам впредь приостанавливать проповеди означало бы заранее осудить наши".

ПРЕДЛОЖЕН КОМПРОМИСС.

Карл немедленно созвал других светских и духовных князей, которые прибыли в полдень в Палатинский дворец и оставались там до вечера; [463] обсуждение было чрезвычайно оживленным. "Сегодня утром, - сказали некоторые из выступавших, - протестантские князья, покидая императора, публично произносили проповеди". [464] Взмешенный этим новым оскорблением, Чарльз с трудом сдержался. Однако некоторые из князей умоляли его принять их посредничество, и он согласился на это; но протестанты были непреклонны. Неужели эти еретики, которых, как они думали, так легко свергнуть, появились в Аугсбурге только для того, чтобы унижить Карла? Честь главы империи должна быть спасена любой ценой. "Давайте сами отрекемся от наших проповедников, - сказали принцы. - тогда протестанты не будут упорствовать в соблюдении своих!"

Соответственно, комиссия предложила императору отстранить как папистских, так и лютеранских проповедников и назначить нескольких капелланов, уполномоченных проповедовать чистое Слово Божье, не нападая ни на одну из двух партий. [465] "Они будут

нейтральными людьми", - сказали они протестантам; "ни Фабер, ни его сторонники не будут допущены".— "Но они осудят нашу доктрину".— "Ни в коем случае. Проповедник не должен делать ничего, кроме чтения текстов Евангелий, Посланий и общего исповедания грехов". [466] Евангелическим государствам потребовалось время, чтобы обдумать это.

"Мы должны принять это, - сказала Меланхтон, - потому что, если наше упрямство заставит императора отказаться выслушать наше признание, зло будет еще большим".

"Мы призваны в Аугсбург, - сказал Агрикола, - изложить наше учение, а не проповедовать". [467]

"В городе немалый беспорядок", - заметил Спалатин. "Приверженцы Таинств и энтузиасты проповедуют здесь так же, как и мы: мы должны выбраться из этой неразберихи".

"Что предлагают паписты? - спрашивали другие богословы. - читать Евангелия и Послания без объяснений. Но разве это не победа? Что? мы протестуем против толкований Церкви, и вот! священники, которые должны читать Слово Божье без своих записей и комментариев, то есть превращаться в протестантских священников!" "О, восхитительная мудрость придворных!" - воскликнула Меланхтон, улыбаясь. [468]

ЛЮБОПЫТСТВО ГОРОЖАН.

К этим мотивам были добавлены мнения юристов. Поскольку император должен считаться законным магистратом имперского города, до тех пор, пока он делает его своей резиденцией, вся юрисдикция в Аугсбурге действительно принадлежала ему.

"Что ж, тогда, - сказали протестантские князья, - мы согласны заставить замолчать наших проповедников в надежде, что не услышим ничего оскорбительного для нашей совести. Если бы это было иначе, мы чувствовали бы себя обязанными отразить столь серьезное оскорбление. [469] Кроме того, - добавил курфюрст, удаляясь, - мы надеемся, что если в любое время мы пожелаем послушать одного из наших капелланов в нашем собственном дворце, мы будем вольны это сделать ". [470]

Они поспешили к императору, который ничего так не желал, как прийти к соглашению с протестантами по этому вопросу, и который все одобрил.

Это была суббота. Немедленно был отправлен императорский герольд, который, пройдя по улицам города в семь часов вечера под звуки труб, [471] закричал изо всех сил: "О да, о да! [472] Так предписывает его императорское величество, наш всемилостивый господь: ни один проповедник не должен проповедовать в Аугсбурге, кроме тех, кого назначит его величество; и то под страхом навлечь на себя неудовольствие и наказание его величества ".

Новые Проповедники.

В домах жителей Аугсбурга состоялся обмен тысячами различных замечаний. "Нам не терпится, - говорили они, - увидеть проповедников, назначенных императором, которые будут проповедовать (о! неслыханное чудо!) ни против евангелического учения, ни против доктрины папы!" [473] "Мы должны ожидать, - добавил другой, - увидеть какой-нибудь трагелаф или химеру с головой льва, телом козла и хвостом дракона". [474] Испанцы, казалось, были вполне

удовлетворены этим соглашением, поскольку многие из них никогда в жизни не слышали ни одной проповеди; в Испании это было не принято; но друзья Цвингле были полны негодования и тревоги. [475]

Наконец наступило воскресенье, 19 июня; все поспешили в церкви, и заполнившие их верующие, не сводя глаз со священника и прислушиваясь, [476] приготовились слушать, что скажут эти новые и странные проповедники. [477] Обычно считалось, что их задачей будет провести евангелико-папистскую беседу, и им не терпелось услышать это чудо. Но

"Гора в трудах родила мышь!"

Проповедник сначала прочитал общую молитву; затем он добавил Евангелие дня, закончил общим исповеданием грехов и распустил свою паству. Люди удивленно смотрели друг на друга: "Поистине, - говорили они, - вот проповедник, который не является ни евангелистом, ни папистом, а строго придерживается текстов". [478] Наконец все разразились смехом; "и действительно, - добавляет Бренц, - для этого была достаточная причина". [479] Однако в некоторых церквях капелланы после прочтения Евангелия добавили несколько ребяческих слов, лишенных христианства и утешения и никоим образом не основанных на Священном Писании. [480]

СМЕСЬ ПАПИЗМА.

После так называемой проповеди они перешли к мессе. В соборе было особенно шумно. Император не присутствовал, поскольку имел обыкновение спать до девяти или десяти часов, [481] и в его честь была отслужена поздняя месса; но присутствовали Фердинанд и многие принцы. Звонкие ноты органа, звучные голоса хора - все было пущено в ход, и многочисленная и разношерстная толпа, врываясь во все двери, заполнила приделы храма. Можно было бы сказать, что все нации мира договорились встретиться в кафедральном соборе Аугсбурга. Здесь были французы, там испанцы, мавры в одном месте, мориски в другом, с одной стороны итальянцы, с другой турки и даже, как говорит Бренц, те, кого называют стратиотами. [482] Эта толпа неплохо отражала попури папизма.

ЛЮТЕР ПООЩРЯЕТ ПРИНЦЕВ.

Только один священник, ярый католик, осмелился принести извинения за мессу в церкви Святого Креста. Чарльз, желая сохранить свою власть, приказал бросить его в тюрьму Серых монахов, откуда они ухитрились позволить ему сбежать. Что касается евангельских пасторов Аугсбурга, то почти все они покинули город, чтобы нести Евангелие в других местах. Протестантские князья стремились заручиться поддержкой таких выдающихся людей для своих церквей. Этот шаг вызвал уныние и тревогу, и даже самые стойкие были тронуты. Курфюрст был безутешен лишениями, наложенными на него императором. "Господь наш Бог, - сказал он с глубоким вздохом, - получил приказ хранить молчание на Аугсбургском сейме". [483] С этого времени Лютер утратил хорошее мнение, которое он ранее питал о Карле, и предсказал самое бурное будущее. "Посмотрим, чем все это закончится", - сказал он. "Император, который приказал курфюрсту отказаться от собраний, впоследствии прикажет ему отказаться от доктрины; сейм войдет в свой пароксизм, и нам ничего не останется, кроме как положиться на руку Господню". Затем, дав волю своему негодованию, он добавил: "Паписты, брошенные на растерзание дьяволам, охвачены яростью; и чтобы жить, они должны пить кровь. [484] Они хотят

придать себе вид справедливости, наделяя нас видом упрямства. В Аугсбурге вам приходится иметь дело не с людьми, а с самими вратами ада". Сам Меланхтон видел, как рушатся все его надежды. "Все, кроме императора, - сказал он, - ненавидят нас самой лютой ненавистью. Опасность велика, очень велика. [485].....Молитесь Христу, чтобы Он спас нас!" Но Лютер, каким бы печальным он ни был, отнюдь не был повержен, он поднял голову и попытался возродить мужество своих братьев. "Будьте уверены и не сомневайтесь, - писал он им, - что вы исповедники Иисуса Христа и послы Великого Царя". [486]

Они нуждались в этих размышлениях, поскольку их противники, воодушевленные этим первым успехом, не пренебрегли ничем, что могло бы уничтожить протестантов, и, сделав еще один шаг вперед, предложили принудить их присутствовать на римских церемониях. [487] "Курфюрст Саксонии, - сказал легат Карлу, - в силу своей должности великого маршала Империи должен носить меч перед вами на всех церемониях сейма. Поэтому прикажите ему исполнить свой долг на мессе Святого Духа, которая заключается в открытии заседаний". Император немедленно так и сделал, и курфюрст, встревоженный этим сообщением, созвал своих богословов. Если бы он отказался, у него было бы отнято достоинство; а если бы он подчинился, то растоптал бы ногами свою веру, думал он, и опозорил бы Евангелие.

МЕССА СВЯТОГО ДУХА.

Но лютеранские богословы устранили сомнения своего принца. "Вы призваны на церемонию Империи, - сказали они, - как великий маршал, а не как христианин; само Слово Божье в истории Неемана уполномочивает вас принять это приглашение". [488] Друзья Цвингле так не думали; их поход был более решительным, чем у Виттемберга. "Мученики позволили предать себя смерти, - говорили они, - вместо того, чтобы возжечь крупцу фимиама перед идолами". Даже некоторые протестанты, услышав, что будет исполнен *Veni Spiritus*, сказали, качая головами: "Мы очень боимся, что колесница Духа, которая есть Слово Божье, была увезена папистами, и Святой Дух, несмотря на их Мессу, никогда не достигнет Аугсбурга". [489] Ни к этим опасениям, ни к этим возражениям не прислушались.

ПРОПОВЕДЬ.

В понедельник, 20 июня, император и его брат, а также курфюрсты и принцы Империи, войдя в собор, заняли свои места по правую сторону клироса; по левую разместились легат, архиепископы и епископы; в середине расположились послы. За хорами, на галерее, которая выходила на него, расположились ландграф и другие протестанты, предпочитавшие находиться поодаль от Хозяина. [490] Курфюрст с мечом в руке оставался в вертикальном положении возле алтаря в момент поклонения. Послушники, сразу после этого закрыв ворота хора, [491] Винсент Помпинелло, архиепископ Салерно, произнес проповедь. Он начал с турок и их опустошительных действий, а затем, сделав неожиданный поворот, внезапно начал превозносить турок даже выше немцев. "У турок, - сказал он, - есть только один правитель, которому они повинуются; но у немцев много таких, которые никому не повинуются. Турки живут по одному-единственному закону, одному-единственному обычаю, одной-единственной религии; но среди немцев есть такие, кто всегда желает новых законов, новых обычаев, новых религий. Они разрывают безупречный покров Христа; они упраздняют дьявольским вдохновением священные доктрины, установленные единодушным согласием, и подменяют их,

увы,! шутовство и непристойность. [492] Великодушный император, могущественный король! - сказал он, поворачиваясь к Карлу и его брату, - наточите ваши мечи, направьте их против этих вероломных возмутителей спокойствия и таким образом верните их в лоно Церкви. [493] Для Германии не будет мира до тех пор, пока меч не искоренит полностью эту ересь. [494] О святые Петр и святой Павел! Я взываю к тебе; к тебе, святой Петр, чтобы ты мог открыть каменные сердца этих принцев своими ключами; и к тебе, святой Павел, чтобы, если они проявят себя слишком непокорными, ты мог прийти со своим мечом и разрубить на куски эту беспримерную твердость!"

Эта речь, перемежавшаяся панегириками Аристиду, Фемистоклу, Сципиону, Катону, Курциям и Сцеволе, была завершена, и император и принцы поднялись, чтобы сделать свои подношения. Паппенгейм вернул шпагу курфюрсту, который доверил ее ему; и великий маршал, так же как и маркграф, отправился на жертвоприношение, но, как сообщается, с улыбкой. [495] Этот факт мало согласуется с характером этих принцев.

НАЧАЛО ДИЕТЫ.

Наконец они покинули собор. Никто, кроме друзей нунция, не остался доволен проповедью. Даже архиепископ Менца был оскорблен ею. "Что он имеет в виду, - воскликнул он, - призывая святого Павла рубить немцев своим мечом?" В нефе не было слышно ничего, кроме нескольких нечленораздельных звуков; протестанты нетерпеливо расспрашивали тех из своей группы, кто присутствовал на хоре. "Чем больше эти священники разжигают умы людей и чем больше они подталкивают своих князей к кровавым войнам, - сказал тогда Бренц, - тем больше мы должны препятствовать тому, чтобы наши поддались насилию". [496] Так говорил служитель Евангелия мира после проповеди римского священника.

После мессы Святого Духа император сел в свою карету, [497] и, добравшись до ратуши, где должны были проходить заседания сейма, он занял свое место на троне, покрытом золотой тканью, в то время как его брат расположился на скамье перед ним; затем вокруг них выстроились выборщики, сорок два суверенных принца, депутаты от городов, епископы и послы, действительно, составляли то знаменитое собрание, которое Лютер шесть недель назад воображал, что видит сидящим в воздухе. [498]

Палатинский граф зачитал императорское предложение. Оно касалось двух пунктов: войны с турками и религиозных разногласий. "Пожертвовав своими личными обидами и интересами ради общего блага, - сказал император, - я оставил свои наследственные королевства, чтобы перейти, не без большой опасности, в Италию, а оттуда в Германию. Я с прискорбием услышал о разразившихся здесь разногласиях, которые, нанося удар не только по императорскому величеству, но еще больше по заповедям Всемогущего Бога, должны породить грабежи, пожары, войну и смерть". [499] В час дня император в сопровождении всех принцев вернулся в свой дворец.

В тот же день курфюрст собрал вокруг себя всех своих единоверцев, которых речь императора сильно взволновала, и призвал их не поддаваться никаким угрозам со стороны дела, которое было делом самого Бога. [500] Казалось, все прониклись этим выражением из Священного Писания: "Скажи слово, и оно не устоит, ибо с нами Бог". [501]

МОЛИТВА ИЗБИРАТЕЛЯ.

На плечи курфюрста легло тяжелое бремя. Ему предстояло не только идти во главе принцев, но и защищаться от ослабляющего влияния Меланхтон. Это не абстракция государства, которую этот принц представляет нашему вниманию на протяжении всего этого дела: это самая благородная индивидуальность. Рано утром во вторник, почувствовав необходимость в той невидимой силе, которая, согласно прекрасному образу из Священного Писания, заставляет нас скакать по возвышенностям земли, и увидев, как обычно, своих слуг, своих советников и своего сына, собравшихся вокруг него, Джон с любовью попросил их удалиться. [502] Он знал, что, только смиренно преклонив колени перед Богом, он сможет мужественно предстать перед Чарльзом. Уединившись в своей комнате, он открыл и прочел Псалмы, затем, упав на колени, вознес самую горячую молитву Богу; [503] затем, желая утвердить себя в непоколебимой верности, в которой он только что поклялся Господу, он подошел к своему письменному столу и там записал свои решения. Дольциг и Меланхтон впоследствии увидели эти строки и, прочитав их, преисполнились восхищения. [504]

Вновь укрепившись таким образом в божественных мыслях, Иоанн принял императорское предложение и поразмыслил над ним; затем, позвав своего сына и канцлера Брука, а вскоре после этого и Меланхтон, все они согласились, что обсуждение в сейме следует начать с вопросов религии; и его союзники, с которыми посоветовались, согласились с этим советом.

ВАЛЬДЕС И МЕЛАНХТОН.

Легат задумал план, диаметрально противоположный этому. Он хотел задушить религиозный вопрос и с этой целью потребовал, чтобы князья рассмотрели его в тайном комитете. [505] Евангельские христиане не сомневались, что если истина будет провозглашена на великом совете нации, то она одержит победу; но чем больше они желали публичного признания, тем больше этого боялись друзья папы. Последние хотели взять своих противников молчанием, без исповеди, без обсуждения, как город берется голодом без боя и без штурма: заткнуть рот Реформации и таким образом довести ее до бессилия и смерти - такова была их тактика. Недостаточно было заставить замолчать проповедников: необходимо заставить замолчать и принцев. Они хотели заточить Реформацию, как в темницу, и оставить ее там умирать, думая, что таким образом избавятся от нее вернее, чем ведя ее на эшафот.

Этот план был хорошо задуман: теперь оставалось привести его в исполнение, а для этого необходимо было убедить протестантов, что такой метод был бы для них самым надежным. Человеком, выбранным для этой интриги, был Альфонсо Вальдес, секретарь Карла V. Испанский дворянин, достойный человек, который впоследствии проявил склонность к Реформации. Политики часто используют хороших людей для самых коварных замыслов. Было решено, что Вальдес обратится к самому робкому из протестантов — Меланхтону.

16 или 17 июня, сразу после прибытия Чарльза, Вальдес попросил Меланхтона навестить его. "Испанцы, - сказал он, - воображают, что лютеране учат нечестивым доктринам о Святой Троице, об Иисусе Христе, о пресвятой Богородице. [506] Соответственно, они считают, что совершают более достойную работу, убивая лютеранина, чем турка".

"Я знаю это, - ответила Меланхтон, - и мне пока не удалось убедить ваших соотечественников отказаться от этой идеи".

"Но чего, скажите на милость, желают лютеране?"

"Лютеранский вопрос не так сложен и неприличен, как воображает его величество. Мы не нападаем на католическую церковь, как принято считать; [507] и весь спор сводится к этим трем пунктам. Два вида таинства Вечери Господней - бракосочетание пасторов и отмена частных месс. Если бы мы могли договориться по этим статьям, было бы легко прийти к взаимопониманию по остальным".

- Что ж, я доложу об этом его величеству.

Карл V. был очарован этим сообщением. "Ступай, - сказал он Вальдесу, - и передай все это легату, и попроси магистра Филипа передать тебе в письменном виде краткое изложение того, во что они верят и что отрицают".

Вальдес поспешил в Кампеджио. "То, что вы рассказываете, меня вполне устраивает", - сказал тот. "Что касается двух видов причастия и брака священников, то будут средства для приспособления; [508] но мы не можем согласиться с отменой частных месс". Фактически это означало бы лишение Церкви одного из самых больших доходов.

В субботу, 18 июня, Вальдес снова увидел Меланхтон. "Император просит вас дать умеренное и краткое изложение, — сказал он, - и он убежден, что будет выгоднее обсудить этот вопрос кратко и конфиденциально, [509] избегая любых публичных слушаний и любых пространных дискуссий, которые только породили бы гнев и раскол". - "Хорошо, - сказал Меланхтон, - я подумаю над этим".

Меланхтон был почти побежден: тайное совещание больше соответствовало его настрою. Разве он не повторял часто, что мира следует добиваться превыше всего? Таким образом, все побуждало легата надеяться, что публичной борьбы удастся избежать и что он, так сказать, удовлетворится тем, что направит немых против Реформы и задушит их в темнице. [510]

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ТВЕРДОСТЬ ПРЕОБЛАДАЕТ.

К счастью, канцлер и курфюрст Фредерик не сочли нужным согласиться с предложениями, с которыми Карл обратился к достойному Вальдесу. Решимость этих мирян-членов Церкви спасла ее от ложного шага, который собирались предпринять ее проповедники, и хитрости итальянцев не смогли противостоять евангельской твердости. Меланхтону было разрешено только изложить Признание испанцу, чтобы он мог разобраться в нем, и, несмотря на всю сдержанность, Вальдес воскликнул: "Эти слова слишком горькие, и ваши противники никогда не смирятся с ними!" [511] Так закончился маневр легата.

VI. Карл, вынужденный отказаться от публичного заседания, распорядился в среду, 22 июня, подготовить признание курфюрста и его союзников к следующей пятнице. Римская сторона также была приглашена выступить с исповеданием веры; но они извинились, сказав, что удовлетворены Вормским эдиктом.

Приказ императора застал протестантов врасплох, поскольку переговоры между Вальдесом и Меланхтоном помешали последнему нанести завершающий штрих к Исповеди. Это было переписано нечестно; и выводы, так же как и exordium, не были окончательно составлены.

Вследствие этого протестанты умоляли архиепископа Менца дать им отсрочку на один день, но их прошение было отклонено. [512] Поэтому они неустанно, даже ночью, исправляли и расшифровывали Признание.

В четверг, 23 июня, все протестантские князья, депутаты, советники и богословы рано утром собрались у курфюрста. Исповедь была зачитана по-немецки, и все присоединились к ней, за исключением ландграфа и страсбургцев, которые потребовали изменения статьи о причастии. [513] Принцы отклонили их требование.

ПОДПИСАНИЕ ПРИЗНАНИЯ.

Курфюрст Саксонии уже готовился подписать соглашение, когда Меланхтон остановил его: он опасался придать слишком политическую окраску этому религиозному делу. По его замыслу, должна была появиться Церковь, а не Государство. "Предлагать эти вещи должны богословы и министры", — сказал он; [514] "давайте оставим за собой для других вопросов власть сильных мира сего". - "Боже упаси вас исключить меня", - ответил курфюрст. - "Я полон решимости поступать правильно, не беспокоясь о своей короне. Я желаю исповедовать Господа. Моя избирательная шляпа и мой горностаи не так драгоценны для меня, как крест Иисуса Христа. Я оставляю на земле эти знаки моего величия, но крест моего Учителя будет сопровождать меня на небесах".

Как устоять перед таким христианским языком! Меланхтон уступила.

Затем курфюрст подошел, подписал и передал ручку ландграфу, который сначала высказал некоторые возражения; однако враг был у дверей; пришло ли время для разобщения? Наконец он подписал, но с заявлением, что учение о Евхаристии ему не нравится. [515]

ХРАБРОСТЬ ПРИНЦЕВ.

Маркграф и Люнебург радостно подписали свои имена, Ангальт в свою очередь взялся за перо и сказал: "Я не раз склонялся, чтобы угодить другим; теперь, если этого требует честь моего Господа Иисуса Христа, я готов оседлать своего коня, оставить свое имущество и свою жизнь позади и устремиться в вечность, к вечной короне". Затем, подписавшись, этот юный принц сказал, обращаясь к богословам: "Скорее отрекись от своих подданных и своих государств, скорее покину страну моего отца с посохом в руке, скорее добуду свой хлеб, чистя обувь иностранцу, чем приму какое-либо другое учение, кроме того, которое содержится в этом Исповедании". Только Нюрнберг и Ройтлинген из городов поставили свои подписи; [516] и все постановили потребовать от императора публичного оглашения Признания. [517]

Храбрость принцев удивила всех. Рим сокрушил членов Церкви и превратил их в стадо рабов, которых он тащил за собой молчаливыми и униженными: Реформация предоставила им избирательные права и вместе с их правами вернула им их обязанности. Священник больше не пользовался монополией на религию; каждый глава семьи снова становился священником в своем собственном доме, и отныне все члены Церкви Божьей были призваны в ранг исповедников. Миряне - ничто, или почти ничто, в римской секте, но они являются существенной частью Церкви Иисуса Христа. Везде, где утверждается дух священничества,

Церковь умирает; везде, где миряне, как эти аугсбургские князья, понимают свой долг и свою непосредственную зависимость от Христа, Церковь живет.

Евангельские богословы были тронуты преданностью князей. "Когда я вспоминаю об их твердости в исповедании Евангелия, - сказал Бренц, - краска приливает к моим щекам. Какой позор, что мы, всего лишь нищие рядом с ними, так боимся исповедовать Христа!" [518] Бренц тогда думал о некоторых городах, особенно о Галле, пастором которого он был, но, без сомнения, также и о богословах.

СЛАБОСТЬ МЕЛАНХТОНА.

Последним, по правде говоря, не было недостатка в преданности, но иногда не хватало мужества. Меланхтон был в постоянном волнении; он бегал взад и вперед, проскальзывая повсюду (говорит Кохл в своих Филиппиках), проникая не только в дома и особняки частных лиц, но также проникая во дворцы кардиналов и принцев, более того, даже ко двору императора; и будь то за столом или в беседе, он не жалел средств, чтобы убедить каждого человека, что нет ничего проще, чем восстановить мир между двумя партиями. [519]

Однажды он был с архиепископом Зальцбургским, который в длинной речи красноречиво описал проблемы, вызванные, по его словам, Реформацией, и закончил проповедью, "написанной кровью", как говорит Меланхтон. [520] Филипп в агонии осмелился во время разговора вставить слово "Совесь". - Совесь! - поспешно перебил архиепископ. - Совесь!— Что это значит? Я прямо говорю вам, что император не допустит, чтобы в Империю было внесено смятение". — "Будь я на месте Меланхтона, — сказал Лютер, - я бы немедленно ответил архиепископу: И наш император, наш, не потерпит такого богохульства". - "Увы!" - сказал Меланхтон, - "все они так полны уверенности, как будто Бога нет". [521]

В другой раз Меланхтон был у Кампеджио и уговаривал его придерживаться умеренных чувств, которые, по-видимому, он питал. А в другой раз, как могло бы показаться, он был с самим императором. [522] "Увы! - сказали встревоженные цвинглианцы, - после уточнения одной половины Евангелия Меланхтон жертвует другой". [523]

ПРИЗНАНИЕ В ОПАСНОСТИ.

К унынию Филиппа добавились козни ультрамонтанистов, чтобы помешать мужественным действиям принцев. Пятница, 24 июня, была назначена для оглашения Признания, но были приняты меры, чтобы предотвратить это. Заседание сейма началось только в три часа пополудни; затем объявили о прибытии легата; Карл поднялся встречать его до верха парадной лестницы, а Кампеджио, заняв свое место перед императором, на месте короля Фердинанда, произнес речь в стиле Цицерона. "Никогда, - сказал он, - барку Святого Петра не швыряло с такой силой на стольких волнах, вихрях и пропастях. [524] Святой Отец с болью узнал об этих вещах и желает вытащить Церковь из этих ужасных пропастей. Ради любви к Иисусу Христу, ради безопасности твоей страны и для себя лично, о могущественный принц! избавься от этих ошибок, освободи Германию и спаси христианский мир!"

После сдержанного ответа Альберта из Менца легат покинул ратушу, и евангелические князья встали; но возникло новое препятствие. Первыми заслушали депутатов из Австрии, Каринтии и Карниолы. [525]

Таким образом, прошло много времени. Евангелические князья, однако, снова восстали, и канцлер Брук сказал: "Делается вид, что новые доктрины, не основанные на Священном Писании, что мы распространяем ереси и расколы среди людей. Учитывая, что подобные обвинения ставят под угрозу не только наше доброе имя, но и безопасность наших душ, [526] мы просим его величество соблаговолить услышать, какие доктрины мы исповедуем".

Император, без сомнения, по договоренности с легатом, ответил, что уже слишком поздно; кроме того, что это чтение будет бесполезным; и что принцам следует удовлетвориться изложением своего Признания в письменной форме. Таким образом, мина, столь искусно подготовленная, сработала превосходно; признание, однажды переданное императору, было бы отброшено в сторону, и Реформация была бы вынуждена отступить, причем паписты даже не снизошли бы до того, чтобы выслушать его, без защиты и подавленные оскорблениями.

ПРОТЕСТАНТЫ НЕПОКОЛЕБИМЫ.

Обеспокоенные и взволнованные протестантские князья настаивали. "На карту поставлена наша честь, - говорили они. - наши души в опасности. [527] Нас обвиняют публично; публично мы должны ответить". Карл был потрясен; Фердинанд наклонился к нему и прошептал на ухо несколько слов: [528] Император отказался во второй раз.

После этого курфюрст и принцы, в еще большей тревоге, сказали в третий раз с чувством и серьезностью: [529] "Ради любви к Богу, давайте прочтем нашу Исповедь! Ни один человек не будет оскорблен этим". Таким образом, с одной стороны, были видны несколько верующих людей, желавших громкими криками исповедать свою веру; а с другой - великий император Запада, окруженный толпой кардиналов, прелатов и принцев, пытающихся подавить проявление истины. [530] Это была серьезная, ожесточенная и решающая борьба, в которой обсуждались самые святы интересы!

Наконец Карл, казалось, уступил: "Его величество удовлетворяет вашу просьбу", - был ответ принцам. "Но поскольку уже слишком поздно, он просит вас передать ему ваше письменное признание, и завтра, в два часа, сейм будет готов к его оглашению в Палатинском дворце".

Принцы были поражены этими словами, которые, казалось бы, давали им все, на самом деле не давали ничего. Во-первых, император пожелал выслушать их не на публичном заседании в ратуше, а в частном порядке в своем собственном дворце; [531] тогда у них не было сомнений, что если Признание уйдет из их рук, то все закончится публичным оглашением. Поэтому они оставались непоколебимыми. "Работа была выполнена в большой спешке", - сказали они, и это была правда. "Прошу оставить это у нас на ночь, чтобы мы могли пересмотреть ее". Император был вынужден уступить, и протестанты вернулись в свои гостиницы, полные радости; в то время как легат и его друзья, понимая, что Признание неизбежно, смотрели на приближение завтрашнего дня с тревогой, которая все возрастала.

УНЫНИЕ МЕЛАНХТОНА.

Однако среди тех, кто готовился исповедовать евангельскую истину, был один, чье сердце было наполнено печалью: это была Меланхтон. Оказавшись между двух огней, он видел, как

реформированные и многие даже его собственные друзья упрекали его в слабости, в то время как противоположная сторона ненавидела то, что они называли его лицемерием. Его друг Камерариус, посетивший Аугсбург примерно в это время, часто заставлял его погруженным в раздумья, глубоко вздыхающим и проливающим горькие слезы. [532] Бренц, охваченный состраданием, подходил к несчастному Филиппу, садился рядом с ним и плакал вместе с ним; [533] и Джонас, пытаясь утешить его другим способом, увещевал его взять Книгу Псалмов и взывать к Богу всем своим сердцем, используя слова Давида, а не свои собственные.

Однажды поступили сведения, которые стали общей темой для разговоров в Аугсбурге и которые, посеяв ужас среди сторонников папы римского, принесли мгновенное облегчение Меланхтону. Говорили, что у римского мула родился жеребенок с журавлиными ногами. - Это чудо, - задумчиво произнес Меланхтон, - возвещает, что Рим близок к своему концу. [534] Возможно, потому, что журавль - перелетная птица, и что папский мул, таким образом, подавал признаки отъезда. Меланхтон немедленно написал Лютеру, который ответил, что он чрезвычайно рад, что Бог дал папе столь поразительный знак его приближающегося падения. [535] Полезно вспомнить эти ребячества эпохи реформаторов, чтобы мы могли лучше понять высокий уровень этих мужей Божьих в вопросах веры.

МОЛИТВА ЛЮТЕРА.

Эти досужие римские истории недолго утешали Меланхтону. Накануне 25 июня он мысленно присутствовал при чтении составленного им Признания, которое вот-вот должно было быть провозглашено перед всем миром и в котором одно слово, которого было слишком много или слишком мало, могло решить вопрос об одобрении или ненависти монархов, о безопасности или гибели Реформации и Империи. Он больше не мог выносить, и слабый Атлас, раздавленный бременем мира, лежащим на его плечах, издал крик боли. "Все мое время здесь проходит в слезах и скорби", - писал он Витусу Дидриху, секретарю Лютера в замке Кобург; [536] а на следующий день он написал самому Лютеру: "Мое жилище в постоянных слезах. [537] Мой ужас неопишуем. [538] О отец мой! Я не хочу, чтобы мои слова преувеличивали мои печали; но без твоих утешений я не могу наслаждаться здесь ни малейшим покоем".

На самом деле ничто так сильно не контрастировало с недоверием и отчаянием Меланхтона, как вера, спокойствие и ликование Лютера. Ему было выгодно, что он не находился тогда в гуще аугсбургского водоворота и мог из своей крепости спокойно ступить ногой на скалу Божьих обетований. Он и сам признавал ценность этого мирного уединения, как он его называл. [539] "Я не могу в достаточной степени восхищаться, - сказал Витус Дидрих, - стойкостью, жизнерадостностью и верой этого человека, столь удивительными в такие жестокие времена".

ТРЕВОГА ЛЮТЕРА.

Лютер, помимо своего постоянного чтения Слова Божьего, [540] не проходило дня, чтобы он не посвятил молитве по крайней мере три часа, и эти часы были выбраны из наиболее благоприятных для изучения. [541] Однажды, когда Дидрих приближался к покоям Реформатора, он услышал свой голос, [542] и замер, затаив дыхание, в нескольких шагах от двери. Лютер молился, и его молитва (сказал секретарь) была полна обожания, страха и надежды, как когда человек обращается к другу или отцу. [543] "Я знаю, что ты наш Отец и наш Бог, - сказал Реформатор, оставшись один в своей комнате, - и что ты рассеешь гонителей твоих детей, ибо ты сам подвергаешься опасности вместе с нами. Все это дело твое, и только по

твоему принуждению мы взяли за него. Тогда защити нас, о Отец!" Секретарь, неподвижный, как статуя, в длинной галерее замка, не упустил ни одного слова из того, что донес до его ушей ясный и звучный голос Лютера. [544] Реформатор был искренен перед Богом и с таким усердием призывал его выполнить свои обещания, что Дидрих почувствовал, как его сердце загорелось. [545] "О! - воскликнул он, удаляясь, - Как эти молитвы не могли не возобладать в отчаянной борьбе под Аугсбургом!"

Лютер, возможно, также позволил себе поддаться страху, поскольку оставался в полном неведении о том, что происходило на сейме. Виттембергский гонец, который должен был привезти ему горы писем (по его собственному выражению), представившись: "Вы привезли какие-нибудь письма?" - спросил Лютер. "Нет!" - "Как поживают эти джентльмены?" "Хорошо!" Лютер, огорченный таким молчанием, вернулся и заперся в своей комнате.

ТЕКСТЫ ЛЮТЕРА.

Вскоре появился конный курьер, везущий депеши от курфюрста в Торгау. "Ты привозишь мне какие-нибудь письма?" - спросил Лютер. "Нет!" - "Как поживают эти джентльмены?" испуганно продолжал он. "Ну и ну!" "Это странно", - подумал Реформатор. Из Кобурга выехала повозка, груженная мукой (поскольку в Аугсбурге почти не хватало провизии), и Лютер с нетерпением ждал возвращения возчика, но тот вернулся пустым. Затем Лютер начал прокручивать в голове самые мрачные мысли, не сомневаясь, что они скрывают от него какое-то несчастье. [546] Наконец, еще один человек, Йобст Нимптцен, прибыл из Аугсбурга, и Лютер снова бросился к нему со своим обычным вопросом. "Вы принесли мне какие-нибудь письма?" Дрожа, он ждал ответа. "Нет!" - "И как же тогда поживают эти джентльмены?" "Хорошо!" Реформатор удалился, охваченный гневом и страхом.

Затем Лютер открыл Библию и, чтобы утешиться молчанием людей, обратился к Богу. В частности, он постоянно читал некоторые отрывки из Священного Писания. Мы указываем на них ниже. [547] Он сделал больше; он собственноручно написал множество изречений из Священных Писаний над дверями, окнами и на стенах замка. В одном месте были такие слова из 118-го псалма: *Я не умру, но буду жить и возвещать дела Господни*. В другом, из 12-й главы Книги Притчей: *Путь нечестивых соблазняет их*; и над его постелью эти слова из 4-го псалма: *Я лягу с миром и усну; ибо Ты, Господи, только даруешь мне жить в безопасности*. Возможно, никогда человек так не окружал себя обетованиями Господа, так не пребывал в атмосфере Его Слова и не жил его дыханием, как Лютер в Кобурге.

ЛЮТЕР - МЕЛАНХТОНУ.

Наконец пришли письма. "Если бы времена, в которые мы живем, не были против этого, я бы придумал какую-нибудь месть, - писал Лютер Йонасу. - Но молитва сдержала мой гнев, а гнев - мою молитву. [548] Я восхищен тем спокойным умом, который Бог даровал нашему принцу. Что касается Меланхтона, то его мучает философия, и ничто другое. Ибо наше дело находится в руках Того, кто может сказать с невыразимой гордостью: *Никто не вырвет его из моих рук*. Я бы не хотел, чтобы это было в наших руках, и не хотелось бы, чтобы это было так. [549] В моих руках было многое, и я все это потерял; но всем, что я смог передать в руки Бога, я все еще обладаю".

Узнав, что страдания Меланхтона все еще продолжаются, Лютер написал ему: "и эти слова следует сохранить. "Благодать и мир во Христе! во Христе, говорю я, а не в мире, аминь. Я ненавижу безмерной ненавистью те крайние заботы, которые поглощают вас. Если дело

несправедливо, откажитесь от него; если дело правое, почему мы должны опровергать обещания Того, кто повелевает нам спать без страха? Может ли дьявол сделать больше, чем просто убить нас? Христос не будет испытывать недостатка в деле справедливости и истины. Он жив; он царствует; чего же тогда нам бояться? Бог силен поднять свое дело, если оно ниспровергнуто, заставить его продолжаться, если оно остается неподвижным, и если мы недостойны этого, он сделает это через других.

"Я получил ваши извинения, [550] и я не могу понять, что вы имеете в виду, когда спрашиваете, в чем мы должны уступить папистам. Мы и так уже допустили слишком многое. День и ночь я размышляю над этим делом, снова и снова перебирая его, перечитывая все Священные Писания, и уверенность в истинности нашего учения постоянно возрастает в моем уме. С Божьей помощью я не допущу, чтобы у нас вырвали ни единой буквы из всего, что мы сказали.

ПАЛАТИНСКАЯ КАПЕЛЛА.

"Суть этого дела мучает тебя, потому что ты не можешь его понять. Но если бы ты мог, я бы не принимал в нем ни малейшего участия. Бог поместил это в "общее место", которого вы не найдете ни в вашей риторике, ни в вашей философии: это место называется Верой. [551] Это то, в чем существуют все вещи, которые мы не можем ни понять, ни увидеть. Тот, кто захочет прикоснуться к ним, как это делаешь ты, получит единственной наградой слезы.

"Если Христа нет с нами, где он во всей вселенной? Если мы не Церковь, где, я молю, Церковь? Это герцоги Баварские, это Фердинанд, это папа римский, это турок, кто такая Церковь? Если у нас нет Слова Божьего, то кто же им обладает?

"Только мы должны иметь веру, чтобы не оказалось, что причина веры кроется без веры. [552]

"Если мы падем, Христос падет вместе с нами, то есть Владыка мира. Я предпочел бы пасть вместе со Христом, чем оставаться рядом с Цезарем".

Так писал Лютер. Вера, которая воодушевляла его, струилась из него подобно потокам живой воды. Он был неутомим; за один день он написал Меланхтону, Спалатину, Бренцу, Агриколе и Джону Фредерику, и это были письма, полные жизни. Он был не одинок в молитве, проповеди и вере. В то же самое время евангельские христиане повсюду призывали друг друга к молитве. [553] Таков был арсенал, в котором выковывалось оружие, которым владели исповедники Христа до Аугсбургского сейма.

ВОСПОМИНАНИЯ И КОНТРАСТ.

VII. Наконец наступило 25 июня. Этому дню было суждено стать величайшим днем Реформации и одним из самых славных в истории христианства и человечества.

Поскольку часовня Палатинского дворца, где император решил выслушать исповедь, могла вместить всего около двухсот человек, [554] перед тремя часами дня было видно, как большая толпа окружила здание и заполонила двор, надеясь таким образом перекинуться парой слов; и, когда многие проникли в часовню, всех выгнали, кроме тех, кто был на исповеди. по крайней мере, не советники принцев.

Карл занял свое место на троне. Выборщики или их представители расположились по правую и левую руку от него; за ними другие принцы и государства империи. Легат отказался присутствовать на этой торжественной церемонии, чтобы не создать впечатление, что своим присутствием он санкционирует чтение Признания. [555]

Затем встали Иоанн курфюрст Саксонский со своим сыном Иоанном Фридрихом, ландграф Гессенский Филипп, маркграф Бранденбургский Георг, принц Ангальтский Вольфганг, герцог Брауншвейг-Люнебургский Эрнест и его брат Франциск, и, наконец, депутаты Нюрнберга и Ройтлинга. Вид у них был оживленный, а черты лица сияли радостью. [556] Апологии первых христиан, Тертуллиана и Юстина Мученика, едва ли дошли в письменном виде до государей, которым они были адресованы. Но теперь, чтобы услышать новую апологию возрожденного христианства, узрите этого могущественного Императора, чей скипетр простирается далеко за Геркулесовы колонны и достигает пределов мира, его брата, короля римлян, с выборщиками, принцами, прелатами, депутатами, послами, все они желают уничтожить Евангелие, но невидимая сила заставляет их слушать и самим этим слушанием чтить Исповедание!

Одна мысль невольно возникла в умах зрителей — воспоминание о диете из червей. [557] Всего за девять лет до этого бедный монах в одиночестве отстаивал ту же самую цель в зале городского дома в Вормсе в присутствии Империи. И теперь вместо него смотрите на первых Выборщиков, смотрите на князей и города! О какой победе свидетельствует этот простой факт! Без сомнения, сам Чарльз не может отделаться от этого воспоминания.

ИСПОВЕДЬ—ПРОЛОГ.

Император, увидев, что протестанты встали, жестом предложил им сесть; и тогда два канцлера курфюрста, Брук и Байер, вышли на середину часовни и встали перед троном, держа в руках, первый - латинский, а другой - немецкий экземпляр Исповеди. Император потребовал, чтобы латинский текст был прочитан. [558] "Мы немцы, - сказал курфюрст Саксонии, - и находимся на немецкой земле; поэтому я надеюсь, что ваше величество позволит нам говорить по-немецки". Если бы Исповедь была прочитана на латыни, языке, неизвестном большинству князей, общий эффект был бы утрачен. Это был еще один способ заткнуть уста Евангелию. Император выполнил требование курфюрста.

Затем Байер начал читать Евангельское Исповедание медленно, серьезно, внятно, чистым, сильным и звучным голосом, который эхом отдавался под сводчатой крышей часовни и доносил даже снаружи это великое свидетельство, посвященное истине. [559]

"Светлейший, могущественнейший и непобедимый Император и всемилостивый Господь, - сказал он, - мы, явившиеся в твое присутствие, заявляем о своей готовности дружески обсудить с тобой наиболее подходящие средства восстановления единой, истинной и неизменной веры, поскольку мы сражаемся за единого и неизменного Христа. [560] И в случае, если эти религиозные разногласия не могут быть разрешены мирным путем, мы предлагаем вашему величеству объяснить нашу причину на всеобщем, свободном и христианском соборе". [561]

ПРИЗНАНИЕ—ОПРАВДАНИЕ.

Закончив этот пролог, Байер исповедовал Святую Троицу в соответствии с Никейским собором, [562] первородный и наследственный грех, "который приносит вечную смерть всем, кто не возрожден", [563] и воплощение Сына, "истинного Бога и истинного человека". [564]

"Более того, мы учим, - продолжал он, - что мы не можем быть оправданы перед Богом нашими собственными силами, нашими заслугами и нашими делами; но что мы оправданы Христом по благодати, посредством веры", [565] когда мы верим, что наши грехи прощены благодаря Христу, который своей смертью искупил наши грехи: эта вера есть праведность, которую Бог вменяет верующим. грешник.

"Но в то же время мы учим, что эта вера должна приносить добрые плоды и что мы должны совершать все добрые дела, заповеданные Богом, из любви к Богу, а не с помощью них приобретать Божью благодать".

Затем протестанты заявили о своей вере в христианскую Церковь, "которая есть, - сказали они, - собрание всех истинно верующих и всех святых", [566] среди которых, тем не менее, в этой жизни много лжехристиан, даже лицемеров и явных грешников; и они добавили, "что этого было достаточно для настоящего единства Церкви". что они были согласны в учении о Евангелии и отправлении таинств, при этом обряды и церемонии, установленные людьми, не были повсюду одинаковыми". [567]— Они провозгласили необходимость крещения и заявили, "что тело и кровь Христа действительно присутствуют и подаются на Вечере Господней тем, кто ее принимает". [568]

ИСПОВЕДАНИЕ—ВЕРА.

Затем канцлер последовательно исповедал веру евангельских христиан, коснувшись исповеди, покаяния, природы таинств, управления Церковью, церковных постановлений, политического правления и страшного суда. "Что касается свободы воли, - продолжал он, - мы признаем, что воля человека обладает определенной свободой вершить гражданское правосудие и любить то, что постигается разумом; что человек может творить добро, находящееся в сфере природы, — пахать свои поля, есть, пить, заводить друзей, надевать пальто, строить дом, жениться, пасти скот, осуществлять призвание; так же как он может по собственному желанию творить зло, преклонять колени перед идолом и совершать убийство. Но мы утверждаем, что без Святого Духа он не может делать то, что является праведным в глазах Бога".

Затем, возвращаясь к великой доктрине Реформации и напоминая о том, что наставники папы "никогда не переставали побуждать верующих к ребяческим и бесполезным делам, таким как обычай возложения венков, обращения к святым, монашеских обетов, процессий, постов, праздничных дней, братств", протестанты добавили, что что касается их самих, то, призывая к практике истинно христианских дел, о которых до их времени мало говорилось, [569] "они учили, что человек оправдывается одной верой; не той верой, которая является простым знанием истории, и которой обладают злые люди и даже дьяволы, но верой, которая верит не только в историю, но и в последствия истории; [570] который верит, что через Христа мы получаем благодать; который видит, что во Христе у нас есть милосердный Отец; который знает этого Бога; который взывает к нему; одним словом, который не без Бога, как язычники".

"Таково, - сказал Байер, - краткое изложение доктрины, исповедуемой в наших Церквях, из которого можно увидеть, что эта доктрина ни в коем случае не противоречит Писанию, Вселенской Церкви или даже Римской Церкви, такой, какой ее нам описывают врачи; [571] и поскольку это так, отвергать нас как еретиков - это преступление. преступление против единства и благотворительности".

ЛЮТЕР ОБ ИСПОВЕДИ.

На этом заканчивается первая часть Исповеди, целью которой было объяснение евангельского учения. Канцлер читал таким отчетливым голосом, что толпа, которая не могла войти в зал и которая заполнила двор и все подступы к епископскому дворцу, не упустила ни слова. [572] Это чтение произвело самый чудесный эффект на принцев, столпившихся в часовне. Джонас наблюдал за каждой переменной в выражении их лиц, [573] и там по очереди изображались интерес, удивление и даже одобрение. "Противники воображают, что совершили чудесное дело, запретив проповедь Евангелия, - писал Лютер курфюрсту, - но они этого не видят, бедняги! что благодаря чтению Исповеди в присутствии сейма проповедей было больше, чем в проповедях десяти проповедников. Изысканная тонкость! восхитительный прием! Магистр Агрикола и другие министры замолкают; но вместо них появляются курфюрст Саксонский и другие принцы и сеньоры, которые проповедуют перед его императорским величеством и гражданами всей Империи, свободно, у себя за бородой и перед носом. Да, Христос находится в сейме, и он не хранит молчания: *слово Божье не может быть связано*. Они запрещают это с кафедры и вынуждены слушать это во дворце; бедные министры не могут объявить об этом, а великие принцы провозглашают это; слугам запрещено слушать это, и их хозяева вынуждены слушать это; они не будут иметь с этим ничего общего в течение всего сейма, и они вынуждены смириться, чтобы услышать за один день больше, чем обычно слышно за целый год.....Когда все остальное молчит, сами камни кричат, как говорит Господь наш Иисус Христос". [574]

ИСПОВЕДЬ—ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ.

Та часть Признания, которая должна была указать на ошибки и злоупотребления, все еще оставалась. Байер продолжил: он объяснил и продемонстрировал доктрину о двух видах; он атаковал обязательное безбрачие священников, утверждал, что Вечеря Господня была превращена в обычную ярмарку, на которой речь шла всего лишь о покупке и продаже, и что Реформация восстановила ее в своей первоначальной чистоте и праздновалась в евангелических церквях с совершенно новой преданностью и серьезностью. Он заявил, что Причастие не причащается никому, кто сначала не исповедался в своих грехах, и процитировал это выражение Златоуста: "Исповедуй себя Богу Господу, твоему истинному Судье; скажи о своем грехе не языком, но в своей совести и в своем сердце".

Затем Байер перешел к предписаниям о различии мясных блюд и другим римским обычаям. "Празднуйте такой—то праздник, — сказал он, — повторяйте такую-то молитву или соблюдайте такой-то пост, одевайтесь таким-то образом и соблюдайте столько-то других человеческих обрядов - вот что теперь называется духовной и христианской жизнью; в то время как добрые дела, предписанные Богом, например, дела отца семейства, который трудится, чтобы прокормить свою жену, своих сыновей и своих дочерей, матери, которая производит на свет детей и заботится о них, принца или должностного лица, управляющего своими подданными, рассматриваются как мирские вещи, имеющие несовершенную природу". "Что касается монашеских обетов в частности, он заявил, что, поскольку папа может дать разрешение на них, следовательно, эти обеты должны быть отменены.

В последней статье Исповеди говорилось о власти епископов: присутствовали могущественные князья, увенчанные епископской митрой; архиепископы Менца, Кельна, Зальцбурга и Бремена; епископы Бамберга, Вюрцбурга, Эйхштадта, Вормса, Шпира, Страсбурга, Аугсбурга, Констанца, Койре, Пассау, Льежа, Трента, Бриксена, а также Лебуса и Ратцбурга устремили свои взоры на

смиренного исповедника. Он бесстрашно продолжал и энергично протестовал против того смешения Церкви и государства, которое было характерно для средневековья, он призывал к различию и независимости двух обществ.

ИСПОВЕДЬ — ОБЯЗАННОСТЬ ЕПИСКОПОВ.

"Многие, - сказал он, - неумело смешивали епископальную и светскую власть; и эта путаница привела к большим войнам, восстаниям и мятежам. [575] Именно по этой причине, а также для того, чтобы успокоить человеческую совесть, мы вынуждены установить разницу, которая существует между властью Церкви и властью меча. [576]

Поэтому мы учим, что власть ключей или епископов, согласно Слову Господню, является заповедью, исходящей от Бога, проповедовать Евангелие, отпускать или удерживать грехи и совершать Таинства. Эта власть имеет отношение только к вечным благам, осуществляется только служителем Слова и не утруждает себя политическим управлением. Политическая администрация, с другой стороны, занята чем угодно, кроме Евангелия. Магистрат защищает не души, а тела и бречное имущество. Он защищает их от всех нападений извне и, используя меч и наказания, принуждает людей соблюдать гражданскую справедливость и мир. [577]

"По этой причине мы должны проявлять особую осторожность, чтобы не смешивать власть Церкви с властью государства. [578] Власть Церкви никогда не должна вторгаться в чуждое ей служение, ибо сам Христос сказал: *Царство Мое не от мира сего*. И еще: *Кто поставил меня судьей над тобой?* Святой Павел сказал филиппийцам: *Наше гражданство на небесах*. [579] И к Коринфянам: *Оружие нашей войны не плотское, но могущественное через Бога*.

"Именно таким образом мы различаем два правительства и две власти и почитаем их как самые превосходные дары, которые Бог дал здесь, на земле.

ИСПОВЕДЬ—ЭПИЛОГ.

Поэтому долг епископов - проповедовать Евангелие, прощать грехи, исключать из христианской церкви всех, кто восстает против Господа, но без человеческой силы, а исключительно Словом Божьим. [580] Если епископы действуют таким образом, церкви должны быть послушны им в соответствии с этим заявлением Христа: *Всякий, кто слушает вас, слушает и меня*.

"Но если епископы учат чему-либо, что противоречит Евангелию, тогда церкви имеют приказ от Бога, который запрещает им повиноваться" (Мф. vii. 15; Галатам i. 8; 2 Кор. xiii. 8, 10). ИСв. Сам Августин в своем письме против Пертилиана пишет: "Мы не должны повиноваться католическим епископам, если они сбиваются с пути и учат чему-либо, противоречащему каноническим Писаниям Бога". [581]

После нескольких замечаний о таинствах и традициях Церкви Байер перешел к эпилогу Исповеди.

"Мы говорили не из ненависти, - добавил он, - и не для того, чтобы оскорбить кого-либо; но мы объяснили доктрины, которые считаем существенными, чтобы можно было понять, что мы не допускаем ни догм, ни церемоний, противоречащих Священному Писанию и обычаям вселенской Церкви".

Затем Байер перестал читать. Он говорил в течение двух часов: тишина и серьезное внимание собрания ни разу не были нарушены. [582]

Это Аугсбургское исповедание навсегда останется одним из шедевров человеческого разума, просвещенного Духом Божиим.

ЗАМЕЧАНИЯ По ПОВОДУ ПРИЗНАНИЯ.

Язык, который был принят, хотя и был совершенно естественным, был результатом глубокого изучения характера. Эти принцы, эти воины, эти политики, сидевшие в Палатинском дворце, будучи совершенно невежественными в богословии, легко поняли протестантскую доктрину, поскольку она была объяснена им не в школьном стиле, а в стиле повседневной жизни, с простотой и ясностью, которые делали невозможным всякое непонимание.

В то же время сила аргументации была тем более замечательной, что и более скрытой. В какой-то момент Меланхтон (ибо это был действительно он, говоривший устами Байера) удовлетворился цитированием единственного отрывка из Священного Писания или Отцов Церкви в пользу доктрины, которую он отстаивал; а в другой раз он доказал свой тезис настолько убедительнее, что казалось, он только декларирует его. Одним махом он указал на печальные последствия, которые последуют за отказом от веры, которую он исповедовал, или одним словом показал ее важность для процветания Церкви; так что, слушая его, самые яростные враги были вынуждены признать перед самими собой, что действительно есть что сказать в пользу новой секты.

К этой силе рассуждений Извинение добавило благоразумие, не менее замечательное. Меланхтон, с твердостью отвергая ошибки, приписываемые его партии, казалось, даже не чувствовал несправедливости этих ошибочных обвинений; и, указывая на ошибки папства, он не сказал прямо, что это ошибки его противников; таким образом, тщательно избегая всего, что могло бы раздражить их умы. В этом он показал себя мудрым, как змея, и безобидным, как голубь.

Но самое замечательное из всего этого - это точность, с которой Исповедь объясняет учения, наиболее важные для спасения. Рим привык представлять реформаторов как создателей протестантских доктрин; но мы не должны искать дни их создания в шестнадцатом веке. Яркая дорожка света, наиболее заметные моменты которой отмечают Уиклифф и Августин, переносит нас обратно в апостольскую эпоху: именно тогда во всем своем блеске засияли дни созидания евангельской истины. И все же это правда (и если Рим имеет в виду именно это, мы полностью согласны с этой идеей). Никогда со времен святого Павла христианское учение не проявлялось с такой красотой, глубиной и жизнью, как во времена Реформации.

ЗАМЕЧАНИЯ.

Среди всех этих доктрин доктрина Церкви, которая так долго была изуродована, предстала в это время во всей своей исконной чистоте. С какой мудростью, в частности, протестуют исповедники Аугсбурга против того смешения религии и политики, которое со времен печальной эпохи Константина превратило царство Божье в земное и плотское учреждение! Несомненно, что Исповедание клеймит с наибольшей энергией вмешательство Церкви в дела государства, но можно ли думать, что оно должно было одобрить вмешательство государства в дела Церкви? Злом Средневековья было порабощение государства Церковью, и исповедники

Аугсбурга, как один человек, поднялись на борьбу с этим. Зло трех столетий, прошедших с тех пор, заключалось в подчинении Церкви государству; и мы можем верить, что Лютер и Меланхтон нашли бы против этого беспорядка не менее мощные средства. На что они нападают в общем смысле, так это на смешение двух обществ; чего они требуют, так это их независимости, я не говорю об их разделении. Если бы аугсбургские исповедники не желали, чтобы вещи свыше монополизировали земные, они были бы еще менее готовы к тому, чтобы земные вещи угнетали небесные.

Существует конкретное применение этого принципа, на которое указывает Исповедь. Он желает, чтобы епископы делали выговор тем, кто повинуется злу, "но без человеческой силы и исключительно Словом Божиим". Поэтому он отвергает использование меча для наказания еретиков. Мы видим, что это примитивный принцип, фундаментальный и существенный для Реформации, подобно тому, как противоположная доктрина является примитивным принципом, фундаментальным и существенным для папства. Если среди протестантов мы найдем какое-нибудь сочинение или даже какой-нибудь пример, противоречащий этому, то это всего лишь единичный факт, который не может опровергнуть официальные принципы Реформы - это одно из тех исключений, которые всегда служат подтверждением правила.

УМЕРЕННЫЙ ТОН ИСПОВЕДИ.

Наконец, Аугсбургское исповедание не узурпирует права на Слово Божье; оно желает быть его служанкой, а не соперником; оно не основывает, не регулирует веру, а просто исповедует ее. "Наши церкви учат", - говорится в нем; и следует помнить, что Лютер рассматривал это только как проповедь, произносимую принцами и королями. Если бы она желала большего, как с тех пор утверждается, то именно в силу этих обстоятельств она была бы сведена на нет.

Было ли, однако, Исповедание способно следовать во всем точным путем истины? Нам может быть позволено усомниться в этом.

Оно утверждает, что не отделяется от учения Католической церкви и даже от учения Римской церкви, под которой, без сомнения, подразумевается Древнеримская церковь, и отвергает папский партикуляризм, который на протяжении примерно восьми столетий держал в плену человеческую совесть. Исповедание, однако, кажется наложенным на суеверные страхи, когда возникает какой-либо вопрос об отклонении от взглядов, которых придерживались некоторые из Отцов Церкви, о разрыве уз иерархии и о действиях в отношении Рима без достойной порицания снисходительности. По крайней мере, так утверждает его автор, Меланхтон. "Мы не выдвигаем никакой догмы, - сказал он, - которая не основана на Евангелии или на учении Католической церкви; мы готовы уступить все, что необходимо для епископского сана; [583] и, при условии, что епископы не осуждают Евангелие, мы сохраняем все обряды, которые кажутся нам безразличными. Одним словом, нет такого бремени, которое мы отвергли бы, если мы можем нести его без чувства вины". [584]

Многие, без сомнения, подумают, что в этом вопросе уместно было бы проявить немного больше независимости и что было бы лучше пройти через века, следовавшие за временами апостолов, и откровенно претворить в жизнь великий принцип, провозглашенный Реформацией: "Для символов веры нет другого основания, кроме Слова Божьего". [585]

НЕДОСТАТКИ ПРИЗНАНИЯ.

Умеренностью Меланхтона восхищались; и, по правде говоря, указывая на злоупотребления Рима, он умалчивал о том, что в них наиболее отвратительно, об их позорном происхождении, их скандальных последствиях, и довольствуется тем, что показывает, что они противоречат Писанию. Но он делает больше; он умалчивает о божественном праве папы Римского, о количестве таинств и о других других моментах. Его великое дело - оправдывать обновленную Церковь, а не нападать на деформированную. "Мир! мир!" - таков был его клич. Но если бы вместо всей этой осмотрительности Реформация смело продвигалась вперед, полностью раскрыла Слово Божье и энергично обратилась к симпатиям реформаторов, которые тогда распространялись в сердцах людей, разве она не заняла бы более сильную и почетную позицию и не обеспечила бы более обширных завоеваний?

Интерес, который Карл Пятый проявил к этому Признанию, кажется сомнительным. По некоторым данным, он пытался понять этот иностранный язык; [586] по другим данным, он заснул. [587] Эти противоречивые свидетельства легко согласовать.

Когда чтение было закончено, канцлер Брюкк с двумя экземплярами в руке подошел к секретарю императора и вручил их ему. Карл Пятый, который в этот момент совершенно не спал, сам взял оба Признания, передал немецкую копию, считавшуюся официальной, курфюрсту Менца, а латинскую оставил себе. [588] Затем он ответил курфюрсту Саксонии и его союзникам, что любезно выслушал их признание; [589] но поскольку это дело было чрезвычайно важным, ему потребовалось время, чтобы обдумать его.

АУГСБУРГСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ.

Радость, которой были полны протестанты, светилась в их глазах. [590] Бог был с ними, и они видели, что поразительный поступок, который был совершен так недавно, налагал на них обязанность исповедовать истину с непоколебимой настойчивостью. "Я трепещу от радости, - писал Лютер, - что моя жизнь пришлась на эпоху, когда Христа публично превозносят такие прославленные исповедники и в таком славном собрании". [591] Вся Евангелическая Церковь, воодушевленная и обновленная этим публичным исповеданием своих представителей, была затем более тесно соединена со своим божественным Главой и крещена новым крещением. "Со времен апостольских времен, - сказали они (это слова современника), - никогда не было более великого дела или более великолепного исповедания". [592]

Император, сойдя со своего трона, обратился к протестантским принцам и тихим голосом умолял их не публиковать Признание; [593] они удовлетворили его просьбу, и все удалились.

ЛЮТЕР ТРЕБУЕТ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ.

VIII. Романисты не ожидали ничего подобного. Вместо ожесточенной полемики они услышали поразительное исповедание Иисуса Христа; в результате самые враждебные умы были обезоружены. "Мы бы ни за что, - раздавались замечания со всех сторон, - не упустили возможности присутствовать на этом чтении". [594] Эффект был настолько быстрым, что на мгновение показалось, что дело окончательно достигнуто. Сами епископы заставили замолчать софизмы и крики фаберов и Экков. [595] "Все, что сказали лютеране, правда", — воскликнул епископ Аугсбургский. "Мы не можем этого отрицать". [596]- "Ну, доктор", - сказал герцог Баварский обратился к Эку с упреком: "Вы дали мне совсем иное представление об этой

доктрине и об этом деле". [597] Это был общий крик; соответственно, софисты, как они их называли, были смущены. "Но, в конце концов, — сказал им герцог Баварский, — можете ли вы опровергнуть вескими доводами Признание, сделанное курфюрстом и его союзниками?" — "Писаниями Апостолов и Пророков - нет! - ответил Экк. - Но писаниями Отцов Церкви и Соборов - да!" [598] "Я понимаю", - быстро ответил герцог; "Я понимаю. Лютеране, по вашим словам, находятся в Священном Писании, а мы - снаружи".

Архиепископ Герман, курфюрст Кельнский, граф-палатин Фредерик, герцог Эрик Брауншвейг-Люнебургский, герцог Генрих Мекленбургский и герцоги Померании были привлечены к истине; и Герман долго стремился утвердить ее в своем электорате.

Впечатление, произведенное этим Признанием в других странах, было, пожалуй, еще большим. Чарльз разослал копии во все суды; оно было переведено на французский, итальянский, [599] и даже на испанский и португальский; оно распространилось по всей Европе и, таким образом, осуществило то, что сказал Лютер: "Наше исповедание проникнет в каждый суд, и звук его разнесется по всей земле". [600] Это разрушило существовавшие ранее предрассудки, дало Европе более здоровое представление о Реформации и подготовило самые отдаленные страны к принятию семян Евангелия.

ДОМИНИРУЮЩАЯ ИДЕЯ ЛЮТЕРА.

Затем снова слышался голос Лютера. Он понял, что настал решающий момент и что теперь он должен дать импульс, который принесет религиозную свободу. Он смело потребовал этой свободы от римско-католических князей сейма; [601] и в то же время пытался заставить своих друзей покинуть Аугсбург. Иисус Христос был смело исповедан. Вместотой долгой череды ссор и дискуссий, которые вот-вот должны были начаться в связи с этим мужественным поступком, Лютер пожелал бы разительного разрыва, даже если бы он скрепил своей кровью свидетельство о Евангелии. Ставка, по его замыслу, была бы настоящей катастрофой в этой трагедии. "Я освобождаю вас от этой диеты, во имя Господа", [602] написал он своим друзьям. "Теперь домой, возвращайся домой, я снова говорю домой! Молю Бога, чтобы я был жертвой, принесенной этому новому совету, как Ян Гусс в Констанце!" [603]

Но Лютер не ожидал столь славного завершения: он сравнил диету с драмой. Сначала была экспозиция, затем пролог, затем действие, и теперь он ждал трагической катастрофы, по мнению некоторых, но которая, по его мнению, была бы просто комичной. [604] Он думал, что все будет принесено в жертву политическому миру, а догмы будут отброшены в сторону. Этот поступок, который даже в наши дни был бы в глазах мира верхом мудрости, был в глазах Лютера верхом безумия.

ПЕСНЬ ТРИУМФА.

Особенно встревожило его вмешательство Карла. Вывести Церковь из-под всякого светского влияния, а правительства - из-под всякого клерикального влияния было тогда одной из доминирующих идей великого Реформатора. "Вы видите, - писал он Меланхтону, - что они противопоставляют нашему делу тот же аргумент, что и в Вормсе, а именно, до сих пор и навсегда решение императора. Таким образом, сатана всегда играет на одной и той же струне, и эта истощенная сила, [605] гражданской власти - единственное, что этот хитроумный дух

способен найти против Иисуса Христа ". Но Лютер набрался храбрости и смело поднял голову. "Христос грядет, - продолжал он, - он грядет, восседая одесную... кого? не от Императора, иначе мы бы давно погибли, но от самого Бога: давайте ничего не бояться. Христос - Царь царей и Господь господствующих. Если он потеряет этот титул в Аугсбурге, он также должен потерять его на всей земле и на всех небесах".

Таким образом, триумфальная песнь аугсбургских исповедников была первым движением, последовавшим за этим мужественным поступком, несомненно, уникальным в анналах Церкви. Некоторые из их противников поначалу разделяли их триумф, а другие хранили молчание; но вскоре произошла мощная реакция.

На следующее утро, когда Карл поднялся в дурном расположении духа и устал от недосыпа, первым из его министров, появившихся в императорских покоях, был граф палатин, такой же усталый и смущенный, как и его господин. "Мы должны кое в чем уступить, - сказал он Карлу, - и я хотел бы напомнить вашему величеству, что император Максимилиан был готов даровать два вида Евхаристии: брак священников и свободу в отношении постов". Карл Пятый с готовностью ухватился за это предложение как за средство безопасности. Но вскоре прибыли Гранвель и Кампеджио, которые убедили его отказаться от него.

ИСКРЕННЕЕ ПРИЗНАНИЕ.

Рима, на мгновение сбита с толку нанесенным ей ударом, снова энергично поднялась. "Я остаюсь с матерью", - воскликнул епископ Вартцбургский, имея в виду Римскую Церковь. "С матерью, с матерью!" "Милорд, - остроумно ответил Бренц, - "прошу вас, ради матери не забывают ни Отца, ни Сына!" — "Хорошо! Я допускаю это, - ответил архиепископ Зальцбурга одному из своих друзей. - Я также желал бы причастия в обоих видах, брака священников, реформирования мессы, свободы в отношении пищи и других традиций.....Но то, что это должен быть монах, бедный монах, который осмеливается исправлять всех нас, - вот чего мы не можем допустить ". [606]— "Я бы не возражал, - сказал другой епископ, - чтобы богослужение совершалось повсюду, как в Виттемберге; но мы никогда не сможем согласиться с тем, что это новое учение исходит из такого угла". [607] И Меланхтон, настаивающий вместе с архиепископом Зальцбургским на необходимости реформы духовенства: "Хорошо! и как вы можете желать нас реформировать? - резко спросил тот. - Мы, священники, всегда были ни на что не годны. Это одно из самых искренних признаний, которые Реформация вырвала у священников. Каждый день в Аугсбург прибывали фанатичные монахи и врачи, переполненные софизмами, которые пытались разжечь ненависть к императору и принцам. [608] "Если раньше у нас были друзья, - сказал Меланхтон на следующий день после Исповеди, - то теперь у нас их больше нет. Мы здесь одни, покинутые всеми, и боремся с неизмеримыми опасностями". [609]

ПРОВАЛ ПАПИСТСКИХ ИНТРИГ.

Чарльз, побуждаемый этими противоборствующими сторонами, изображал полное безразличие. Но, не подавая виду, тем временем он попытался тщательно изучить это дело. "Пусть не будет недостатка ни в одном слове", - сказал он своему секретарю, требуя от него перевода Исповеди на французский. "Он ничего не допускает, чтобы за ним наблюдали", - шептали друг другу протестанты, убежденные, что Карл победил. "Ибо, если бы это стало известно, он потерял бы свои испанские владения: давайте сохранять самую глубокую тайну". Но придворные императора, видевшие эти странные надежды, улыбались и качали головами.

"Если у вас есть деньги, - сказал Шеппер, один из государственных секретарей, Джонасу и Меланхтон, - вам будет легко купить у итальянцев любую религию, какую вам заблагорассудится; [610] но если ваш кошелек пуст, ваше дело проиграно". Затем, перейдя на более серьезный тон: "Невозможно, - сказал он, - чтобы император, окруженный епископами и кардиналами, одобрял какую-либо иную религию, кроме религии Папы".

Вскоре это стало очевидным. На следующий день после исповеди (воскресенье, 26 июня), перед завтраком, [611] все делегации из городов империи были собраны в приемной императора. Карл, желая вернуть государства Империи к единству, начал с самых слабых. "Некоторые города, - сказал палатинский граф, - не присоединились к последнему сейму Шпиля: император призывает их подчиниться ему".

Страсбург, Нюрнберг, Констанц, Ульм, Ройтлинген, Хайльбронн, Мемминген, Линдау, Кемптен, Виндсхайм, Исни и Вайсембург, которые были таким образом призваны отказаться от знаменитого протеста, сочли момент выбранным необычно. Они попросили дать им время.

Положение было сложным; в городах царили раздоры, и интриги изо дня в день усиливали их. [612] Разногласия существовали не только между папскими и евангелическими городами; но также между цвинглианскими и лютеранскими городами, и даже среди последних те, которые не придерживались Исповедания Аугсбурга, проявляли большую неприязнь по отношению к депутатам Ройтлинга и Нюрнберга. Таким образом, действия Карла Пятого были искусно рассчитаны, поскольку основывались на старой аксиоме: *Разделяй и властвуй*.

Но энтузиазм веры победил все эти уловки, и на следующий день (27 июня) депутаты от городов передали императору ответ, в котором они заявили, что не могут оставаться в *Нише* Шпиля, "не послушавшись Бога и не поставив под угрозу спасение своих душ". [613]

ИМПЕРАТОРСКИЙ СОВЕТ.

Чарльз, желавший соблюдать справедливую среду, руководствуясь скорее политикой, чем равенством, колебался между столькими противоположными убеждениями. Желая, тем не менее, испытать свое посредническое влияние, он созвал штаты, верные Риму, в воскресенье, 26 июня, вскоре после своей конференции с городами.

Присутствовали все князья: даже папский легат и самые влиятельные римские богословы присутствовали на этом соборе, к большому скандалу протестантов. "Что следует ответить на признание?" такой вопрос задал Карл Пятый окружавшему его сенату. [614]

Были предложены три различных мнения. "Давайте остерегаться, - сказали мужи папства, - обсуждать доводы наших противников и удовлетворимся приведением в исполнение Вормсского эдикта против лютеран и принуждением их к оружию". [615]— "Давайте представим Признание на рассмотрение беспристрастных судей, - сказали люди Империи, - и передадим окончательное решение императору. Разве даже чтение Исповеди не является обращением протестантов к императорской власти?" Другие, в последнюю очередь (и это были люди традиции и церковной доктрины), желали поручить определенным докторам составить опровержение, которое должно быть зачитано протестантам и утверждено Карлом.

БУРНЫЕ ДИСКУССИИ.

Дебаты были очень оживленными: сторонники мягкости и насилия, политики и фанатизма взяли решительный курс в ассамблее. Георг Саксонский и Иоахим Бранденбургский показали себя самыми закоренелыми и превзошли в этом отношении даже церковных князей. [616] "Некий клоун, которого вы хорошо знаете, подталкивает их всех сзади", [617] писал Меланхтон Лютеру; "и некоторые лицемерные теологи держат факел и веди за собой всю группу". Этим шутом, несомненно, был герцог Георг. Даже принцы Баварии, которых признание поначалу ошеломило, немедленно сплотились вокруг руководителей римской партии. Курфюрст Менцский, епископ Аугсбургский, герцог Брауншвейгский проявили себя наименее враждебными евангелическому делу. "Я ни в коем случае не могу советовать его величеству применять силу", - сказал Альберт. "Если бы его величество обуздал их совесть и впоследствии покинул Империю, первыми принесенными в жертву были бы священники; и кто знает, не обрушились ли бы турки внезапно на нас в разгар этих раздоров?" Но эта несколько заинтересованная мудрость архиепископа не нашла большого числа сторонников, и военные немедленно вступили в дискуссию своими резкими голосами. "Если кто-нибудь будет сражаться против лютеран, - сказал граф Феликс Верденбургский, - я безвозмездно предлагаю свой меч и клянусь никогда не возвращать его в ножны, пока он не сокрушит твердыню Лютера". Этот дворянин скорострительно скончался через несколько дней от последствий своей неумеренности. Тогда умеренные люди снова вмешались: "Лютеране не нападают ни на один символ веры, - сказал епископ Аугсбургский. - Давайте договоримся с ними; и чтобы добиться мира, давайте уступим им причастие обоих видов и брак священников. Я бы даже уступил больше, если бы это было необходимо". После этого поднялись громкие крики: "Он лютеранин, - восклицали они, - и вы увидите, что он полностью готов пожертвовать даже частными массами!" — "Массы! мы не должны даже думать об этом, - замечали некоторые с иронической улыбкой. - Рим никогда не откажется от них, потому что именно они содержат его кардиналов и придворных с их роскошью и кухнями". [618] Архиепископ Зальцбурга и курфюрст Бранденбурга ответил с большой яростью на ходатайство епископа Аугсбургского. "Лютеране, - сказали они отрывисто, - представили нам Признание, написанное черными чернилами на белой бумаге. Что ж! Если бы я был императором, я бы ответил на них *красными чернилами*". [619]— "Господа, - быстро ответил епископ Аугсбургский, - тогда позаботьтесь о том, чтобы красные буквы не летели вам в лицо!" Курфюрст Менца был вынужден вмешаться и успокоить выступавших.

ПРЕДЛОЖЕНО ОПРОВЕРЖЕНИЕ.

Император, желавший сыграть роль третейского судьи, пожелал бы, чтобы римская партия, по крайней мере, передала ему в руки обвинение против Реформы; но теперь все изменилось; большинство, становившееся с каждым днем все более сплоченным после Спир-ского сейма, больше не поддерживало Карла. Преисполненный чувства собственной силы, он отказался присвоить себе звание партии и принять императора в качестве судьи. "Что вы говорите, - кричали они, - о различиях между членами Империи? Есть только одна законная партия. Речь идет не о выборе между двумя мнениями, права которых равны, а о сокрушении мятежников и оказании помощи тем, кто остался верен конституции Империи".

Этот надменный язык просветил Чарльза: он обнаружил, что они опередили его и что, отказавшись от своего высокого положения арбитра, он должен просто подчиниться приказам большинства. Именно это большинство отныне господствовало в Аугсбурге. Они исключили

имперских советников, отстаивавших более справедливые взгляды, а сам архиепископ Менца на время перестал появляться в сейме. [620]

Большинство постановило, что римские богословы должны немедленно подготовить опровержение евангельской доктрины. Если бы они выбрали для этой цели умеренных людей, таких как епископ Аугсбургский, Реформация все еще имела бы некоторый шанс на успех с великими принципами христианства; но именно врагам Реформы, старым защитникам Рима и Аристотеля, раздраженным столькими поражениями, они решили доверить эту задачу.

ЕГО АВТОРЫ.

В Аугсбурге их было много, и они не пользовались большим уважением. "Принцы, - сказал Джонас, - привели с собой своих ученых людей, а некоторые даже своих *необразованных* и своих дураков". [621] Провост Фабер и доктор Эк возглавляли отряд; за ними выстроилась когорта монахов, и прежде всего доминиканцев, орудий инквизиции, которым не терпелось отомстить за поношение, которое они так долго терпели. Там был провинциал доминиканцев Поль Хьюго, их викарий Джон Буркард, один из их настоятелей, Конрад Келейн, который написал письмо против брака Лютера; с большим количеством картузианцев, августинцев, францисканцев и викариев нескольких епископов. Таковы были люди, которым в количестве двадцати человек было поручено опровергнуть Меланхтона.

Можно было заранее догадаться о работе рабочих. Каждый понимал, что речь шла не об опровержении Признания, а о том, чтобы заклеить его. Кампеджио, который, несомненно, предложил Чарльзу этот зловеющий список, прекрасно понимал, что эти врачи не способны сравняться с Меланхтоном; но их имена служили самым решительным эталоном папизма и ясно и немедленно объявили миру, что диета намерена предпринять. Это был существенный момент. Рим не оставил христианскому миру даже надежды.

Однако требовалось знать, имеют ли сейм и император, который был его органом, право высказываться по этому чисто религиозному вопросу. Чарльз задал этот вопрос как евангелистам, так и католикам. [622]

"Ваше высочество, - сказал Лютер, к которому обратился курфюрст, - можете ответить со всей уверенностью: да, если император желает этого, пусть он будет судьей! Я все вынесу с его стороны; но пусть он не решает ничего, противоречащего Слову Божьему. Ваше высочество не может ставить императора выше самого Бога. [623] Разве первая заповедь не гласит: *"Да не будет у тебя других Богов пред лицом Моим"*!"

РИМ И ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ.

Ответ папских приверженцев был столь же положительным, но в противоположном смысле. "Мы думаем, - сказали они, - что его величество, в согласии с избирателями, князьями и штатами Империи, имеет право действовать в этом деле как римский император, хранитель, защитник и суверенный защитник Церкви и нашей святейшей веры". [624] Таким образом, в первые дни Реформации Евангелическая церковь откровенно ставила себя под престол Иисуса Христа, а Римская церковь - под скипетр королей. Просвещенные люди, даже среди протестантов, неправильно поняли эту двойную природу протестантизма и папства.

Философия Аристотеля и римская иерархия, благодаря этому союзу с гражданской властью, были, наконец, близки к тому, чтобы увидеть, как наступает день их долгожданного триумфа. Пока схоласты были предоставлены силе своих силлогизмов и злоупотреблений, они терпели поражение; но теперь Карл Пятый и сейм протянули им руки; доводы Фабера, Экка и Вимпины должны были быть подписаны германским канцлером и подтверждены большими печатями Империи. Кто мог бы устоять перед ними? Римское заблуждение никогда не имело силы, кроме как благодаря союзу со светской властью; и его победы в Старом и Новом Свете даже в наши дни объясняются покровительством государства. [625]

ОПАСНОСТИ ИСПОВЕДНИЦ.

Эти вещи не ускользнули от пронизательного взгляда Лютера. Он сразу увидел слабость аргументации папистских докторов и силу руки Карла. "Вы ждете ответа ваших противников, - писал он своим друзьям в Аугсбург. - это уже написано, и вот оно: Отцы, Отцы, Отцы; Церковь, Церковь, Церковь; обычай, практика; но из Священного Писания - ничего!" [626]—"Тогда Император, подкрепленный показаниями этих арбитров, вынесет решение против вас; [627] и тогда вы услышите хвастовство со всех сторон которые вознесутся до небес, и угрозы, которые снизойдут даже до ада".

Таким образом, Реформа изменила ситуацию. Карл был вынужден признать свою слабость; и, чтобы сохранить видимость своей власти, он принял решительное участие в борьбе с врагами Лютера. Беспристрастность императора исчезла: государство отвернулось от Евангелия, и для него не осталось другого спасителя, кроме Бога.

Поначалу многие впали в крайнее уныние: прежде всего Меланхтон, который лучше разбирался в заговорах противников, к тому же измученный долгими бдениями, впал почти в отчаяние. [628] "Перед лицом этого грозного зла, - воскликнул он, - я не вижу больше надежды". [629] И затем, однако, он добавил — "Кроме помощи Божьей".

Легат немедленно привел в действие все свои батарейки. Карл уже несколько раз посылал за курфюрстом и ландграфом и употреблял все усилия, чтобы отвратить их от евангелического исповедания. [630] Меланхтон, обеспокоенный этими тайными совещаниями, сократил Исповедь до *минимума* и умолял курфюрста требовать только двух видов в Евхаристии и браке священников. "Запретить первый из этих пунктов, - сказал он, - означало бы оттолкнуть огромное количество христиан от причастия; а запретить второй означало бы лишить Церковь всех пасторов, способных назидать ее. Будут ли они разрушать религию и разжигать гражданскую войну вместо того, чтобы применить к этим чисто церковным конституциям смягчение, которое не противоречит ни здравой морали, ни вере?" [631] Протестантские князья умоляли Меланхтона отправиться самому и сделать эти предложения легату. [632]

СЕСТРА ИМПЕРАТОРА.

Меланхтон согласился: он начал льстить себя надеждой на успех; и, по правде говоря, даже среди папистов были люди, благосклонно относившиеся к Реформации. Недавно в Аугсбург из-за Альп прибыли некие проповедники, сносно лютеранские; [633] и один из исповедников императора смело исповедовал доктрину оправдания верой, проклиная "тех ослов германских, которые не перестают, - сказал он, - вопить против этой истины". [634] Один из капелланов

Чарльза одобрил даже всю Исповедь. Было еще кое-что; Карл Пятый посоветовался с испанскими грандами, которые славились своей ортодоксальностью: "Если мнения протестантов противоречат символам веры, - ответили они, - пусть ваше величество употребит всю свою власть, чтобы уничтожить эту фракцию; но если речь идет просто об определенных изменениях в человеческих установлениях и внешних обычаях, пусть избегают всякого насилия". [635] "Замечательный ответ!" - воскликнул Меланхтон, который убедил себя, что в основе римской доктрины лежит Евангелие.

Реформация нашла защитников даже на еще более высоких постах. Мария, сестра Карла Пятого и вдова короля Венгрии Людовика, прибыв в Аугсбург через три дня после прочтения Исповеди, вместе со своей невесткой, королевой Богемии, женой Фердинанда, усердно изучала Священное Писание; она брала его с собой на охоту, в которой находила мало удовольствия, и открыла в нем жемчужину Реформы — учение о безвозмездном спасении. Эта набожная принцесса заставляла своего капеллана читать ей евангельские проповеди и часто пыталась, хотя и с осторожностью, успокоить своего брата Карла в отношении протестантов. [636]

КОЛЕБАНИЯ МЕЛАНХТОНА.

Меланхтон, ободренный этими демонстрациями и в то же время встревоженный угрозами войны, которые не переставали высказывать противники, счел своим долгом любой ценой приобрести мир и решил вследствие этого опуститься в своих предложениях как можно ниже. Поэтому он потребовал встречи с легатом в письме, подлинность которого была необоснованно поставлена под сомнение. [637] В решающий момент сердце сторонника Реформ не выдерживает — его голова кружится — он шатается — он падает; и в своем падении он рискует увлечь за собой дело, которое мученики уже полили своей кровью.

Так говорит представитель Реформации представителю Папства:—

"Нет доктрины, в которой мы отличаемся от Римской Церкви; [638] мы почитаем вселенскую власть римского понтифика и готовы повиноваться ему, при условии, что он не отвергнет нас, и что из-за своего милосердия, которое он привык проявлять по отношению ко всем народам, он любезно простит или одобрит определенные мелочи, которые мы больше не можем изменить Итак, отвергнете ли вы тех, кто предстает перед вами в качестве просителей? Будете ли вы преследовать их огнем и мечом?.. Увы! ничто в Германии не вызывает к нам такой ненависти, как непоколебимая твердость, с которой мы поддерживаем доктрины Римской церкви. [639] Но с помощью Божьей мы останемся верными даже до смерти Христу и Римской Церкви, хотя вы должны отвергнуть нас". [640]

ЛЮТЕР ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ УСТУПОК.

Так смирился Меланхтон. Бог допустил это падение, чтобы будущие века могли ясно увидеть, как низко готова была пасть Реформа ради сохранения единства, и чтобы никто не сомневался в том, что раскол пришел из Рима; но также, несомненно, чтобы они могли узнать, насколько велика слабость самых благородных инструментов в каждом важном деле.

К счастью, тогда нашелся другой человек, который поддержал честь Реформации. В это самое время Лютер писал Меланхтону: "Между Христом и Велиалом не может быть согласия. Что касается меня, то я не уступлю ни на йоту. [641] Скорее, чем сдаваться, я предпочел бы претерпеть все, даже самое ужасное зло. Уступайте тем меньше, чем больше требуют ваши

противники. Бог не поможет нам, пока мы не будем покинуты всеми". [642] И опасаясь некоторой слабости со стороны своих друзей, Лютер добавил: "Если бы это не было искушением Бога, вы бы давно видели меня рядом с собой!" [643]

На самом деле, никогда еще присутствие Лютера не было так необходимо, поскольку легат согласился на встречу, и Меланхтон собирался поухаживать за Кампеджио. [644]

8 июля было днем, назначенным легатом. Его письмо внушило Филиппу самые радужные надежды. "Кардинал заверяет меня, что он одобрит использование двух родов и брак священников", - сказал он. "Я горю желанием навестить его!" [645]

СХЕМА РИМСКИХ ВРАЧЕЙ.

Этот визит может решить судьбу Церкви. Если бы легат принял *ультиматум* Филиппа, евангелические страны перешли бы под власть римских епископов, и с Реформацией все было бы кончено; но все было спасено гордыней и слепотой Рима. Паписты, полагая, что дело находится на краю пропасти, думали, что последний удар все уладит, и решили, подобно Лютеру, не уступать ни в чем, "даже на волосок". Легат, однако, даже отказываясь, напустил на себя вид доброты, и уступчивости иностранному влиянию. "Я мог бы иметь право пойти на определенные уступки, но было бы неразумно использовать это без согласия немецких князей; [646] их воля должна быть исполнена; один из них, в частности, закликает императора не допустить, чтобы мы уступили ни в малейшей вещи. Я ничего не могу даровать". Затем римский принц с самой любезной улыбкой сделал все, что мог, чтобы заполучить главу протестантских учителей. Меланхтон удалился, пристыженный достигнутыми успехами, но все еще обманутый Кампеджио. "Без сомнения, - сказал он, - Экк и Коклюш заранее были у меня в доме легата". [647] Лютер придерживался иного мнения. "Я не доверяю никому из этих итальянцев, - сказал он. - они негодяи. Когда итальянец хорош, он очень хорош, но тогда он черный лебедь".

На самом деле итальянцы были обеспокоены. Вскоре после 12 июля поступили инструкции папы. Он получил признание по специальной [648], и шестнадцати дней было достаточно для передачи, обсуждения и возвращения. Климент не желал слышать никаких упоминаний ни о дискуссиях, ни о совете. Карл должен был идти прямо к цели, послать армию в Германию и силой подавить Реформацию. Однако в Аугсбурге сочли за лучшее не приступать так быстро к работе и прибегли к другим средствам.

ОБЪЯСНЕНИЕ МЕЛАНХТОНА.

"Успокойтесь, они у нас", - сказали римские врачи. Чувствуя прозвучавший в их адрес упрек в том, что они неверно представили Реформацию, они обвинили самих протестантов в том, что они были причиной этого. "Это они, - сказали они, - которые, чтобы создать видимость согласия с нами, сейчас распространяют свою ересь; но теперь мы поймаем их в их собственные сети. Если они признаются, что не включили в свое Признание все, что они отвергают, будет доказано, что они шутят с нами. Если, напротив, они притворятся, что сказали все, то именно это обстоятельство вынудит их признать все, что они не осуждали". Поэтому были созваны протестантские князья, и их спросили, ограничивалась ли Реформация доктринами, указанными в Апологии, или было что-то большее. [649]

Ловушка была искусно расставлена. Папство даже не упоминалось в статье Меланхтона; кроме того, были опущены другие ошибки, и сам Лютер громко жаловался на это. "Сатана ясно видит, -

сказал он, - что ваше Извинение легкомысленно обошло статьи о чистилище, поклонении святым и, прежде всего, папе Римскому и Антихристу". Князья потребовали посовещаться со своими союзниками из городов, и все протестанты собрались, чтобы обсудить этот важный инцидент.

Они ожидали объяснений Меланхтона, который не стал сбрасывать с себя ответственность за это дело. Легко впадавший в уныние из-за собственного беспокойства, он становился смелым всякий раз, когда подвергался прямому нападению. "Все основные доктрины, - сказал он, - были изложены в Исповеди, и были указаны все ошибки и злоупотребления, которые им противоречат. Но нужно ли было погружаться во все те вопросы, столь полные раздора и вражды, которые обсуждаются в наших университетах? Нужно ли было спрашивать, все ли христиане священники, имеет ли первенство папы по божественному праву, могут ли быть индульгенции, является ли каждое доброе дело смертным грехом, существует ли более семи таинств, может ли их совершать мирянин, имеет ли божественное избрание какое-либо основание в наших собственных заслугах, оставляет ли священническое посвящение неизгладимый след, необходима ли исповедь на ушах для совершения таинств? salvation?.....No , нет! все эти вещи относятся к компетенции школ и ни в коем случае не являются существенными для веры". [650]

ОПРОВЕРЖЕНИЕ.

Нельзя отрицать, что в вопросах, на которые таким образом указал Меланхтон, были важные моменты. Как бы то ни было, евангелический комитет вскоре пришел к согласию, и на следующий день они дали ответ министрам Карла, составленный с такой же откровенностью, как и твердость, в котором они сказали, "что протестанты, желая достичь сердечного взаимопонимания, не хотели усложнять свое положение и предложили не указывать на все ошибки, которые были введены в Церковь, но исповедовать все доктрины, которые необходимы для спасения; что, если, тем не менее, противная сторона почувствует себя вынужденной поддерживать определенные злоупотребления или выдвинуть какой-либо пункт, не упомянутый в документе". Исповедавшись, протестанты заявили, что готовы ответить в соответствии со Словом Божьим". [651] Тон этого ответа довольно ясно показал, что евангельские христиане не боялись следовать за своими противниками, куда бы те их ни призвали. Соответственно, римская сторона больше ничего не сказала по этому поводу.

IX. Комиссия, которой было поручено опровергнуть Признание, собиралась дважды в день, [652] и каждый из богословов, составивших его, добавил к нему свое опровержение и свою ненависть.

13 июля работа была закончена. "Эк со своей бандой", [653] сказал Меланхтон, "передал это императору". Велико было изумление этого принца и его министров, когда они увидели труд в двести восемьдесят страниц, наполненный оскорблениями. [654] "Плохие рабочие теряют много древесины, - сказал Лютер, - а нечестивые писатели пачкают много бумаги". Это было еще не все: к Опровержению были приложены восемь приложений о ересь, которые Меланхтон (как они сказали) развенчал, и в которых они разоблачали противоречия и "ужасные секты", породившие лютеранство. Наконец, не ограничиваясь этим официальным ответом,

римские богословы, видевшие, что над ними сияет солнце власти, наполнили Аугсбург дерзкими и оскорбительными памфлетами.

НЕДОВОЛЬСТВО ЧАРЛЬЗА.

Было только одно мнение по поводу папистского опровержения; оно было признано запутанным, жестоким, жаждущим крови. [655] Карл Пятый обладал слишком хорошим вкусом, чтобы не заметить разницу, которая существовала между этим грубым произведением и благородным достоинством Исповеди Меланхтона. Он скручивал, перебирал, мял и так испортил 280 страниц "Своих докторов", что, когда он вернул их через два дня, по словам Спалатина, целых было не более двенадцати. Чарльзу было бы стыдно, если бы такую брошюру прочитали в сейме, и, следовательно, он потребовал, чтобы она была составлена заново, короче и умереннее. [656] Это было нелегко, "для противников, сбитых с толку и ошеломленных, - говорит Бренц, - благородной простотой евангельского исповедания, они не знали, с чего начать и где закончить; соответственно, им потребовалось почти три недели, чтобы повторить свою работу заново". [657]

Карл и его министры сильно сомневались в успехе этого плана; поэтому, оставив на мгновение богословов, они придумали другой маневр. "Давайте возьмем каждого из протестантских князей по отдельности", - сказали они. "Изолированные, они не будут сопротивляться". Соответственно, 15 июля маркграфа Бранденбургского посетили два его двоюродных брата, курфюрсты Менца и Бранденбурга, а также два его брата, маркграфы Фредерик и Джон Альберт. "Оставь эту новую веру, - сказали они ему, - и вернись к той, которая существовала столетие назад. Если вы сделаете это, то не будет милостей, которых вы не могли бы ожидать от императора; если нет, опасайтесь его гнева". [658]

ШВЕЙЦАРЦЫ В АУГСБУРГЕ

Вскоре после этого герцог Фридрих Баварский, граф Нассау, Де Рогендорф и Трюхсес были представлены курфюрсту со стороны Карла. "Вы просили императора, - сказали они, - утвердить брак вашего сына с принцессой Юлианской и наделить вас избирательным достоинством; но его величество заявляет, что, если вы не отречетесь от ереси Лютера, главным подстрекателем которой вы являетесь, он не может удовлетворить ваше требование". В то же время герцог Баварский, прибегая к самым настоятельным просьбам, сопровождаемым самыми оживленными жестами [659] и самыми зловещими угрозами, [660] призвал избиратель отказываться от своей веры. "Утверждается, - добавили посланцы Карла, - что вы заключили союз со швейцарцами. Император не может в это поверить и приказывает вам сообщить ему правду.

Швейцарцы! это было то же самое, что восстание. Этот союз был призраком, к которому постоянно призывали в Аугсбурге, чтобы встревожить Карла Пятого. И в действительности депутаты или, по крайней мере, друзья швейцарцев уже появились в этом городе и, таким образом, сделали положение еще более серьезным.

ПРИЗНАНИЕ ЦВИНГЛЯ.

Буцер прибыл за два дня до оглашения Исповеди, а Капитон - на следующий день после нее. [661] Было даже сообщение, что Цвингле присоединится к ним. [662] Но долгое время все в Аугсбурге, за исключением страсбургской депутации, не знали о присутствии этих врачей. [663] Только через двадцать один день после их прибытия Меланхтон узнал об этом положительно, [664] так велика была тайна, в которую цвинглианцы были вынуждены окутать себя. Это было неспроста: они просили о встрече с Меланктоном: "Пусть они напишут, - ответил он. - Беседой с ними я скомпрометировал бы наше дело".

Буцер и Капитон в своем убежище, которое было для них чем-то вроде тюрьмы, воспользовались досугом, чтобы составить *Тетраполитанскую исповедь*, или исповеди четырех городов. Депутаты Страсбурга, Констанца, Неммингена и Линдау представили его императору. [665] Эти города очистили себя от упреков в войне и восстании, которые постоянно выдвигались против них. Они заявляли, что их единственным мотивом была слава Христа, и исповедовали истину "свободно, смело, но без дерзости и хамства". [666]

Цвингле примерно в то же время передал Чарльзу частное признание, [667], которое вызвало всеобщий шум. "Неужели он не осмеливается сказать, - восклицали романисты, - что *увядающая раса* в митрах (под которой он подразумевает епископов) является в Церкви тем же, чем горбатые спины и золотуха в теле?" [668]— "Разве он не намекает, — сказали лютеране, - что мы начинаем оглядываться на египетский лук и чеснок?" - "Можно с большой долей правды сказать, что он сошел с ума", - воскликнула Меланхтон. [669] "Все церемонии, по его словам, должны быть отменены; все епископы должны быть подавлены. Одним словом, все совершенно *гельветично*, то есть в высшей степени варварски".

Один человек стал исключением из этого концерта упреков, и это был Лютер. "Цвингле мне вполне нравится, - писал он Йонасу, - так же как и Буцер". [670] Под Буцером он, без сомнения, имел в виду тетраполитанское исповедание: это выражение следует отметить.

СОКРУШИТЕЛЬНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ.

Таким образом, три признания, положенные к ногам Карла Пятого, свидетельствовали о разделах, раздиравших протестантизм. Тщетно Буцер и Капито пытались договориться с Меланктоном и написать ему: "Мы встретимся, где вы пожелаете и когда вы пожелаете; мы возьмем с собой только Штурма, и, если вы этого пожелаете, мы даже не возьмем его с собой". [671] Все было бесполезно. Христианину недостаточно исповедовать Христа; один ученик должен исповедовать другого ученика, даже если последний лежит под позором мира; но тогда они не понимали этого долга. "Раскол есть в расколе", - говорили романисты, и император тешил себя надеждой на легкую победу. "Возвращайтесь в Церковь", - раздались крики со всех сторон, "что означает, - перебили страсбургцы, - "позвольте нам заткнуть вам рты, чтобы мы могли вести вас так, как нам заблагорассудится". [672]

Все это глубоко огорчало курфюрста, который, кроме того, все еще находился под бременем требований и угроз Карла. Император ни разу не разговаривал с ним, [673] и повсюду говорилось, что его двоюродный брат Георг Саксонский будет провозглашен курфюрстом вместо него.

28 июля при дворе был большой праздник. Карл, облаченный в свои императорские одежды, стоимость которых, как говорили, превышала 200 000 золотых дукатов, и демонстрирующий величественный вид, внушавший уважение и страх, [674] присвоил многим принцам их титулы;

только курфюрст был лишен этих милостей. Вскоре ему дали более ясно понять, что ему уготовано, и намекнули, что, если он не подчинится, император изгонит его из своих штатов и наложит на него самое суровое наказание. [675]

ВЕРА ИЗБИРАТЕЛЯ.

Курфюрст побледнел, ибо не сомневался, что именно таков будет конец. Как со своей маленькой территорией мог он противостоять этому могущественному монарху, который только что победил Францию и Италию, а теперь видел Германию у своих ног? И, кроме того, если он мог это сделать, имел ли он право? Ужасные кошмары преследовали Джона во сне. Он увидел себя распростертым под огромной горой, под которой он мучительно боролся, в то время как его двоюродный брат Георг Саксонский стоял на вершине и, казалось, бросал ему вызов.

Наконец Джон вышел из этой печи. "Я должен либо отречься от Бога, либо от мира", - сказал он. "Что ж! мой выбор не вызывает сомнений. Это Бог сделал меня выборщиком, меня, который не был достоин этого. Я бросаюсь в его объятия и позволяю ему делать со мной все, что ему заблагорассудится". Так Курфюрст верой затыкал пасти львам и покорял королевства. [676]

Весь евангельский христианский мир принял участие в борьбе Иоанна Стойкого. Было видно, что если бы он сейчас пал, все пали бы вместе с ним; и они старались поддержать его. "Не бойтесь, - кричали христиане Магдебурга, - ибо ваше высочество находится под знаменем Христа". [677] "Италия в ожидании", - писали они из Венеции. "Если вы должны умереть во славу Христа, ничего не бойтесь". [678] Но мужество Джона черпалось из более высокого источника. "Я видел сатану в виде молнии, упавшей с небес", - сказал его Учитель. [679] Курфюрст аналогичным образом видел во сне, как Джордж падает с вершины горы и лежит, разбитый на куски, у его ног.

ВЕРА ИМПЕРАТОРА.

Однажды решив потерять все, Иоанн, свободный, счастливый и умиротворенный, собрал своих богословов. Эти великодушные люди желали спасти своего учителя. "Милостивый государь, - сказал Спалатин, - вспомни, что Слово Божье, будучи мечом Духа, должно поддерживаться не светской властью, а рукой Всемогущего". [680] — "Да!" - сказали все врачи. "Мы не хотим, чтобы ради нашего спасения вы рисковали своими детьми, своими подданными, своими государствами, своей короной Мы скорее отдадим себя в руки врага и заклинаем его насытиться нашей кровью". [681] Джон, тронутый этими словами, отказался, однако, от их просьб и твердо повторил эти слова, которые стали его приемом: "Я также желаю исповедовать моего Спасителя".

Именно 20 июля он ответил на настойчивые аргументы, которыми Чарльз пытался поколебать его. Он доказал императору, что, будучи законным наследником своего брата, не может отказать ему в инвеституре, которую, к тому же, обеспечил ему Вормсский сейм. Он добавил, что не верил слепо тому, что говорили его врачи, но что, признав Слово Божье основой их учения, он заново и без каких-либо колебаний исповедал все пункты Апологии. "Поэтому я умоляю ваше величество, - продолжал он, - разрешить мне и моим близким отчитаться перед одним только Богом в том, что касается спасения наших душ". [682] Маркграф Бранденбургский

ответил тем же. Таким образом, потерпел неудачу этот искусный маневр, с помощью которого романисты надеялись сломить мощь Реформации.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ.

С момента Признания прошло шесть недель, а ответа все еще не было. "Паписты с того момента, как услышали Извинения, - говорилось в нем, - внезапно потеряли дар речи". [683] В конце концов римские богословы передали свое исправленное представление императору и убедили этого принца представить его от своего имени. Государственная мантия казалась им превосходно приспособленной к движениям Рима. "Эти подхалимы, - сказала Меланхтон, - пожелали облачиться в львиные шкуры, чтобы казаться нам еще более ужасными". [684] На следующий день были созваны все штаты Империи, кроме одного.

В среду, 3 августа, в два часа пополудни император, восседающий на своем троне в часовне Пфальцского дворца в окружении своего брата и курфюрстов, принцев и депутатов, был представлен курфюрсту Саксонскому и его союзникам, и граф-палатин, которого называли "рупором Карла", сказал им: "Его величество, передав ваше признание нескольким врачам разных наций, прославленным своими знаниями, нравственностью и беспристрастием, с величайшим вниманием прочитал их ответ и представляет его вам как свой собственный". владеть, предписывая, чтобы все члены и подданные Священной империи приняли его с единодушным согласием". [685]

Затем Александр Швайсс взял бумаги и зачитал опровержение. Римская партия одобрила некоторые статьи Исповедания, осудила другие, а в некоторых менее заметных отрывках провела различие между тем, что должно быть отвергнуто, и тем, что принято.

Он уступил в важном моменте - *opus operatum*. Протестанты заявили в своем 13-м артикуле, что вера необходима для Причастия, римская партия согласилась с этим; таким образом, отказавшись от ошибки, которую папство так ревностно защищало от Лютера в том самом городе Аугсбурге устами Каэтана.

Более того, они признавали истинно христианским евангельское учение о Троице, о Христе, о крещении, о вечном наказании и о происхождении зла.

Но по всем остальным пунктам Карл, его принцы и его теологи заявили, что они непреклонны. Они утверждали, что люди рождаются со страхом Божиим, что добрые дела заслуживают похвалы и что они оправдывают в союзе с верой. Они поддерживали Семь Таинств: Мессу, пресуществление, извлечение чаши, безбрачие священников, обращение к святым и отрицали, что Церковь является собранием святых.

Это Опровержение было искусным в некоторых отношениях, и, прежде всего, в том, что касалось учения о делах и вере. Но по другим пунктам, в частности по поводу изъятия чаши и безбрачия священников, его аргументы были прискорбно слабыми и противоречили хорошо известным фактам истории.

В то время как протестанты отстаивали свою позицию на основании Священного Писания, их противники поддерживали божественное происхождение иерархии и устанавливали абсолютное подчинение ее законам. Таким образом, существенный характер, который все еще отличает Рим от Реформации, ярко проявился в этом первом сражении.

Среди слушателей, заполнивших часовню Пфальцского дворца, спрятавшегося среди депутатов Нюрнберга, был Иоахим Камерариус, который, пока Швайсс читал, склонился над своими таблицами и тщательно записал все, что смог собрать. В то же время другие протестанты, разговаривая друг с другом, возмущались и даже смеялись, как уверяет нас один из их оппонентов. [686] "Действительно, - сказали они в один голос, - все это Опровержение достойно Эка, Фабера и Кохлеса!"

Что касается Чарльза, мало довольного этими теологическими рассуждениями, он заснул во время чтения; [687] но он проснулся, когда Швайсс закончил, и его пробуждение было львиным.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРИКАЗ.

Затем граф палатин заявил, что его величество находит статьи этого Опровержения ортодоксальными, католическими и соответствующими Евангелию; что поэтому он требует от протестантов отказаться от своего Исповедания, ныне опровергнутого, и придерживаться всех статей, которые только что были изложены; [688] что, если они откажутся, император вспомнит о своей должности и знал бы, как показать себя поборником Римской церкви.

Этот язык был достаточно ясен: противники вообразили, что опровергли протестантов, приказав последним считать себя побежденными. Насилие—оружие—война — все содержалось в этих жестоких словах министра Карла. [689] Принцы заявили, что, поскольку в Опровержении были приняты некоторые из их статей и отвергнуты другие, оно требовало тщательного изучения, и поэтому они попросили предоставить им копию.

Римская сторона долго совещалась по поводу этого требования: приближалась ночь; палатинский граф ответил, что, учитывая поздний час и важность этого дела, император сообщит о своем желании несколько позже. Сейм разошелся, и Карл Пятый, раздраженный дерзостью евангельских монархов, по словам Кохлеса, вернулся в дурном расположении духа в свои покои. [690]

Протестанты, напротив, удалились с полным спокойствием; чтение Опровержения вселило в них столько же уверенности, сколько и само Признание. [691] Они видели в своих противниках сильную привязанность к иерархии, но большое незнание Евангелия — характерную черту римской партии; и эта мысль ободряла их. "Конечно, - сказали они, - Церковь не может быть там, где нет знания о Христе". [692]

ПОЛИТИКА КАРЛА.

Один Меланхтон все еще был встревожен; он руководствовался зрением, а не верой, и, помня улыбки легата, еще раз встретился с ним, уже 4 августа, все еще требуя чаши для мирян и законных жен для священников. "Тогда, - сказал он, - наши пастыри снова окажутся под властью епископов, и мы сможем предотвратить те бесчисленные секты, которые угрожают потомству". [693] Взгляд Меланхтона в будущее примечателен: это, однако, не означает, что он, как и многие другие, предпочитал мертвое единство живому разнообразию.

Кампеджио, теперь уверенный в победе меча, с презрением передал этот документ Кохлусу, который поспешил опровергнуть его. Трудно сказать, кто был больше увлечен Меланхтоном или Кампеджио. Бог не допустил соглашения, которое поработило бы его Церковь.

Весь день 4 августа и утро 5 августа Чарльз провел в консультациях с ультрамонтанской партией. "Мы никогда не придем к взаимопониманию путем обсуждения, - говорили некоторые, - и если протестанты не подчинятся добровольно, нам остается только заставить их". Тем не менее, из-за Опровержения они решили избрать промежуточный курс. В течение всего сейма Карл проводил искусную политику. Сначала он отказывался от всего, надеясь увести князей силой; затем он уступил в нескольких незначительных пунктах, полагая, что протестанты, потерявшие всякую надежду, будут ценить это тем больше, чем меньше он им уступит. Это было то, что он снова сделал в нынешних обстоятельствах. Во второй половине дня 5-го числа пфальцграф объявил, что император предоставит им копию Опровержения, но на следующих условиях; а именно, что протестанты не должны отвечать, что они должны быстро согласиться с императором и что они не будут печатать или передавать кому-либо Опровержение, которое должно быть им доверено. [694]

Это сообщение вызвало ропот среди протестантов. "Эти условия, — сказали они все, - неприемлемы". - "Паписты предъявляют нам свой документ, - добавил канцлер Брюк, - подобно тому, как лиса предложила жидкий бульон своему сплетнику".

Был подан пикантный бульон на тарелке Рейнарда, Но госпожа Аист со своим длинным клювом не смогла получить ни кусочка. [695]

БУРНАЯ ВСТРЕЧА.

"Если Опровержение, - продолжал он, - станет известно без нашего участия (а как мы можем этому помешать?), нас обвинят в этом как в преступлении. Давайте остерегаться принимать столь вероломное предложение. [696] В "Записках Камерариуса" у нас уже есть несколько статей из этой газеты, и если мы опустим какой-либо пункт, никто не будет иметь права упрекнуть нас в этом".

На следующий день (6 августа) протестанты заявили сейму, что они предпочитают отклонить предложенный им таким образом текст, и обратились к Богу и его Величеству. [697] Таким образом, они отвергали все, что предлагал им император, даже то, что он считал одолжением.

Волнение, гнев и испуг были проявлены в каждом отделении этого августейшего собрания. [698] Этим ответом евангелистов была война — было восстание. Георг Саксонский, принцы Баварии, все яростные приверженцы Рима задрожали от негодования; произошло внезапное, стремительное движение, взрыв ропота и ненависти; и можно было опасаться, что обе партии подрались бы в самом присутствии императора, если бы архиепископ Альберт, курфюрст Бранденбургский, и герцоги Брауншвейгский, Померанийский и Мекленбургский, бросившись между ними, не заклинали протестантов прекратить это прискорбное сражение и не прогнать их прочь. император доведен до крайности. [699] Участники диеты разошлись, их сердца наполнились эмоциями, опасениями и тревогой.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСИСТОРИИ.

Никогда еще диета не предлагала таких фатальных альтернатив. Надежды на согласие, изложенные в указе о созыве, были лишь обманчивой приманкой: теперь маска была сброшена; подчинение или меч — такова была дилемма, поставленная перед Реформацией. Все объявили, что предварительный день пройден и что они начинают день насилия.

По правде говоря, 6 июля папа собрал консисторию кардиналов в своем дворце в Риме и ознакомил их с протестантским ультиматумом, а именно: о чаше для мирян, о браке священников, об исключении упоминания святых при жертвоприношении во время мессы, об использовании церковной собственности, уже секуляризованной, а в остальном - о созыве собора. "Эти уступки, - заявили кардиналы, - противоречат религии, дисциплине и законам Церкви. [700] Мы отвергаем их и выражаем нашу благодарность императору за усердие, которое он проявляет в возвращении дезертиров ". После такого решения папы все попытки примирения стали бесполезными.

Кампеджио, со своей стороны, удвоил рвение. Он говорил так, как будто в его лице сам папа присутствовал в Аугсбурге. [701] "Пусть император и благонамеренные принцы образуют лигу, - сказал он Карлу; "и если эти мятежники, одинаково нечувствительные к угрозам и обещаниям, упрямо придерживаются своего дьявольского курса, тогда пусть его Величество применит огонь и меч, пусть он завладеет всем имуществом еретиков и полностью искоренит эти ядовитые растения. [702] Тогда пусть он назначит святых инквизиторов, которые пойдут по следу остатков Реформы и выступят против них, как в Испании против мавров. Пусть он запретит Виттембергский университет, сожжет еретические книги и отправит беглых монахов обратно в их монастыри. Но этот план должен быть выполнен мужественно".

ДВА ЧУДА.

Таким образом, юриспруденция Рима состояла, согласно пророчеству, изреченному против города, который *расположен на семи холмах*, в том, чтобы украшать себя жемчугом, который он украл, и упиваться кровью святых. [703]

В то время как сейм и папа со слепой яростью подстегивали Карла, протестантские князья, сдерживаемые немой негодованием, не открывали ртов, [704] и, следовательно, они, казалось, демонстрировали слабость, которой император стремился воспользоваться. Но под этой слабостью скрывалась и сила. "Нам остается только, - воскликнула Меланхтон, - обнять колени нашего Спасителя". В этом они усердно трудились. Меланхтон умолял о молитвах Лютера; Бренц - о молитвах своей собственной церкви: всеобщий крик отчаяния и веры прокатился по евангелической Германии. "У вас будут овцы, - сказал Бренц, - если вы пришлете нам овец: вы понимаете, что я имею в виду". [705] Овцы, которые должны были быть принесены в жертву, были молитвами святых.

УГРОЗА ИМПЕРАТОРА.

Церковь сама того не желала. "Собираясь каждый день, - писали некоторые города избирателям, - мы просим вас о силе, благодати и победе, победе, полной радости". Но человеком молитвы и веры был особенно Лютер. Спокойное и возвышенное мужество, в котором твердость сияет бок о бок с радостью, — мужество, которое возрастает и ликует пропорционально возрастанию опасности, — вот что в письмах Лютера в это время присутствует в каждой строке. Самые поэтичные образы бледнеют рядом с теми энергичными выражениями, которые бурным потоком вырываются из души Реформатора. "Недавно я стал свидетелем двух чудес, - писал он 5 августа канцлеру Брюку. - Это первое. Когда я стоял у своего окна, я увидел звезды, и небо, и тот огромный и величественный небосвод, на котором Господь

поместил их. Я нигде не мог обнаружить колонн, на которых Мастер поддерживал этот огромный свод, и все же небеса не обрушились.....

А вот и второе. Я увидел густые облака, нависшие над нами, как безбрежное море. Я не мог различить ни земли, на которой они стояли, ни веревок, на которых они были подвешены; и все же они не набросились на нас, а быстро отсалютовали нам и убежали.

"Бог, - продолжал он, - изберет способ, время и место, подходящие для освобождения, и он не будет медлить. То, что начали люди крови, они еще не закончили..... Наша радуга слаба их облака угрожают враг идет против нас со страшными машинами.....Но, наконец, станет ясно, кому принадлежали баллисты и из каких рук метаются дротики. [706] Неважно, погибнет ли Лютер: если Христос - победитель, то и Лютер - победитель". [707]

Никогда еще римская партия, не знавшая, что такое победа веры, не воображала себя более уверенной в успехе.

Поскольку врачи опровергли это Признание, протестанты должны были, по их мнению, объявить себя убежденными, и тогда все вернулось бы на круги своя: таков был план кампании императора. Поэтому Он настаивает и взывает к протестантам; но вместо того, чтобы подчиниться, они объявляют опровержение Опровержения. При этих словах Карл посмотрел на свой меч, и все принцы, окружавшие его, сделали то же самое.

МАСКА.

Иоанн Саксонский понимал, что это значит, но оставался непреклонным. "Прямая линия, - сказал он (аксиома была ему знакома), - это кратчайший путь". Именно эта несгибаемая твердость закрепила за ним в истории имя Иоанна Стойкого. Он был не одинок: все эти протестантские принцы, выросшие при дворах и привыкшие смиренно повиноваться императору, обнаружили в то время в своей вере благородную независимость, которая приводила в замешательство Карла Пятого.

С целью заполучить маркиза Бранденбургского они предоставили ему возможность передать ему некоторые владения в Силезии, на которые он претендовал. "Если Христос есть Христос, - ответил он, - то учение, которое я исповедовал, есть истина". — "Но знаете ли вы, - быстро ответил его двоюродный брат курфюрст Иоахим, — какова ваша ставка?" - "Конечно, - ответил маркграф, - говорят, что я буду изгнан из этой страны. Что ж! пусть Бог защитит меня! Однажды принц Вольфганг Ангальтский встретил доктора Экка. "Доктор, - сказал он, - вы увлекаетесь войной, но вы найдете тех, кто не будет с вами заодно. В свое время я сломал много копий ради своих друзей. Мой Господь Иисус Христос, несомненно, достоин того, чтобы я сделал для него столько же".

При виде этого решения каждый спрашивал себя, не усугубляет ли Чарльз болезнь, вместо того чтобы лечить ее. Горожане обменивались размышлениями, критическими замечаниями, шутками, и здравый смысл народа по-своему выражал то, что они думали о глупости своего вождя. Мы приведем один пример.

Говорят, что однажды, когда император сидел за столом со многими принцами римско-католической церкви, ему сообщили, что некоторые комедианты попросили разрешения (согласно обычаю) позабавить их светлости. Первым появился старик в маске и докторском

халате, который с трудом продвигался вперед, неся в руках связку палочек, как прямых, так и изогнутых. Он подошел к широкому камину в готическом зале, в беспорядке сбросил свою ношу и немедленно ретировался. [708] Чарльз и придворные прочитали на его спине надпись — Джон Рейхлин. Затем появилась другая маска с умным взглядом, которая приложила все усилия, чтобы соединить прямые и изогнутые фигуры; [709] но, обнаружив, что его усилия бесполезны, он покачал головой, повернулся к двери и исчез. Они прочли: "Эразм Роттердамский". Почти сразу после этого появился монах с ясными глазами и решительной походкой, неся жаровню с горящими углями. [710] Он разложил дрова, поджег их, подул и помешал, так что пламя, яркое и искрящееся, поднялось в воздух. Затем он удалился, и на его спине была надпись "Мартин Лютер".

Затем приблизился величественный сановник, покрытый всеми императорскими знаками отличия, который, увидев такой яркий огонь, выхватил свой меч и попытался яростными ударами погасить его; но чем больше он бил, тем яростнее разгоралось пламя, так что в конце концов он в негодовании покинул это место. Его имя, казалось бы, не было известно зрителям, но все догадались об этом. Вскоре всеобщее внимание привлек новый персонаж. Мужчина, одетый в стихарь и мантию из красного бархата, с альбой из белой шерсти, доходившей ему до пят, и с палантином на шее, концы которого были украшены жемчугом, величественно приблизился. Увидев пламя, которое уже заполнило очаг, он в ужасе захлопал в ладоши и огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы его погасить. Он видит два сосуда в самом конце зала, один наполнен водой, а другой - маслом. Он бросается к ним, невольно хватая тот, в котором находится масло, и бросает его в огонь. [711] Затем пламя распространилось с такой силой, что маска в тревоге убежал, воздев руки к небу; на его спине было написано имя Лео X.

Мистерия была закончена; но вместо того, чтобы потребовать свое вознаграждение, мнимые актеры исчезли. Никто не поинтересовался моралью этой драмы.

ПРИМЕТЫ.

Урок, однако, оказался бесполезным; и большая часть сейма, приняв на себя в то же время роль, отведенную императору и папе, начала готовить средства, необходимые для тушения пожара, разожженного Лютером. Они вели переговоры в Италии с герцогом Мантуанским, который пообещал отправить несколько полков легкой кавалерии через Альпы; [712] и в Англии с Генрихом VIII., который не забыл ответ Лютера и который пообещал Карлу через своего посла огромную субсидию на уничтожение еретиков. [713]

В то же время "страшные чудеса" объявили о мрачном будущем, которое угрожало Реформе. В Шпиле ночью появились страшные призраки, похожие на монахов, с сердитыми глазами и торопливыми шагами. "Чего вы хотите?" их спросили. "Мы отправляемся, - ответили они, - на Аугсбургский сейм!" Обстоятельства были тщательно расследованы и признаны вполне заслуживающими доверия. [714] "Истолковать это несложно, - воскликнул Меланхтон. - Злые духи приходят в Аугсбург, чтобы противодействовать нашим усилиям и разрушить мир. Они предвещают нам ужасные неприятности". [715] В этом никто не сомневался. "Все движется к войне", - сказал Эразмус. [716] "Сейм не прекратится, - написал Бренц, - кроме как путем уничтожения всей Германии". [717] "Произойдет резня святых, — воскликнул Буцер, - которая будет такой, что массовые убийства Диоклетиана вряд ли сравнимы с ней". [718] Война и кровь! - таков был общий клич.

БЕСПОРЯДКИ В АУГСБУРГЕ.

Внезапно, в ночь на субботу, 6 августа, в городе Аугсбург вспыхнули большие беспорядки. [719] По улицам бегали взад и вперед; гонцы от императора скакали во всех направлениях; был созван сенат, который получил приказ никому не пропускать через городские ворота. [720] В то же время все были на ногах в императорских казармах; солдаты приготовили оружие; полки были выстроены, и на рассвете (около трех часов утра в воскресенье) войска императора, вопреки обычаю, которого постоянно придерживался сейм, освободили солдат от города и овладели воротами. В то же время стало известно, что эти ворота не будут открыты и что Карл отдал приказ строго следить за курфюрстом и его союзниками. [721] Ужасное пробуждение для тех, кто все еще льстил себя надеждой увидеть мирное завершение религиозных дебатов! Разве эти неслыханные меры не являются началом войн и сигналом к страшной резне?

ИСКУШЕНИЕ.

Х. В императорском дворце царили смута и гнев, и причиной их был ландграф. Твердый, как скала, посреди бури, которой он был окружен, Филипп Гессенский никогда не склонял головы перед порывом ветра. Однажды на публичном собрании, обращаясь к епископам, он сказал им: "Милорды, дайте мир Империи; мы умоляем вас об этом. Если вы этого не сделаете и если мне придется упасть, будьте уверены, я потащу одного или двоих из вас за собой". Они сочли необходимым применить к нему более мягкие средства, и император попытался расположить его к себе, проявив благосклонное расположение по отношению к графству Каценелленбоген, по поводу которого у него были разногласия с Нассау, и к Вюртембергу, на который он претендовал для своего кузена Ульрика. Со своей стороны, герцог Георг Саксонский, его тесть, заверил его, что сделает его своим наследником, если он подчинится папе. "Они отнесли его на чрезвычайно высокую гору, откуда показали ему все царства мира и славу их", [722] говорит хронист, но ландграф устоял перед искушением.

Однажды он услышал, что император изъявил желание поговорить с ним. Он мгновенно вскочил на коня и предстал перед Карлом. [723] Последний, с которым были его секретарь Швейсс и епископ Констанца, заявил, что у него было четыре жалобы на него; а именно, на нарушение Вормсского эдикта, на презрение к мессе, на то, что во время его отсутствия он возбуждал всевозможные восстания, и, наконец, на то, что он передал ему книгу, в которой подвергались нападкам его суверенные права. Ландграф оправдывался, и император сказал, что принимает его ответы, за исключением того, что касается веры, и умолял его проявить в этом отношении полную покорность его величеству. - Что бы вы сказали, - добавил Чарльз обаятельным тоном, - если бы я возвел вас в королевское достоинство? [724] Но, если ты проявишь неповиновение моим приказам, я буду вести себя так, как подобает римскому императору".

Эти слова привели ландграфа в ярость, но не тронули его. "Я в расцвете лет, - ответил он, - и я не притворяюсь, что презираю радости жизни и благосклонность великих; но обманчивым благам этого мира я всегда предпочту неизреченную милость моего Бога". Чарльз был ошеломлен; он не мог понять Филиппа.

С этого времени ландграф удвоил свои усилия по объединению сторонников Реформы. Цвинглианские города чувствовали, что, какова бы ни была проблема с сеймом, они станут первыми жертвами, если саксы не протянут им руку помощи. Но с получением этого возникли некоторые трудности.

ПРОФСОЮЗ СОПРОТИВЛЯЛСЯ.

"Мне не кажется полезным для общественного блага или безопасным для совести, - писала Меланхтон Буцеру, - обрушивать на наших принцев всю ненависть, которую внушает ваша доктрина". [725] Страсбургцы ответили, что настоящей причиной ненависти папистов было не столько учение о Евхаристии, сколько учение об оправдании верой. "Все мы, желающие принадлежать Христу, - говорили они, - едины, и нам нечего ожидать, кроме смерти". [726]

Это было правдой; но Меланхтона остановил еще один мотив. Если бы все протестанты объединились, они почувствовали бы свою силу, и война была бы неизбежна. Следовательно, тогда никакого союза!

Ландграф, которому угрожал император, отвергнутый богословами, начал спрашивать себя, что он делал в Аугсбурге. Чаша была полна. Отказ Карла сообщить римское опровержение, за исключением недопустимых условий, привел к тому, что дело было закрыто. Филипп Гессенский видел только один выход — покинуть город.

Едва император сообщил об условиях, которые он поставил при отправке ответа, как в пятницу вечером, 5 августа, ландграф, отправившись один к графу палатину, министру Карла, попросил немедленной аудиенции у его величества. Чарльз, которому это было безразлично, притворился занятым и отложил встречу с Филиппом до следующего воскресенья. [727] Но последний ответил, что не может ждать; что его жена, которая была опасно больна, умоляла его вернуться в Гессен без промедления; и что, будучи одним из самых молодых принцев, самым скупым на понимание и бесполезным для Карла, он смиренно умолял его величество разрешить ему уехать завтра. Император отказался.

БЕСПОКОЙСТВО ИМПЕРАТОРА.

Мы можем хорошо понять бурю, которую этот отказ вызвал в душе Филиппа: но он умел сдерживаться; никогда еще он не казался более спокойным; в течение всей субботы (6 августа) он, казалось, был занят только великолепным турниром в честь императора и его брата Фердинанда. [728] Он готовился к этому публично; его слуги ходили взад и вперед, но под этим грохотом лошадей и доспехов Филипп скрывал совсем другие замыслы. "Ландграф ведет себя очень сдержанно", - писал Меланхтон Лютеру в тот же день. [729] "Он открыто сказал мне, что ради сохранения мира он согласится на условия, еще более жесткие, чем те, которые навязывает нам Император, и он сделает все, что сможет принять, не позоря Евангелие".

Однако Карлу было не по себе. Требование ландграфа преследовало его; все протестанты могли поступить так же и даже неожиданно покинуть Аугсбург. Ключ, который он до сих пор так умело держал в руках, был, возможно, вот-вот сломан: лучше быть жестоким, чем смешным. Поэтому император решил нанести решающий удар. Курфюрст, принцы, депутаты все еще находятся в Аугсбурге: он должен любым способом помешать им покинуть его. Такими тяжелыми были мысли, которые в ночь на 6 августа, когда протестанты спокойно спали, [730] лишили покоя

глаза Карла; и это заставило его поспешно разбудить советников Аугсбурга и разослать своих гонцов и солдат по улицам города.

Протестантские князья все еще спали, когда они получили от императора неожиданный приказ немедленно отправиться в Зал Капитула. [731]

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ТВЕРДОСТЬ.

Было восемь часов, когда они прибыли. Там они нашли курфюрстов Бранденбурга и Менца, герцогов Саксонии, Брауншвейга и Мекленбурга, епископов Зальцбурга, Шпира и Страсбурга, Георга Трюхзеса, представителя маркиграфа Баденского, графа Мартина из (ОЭ) Лтинга, аббата Вайнгартена и ректора Бамберга. Это были уполномоченные, назначенные Карлом для прекращения этого великого дела.

Заговорил самый решительный из них, Иоахим Бранденбургский. "Вы знаете, - сказал он протестантам, - с какой мягкостью император пытался восстановить единство. Если какие-то злоупотребления проникли в христианскую церковь, он готов исправить их вместе с Папой Римским. Но насколько противоречат Евангелию те чувства, которые вы восприняли! Тогда откажитесь от своих заблуждений, не оставайтесь больше отдельно от Церкви и без промедления подпишите Опровержение. [732] Если вы откажетесь, то по вашей вине сколько душ будет потеряно, сколько крови пролито, какие страны опустошены, какие беспорядки во всей Империи! А вы, - сказал он, поворачиваясь к курфюрсту, - ваш электорат, ваша жизнь - все будет отнято у вас, и верная гибель обрушится на ваших подданных и даже на их жен и детей.

Курфюрст оставался неподвижен. В любое время эти слова вызвали бы тревогу, но сейчас, когда город был почти на осадном положении, это было особенно тревожно. "Теперь мы понимаем, - говорили протестанты друг другу, - почему императорская гвардия занимает ворота города". [733] Действительно, было очевидно, что император замыслил насилие. [734]

ФИЛИПП ГЕССЕНСКИЙ.

Протестанты единодушны: окруженные солдатами, у самых ворот тюрьмы, под тысячей мечей Карла, они останутся непоколебимыми. Все эти угрозы не заставят их сделать ни шага назад. [735] Однако для них было важно обдумать свой ответ. Они попросили отсрочки на несколько минут и удалились.

Добровольно подчиниться или быть побежденным силой - такова была дилемма, которую Чарльз предложил евангельским христианам.

В тот момент, когда каждый был озабочен исходом этой борьбы, в которой решались судьбы христианства, тревожный слух внезапно поднял волнение всех умов до предела.

Ландграф в разгар своих приготовлений к турниру обдумывал самое серьезное решение. Исключенный Чарльзом из всех важных обсуждений, раздраженный обращением, которому подверглись протестанты во время этой диеты, [736] убежденный, что у них больше нет шансов на мир, [737] не сомневаясь в том, что их свободе в Аугсбурге угрожала большая опасность, и чувствуя себя неспособным скрыть под маской умеренности негодование, которым была наполнена его душа, будучи к тому же быстрым, расторопным и решительным человеком, Филипп решил покинуть город и отправиться в свои владения, чтобы действовать свободно и служить опорой Реформе.

Но какая таинственность требовалась! Если бы ландграфа взяли с поличным, его, без сомнения, посадили бы под арест. Следовательно, этот смелый шаг мог стать сигналом к тем крайним мерам, от которых он стремился избежать.

РЕЙС ИЗ АУГСБУРГА.

Была суббота, 6 августа, день, на который Филипп попросил у императора отпуск. Он дожидается наступления ночи, а затем, около восьми часов, переодевшись в иностранное платье, не попрощавшись ни с кем из своих друзей, [738] и приняв все мыслимые меры предосторожности, [739] он направляется к городским воротам примерно в то время, когда они обычно закрыты. Пять или шесть кавалеров следовали за ним поодиночке и на небольшом расстоянии. [740] Разве в столь критический момент эти вооруженные люди не привлекут внимания? Филипп без опасности пересекает улицы, приближается к воротам, [741] проходит с небрежным видом через гущу стражи, между рассеянными солдатами; никто не двигается, все остаются празднично сидеть, как будто ничего экстраординарного не происходит. Филип прошел мимо, никем не признанный. [742] Его пять или шесть всадников проходят таким же образом. Наконец-то они все оказались на открытой местности. Маленький отряд немедленно прищипоривает своих лошадей и с бешеной скоростью убегает подальше от стен имперского города.

Однако Филипп принял свои меры настолько хорошо, что никто пока не подозревает о его отъезде. Когда ночью Карл со своей охраной занимает ворота, он думает, что ландграф все еще в городе. [743] Когда протестанты собрались в восемь утра в зале Капитула, принцы обеих партий были немного удивлены отсутствием Филиппа Гессенского. Однако они привыкли видеть его отчужденным; без сомнения, он в любимчике. Никто не представляет, что он находится между двенадцатью и пятнадцатью лье от Аугсбурга.

ТРЕВОГА В АУГСБУРГЕ.

После окончания конференции, когда каждый возвращался в свой отель, курфюрст Бранденбургский и его друзья, с одной стороны, воодушевленные произнесенной речью, а курфюрст Саксонский и его союзники, с другой, решили пожертвовать всем, в квартире ландграфа были наведены справки о причине его отсутствия; они тщательно допросили Зальца, Нушбикера, Майера и Шнепфа. Наконец советники Гессена больше не могут хранить тайну. "Ландграф, - сказали они, - вернулся в Гессен".

Эта новость немедленно распространилась по всему городу и потрясла его, как взрыв мины. Особенно Чарльз, который оказался осмеянным и обманутым в своих ожиданиях — Чарльз, у которого не было ни малейшего подозрения, [744] задрожал и пришел в ярость. [745] Протестанты, которых ландграф не посвятил в свою тайну, [746] удивлены не меньше, чем сами католики, и опасаются, что это невнимательное отъезд может стать немедленным сигналом к ужасному преследованию. Был только Лютер, который, как только услышал о действиях Филиппа, высоко оценил их и воскликнул: "По правде говоря, всех этих задержек и унижений достаточно, чтобы утомить не одного ландграфа". [747]

Канцлер Гессена передал курфюрсту Саксонии письмо, которое оставил для него его господин. В этом мнимом документе Филипп говорил о здоровье своей жены, но он поручил своим

министрам сообщить курфюрсту в частном порядке об истинных причинах своего отъезда. Более того, он объявил, что отдал приказ своим министрам оказывать протестантам помощь во всем и увещевать своих союзников ни в коем случае не позволять себе отклоняться от Слова Божьего. [748] "Что касается меня, - сказал он, - я буду сражаться за Слово Божье, рискуя своим имуществом, своими штатами, своими подданными и своей жизнью".

МЕТАМОРФОЗА.

Эффект от отъезда ландграфа был мгновенным: тогда в сейме произошла настоящая революция. Курфюрст Менца и епископы Франконии, ближайшие соседи Филиппа, вообразили, что уже видят его на своих границах во главе мощной армии, и они ответили архиепископу Зальцбургскому, который выразил удивление их тревогой: "Ах! если бы вы были на нашем месте, вы бы сделали то же самое". Фердинанд, зная о близких отношениях Филиппа с герцогом Вюртембергским, трепетал за владения этого принца, в то время узурпированные Австрией; а Карл Пятый, не обманувшийся в отношении тех принцев, которых он считал такими робкими и с которыми обращался с таким высокомерием, не сомневался, что этот внезапный припадок Филиппа был зрело обдуман на общем совете протестантов. Все усмотрели в внезапном отъезде ландграфа объявление войны. Они вспомнили, что в тот момент, когда они меньше всего думали об этом, они могли увидеть, как он появляется во главе своих солдат на границах своих врагов, и никто не был готов; никто даже не хотел быть готовым! В разгар сейма словно гром разразился. Они пересказали новость друг другу с обеспокоенными глазами и испуганными взглядами. В Аугсбурге царило смятение, и курьеры разносились вдаль, во все стороны, в изумлении и ужасе.

Эта тревога немедленно обратила противников Реформы в свою веру. Буйство Карла и принцев было сломлено в ту памятную ночь, словно по волшебству, и разъяренные волки внезапно превратились в кротких и послушных ягнят. [749]

НЕОБЫЧНАЯ УМЕРЕННОСТЬ.

Все еще было воскресное утро: Карл Пятый немедленно созвал сейм на вторую половину дня. [750] "Ландграф покинул Аугсбург", - сообщил граф Фредерик от императора; "его величество льстит себе мыслью, что даже друзья этого принца не знали о его отъезде. Филипп Гессенский покинул страну без ведома императора и даже вопреки его прямому запрету, таким образом, не справившись со всеми своими обязанностями. Он пожелал вывести диету из-под контроля. [751] Но Император закликает вас не позволить ему сбить себя с пути истинного и внести свой вклад в благополучный исход этого национального собрания. Таким образом, благодарность его величества будет вам обеспечена".

Протестанты ответили, что отъезд ландграфа произошел без их ведома, что они с болью узнали об этом и что они бы отговорили его. Тем не менее они не сомневались, что у этого принца были веские причины для такого шага; кроме того, он наделил своих советников всеми полномочиями, и что, что касается их, они были готовы сделать все, чтобы завершить сейм подобающим образом. Затем, уверенные в своих правах и решившие противостоять произволу Чарльза, они продолжили: "Делается вид, что ворота были закрыты из-за нас. Мы умоляем ваше величество отменить этот приказ и предотвратить отдачу любых подобных приказов в будущем".

Никогда Карл Пятый не чувствовал себя менее непринужденно: он только что говорил как отец, и они напоминают ему, что несколько часов назад он вел себя как тиран. Потребовалась какая-

то уловка. - Солдаты императора заняли ворота не из-за вас, - ответил палатинский граф.....Остерегайтесь верить тем, кто вам это говорит.....Вчера произошла ссора между двумя солдатами, [752] и была собрана толпа.....Вот почему император пошел на этот шаг. Кроме того, подобные вещи не должны повторяться без предварительного уведомления курфюрста Саксонии в его качестве маршала империи". Был немедленно отдан приказ вновь открыть ворота.

МИР! МИР!

Теперь римская партия не жалела сил, чтобы убедить протестантов в своей доброй воле: в речи палатинского графа и во взгляде Карла была непривычная мягкость. [753] Князья папской партии, некогда столь грозные, претерпели аналогичные изменения. Их поспешно вынудили высказаться; если они желали войны, они должны были начать ее немедленно.

Но они отшатнулись от этой ужасной перспективы. С каким энтузиазмом, воодушевлявшим протестантов, поднять против них оружие! Разве злоупотребления Церкви не были повсеместно признаны, и могли ли римские князья быть уверены в своих собственных подданных? Кроме того, что было бы результатом войны, как не усиление власти императора? Римско-католические государства, и герцог Баварский в частности, были бы рады видеть Карла в состоянии войны с протестантами в надежде, что он таким образом израсходует свои силы; но, напротив, император намеревался напасть на еретиков с их собственными солдатами. С тех пор они отвергали оружие так же рьяно, как поначалу желали его.

Таким образом, в Аугсбурге все изменилось: римская партия была парализована, обескуражена и даже разбита. Уже обнаженный меч был поспешно вложен обратно в ножны. Мир! мир! это был всеобщий клич.

XI. Теперь сейм вступил в свою третью фазу, и поскольку за периодом предварительных предложений последовал период угроз, теперь период договоренностей должен был последовать за периодом угроз. Тогда Реформа столкнулась с новыми и более грозными опасностями. Рим, видя, что меч вырван из его рук, ухватился за сеть и, опутав своих противников "веревками человечности и любви", пытался осторожно затащить их в пропасть.

СМЕШАННАЯ КОМИССИЯ.

В восемь часов утра 16 августа была сформирована смешанная комиссия, в которую вошли с каждой стороны по два князя, два юриста и три теолога. В римской партии были герцог Генрих Брауншвейгский, епископ Аугсбургский, канцлеры Бадена и Кельна с Эком, Кохлусом и Вимпиной; со стороны протестантов были маркграф Георг Бранденбургский, принц курфюрст Саксонии, канцлеры Брюк и Хеллер с Меланхтоном, Бренцем и Шнепфом. [754]

Они согласились взять за основу Исповедание евангельских государств и начали читать его постатейно. Римские богословы проявили неожиданную снисходительность. Из двадцати одной догматической статьи было только шесть или семь, против которых они высказали какие-либо возражения. Первородный грех на какое-то время остановил их: в конце концов они пришли к взаимопониманию; протестанты признали, что Крещение снимает вину за грех, а паписты согласились, что оно не смывает похоть. Что касается Церкви, то они допускали, что в

ней есть освященные люди и грешники; они совпадали также по исповеданию. Протестанты особенно отвергали как невозможное перечисление всех грехов, предписанных Римом. Доктор Эк согласился с этим доводом. [755]

Оставались только три доктрины, по которым они расходились.

Первым было Покаяние. Римские врачи учили, что оно состоит из трех частей: раскаяния, исповеди и удовлетворения. Протестанты отвергали последнее, и романисты, ясно понимая, что с удовлетворением отвергнут индульгенции, чистилище вместе с другими их доктринами и выгодами, энергично поддерживали его. "Мы согласны, - сказали они, - что епитимья, налагаемая священником, не освобождает от вины за грех, но мы утверждаем, что необходимо добиться смягчения наказания".

РИМСКОЕ ПРИТВОРСТВО.

Вторым спорным моментом было обращение к Святым; а третьим, и главным, было Оправдание верой. Для романистов было чрезвычайно важно поддерживать благотворное влияние произведений: вся их система, в действительности, была основана на этом. Эк поэтому надменно объявила войну утверждение о том, что одна вера оправдывает. "Это слово *единственного*," сказал он, "мы не можем мириться. Это порождает скандалы и делает людей жестокими и нечестивыми. Давайте вернем *подошву* сапожнику". [756]

Но протестанты не захотели слушать подобные рассуждения; и даже когда они задавали друг другу вопрос, должны ли мы утверждать, что только вера оправдывает нас безвозмездно? "Несомненно, несомненно, - преувеличенно воскликнул один из них, - *безвозмездно и бесполезно*". [757] Они даже приводили странные авторитетные источники: "Платон, - говорили они, - утверждает, что Богу поклоняются не внешними делами, а добродетелями; и каждый знает эти стихи Катона:

"Si deus est animus, nobis ut carmina dicunt,
Hic tibi precipue pura sit mente colendus." [758]

"Конечно, - продолжали римские богословы, - мы говорим только о делах, совершенных с благодарью; но мы говорим, что в таких делах есть нечто достойное". Протестанты заявили, что не могут этого допустить.

Однако они сблизилась сверх всякой надежды. Римские богословы, ясно понимая свою позицию, намеревались скорее казаться согласными, чем быть таковыми на самом деле. Всем известно, например, что протестанты отвергали пресуществование; но поскольку статью Исповедания по этому вопросу можно было понимать в римском смысле, паписты признали это. Их триумф был лишь отсрочен. Общие выражения, которые использовались во всех спорных пунктах, позволили бы несколько позже дать Исповеданию римское толкование; церковная власть объявила бы это единственно верным; и Рим, благодаря нескольким моментам притворства, таким образом, вновь взойшел бы на трон. Разве мы не видели в наши дни, как Тридцать девять статей англиканской церкви интерпретировались в соответствии с Тридентским собором? Есть причины, по которым ложь никогда не дает о себе знать. Этот заговор был столь же искусно исполнен, сколь и глубоко задуман.

Члены Комиссии были в наилучших отношениях друг с другом, и согласие, казалось, восстановилось. Одно-единственное беспокойство нарушило этот счастливый момент: мысль ландграфа: "Не зная, что мы почти договорились, - сказали они, - этот молодой безумец, несомненно, уже собирает свою армию; мы должны вернуть его и сделать свидетелем нашего сердечного союза". Утром 13-го один из членов Комиссии (герцог Генрих Брауншвейгский) в сопровождении советника императора отправился выполнять эту трудную миссию. [759] Герцог Георг Саксонский занял свое место арбитра.

Теперь они перешли от первой части Исповеди ко второй: от доктрин к злоупотреблениям. Здесь римские богословы не могли так легко уступить, ибо, если бы они, казалось, согласились с протестантами, с честью и властью иерархии было бы покончено. Соответственно, именно на этот период боя они прибегли к своей хитрости и силе.

Они начали с того, что сблизились с протестантами настолько близко, насколько могли, ибо чем больше они давали, тем больше могли привлечь к себе внимание Реформаторов и задушить их. "Мы думаем, - сказали они, - что с разрешения его святейшества и одобрения его величества мы сможем разрешить до следующего собора причащение в обоих видах, где бы оно уже ни практиковалось; только ваши служители должны проповедовать на Пасху, что это не является Божественным установлением и что Христос полностью присутствует в каждом виде. [760]

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС.

"Более того, - продолжали они, - что касается женатых священников, желающих пощадить бедных женщин, которых они соблазнили, обеспечить содержание их невинных детей и предотвратить всякого рода скандалы, мы будем терпеть их до следующего собора, и тогда мы увидим, не будет ли правильным постановить, что женатые мужчины могут быть приняты в священный сан, как это было в первоначальной Церкви на протяжении многих веков. [761]

"Наконец, мы признаем, что жертвоприношение Мессы - это тайна, представление, жертва памяти, воспоминание о страданиях и смерти Христа, совершенных на кресте". [762]

Это давало многое, но настал черед протестантов, ибо если казалось, что Рим дает, то только для того, чтобы взять взамен.

Главным вопросом была Церковь, ее содержание и управление: кто должен обеспечивать ее? Они видели только два средства: князя или епископы. Если они боялись епископов, они должны были решать за князей; если они боялись князей, они должны были решать за епископов. В то время они были слишком далеки от нормального состояния, чтобы найти третье решение и понять, что Церковь должна поддерживаться самой Церковью - христианским народом. "Светские князья в долгосрочной перспективе будут неплательщиками перед правительством Церкви", - заявили саксонские богословы в своем заключении, представленном ими 18 августа; "они не годятся для исполнения этого закона, и, кроме того, это обойдется им слишком дорого: [763] епископы, напротив, обладают имуществом, предназначенным для покрытия этого обвинения".

Таким образом, предполагаемая недееспособность государства и страх, который они питали по поводу его безразличия, бросили протестантов в объятия иерархии.

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Поэтому они предложили вернуть епископам их юрисдикцию, поддержание дисциплины и надзор за священниками при условии, что они не будут преследовать евангельское учение и не будут притеснять пасторов нечестивыми обетами и бременем. "Мы не можем, - добавляли они, - без веских причин нарушать тот порядок, по которому епископы стоят над священниками и который существовал в Церкви с самого начала. Менять порядок правления опасно перед Господом ". Их аргумент основан не на Библии, как можно видеть, а на церковной дисциплине.

Протестантские богословы пошли еще дальше и, сделав последний шаг, который казался решающим, согласились признать папу Римского верховным епископом Христианского мира (но по праву человека). "Хотя папа является антихристом, мы можем находиться под его властью, как евреи были под властью фараона, а позже под властью Каиафы". Мы должны признать, что эти два сравнения не были лестными для папы. "Только, - добавили врачи, - пусть здравая доктрина будет полностью принята нами".

Один только канцлер Брюк, похоже, осознал правду: он твердой рукой написал на полях: "Мы не можем признать папу, потому что мы называем его антихристом и потому что он претендует на первенство божественного права". [764]

Наконец, протестантские богословы согласились договориться с Римом относительно безразличных церемоний, постов и форм богослужения; и курфюрст обязался наложить арест на церковную собственность, уже секуляризованную, до решения следующего собора.

ПРИТВОРНОЕ СОГЛАСИЕ.

Никогда еще консервативный дух лютеранства не проявлялся так отчетливо. "Мы пообещали нашим противникам уступить им некоторые пункты церковного управления, которые могут быть выполнены без ущерба для совести", - писала Меланхтон. [765] Но он начал сильно сомневаться, не повлекут ли за собой церковные уступки и доктринальные уступки. Реформа отдалялась..... еще несколько сажений, и она была потеряна. В ее рядах уже начали распространяться разобщенность, беспокойство и ужас. Меланхтон стал более инфантильным, чем ребенок, сказал один из его друзей; [766] и все же он был так взволнован, что канцлер Люненбурга высказал некоторые возражения против этих беспрецедентных уступок, маленький магистр искусств гордо поднял голову и сказал резким и хриплым тоном: "Тот, кто осмеливается утверждать, что указанные средства не являются христианскими, является преступником". лжец и негодяй". [767], За что канцлер немедленно отплатил ему его же монетой. Однако эти выражения не могут умалить репутации Меланхтона как человека мягкого. После стольких бесполезных усилий он был измотан, раздражен, и его слова ранили тем сильнее, что от него их меньше всего ожидали. Не он один был деморализован. Бренц казался неуклюжим, грубым и нецивилизованным; канцлер Келлер ввел в заблуждение благочестивого маркграфа Бранденбурга и превратил мужество этого принца в малодушие: у курфюрста не осталось другой человеческой поддержки, кроме его канцлера Брюка. И даже этот твердый человек начал беспокоиться о своей изоляции.

ПИСЬМА ЛЮТЕРА.

Но он был не одинок: самые серьезные протесты поступали извне. "Если это правда, что вы идете на такие уступки, - сказали их перепуганные друзья саксонским богословам, - христианской свободе пришел конец. [768] Каково ваше мнимое согласие? густое облако, которое вы поднимаете в воздух, чтобы затмить солнце, которое начинало освещать Церковь.

[769] Никогда христианский народ не примет условия, столь противоречащие Слову Божьему; и вашей единственной выгодой будет предоставление врагам Евангелия благовидного предложения убивать тех, кто остается верным ему ". Среди мирян эти убеждения были общими. "Лучше умереть с Иисусом Христом", - сказал весь Аугсбург, [770] "чем снискать благосклонность всего мира без него!"

Никто не испытал такой тревоги, как Лютер, в тот момент, когда он увидел великолепное здание, воздвигнутое Богом своими руками на грани разрушения в Меланхтоне. В день, когда пришло это известие, он написал пять писем — Курфюрсту, Меланхтону, Спалатину, Джонасу и Бренцу, все они были одинаково полны мужества и веры.

"Я узнал, - сказал он, - что вы начали чудесную работу, а именно, привели Лютера и Папу в гармонию; но папа не желает, и Лютер просит извинить его. [771] И если, несмотря на них, ты преуспеешь в этом деле, то по твоему примеру Я соединю Христа и Велиала.

"Мир, который я знаю, полон спорщиков, которые затемняют доктрину оправдания верой, и фанатиков, которые ее преследуют. Не удивляйтесь этому, но продолжайте мужественно защищать это, ибо именно пята семени женщины поразит голову змея. [772]

"Остерегайтесь также юрисдикции епископов, опасаясь, что вскоре нам придется возобновить более ужасную борьбу, чем первая. Они будут принимать наши уступки широко, очень широко, всегда шире, и будут давать нам свои узко, очень узко и всегда еще более узко. [773] Все эти переговоры невозможны, если папа не откажется от своего папства.

"Действительно, хорошенький мотив выдвигают наши противники! Они говорят, что не смогут обуздать своих подданных, если мы повсюду не опубликуем, что у них есть для них истина: как будто Бог только учил своему Слову, чтобы наши враги могли по своему усмотрению тиранить их народ.

СЛОВО ПРЕВЫШЕ ЦЕРКВИ.

"Они кричат, что мы осуждаем всю Церковь. Нет, мы не осуждаем это; но что касается их, то они осуждают все Слово Божье, а Слово Божье - это больше, чем Церковь". [774]

Это важное заявление реформаторов решает спор между евангельскими христианами и папством: к сожалению, мы часто видели, как протестанты возвращались в этом фундаментальном вопросе к ошибке Рима и ставили видимую Церковь выше Слова Божьего.

"Сейчас я пишу вам, - продолжает Лютер, - чтобы вы поверили вместе со всеми нами (и благодаря послушанию Иисусу Христу), что Кампеджио - известный демон. [775] Я не могу выразить, насколько сильно взволновали меня эти условия, которые вы предлагаете. План Кампеджио и папы состоял в том, чтобы испытать нас сначала угрозами, а затем, если они не преуспеют, хитростью; вы одержали победу над первой атакой и выдержали ужасное пришествие Цезаря; теперь перейдем ко второй. Действуйте смело и не уступайте противникам, за исключением того, что может быть доказано доказательствами из самого Слова Божьего.

"Но если, не дай Бог! вы не выдвигаете всего Евангелия; если, напротив, вы запираете этого славного орла в мешок; Лютер, не сомневайтесь в этом!—Лютер придет и со славой доставит орла. [776] Несомненно, что это будет сделано, пока жив Христос!"

ПАПИСТСКОЕ УВЛЕЧЕНИЕ.

Так говорил Лютер, но напрасно: все в Аугсбурге клонилось к разорению; у Меланхтона на глазах была повязка, которую ничто не могло сорвать. Он больше не слушал Лютера и не заботился о популярности. "Нам не подобает, - сказал он, - поддаваться на крики вульгаристов: [777] мы должны думать о мире и о потомстве. Если мы отменим епископальную юрисдикцию, каковы будут последствия для наших потомков? Светские власти не заботятся об интересах религии. [778] Кроме того, слишком большое различие в Церквях вредит миру: мы должны объединиться с епископами, чтобы позор раскола не поглотил нас навсегда ". [779]

Они слишком охотно прислушивались к Меланхтону и энергично трудились над тем, чтобы привязать к папству узами иерархии Церковь, которую Бог чудесным образом освободил. Протестантизм с завязанными глазами бросился в сети своих врагов. Уже серьезные голоса возвещали о возвращении лютеран в лоно Римской церкви. "Они готовят свое дезертирство и переходят к папистам", - сказал Цвингле. [780] Политичный Карл Пятый действовал так, что ни одно надменное слово не могло скомпрометировать победу; но римское духовенство не могло совладать с собой: их гордыня, их дерзость возрастали с каждым днем. "Никогда не поверишь, - сказала Меланхтон, - в торжествующий вид, который напускают на себя паписты". На то были веские причины! соглашение было на грани заключения: еще один или два шага.....и тогда горе Реформе!

Кто мог бы предотвратить это опустошающее разорение? Именно Лютер произнес имя, к которому должны быть обращены все взоры: "Христос жив, - сказал он, - и тот, благодаря кому было побеждено насилие наших врагов, даст нам силу преодолеть их козни". На самом деле это был единственный ресурс, и он не подвел Реформу.

НОВОЕ ПОРУЧЕНИЕ.

Если римская иерархия была готова, при определенных допустимых условиях, принять протестантов, готовых капитулировать, с ними все было кончено. Когда-то оно держало их в своих объятиях, оно бы задушило их; но Бог ослепил папство и таким образом спас свою Церковь. "Никаких уступок", - провозгласил римский сенат; и Кампеджио, окрыленный своей победой, повторил: "Никаких уступок!" Он перевернул небо и землю, чтобы разжечь католическое рвение Карла в этот решающий момент. От императора он перешел к принцам. "Безбрачие, исповедь, изъятие чаши, частные мессы! - воскликнул он. - все это обязательно: у нас должно быть все". Это говорило евангельским христианам, как самниты древним римлянам: "Вот развилки Каудина: проходите через них!"

Протестанты увидели это иго и содрогнулись. Бог возродил мужество исповедников в их ослабевших сердцах. Они подняли головы и отвергли эту унижительную капитуляцию. Комиссия была немедленно распущена.

Это было великое избавление, но вскоре возникла новая опасность. Евангельские христиане должны были немедленно покинуть Аугсбург; но, сказал один из них, [781] "Сатана, замаскированный под ангела света, ослепил их разум". Они остались.

Для Рима еще не все было потеряно, и дух лжи и коварства мог снова возобновить свои атаки.

При дворе считалось, что это неприятное прекращение работы комиссии должно было быть приписано некоторым недалеким людям, и в частности герцогу Георгу. Поэтому они решили назначить еще одного, состоящего всего из шести членов: с одной стороны, Экка с канцлерами Кельна и Бадена; с другой стороны, Меланхтона с канцлерами Брюка и Хеллера. Протестанты согласились, и все началось заново.

ТВЕРДОСТЬ ЛАНДГРАФА.

Затем тревога возросла среди самых решительных последователей Реформации. "Если мы постоянно подвергаем себя новым опасностям, не должны ли мы в конце концов уступить?" [782] Депутаты Нюрнберга, в частности, заявили, что их город никогда больше не попадет под ненавистное иго епископов. "Меланхтон следует совету нерешительного Эразма", - сказали они. "Скажи лучше об Ахитофеле" (2 Цар. xv.), - отвечали другие. "Как бы то ни было, - добавили они, - если бы папа купил Меланхтона, последний не смог бы сделать ничего лучшего, чтобы обеспечить ему победу". [783]

Ландграф был особенно возмущен такой трусостью. "Меланхтон, - писал он Цвингле, - ходит задом наперед, как краб". [784] Из Фридвальда, куда он вернулся после своего бегства из Аугсбурга, Филипп Гессенский попытался остановить падение протестантизма. "Когда мы начинаем уступать, мы всегда уступаем больше", - писал он своим министрам в Аугсбурге. "Поэтому объявите моим союзникам, что я отвергаю эти вероломные соглашения. Если мы христиане, то мы должны стремиться не к нашей собственной выгоде, а к утешению стольких уставших и страдающих душ, для которых нет спасения, если мы отнимем Слово Божье. Епископы не являются настоящими епископами, поскольку они говорят не в соответствии со Священным Писанием. Что произойдет, если мы признаем их? Они сместили бы наших служителей, притеснили Евангелие, восстановили бы древние злоупотребления, и последнее состояние было бы хуже первого. Если паписты позволяют свободно проповедовать чистое Евангелие, давайте придем к взаимопониманию с ними; ибо истина будет сильнейшей и искоренит все остальное. Но если нет! — Нет. Сейчас самый подходящий момент не для того, чтобы уступать, а для того, чтобы оставаться твердым даже до самой смерти. Поставьте в тупик эти устрашающие комбинации Меланхтона и скажите от моего имени, чтобы городскими депутатами были мужчины, а не женщины. [785] Давайте ничего не бояться: с нами Бог".

ДВА ПРИЗРАКА.

Меланхтон и его друзья, подвергшиеся таким нападкам, пытались оправдаться: с одной стороны, они утверждали, что если они сохраняют доктрину, это окончательно свергнет иерархию. Но тогда зачем восстанавливать его? Не было ли более чем сомнительно, что доктрина, настолько ослабленная, все еще сохранит силу, достаточную, чтобы поколебать папство? С другой стороны, Меланхтон и его друзья указали на двух призраков, перед которыми они в ужасе сжались. Первой была *война*: по их мнению, она была неизбежна. "Это не только, — говорили они, — бесчисленные мирские бедствия, которые это принесет с собой, - опустошение Германии, убийства, надругательства, святотатство, грабеж; но это произведет духовное зло, еще более ужасное, и неизбежно вызовет потрясение всей религии". [786] Вторым фантомом было верховенство государства. Меланхтон и его друзья предвидели зависимость, в которую князья низведут Церковь, растущую секуляризацию ее институтов и инструментов, духовную смерть, которая наступит в результате, и они с ужасом отшатнулись от ужасающей перспективы. "Добрые люди не думают, что суд должен регулировать служение Церкви", [787]

сказал Бренц. "Разве вы сами не испытали, - иронически добавил он, - с какой мудростью и мягкостью эти невежи (так я называю чиновников и префектов князей) обращаются со служителями Церкви и с самой Церковью. Лучше умереть семь раз!" — "Я вижу, - воскликнула Меланхтон, - какая у нас будет Церковь, если церковное управление будет упразднено. В будущем я обнаружу тиранию гораздо более невыносимую, чем та, которая существовала до сих пор". [788] Затем, подавленный обвинениями, которые сыпались на него со всех сторон, несчастный Филипп воскликнул: "Если это я вызвал эту бурю, я молю его величество бросить меня, как Иону, в море и вытащить только для того, чтобы предать пыткам и костру". [789]

РИМ И ХРИСТИАНСТВО.

Когда римское епископство было однажды признано, все казалось простым. В "Совершении Шести" они уступили чашу мирянам, брак - пасторам, а пункт о молитве святым не имел большого значения. Но они остановились на трех доктринах, от которых евангелисты не могли отказаться. Первым была необходимость удовлетворения человека за отпущение греховных наказаний; вторым - идея чего-то достойного в каждом добром деле; третьим - полезность частных месс. "Ах! - быстро ответил Кампеджио Карлу Пятому. - Я предпочел бы, чтобы меня разрезали на куски, чем допустить что-либо в отношении Месс". [790]

"Как! - ответили политики. - Когда вы придете к согласию по всем великим доктринам спасения, неужели вы навсегда разорвете единство Церкви из-за трех таких ничтожных пунктов? Пусть теологи предпримут последнее усилие, и мы увидим, как две партии объединятся, а Рим примет Виттемберг".

РАЗДРАЖЕНИЕ.

Это было не так: под этими тремя пунктами скрывалась целая система. Со стороны римлян они придерживались идеи, что определенные дела обретают Божественное благоволение независимо от расположения того, кто их совершает, и в силу воли Церкви. Евангелисты, напротив, были убеждены, что эти внешние таинства были всего лишь человеческими традициями, и что единственное, что принесло человеку Божественную милость, - это работа, которую Бог совершил Христом на кресте; в то время как единственное, что дало ему эту милость, - это работа возрождения, которую Христос совершает своим Духом в сердце грешника. Католики, сохраняя свои три статьи, говорили: "Церковь спасает", что является основным учением Рима; евангелисты, отвергая их, говорили: "только Иисус Христос спасает", что является самим христианством. Это великая противоположность, которая существовала тогда и которая до сих пор разделяет две Церкви. С этими тремя пунктами, которые ставили души в зависимость от Рима, Рим справедливо рассчитывал все вернуть; и своей настойчивостью она показала, что понимает свое положение. Но евангелисты не были расположены отказываться от своего. Христианский принцип был поддержан вопреки церковному принципу, который стремился поглотить его: Иисус Христос твердо стоял в присутствии Церкви, и было видно, что отныне все совещания были излишни.

Время поджигало: два с половиной месяца Карл Пятый трудился в Аугсбурге, и его гордость пострадала из-за того, что четыре или пять теологов помешали триумфальному продвижению завоевателя Павии. "Как? - сказали они ему. - Нескольких дней было достаточно, чтобы свергнуть короля Франции и папу Римского, а вы не можете добиться успеха с этими Евангелистами!" Они решили прекратить конференции. Эх, раздраженный тем, что ни хитрость,

ни террор не возымели эффекта, не мог овладеть собой в присутствии протестантов. "Ах! - воскликнул он в момент расставания. - почему император, когда он въехал в Германию, не произвел всеобщего расследования в отношении лютеран? Тогда он услышал бы высокомерные ответы, стал свидетелем чудовищ ереси, и его рвение, внезапно вспыхнувшее, привело бы его к уничтожению всей этой фракции. [791] Но теперь мягкий язык Брюка и уступки Меланхтона не позволяют ему так разозлиться, как того требует дело ". Эк произнес эти слова с улыбкой; но они выразили все его мысли. Беседа завершилась 30 августа.

Римские государства представили свой отчет императору. Они стояли лицом к лицу, всего в трех шагах друг от друга, ни одна из сторон не могла приблизиться даже на волосок.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ.

Таким образом, Меланхтон потерпел неудачу; и его огромные уступки были признаны бесполезными. Из ложного миролюбия он положился на невозможное. В глубине души Меланхтон был истинным христианином. Бог уберег его от великой слабости и сломал ключ, который должен был привести его к гибели. Ничто не могло быть более удачным для Реформации, чем поражение Меланхтона; но в то же время ничто не могло быть более удачным для него самого: его друзья видели, что, хотя он был готов уступить от многого, он не мог зайти так далеко, чтобы уступить самому Христу, и его поражение оправдывало его в глазах протестантов.

Курфюрст Саксонии и маркграф Бранденбургский послали просить разрешения Карла уехать. Последний сначала довольно грубо отказался, но в конце концов начал умолять принцев не создавать своим отъездом новых препятствий для договоренностей, которые, как они надеялись, вскоре удастся заключить. [792] Мы увидим, какого характера были эти договоренности.

Они, казалось, удвоили свои усилия. Если они сейчас упустят ключ, он потерян навсегда: соответственно, они трудились над воссоединением двух концов. Проводились совещания в садах, в церквях Святого Георгия, Святого Маврикия между герцогом Брауншвейгским и Иоганном Фредериком, сыном курфюрста, канцлерами Бадена и Саксонии, канцлером Льежа и Меланхтоном; но все эти попытки были безрезультатны. Они собирались прибегнуть к другим средствам.

Карл Пятый решил взять дело в свои руки и разрубить Гордиев узел, который не могли развязать ни врачи, ни принцы. Раздраженный тем, что его ухаживания были отвергнуты, а его авторитет скомпрометирован, он подумал, что настал момент обнажить меч. 4 сентября члены римской партии, которые все еще пытались привлечь на свою сторону протестантов, нашептали эти ужасные намерения на ухо Меланхтону. "Мы едва осмеливаемся упоминать об этом, - сказали они. - меч уже в руках императора, и некоторые люди раздражают его все больше и больше. Его нелегко вывести из себя, но разозлившись, успокоить его невозможно ". [793]

ТРЕВОГА В РИМЕ.

У Карла были причины казаться требовательным и грозным. В конце концов он добился от Рима неожиданной уступки - созыва собора. Климент VII. он изложил Собранию просьбу Императора: "Как люди, отвергающие древние соборы, подчинятся новому?" они ответили. Климент сам не желал такого собрания. Его рождение и его поведение заставляли его в равной степени бояться

этого. [794] Однако его обещания в замке Святого Анджело и в Болонье не позволили ему дать решительный отказ. Поэтому он ответил, что "лекарство было бы хуже болезни; [795] но что, если император, который был таким добрым католиком, сочтет собор абсолютно необходимым, он согласится на него, однако, при четком условии, что протестанты тем временем подчинятся доктринам и обрядам Церкви ". Затем местом встречи он назначил Рим!

Едва весть об этой уступке распространилась за границей, как страх перед Реформацией заморозил папский двор. Публичные обвинения папства, которые были в целом продажными, немедленно упали, говорит кардинал, и были предложены по самой низкой цене, [796] даже не имея возможности найти покупателей. [797] Папство было скомпрометировано; товар оказался в большой опасности; и *текущие цены* на римской бирже немедленно упали.

В среду, 7 сентября, в два часа пополудни, когда протестантские князья и депутаты были введены в покои Карла Пятого, граф палатин сказал им, "что император, учитывая их малочисленность, не ожидал, что они будут поддерживать новые секты, противоречащие древним обычаям Вселенской Церкви; что, тем не менее, желая до последнего казаться исполненным доброты, он потребует от его Святейшества созыва собора; но что тем временем они должны немедленно вернуться в лоно Католической церкви и восстановить все на прежних основаниях". [798]

УГРОЗЫ.

На следующий день, 8 сентября, протестанты ответили, что они не разжигали новых сект, противоречащих Священному Писанию; [799] что, как раз наоборот, если они не согласились со своими противниками, то это потому, что они хотели остаться верными Слову Божьему; что, созвав в Германии всеобщий, свободный и христианский собор, он лишь выполнит то, что предшествовало diets обещали, но ничто не должно было заставить их восстановить в своих церквях порядок вещей, противоречащий заповедям Божиим.

Было восемь часов вечера, когда после долгого обсуждения протестантов снова вызвали. "Его величество, - сказал им Джордж Траксес, - одинаково удивлен как тем, что члены комиссий-католики согласились на столь многое, так и тем, что члены-протестанты отказались от всего. На чьей вы стороне в присутствии его императорского величества, его папского святейшества, курфюрстов, принцев, сословий Империи и других королей, правителей и властителей Христианского мира? Всего лишь справедливо, что меньшинство должно уступить большинству. Вы хотите, чтобы процесс примирения затянулся, или вы упорствуете в своем ответе? Говорите откровенно, ибо, если вы будете упорствовать, император немедленно позаботится о защите Церкви. Завтра в час дня вы вынесете свое окончательное решение.

Никогда еще из уст Карла не слетали такие угрожающие слова. Было очевидно, что он хотел подчинить протестантов террором; но эта цель не была достигнута. Они ответили только на следующий день — им был предоставлен еще день, — что новые попытки примирения только утомят императора и сейм; что им нужны постановления только для поддержания политического мира до созыва совета. [800] "Достаточно, - ответил грозный император. - Я подумаю об этом; но пока пусть никто не покидает Аугсбург".

ССОРЫ.

Карл Пятый запутался в лабиринте, из которого не знал, как выбраться. Государство решило вмешаться в дела Церкви и сочло себя вынужденным немедленно прибегнуть к своему *ultima ratio*— мечу. Карл не желал войны, и все же как он мог теперь избежать ее? Если он не выполнит свои угрозы, его достоинство будет подорвано, а его авторитет подвергнут презрению. Он искал выход то с одной, то с другой стороны, но не мог найти его. Поэтому ему оставалось только закрыть глаза и броситься вперед, не зная, что может произойти. Эти мысли тревожили его, эти заботы преследовали его; он был совершенно сбит с толку.

Именно теперь курфюрст, посланный умолять Карла не обижаться, если он покинет Аугсбург. "Пусть он подождет моего ответа", - резко ответил император, и курфюрст ответил, что пошлет своих министров объяснить его величеству свои мотивы: "Не так много речей, - раздраженно повторил Карл. - пусть курфюрст скажет, останется он или нет!" [801]

ПРОТЕСТАНТИЗМ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ.

Слух о ссоре между этими двумя могущественными князьями распространился повсюду, тревога стала всеобщей; считалось, что война вспыхнет немедленно, и по всему Аугсбургу раздался громкий крик. [802] Был вечер; люди бегали взад и вперед; они врывались в гостиницы принцев и протестантских депутатов и обращались к ним с самыми суровыми упреками. "Его императорское величество, - сказали они, - собирается прибегнуть к самым энергичным мерам!" Они даже объявили, что начались военные действия: ходили слухи, что командующий Хорнеком (Вальтер Кронбергский), избранный императором великим магистром Тевтонского ордена, собирается войти в Пруссию с армией и лишить собственности герцога Альберта, обращенного Лютером. [803] Две ночи подряд повторялись одни и те же беспорядки. Они кричали, они ссорились, они дрались, особенно в особняках принцев и перед ними: в Аугсбурге война почти началась.

Во время этого кризиса (12 сентября) Иоганн Фредерик, принц-выборщик Саксонии, покинул город.

В тот же день или на следующий день Иероним Вехе, канцлер Бадена, и граф Трюхсес, с одной стороны, канцлер Брюк и Меланхтон - с другой, встретились в шесть утра в церкви Святого Маврикия. [804]

Чарльз, несмотря на свои угрозы, не мог решиться на применение силы. Без сомнения, он мог бы одним-единственным словом, сказанным своим испанским отрядам или немецким ланскнецам, схватить этих непреклонных людей и обращаться с ними, как с маврами. Но как мог Карл, нидерландец, испанец, который десять лет отсутствовал в Империи, осмелиться, не поднимая на ноги всю Германию, применить насилие к любимцам нации? Разве сами римско-католические князья не усмотрели бы в этом акте ущемление своих привилегий? Война была несвоевременной. "Лютеранство уже распространяется от Балтики до Альп", - писал Эразм легату: "Вам остается только одно: терпеть это". [805]

Переговоры, начатые в церкви Святого Морица, были продолжены между маркграфом Бранденбургским и графом Трюхзесом. Римская партия стремилась лишь сохранить видимость и, кроме того, не колеблясь, пожертвовала всем. В нем требовалось лишь несколько театральных декораций — чтобы Месса была отслужена в священническом облачении, с

пением, чтением, церемониями и двумя канонами. [806] Все остальное было передано следующему собору, и протестанты до тех пор должны вести себя так, чтобы отчитаться перед Богом, советом и его величеством.

УВЕЩЕВАНИЕ ЛЮТЕРА.

Но ветер переменился и на стороне протестантов. Теперь у них больше не будет мира с Римом: пелена наконец спала с их глаз, и они с ужасом обнаружили пропасть, в которую они так чуть не погрузились. Джонас, Спалатин и даже Меланхтон были согласны. "До сих пор мы соблюдали заповедь святого Павла: *Будьте в мире со всеми людьми*, - сказали они. - Теперь мы должны соблюдать заповедь Христа: *Берегитесь фарисейской закваски, которая есть лицемерие*. На стороне наших противников нет ничего, кроме хитрости и вероломства, и их единственная цель - задушить наше учение, которое является самой истиной. [807] Они надеются спасти отвратительные статьи о Чистилище, Индальгенциях и Папстве, потому что мы прошли мимо них молчанием. [808] Давайте остерегаться предавать Христа и Его Слово в угоду антихристу и дьяволу". [809]

В то же время Лютер удвоил свои призывы отозвать своих друзей из Аугсбурга. "Возвращайтесь, возвращайтесь, - кричал он им. - возвращайтесь, даже если это неизбежно, проклятые папой и императором. [810] Вы исповедовали Иисуса Христа, предлагали мир, повиновались Чарльзу, поддерживали оскорбления и терпели богохульства. Я канонизирую вас, я, как верных членов Иисуса Христа. Вы сделали достаточно, и более чем достаточно: теперь дело за Господом, и он будет действовать! У них есть наше Исповедание, у них есть Евангелие; пусть они примут его, если захотят; а если не захотят, пусть уходят. Если начнется война, пусть она начнется! Мы достаточно молились; и мы достаточно обсуждали. Господь готовит наших противников как жертву для жертвоприношения; он разрушит их величие и освободит свой народ. Да! он защитит нас даже от Вавилона и его пылающих стен".

КУРФЮРСТ САКСОНИИ.

XII. Таким образом, Лютер подал сигнал к отправлению. Они откликнулись на призыв Реформатора и все приготовились покинуть Аугсбург в субботу, 17 сентября. В десять часов вечера герцог Эрнест Люнебургский собрал депутатов Нюрнберга и министров ландграфства в своей гостинице и объявил им, что курфюрст решил уехать на следующее утро, никого не предупредив, и что он будет сопровождать его. "Храните тайну, - сказал он им, - и знайте, что, если мир не может быть сохранен, для меня будет пустяком потерять в борьбе с вами все, что дал мне Бог". [811]

Приготовления курфюрста выдали его намерения. Посреди ночи герцог Генрих Брауншвейгский поспешно прибыл в свой отель, умоляя его подождать, [812] и ближе к утру графы Трюхзес и Мансфельдт объявили, что завтра между семьей и восьмью император вручит ему его *конге*.

В понедельник, 19 сентября, курфюрст, намеревавшийся покинуть Аугсбург сразу после аудиенции у Карла, позавтракал в семь часов, затем отправил свой багаж и поваров, [813] и приказал своим офицерам быть готовыми к десяти часам. В тот момент, когда Джон вышел из

отеля, чтобы прислуживать императору, все члены его семьи были выстроены по бокам, в сапогах и со шпорами; [814] но после того, как его представили Чарльзу, его попросили подождать еще два, четыре или шесть дней.

АУГСБУРГСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.

Как только курфюрст остался наедине со своими союзниками, его возмущение вырвалось наружу, и он даже пришел в ярость. "Эта новая задержка закончится ничем", - [815] сказал он; "Я решил отправиться в путь, будь что будет. Судя по тому, как все устроено, мне кажется, что теперь я полностью похож на заключенного". Маркграф Бранденбургский умолял его успокоиться. "Я пойду", - все еще отвечал курфюрст. Наконец он сдался и, снова появившись перед Карлом Пятым, сказал: "Я подожду до следующей пятницы; и, если к тому времени ничего не будет сделано, я немедленно уеду".

Велика была тревога протестантов в течение этих четырех дней ожидания. Большинство из них не сомневались, что, вняв молитвам Карла, они предали себя в руки своих врагов. "Император раздумывает, следует ли ему повесить нас или оставить в живых", - писал Бренц. [816] Новые переговоры Truchses не увенчались успехом. [817]

Все, что теперь оставалось императору, - это составить, совместно с римскими государствами, *перерыв* в работе сейма. Это было сделано; и, чтобы протестанты не могли жаловаться на то, что он был подготовлен без их ведома, он собрал их в своем дворце в четверг, 22 сентября, за день до того, как был назначен отъезд курфюрста, и граф-палатин зачитал им свой проект. Этот проект был оскорблением и войной. Император предоставил курфюрсту, пяти принцам и шести городам, [818] отсрочку на шесть месяцев, до 15 апреля следующего года, для достижения соглашения с Церковью, Папой Римским, императором и всеми принцами и монархами христианского мира. Это ясно указывало им на то, что романисты были очень рады отсрочить до обычного срока ввода армий в бой.

РАЗДРАЖАЮЩИЙ ЯЗЫК.

И это было еще не все: отсрочка была предоставлена только при четком условии, что протестанты немедленно присоединятся к императору в усмирении анабаптистов и всех тех, кто выступал против святого причастия, под которым подразумевались цвинглианские города. Он хотел таким образом связать руки протестантам и помешать двум семьям Реформаторов объединиться зимой.

Наконец, протестантам было запрещено вносить какие-либо новшества, печатать или продавать что-либо, касающееся объектов веры, или привлекать кого бы то ни было в свою *секту*, "поскольку это Исповедание было основательно опровергнуто Священным Писанием". Таким образом, они официально объявили Реформусектой, причем сектой, противоречащей Слову Божьему.

Ничто так не было рассчитано на недовольство друзей Евангелия, которые оставались в присутствии Чарльза удивленными, встревоженными и возмущенными. [819] Это было предвидено; и в тот момент, когда протестанты собирались войти в покои императора, Трухсес и Вехе, делая им знаки, таинственным образом сунули им в руки бумагу, содержащую обещание, что, если 15 апреля протестанты потребуют продления отсрочки, их просьба, несомненно, будет удовлетворена. [820] Но Брюк, которому был передан документ, не был обманут. "Хитрая засада,

- сказал он, - шедевр плутовства! Бог спасет своих и не допустит, чтобы они попали в ловушку". [821] На самом деле этот трюк только еще больше укрепил мужество протестантов.

ЗАПУГИВАНИЕ.

Брюккан, не обсуждая *перерыв* с политической точки зрения, ограничился тем, что было поставлено на карту главным образом, - Словом Божьим. "Мы утверждаем, - сказал он, - что наше Исповедание настолько основано на святом Слове Божьем, что опровергнуть его невозможно. Мы рассматриваем это как саму истину Божью и надеемся с ее помощью однажды предстать перед судилищем Господа". Затем он объявил, что протестанты опровергли Опровержение римских богословов, и, держа в руке знаменитую Апологию Аугсбургского исповедания, написанную Меланхтоном, выступил вперед и протянул ее Карлу Пятому. Пфальцграф взял его, и император уже протягивал руку, когда Фердинанд, прошептав несколько слов, сделал знак графу, который немедленно вернул Извинения доктору Брюку. [822] Эта статья и "Общие места" являются шедеврами Реформатора. Смущенный император велел протестантам прийти снова в восемь утра следующего дня.

Карл Пятый, решив использовать все средства, чтобы добиться принятия своего указа, начал с мольб; и едва маркграф Бранденбургский уселся за вечернюю трапезу, как перед ним предстали Трухсес и Вехе, которые пустились во все тяжкие, но безуспешно. [823]

На следующий день (пятница, 23 сентября) евангелические князья и депутаты городов собрались в пять часов утра в отеле "Маркграфство", там *решение о перерыве* было зачитано заново в присутствии Трухсеса и Вехе, и канцлер Брюк изложил семь причин его отклонения. "Я обязуюсь, - сказал Вехе, - перевести *перерыв* на немецкий язык таким образом, чтобы вы могли его принять. Что касается слова "*секта*", то, в частности, именно служащий поместил его туда по ошибке". [824] Посредники поспешно удалились, чтобы сообщить Чарльзу о жалобах протестантов.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ.

Карл и его министры отказались от всякой мысли о примирении и не надеялись ни на что, кроме страха. Протестанты прибыли в восемь часов в императорский дворец, и их заставили ждать целый час; затем курфюрст Бранденбургский сказал им от имени Карла: "Его величество безмерно удивлен тем, что вы все еще утверждаете, что ваше учение основано на Священном Писании. Если бы вы сказали правду, предки его величества, столько королей и императоров и даже предков курфюрста Саксонии, были бы еретиками! Нет ни Евангелия, ни Священного Писания, которые налагали бы на нас обязанность насильственно завладеть чужим имуществом и впоследствии говорить, что мы не можем добросовестно вернуть его. Именно по этой причине, - добавил Иоахим после этих слов, которые он сопровождал сардонической улыбкой, - мне поручено сообщить вам, что, если вы откажетесь от *перерыва*, все германские государства отдадут свои жизни и имущество в распоряжение императора, и сам его величество задействует ресурсы всех своих королевств, чтобы завершить это дело, прежде чем покинуть Империю".

"Мы этого не принимаем, - твердо ответили протестанты. — У его величества тоже есть совесть", - затем резким тоном продолжил курфюрст Бранденбургский. - "И если вы не подчинитесь, он будет договариваться с папой и другими властителями о наилучших средствах искоренения этой секты и ее новых заблуждений". Но напрасно они добавляли угрозу к угрозе: протестанты

оставались спокойными, уважительными и непоколебимыми. "Наши враги, лишенные всякого доверия к Богу, - говорили они, - затряслись бы, как тростинка, перед лицом гнева императора, и они воображают, что мы должны трепетать так же; но мы воззвали к Богу, и он сохранит нас верными своей истине".

Затем протестанты приготовились в последний раз проститься с императором. Этот принц, чье терпение подверглось суровому испытанию, подошел, чтобы пожать руку, согласно обычаю, и, начав с курфюрста Саксонии, сказал ему тихим голосом: "Дядя, дядя! Я никогда не ожидал этого от вас". Курфюрст был глубоко тронут: его глаза наполнились слезами, но, твердый и решительный, он склонил голову и оставил Карла без ответа. Было уже два часа дня.

ПОСЛАНИЯ МИРА.

В то время как протестанты возвращались в свои отели, спокойные и счастливые, римские принцы вернулись к себе, растерянные и удрученные, встревоженные и разделенные. Они не сомневались, что *conge*, который только что был дан протестантам, будет расценен ими как объявление войны и что, покинув Аугсбург, они бросятся к оружию. Эта мысль привела их в ужас. Соответственно, курфюрст Саксонии едва добрался до своего дворца, когда увидел спешащего к нему доктора Рухеля, советника курфюрста Менца, которому его господин поручил передать это послание: "Хотя мой брат курфюрст (Иоахим Бранденбургский) заявил, что все государства Империи готовы поддержать императора против вас, знайте, что и я, и министры курфюрста палатинского и курфюрста Тревского немедленно заявили его величеству, что мы не придерживаемся этого заявления, поскольку считаем, что оно очень важное". весьма любезно с вашей стороны. [825] Я намеревался сказать это императору в вашем присутствии, но вы ушли так поспешно, что я не смог.

Так говорил предстоятель Немецкой церкви, и даже выбор его посланника был знаменателен: доктор Рухель был шурин Лютера. Джон умолял его поблагодарить своего учителя.

Когда этот посланник удалился, прибыл один из приближенных герцога Генриха Брауншвейгского, ревностный романист. Сначала ему было отказано во въезде в связи с отъездом, но он поспешно вернулся, как раз в тот момент, когда карета Брюка выезжала со двора отеля. Подходя к дверце кареты, он сказал: "Герцог сообщает курфюрсту, что постарается наладить дела получше и приедет этой зимой, чтобы вместе с ним убить дикого кабана". [826] Вскоре после этого сам грозный Фердинанд заявил, что будет изыскивать все средства для предотвращения вспышки. [827] Все эти проявления запуганных римско-католиков показали, на чьей стороне была реальная сила.

В три часа пополудни курфюрст Саксонский в сопровождении герцогов Люнебургских и принцев Ангальтских покинул стены Аугсбурга. "Слава Богу, - сказал Лютер, - что наш дорогой принц наконец выбрался из ада". [828]

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАПСТВА.

Увидев, что эти бесстрашные принцы таким образом ускользают из его рук, Карл Пятый поддался несвойственному ему насилию. [829] "Они хотят научить меня новой вере", воскликнул он: "Но не доктриной мы завершим это дело: мы должны обнажить меч, и тогда посмотрим, кто сильнее". [830] Вокруг него разразился концерт негодования. Они были поражены дерзостью Брюка, который осмелился назвать романистов еретиками! [831] Но ничто не раздражало их так

сильно, как дух прозелитизма, который в те славные дни характеризовал евангелическую Германию; и гнев папистов был особенно направлен против канцлера Люнебурга, "который, — сказали они, — отправил более сотни служителей в разные места проповедовать новое учение и который даже публично хвастался этим". [832]- "Наши противники жаждут нашей крови", - написали, услышав эти жалобы, депутаты Нюрнберга, которые остались почти одни в Аугсбурге.

4 октября Карл Пятый написал папе римскому, ибо именно из Рима должен был начаться новый крестовый поход. "Переговоры прерваны; наши противники более упрямы, чем когда-либо; и я полон решимости использовать свои силы и свою личность в борьбе с ними. По этой причине я умоляю ваше святейшество потребовать поддержки всех христианских князей".

БЕСПОРЯДКИ В ЦЕРКВИ.

Предприятие началось в самом Аугсбурге. В тот день, когда он написал папе Карлу в честь святого Франциска Ассизского, чей праздник это был, Кордельеры были восстановлены в этом городе, и монах, поднявшийся на кафедру, сказал: "Все те, кто проповедует, что только Иисус Христос искупил наши грехи и что Бог спасает нас независимо от наших дел, являются законченными негодяями. Напротив, есть два пути к спасению: общий путь, а именно соблюдение заповедей; и совершенный путь, а именно церковное государство". Едва проповедь была закончена, как они начали убирать скамьи, поставленные в церкви для евангельской проповеди, яростно ломая их (поскольку они были прикованы цепями) и бросая одну на другую. В частности, в этих освященных стенах два монаха, вооруженные молотками и клещами, размахивали руками и кричали как одержимые. "Судя по этому ужасному шуму, - восклицали некоторые, - можно было бы подумать, что они сносят дом". [833] На самом деле это был дом Божий, который они хотели начать разрушать.

После того, как беспорядки утихли, они отслужили мессу; затем испанец, желавший возобновить ломку скамеек, но ему помешал один из горожан, они начали швырять стулья друг в друга; один из монахов, покинув хор, подбежал к ним и вскоре был втянут в драку; наконец прибыл капитан полиции со своими людьми, которые нанесли со всех сторон хорошо направленные удары. Так в Германии возобновилась реставрация римско-католицизма: народное насилие часто было одним из его самых могущественных союзников.

13 октября *перерыв* был оглашен во всех римских штатах, и в тот же день они заключили римскую лигу. [834]

Два города подписали Признание, а два других согласились с ним; империалисты надеялись, однако, что эти бессильные муниципалитеты, напуганные имперской властью, выйдут из протестантского союза. Но 17 октября вместо двух или четырех городов шестнадцать имперских городов, среди которых были самые важные в Германии, заявили о невозможности оказания какой-либо поддержки против турок до тех пор, пока общественный мир не будет обеспечен в самой Германии. [835]

СОЮЗ ЦЕРКВЕЙ.

Только что произошло событие, более грозное для Карла. Единство Реформации восторжествовало. "Мы едины в фундаментальных догматах веры, - говорили цвинглианские города, - и в частности (несмотря на некоторые споры о словах среди наших теологов), мы *едины* в доктрине причащения телом и кровью нашего Господа. Примите нас". Саксонские депутаты

немедленно протянули свои руки. Ничто так не объединяет детей Божьих, как жестокость их противников. "Давайте объединимся, - сказали все, - ради утешения наших братьев и устрашения наших врагов". [836]

Напрасно Карл, стремившийся сохранить раскол среди протестантов, созывал депутатов цвинглианских городов; напрасно, желая сделать их одиозными, он обвинил их в том, что они прикрепили освященную облатку к стене и стреляли в нее пулями; [837] напрасно он осыпал их яростными угрозами; — все его усилия были бесполезны. . Наконец евангелическая партия стала единой.

Тревога усилилась среди римской партии, которая решилась на новые уступки. "Протестанты призывают к общественному миру", - сказали они. "Что ж, тогда давайте составим мирные статьи". Но 29 октября протестанты отказались от этих предложений, потому что император предписал мир всему миру, не связывая себя никакими обязательствами. "Император имеет право приказывать своим подданным о мире, - надменно ответил Карл, - но никто никогда не слышал, чтобы он приказывал это самому себе". [838]

Ничего не оставалось, как обнажить меч, и для этого Карл сделал все необходимые приготовления. 25 октября он написал кардиналам в Рим: "Мы уведомляем вас, что не пощадим ни королевств, ни сеньорий; и что мы рискуем даже нашей душой и телом, чтобы завершить столь необходимые дела".

ЗАВЕРШЕНИЕ ДИЕТЫ.

Едва письмо Шарля было получено, как его мажордом Педро де ла Куэва прибыл в Рим нарочным. "Время года сейчас слишком далеко зашло, чтобы нападать на лютеран немедленно, - сказал он папе, - но подготовьте все для этого предприятия. Его величество считает своим долгом предпочесть превыше всего осуществление ваших замыслов. Таким образом, Климент и император также объединились, и обе стороны начали концентрировать свои силы.

Вечером 11 ноября протестантским депутатам был зачитан *перерыв*, а 12-го они отклонили его, заявив, что не признают власти императора распоряжаться в вопросах веры. [839] Депутаты Гессена и Саксонии отбыли сразу после этого, и 19 ноября *перерыв* был торжественно зачитан в присутствии Карла Пятого и принцев и депутатов, которые все еще находились в Аугсбурге. Этот отчет был более враждебным, чем проект, доведенный до сведения протестантов. В нем, среди прочего (это всего лишь образец вежливости этой официальной доктрины), говорилось, что "отрицать свободу воли было ошибкой не человека, а животного". - "Мы умоляем его величество, — сказал курфюрст Иоахим после того, как оно было зачитано, - не покидать Германию, пока его заботами во всей Империи не будет восстановлена единая вера".

Император ответил, что он не пойдет дальше своих государств в Нидерландах. Они хотели, чтобы за словами следовали дела. Было около семи часов вечера; несколько факелов, зажженных тут и там служителями и отбрасывавших бледный свет, освещали только это собрание; они разошлись, не видя друг друга; и так незаметно закончился сейм, о котором так помпезно объявили христианскому миру.

22 ноября был объявлен *перерыв*, а через два дня Карл Пятый отправился в Кельн. Правитель двух миров видел, как горстка христиан подорвала всю его власть; и тот, кто с триумфом вошел в

имперский город, теперь покидал его мрачным, молчаливым и удрученным. Самая могущественная сила на земле была сломлена силой Божьей.

НАПАДЕНИЕ НА ЖЕНЕВУ.

Но министры и офицеры императора, воодушевленные папой, проявили тем больше энергии. Государства Империи были обязаны предоставить Карлу в течение трех лет 40 000 пехотинцев, 8000 всадников и значительную сумму денег; [840] маркграф Генрих Зенетский, граф Нассау и другие дворяне собрали значительные войска на берегу Рейна; капитан, проходивший через Шварцвальд, призвал его грубых жителей под свои знамена и там записался в армию. шесть рот ланскенцев; король Фердинанд написал всем рыцарям Тироля и Вюртемберга, чтобы они надели кирасы и взяли в руки мечи; Иоахим Тальхеймский собрал испанские отряды в Нидерландах и приказал им двигаться к Рейну; Петер Шер попросил герцога Лотарингии о помощи своим оружием; а другой военачальник спешно двинул испанскую армию Флоренции в направлении Альп. Были все основания опасаться, что немцы, даже римско-католики, встанут на сторону Лютера; и поэтому были набраны в основном иностранные войска. [841] В Аугсбурге не говорили ни о чем, кроме войны.

РАДОСТЬ ЕВАНГЕЛИСТОВ.

Внезапно до нас дошел странный слух. [842] Сигнал подан, сказали все до единого. Свободный город, лежащий на границе германского и римского миров, город, находящийся в состоянии войны со своим епископом, в союзе с протестантами и считающийся реформированным еще до того, как стал таковым на самом деле, подвергся внезапному нападению. Курьер из Страсбурга привозит эту новость в Аугсбург, и она разносится по городу с быстротой молнии. Через три дня после Михайлова дня несколько вооруженных людей, посланных герцогом Савойским, разграбили предместья Женевы и пригрозили завладеть городом и предать всех острию меча. Каждый в Аугсбурге был поражен. "Ого! - воскликнул Карл Пятый по-французски. - Герцог Савойский начал слишком рано". [843] Сообщалось, что Магаре, губернатор Нидерландов, папа римский, герцоги Лотарингский и Гелдерский и даже король Франции направляют свои войска против Женевы. Именно там римская армия намеревалась закрепить свой *point d'appui*. Лавина собиралась на первых склонах Альп, откуда ей предстояло пронестись по всей Швейцарии, а затем докатиться до Германии, похоронив Евангелие и Реформацию под своей огромной массой. [844]

Никогда еще это святое дело не казалось в такой большой опасности, и никогда в действительности оно не одерживало столь благородного триумфа. Попытка *переворота* на тех холмах, где шесть лет спустя Кальвин должен был занять свое место и водрузить знамена Аугсбурга и Назарета, потерпела неудачу, все страхи рассеялись, и победа исповедников Христа, на мгновение затуманенная, вновь засияла во всем своем великолепии.

В то время как император Карл, окруженный многочисленной свитой принцев, печальный и удрученный приближался к берегам Рейна, евангельские христиане с триумфом возвращались в свои дома. Лютер был провозвестником победы, одержанной в Аугсбурге Верой. "Хотя бы наши враги имели рядом с собой не только могущественного римского императора Карла, но еще больше императора турок и его Магомета, - сказал он, - они не смогли бы запугать, они не смогли бы напугать меня. Это я, кто в силе Божьей решил утешить и свергнуть их. Они уступят мне — они падут! а я останусь честным и непоколебимым. Моя жизнь будет их палачом, а моя

смерть - их адом! [845]..... Бог ослепляет их и ожесточает их сердца; он ведет их к Красному морю: все лошади фараона, его колесницы и его всадники не могут избежать своей неизбежной судьбы. Тогда отпусти их, пусть они погибнут, раз уж они так захотели! [846] Что касается нас, то Господь с нами".

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА.

Таким образом, Аугсбургский сейм, которому было суждено сокрушить Реформацию, был тем, что укрепило ее навсегда. Было принято рассматривать Аугсбургский мирный договор (1555 г.) как период, когда Реформа была окончательно утверждена. Это дата легального протестантизма; у евангельского христианства есть другая — осень 1530 года. В 1555 году были одержаны победы мечом и дипломатией; в 1530 году - Словом Божьим и Верой; и эта последняя победа является в наших глазах самой верной и незыблемой. Евангельская история Реформации в Германии почти завершена в ту эпоху, которой мы достигли, и начинается дипломатическая история легального протестантизма. Что бы ни делалось сейчас, что бы ни говорилось, Церковь первых веков вновь появилась; и она вновь появилась достаточно сильной, чтобы показать, что она будет жить. Все еще будут конференции и дискуссии; все еще будут лиги и бои; будут даже прискорбные поражения; но все это второстепенное движение. Великое движение завершено: дело Веры побеждено Верой. Усилие было сделано: евангельское учение пустило корни в мире, и ни человеческие бури, ни силы ада никогда не смогут вырвать его.

КНИГА XV.

ШВЕЙЦАРИЯ—ЗАВОЕВАНИЯ. 1526-1530.

I. Разделения, которые Реформация обнаружила в своих недрах, когда предстала перед Аугсбургским сеймом, унизили ее и поставили под угрозу ее существование; но мы не должны забывать, что причиной этих разделений было одно из условий существования возрожденной Церкви. Без сомнения, было бы желательно, чтобы Германия и Швейцария пришли к соглашению; но еще более важно, чтобы Германия и Швейцария провели каждая свою первоначальную реформу. Если бы швейцарская реформация была лишь слабой копией немецкой, в ней было бы единообразие, но не было продолжительности. Дерево, пересаженное в Швейцарию, не пустив глубоких корней, вскоре было бы вырвано энергичной рукой, которая вот-вот должна была ухватиться за него. Возрождение христианства в этих горах происходило благодаря силам, присущим гельветической церкви, и получило организацию в соответствии с церковным и политическим состоянием этой страны. Именно этой оригинальностью она придавала особую энергию принципам Реформации, имевшим гораздо большее значение для общего дела, чем рабское единообразие. Сила армии в значительной степени определяется тем, что она состоит из солдат разного рода войск.

ТРИ ПЕРИОДА РЕФОРМ.

Военное и политическое влияние Швейцарии шло на убыль. Новое развитие европейских народов, последовавшее за шестнадцатым веком, должно было изгнать в их родные горы тех

гордых гельветов, которые так долго клали свои двуручные мечи на весы, на которых взвешивались судьбы народов. Реформация принесла новое влияние взамен того, что уходило. Швейцарии, где Евангелие явилось в своей простейшей и чистейшей форме, было суждено дать в эти новые времена многим народам двух миров более благотворный и славный импульс, чем тот, который до сих пор исходил от ее алебард и аркебуз.

История швейцарской реформации делится на три периода, в течение которых свет Евангелия последовательно распространяется по трем различным зонам. С 1519 по 1526 год Цюрих был центром Реформации, которая тогда была полностью немецкой и распространялась в восточной и северной частях Конфедерации. Между 1526 и 1532 годами движение было передано из Берна: оно является одновременно немецким и французским и распространилось на центр Швейцарии от ущелий Юры до самых глубоких долин Альп. В 1532 году Женева стала средоточием света, и Реформация, которая была здесь по сути французской, утвердилась на берегах озера Леман и набирала силу повсюду. Речь идет о втором из этих периодов — Бернском, — о котором мы сейчас поговорим.

ДВА ТЕЧЕНИЯ В ЦЕРКВИ.

Хотя швейцарская реформация еще не является по сути французской, все же наиболее активное участие в ней принимают французы. Швейцария *Романда* [847] впряжена в колесницу Реформ и сообщает ей ускоренное движение. В период, о котором мы собираемся рассказать, наблюдается смешение рас, сил и характеров, из-за чего возникает еще большее волнение. Ни в одной части христианского мира сопротивление не будет таким упорным; но и нападающие нигде не проявят столько мужества. Эта маленькая швейцарская провинция Романда, заключенная в колоссальные объятия Юры и Альп, на протяжении веков была одной из сильнейших крепостей папства. Его вот-вот унесет шторм; он обратит свое оружие против своих древних хозяев; и с этих нескольких холмов, разбросанных у подножия самых высоких гор Европы, будут исходить повторные толчки, которые разрушат даже в самых отдаленных странах святилища Рима, их изображения и алтари.

АГРЕССИВНЫЙ ДУХ.

В Церкви есть два движения: одно осуществляется внутренне, и его целью является ее сохранение; другое осуществляется вовне, и целью, на которую направлено его распространение. Таким образом, существуют доктринальная Церковь и миссионерская Церковь. Эти два движения никогда не должны разделяться, и всякий раз, когда они разъединяются, это происходит потому, что преобладает дух человека, а не дух Божий. В апостольские века эти две тенденции развивались в одно и то же время и с равной силой. Во втором и третьем веках внешняя тенденция возобладала; после Никейского собора (325 г.) доктринальное движение восстановило превосходство; в эпоху вторжения северных племен миссионерский дух возродился; но вскоре наступили времена иерархии и схоластов, когда все доктринальные силы боролись внутри Церкви, чтобы основать в ней деспотическое правление и нечистую доктрину — папство. Возрождению христианства в шестнадцатом веке, которое исходило от Бога, было суждено обновить эти две доктрины, но путем их очищения. Тогда действительно дух Божий действовал одновременно внешне и внутренне. Во времена Реформации происходили спокойные внутренние события; но были и более мощные и

агрессивные действия. Мужья Божьи веками изучали Слово Божье и мирно объясняли его спасительные уроки. Такова была работа Везалии, Гоха, Грута, Радевина, Руйбрука, Таулера, Томаса Кемписа и Джона Вессела; теперь требовалось нечто большее. Сила действия должна была быть объединена с силой мысли. Папству было предоставлено все необходимое время для того, чтобы отбросить свои ошибки; веками люди находились в ожидании; его предупреждали, к нему взывали; все было тщетно. Поскольку папство не желало реформировать себя, людям Божьим стало необходимо взять это на себя. Спокойное и умеренное влияние предшественников Реформы сменилось героической и святой революционной работой реформаторов; и революция, которую они совершили, заключалась в свержении узурпирующей власти для восстановления законной власти. "Все свое время, - говорит Проповедник, - и время для каждой цели под небесами: время сажать и время вырывать то, что посажено; время ломать и время созидать". [848] Из всех реформаторов теми, кто довел агрессивный дух до высшей степени, были люди, приехавшие из Франции, и особенно Фарель, чьи труды мы сейчас должны рассмотреть.

Никогда столь могущественные результаты не достигались столь ничтожной силой. В правлении Бога мы в одно мгновение переходим от величайшего к наименьшему. Теперь мы покидаем надменного Карла Пятого и весь этот княжеский двор, которым он руководит, чтобы следовать по стопам школьного учителя; и мы покидаем дворцы Аугсбурга, чтобы занять наши места в скромных коттеджах Швейцарии.

Рона, вытекая близ Сен-Готарда из гор Фурка, из-под огромного моря вечных льдов, катит свои шумные воды по скалистой долине, разделяющей две великие цепи Альп; затем, вытекая из ущелья Сен-Морис, она течет по более улыбчивой и плодородной местности. Величественный Дент-дю-Миди на юге и гордый Дент-де-Моркль на севере, живописно расположенные друг напротив друга, издали указывают глазу путешественника на начало этого последнего бассейна. На вершинах этих гор находятся обширные ледники и угрожающие пики, возле которых пастухи в разгар лета выводят свои многочисленные стада на пастбище; в то время как на равнине пышно растут цветы и фрукты южных краев, а лавр цветет рядом с самым изысканным виноградом.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

У истоков одной из боковых долин, ведущих в Северные Альпы, на берегах реки Гранд-О, которая с громом срывается с ледников Диаблере, расположен небольшой городок Эгль, один из самых южных в Швейцарии. Около пятидесяти лет он принадлежал Берну вместе с четырьмя приходами (*мандеменс*), находящимися под его юрисдикцией, а именно Эглем, Бексом, Оллоном и шале, разбросанными в высокогорных долинах Ормонда. Именно в этой стране суждено было начаться второй эпохе Швейцарской реформации.

Зимой 1526-1527 годов в этот скромный район прибыл школьный учитель-иностранец по имени Урсин. Это был человек среднего роста, с рыжей бородой и быстрыми глазами, который, по словам Безы, соединил в себе чувства героя с громовым раскатом: его скромные уроки перемежались с новыми и странными доктринами. Бенефиции были оставлены их титулатурами невежественным викариям, и люди, от природы имевшие грубые и буйные привычки, остались

без всякого воспитания. Так этот незнакомец, который был не кем иным, как Фарелом, на каждом шагу сталкивался с новыми препятствиями.

В то время как Лефевр и большинство его друзей покинули Страсбург, чтобы вернуться во Францию после освобождения Франциска I. Фарель повернул свои стопы в сторону Швейцарии; и в первый же день своего путешествия он получил урок, который часто вспоминал.

Он шел пешком в сопровождении единственного друга. Ночь сомкнулась вокруг них, дождь лил как из ведра, и путешественники, отчаявшись найти дорогу, остановились на полпути, промокшие насквозь. [849] "Ах!" - сказал Фарел. - "Бог, показав мне мою беспомощность в этих мелочах, пожелал научить меня тому, кем я являюсь в самом великом, без Иисуса Христа!" Наконец Фарел, вскочив, нырнул в болота, перешел вброд воду, пересек виноградники, поля, холмы, леса и долины и, наконец, достиг своей цели, покрытый грязью и промокший до нитки.

ИССЛЕДОВАНИЯ ФАРЕЛА.

В эту ночь отчаяния Фарел получил новое крещение. Его природная энергия была подавлена; он стал, по крайней мере на какое-то время, мудрым, как змея, и безобидным, как голубь; и, как нередко случается с людьми такого склада, поначалу он превысил свою цель. Полагая, что он следует примеру апостолов, он стремился, по словам *CEColampadius*, "благочестивыми уловками обойти древнего змея, который шипел вокруг него". [850] Он выдавал себя за школьного учителя и ждал, пока ему откроют дверь, чтобы появиться как Реформатор. [851]

Едва магистр Урсин покинул классную комнату и свои буквари, как, укрывшись в своей скромной комнате, он погрузился в изучение греческих и еврейских Писаний и самых ученых трактатов теологов. Начиналась борьба между Лютером и Цвингле. К кому из этих двух вождей следует отнести французскую реформу? Лютер был известен во Франции гораздо дольше, чем Цвингле, и все же Фарель принял решение в пользу последнего. Мистицизм был характерен для германских народов в Средние века, а схоластика - для народов римского происхождения. Французы были в более тесном родстве с диалектиком Цвинглем, чем с мистиком Лютером; или, скорее, они были посредниками между двумя великими тенденциями Средневековья; и, придавая христианской мысли ту правильную форму, которая, по-видимому, является прерогативой южных народов, они стали орудиями Бога в распространении через Церковь полноты жизни и Духа Христова.

ДВЕРЬ ОТКРЫВАЕТСЯ.

Именно в этом маленьком помещении в Эгле Фарель прочитал первую публикацию швейцарского реформатора, адресованную немцам. [852] "С какой ученостью, - восклицает он, - Цвингле рассеивает тьму! с какой святой изобретательностью он одерживает верх над мудрецами и какую пленительную кротость соединяет с поразительной эрудицией! О, если бы по милости Божьей эта работа покорила Лютера, чтобы Церковь Христова, содрогающаяся от таких жестоких потрясений, наконец обрела мир!" [853]

Школьный учитель Урсин, воодушевленный столь благородным примером, постепенно приступил к обучению как родителей, так и детей. Сначала он атаковал доктрину чистилища, а затем - призывание Святых. "Что касается папы, то он ничто, - сказал он, - или почти ничто в этих краях; [854] а что касается священников, то при условии, что они раздражают людей всей этой

чепухой, которую Эразм так хорошо умеет превращать в посмешище, для них этого достаточно".

Урсин пробыл в Эгле несколько месяцев: перед ним открылась дверь; там собралось стадо, и он поверил, что долгожданный момент настал.

Соответственно, в один прекрасный день благоразумный школьный учитель исчезает. "Я Уильям Фарел, - сказал он, - служитель Слова Божьего". Велик был ужас священников и магистратов, когда они увидели среди них того самого человека, чье имя уже стало таким грозным. Школьный учитель покинул свой скромный кабинет; он взошел на кафедру и открыто проповедовал изумленной толпе об Иисусе Христе. Работа Урсина была закончена: Фарел снова стал самим собой. [855] Это было примерно в марте или апреле 1527 года, и в этой прекрасной долине, склоны которой сияли в теплых лучах солнца, все кипело одновременно: цветы, виноградники и сердца этих разумных, но грубых людей.

Однако скалы, с которыми сталкивается поток, вытекающий из Дьяблере, и о которые он разбивается на каждом шагу, когда падает с вечных снегов, являются более незначительными препятствиями, чем предубеждение и ненависть, которые издавна проявлялись в этой густонаселенной долине к Слову Божьему.

ОППОЗИЦИЯ.

Бернский совет в соответствии с лицензией от 9 марта поручил Фарелю разъяснять Священное Писание жителям Эгля и его окрестностей. Но рука гражданского магистрата, вмешиваясь таким образом в религиозные дела, служила только для усиления раздражения человеческих умов. Богатые и ленивые чиновники, бедные и невежественные викарии были первыми, кто закричал. "Если этот человек, - говорили они друг другу, - продолжит проповедовать, нашим благотворительным организациям и нашей Церкви конец". [856]

В разгар этой агитации судебный пристав Эгля и губернатор четырех мандеменов Жак де Ровереа, вместо того чтобы поддержать министра их превосходительств Бернского, горячо встали на сторону священников. "Император, - говорили они, - собирается объявить войну всем новаторам. Вскоре из Испании прибудет огромная армия, чтобы помочь эрцгерцогу Фердинанду". [857] Фарел твердо стоял на своем. После этого бейлиф и Ровереа, возмущенные такой дерзостью, запретили еретику получать какие бы то ни было наставления, будь то в качестве министра или школьного учителя. Но Берн распорядился вывесить на дверях всех церквей четырех мандеменов новый указ, датированный 3 июля, в котором их превосходительства, выражая большое неудовольствие по поводу этого запрета "самому ученому Фарелу на распространение Божественного Слова", [858] приказал всем должностным лицам государства разрешить ему публично проповедовать доктрины Господа".

LAUSANNE.

Это новое воззвание стало сигналом к восстанию. 25 июля огромные толпы собрались в Эгле, в Бексе, в Оллоне и в Ормондсе, выкрикивая: "Больше никакого подчинения Берну! долой Фареля!" От слов они вскоре перешли к действиям. В Эгле повстанцы, возглавляемые пламенным синдиком, сорвали эдикт и приготовились напасть на Реформированных. Они, быстро объединившись, окружили Фарела, решив защищать его. Две стороны встретились лицом к лицу, и кровь почти лилась рекой. Твердое лицо друзей Евангелия остановило

приверженцев священников, которые разошлись, и Фарел, покинув Эгль на несколько дней, продвинул свои взгляды дальше.

Посреди прекрасной долины реки Леман, на холмах, возвышающихся над озером, стоит Лозанна, город епископа и Пресвятой Богородицы, находящийся под покровительством герцогов Савойских. Множество паломников, собравшихся со всех окрестных мест, благоговейно преклонили колени перед образом Богоматери и сделали дорогие покупки на большой ярмарке индульгенций, которая проходила в его окрестностях. Лозанна, простирая свой епископский посох со своих высоких башен, делала вид, что держит всю страну у ног папы римского. Но глаза многих начали открываться, благодаря распутной жизни каноников и священников. Служители Пресвятой Девы были замечены публично за азартными играми, которые они приправляли насмешками и богохульством. Они сражались в церквях; переодетые солдатами, они спускались ночью с соборного холма и бродили по улицам с мечами в руках и пьяные, застигая врасплох, ранив, а иногда даже убивая достойных граждан; они развращали замужних женщин, совращали молодых девушек, превращали свои жилища в дома с дурной славой и бессердечно выгоняли своих маленьких детей просить милостыню у них на хлеб. [859] Пожалуй, нигде так хорошо не проиллюстрировано описание духовенства, данное нам одним из самых почтенных прелатов шестнадцатого века: "Вместо того, чтобы воспитывать молодежь своей ученостью и святостью жизни, священники тренируют птиц и собак; вместо книг у них дети; они сидят с алкоголиками в тавернах и предаются пьянству". [860]

ФАРЕЛ В ЛОЗАННЕ.

Среди богословов при дворе епископа Себастьяна Монфоконского был Наталис Галеотто, человек высокого ранга и большой учтивости, любивший общество ученых и сам человек образованный, [861] но, тем не менее, очень ревностный в отношении постов и всех таинств Церкви. Фарель подумал, что, если бы этого человека удалось привлечь к Евангелию, Лозанна, "дремлющая у подножия своих шпилей", возможно, пробудилась бы, а вместе с ней и вся страна. Поэтому он обратился к нему. "Увы! увy! - сказал Фарел. - религия больше не является пустой насмешкой, поскольку люди, думающие только о своих аппетитах, являются королями Церкви. Христиане, вместо того чтобы праздновать в таинстве смерти Господа, живут так, как если бы они чтили Меркурия, бога мошенничества. Вместо того чтобы подражать любви Христа, они подражают распутству Венеры; и когда они творят зло, они больше боятся присутствия жалкого свинопаса, чем Всемоущего Бога". [862]

Но Галеотто не ответил, и Фарель настаивал: "Стучите; кричите изо всех сил, - писал он во втором письме, - удвоьте свои атаки на нашего Господа". [863] Ответа по-прежнему не было. Фарел вернулся к обвинению в третий раз, и Наталис, опасаясь отвечать лично, поручил это своему секретарю, который переслал Фарелу письмо, полное оскорбительных выражений. [864] В течение сезона Лозанна была недоступна.

После такой схватки со священником Фарелу было суждено сразиться с монахом. Двумя ветвями иерархии, которыми управляли средние века, были рыцарство и монашество. Последнее все еще оставалось на службе папства, хотя и приходило в упадок. "Увы! - воскликнул знаменитый картезианец. - То, что побоялся бы сделать упрямый дьявол, нечестивый и высокомерный монах совершит без колебаний". [865]

ФАРЕЛ И МОНАХ.

Нищенствующий монах, который не осмелился открыто выступить против реформатора в Эгле, отправился в деревню Новиль, расположенную на низменности, образованной рекой Рона при впадении в Женевское озеро. Монах, взойдя на кафедру, воскликнул: "Это сам дьявол проповедует устами священника, и все те, кто слушает его, будут прокляты". Затем, набравшись храбрости, он прокрался вдоль берега Роны и с кротким и смиренным видом прибыл в Эгль, но не для того, чтобы предстать там перед Фарелем, чье мощное красноречие ужасно встревожило его, а для того, чтобы попросить от имени своего монастыря несколько бочонков самого изысканного вина во всей Швейцарии. Не успел он сделать и нескольких шагов по городу, как встретил священника. При виде этого зрелища он задрожал всем телом. "Почему вы проповедовали в Новилле в такой манере?" спросил Фарел. Монах, опасаясь, что спор привлечет общественное внимание, и все же желая ответить по существу, прошептал ему на ухо: "Я слышал, что ты еретик и вводишь людей в заблуждение". "Докажи это", - сказал Фарел. Затем монах "начал бушевать", - говорит Фарел, [866] и, поспешив вниз по улице, попытался отделаться от своего неприятного спутника, "поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, как от беспокойной совести". [867] Когда несколько горожан начали собираться вокруг них, Фарел сказал им, указывая на монаха: "Вы видите этого прекрасного отца; он сказал с кафедры, что я не проповедую ничего, кроме лжи". Затем монах, краснея и заикаясь, начал говорить о подношениях верующих (драгоценном вине Иворна, о котором он пришел просить) и обвинил Фарела в том, что он выступает против них. Толпа теперь увеличилась в количестве, и Фарел, который только искал возможности провозгласить истинное поклонение Богу, воскликнул громким голосом: "Не дело человека предписывать какой-либо другой способ служения Богу, кроме того, который Он заповедал. Мы должны соблюдать его заповеди, не поворачиваясь ни направо, ни налево. [868] Давайте поклоняться одному Богу в духе и истине, предлагая ему сокрушенное и кающееся сердце".

Взгляды всех зрителей были прикованы к двум действующим лицам этой сцены - монаху с его кошельком и реформатору с его блестящим глазом. Сбитый с толку тем, что Фарел осмелился говорить о каком-либо ином богослужении, кроме того, которое предписывала святая Римская церковь, монах был не в себе; он дрожал и был взволнован, бледнея и краснея попеременно. Наконец, сняв с головы шапку, он швырнул ее на землю, растоптал ногами и воскликнул: "Я поражен, что земля не разверзлась и не поглотила нас!" [869].....Фарел хотел ответить, но тщетно. Монах с опущенными глазами продолжал топтать свою шапку, "вопя как ненормальный", и его крики, разносившиеся по улицам Эгля, заглушали голос реформатора. Наконец один из зрителей, стоявший рядом с ним, дернул его за рукав и сказал: "Слушайте министра так же, как он слушает вас". Испуганный монах, считая себя уже полумертвым, сильно вздрогнул и закричал: "О, ты отлучаешь от церкви! возлагаешь ли ты на меня свою руку?"

Маленький городок был охвачен волнением; монах одновременно был разъярен и дрожал, Фарел энергично продолжал свою атаку, а люди пребывали в замешательстве и изумлении. Наконец появился магистрат, приказал монаху и Фарелу следовать за ним и запер их "одного в одной башне, другого в другой". [870]

В субботу утром Фареля освободили из тюрьмы и препроводили в замок к судебным приставам, где уже присутствовал монах. Священник начал обращаться к ним: "Милорды, которым наш Спаситель предписывает повиновение без каких-либо исключений, этот монах сказал, что

учение, которое я проповедую, противоречит Богу. Позволь ему исполнить свои слова или, если он не может, позволь наставить твой народ". Буйство монаха закончилось. Трибунал, перед которым он стоял, мужество его противника, мощь движения, которому он не мог противостоять, слабость его дела — все это встревожило его, и теперь он был готов наверстать упущенное. Тогда монах упал на колени, говоря: "Милорды, я умоляю о прощении вас и Бога. Затем поворачиваюсь к Фарелю: И еще, магистр, то, что я проповедовал против вас, было основано на ложных сообщениях. Я нашел вас хорошим человеком и ваше учение хорошим, и я готов отозвать свои слова". [871]

Фарел был тронут этим обращением и сказал: "Друг мой, не проси у меня прощения, ибо я такой же жалкий грешник, как и другие люди, полагающийся не на свою праведность, а на смерть Иисуса". [872]

В это время подошел один из бернских лордов, монах, который уже воображал себя на грани мученичества, начал заламывать руки и поворачиваться то к бернским советникам, то к трибуналу, то к Фарелю, крича: "Простите, простите!" — "Просите прощения у нашего Спасителя", - ответил Фарель. Сеньор Берна добавил: "Приходите завтра и послушайте проповедь священника; если вам покажется, что он проповедует истину, вы должны открыто исповедать это перед всеми; если нет, выскажите свое мнение: это обещание в моих руках". Монах протянул руку, и судьи удалились. - Потом монах ушел, и с тех пор я его не видел, и никакие обещания или клятвы не могли заставить его остаться. [873] Так продвигалась Реформация в Романской Швейцарии.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕВАНГЕЛИЮ.

Но сильные штормы угрожали разрушить едва начатую работу. Римские агенты из Вале и Савойи переправились через Рону у Сен-Мориса и побуждали народ к энергичному сопротивлению. Происходили бурные собрания, на которых обсуждались опасные проекты; прокламации правительства срывались с церковных дверей; отряды горожан маршировали по городу; на улицах били в барабаны, возбуждая население против реформатора: повсюду царили беспорядки и подстрекательство к мятежу. Таким образом, 16 февраля, когда Фарель впервые вззошел на кафедру после короткого отсутствия, несколько групп папистов собрались у ворот церкви, в смятении подняли руки, издавали дикие крики и вынудили священника прервать свою проповедь.

ОБРАЩЕННЫЙ МОНАХ.

Вслед за этим Бернский собор постановил, что прихожане четырех церквей должны собраться вместе. Жители Бекса выступили за Реформу; Эгль последовал их примеру, но нерешительно; а в горах над Оллоном крестьяне, не осмеливаясь жестоко обращаться с Фарелом, натравили на него своих жен, которые набросились на него со своими дубинками. Но особенно отличался приход Ормондов, который, спокойный и гордый у подножия своих ледников, проявил себя своим сопротивлением. Товарищ рабочих Фареля по имени Клод (вероятно, Клод де Глонтини), однажды с большим воодушевлением проповедовавший там, был внезапно прерван звоном колоколов, шум которых был таким, что можно было подумать, будто весь ад был занят тем, что дергал за них. "На самом деле, - говорит другой вестник Евангелия, Жак Комралис, случайно присутствовавший при этом, - это был сам сатана, который, вдохнув свой гнев в некоторых из

своих агентов, наполнил уши слушателей всем этим шумом". [874] В другое время, когда некоторые ревностные реформаторы разрушили алтари Ваала, согласно языку того времени, злой дух начал яростно дуть во всех шале, разбросанных по склонам гор; пастухи стремительно, как лавина, обрушились на Церковь и реформаторов. "Давайте только найдем этих негодяев— святотатцев!" — кричали разъяренные ормондинцы. "Мы повесим их, мы отрубим им головы, мы сожжем их, мы бросим их пепел в Великую Воду". [875] Так были взволнованы эти горцы, подобно ветру, который ревет в их высоких долинах с яростью, неведомой жителям равнин.

Фарела одолевали другие трудности. Не все его товарищи по работе были безупречны. Некто Кристофер Баллиста, в прошлом парижский монах, написал Цвингле: "Я всего лишь галл, варвар, [876] но вы найдете во мне человека чистого, как снег, без всякого лукавства, с открытым сердцем, через окна которого может видеть весь мир". [877] Цвингле послал баллисту Фарелу, который громко призывал работников в виноградник Христа. Прекрасный язык парижан поначалу очаровал толпу, но вскоре выяснилось, что необходимо остерегаться этих священников и монахов, испытывающих отвращение к папизму. "Воспитанный в праздности монастыря, прожорливый и ленивый, - говорит Фарел, - Баллиста не мог приспособиться к воздержанию и грубому труду евангелистов и вскоре начал сожалеть о своем монашеском капюшоне. Когда он почувствовал, что люди начинают не доверять ему, он стал похож на разъяренного монстра, изрыгающего тонны угроз". [878] Так закончились его труды.

ГОСУДАРСТВО—РЕЛИГИЯ.

Несмотря на все эти испытания, Фарел не падал духом. Чем больше трудностей, тем больше возрастала его энергия. "Давайте разбросаем семена повсюду, - сказал он, - и пусть цивилизованная Франция, вызванная к жизни этим варварским народом, наконец воспримет благочестие. Пусть в теле Христа не будет ни пальцев, ни кистей, ни ног, ни глаз, ни ушей, ни рук, существующих отдельно и работающих каждое само за себя, но пусть будет только одно сердце, которое ничто не может разделить. Не позволяйте разнообразию второстепенных вещей разделять на множество отдельных элементов тот жизненный принцип, который един и прост. [879] Увы! пастбища Церкви растоптаны, и ее воды беспокойны! Давайте настроим наши умы на согласие и мир. Когда Господь откроет небеса, не будет так много споров о хлебе и воде. [880] Горячее милосердие — вот мощный таран, с помощью которого мы разрушим эти гордые стены, те материальные элементы, которыми люди хотели бы ограничить нас". [881]

Так писал самый пылкий из Реформаторов. Эти слова Фареля, сохранявшиеся в течение трех столетий в городе, где он умер, раскрывают нам более ясно сокровенную природу великой революции шестнадцатого века, чем все смелые утверждения ее папистских толкователей. Таким образом, христианское единство с самых ранних моментов обрело ревностного апостола. Девятнадцатый век призван возобновить работу, которую шестнадцатый век не смог завершить.

НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ БЕРНА.

II. Из всех швейцарских кантонов Берн казался наименее расположенным к Реформации. Военное государство может ревностно относиться к религии, но это будет внешняя и дисциплинированная религия; ему требуется церковная организация, которую оно может видеть, прикасаться и управлять по своей воле. Оно боится нововведений и свободного

движения Слова Божьего: оно любит форму, а не жизнь. Наполеон, восстановив религию во Франции в *Конкордате*, дал нам незабываемый пример этой истины. Так же обстояло дело и с Берном. Кроме того, его правительство было поглощено политическими интересами, и хотя оно мало считалось с папой римским, еще меньше его заботило, чтобы Реформатор поставил себя, как это сделал Цвингле, во главе государственных дел. Что касается людей, питавшихся "маслом своих коров и молоком своих овец с жиром ягнят", [882] они оставались замкнутыми в узком кругу своих материальных потребностей. Религиозные вопросы были не по вкусу ни правителям, ни их согражданам.

Правительство Берна, не имея опыта в религиозных вопросах, предложило приостановить ход Реформы своим указом от 1523 года. Как только оно обнаружило свою ошибку, оно обратилось к кантонам, которые придерживались древней веры; и в то время как та часть народа, из которой был набран Большой Совет, прислушивалась к голосу реформаторов, большинство патрицианских семей, составлявших Меньший Совет, считая, что их власть, их интересы и их честь находятся под угрозой, придерживались старого порядка вещей. Из-за этого противостояния двух советов возникло общее беспокойство, но никаких сильных потрясений не последовало. Внезапные движения, повторяющиеся толчки время от времени свидетельствовали о том, что в стране происходит брожение чего-то несообразного; это было похоже на неясное землетрясение, которое поднимает всю поверхность, не вызывая никаких трещин: затем внезапно все возвращается к кажущемуся спокойствию. [883] Берн, который всегда определялся в своей политике, в религиозных вопросах в одно время повернулся вправо, а в другое - влево; и объявил, что он не будет ни папистским, ни реформатским. Выиграть время для новой веры означало получить все.

АЛЬМАНАХ ЕРЕТИКОВ.

То, что было сделано для того, чтобы отвратить Берн от Реформации, было самой причиной перехода его на новый путь. Высокомерие, с которым пять примитивных кантонов присвоили себе опеку своих союзников, секретные конференции, на которые Берн даже не приглашали, и угроза прямого обращения к народу глубоко оскорбили бернских олигархов. Томас Мурнер, кармелит из Люцерна, один из тех грубых людей, которые воздействуют на население, но внушают отвращение возвышенным умам, заставил чашу переполниться. Разгневанный цюрихским календарем, в котором намеренно были опущены имена святых, он опубликовал в противовес ему "Альманах еретиков и расхитителей церквей", трактат, полный пасквилей и оскорблений, в котором портреты реформаторов и их приверженцев, среди которых было много самых значительных людей Берна, сопровождалась самыми грубыми надписями. [884] Цюрих и Берн совместно потребовали удовлетворения, и с этого времени союз этих двух государств с каждым днем становился все теснее.

Эта перемена вскоре была замечена в Берне. Выборы 1527 года включили значительное число сторонников Реформы в Большой Совет; и этот орган, немедленно вернув себе право назначать членов Малого Совета, которое было узурпировано на двадцать лет Баннеретами и Шестнадцатю, отстранил от управления наиболее решительных сторонников римской иерархии, и среди прочих Гаспара де Мулинена и Себастьяна де Стейна, [885] и заполнил вакансии представителями евангелического большинства. Союз церкви и государства, который до сих пор сдерживал ход Реформы в Швейцарии, теперь собирался ускорить ее продвижение.

АНАБАПТИСТЫ В БЕРНЕ.

Реформатор Галлер был не одинок в Берне. Кольб покинул картезианский монастырь в Нюрнберге, в котором он был вынужден найти убежище, и предстал перед своими соотечественниками, не требуя никакого другого вознаграждения, кроме свободы проповедовать Иисуса Христа. Уже согнувшийся под тяжестью лет, с головой, увенчанной седыми локонами, Колб, молодой сердцем, полный огня и неукротимой отваги, смело представил вождям нации то Евангелие, которое спасло его. Галлер, напротив, хотя ему было всего тридцать пять лет, двигался размеренным шагом, говорил серьезно и провозглашал новые доктрины с необычной осмотрительностью. Старик встал на сторону молодого человека, а юноша - на сторону седобородого.

Цвингле, от чьего взгляда ничто не ускользало, увидел, что приближается благоприятный час для Берна, и немедленно подал сигнал. "Голубь, которому поручено исследовать состояние вод, возвращается с оливковой ветвью в ковчег, - писал он Галлеру. - Выходи же, ты, второй Ной, и вступай во владение землей. Применяйте, будьте серьезны и глубоко укорените в сердцах людей крючки и веревки Слова Божьего, чтобы они никогда больше не могли от них избавиться". [886]— "Ваши медведи, - писал он Томасу аб Хофену, - снова выпустили свои когти. Пожалуйста, Боже, чтобы они не возвращали их назад до тех пор, пока не разорвут в клочья все, что противостоит Иисусу Христу".

ПОБЕДА ЕВАНГЕЛИЯ.

Халлер и его друзья уже собирались ответить на этот призыв, когда их положение осложнилось. Некоторые анабаптисты, которые повсюду составляли крайнюю партию, прибыв в Берн в 1527 году, уводили народ от евангелических проповедников "из-за присутствия идолов". [887] Халлер провел с ними бесполезную конференцию. "Каким только опасностям не подвергается христианство, - воскликнул он, - везде, куда проникают эти фурии!" [888] В Церкви никогда не было пробуждения без того, чтобы иерархические или радикальные секты немедленно не попытались ему помешать. Галлер, хотя и был встревожен, все еще сохранял свою неизменную кротость. "Власти желают изгнать их, - сказал он, - но наш долг - искоренять их ошибки, а не их личности. Давайте не будем использовать никакого другого оружия, кроме меча Духа". [889] Реформаторы узнали эти принципы не от папства. Состоялся публичный диспут. Шесть анабаптистов объявили себя убежденными, а двое других были высланы из страны.

Приближался решающий момент. Две великие силы того времени, Евангелие и папство, действовали с одинаковой энергией; Бернские соборы должны были выступить. Они видели, с одной стороны, что пять примитивных кантонов с каждым днем занимают все более угрожающую позицию и объявляют, что австриец скоро снова появится в Гельвеции, чтобы снова подчинить ее Риму; а с другой стороны, они видели, что Евангелие с каждым днем укрепляет позиции в Конфедерации. Чему было суждено восторжествовать в Швейцарии — австрийским копьям или Слову Божьему? В условиях неопределенности, в которой оказались советы, они решили встать на сторону большинства. Где они могли бы найти твердую опору, если не там? *Vox populi, vox Dei*. "Никто, - сказали они, - не может вносить какие-либо изменения в свою личную власть: необходимо согласие всех". [890]

Правительству Берна пришлось выбирать между двумя мандатами, оба исходили из его полномочий: от 1523 года в пользу свободной проповеди Евангелия и от 1526 года в пользу "таинств, святых, Божьей матери и украшений церквей". Государственные посланники отправились в каждый приход и объехали его: люди проголосовали против любого закона,

противоречащего свободе, и советы, поддерживаемые нацией, постановили, что "Слово Божье должно проповедоваться публично и свободно, даже если оно противоречит уставам и доктринам людей". Такова была победа Евангелия и народа над олигархией и священниками.

ПАПИСТСКИЕ ПРОВОКАЦИИ.

Раздоры немедленно возникли по всему кантону, и каждый приход превратился в поле битвы. Крестьяне начали спорить со священниками и монахами, полагаясь на Священное Писание. "Если мандат наших лордов, - говорили многие, - предоставляет нашим пасторам свободу проповеди, почему бы ему не предоставить пастве свободу действий?" — "Мир, мир!" - воскликнули члены совета, встревоженные собственной смелостью. Но паства решительно заявила, что они откажутся от Мессы и сохранят своих пасторов и Библию. [891] После этого папские партизаны пришли в ярость. "Еретики, негодяи, распутники", - гласил баннер Каттлера [892] к добрым людям Эмменталя; и эти крестьяне заставили его принести извинения. Судебный пристав Трахсельвальда был более хитер. Видя, что жители Рудерсвейла с жадностью внимают Слову Божьему, которое проповедовал им благочестивый священник, он подошел с флейтистами и трубачами и прервал проповедь, словами и веселыми мелодиями приглашая деревенских девушек выйти из церкви на танцы.

Эти единичные провокации не остановили Реформу. Шесть городских компаний (сапожники, ткачи, торговцы, пекари, каменотесы и плотники) отменили в церквях и монастырях своего района все мессы, юбилеи, адвосоны и пребенды. Трое других (кожевники, кузнецы и портные) приготовились им подражать; [893] семь оставшихся компаний не определились, за исключением мясников, которые были энтузиастами папы Римского. Таким образом, большинство граждан приняли Евангелие. Многие приходы по всему кантону поступили так же, и избегатель д'Эрлах, ярый противник Реформации, больше не мог сдерживать этот поток в рамках.

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ СПОР.

И все же попытка была предпринята: судебным приставам было приказано обратить внимание на нарушения и распутную жизнь монахов и монахинь; все женщины распущенных нравов были даже изгнаны из монастырей. [894] Но Реформация была направлена не только против этих злоупотреблений; это было направлено против самих институтов и против папства, на котором они были основаны. Поэтому решать должен народ. "Бернское духовенство, - сказали они, - должно быть созвано, как в Цюрихе, и пусть две доктрины будут обсуждены на торжественной конференции. После этого мы продолжим работу в соответствии с результатом".

В воскресенье, следующее за праздником Святого Мартина (11 ноября), совет и граждане единогласно решили, что публичное обсуждение должно состояться в начале следующего года. "Слава Божья и его Слово, - говорили они, - наконец-то явятся!" Бернцы и иностранцы, священники и миряне - все были приглашены письмом или печатным уведомлением прийти и обсудить спорные моменты, но только по Священному Писанию, без пояснений древних, отказавшись от всех тонкостей и оскорбительных выражений. [895] Кто знает, говорили они, не будут ли таким образом приведены к единству веры все члены древней швейцарской конфедерации?

Таким образом, в стенах Берна должна была развернуться борьба, которая должна была решить судьбу Швейцарии; ибо пример бернцев неизбежно должен был повести за собой значительную часть Конфедерации.

ВАЖНЫЙ ВОПРОС.

Пять кантонов, встревоженные этим известием, встретились в Люцерне, когда к ним присоединились Фрибург, Солер и Гларис. Ни в букве, ни в духе федерального соглашения не было ничего, что препятствовало бы свободе вероисповедания. "Каждое государство, - заявил Цюрих, - свободно выбирать доктрину, которую оно желает исповедовать". Вальдштетты, [896] напротив, хотели лишить кантоны этой независимости и подчинить их федеральному большинству и папе римскому. Поэтому они выразили протест от имени конфедерации против предложенного обсуждения. "Ваши министры, - писали они Берну, - ослепленные и сбитые с толку в Бадене яркостью истины, хотели бы этим новым обсуждением скрыть свой позор; но мы умоляем вас воздержаться от плана, столь противоречащего нашим древним союзам". "Это не мы нарушили их, - ответил Берн. - Скорее, ваше высокомерное послание уничтожило их. Мы не откажемся от Слова Господа нашего Иисуса Христа". После этого римские кантоны решили отказать во всех пропусках тем, кто должен отправиться в Берн. Это свидетельствовало о зловещих намерениях.

Четыре епископа Лозанны, Констанции, Базеля и Сиона, приглашенные на конференцию под страхом лишения всех своих привилегий в кантоне Берн, ответили, что, поскольку, согласно Священному Писанию, это должен был быть диспут, они не имеют к нему никакого отношения. Таким образом, эти священники забыли слова одного из самых прославленных римских врачей пятнадцатого века: "В небесных делах человек должен быть независим от своих собратьев и полагаться только на Бога". [897]

Римские врачи последовали примеру епископов. Экк, Мурнер, Коклюс и многие другие говорили повсюду: "Мы получили письмо от этого прокаженного, от этого проклятого еретика Цвингля. [898] Они хотят использовать Библию в качестве своего судьи; но имеет ли Библия право голоса против тех, кто совершает насилие? Мы не пойдем в Берн; мы не заползем в этот темный уголок мира; мы не пойдем сражаться в этой мрачной пещере, в этой школе еретиков. Пусть эти негодяи выйдут на открытый воздух и сразятся с нами на равных, если, как они говорят, Библия на их стороне". Император приказал отложить обсуждение, но в самый день его открытия бернский совет ответил, что, поскольку все уже в сборе, задержка невозможна.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА.

Затем, несмотря на докторов и епископов, гельветическая церковь собралась, чтобы принять решение по своим доктринам. Имела ли она право так поступать? Нет; — нет, если бы священники и епископы были назначены, как утверждает Рим, для формирования мистической связи между Церковью и нашим Господом; Да — если бы они были учреждены, как провозглашает Библия, только для соблюдения того закона порядка, в силу которого все общество должно обладать направляющей силой. Мнения швейцарских реформаторов на этот счет не вызывали сомнений. Благодать, создающая служителя, исходит от Господа, думали они; но Церковь исследует эту благодать, признает ее, провозглашает ее старейшинами, и в каждом поступке, касающемся веры, служитель всегда может апеллировать к Слову Божьему. *Испытайте духов — докажите все, говорится верующим. Церковь - судья в спорах; [899] и*

именно этот долг, в котором она никогда не должна быть признана невыполненной, она сейчас собиралась выполнить в ходе диспута в Берне.

Состязание казалось неравным. С одной стороны, появилась римская иерархия, гигант, набиравший силу на протяжении многих веков; а с другой, поначалу был только один слабый и робкий человек, скромный Бертольд Галлер. "Я не могу владеть мечом Слова", - в тревоге сказал он своим друзьям. "Если вы не протянете ко мне руки, все кончено". Затем он, дрожа, бросился к ногам Господа и вскоре встал просветленным, восклицая: "Вера в Спасителя придает мне мужества и рассеивает все мои страхи". [900]

И все же он не мог остаться один: все его взгляды были обращены к Цвингле: "Это я принимал ванну в Бадене, - писал Николампадиус Галлеру, - а теперь именно Цвингле должен руководить медвежьим танцем в Берне". [901]— "Мы находимся между молотом и наковальней", - писал Халлер Цвингле; "Мы держим волка за уши и не знаем, как его отпустить. [902] Дома Де Ватвилля, Нолла, Тремпа и Бертольда открыты для вас. Тогда приходи и лично командуй битвой.

ХРИСТИАНСКАЯ ГРУППА.

Цвингле не колебался. Он потребовал разрешения Совета Цюриха посетить Берн, чтобы показать там, "что его учение полно страха Божьего, а не богохульства; способно распространять согласие по всей Швейцарии, а не сеять смуту и раздоры". [903] В то самое время, когда Галлер получил известие о приезде Цвингле, Николампадиус написал ему: "Я готов, если это будет необходимо, пожертвовать своей жизнью. Давайте начнем новый год, обнимая друг друга во славу Иисуса Христа ". Другие врачи написали то же самое. "Тогда это, - взволнованно воскликнул Галлер, - вспомогательные средства, которые Господь посылает в мою немощь, чтобы помочь мне вести эту жестокую битву!"

Необходимо было действовать осмотрительно, поскольку жестокость олигархов и Пяти кантонов была хорошо известна. [904] Доктора Глариса, Шаффхаузена, Санкт-Галла, Констанца, Ульма, Линдау и Аугсбурга собрались в Цюрихе, чтобы продолжить путь под тем же эскортом, что и Цвингле, Пелликан, Коллин, Мегандер, Гроссман, командер Шмидт, Буллингер и большое количество сельского духовенства, отобранных для сопровождения реформатора. "Когда вся эта дичь разойдется по стране, - сказали пенсионеры, - мы отправимся на охоту и посмотрим, сможем ли мы кого-нибудь убить или, по крайней мере, поймать и посадить в клетку".

Триста отборных мужчин, отобранных из отрядов Цюриха и из приходов, расположенных в его пределах, надели нагрудники и взвалили аркебузы на плечи; но, чтобы путешествие этих врачей не выглядело военной экспедицией, они не взяли ни знамен, ни флейт, ни барабана; и городской трубач, гражданское должностное лицо, ехал один во главе отряда.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ.

Во вторник, 2 января, они отправились в путь. Никогда еще Цвингле не выглядел таким веселым. "Слава Господу, - сказал он, - мое мужество возрастает с каждым днем". [905] Бургомистр Руст, городской клерк Мангольдта, с Функом и Якли, обоими магистрами искусств, и всеми четырьмя

делегированными советом, ехали верхом рядом с ним. Они добрались до Берна 4 января, получив всего одну или две незначительные тревоги.

Местом проведения конференции должна была служить церковь Кордельеров. Тиллманн, городской архитектор, все устроил в соответствии с планом, предоставленным Цвингле. [906] Была воздвигнута большая платформа, на которой стояли два стола, а вокруг них сидели чемпионы двух партий. Со стороны евангелистов были отмечены, помимо Галлера, Цвингле и Николампадиуса, многие выдающиеся деятели Реформатской церкви, незнакомые со Швейцарией, такие как Буцер, Капито и Амброз Бларер. На стороне папства доктор Трегер из Фрибурга, пользовавшийся высокой репутацией, казалось, поддерживал огонь сражения. Что касается остальных, то из-за страха или презрения отсутствовали самые знаменитые римские врачи.

Первым шагом было опубликование регламента конференции. "Не должно предлагаться никаких доказательств, которые не были бы почерпнуты из Священного Писания, и не должно даваться никаких объяснений тех мест Писания, которые не исходят из самого Священного Писания, объясняющих неясные тексты такими, которые ясны". После этого один из секретарей, поднявшись, чтобы перекричать список, крикнул громким голосом, который эхом разнесся по церкви: —Епископ Констанца!" Никто не ответил. Он сделал то же самое для епископов Сиона, Базеля и Лозанны. Ни один из этих прелатов не присутствовал на этой встрече ни лично, ни через своих заместителей. Поскольку Слову Божьему было суждено царствовать в одиночку, римская иерархия так и не появилась. Эти две силы не могут действовать вместе. Там присутствовало около трехсот пятидесяти швейцарских и немецких священнослужителей.

ХРИСТОС, ЕДИНСТВЕННАЯ ГЛАВА.

Во вторник, 7 января 1528 года, бургомистр Вадан из Сент-Галла, один из председателей, открыл диспут. Вслед за ним встал престарелый Колб и сказал: "Бог в этот момент волнует весь мир, поэтому давайте смиримся перед ним", - и он с жаром произнес исповедь в грехах.

Когда это было сделано, был прочитан первый тезис. Таким образом, он был составлен. "Святая христианская Церковь, единственным главой которой является Христос, рождена из Слова Божьего, пребывает в нем и не прислушивается к голосу постороннего".

Алексис Грат, доминиканский монах: "Слова *единственный* нет в Священном Писании. Христос оставил здесь, внизу, викария".

Халлер. — "Наместник, которого оставил Христос, - это Святой Дух".

Трегер. — "Тогда посмотрите, до чего дошли дела за последние десять лет. Этот человек называет себя лютеранином, тот - цвинглианцем; третий - карлштадтианцем; четвертый - анколампадистом; пятый - анабаптистом..."

Буцер.— "Всякого, кто проповедует Иисуса как единственного Спасителя, мы признаем своим братом. Ни Лютер, ни Цвингле, ни СЕКолампадий не желают, чтобы верующие носили его имя. Кроме того, вам не следует так сильно хвастаться простым внешним единством. Когда антихрист одержал верх во всем мире, на Востоке благодаря Магомету, на Западе благодаря Папе Римскому, он смог удержать людей в единстве заблуждения. Бог допускает разделения, чтобы

те, кто принадлежит Ему, могли научиться смотреть не на людей, а на свидетельство Слова и на уверенность Святого Духа в своих сердцах. Итак, дорогие возлюбленные братья, к Священным Писаниям, к Священным Писаниям! [907] О Бернская церковь, крепко держись учения Того, Кто сказал: "*приди ко мне*", а не "*приди к моему викарию*"!"

Затем спор перешел последовательно к Традиции, Заслугам Христа, Пресуществлению, Мессе, Молитве Святым, Чистилищу, Образам, Безбрачию и Беспорядкам Духовенства. Рим нашел многочисленных защитников, и среди прочих Мурера, священника из Рапперсвиля, который сказал: "Если они захотят сжечь двух бернских министров, я возьму на себя обязательство предать их обоим огню".

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

В воскресенье, 19 января, в день, когда была атакована доктрина Мессы, Цвингле, желая также воздействовать на людей, взошел на кафедру и, зачитав Апостольский символ веры, сделал паузу после следующих слов: "Он вознесся на небеса и восседает одесную Бога Отца Всемогущего; оттуда он придет судить живых и мертвых". "Эти три статьи, - сказал он, - противоречат Мессе". Все его слушатели удвоили свое внимание, а священник, облаченный в священническое облачение, который готовился совершить святое жертвоприношение в одной из часовен, остановился в изумлении от слов Цвингле. Стоя перед освященным алтарем, на котором покоились чаша и тело Спасителя, устремив глаза на реформатора, чьи слова возбуждали народ, ставший жертвой самой жестокой борьбы и сломленный тяжестью истины, взволнованный священник решил пожертвовать ради нее всем. В присутствии всего собрания он снял со своих священнических украшений и, бросив их на алтарь, воскликнул: "Если Месса не будет проходить на более прочном основании, я больше не смогу ее проводить!" Шум от этого обращения, совершенного у самого подножия алтаря, немедленно распространился по городу, [908] и это было расценено как важное предзнаменование. Пока сохраняется Месса, Рим приобретает все; как только Месса падает, Рим теряет все. Месса - это творческий принцип всей системы папства.

ДЕНЬ СВЯТОГО ВИНСЕНТА.

Три дня спустя, 22 января, был праздник святого Винсента, покровителя города. Диспут, который продолжался в воскресенье, в этот день был приостановлен. Каноники спросили совет, что им делать. "Те из вас, - ответил совет, - кто усвоил доктрину тезисов, не должны служить мессу; остальные могут совершать богослужение как обычно". [909] Для торжественности были соответственно сделаны все приготовления. В канун дня Святого Винсента колокола со всех шпилей возвестили жителям Берна о празднике. На следующее утро ризничие зажгли свечи; благовония наполнили храм, но никто не появился. Ни священники, чтобы отслужить мессу, ни верующие, чтобы ее послушать! В римском святилище уже воцарилась огромная пропасть, глубокая тишина, как на поле битвы, где нет никого, кроме мертвых.

Вечером каноники по обычаю с большой помпой отслужили вечерню. Органист был на своем посту, но больше никто не появлялся. Бедняк, оставшийся таким образом в одиночестве, с печалью наблюдая за падением того культа, которым он зарабатывал себе на хлеб, выразил свое горе, сыграв траурный гимн вместо величественного *Magnificat*: "О, несчастный Иуда, что ты сделал, что ты так предал нашего Господа?" После этого печального прощания он встал и вышел. Почти сразу же несколько мужчин, возбужденных страстью момента, набросились на

его любимый орган, в их глазах являвшийся соучастником стольких суеверных обрядов, и своими жестокими руками разломали его на куски. Больше никаких месс, никакого органа, никаких гимнов! Новая вечеря и новые гимны придут на смену папским обрядам.

На следующий день была такая же тишина. Однако внезапно послышалась группа мужчин с громкими голосами и торопливыми шагами. Именно Компания мясников в этот роковой для Рима момент захотела поддержать его. Они продвигались вперед, неся маленькие елочки и зеленые ветки для украшения своей часовни. Посреди них был иностранный священник, за которым шли несколько бедных ученых. Священник совершил богослужение; сладкие голоса ученых заменили немой орган, и мясники удалились, гордые своей победой.

ПАПИСТСКАЯ ГОРЕЧЬ.

Дискуссия подходила к концу: сражающиеся нанесли сильные удары. Бургауэр, пастор Сент-Галла, сохранил реальное присутствие в Сонме; но 19 января он заявил, что убежден доводами Цвингле, Колампадиуса и Буцера; и Матиас, священник Заенгена, сделал то же самое.

После этого между Фарелем и парижским врачом состоялась беседа на латыни. Последний выдвинул странный аргумент. "Христианам, - сказал он, - предписано повиноваться дьяволу; [910] ибо сказано: *подчинись противнику твоему* (Мф. ст. 25); теперь наш противник - дьявол. Насколько же больше мы должны подчиняться Церкви!" Громкие взрывы смеха приветствовали этот замечательный силлогизм. Дискуссия с анабаптистами завершила конференцию.

Два собора постановили, что Месса должна быть отменена и что каждый может снять с церковей украшения, которые он туда поместил.

Немедленно в соборе были разрушены двадцать пять алтарей и огромное количество изображений, но без беспорядков и кровопролития; и дети начали петь на улицах (как сообщает нам Лютер): [911]-

Словом, наконец, мы спасены
От Бога, истолченного в ступе.

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФОРМЫ.

Сердца приверженцев папства наполнились горечью, когда они слышали, как объекты их обожания падают один за другим. "Если кто-нибудь, - сказал Джон Шнайдер, - заберет алтарь Компании мясников, я лишу его жизни". Питер Торман сравнил собор без украшений с конюшней. "Когда добрые люди Оберланда придут на рынок, - добавил он, - они будут счастливы выставить на нем свой скот". А Джон Зехендер, член Большого совета, чтобы показать, как мало он ценит такое место поклонения, въехал туда верхом на осле, оскорбляя и проклиная Реформу. Один бернец, случайно оказавшийся там, сказал ему: "По воле Бога эти изображения были снесены", — "Скажи лучше, по воле дьявола", - ответил Зехендер. - "Когда ты когда-нибудь был с Богом, чтобы узнать его волю?" Он был оштрафован на двадцать ливров и исключен из совета. [912] "Какие времена! какие манеры! - восклицали многие. - Какое преступное пренебрежение! Как легко было бы предотвратить столь великое несчастье! О! если бы только наши епископы были готовы больше заниматься учебой и немного меньше - своими любовницами!" [913]

Эта реформа была необходима. Когда христианство в четвертом веке стало свидетелем того, что благосклонность монархов уступила место преследованиям, толпа язычников, ворвавшихся в церковь, принесла с собой изображения, помпезность, статуи и полубогов язычества, а подобие мистерий Греции и Азии, и прежде всего Египта, изгнало Слово Иисуса Христа из христианских ораторий. Это Слово возвращается в шестнадцатом веке, очищение должно произойти обязательно; но оно не могло быть сделано без тяжких последствий.

ПРОПОВЕДЬ ЦВИНГЛЯ.

Приближался отъезд незнакомцев. 28 января, на следующий день после того, как были сброшены изображения и алтари, в то время как их груды обломков все еще загромождали тут и там портики и нефы собора, Цвингле пересек эти красноречивые руины и снова взошел на кафедру посреди огромной толпы. В сильном волнении, поочередно переводя взгляд на эти фрагменты и на людей, он сказал: "Победа была провозглашена за истиной, но только упорство может завершить триумф. Христос упорствовал даже до смерти. *Ferendo vincitur fortuna*. Корнелий Сципион после катастрофы при Каннах, узнав, что выжившие в резне полководцы намереваются покинуть Италию, вошел в здание сената, хотя еще не достиг сенаторского возраста, обнажил меч и заставил перепуганных вождей поклясться, что они не оставят Рим. Граждане Берна, к вам я обращаюсь с тем же требованием: не оставляйте Иисуса Христа".

Мы легко можем представить, какой эффект произвели на людей такие слова, произнесенные с энергичным красноречием Цвингле.

Затем, повернувшись к обломкам, лежавшим рядом с ним: "Смотрите, - сказал он, - смотрите на этих идолов! Смотрите, они побеждены, немые и разбиты у нас на глазах! Эти трупы должны быть преданы забвению, а золото, которое вы потратили на эти глупые изображения, отныне должно быть потрачено на то, чтобы утешать в их страданиях живые изображения Бога. Слабые души, вы льете слезы над этими печальными идолами; разве вы не видите, что они ломаются, разве вы не слышите, что они трескаются, как любое другое дерево или как любой другой камень? Смотрите! вот один из них лишен головы.....(Цвингле указал на изображение, и все люди устремили на него свои взоры); вот другой, у которого искалечены руки. [914] Если бы это дурное обращение причинило какой-либо вред святым, которые на небесах, и если бы у них была приписываемая им сила, смог бы ты, я молю, отрубить им руки и головы?"

"Итак, - сказал в заключение могущественный оратор, - твердо стойте в свободе, которой даровал вам свободу Христос, и не впутывайтесь снова в ярмо рабства" (Гал. ст. 1). Не бойтесь! Пусть Бог, который просветил вас, просветит и ваших союзников, и Швейцария, возрожденная Святым Духом, будет процветать в праведности и мире".

ЦВИНГЛЬ ТОРЖЕСТВУЕТ.

Слова Цвингле не пропали даром. Милость Божья призвала милость человеческую. Некоторые лица, приговоренные к смерти за подстрекательство к мятежу, были помилованы, и все изгнанники были отозваны. "Разве мы не должны были бы поступить так, - сказал совет, - если бы нас посетил великий князь? Разве мы не должны поступать так же теперь, когда Царь царей и Искупитель наших душ вошел к нам, неся вечную амнистию?" [915]

Римские кантоны, раздраженные результатом обсуждения, попытались помешать возвращению врачей. Подъехав к Бремгартену, они обнаружили, что ворота закрыты. Судебный

пристав Шютц, сопровождавший их с двумя сотнями латников, поставил двух алебардщиков перед лошадью Цвингле, двух позади него и по одному с каждой стороны; затем, встав по левую руку от Реформатора, в то время как бургомистр Раст расположился справа, он приказал эскорту следовать вперед с копьями наперевес. [916] Запуганные жители города вступили в переговоры; ворота были открыты; эскорт пересек Бремгартен среди огромной толпы и 1 февраля благополучно достиг Цюриха, в который Цвингле вернулся, по словам Лютера, как победитель. [917]

Римско-католическая партия не стала скрывать полученный ими чек. "Наше дело терпит крах", - заявили "Друзья Рима". [918] "О! хорошо, что у нас были люди, сведущие в Библии! Порывистость Цвингле поддерживала наших противников; его пыл никогда не ослабевал. У этого грубияна больше знаний, чем можно было себе представить. [919] Увы! увy! чем большая партия победила, тем лучше". [920]

Бернский собор, желая отделиться от папы, полагался на народ. 30 января гонцы, ходившие от дома к дому, созвали граждан; а 2 февраля горожане и обитатели, хозяева и слуги, объединившись в соборе и образовав единую семью, с воздетыми к небу руками поклялись защищать оба совета во всем, что они предпримут на благо государства или Церкви.

УКАЗ О РЕФОРМЕ.

7 февраля 1528 года собор опубликовал общий указ о реформе и "навсегда сбросил с шей бернцев ярмо четырех епископов, которые, - заявили они, - хорошо знают, как стричь своих овец, но не как их кормить". [921]

В то же время реформатские доктрины распространялись среди людей. Повсюду можно было услышать искренние и пронизательные диалоги, написанные Мануэлем в рифму, в которых бледная и умирающая Масса, распростертая на смертном одре, громко призывала всех своих врачей и, найдя их советы бесполезными, наконец, надломленным голосом продиктовала свою последнюю волю и завещание, которые люди восприняли с громкими взрывами смеха.

Реформацию в целом, и Бернскую реформацию в частности, упрекали в том, что она была вызвана политическими мотивами. Но, напротив, Берн, который из всех гельветических государств был наибольшим фаворитом римского двора, — в кантоне которого не было ни епископа, которого можно было бы уволить, ни могущественного духовенства, которое можно было бы унижить, — Берн, самые влиятельные семьи которого, Вайнгартены, Мануэльсы, Мэйсы, неохотно жертвовали жалованьем и службой иностранца, и все традиции которого были консервативны, должны были выступить против движения. Слово Божье было силой, которая преодолела эту политическую тенденцию. [922]

РЕФОРМА ПРИНЯТА.

В Берне, как и везде, Реформацию породил не ученый, не демократический и не сектантский дух. Несомненно, литераторы, либералы, сектантские энтузиасты ринулись в великую борьбу шестнадцатого века; но продолжительность Реформы была бы недолгой, если бы она получила жизнь от них. Изначальная сила христианства, возрождавшаяся после веков долгой и полной прострации, была созидательным принципом Реформации; и вскоре стало ясно, что оно отчетливо отделилось от появившихся ложных союзников, отвергло недоверчивую ученость, превознесение изучение классики, положило конец всякой демагогической анархии, поддержав

принципы истинной свободы, и отвергло восторженные секты, освятив права Слова и христианского народа.

Но хотя мы утверждаем, что Реформация в Берне, как и везде, была истинно христианским делом, мы далеки от того, чтобы утверждать, что она не была полезна кантону в политическом смысле. Все европейские государства, принявшие Реформацию, были возвышены, в то время как те, которые боролись с ней, были опущены.

III. Теперь встал вопрос о распространении по всему кантону реформы, проведенной в городе. 17 февраля совет пригласил сельские приходы собраться в следующее воскресенье, чтобы получить сообщение и обсудить его. Вся Церковь, согласно древнему обычаю христианского мира, была близка к тому, чтобы самой принять решение относительно своих самых дорогих интересов.

Собрания были переполнены; присутствовали представители всех состояний и возрастов. Рядом с седой и трясущейся головой пожилого человека можно было увидеть сверкающие глаза молодого пастуха. Посланники совета сначала зачитали эдикт о Реформации. Затем они провозгласили, что те, кто принял его, должны остаться, а те, кто его отверг, должны уйти.

Почти все собравшиеся прихожане остались на своих местах. Подавляющее большинство людей выбрали Библию. В нескольких приходах это решение сопровождалось энергичными демонстрациями. В Арберге, Зофингене, Брюнге, Арау и Бюрене изображения были сожжены. "В Штауфберге, - рассказывали, - видели идолов, которые несли идолов и бросали друг друга в огонь". [923]

ВЕРА И МИЛОСЕРДИЕ.

Изображения и Масса Людей исчезли из этого огромного кантона. "Громкий крик раздался повсюду", - пишет Буллингер. [924] В один день Рим пал по всей стране, без предательства, насилия или обольщения, одной только силой истины. Однако в некоторых местах, в Хасли, во Фрутигене, Унтерзине и Гриндельвальде, было слышно, как недовольные говорили: "Если они отменяют Мессу, они также должны отменить десятину". Римская форма богослужения сохранилась в Верхнем Симментале, что является доказательством отсутствия принуждения со стороны государства.

Таким образом, проявив волю кантона, Берн завершил Реформацию. Все излишества в азартных играх, выпивке и танцах, а также любая неподобающая одежда были запрещены прокламацией. Дома, пользовавшиеся дурной славой, были разрушены, а их жалкие обитатели изгнаны из города. [925] Для наблюдения за общественной моралью была назначена консистория.

Через семь дней после эдикта бедняки были приняты в доминиканский монастырь, а чуть позже монастырь на Острове был преобразован в больницу; княжеский монастырь Кенигсфильд также был посвящен той же полезной цели. Благотворительность повсюду следовала по стопам веры. "Мы докажем, - сказал совет, - что мы не используем собственность монастырей в наших собственных интересах"; и они сдержали свое слово. Бедняки были одеты в одежды священников; сироты были украшены церковными украшениями. Они были настолько строги в

распределении средств, что государство было вынуждено занимать деньги для выплаты ежегодного пособия монахам; и в течение восьми дней в государственной казне не было ни кроны. [926] Таким образом, государство, как это постоянно повторялось, обогатилось за счет церковной добычи! В то же время они пригласили из Цюриха священников Хоффмайстера, Мегандера и Релликанца, чтобы они распространяли по всему кантону знания классиков и Священного Писания.

ПЕРВОЕ ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ПРИЧАСТИЕ.

На Пасху впервые была совершена Вечеря Господня по евангельским обрядам. В ней приняли участие оба собора и весь народ, за редким исключением. Незнакомые люди были поражены торжественностью этого первого причастия. Жители Берна и их жены, одетые в приличные одежды, напоминающие древнюю швейцарскую простоту, подошли к столу Христа с серьезностью и рвением; [927] главы государства проявили такую же святую преданность, как и народ, и благочестиво приняли хлеб из рук Бертольда Халлера. Каждый чувствовал, что Господь был среди них. Поэтому Хоффмайстер, очарованный этим торжественным богослужением, воскликнул: "Как могут противники Слова отказываться наконец принять истину, видя, что сам Бог дает о ней такое поразительное свидетельство!" [928]

И все же ничего не изменилось. Друзья Евангелия с болью наблюдали, как сыновья знатных семейств республики разгуливали по улицам в дорогих одеждах, обитали в роскошных домах в городе, в великолепных особняках за городом — настоящих сеньориальных обитателях, следили за охотой с гончими и рожком, устраивали роскошные банкеты, беседовали на распушенном языке или с энтузиазмом рассуждали о зарубежных войнах и французской партии. "Ах! - воскликнули эти благочестивые люди. - Если бы мы только могли увидеть, как возрождается старая Швейцария с ее былыми добродетелями!"

ГОЛОВА БЛАЖЕННОГО.

Вскоре последовала мощная реакция. Приближалось ежегодное обновление магистратуры, и советник Бутшельбах, ярый противник Евангелия, был изгнан за прелюбодеяние; четыре других сенатора и двадцать членов Большого Совета также были заменены друзьями Реформации и общественной морали. Ободренные этой победой, евангелические бернцы предложили в сейме, чтобы каждый швейцарец отказался от дипломатической службы. При этих словах воины Люцерна вздрогнули под своими тяжелыми доспехами и с надменной улыбкой ответили: "Когда вы вернетесь к древней вере, мы послушаем ваши проповеди". Все члены правительства, собравшиеся в Берне на суверенный совет, решили подать пример и торжественно отказались от жалованья иностранным принцам. Таким образом, Реформация продемонстрировала свою веру своими делами.

Произошла еще одна борьба. Над Туннским озером возвышается цепь крутых скал, посреди которых расположена глубокая пещера, куда, если мы можем верить преданию, в древние времена приходил благочестивый бретонец Беатус, чтобы посвятить себя всем суровостям аскетической жизни, но особенно обращению в христианство окрестностей, которые все еще были языческими. Утверждалось, что голова этого святого, умершего в Галлии, хранилась в этой пещере, и поэтому ее посещали паломники со всех концов света. Благочестивые жители Цуга, Швица, Ури и Арговии застонали при мысли, что святая голова апостола Швейцарии отныне останется в стране еретиков. Настоятель знаменитого монастыря Мури в Арговии и несколько

его друзей отправились в путь, как в древние времена аргонавты отправлялись на поиски Золотого руна. Они прибыли в скромном обличье бедных паломников и вошли в пещеру; один умело снял голову, другой таинственным образом спрятал ее в капюшон, и они исчезли. Голова мертвеца!— и это было все, что Рим спас от кораблекрушения. Но даже это завоевание было более чем сомнительным. Бернцы, получившие информацию об этой процессии, 18 мая послали трех депутатов, которые, согласно их отчету, нашли эту знаменитую голову и распорядились, чтобы ее достойно похоронили у них на глазах на кладбище, принадлежащем Интерлакенскому монастырю. Это состязание из-за черепа характеризует Церковь, которая только что уступила в Берне животворящему дыханию Евангелия. *Пусть мертвые хоронят своих мертвецов.*

НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ.

Реформация восторжествовала в Берне, но в горах незаметно собиралась буря, которая грозила сокрушить ее. Государство в союзе с Церковью вспомнило о своей древней славе. Видя, что на него нападают с оружием в руках, оно, в свою очередь, взялось за оружие и действовало с тем решением, которое некогда спасло Рим от подобных опасностей.

Среди жителей долин и гор зрело тайное недовольство. Некоторые все еще были привязаны к древней вере; другие отказались от Мессы только потому, что думали, что их освободят от уплаты десятины. Древние соседские узы, общее происхождение и сходство нравов объединили жителей Обвальда (Унтервальдена) с жителями Хасли и Бернского Оберланда, которые были разделены только горой Бруниг и высоким перевалом Йок. Распространился слух, что правительство Берна осквернило место, где хранились драгоценные останки Беата, апостола этих гор, и возмущение немедленно охватило этих пасторальных людей, которые тверже других придерживаются обычаев и суеверий своих предков.

Но в то время как одних возбуждала привязанность к Риму, других возбуждало стремление к свободе. Подданные монастыря Интерлакен, угнетаемые монашеским правлением, начали кричать: "Мы хотим стать самими себе хозяевами и больше не платить арендную плату или десятину". Настоятель монастыря в Аффрайте уступил все свои права Берну за сумму в сто тысяч флоринов; [929] и судебный пристав в сопровождении нескольких советников отправились и вступили во владение монастырем. Вскоре распространился слух, что они собираются перевезти все имущество монастыря в Берн; и 21 апреля банды мужчин из Гриндельвальда, Лаутербруннена, Рингельберга, Бриенца и других мест пересекли озеро или вышли из своих высокогорных долин и, насильственно овладев монастырем, поклялись дойти даже до Берна в поисках товаров, которые горожане посмели у них отнять.

ВОССТАНИЕ.

На время они успокоились; но в начале июня народ по наущению Унтервальдена снова восстал во всех Хасли. Ландсгемейнде [930] Созванный, он большинством в сорок голосов принял решение о восстановлении Мессы. Пастор Якли был немедленно изгнан; несколько человек переправились через Бруниг и привели обратно нескольких священников из Унтервальдена под звуки флейт и труб. Издалека было видно, как они спускаются с горы, и со дна долины им ответили громкие и протяжные крики. Наконец они прибыли: все обнялись друг с другом, и люди снова отпраздновали Мессу с великими проявлениями радости. В то же время жители Фрутигена и плодородной долины Адельбоден напали на кастеляна Рейтера, угнали его стада и

назначили римско-католического священника на место своего пастыря. В Эски даже женщины взяли за оружие, выгнали пастора из церкви и с триумфом вернули изображения. Восстание перекинулось из деревни в деревню, из долины в долину и снова овладело Интерлакеном. Все недовольные собрались там 22 октября и поклялись, воздев руки к небу, смело защищать свои права и свободу.

ХРИСТОС В ОПАСНОСТИ.

Возможно, никогда еще республика не подвергалась большей опасности. Все короли Европы и почти все кантоны Швейцарии были против Евангелия. Весть о появлении австрийской армии, призванной выступить в защиту папы римского, распространилась по реформатским кантонам. [931] Мятёжные собрания происходили каждый день, [932] и люди отказывались платить своим магистратам арендную плату, услуги, десятину или даже повиновение, если они не закрывали глаза на замыслы из римско-католиков. Совет пришел в замешательство. Пораженные и сбитые с толку, подвергшиеся недоверию одних и оскорблениям других, они имели малодушие отделиться под предлогом сбора винограда и, сложив руки перед лицом этой великой опасности, ждали, пока Мессия спустится с небес (говорит реформатор), чтобы спасти республику. [933] Министры указывали на опасность, предупреждали и призывали их; но каждый остался глух к этому. "Христос томится в Берне, - сказал Галлер, - и, кажется, близок к гибели". [934] Все люди были в смятении; они собирались, произносили речи, роптали и проливали слезы! Повсюду — на всех их бурных собраниях — можно было услышать эту жалобу Мануила на папистов и папский престол: [935]

С яростью обличают наши враги своими ненавистными угрозами,
Потому что, о Господи, мы любим Тебя больше всех;
Потому что при виде Тебя падают идола;
И войну и кровопролитие, содрогаясь, мы отрекаемся.

Берн был подобен беспокойному морю, и Галлер, прислушивавшийся к реву волн, писал в глубочайшей тоске: "Мудрость покинула мудрых, советы покинули советников, а энергия покинула вождей и народ! Число мятежников увеличивается с каждым днем. Увы! что может Медведь, угнетенный сном, противопоставить такому количеству и таким крепким охотникам? [936] Если Христос удалится, мы все погибнем".

ЭНЕРГИЯ БЕРНА.

Эти опасения были близки к осуществлению. Небольшие кантоны утверждали, что имеют право вмешиваться в вопросы веры, не нарушая федеральный договор. В то время как шестьсот человек из Ури готовились к отъезду, восемьсот человек из Унтервальдена с сосновыми ветками в шляпах, символами старой веры, с надменными головами и мрачными и сердитыми взглядами пересекли Бруниг под древним знаменем страны, которое нес Гаспар де Флу, весьма недостойный внук великого Николая. [937] Это было первое нарушение национального спокойствия за многие годы. Соединившись в Хасли с бойцами Бриенца, эта маленькая армия пересекла озеро, прошла под каскадами Гейсбаха и прибыла в Унтерзин, численностью в тысячу триста человек, готовая двинуться на Берн, чтобы восстановить папу римского, Идолов и Мессу в этом мятежном городе. В Швейцарии, как и в Германии, Реформация в самом начале столкнулась с крестьянской войной. При первом успехе прибывали новые участники боевых

действий и устремлялись через перевалы Брюнига на неверную республику. Армия находилась всего в шести лье от Берна, а сыновья Унтервальдена уже гордо размахивали своими мечами на берегах Туннского озера.

Таким образом, федеральные союзы были растоптаны теми самыми людьми, которые претендовали на звание консерваторов. Берн имел право отразить это преступное нападение силой. Внезапно вспомнив о своих древних добродетелях, город встрепнулся и поклялся скорее погибнуть, чем мириться с вмешательством Унтервальдена, восстановлением Мессы и яростным насилием крестьян. [938] В тот момент в сердцах бернцев зародилось одно из тех вдохновений, которые приходят свыше и которые спасают как нации, так и отдельных людей. "Пусть сила города Берна, - воскликнул Беглец д'Эрлах, - будет только в Боге и в верности его народа". Весь совет и вся масса граждан ответили шумными возгласами одобрения. Было поспешно поднято большое знамя, горожане бросились к оружию, роты были собраны, и войска республики выступили маршем во главе с доблестным избегателем.

ПОБЕДА.

Едва бернское правительство начало действовать столь энергично, как оно увидело, что доверие его друзей возросло, а мужество противников уменьшилось. Бог никогда не покидает людей, которые верны себе. Многие оберландцы испугались и покинули ряды восставших. В то же время депутаты от Базеля и Люцерна заявили Унтервальдену, что это попирает древние союзы. Повстанцы, обескураженные стойкостью республики, покинули Унтерзин и удалились в Интерлакенский монастырь. И вскоре после этого, когда они увидели решение своих противников, обеспокоенные, кроме того, непрекращающимися холодными дождями и опасаясь, что снег, покрывший горы, помешает им вернуться в свои дома, жители Унтервальдена ночью эвакуировались из Интерлакена. Бернцы численностью в пять тысяч человек немедленно вошли в него и призвали жителей Хасли и бейливика Интерлакен собраться 4 ноября на равнине, окружающей монастырь. [939] На следующий день бернская армия построилась в боевой порядок, а затем образовала круг, в пределах которого Д'Эрлах приказал крестьянам войти. Едва он расположил повстанцев слева, а лояльных граждан справа, как мушкеты и артиллерия произвели общий залп, звук которого, эхом разнесшийся по горам, наполнил ужасом повстанцев, которые сочли это сигналом к своей смерти. Но беглец всего лишь хотел показать, что они находятся во власти республики. Д'Эрлах, обратившийся к ним сразу же после этого странного обращения, не успел закончить своей речи, как все они упали на колени и, признавшись в своем преступлении, просили прощения. Республика была удовлетворена: восстание было подавлено. Знамена округа были доставлены в Берн, и Орел Интерлакена в союзе с Дикой козой Хасли некоторое время висел под Медведем в качестве трофея этой победы. Четверо вождей были казнены, а остальным повстанцам была объявлена амнистия. "Бернцы, - сказал Цвингле, - как Александр Македонский в древние времена, разрубили Гордиев узел с мужеством и славой". [940] Так думал цюрихский реформатор; но однажды опыт научил его, что для разрубания таких узлов требуется другой меч, чем у Александра и Д'Эрлаха. Как бы то ни было, мир был восстановлен, и в долинах Хасли не было слышно никакого другого шума, кроме величественного грохота, издаваемого Рейхенбахом и всеми окрестными потоками, низвергающими с горных вершин свои многочисленные и пенящиеся воды.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА.

Хотя мы отвергаем от имени Церкви мечи гельветических банд, было бы неразумно не признавать политические преимущества этой победы. Знать воображала, что Реформация Церкви поставит под угрозу само существование государства. Теперь у них было доказательство обратного: они увидели, что когда нация принимает Евангелие, ее сила удваивается. Великодушное доверие, с которым в час опасности они поставили некоторых противников Реформации во главе дел и армии, привело к самым счастливым результатам. Теперь все были убеждены, что Реформация не растопчет старые воспоминания: предрассудки были устранены, ненависть умиротворена, Евангелие постепенно сплотило вокруг себя все сердца, и подтвердилось древнее и замечательное изречение, которое так часто повторяли друзья и враги этой могущественной республики: "Бог стал гражданином Берна".

IV. Бернская реформация имела решающее значение для нескольких кантонов. Тот же самый ветер, который с такой силой дул с небес на страну Де Ватвилля и Галлера, повалил "идолов" на большей части Швейцарии. Во многих местах люди были возмущены, видя, что Реформация сдерживается робкой осмотрительностью дипломатов; но когда дипломатия была обращена в бегство в Берне, поток, так долго сдерживаемый, неистово хлынул наружу.

РИМСКИЕ РЕЛИКВИИ.

Не успел Вадриан, бургомистр Сент-Галла, председательствовавший на бернском диспуте, вернуться домой, как горожане с разрешения магистратов вынесли изображения из церкви Святого Магнуса, отнесли на монетный двор руку святого покровителя в серебре вместе с другими серебряными изделиями и раздали бедным полученные взамен деньги; таким образом, подобно Марии, они возлили свое драгоценное умащение на голову Христа. [941] Жители Сент-Галла, желая приоткрыть древние тайны, наложили свои руки на само аббатство, на святыни и кресты, которые так долго были представлены им для поклонения; но вместо святых мощей они, к своему великому удивлению, не нашли ничего, кроме немного смолы, несколько монет, несколько жалких деревянных изображений, несколько старых тряпок, череп, большой зуб и панцирь улитки! Рим, вместо того благородного падения, которое знаменует конец великих личностей, погрузился в пучину глупых суеверий, постыдного мошенничества и иронического смеха целого народа.

Такие открытия, к сожалению, возбудили страсти множества людей. Однажды вечером несколько недоброжелательно настроенных людей, желая встревожить бедных монахинь Святой Екатерины, которые упорно сопротивлялись Реформе, окружили монастырь с громкими криками. Напрасно монахини баррикадировали двери; вскоре стены были взломаны, и добычей этих грубых шутов стали хорошее вино, мясо, кондитерские изделия и все далеко не аскетичные монастырские деликатесы. Их ожидало еще одно преследование: поскольку доктор Шапелер был назначен их катехизатором, им было рекомендовано снять монашеское одеяние и посещать его еретические проповеди, "одетыми, как все в мире", - сказала сестра Виборат. Некоторые из них поддержали Реформу, но тридцать других предпочли изгнание. [942] 5 февраля 1528 года многочисленный синод утвердил устав церкви Святого Галла.

Конкурсы.

В Гларисе борьба была более ожесточенной. Семена Евангельской истины, которые Цвингле разбросал там, дали лишь незначительные всходы. Люди, стоявшие у власти, с тревогой отвергали любое новшество, и людям больше нравилось "прыгать, танцевать и творить чудеса *сбокалом в руке*", как говорится в старой хронике, "чем заниматься проповедью Евангелия". После того как 15 мая 1528 года Ландсгемайнде большинством в тридцать три голоса высказался в пользу мессы, две партии были выделены с большей отчетливостью: изображения были разбиты в Матте, в Эльме, в Бетшвандене, и поскольку каждый человек оставался в стороне в своем собственном доме и деревне, в кантоне больше не было ни государственного совета, ни трибунала. В Швандене священник Петер Румелин, пригласив римо-католиков на диспут с ним в церкви, последние, вместо обсуждения, прошли процессией под бой барабанов вокруг места богослужения, в котором собрались реформаты, а затем ворвались в дом пастора, расположенный в центре города, разбили печи и окна: раздраженные реформаты отомстили и разбили изображения. 15 апреля 1529 года было заключено соглашение, в силу которого каждый человек был волен выбирать между мессой и Проповедью.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕФОРМ.

В Везене, где Швиц осуществлял суверенитет совместно с Гларисом, депутаты бывшего кантона угрожали народу. После этого молодые люди вынесли изображения из церквей, вынесли их на открытое место у берегов живописного озера Валленштадт, над которым возвышаются горы Амона и Семи Курфюрстов, и закричали: "Смотрите! эта дорога (та, что у озера) ведет в Койре и в Рим; та (на юг) - в Гларис; эта другая (на запад) - в Швиц; и четвертая (у Аммона) - в Сен-Галл. Берите, что вам заблагорассудится! Но если вы не уйдете, вы будете сожжены!" Выждав несколько минут, эти молодые люди бросили неподвижные изображения в огонь, и депутаты Швиц, которые были очевидцами этой казни, в ужасе отступили и наполнили весь кантон планами мести, которые были слишком скоро реализованы.

В кантоне Аппенцель, где открылась конференция, внезапно появилась группа римско-католиков, вооруженных кнутами и дубинками, и кричала: "Где эти проповедники? мы полны решимости изгнать их из деревни!" Эти странные врачи ранили министров и разогнали собрание своими кнутами. Из восьми приходов кантона шесть приняли Реформу, и Аппенцель окончательно разделился на небольшие части: одну романистическую, а другую реформатскую.

В Граубюндене была провозглашена свобода вероисповедания; приходы избрали своих пасторов, несколько замков были разрушены до основания, чтобы сделать невозможным всякое возвращение к произволу правительства, а испуганный епископ уехал и спрятал в Тироле свой гнев и жажду мести. - Граубюндены, - сказал Цвингль, - наступают с каждым днем. Это нация, которая своим мужеством напоминает нам древних тосканцев, а своей искренностью - древних швейцарцев". [\[943\]](#)

ПРЕПЯТСТВИЯ В БАЗЕЛЕ.

Шаффхаузен, после долгого "колебания между двумя мнениями", по требованию Цюриха и Берна вывез изображения из своих церквей без шума и беспорядка. В то же время Реформация вторглась в Турговию, долину Рейна и другие бейливики, подчиненные этим кантонам. Напрасно римско-католические кантоны, составлявшие большинство, протестовали против

этого. "Когда речь идет о мирских делах, - ответили Цюрих и Берн, - мы не будем выступать против множества голосов; но Слово Божье не может быть подчинено голосованию людей". Все районы, расположенные вдоль берегов Тура, Боденского озера и Верхнего Рейна, приняли Евангелие. Жители Маммерена, недалеко от того места, где Рейн выходит из озера, бросали свои изображения в воду. Но статуя святого Блеза, простояв некоторое время в вертикальном положении, и созерцая неблагоприятное место, откуда ее изгнали, переплыла озеро в Катахорн, расположенный на противоположном берегу, если мы можем верить рассказу монаха по имени Ланг. [944] Даже во время бегства папство творило свои чудеса.

Так были свергнуты народные суеверия в Швейцарии, иногда не без насилия. Каждое крупное событие в человеческих делах влечет за собой энергичное противодействие тому, что существовало раньше. Это неизбежно содержит агрессивный элемент, который должен действовать свободно и тем самым открывать новый путь. Во времена Реформации врачи нападали на папу, а люди - на изображения. Движение почти всегда выходило за рамки справедливой умеренности. Чтобы человеческая природа могла сделать один шаг вперед, его пионеры должны сделать много. Каждый лишний шаг должен быть осужден, и все же мы должны признать их необходимость. Давайте не будем забывать об этом в истории Реформации, и особенно в истории Швейцарии.

Цюрих был реформирован; Берн только что стал таковым; Базель все еще оставался до того, как крупные города Конфедерации были обращены в евангелическую веру. Реформация этого ученого города была самым важным следствием реформ воинственного Берна.

РВЕНИЕ ГРАЖДАН.

В течение шести лет Евангелие проповедовалось в Базеле. Кроткий и благочестивый СЕКолампадий всегда ждал более счастливых времен. "Тьма, - сказал он, - вот-вот отступит перед лучами истины". [945] Но его ожидания были напрасны. Тройственная аристократия — высшее духовенство, знать и университет — препятствовала свободному распространению христианских убеждений. Именно средним классам было суждено осуществить триумф Реформации в Базеле. [946] К сожалению, популярная волна ни во что не вторгается без того, чтобы не поднять какую-нибудь мерзкую падаль.

Это правда, что у Евангелия было много друзей в советах: но, будучи людьми средней партии, они лавировали взад-вперед, как Эразм, вместо того чтобы плыть прямо в порт. Они предписывали "чистую проповедь Слова Божьего", но в то же время оговаривали, что она должна быть "без лютеранства". Престарелый и благочестивый епископ Утенхайм, живший на покое в Брунтроте, ежедневно приходил в церковь, поддерживаемый двумя слугами, чтобы прерывающимся голосом отслужить мессу. Вскоре ему наследовал Гундельсгейм, враг Реформации; и 23 сентября, сопровождаемый множеством изгнанников и обозом из сорока лошадей, он совершил свой триумфальный въезд в Базель, предлагая восстановить все на прежних основаниях. Это заставило Николампадиуса в тревоге написать Цвингле: "Наше дело висит на волоске".

Но в гражданах Реформа нашла компенсацию за презрение великих и за ужасы, внушаемые новым епископом. Они организовали трапезы на пятьдесят и сто гостей каждая; Колампадий и его коллеги заняли свои места за этими столами вместе с народом, где энергичные возгласы одобрения приветствовали работу Реформации. За короткое время даже совет, казалось,

склонился на сторону Евангелия. Двадцать праздничных дней были сокращены, и священникам было разрешено отказаться от служения мессы. "С Римом все кончено", - раздался теперь крик. Но Колампадий, покачав головой, ответил: "Я боюсь, что, пожелав сесть на эти два табурета, Базель в конце концов рухнет на землю". [947]

ОСТРОТА ЭРАЗМА.

Это было в период его возвращения с дискуссии в Берне. Он прибыл вовремя, чтобы закрыть глаза своей благочестивой матери; и тогда реформатор оказался в одиночестве, изнемогая под тяжестью общественных и домашних забот; ибо его дом был подобен постоялому двору для всех беглых христиан. "Я женюсь на Монике", [948] он часто говорил: "иначе я останусь холостяком". Он думал, что теперь нашел "сестру-христианку", которую искал. Это была Вилибрандис, дочь одного из рыцарей императора Максимилиана и вдова магистра искусств по имени Келлер, женщина, уже прошедшая множество испытаний. Он женился на ней, сказав: "Я смотрю на постановления Божьи, а не на хмурые лица людей". Это не помешало хитрому Эразму воскликнуть: "Дело Лютера называют трагедией, но я утверждаю, что это комедия, ибо каждый акт драмы заканчивается свадьбой". Эта острота часто повторялась. Долгое время было модно объяснять Реформацию стремлением князей к церковной собственности, а священников - к браку. Этот вульгарный метод теперь клеймится лучшими римскими полемистами как "доказательство исключительно ограниченного ума". "Реформация возникла, — добавляют они, - в истинно христианском, хотя и непросвещенном рвении". [949]

Возвращение Эразма Колампадиуса имело еще более важные последствия для Базеля, чем для него самого. Дискуссия в Берне произвела там большую сенсацию. "Берн, могущественный Берн, реформируется!" - передавалось из уст в уста. "Как же так?" — говорили люди друг другу. "Свиристый медведь выбрался из своего логова..... он ощупью ищет солнечные лучи..... а Базель, город знаний - Базель, приемный город Эразма и Николампадия, остается во тьме!"

ПОЛУМЕРЫ.

В Страстную пятницу (10 апреля 1528 г.), без ведома совета и Эразма Колампадиуса, пятеро рабочих из Компании прядильщиков вошли в церковь Святого Мартина, которая принадлежала реформатору и где Месса уже была отменена, и унесли всех "идолов". В пасхальный понедельник, после вечерней проповеди, тридцать четыре горожанина вынесли все изображения из церкви августинцев.

Это зашло слишком далеко. Значит, они хотели вывести Базель и его советы из той справедливой среды, в которой они до этого момента так мудро останавливались? Совет поспешно собрался во вторник утром и отправил пятерых мужчин в тюрьму; но, по заступничеству бюргеров, они были освобождены, а изображения были запрещены в пяти других церквях. Этих полумер на какое-то время оказалось достаточно.

Внезапно пламя вспыхнуло с новой силой. В соборах Святого Мартина и Святого Леонарда читались проповеди против мерзостей собора; а на соборе реформаторов называли "еретиками, мошенниками и распутниками". [950] Паписты служили мессу за мессой. Бургомистр Мейер, друг Реформы, был на стороне большинства народа; бургомистр Мельтингер, бесстрашный лидер римских партизан, одержал верх в советах: столкновение стало неизбежным. "Приближается роковой час, - говорит Николампадий, - ужасный для врагов Божьих". [951]

ВОЛНЕНИЯ В БАЗЕЛЕ.

В среду, 23 декабря, за два дня до Рождества, триста граждан из всех компаний, благочестивых и достойных людей, собрались в зале Общества садоводов и составили петицию в сенат. В это время друзья папства, проживавшие по большей части в Малом Базеле и пригороде Сен-Поль, взялись за оружие, размахивая мечами и копьями против реформированных граждан в тот самый момент, когда те несли их петицию в совет, и попытались, хотя и безуспешно, преградить им дорогу. Мельтингер надменно отказался принять петицию и потребовал от бюргеров, верных своей гражданской присяге, вернуться в свои дома. Бургомистр Мейер, однако, принял обращение, и сенат приказал его зачитать.

"Достопочтенные, мудрые и милостивые лорды, - гласило оно, - мы, ваши почтительные сограждане из компаний, обращаемся к вам как к возлюбленным отцам, которым мы готовы повиноваться ценой наших благ и наших жизней. Примите славу Божью близко к сердцу; восстановите мир в городе; и обяжите всех папских проповедников свободно дискутировать со священниками. Если Месса истинна, мы желаем провести ее в наших церквях; но если это мерзость перед Богом, почему из любви к священникам мы должны навлекать Его ужасный гнев на себя и на наших детей?"

Так говорили жители Базеля. Ни в их языке, ни в их действиях не было ничего революционного. Они желали того, что было правильным, принимая решения, но также и сохраняя спокойствие. Все могло бы по-прежнему продолжаться в порядке и пристойности. Но здесь начинается новый период: корабль Реформ вот-вот войдет в порт, но не раньше, чем пройдет через жестокие штормы.

V. Именно сторонники епископа первыми сошли с законного пути. Охваченные ужасом, узнав, что из Цюриха и Берна ожидаются посредники, они побежали в город, крича, что к ним на помощь идет австрийская армия, и собирали камни в своих домах. Реформаты сделали то же самое. Беспорядки нарастали с каждым часом, и в ночь на 25 декабря паписты собрались с оружием в руках: в их рядах были священники с аркебузами в руках.

Едва реформированные узнали об этом, как некоторые из них, поспешно перебегая от дома к дому, постучали в двери и разбудили своих друзей, которые, вскочив с постелей, схватили свои мушкеты и направились в Дом Садовников, место встречи их отряда. Вскоре их число достигло трех тысяч.

ПОЛУМЕРЫ ОТКЛОНЕНЫ.

Обе стороны провели ночь с оружием в руках. В любой момент могла вспыхнуть гражданская война и, что еще хуже, "война очагов". Наконец было решено, что каждая партия должна назначить делегатов для обсуждения этого вопроса с сенатом. Реформированные выбрали тридцать респектабельных, смелых, верующих и опытных мужчин, которые поселились в Доме Садовников. Приверженцы древней веры выбрали также комиссию, но менее многочисленную и менее респектабельную: их резиденция находилась в зале торговцев рыбой. Совет заседал постоянно. Все ворота города, кроме двух, были закрыты; в каждом квартале была выставлена сильная стража. Депутаты из Люцерна, Ури, Шаффхаузена, Цуга, Швица, Мюльхаузена и Страсбурга прибыли последовательно. Волнение и суматоха нарастали с каждым часом.

Необходимо было положить конец столь жестокому кризису. Сенат, верный своим идеям полумер, постановил, что священник должен продолжать служить Мессе; но что все, священники и служители, должны проповедовать Слово Божье и с этой целью собираться раз в неделю для обсуждения священного Писания. Затем они созвали лютеран во францисканскую церковь, а папистов - в доминиканскую. Сенат сначала отправился в бывшую церковь, где они обнаружили две тысячи пятсот собравшихся граждан. Едва секретарь успел прочитать постановление, как поднялось сильное волнение. "Этого не будет", - воскликнул один из людей. [952] "Мы не потерпим Мессы, даже ни одной!" — воскликнул другой; и все повторили: "Без мессы, без мессы, мы умрем раньше!" [953]

Когда сенат в следующий раз посетил доминиканскую церковь, все романисты в количестве шестисот человек, среди которых было много иностранных слуг, воскликнули: "Мы готовы пожертвовать нашими жизнями ради Мессы. Мы клянемся в этом, мы клянемся в этом!" - повторяли они с поднятыми руками. "Если они откажутся от Мессы — к оружию! к оружию!" [954]

Сенат удалился еще более смущенный, чем когда-либо.

РЕФОРМИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Через три дня обе стороны снова собрались. За кафедрой стоял ОЕКолампадий. "Будьте кроткими и послушными", - сказал он; и он проповедовал с таким услаждением, что многие были готовы разрыдаться. [955] Собрание вознесло молитвы, а затем постановило, что оно примет новое постановление, в силу которого через пятнадцать дней после Пятидесятницы должно состояться публичное обсуждение, в котором не должны использоваться никакие аргументы, кроме тех, которые были взяты из Слова Божьего: после этого должно состояться общее голосование по Мессе, чтобы большинство решило вопрос, и чтобы тем временем Месса должна была состояться. праздноваться только в трех церквях; при этом, однако, понимается, что там не должно преподаваться ничего такого, что противоречило бы Священному Писанию.

Католическое меньшинство отвергло эти предложения: "Базель, - сказали они, - не похож на Берн и Цюрих. Его доходы в значительной степени поступают из стран, выступающих против Реформации!" Поскольку священники отказались проводить еженедельные собрания, они были отстранены от работы; и в течение двух недель ни проповеди, ни мессы не было ни в соборе, ни в церквях Св. Ульрика, Св. Петра и св. Теодор.

Те, кто остался верен Риму, решились на бесстрашную защиту. Мельтинджер посадил Себастьяна Мюллера за кафедру в соборе Святого Петра, от которой ему было запрещено, и этот вспыльчивый священник высказал такие оскорбительные сарказмы в адрес Реформы, что несколько евангелистов, слушавших проповедь, были оскорблены и чуть не разорваны на куски.

НОЧЬ УЖАСА.

Необходимо было вывести Базель из этого кошмара и нанести решающий удар. "Давайте вспомним о нашей свободе, - говорили реформатские граждане, - и о том, чем мы обязаны славе Христа, общественному правосудию и нашим потомкам". [956] Затем они потребовали, чтобы враги Реформации, друзья и родственники священников, которые были причиной всех этих задержек и всех этих неприятностей, больше не заседали в советах до тех пор, пока не будет восстановлен мир. Это было 8 февраля. Совет уведомил, что они вернут ответ завтра.

В шесть часов вечера тысяча двести граждан собрались на хлебном рынке. Они начали опасаться, что за отсрочкой, требуемой сенатом, скрывается какой-то злой умысел. "Мы должны получить ответ этой же ночью", - сказали они. Сенат был созван в большой спешке.

С этого периода дела в Базеле приняли более угрожающий характер. Бюргеры выставили сильную охрану в залах различных гильдий; вооруженные люди патрулировали город и располагались бивуаками в общественных местах, чтобы предвидеть козни своих противников; [957] цепи были натянуты поперек улиц; были зажжены факелы, и смолистые деревья, мерцающий свет которых рассеивал темноту, были расставлены по улицам. интервалы через город; шесть артиллерийских орудий были установлены перед ратушей; и ворота города, а также арсенал и крепостные валы были заняты. Базель был на осадном положении.

У римской партии больше не было никакой надежды. Бургомистр Мельтингер, бесстрашный солдат и один из героев Мариньяна, где он повел в бой восемьсот человек, потерял мужество. В темноте он добрался до берегов Рейна вместе со своим зятем, советником Эглофом д'Оффенбургом, незамеченным сел в маленькую лодку и быстро спустился по течению в ночном тумане. [958] Другие члены совета сбежали аналогичным образом.

РАЗБИТЫЕ ИДОЛЫ.

Это вызвало новую тревогу. "Давайте остерегаться их тайных маневров", - сказали люди. "Возможно, они собираются привести австрийцев, которыми они так часто угрожали нам!" Перепуганные горожане собирали оружие со всех сторон, и на рассвете у них было две тысячи пеших воинов. Лучи восходящего солнца упали на это решительное, но спокойное собрание.

Был полдень. Сенат так и не пришел ни к какому решению: нетерпение бюргеров больше нельзя было сдерживать. Сорок человек были отправлены осмотреть посты. Когда этот патруль проходил мимо собора, они вошли в него, и один из горожан, движимый любопытством, открыл своей алебардой шкаф, в котором были спрятаны какие-то изображения. Один из них выпал и разбился на тысячу осколков о каменную мостовую. [959] Вид этих фрагментов сильно взволновал зрителей, которые начали сбрасывать одно за другим все изображения, которые были скрыты в этом месте. Никто из них не оказал никакого сопротивления: головы, ноги и руки — все было в замешательстве свалено в кучу перед алебардщиками. "Я очень удивлен, - сказал Эразм, - что они не совершили чуда, чтобы спастись; раньше святые часто совершали чудеса за гораздо меньшие проступки!" [960] Несколько священников подбежали к месту происшествия, и патруль удалился.

Однако, когда распространился слух, что в этой церкви произошли беспорядки, триста человек пришли на поддержку сорока. "Почему, - сказали они, - мы должны щадить идолов, которые разжигают пламя раздора?" Встревоженные жрецы закрыли ворота святилища, задвинули засовы, возвели баррикады и подготовили все для поддержания осады. Но горожане, чье терпение было истощено задержками собора, ломаются в одну из дверей церкви: она поддается их ударам, и они врываются в собор. Настал час безумия. Этих людей больше нельзя узнать, поскольку они размахивают своими мечами, бряцают пиками и издают грозные крики: готы ли они, или они ревностные поклонники Бога, воодушевленные рвением, которое в былые времена воспламеняло пророков и царей Израиля? Как бы то ни было, эти действия были беспорядочными, поскольку только государственная власть может вмешиваться в общественные реформы. Изображения, алтари, картины — все было сброшено и уничтожено.

Священники, которые убежали в ризницу и спрятались там, дрожали всем телом от ужасного шума, произведенного падением их священных украшений. Разрушительная работа была завершена, и ни один из них не отважился спасти объекты своего поклонения или высказать ни малейшего протеста. Затем люди сложили обломки на площадях и подожгли их; и в течение холодной ночи вооруженные горожане стояли вокруг и грелись у потрескивающего пламени. [961]

Сенат собрался в изумлении и пожелал вмешаться своей властью и утихомирить беспорядки; но с таким же успехом они могли бы пытаться управлять ветрами. Восторженные граждане ответили своим судьям такими высокомерными словами: "То, чего вы не смогли осуществить за три года, мы завершим за один час". [962]

По правде говоря, гнев народа больше не ограничивался собором. Они уважали все виды частной собственности; [963] но они напали на церкви Святого Петра, Святого Ульрика, Святого Альбана и доминиканцев; и во всех этих храмах "идолы" пали под ударами этих добрых граждан Базеля, которых разожгло необычайное рвение. Они уже готовились перейти мост и войти в Малый Базель, посвященный делу папства, когда встревоженные жители попросили разрешения самим убрать изображения и с тяжелым сердцем поспешно отнесли их в верхние помещения церкви, откуда, как они надеялись, через некоторое время смогут вернуть им прежнее положение.

РЕФОРМА ЛЕГАЛИЗОВАНА.

Они не остановились на этих энергичных демонстрациях; самые возбужденные поговаривали о том, чтобы пойти в ратушу и заставить сенат прислушаться к воле народа; но благоразумие большинства отнеслось к этим скандалистам так, как они того заслуживали, и пресекло их преступные помыслы..

Теперь сенаторы осознали необходимость придать законный характер этому народному движению и таким образом превратить бурную революцию в длительную реформу. [964] Таким образом, демократия и Евангелие были установлены в Базеле одновременно. Сенат после часового обсуждения постановил, что в будущем бюргеры должны участвовать в выборах обоих советов; что с этого дня мессы и изображения должны быть отменены по всему кантону и что при каждом обсуждении, касающемся славы Божьей или блага государства, должно учитываться мнение гильдий. Люди, довольные получением этих условий, которые обеспечивали им политическую и религиозную свободу, радостные возвращались по домам. День подходил к концу. [965]

ВОЗРАЖЕНИЯ.

На следующий день, в Пепельную среду, предполагалось раздать обломки алтарей и другие украшения Церкви бедным, чтобы они пошли им на дрова. Но эти несчастные существа в своем стремлении заполучить осколки, начав спорить о них, они сложили большие груды рядом с собором и подожгли их. "Идолы, - сказали некоторые остряки, - действительно празднуют сегодня свою Пепельную среду!" Друзья папства, отворачивая свои полные ужаса глаза от этого кощунственного зрелища, говорит Николампаций, проливали кровавые слезы. "Так жестоко они обращались с идолами, - продолжает реформатор, - и в результате масса людей умерла от горя". [966] В следующее воскресенье в каждой церкви пели гимны на немецком языке; а 18 февраля была объявлена всеобщая амнистия. В Базеле все изменилось. Последние стали

первыми, а первые последними. В то время как Колампадий, который за несколько лет до этого приехал в город чужаком, без средств и власти, оказался возведенным на первое место в Церкви, Эразм, потревоженный в тихом кабинете, откуда в течение столь долгого периода он отдавал свои абсолютные приказы миру литературы, увидел, что вынужден спуститься на арену. Но этот царь школ не имел ни малейшего желания сложить свой скипетр перед суверенным народом. Долгое время он отворачивал голову при встрече со своим другом Николаем Лампадием. Кроме того, он боялся, оставаясь в Базеле, скомпрометировать себя перед своими покровителями. "Поток, - сказал он, - который был скрыт под землей, вырвался наружу с неистовством и произвел ужасные разрушения. [967] Моя жизнь в опасности: СЕ Колампадий владеет всеми церквями. Люди постоянно кричат мне в уши; меня осаждают письмами, карикатурами и брошюрами. Все кончено: я решил покинуть Базель. Только должен ли я уйти тайком или нет? Одно более приличествует, другое более безопасно".

Желая, насколько это возможно, примирить свою честь и благоразумие, Эразм попросил лодочника, с которым ему предстояло спуститься по Рейну, удалиться из малолюдного места. Этому воспротивился сенат, и робкий философ был вынужден сесть в лодку, стоявшую у большого моста, в то время заполненного толпой людей. Он поплыл вниз по реке, печально попрощался с городом, который так сильно любил, и удалился во Фрибург в Брисгау вместе с несколькими другими учеными мужами.

На вакантные кафедры в университете были приглашены новые профессора, и в частности Освальд Микониус, Фригио, Себастьян Мюнстер и Симон Гриней. В то же время были опубликованы церковный устав и исповедание веры, одни из самых ценных документов той эпохи.

ПРИНЦИПЫ РЕФОРМАЦИИ.

Таким образом, великая трансформация была осуществлена без потери ни единой капли крови. Папство пало в Базеле, несмотря на светскую и духовную власть. "Клин Господа, - говорит Николампадий, - разрубил этот твердый узел". [968]

Однако мы не можем не признать, что Базельская реформация может послужить основанием для некоторых возражений. Лютер противопоставил себя власти многих. "Когда люди наострят уши, не свистите слишком громко. Лучше пострадать от руки одного тирана, то есть короля, чем от тысячи тиранов, то есть народа". По этой причине немецкого реформатора упрекали в том, что он не признает никакой другой политики, кроме сервизма.

Возможно, когда речь пойдет о швейцарской реформации, против нее будут выдвинуты противоположные возражения, и реформа в Базеле, в частности, будет рассматриваться как революция.

Реформация по необходимости должна нести на себе печать страны, в которой она была осуществлена: в Германии она будет монархической, в Швейцарии - республиканской. Тем не менее, как в религии, так и в политике, существует большая разница между реформацией и революцией.

Ни в одной из этих сфер христианство не желает ни деспотизма, ни рабства, ни застоя, ни регресса, ни смерти. Но, стремясь к прогрессу, она стремится достичь его путем реформации, а не революции.

Реформация действует силой Слова, доктрины, культивирования и истины; в то время как революция, или, скорее, бунт, действует силой бунта, меча и дубинки.

Христианство исходит от внутреннего человека, и сами уставы, если они стоят особняком, не могут удовлетворить его. Несомненно, конституции - одно из благословений нашего века; но недостаточно, чтобы эти гарантии были записаны на пергаменте; они должны быть написаны в сердце и гарантированы нравами народа.

Таковы были принципы швейцарских реформаторов, таковы были принципы Реформы в Базеле, и этим она отличается от революции.

ПОРУЧЕНИЕ ФАРЕЛА.

Были, правда, некоторые эксцессы. Пожалуй, никогда реформация среди людей не совершалась без некоторой примеси революции. Но, однако, в Базеле речь шла о доктринах: эти доктрины оказали мощное воздействие на моральные убеждения и на жизнь людей; движение произошло внутри, прежде чем проявилось снаружи. Но более того: реформация не удовлетворилась отнятием; она дала больше, чем взяла; и, отнюдь не ограничиваясь работой по разрушению, она осыпала всех людей обильными благословениями. [969]

VI. Последствия дискуссии в Берне привели к свержению папизма в значительной части немецкой Швейцарии. Это чувствовалось также во многих церквях Французской Швейцарии, расположенных у подножия Юры или разбросанных среди сосновых лесов ее возвышенных долин, и которые до этого времени демонстрировали самую абсолютную преданность римскому понтифику.

Фарель, видя, что Евангелие утвердилось в местах, где Рона смешивает свои песчаные воды с кристально чистым Леманом, обратил свой взор на другой квартал. Его поддержал Берн. Это государство, владевшее совместно с Фрибургом округами Морат, Орбе и Грансон и имевшее союзы с Лозанной, Авенчесом, Пайерном, Невшателем и Женевой, понимало, что и его интересы, и его долг в равной степени призывают его проповедовать Евангелие своим союзникам и подданным. Фарел был уполномочен распространять его среди них, всегда с оговоркой о согласии соответствующих правительств.

Поэтому однажды, направляясь в Морат, Фарель прибыл и проповедовал Евангелие у подножия тех башен и зубчатых стен, которые в три разных периода подвергались атакам армий Конрада Салического, Рудольфа Габсбургского и Карла Смелого. Вскоре сторонников Реформы стало очень много. Тем не менее, общее голосование было проведено в пользу папы, и Фарель отправился в Лозанну.

ФАРЕЛ В МОРАТЕ.

Сначала епископ и духовенство прогнали его, но вскоре он появился снова с письмом от лордов Берна. "Мы посылаем его к вам, - сказали их превосходительства властям города, - чтобы защищать его собственное дело и наше. Позвольте ему проповедовать Слово Божье и берегитесь, чтобы ни один волос не упал с его головы".

На соборах царила большая неразбериха. Оказавшись между Берном и епископом, что они могли поделать? Совет двадцати четырех, сочтя этот вопрос очень серьезным, созвал Совет Шестидесяти; и этот орган, извинившись, созвал Совет Двухсот 14 ноября 1529 года. Но те, в свою очередь, передали дело меньшему совету. Никто не хотел иметь с этим ничего общего. Жители Лозанны, это правда, громко жаловались на святых членов своих орденов, чья жизнь (по их словам) была одной долгой оргией; но когда их взоры обратились к суровому лику Реформы, они пришли в еще больший ужас. Кроме того, как лишить Лозанну ее епископа, ее двора и ее высокопоставленных лиц? Что! никаких больше паломников в церквях, никаких больше поклонников в церковных судах, никаких больше покупателей на рынках или приятелей в тавернах! Овдовевшая и опустошенная Лозанна больше не видела шумной толпы людей, которые были одновременно ее богатством и ее славой!— Гораздо лучше беспорядок, который обогащает, чем Реформа, которая обедняет! Фарель был вынужден уехать во второй раз.

Он вернулся в Морат, и вскоре Эта Весть завоевала сердца людей. В праздничные дни дороги из Пайерна и Авенша были покрыты веселыми группами, которые со смехом говорили друг другу: "Давайте поедem в Морат и послушаем проповедников!" и лукаво увещевали друг друга, идя по дороге, "не попадаться в сети еретиков". Но ночью все изменилось. Схваченные сильной рукой истины, эти самые люди вернулись — одни в глубокой задумчивости, другие оживленно обсуждали услышанные ими учения. Огонь искрился по всей округе и распространял во все стороны свои длинные лучи света. Для Фарела этого было достаточно: он требовал новых завоеваний.

НЕВШАТЕЛЬ.

Недалеко от Мората лежал один из оплотов папства - графство Невшатель. Жанна де Хохберг, унаследовавшая это княжество от своих предков, в 1504 году вышла замуж за Людовика Орлеанского, герцога де Лонгвиля. Этот французский дворянин поддержал короля Франции в 1512 году в войне против швейцарцев, кантоны захватили Невшатель, но вернули его вдове в 1529 году.

Немногие страны могли бы создать большие трудности для смелого реформатора. Принцесса Лонгвильская, проживавшая во Франции в свите Франциска I. Женщина с придворными привычками, тщеславная, экстравагантная, вечно в долгах и думавшая о Невшателе только как о ферме, которая должна приносить ей большой доход, была предана папе и папству. Двенадцать каноников с несколькими священниками и капелланами составляли могущественное духовенство, во главе которого стоял проректор Оливер Хохбергский, родной брат принцессы. Вспомогательные войска, полные рвения, окружали эту основную армию. С одной стороны, в трех четвертях лиги за городом находилось аббатство Премонстрантов Фонтен-Андре, монахи которого, после того как в двенадцатом веке собственноручно расчистили землю, [970] постепенно стали могущественными лордами; а с другой стороны, бенедиктинцы острова Сент-Джон, аббат которого был свергнут. бернцами, укрылся, пылая ненавистью и жадной мести, в своем монастыре в Корселе.

ТРУДЫ ФАРЕЛА.

Жители Невшателя с большим уважением относились к древним правам, и было легко воспользоваться этим состоянием чувств, учитывая всеобщее невежество, для поддержания новшеств папства. Каноны расширили эту возможность. Наставления Евангелия они заменили

помпезностью и зрелищами. Церковь, расположенная на отвесной скале, была полна алтарей, часовен и изображений святых; и религия, нисходящая из этого святилища, распространялась вверх и вниз по улицам и представлялась в драмах и мистериях, смешанных с индульгенциями, чудесами и развратом. [971]

Однако солдаты Невшателя, участвовавшие в кампании 1529 года вместе с бернской армией, вернули в свои дома живейший энтузиазм по отношению к евангелическому делу. Именно в это время от южного берега озера, со стороны, противоположной Морату, отошла хрупкая лодка, на борту которой находился француз невзрачной наружности, и направилась к берегу Невшателя. Фарель, ибо это был он, узнал, что деревня Серьер, расположенная у ворот Невшателя, духовно зависит от евангелического города Бьенна и что Эмер Бейнон, местный священник, "питал некоторую симпатию к Евангелию". План его кампании был немедленно составлен. Он предстал перед пастором Эмером, который принял его с радостью; но что можно было сделать? ибо Фарелу было запрещено проповедовать в любой церкви графства. Бедный священник думал все уладить, позволив Фарелу взобраться на камень на кладбище и таким образом проповедовать людям, повернувшись спиной к церкви. [972]

В Невшателе поднялось большое волнение. С одной стороны, правительство, каноники и священники кричали "Ересь!", но, с другой стороны, "некоторые жители Невшателя, которым Бог дал знание истины", [973] стекались в Серьер. Вскоре эти последние не смогли сдержаться: "Приходите, - сказали они Фарелу, - и проповедуйте нам в городе".

ПРОПОВЕДЬ ФАРЕЛА.

Это было в начале декабря. Они вошли в ворота замка и, оставив церковь на холме слева, прошли перед домами каноников и спустились по узким улочкам, населенным горожанами. Дойдя до рыночного перекрестка, Фарел поднялся на платформу и обратился к толпе, собравшейся со всей округи, - ткачам, виноградарям, земледельцам, достойной расе, обладающей скорее чувствами, чем воображением. Внешность проповедника была серьезной, речь энергичной, голос - раскатистым, как гром: его глаза, черты лица, жесты - все выдавало в нем бесстрашного человека. Горожане, привыкшие бегать по улицам вслед за шулерами, были тронуты его выразительным языком. "Фарел произнес проповедь такой большой эффективности, - говорится в рукописи, - что завоевал расположение многих людей". [974]

Однако некоторые монахи с выбритыми макушками, [975] скользили среди его слушателей, стремясь возбудить их против еретического священника. "Давайте вышибем ему мозги", - говорили одни. "Уткнись в него, уткнись в него!" - кричали другие, подходя, чтобы бросить Фарела в фонтан, который до сих пор можно увидеть недалеко от того места, где он проповедовал. Но реформатор стоял на своем.

ПАПСТВО В НЕВШАТЕЛЕ.

За этой первой проповедью последовали другие. Для этого евангельского миссионера каждое место было церковью; каждый камень, каждая скамья, каждая платформа были кафедрой. Уже пронизывающие ветры и декабрьские снегопады должны были удерживать невшатальцев у их очагов; "каноники предприняли энергичную защиту"; [976] и повсюду "стриженные короны" были в волнении, умоляли, угрожали, выли и вопили, — но все было бесполезно. Как только этот человек небольшого роста появлялся в каком-либо месте, с бледным, но загорелым лицом, с рыжей и неопрятной бородой, со сверкающими глазами и выразительным ртом, труд монахов

пропадал даром: вокруг собирались люди, ибо с его уст сорвалось Слово Божье. [977] Все взгляды были прикованы к нему: с открытым ртом и внимательными ушами они ловили его слова. [978] И едва он начинает говорить, как — о! чудесное дело Божье! он сам восклицает — это множество верит так, как будто у него всего одна душа.

Слово Божье, так сказать, поддержало город при первом штурме; и, отбросив все уловки, на создание которых Риму потребовались века, он с триумфом утвердился на руинах человеческих традиций. Фарел видел в воображении самого Иисуса Христа, идущего в духе посреди этой толпы, открывающего глаза слепым, смягчающего жестокосердие и творящего чудеса, [979]..... так что едва он вернулся в свое скромное жилище, как написал своим друзьям с сердцем, полным эмоций: "Возблагодарите вместе со мной Отца милосердия, этим он проявил свою благосклонность к тем, кого согнула тяжелая тирания;" и, упав на колени, он поклонился Богу. [980]

Но что в это время делали приверженцы папы римского в Невшателе?

Каноники, члены Широкой аудитории, из которой они составляли первое сословие, относились как к священникам, так и к мирянам с невыносимым высокомерием. Возлагая бремя своих обязанностей на бедных викариев, они публично содержали распутных женщин, роскошно одевали их, одаривали своих детей публичными выступлениями, дрались в церкви, бродили по ночам по улицам или уезжали в чужую страну, чтобы тайно наслаждаться плодами своей алчности и своих интриг. Несколько бедных прокаженных, помещенных в дом недалеко от города, содержались за счет продуктов определенных подношений. Богатые каноники в разгар своих пиров осмелились отнять хлеб милосердия у этих несчастных.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МОНАХОВ.

Аббатство Фонтен-Андре находилось на небольшом расстоянии от города. Теперь каноники Невшателя и монахи Фонтена вели открытую войну. Эти враждебные державы, расположившиеся лагерем на своих двух холмах, оспаривали собственность друг друга, отнимали друг у друга привилегии, осыпали друг друга самыми грубыми оскорблениями и даже доходили до драки. "Распутник женщин!" - сказали каноники аббату Фонтен-Андре, который ответил на комплимент той же монетой. Именно Реформация через веру восстановила нравственный закон в христианском мире - закон, который попирало папство.

Долгое время эти монастырские войны тревожили страну. Внезапно они прекратились. В Невшателе происходит странное событие — там проповедуется Слово Божье. Каноники, охваченные ужасом посреди своих беспорядков, смотрят вниз из своих высоких жилищ на это новое движение. Сообщение доходит до Фонтен-Андре. Монахи и священники прекращают свои оргии и ссоры. Языческий сенсуализм, вторгшийся в Церковь, повержен; христианский спиритуализм возродился вновь.

Монахи и каноники, так долго враждовавшие, немедленно обнимаются и объединяются против Реформатора. "Мы должны спасти религию", - говорили они, имея в виду свои десятины, банкеты, скандалы и привилегии. Ни один из них не мог противопоставить доктрину доктрине, проповедуемой Фарелем: оскорблять его было их единственным оружием. Однако в Корселе они пошли дальше. Когда священник провозглашал Евангелие возле монастыря, монахи набросились на него; среди них был приор Родольф де Бенуа, бушующий, возбуждающий и

стремящийся усилить бурю. По словам одного писателя, у него даже в руке был кинжал. Фарелу с трудом удалось сбежать.

ТРУДЫ ФАРЕЛА.

Этого было недостаточно. Папство, как это всегда бывает, прибегло к гражданской власти. Каноники, аббат и приор одновременно обратились с просьбой к губернатору Джорджу де Риву. Фарел был тверд. "Слава Иисуса Христа, - сказал он, - и живая привязанность его овец к Его Слову вынуждают меня переносить страдания, которые невозможно описать языком". [982] Однако вскоре он был вынужден уступить. Фарел снова пересек озеро; но этот переход сильно отличался от предыдущего. Огонь разожгли! 22 декабря он был в Морате, а вскоре после этого в Эгле.

Отсюда он был отозван. 7 января в Морате было проведено голосование по вопросу религии, и большинство проголосовало за Евангелие. Но римское меньшинство, поддерживаемое Фрибургом, немедленно взялось восстанавливать свое древнее положение оскорблениями и плохим обращением. "Фарел! Фарел!" - воскликнула реформированная партия. [983]

Через несколько дней после этого Фарель в сопровождении бернского гонца взобрался на величественный горный амфитеатр над Ве́ве, откуда око погружается в воды Лемана; и вскоре он пересек владения графа Джона де Грюйера, который имел обыкновение говорить: "Мы должны сжечь этого французского Лютера!" [984] Едва Фарел достиг высот Сен-Мартен-де-Во, [985] когда он увидел местного vicar и двух священников, бегущих ему навстречу. "Еретик! дьявол!" - кричали они. Но рыцарь из страха перед Берном остался за его стенами, а Фарель прошел дальше.

ФАРЕЛЬ В НЕВШАТЕЛЕ.

Реформатор, не позволив остановить себя необходимости защищаться в Морате или неблагоприятным погодным условиям, немедленно понес Евангелие на эти прекрасные холмы, возвышающиеся между улыбающимися водами озер Морат и Невшатель, в деревни Вюлли. Этот маневр увенчался самым полным успехом. 15 февраля четыре депутата от Вюлли прибыли в Морат, чтобы потребовать разрешения на проведение Реформы, которое им было немедленно предоставлено. "Пусть наши служители проповедуют Евангелие, - сказали фрибургцам их превосходительства из Берна, - а мы позволим вашим священникам проделывать свои обезьяньи трюки. Мы никого не хотим принуждать". [986] Реформа восстановила свободу воли христианскому народу. Примерно в это же время Фарел написал свое прекрасное письмо "Ко всем лордам, народу и пасторам", которое мы так часто цитировали. [987]

Неутомимый реформатор теперь шел вперед к новым завоеваниям. Цепь скал отделяет долину Джуран в Эргуэле, уже благовествуемую Фарелом, от страны древних раурачи, а проход, прорубленный в скале, служит сообщением между двумя районами. Был конец апреля, когда Фарел, проезжая через *Пьер-Пертюи*, [988] спустился в деревню Таванн и вошел в церковь как раз в тот момент, когда священник служил мессу. Фарел взойшел на кафедру: изумленный священник остановился, — служитель наполнил своих слушателей волнением и показался им ангелом, спустившимся с небес. Изображения и алтари тут же упали, и "бедный священник,

читавший мессу, не смог ее закончить". [989] Чтобы покончить с папством, потребовалось меньше времени, чем священник проводил у алтаря.

Большая часть Базельского епископства за несколько недель перешла к Реформации.

В это время Евангелие бродило в Невшателе. Молодые люди, которые шли с Берном, чтобы освободить Женеву от нападений Савойи, рассказывали на своих веселых собраниях о подвигах кампании и рассказывали, как солдаты Берна, почувствовав холод, забрали изображения из доминиканской церкви в Женеве, говоря: "От деревянных идолов нет никакой пользы, кроме как разводить огонь зимой".

БОЛЬНИЧНАЯ ЧАСОВНЯ.

Фарель вновь появился в Невшателе. [990] Будучи хозяином нижней части города, он поднял глаза к высоким скалам, на которых возвышались собор и замок. Лучший план, подумал он, - привести к нам этих гордых священников. Однажды утром его юные друзья вышли на улицы и расклеили большие плакаты с такими словами: *"Все те, кто проводит мессу, являются грабителями, убийцами и совратителями народа"*. [991] В Невшателе поднялся большой шум. Каноники созвали своих людей, своих клерков и, маршируя во главе большого отряда, вооруженных мечами и дубинками, спустились в город, сорвали кощунственные плакаты и обвинили Фарела перед трибуналом как клеветника, требуя возмещения ущерба в размере десяти тысяч крон.

Обе стороны предстали перед судом, и это было все, чего добивался Фарел. "Я признаю этот факт, - сказал он, - но я оправдан в том, что я сделал. Где можно найти более ужасных убийц, чем эти соблазнитель, которые продают рай и таким образом сводят на нет заслуги Господа нашего Иисуса Христа? Я докажу свое утверждение Евангелием". И он приготовился открыть его, когда каноники, покраснев от гнева, воскликнули: "Здесь ставится под сомнение общий закон Невшателя, а не Евангелие! Где свидетели?" Но Фарел, постоянно возвращаясь к этому устрашающему утверждению, доказал Словом Божьим, что каноники действительно виновны в убийствах и грабежах. Ссылаться на такую причину означало погубить папство. Суд Невшателя, который никогда не рассматривал подобное дело, постановил, согласно древнему обычаю, передать его на рассмотрение Совета Безансона, [992] который, не осмелившись объявить первое сословие Генеральной аудитории виновным в убийстве и ограблении, передал дело императору и генеральному совету. Плохие дела ничего не выигрывают, создавая беспорядки.

ЗАДЕЙСТВОВАНА ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ.

На каждом шагу они хотели отбросить его назад, но Фарел делал это заранее. Улицы и дома по-прежнему были его храмом. Однажды, когда жители Невшателя собрались вокруг него, "Почему, - воскликнули они, - Слово Божье не должно быть провозглашено в церкви?" Затем они поспешили за Фарелом, открыли двери Больничной часовни, усадили священника за кафедру, и многочисленная толпа молча встала перед ним. "Подобно тому, как Иисус Христос, явившийся в состоянии бедности и смирения, родился в хлеву в Вифлееме, - сказал Реформатор, - так и эта больница, это пристанище больных и нищих, сегодня стала местом его рождения в городе Невшатель". Затем, чувствуя себя неловко в присутствии раскрашенных и вырезанных фигур, украшавших часовню, он возложил руки на эти предметы идолопоклонства, снял их и разбил вдребезги. [993]

Папство, ослепленное гневом, теперь предприняло шаг, на который оно, несомненно, имело право, но который его погубил: оно прибегло к светской помощи, и губернатор направил депутацию в бернский совет, умоляя убрать Фареля и его спутников.

Но почти в то же время в Берн прибыли депутаты от горожан. "Разве эти люди не держали оружие в Интерлакене и Бремгартене, чтобы поддержать вашу Реформацию? и ты бросишь нас в нашем доме?"

Берн колебался. В то время общественное бедствие погрузило весь город в траур. Один из самых прославленных граждан республики, Баннерет Вайнгартенский, пораженный чумой, умирал среди слез своих сыновей и сограждан. Узнав о прибытии невшательцев, он собрал свои убывающие силы: "Идите, - сказал он, - и умоляйте сенат от моего имени созвать общее собрание жителей Невшателя в следующее воскресенье". [994] Это послание умирающего баннерета решило совет.

Депутаты из Берна прибыли в Невшатель 7 августа. Фарель подумал, что во время дебатов у него было время совершить новое завоевание, и покинул город. Его рвение можно сравнить только с рвением святого Павла. Его тело было маленьким и немощным, но его деятельность была полностью апостольской: опасности и плохое обращение истощали его каждый день, но внутри него была божественная сила, которая делала его победителем.

ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

VII. На расстоянии лиги от Невшателя, за горой, простирается Валь-де-Руз, и недалеко от ее входа, на крутом склоне, где ревут стремительные потоки, окруженный крутыми скалами, стоит город Валанжин. Старый замок, построенный на скале, вздымает свои огромные стены ввысь, возвышаясь над скромными жилищами горожан, и распространяет свою юрисдикцию на пять долин этих высоких и суровых гор, в то время покрытых сосновыми лесами, но теперь заселенных наиболее активной промышленностью. [995]

В этом замке жила Гильеметта де Вержи, вдовствующая графиня Валанжинская, сильно привязанная к римской религии и преисполненная уважения к памяти своего мужа. Сотня священников отслужила торжественную мессу на похоронах графа; многие раскаявшиеся молодые женщины были выданы замуж и раздали большую милостыню; викарий из Локля был отправлен в Иерусалим, а сама Гильеметта совершила паломничество за упокой души своего усопшего господина.

Однако иногда графиня де Грюйер и другие дамы приезжали навестить вдову де Вержи, которая собирала в замке несколько молодых лордов. Флейта и тамбурин эхом отдавались под его сводчатыми крышами, болтающие группы собирались в огромных проемах его готических окон, и веселые танцы сопровождались долгим молчанием и мрачной набожностью. [996] Было только одно чувство, которое никогда не покидало Гильеметту, — это была ее ненависть к Реформации.

МЕССА ПРЕРВАЛАСЬ.

У Гильеметты и священников действительно были причины дрожать. 15 августа был великий римский праздник — Богоматерь Августа, или Успение. Все верующие Валь-де-Руз готовились

сохранить его. Это был тот самый день, который выбрал Фарел. Воодушевленный огнем и мужеством Илии, он отправился в Валанжин, и молодой человек, его соотечественник и, как оказалось, дальний родственник, Энтони Бойв, ревностный христианин и человек решительного характера, отправился вместе с ним. [997] Два миссионера поднялись на гору, углубились в сосновый лес, а затем снова спустились в долину, они пересекли Валанжин, где близость замка не слишком вдохновляла их останавливаться, и прибыли в деревню, вероятно Будевилье, намереваясь проповедовать там Евангелие. [998]

Люди уже со всех сторон стекались к церкви; Фарель и его спутник тоже вошли туда с небольшим количеством жителей, которые слышали его в Невшателе. Реформатор немедленно взойшел на кафедру, и священник приготовился отслужить мессу. Начинается бой. В то время как голос Фарела проповедует Иисуса Христа и его обетования, голоса священников и хора поют молитвенник. Приближается торжественный момент: вот-вот произойдет невыразимое пресуществление: священник произносит священные слова над стихиями. В этот момент люди больше не колеблются; древние привычки, непреодолимое влияние, влекут их к алтарю; проповедник покинут; коленопреклоненная толпа вернулась к своему прежнему богослужению; Рим торжествует..... Внезапно из толпы выскакивает молодой человек, пересекает хоры, бросается к алтарю, выхватывает угощение из рук священника и кричит, обращаясь к народу: "Это не тот Бог, которому вы должны поклоняться. Он наверху, на небесах, в величии Отца, а не в руках священника, как вы полагаете". [999] Этим человеком был Энтони Бойв.

ОПАСНОСТЬ ФАРЕЛА.

Такой смелый поступок поначалу произвел желаемый эффект. Месса была прервана, песнопения прекратились, и толпа, словно пораженная сверхъестественным вмешательством, хранила молчание. Фарел, который все еще находился за кафедрой, немедленно воспользовался этим затишьем и провозгласил, что Христос, "которого небеса должны принять до тех пор, пока не наступят времена восстановления всего". [1000] Затем священники и певчие со своими приверженцами бросились к башням, взбежали на звонницу и ударили в набат.

Эти средства увенчались успехом: была собрана толпа, и если бы Фарел не ретировался, его смерть и смерть Бойва были бы неизбежны. "Но Бог, - говорится в хронике, - спас их". Они пересекли промежуток, отделяющий Будевилье от Валанжена, и приблизились к крутым ущельям потока Сейон. Но как пересечь этот город, который уже встревожил набат?

Оставив Шомон и его темные леса слева, эти два глашатая Евангелия свернули на узкую тропинку, петлявшую под замком; они осторожно крались вперед, как вдруг на них обрушился град камней, и в то же время два десятка человек — священников, мужчин и женщин, — вооруженных дубинками, яростно набросились на них. "У священников не было подагры ни в ногах, ни в руках, - говорит хронист. - служители были так избиты, что чуть не лишились жизни". [1001]

Г-жа де Вержи, спустившаяся на террасу, несколько не успокоив гнев священников, закричала: "Утопите их! — Утопите их! бросьте их в Сейон — этих лютеранских собак, которые презрели Хозяина!" [1002] Фактически, священники начали тащить двух еретиков к мосту. Никогда Фарел не был так близок к смерти.

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ФАРЕЛОМ.

Внезапно из-за последней скалы, скрывающей Валанжин в направлении горы, появились "некие добрые люди из Валь-де-Руз, прибывающие из Невшателя" [1003] и спускающиеся в долину. "Что вы делаете?" - спросили они священников, без сомнения, намереваясь спасти Фарела. "Скорее поместите их в безопасное место, чтобы они могли ответить за свои действия? Неужели вы лишите себя единственного в вашей власти средства обнаружить тех, кто заражен ядом ереси?"

При этих словах жрецы замолчали и повели пленников в замок. Когда они проходили мимо маленькой часовни с изображением Пресвятой Богородицы, "Преклоните колени", - сказали они Фарелу и Бойву, показывая им статую. - "Падите ниц перед Богоматерью!" Фарел начал увещевать их; "Поклоняйтесь единому Богу в духе и истине, - сказал он им, - а не бессловесным изображениям, лишенным жизни или силы". Но они, продолжает хроника, "сильно раздосадованные его словами и его твердостью, нанесли ему столько ударов, что он был весь в крови, которая даже запеклась на стенах часовни. Долгое время после этого следы этого все еще могли быть видны". [1004]

Они возобновили свой марш — они вошли в город — они поднялись по крутой дороге, которая вела к эспланаде, где Гильеметта де Вержи и ее слуги поджидали "лютеран"; так что, продолжает хроника, "после того как они постоянно избивали их, они отвели их, покрытых грязью и кровью, в тюрьмы и опустили почти бездыханными в подземелье (*кротон*) замка Валанжин". Так Павел в Листре был побит иудеями камнями, выведен из города и оставлен умирать. [1005] Апостолы и реформаторы проповедовали одно и то же учение и подвергались одинаковому обращению.

ФАРЕЛЬ В НЕВШАТЕЛЕ.

Возможно, можно сказать, что Фарел и Бойв были слишком яростны в своих нападках; но Средневековая Церковь, которая вернулась к юридическому духу иудаизма и ко всем вытекающим из него порокам, нуждалась в энергичном противодействии, чтобы снова вернуться к принципу благодати. Августин и святой Павел вновь появились в Церкви шестнадцатого века; и когда мы читаем о том, как Бойв в сильном волнении бросился на тех, кто собирался поклониться хлебу Мессы, не можем ли мы вспомнить поступок святого Павла, который разорвал на себе одежды и вбежал в толпу, желавшую поклоняться "людям, подобным им самим по страстям"? [1006]

Фарел и Бойв, брошенные в темницы замка, могли, подобно Павлу и Силе в тюрьме в Филиппах, "петь хвалу Богу". Мессир де Беллегард, всегда готовый преследовать Евангелие, готовил им жестокий конец, когда за ними прибыли несколько жителей города Невшатель. Мадам де Валанжен не посмела отказать и по требованию бернцев даже начала расследование, "чтобы придать этому делу приличный вид", - говорится в рукописи. "Тем не менее, тот священник, который больше всех избил Фарела, с тех пор никогда не отказывался ежедневно есть за столом леди в качестве компенсации". [1007] Но это не имело большого значения: семя истины было посеяно в Валь-де-Руз.

В Невшателе бернцы поддерживали горожан-евангелистов. Губернатор, чьи ресурсы были исчерпаны, отправил послов к принцессе, "умоляя ее пересечь горы, чтобы успокоить свой народ, который попал в ужасную беду из-за этой лютеранской религии". [1008]

Тем временем брожение усилилось. Горожане умоляли каноников отменить мессу; те отказались; после чего горожане изложили им свои причины в письменном виде и попросили обсудить этот вопрос с Фарелом. Все тот же отказ! — "Но, ради бога, высказывайтесь либо за, либо против!" Все это было бесполезно!

ФАРЕЛ В СОБОРЕ.

В воскресенье, 23 октября, Фарель, вернувшийся в Невшатель, проповедовал в больнице. Он знал, что городские власти обсуждали целесообразность освящения самого собора для евангельского богослужения. "Что же тогда, - сказал он, - разве вы не воздадите Евангелию столько же почестей, сколько другая сторона воздает Мессе?.....И если это суеверное действие совершается в высшей церкви, разве Евангелие не должно быть провозглашено и там?" При этих словах все его слушатели встали. "В церковь!" - кричали они. "В церковь!" Импульсивные люди стремятся приложить голову к работе, чтобы осуществить то, что было предложено благоразумием горожан. [1009] Они покидают больницу и забирают Фарела с собой. Они взбираются по крутой улочке к замку: тщетно каноники и их перепуганные последователи пытаются остановить толпу: они пробивают проход. Убежденные, что они продвигаются во славу Божию, ничто не может их остановить. Оскорбления и крики обрушиваются на них со всех сторон, но во имя Истины, которую они защищают, они продолжают: они открывают ворота церкви Богоматери; они входят, и здесь начинается новая борьба. Каноники и их друзья, собравшиеся вокруг кафедры, пытаются остановить Фарела, но все бесполезно. Им не приходится иметь дело с бандой бунтовщиков. Бог произнес это в своем Слове, и сами судьи приняли окончательное решение. Горожане, таким образом, выступают против жреческого кружка; они образуют сплоченный батальон, в центр которого они ставят реформатора. Им удастся пробиться сквозь толпу противников и, наконец, посадить служителя за кафедру, не причинив ему никакого вреда. [1010]

Сразу же все успокаивается внутри церкви и снаружи; даже противники замолкают, и Фарел произносит "одну из самых эффективных проповедей, которые он когда-либо произносил". Их глаза открываются; их эмоции возрастают; их сердца тают; самые упрямые кажутся обращенными; и со всех сторон старой церкви раздаются эти крики: "Мы будем следовать евангелической религии, и мы, и наши дети, и в ней мы будем жить и умрем". [1011]

УНИЧТОЖЕННЫЕ ИДОЛЫ.

Внезапно как бы вихрь пронесется над этой толпой и взбаламучивает ее, как огромное море. Слушатели Фарела желают подражать благочестивому царю Иосии. [1012] "Если мы уберем этих идолов с наших глаз, не поможет ли это нам, - сказали они, - вырвать их из наших собственных сердец?" Как только эти идолы будут сокрушены, сколько душ среди наших сограждан, ныне встревоженных и колеблющихся, обретут решение благодаря этому поразительному проявлению истины! Мы должны спасти их, так сказать, с помощью огня". [1013]

Этот последний мотив решает их, и затем начинается сцена, которая наполняет романистов ужасом и которая, по их мнению, должна обрушиться на город страшный суд Божий.

Само место, где это происходит, казалось бы, придает ему торжественности. На севере стены замка возвышаются над остроконечными скалами мрачной, но живописной долины Сейон, а гора перед замком представляет глазу немногим больше, чем голые скалы, виноградные лозы и черные ели. Но к югу, под террасой, на которой разыгрывается эта бурная сцена, простираются широкие и спокойные воды озера с его плодородными и живописными берегами; а вдалеке перед восхищенным взором предстают непрерывные вершины более высоких Альп с их ослепительными снегами, их необъятными ледниками и гигантскими пиками.

На этой платформе жители Невшателя были в смятении, не обращая особого внимания на эти величественные пейзажи природы. Губернатор, чей замок примыкал к церкви, был вынужден оставаться праздным зрителем бесчинств, которые он не мог предотвратить; он удовлетворился тем, что оставил нам их описание. "Эти отважные ребята, - говорит он, - хватают мотыги, топоры и молотки и таким образом идут против изображений святых". Они наступают — они наносят удары по статуям и алтарям — они разбивают их вдребезги. Фигуры, вырезанные в четырнадцатом веке "создателями изображений" графа Людовика, не пощадили; и едва ли статуи самих графов, которые были ошибочно приняты за идолов, избежали разрушения. Горожане собирают все эти фрагменты идолопоклоннического культа; они выносят их из церкви и бросают с вершины скалы. Лучшего обращения с картинами ожидать не приходится. "Это дьявол, - думали они вместе с ранними христианами, - который научил мир искусству создания статуй, изображений и всевозможных подобию". [1014] На изображениях святых вырывают глаза и отрезают носы. Само распятие сброшено, ибо эта деревянная фигура узурпирует почитание, на которое Иисус Христос претендует в сердце. Один образ, самый почитаемый из всех, все еще сохранился: это Богородица Милосердия, которую Мария Савойская подарила коллегиальной церкви; но сама Богородица не пощажена. Рука более смелая, чем остальные, наносит удар по нему, как в четвертом веке была нанесена по колоссальной статуе Сераписа. [1015] "Они даже высверлили глаза Богородицы Милосердия, которую покойная леди приказала изготовить по приказу вашей матери", - написал губернатор герцогине Лонгвиль.

Реформированные пошли еще дальше: они схватили сосуды, в которых лежало *тело Господне*, и сбросили их с вершины скалы в поток; после чего, желая показать, что освященные облатки - это простой хлеб, а не сам Бог, они раздали их друг другу и съели them.....At при виде этого каноники и капелланы больше не могли оставаться спокойными. Послышался крик ужаса; они подбежали со своими сторонниками и противостояли силой силе. Наконец началась борьба, которой так боялись.

РАЗМЫШЛЕНИЯ.

Мэр Оливер Хохбергский, каноники Симон Невшательский и Понтус Солейланский, все три члена тайного совета, поспешно отправились в замок, так же как и другие советники принцессы. До этого момента они оставались безмолвными зрителями этой сцены; но когда они увидели, что обе стороны вот-вот подерутся, они приказали всем "сторонникам евангелического учения" предстать перед губернатором. Это было похоже на попытку сдержать ветер. Кроме того, почему реформаторы должны были остановиться? Они действовали не без законной власти. [1016] "Скажите губернатору, - надменно ответили горожане, - что в заботах о Боге и наших душах он не властен над нами". [1017]

Затем Джордж де Рив обнаружил, что его авторитет потерпел крах перед силой, превосходящей его собственную. Он должен уступить и спасти хотя бы какие-то остатки. Поэтому он поспешил

убрать те изображения, которые еще оставались, и запереть их в потайных комнатах. Жители Невшателя позволили ему осуществить эту меру. "Спасите ваших богов, - думали они, - сохраните их за крепкими решетками, чтобы какой-нибудь разбойник не лишил вас предметов вашего обожания". [1018] Постепенно суматоха утихла, популярный торрент вернулся в свое русло, и немного спустя, в ознаменование этого великого дня, они начертали эти слова на колонне церкви:—

L'AN 1530, LE 28 OCTOBRE, FUT OTEE ET ABATTUE L'IDOLATRIE
DE CEANT PAR LES BOURGEOIS. [1019]

ПЛАНЫ РОМАНИСТОВ.

Была произведена грандиозная революция. Несомненно, было бы лучше, если бы изображения убрали и Евангелие спокойно заменили на их место, как в Цюрихе; но мы должны принять во внимание трудности, которые несет с собой столь глубокое и противоречивое изменение, и сделать поправку на неопытность и эксцессы, неотделимые от первого взрыва. Тот, кто увидел бы в этой революции только ее крайности, выдал бы исключительно ограниченный ум. Это Евангелие восторжествовало на эспланаде замка. Воображению невшатальцев больше не нужно было говорить о нескольких картинах или легендах: откровение о Христе и Апостолах, как оно было сохранено в Священном Писании, было восстановлено для них. Вместо тайн, символов и чудес папства Реформация принесла им возвышенные догматы, могущественные доктрины, святые и вечные истины. Вместо Мессы, лишенной Бога и наполненной человеческими ребячествами, она вернула им Вечерю Господа нашего Иисуса Христа, его невидимое, но реальное и могущественное присутствие, его обещания, дающие мир душе, и его Дух, который изменяет сердце и является верным залогом славного воскресения. В таком обмене выигрывает все.

VIII. Губернатор и его верные друзья, однако, не потеряли всякой надежды. "Только меньшинство, - говорили в замке, - приняло участие в уничтожении изображений; большинство нации все еще придерживается древней доктрины". Г-ну де Риву еще предстояло узнать, что если в народном движении участвует только меньшинство, то в некоторых случаях это происходит потому, что большинство, будучи единомышленниками, предпочитает предоставить действовать другим. Как бы то ни было, губернатор, считая себя на верном пути, решил поставить вопрос о сохранении Мессы на голосование. Если бы большинство сомневалось, совместное влияние правительства и духовенства заставило бы его склониться на сторону Рима. Друзья Реформации, поняв эту уловку и почувствовав необходимость обеспечить честность голосования, потребовали присутствия бернских комиссаров. Сначала в этом было отказано. Но Невшатель, разделенный на две враждующие партии, мог в любой момент увидеть, как по его улицам льется кровь: поэтому Де Рив призвал к себе на помощь Берн.

ТРУДНОСТИ ГУБЕРНАТОРА.

Энтони Нолл и Сюльпис Арчер, оба члена совета, а также Жак Триболе, бейлиф острова Сент-Джон, все трое преданные Реформе, прибыли в Невшатель 4 ноября — в день, богатый событиями для княжества, который должен был решить вопрос о его реформировании.

Депутаты проследовали в замок и там вели надменную беседу. [1020] "Их превосходительства из Берна, - сказали они губернатору, - очень удивлены, что вы выступаете против истинного и чистого Слова Божьего. Немедленно прекратите, иначе ваше государство и светлость могут пострадать из-за этого ". [1021]

Жорж де Рив был поражен; он думал позвать помощников, а нашел мастеров. Однако он предпринял попытку выбраться из пролива, в котором оказался. Римско-католические кантоны Люцерн, Фрибург и Солер также были союзниками государства. Губернатор намекнул бернским депутатам, что вполне может потребовать их вмешательства. При этих словах депутаты с негодованием встали и заявили г-ну де Риву, что, если он поступит так, он может стать причиной потери своим государем Невшателя. Губернатор понял невозможность вырваться из сетей, в которые он попал. Не оставалось иного выхода, кроме подчинения и наблюдения за ходом событий, которыми он не мог руководить.

С канониками и знатью было иначе. Не считая себя побежденными, они окружили бернцев и, смешав, как они всегда делают в подобных случаях, религию и политику, попытались встряхнуть их. "Разве вы не видите, - говорили они, - что, если мы не поддержим духовную власть, мы поставим под угрозу гражданскую власть? Самый надежный оплот трона - это алтарь! Эти люди, защитниками которых вы стали, всего лишь горстка проказников: большинство за Мессу!" - "Поворачивайте, куда хотите, — ответил один из упрямых бернцев, - даже если большинство должно быть на вашей стороне, вы все равно должны идти этим путем; никогда наши светлости не оставят защитников евангелической веры". [1022]

НЕНАВИСТЬ И РАЗДЕЛЕНИЕ.

Люди собрались в замке для окончательного голосования. Судьба Невшателя вот-вот должна была решиться. С одной стороны, вокруг губернатора столпились тайный совет, каноники и самые ревностные из католиков; с другой стороны, можно было видеть четырех олдерменов, городской совет и множество горожан, степенно поднимавшихся по крутой аллее, ведущей к дому правительства, и выстроившихся перед своими противниками. С обеих сторон была одинаковая привязанность к вере, которую они приняли, одно и то же решение; но вокруг каноников было много встревоженных умов, обеспокоенных сердец и опущенных глаз, в то время как друзья Реформы продвигались вперед с высоко поднятыми головами, твердыми взглядами и сердцами, полными надежды.

Жорж де Рив, желая овладеть их разумом, обратился к ним с речью. Он описал насилие, с которым реформаты разбивали изображения и низвергали алтари; "И все же, - продолжал он, - кто основал эту церковь? Это были предшественники принцессы, а не горожане. По этой причине я требую, чтобы все те, кто жестоко посягнул на власть нашего суверена, были обязаны восстановить то, что они отняли, чтобы святая месса и канонические часы могли быть отслужены заново". [1023]

После этого выдвинулись *прюдоммы* из Невшателя. Они не были сборищем юных и легкомысленных личностей, как притворялись паписты; они были серьезными гражданами, чьи свободы были гарантированы, и которые взвешивали то, что хотели сказать. "Просвещением Святого Духа, - отвечали они, - и святыми доктринами Евангелия, которым учит нас чистое Слово Божье, мы покажем, что Месса - это злоупотребление, не приносящее никакой пользы и

гораздо больше ведущее к проклятию, чем к спасению душ. И мы готовы доказать, что, убирая алтари, мы не сделали ничего, что было бы неправильно и приемлемо для Бога". [1024]

ПРЕДЛАГАЕМАЯ ЗАДЕРЖКА.

Таким образом, две стороны встретились лицом к лицу с "великой ненавистью и расколом", говорится в бернском отчете. Арбитры посовещались между собой. Губернатор настаивал, чувствуя, что это движение решит будущее. Для триумфа Рима было бы достаточно нескольких голосов, и он рассчитывал завоевать их своей уверенностью. "Вы должны понять, - сказал он, - что большинство жителей этого города, мужчин и женщин, твердо придерживаются древней веры. Остальные - горячие молодые солдаты, тщеславные по отношению к себе и надутые новой доктриной". [1025]— "Что ж! - ответили бернские депутаты, - чтобы предотвратить все беды, давайте урегулируем это различие путем множественного голосования в соответствии с мирным договором, заключенным в Бремгартене между кантонами".

ПРОТЕСТ РОМАНИСТОВ.

Этого желали реформированные. "Голосование! голосование!" - кричали они в соответствии с выражением, предназначенным для таких случаев. [1026] Но повелитель Пранджинов и священники, которые желали этого, когда были одни, отступили в присутствии Берна. "Мы просим дать нам время", - сказали они. Если реформированные позволили обмануть себя этими медлительными мерами, все было кончено. Когда бернцы покинут Невшатель, губернатор и духовенство легко возьмут верх. Поэтому они оставались непреклонными. "Нет, нет! - сказали они. - сейчас! — без промедления! — ни дня! ни часа!" Но губернатор, столкнувшись с судебным процессом, который должен был решить вопрос о законном падении папства, дрогнул и упрямо воспротивился крикам народа. Магистраты уже были возмущены, бюргеры роптали, а самые буйные смотрели на свои мечи. "Они были полны решимости принудить нас с мечом в руке", - писал губернатор принцессе. Над Невшателем собиралась новая буря. Еще несколько минут сопротивления, и оно обрушилось бы на церковь, город и замок, разрушая не только статуи, изображения и алтари, но и "остались бы мертвые люди", - сказал лорд Рива. [1027] Он сдался в беде и испуге.

При известии об этой уступке сторонники Рима осознали всю грозящую им опасность. Они совещаются, согласовывают свои меры, и в одно мгновение принимается их решение: они полны решимости сражаться. [1028] "Милорд, - сказали они, поворачиваясь к г-ну де Риву и прикасаясь к рукояткам своих мечей, - все мы, приверженцы святого Причастия, решили умереть мученической смертью за нашу святую веру". [1029] Эта демонстрация не ускользнула от внимания молодых солдат, вернувшихся с женевской войны. Еще минута, и мечи были бы обнажены, а платформа превратилась бы в поле боя.

Монсеньор де Пранж, скорее хитрый, чем ортодоксальный, содрогнулся при этой мысли. "Я не могу этого допустить, — сказал он наиболее буйным из своей партии. — Такое предприятие лишило бы мою госпожу состояния и светлости". [1030]- "Я согласен, - сказал он бернцам, - принять участие в голосовании, сохранив, тем не менее, суверенитет, права и светлость мадам". - "И мы, - ответили горожане". с сохранением наших свобод и привилегий".

Романисты, видя, что политическая власть, к которой они призывали, теперь подводит их, почувствовали, что все потеряно. Они спасут свою честь, по крайней мере, в этом великом кораблекрушении; они подпишут свои имена, чтобы потомки могли знать, кто остался верен

Риму. Эти гордые сторонники иерархии приближаются к губернатору; слезы текут по их грубым щекам, выдавая таким образом их сдерживаемый гнев. Они ставят свои подписи в качестве свидетелей под торжественным завещанием, которое папство сейчас составляет в Невшателе в присутствии бернских депутатов. Затем они добавили со слезами на глазах, "что имена и фамилии добрых и порочных были записаны в вечной памяти, и заявили, что они по-прежнему являются добрыми и верными служителями мадам и будут служить ей до самой смерти". [1031]

БОЛЬШИНСТВО ЗА РЕФОРМЫ.

Реформированные горожане были убеждены, что только откровенно свидетельствуя о своих религиозных убеждениях, они смогут исполнить свой долг перед Богом, своим сувереном и своими согражданами. Так что едва католики заявили о своей верности своей госпоже, как, повернувшись к губернатору, реформат воскликнул: "Мы говорим то же самое во всем, в чем нашей Госпоже будет угодно повелевать нами, за исключением евангельской веры, в которой мы будем жить и умрем". [1032]

Затем все было подготовлено для проведения голосования. Церковь Богоматери была открыта, и обе группы двинулись вперед между разрушенными алтарями, разорванными картинами, изуродованными статуями и всеми теми руинами папства, которые ясно предвещали его сторонникам последнее и бесповоротное поражение, которому оно вот-вот подвергнется. Три лорда Берна заняли свои места рядом с губернатором в качестве арбитров разбирательства и председателей собрания, и началось голосование.

Жорж де Рив, несмотря на уныние своих друзей, не совсем терял надежду. Все приверженцы древнего культа в Невшателе были предупреждены; и всего за несколько дней до этого сами реформаты, отказавшись от голосования, признали численное превосходство своих противников. Но друзья Евангелия в Невшателе обладали мужеством и надеждой, которые, казалось, покоились на более прочной основе. Разве они не были победившей партией, и могли ли они быть побеждены в разгар своего триумфа?

ВЕЧНЫЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ.

Однако обе партии двинулись вперед, смешали одну с другой, и каждая молча отдала свой голос. Они сосчитали друг друга: результат казался неопределенным; страх сковал каждую сторону по очереди. Наконец большинство, казалось, заявило о себе; — они подсчитали голоса, — был объявлен результат. Большинство в восемнадцать голосов принесло победу Реформации и нанесло последний удар папству!

Бернские лорды немедленно поспешили воспользоваться этим преимуществом. "Живите впредь, - сказали они, - в добром согласии друг с другом; пусть мессы больше не совершаются; пусть священникам не причиняется вреда; и выплачивайте вашей Супруге или тому, кому они по справедливости причитаются, всю десятину, квартплату, ладан и доходы". Эти различные пункты были провозглашены собранием, и немедленно был составлен отчет, к которому депутаты, губернаторы и магистраты города Невшатель приложили свои соответствующие печати. [1033]

ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЯТОГО ИОАННА.

Фарель не участвовал во всем этом деле: можно было бы сказать, что реформатора не было в Невшателе: горожане взывали только к Слову Божьему; и сам губернатор в своем длинном отчете принцессе ни разу не упоминает о нем. Именно апостолы Господа Нашего, святой Петр, святой Иоанн, святой Павел и святой Иаков, своими божественными писаниями восстановили истинные основы Церкви среди жителей Невшателя. Слово Божье было законом прудомов из Невшателя. Напрасно Римская церковь будет говорить: "Но эти самые Писания — это я даю их вам; поэтому вы не можете верить в них, не веря в меня". Протестантская церковь получает Библию не от Римской Церкви. Протестантизм всегда существовал в Церкви. Он существовал один везде, где люди занимались изучением Священного Писания, его божественного происхождения, его толкования и распространения. Протестантизм шестнадцатого века получил Библию от протестантизма всех эпох. Когда Рим говорит об иерархии, он стоит на своей собственной почве; как только он говорит о Священных Писаниях, он стоит на нашей. Если бы Фареля выдвинули в Невшателе, он, возможно, не смог бы противостоять папе; но речь шла только о Слове Христа, и Рим должен был пасть перед Иисусом.

Таким образом, по обоюдному согласию был расторгнут тот день, поначалу столь угрожающий. Если бы реформированные принесли в жертву какие-либо из своих убеждений ради ложного мира, в Невшателе воцарился бы беспорядок. Смелое проявление истины и неизбежные потрясения, которые сопровождали ее, не только не разрушили общество, но и сохранили его. Это проявление - ветер, который поднимает судно со скал и заносит его в гавань.

Лорд Прангин считал, что между согражданами "лучше прикасаться друг к другу, даже если это происходит при столкновении, чем постоянно избегать друг друга". Имевшее место свободное объяснение сделало противостояние двух сторон менее раздражающим. "Я даю свое обещание, - сказал губернатор, - ничего не предпринимать против сегодняшнего голосования, поскольку я сам являюсь свидетелем того, что оно было честным, прямолинейным, без опасности и принуждения". [\[1034\]](#)

Необходимо было распорядиться добычей побежденного отряда: губернатор открыл им замок. Туда были перевезены реликвии, украшения алтарей, церковные документы и даже орган; и мессу, изгнанную из города, там каждый день исполняли скорбно.

Однако не все украшения пошли по этому пути. Несколько дней спустя, когда двое горожан по имени Фош и Соге направлялись вместе на свои виноградники, они проходили мимо маленькой часовни, в которой последний установил деревянную фигуру святого Иоанна. Он сказал своему спутнику: "Есть изображение, которым я завтра буду топить свою печь". И действительно, вернувшись, он унес святого и положил его перед своим домом.

ЧУДО.

На следующее утро он взял статуэтку и положил ее в огонь. Тотчас же ужасный взрыв вызвал смятение в этой скромной семье. Дрожащий Фош не сомневается, что это чудо святого, и спешит вернуться к Мессе. Напрасно его сосед Соге клятвенно уверяет его, что ночью он проделал в статуе отверстие, засыпал его порохом и снова заделал. Фош ничего не желает слушать и решает бежать от мести святых. Он уехал и поселился со своей семьей в Морто во Франш-Конте. [\[1035\]](#) Таковы чудеса, на которых покоится божественность Рима!

Постепенно все уладилось: некоторые каноники, такие как Жак Байо, Уильям де Пюри и Бенедикт Шамбрье, приняли Реформацию. Другие были рекомендованы губернатором приорату Мотье в Валь-де—Травер; и в середине ноября, в то время, когда в горах начинают свирепствовать ветры, несколько каноников в окружении нескольких мальчиков-певчих, печальных остатков древнего, могущественного, богатого, сладострастного и надменного невшательского капитула, с трудом взобрались по ущельям Юры и отправились скрывать в этих возвышенных и живописных долинах позор поражения, которому их долгие беспорядки и невыносимая тирания нанесли слишком большой урон. справедливо спровоцированный.

ПАПСТВО И ЕВАНГЕЛИЕ.

За это время было организовано новое богослужение. В комнате перед главным алтарем были расставлены два мраморных стола для принятия хлеба и вина, и Слово Божье проповедовалось с кафедры, лишенной всяких украшений. Преобладание Слова, которое характеризует евангельское богослужение, заменило в церкви Невшателя преобладание таинства, которое характеризует папство. К концу второго столетия Рим, эта древняя столица всех религий, после того как приветствовал христианское богослужение в его первозданной чистоте, постепенно превратил его в мистерии; определенным формам была приписана магическая сила; и господство жертвы, приносимой священником, сменилось господством Слова Божьего. Проповедь Фареля вернула Слову те права, которые ему принадлежат, и те сводчатые крыши, которые были заложены благочестием графа Ульрика II. по возвращении из Иерусалима посвятил себя поклонению Богородице, которая, наконец, спустя четыре столетия, служила для того, чтобы питать верующих, как во времена Апостолов, "словами веры и доброго учения".

[1036]

IX. Конвенция, составленная при посредничестве Берна, предусматривала, что "изменение должно произойти только в городе и приходе Невшатель". Остальная часть страны должна оставаться во тьме? Это не было желанием Фарела, и рвение граждан в его первом порыве эффективно поддержало его. Они посещали окрестные деревни, увещевая одних, сражаясь с другими. Те, кто был вынужден работать своими руками днем, отправлялись туда ночью. "Теперь мне сообщили, - пишет губернатор принцессе, - что они работают над реформацией день и ночь".

Джордж де Рив, встревоженный, созвал магистратов всех округов графства. Эти добрые люди верили, что их совесть, так же как и их положение, зависят от мадам де Лонгвиль. Напуганные мыслью о том, что они добровольно примут новое убеждение из Слова Божьего, они были вполне готовы принять его от графини, как нового самозванца. Печальный илотизм, при котором религия произрастает из почвы, вместо того чтобы нисходить с небес! "Мы желаем жить и умереть под защитой богоматери, - сказали магистраты лорду Рива, - не изменяя древней вере, пока она не прикажет". [1037] Рим, даже после своего падения, не мог получить более глубокого оскорбления.

ПРОВАЛ ЗАГОВОРА.

Эти заверения в верности и отсутствие бернцев восстановили уверенность Де Рива, и он тайно подготовил реакцию среди знати и низших классов. В каждой исторической катастрофе, в

падении великих учреждений и в зрелище их руин есть нечто такое, что возбуждает и совершенствует ум. Именно это и произошло в рассматриваемый период. Некоторые были более ревностны к папству после его падения, чем в дни его могущества. Священники, проскользнувшие в дома, отслужили мессу для нескольких друзей, таинственным образом собравшихся вокруг временного алтаря. Если рождался ребенок, бесшумно приходил священник, дышал на младенца, осенял его крестным знамением на лбу и груди и крестил в соответствии с римским ритуалом. [1038] Таким образом, они тайно восстанавливали то, что было разрушено при свете дня. В конце концов было достигнуто соглашение о контрреволюции, и Рождество было выбрано для восстановления римско-католицизма. В то время как радостные песни христиан должны были возноситься к небесам, сторонники Рима должны были ворваться в церковь, изгнать собрание еретиков, опрокинуть кафедру и святой стол, восстановить изображения и с триумфом отслужить Мессу. Таков был план невшаттельской вечерни. [1039]

О заговоре узнали. Депутаты из Берна прибыли в Невшатель накануне фестиваля. "Вы должны позаботиться об этом, - сказали они губернатору. - Если на реформированных нападут, мы, их сограждане, защитим их всеми нашими силами". Заговорщики сложили оружие, и рождественские гимны не были нарушены.

Это знаменательное освобождение усилило преданность и рвение друзей Евангелия. Уже Эмер Бейнон из Серьера, где Фарель однажды высадился на берег с маленькой лодки, взойдя на кафедру, сказал своим прихожанам: "Если я был хорошим священником, то по милости Божьей желаю стать еще лучшим пастором". Было необходимо, чтобы эти слова прозвучали с каждой кафедры. Фарел возобновил путь, полный трудов, изнурения и борьбы, с которыми могут сравниться только действия апостолов и миссионеров.

ТРУДЫ ФАРЕЛА.

Ближе к концу 1530 года он пересек гору в середине зимы, вошел в церковь Валанжина, вошел на кафедру и начал проповедовать в тот самый момент, когда Гильеметта де Вержи подходила к мессе. Она попыталась заткнуть рот реформатору, но тщетно, и пожилая и знатная вдова поспешно удалилась, сказав: "Я не думаю, что это соответствует старым Евангелиям; если есть какие-то новые, которые поощряют это, я весьма поражен". [1040] Жители Валанжина приняли Евангелие. Перепуганный лейтенант бежал в Невшатель, оттуда в Берн, и 11 февраля 1521 года подал свою жалобу в городской совет, но все было бесполезно. "Зачем, - сказали ему их превосходительства из Берна, - зачем вам тревожить воду в реке? позвольте ей течь свободно".

Фарел немедленно обратился к приходам на склонах между озером и горой Юра. В Корселе толпа фанатиков, хорошо вооруженных и возглавляемая невшатльским викарием, ворвалась в церковь, где проповедовал священник, и он не отделался ранением. В Бевее аббат Иоанн Ливронский и его монахи собрали многочисленную группу друзей, окружили церковь и, завершив таким образом блокаду, вошли в здание, стащили священника с кафедры и выгнали его с помощью ударов и оскорблений. Каждый раз, когда он появлялся снова, они преследовали его до самого Овернье, забрасывая камнями и стреляя из ружей.

ПАСТОР МАРКУР.

Пока Фарель проповедовал на равнине, он послал одного из своих братьев в долину; это был Джон де Бели'а, человек из хорошей семьи из Крест в Дофини. За Валанжином, на небольшом расстоянии от Фонтена, по левую сторону дороги на Сернье, находился камень, который

сохранился и по сей день. Именно здесь, под открытым небом, словно в великолепном храме, этот глашатай Евангелия начал провозглашать спасение по благодати. [1041] Перед ним простирался откос Шомона, усеянный прелестными деревушками Фенин, Виллар, Соле и Саванье, а за ним, там, где горы обрывались, виднелась далекая живописная цепь Альп. Самые ревностные из его слушателей умоляли его войти в церковь. Он так и сделал, но внезапно священник и его помощник "прибыли с большим шумом". Они проследовали к кафедре, стащили Белого вниз, а затем, повернувшись к женщинам и молодежи, "побудили их избить его и прогнать". [1042]

Иоанн де Белый вернулся в Невшаталь, весь в синяках, как и его друг после событий в Валанжине; но эти евангелисты шли по следам апостола Павла, которого не могли остановить ни плети, ни бичами. [1043] Де Бели часто возвращался к Фонтейну. Месса в этой деревне была отменена довольно давно; Бели был ее пастором в течение двадцати семи лет; его потомки не раз несли там служение, и сейчас они составляют самую многочисленную семью земледельцев в округе.

Фарель, проповедовавший евангелие на берегах озера к югу от Невшателя, отправился на север и проповедовал в Сен-Блез. Толпа, взбудораженная священниками и лейтенантом, набросилась на него, и Фарел вырвался из их рук, жестоко избитый, плюющийся кровью и едва узнаваемый. Его друзья поспешно бросили его в лодку и доставили в Морат, где из-за ран он задержался на некоторое время. [1044]

При известии об этом насилии реформированные жители Невшателя почувствовали, как у них закипает кровь. Если наместник, священник и его паства надругались над телом слуги Христова, которое воистину является алтарем Бога живого, почему они должны щадить мертвых идолов? Они немедленно устремляются в Сен-Блез, сбрасывают изображения и делают то же самое в аббатстве Фонтен—Андре, святилище древнего культа.

ПОСТЫДНЫЙ ПРИЕМ.

Изображения все еще существовали в Валанжине, но их последний час вот-вот пробьет. Француз Энтони Маркур был назначен пастором Невшателя. Следуя по стопам Фареля, он вместе с несколькими горожанами отправился в Валанжин 14 июня, в большой праздник в этом городе. [1045] Едва они прибыли, как многочисленная толпа окружила министра, прислушиваясь к его словам. Каноники, стоявшие на страже в своих домах, а г-жа де Вержи и г-н де Беллегард - на своих башнях, искали, как бы им отвлечь внимание от этой еретической проповеди. Они не могли применить силу из-за Берна. Они прибегли к жестокому средству, достойному самых мрачных дней папства, и которое, оскорбив священника, могло отвлечь (как они воображали) внимание народа и превратить его в крики и смех. Каноник, [1046] с помощью кучера графини отправился в конюшню и забрал оттуда двух животных, которых они привели к месту, где проповедовал Маркур. Мы набросим завесу на эту сцену: это один из тех позорных сюжетов, которые перо истории отказывается описывать. [1047] Но никогда наказание не следовало ближе к преступлению. Совесть слушателей пробудилась при виде этого позорного зрелища. Поток, который такое разбирательство должно было остановить, вырвался из своего русла. Возмущенный народ, взявшийся защищать ту религию, которую их противники хотели оскорбить, ворвался в церковь подобно волне возмездия; древние окна были разбиты, щиты лордов снесены, реликвии разбросаны повсюду, книги разорваны, изображения сброшены с ног, а алтарь опрокинут. Но этого было недостаточно: народная волна, захлестнув церковь,

снова откатилась назад и обрушилась на дома каноников. Их жители в ужасе бежали в леса, и все было разрушено в их жилищах.

РЕФОРМА НАЧАЛАСЬ.

Гильеметта де Вержи и месье де Беллегард, взволнованные и дрожащие за своими зубчатыми стенами, раскаивающиеся, но слишком поздно, в своем чудовищном поступке, - единственные, кто еще не пострадал от народного мщения. Их беспокойные глаза следят за движениями возмущенных горожан. Работа завершена! разграблен последний дом! Бюргеры совещаются между собой.— О ужас!—они поворачивают к замку, —они поднимаются на холм, -они приближаются. Неужели обитель благородных графов Арберга вот-вот будет опустошена? Но нет!— "Мы пришли, - сказали делегаты, стоявшие у ворот замка, - мы пришли требовать справедливости за надругательство, совершенное над религией и ее служителем". Им разрешают войти, и дрожащая графиня приказывает наказать бедняг, которые действовали исключительно по ее приказу. Но в то же время она посылает депутатов в Берн с жалобой на "великие оскорбления, которые ей были нанесены". [1048] Берн заявил, что Реформированные должны возместить ущерб; но графиня должна предоставить им право свободно отправлять свои богослужения. Жак Велюза, уроженец Шампани, был первым пастором Валанжина. Чуть позже мы увидим новую борьбу у подножия горы Юра.

Так Реформация утвердилась в Валанжине, как это было в Невшателе: две столицы этих гор были завоеваны Евангелием. Вскоре это получило юридическую санкцию. Фрэнсис, маркиз Ротлен, сын герцогини де Лонгвиль, прибыл в княжество в марте 1581 года с намерением сыграть в этом маленьком театре роль Франциска I. Но он вскоре обнаружил, что есть революции, совершаемые неодолимой рукой, и с ними нужно смириться. Ротелин исключил из владений графства каноников, которые до сих пор составляли первую власть, и заменил их четырьмя знаменосцами и четырьмя бургомистрами. Затем, воспользовавшись принципом, согласно которому вся брошенная собственность переходит к государству, он наложил руки на их богатое наследие и провозгласил свободу совести по всей стране. После того как с мадам были соблюдены все необходимые формы, политический деятель г-н де Рив также перестроился. Такова была поддержка, которую Рим получил от государства, к которому он обращался за своим избавлением.

НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ.

Реформация Французской Швейцарии отличалась огромной энергией, и об этом свидетельствуют события, свидетелями которых мы только что стали. Люди приписывали Фарелю эту отличительную черту его творчества; но ни один человек никогда не создавал свое собственное время; напротив, человека всегда создает время. Чем величественнее эпоха, тем меньше в ней преобладает индивидуальности. Все хорошее, содержащееся в событиях, о которых мы только что рассказали, исходило от того Всемогущего Духа, слабыми орудиями которого являются самые сильные люди. Все зло проистекало из характера людей; и действительно, почти всегда эти сцены насилия начинались с папства: Фарель скорее подчинялся влиянию своего времени, чем время получало свое. Великий человек может быть олицетворением и прообразом эпохи, для которой Бог предназначил его: он никогда не является ее творцом.

Но пришло время покинуть Юру и ее прекрасные долины, озаренные весенним солнцем, и направиться к Альпам Немецкой Швейцарии, над которыми начинают сгущаться густые тучи и ужасные бури. Свободные и мужественные люди, живущие под вечными ледниками или на улыбающихся берегах озер, с каждым днем принимают все более свирепый вид, и столкновение грозит быть внезапным, жестоким и ужасным. Мы только что были свидетелями славного завоевания: нас ждет ужасная катастрофа.

КНИГА XVI.

ШВЕЙЦАРИЯ—КАТАСТРОФА. 1528-1531.

I. Божьей волей было, чтобы у самых ворот его возрожденной Церкви были два великих примера, которые послужат уроками для будущих поколений. Лютеру и немецкой реформации, отказавшимся от помощи светской власти, отвергшим силу оружия и ожидавшим победы только в исповедании истины, было суждено увидеть, как их вера увенчается самым блестящим успехом; в то время как Цвинглю и швейцарской реформации, протянувшим руки к могущественным мира сего и взявшимся за меч, было суждено стать свидетелями ужасной, жестокой и кровавой катастрофы, обрушившейся на Слово Божье — катастрофы, которая угрожала поглотить евангелическое дело в самом яростном водовороте. Бог - ревнивый Бог, и он не воздаст своей славы другому; он утверждает, что сам выполняет свою работу, и для достижения своих целей приводит в движение иные пружины, чем пружины искусной дипломатии.

Мы далеки от того, чтобы забывать, что мы призваны излагать факты, а не обсуждать теории; но есть принцип, который история, которую мы излагаем, излагает заглавными буквами: это принцип, провозглашенный в Евангелии, где говорится: оружие нашей войны не плотское, но могущественное через Бога! Утверждая эту истину, мы опираемся не на какую-то конкретную школу, а на общечеловеческую совесть и Слово Божье.

ЦВИНГЛЕ.

Из всей плотской поддержки, к которой может прибегнуть религия, нет ничего более вредного для нее, чем оружие и дипломатия. Последний бросает его в извилисты пути; бывший спешит он в пути кровопролития; и религия, от которого лоб был разорван двойной венком истины и кротости, представлена, но деградировали и униженным выражением лица, что никто не может, что никто не желает признавать.

Само распространение Реформы в Швейцарии подвергло ее опасности, в которой она оказалась. Пока оно было сосредоточено в Цюрихе, оно оставалось религиозным; но когда оно захватило Берн, Базель, Шаффхаузен, Санкт-Галль, Гларис, Аппенцель и многочисленные бейливики, оно установило межкантональные отношения; и — вот в чем ошибка и несчастье — в то время как связь должна была иметь место между церковью и собором, она установилась между государством и провинцией.

Как только духовные и политические вопросы смешались воедино, последние взяли верх. Вскоре Цвингле счел своим долгом изучить не только доктринальные, но и федеральные вопросы; и можно было видеть, как прославленный реформатор, не подозревая о ловушках под ногами, бросается в путь, усеянный камнями, в конце которого его ждала жестокая смерть.

Примитивные швейцарские кантоны отказались от права создавать новые союзы без согласия всех; но Цюрих и Берн сохранили за собой эту власть. Поэтому Цвингле считал себя вполне вольным продвигать союз с евангелическими штатами. Констанца была первым городом, который согласился на ее присоединение. Но это христианское сообщество, которое могло бы стать зародышем новой конфедерации, немедленно возбудило против Цвингле многочисленных противников, даже среди сторонников Реформации.

Время еще было: Цвингле мог отойти от общественных дел и полностью посвятить себя Евангелию. Но ни у кого в Цюрихе не было, как у него, такого стремления к труду, такого правильного, зоркого и уверенного взгляда, столь необходимого политикам. Если бы он ушел в отставку, государственный корабль остался бы без лоцмана. Кроме того, он был убежден, что только политические действия могут спасти Реформу. Поэтому он решил быть одновременно человеком государства и Церкви. Записи доказывают, что в последние годы своей жизни он принимал участие в самых важных обсуждениях; исовет его кантона поручил ему писать письма, составлять прокламации и составлять заключения. Еще до спора с Берном, рассматривая войну как возможную, он разработал очень подробный план обороны, рукопись которого сохранилась до сих пор. [1049] В 1528 году он сделал еще больше; он показал в замечательной статье, как республика должна действовать по отношению к Империи, Франции и другим европейским государствам, а также по отношению к нескольким кантонам и бейливикам. Затем, как будто он поседел во главе гельветических войск (и справедливо будет заметить, что он долго жил среди солдат), он объяснил преимущества, которые можно получить, если застать врага врасплох; и он описал даже природу оружия и способ его применения. По правде говоря, в то время в военном искусстве происходила важная революция. Цюрихский пастор является одновременно главой государства и генералом армии: эта двойная— эта тройная роль реформатора погубила Реформацию и его самого. Несомненно, мы должны сделать скидку людям нашего века, которые, привыкнув видеть, как Рим на протяжении столетий владеет двумя мечами, не понимали, что они должны взять один и оставить другой. Мы должны восхищаться силой этого выдающегося гения, который, проводя политический курс, которым были бы увлечены величайшие умы, не переставал, однако, проявлять неутомимую деятельность в качестве пастора, проповедника, богослова и автора. Мы должны признать, что республиканское воспитание Цвингле научило его смешивать свою страну со своей религией, и что в этом великом человеке было достаточно того, чтобы заполнить многие жизни. Мы должны ценить это неукротимое мужество, которое, полагаясь на справедливость, не побоялось в то время, когда у Цюриха был всего один или два слабых города в качестве союзников, противостоять грозным силам Империи и Конфедерации; но мы также должны увидеть в великом и ужасном уроке, который дал ему Бог, заповедь на все времена и для каждой нации; и, наконец, понять то, о чем так часто забывают, "что царство Христа не от мира сего".

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

Римско-католические кантоны, услышав о новых союзах реформатов, пришли в яростное негодование. Вильгельм Дизбахский, депутат сейма от Берна, был вынужден выслушать самые резкие упреки. Заседание, прерванное на некоторое время, было возобновлено сразу после его ухода. "Они могут попытаться восстановить старую веру, - сказал бернец, удаляясь, - однако это не может продолжаться дольше". [1050] По правде говоря, они латали изо всех сил, но острой и отравленной иглой, из-за которой текла кровь. Джозеф Ам Берг из Швица и Жак Стокер из Цуга, судебные приставы Турговии, жестоко обращались со всеми, кто был привязан к Евангелию. Они применяли к ним штрафы, тюремное заключение, пытки, бичевание, конфискацию и изгнание; они отрезали министрам языки, обезглавливали их или приговаривали к сожжению. [1051] В то же время они забрали Библии и все евангелические книги; и если какие—либо бедные лютеране, спасаясь бегством из Австрии, пересекали Рейн и ту низменную долину, где его спокойные воды текут между Альпами Тироля и Аппенцелля, - если эти бедняги, отслеживаемые ланскенцами, приходили искать убежища в Швейцарии, их жестоко бросали к своим преследователям.

СОЮЗ С АВСТРИЕЙ.

Чем тяжелее налагались руки судебного пристава на Турговию и Риенталь, тем большие завоевания совершало Евангелие. Епископ Констанца написал Пяти кантонам, что, если они не будут действовать решительно, вся страна поддержит Реформу. Вследствие этого кантоны созвали во Фрауэнфельде всех прелатов, дворян, судей и известных людей округа; и на втором заседании, состоявшемся шесть дней спустя (6 декабря 1528 г.) в Вайнфельде, депутаты от Берна и Цюриха призвали ассамблею ставить честь Бога превыше всего и ни в коем случае не обращать внимания на угрозы со стороны мира. [1052] После этого выступления последовало большое волнение. Наконец большинство высказалось за проповедь Слова Божьего: народ пришел к тому же решению; и Рейнталь, а также Бремгартен последовали этому примеру.

Что было делать? Наводнение приближалось с каждым часом. Должны ли Лесные кантоны наконец открыть свои долины для него? Религиозные антипатии положили конец национальным, и эти гордые горцы, устремив свои взоры за Рейн, подумывали о том, чтобы призвать на помощь Австрию, которую они разгромили при Моргартене и Земпахе. [1053] Фанатичная немецкая партия, сокрушившая восставших швабских крестьян, была всемогуща на границах. Они обменивались письмами; гонцы переправлялись туда и обратно через реку; наконец, они воспользовались свадьбой высокопоставленных лиц, которая должна была состояться в Фельдкирхе в Швабии, в шести лье от Аппенцелля. 16 февраля 1529 года свадебная процессия, образовав блестящую кавалькаду, в гуще которой скрывались депутаты пяти кантонов, въехала в Фельдкирх, и Ам Берг немедленно встретился с австрийским губернатором. "Сила врагов нашей древней веры настолько возросла, - сказал швейцарец, - что друзья Церкви больше не могут сопротивляться им. Поэтому мы обращаем наши взоры к этому прославленному принцу, который спас в Германии веру наших отцов".

Этот союз был настолько неестественным, что австрийцам было трудно поверить в его искренность. "Берите заложников, — сказали вальдштетты, - пишите статьи договора своими руками; приказывайте, и мы повинемся!" - "Очень хорошо!" - ответили австрийцы. "Через два месяца вы снова найдете нас в Вальдсхуте, и мы сообщим вам наши условия".

ВРАЖДЕБНОСТЬ.

Слух об этих переговорах, распространившийся за границей, вызвал большое недовольство даже среди сторонников Рима. Ни в одном месте она не вспыхивала с такой силой, как в совете Цуга. Противоборствующие стороны были сильно возбуждены; они топали ногами, вскакивали со своих мест и чуть было не подрались; но ненависть возобладала над патриотизмом. Депутаты Вальдштета появились в Вальдсхуте; они повесили гербы своих кантонов рядом с гербами угнетателей Швейцарии; они украсили свои шляпы павлиньими перьями (эмблема Австрии) и смеялись, пили и болтали с империалистами. Этот странный союз был наконец заключен.

[1054] "Тот, кто создаст новые секты среди людей, - говорилось в нем, - будет наказан смертью; и, если потребуется, с помощью Австрии. Эта держава в случае крайней необходимости пошлет в Швейцарию шесть тысяч пехотинцев и четыреста всадников со всей необходимой артиллерией. В случае необходимости реформированные кантоны будут блокированы, а все провизия перехвачена". Таким образом, инициатива принятия этой столь осуждаемой меры принадлежит римским кантонам. Наконец, Австрия гарантировала Вальдштетам владение не только общими бейливиками, но и всеми *завоеваниями*, которые могли быть сделаны на левом берегу Рейна.

Уныние и ужас немедленно охватили всю Швейцарию. Национальная жалоба, которую сохранил Буллингер, распевалась во всех направлениях: —

Рыдайте, гелветы, рыдайте,
Ибо павлинье перо гордости
С диким быком лесных кантонов
В дружбе заключен союз.

ХРИСТИАНСКОЕ УВЕЩЕВАНИЕ.

Все кантоны, не вошедшие в этот союз, за исключением Фрибурга, собрались на сейм в Цюрихе и решили послать депутацию к своим горным союзникам с целью примирения. Депутация, допущенная в Швиц в присутствии народа, смогла выполнить свою миссию без шума. В Цуге раздался крик: "Никакой проповеди! никакой проповеди!" В Альторфе ответ был таким: "Молю Бога, чтобы ваша новая вера была похоронена навсегда!" В Люцерне они получили такой надменный ответ: "Мы будем знать, как защитить себя, наших детей и детей наших детей от яда ваших мятежных священников". В Унтервальдене депутация встретила наихудший прием. "Мы объявляем о прекращении нашего союза", - заявили они. "Это мы, это другие вальдштетты — настоящие швейцарцы. Мы любезно приняли вас в нашу конфедерацию, и теперь вы заявляете, что стали нашими хозяевами!— Император, Австрия, Франция, Савойя и Вале помогут нам!" Депутаты в изумлении отступили, содрогаясь, когда проходили перед домом государственного секретаря, где увидели гербы Цюриха, Берна, Базеля и Страсбурга, свисающие с высокой виселицы.

Едва депутация вернулась в Цюрих и представила свой отчет, как умы людей воспламенились. Цвингле предложил не предоставлять Унтервальдену мира, если он не откажется от дипломатической службы, союза с Австрией и управления общими бейливиками. "Нет! нет! - сказал Берн, который только что подавил гражданскую войну в своем собственном кантоне. - Давайте не будем так торопиться. Когда сияют лучи солнца, каждый хочет отправиться в путь; но как только начинается дождь, каждый человек падает духом! Слово Божье предписывает мир.

Вера создается не для того, чтобы пиками проникать в сердце. По этой причине, во имя страданий нашего Господа, мы умоляем вас умерить свой гнев".

Это христианское увещевание имело бы успех, если бы страшные вести, достигшие Цюриха в тот самый день, когда бернцы произнесли свою умеренную речь, не сделали его бесполезным.

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ КЕЙЗЕРА.

В субботу, 22 мая, Жак Кейзер, пастор и отец семейства в окрестностях Грайффензее, пройдя вдоль плодородных берегов этого небольшого озера, пересек богатые пастбища бейлирика Грюнинген, прошел мимо тевтонского дома Бубикон и монастыря Рути и достиг этого простого и дикого района, омываемого верхней частью Цюрихского озера. Направляясь в Оберкирк, приход в районе Гастер, между двумя озерами Цюрих и Валленштадт, пастором которого он был назначен и где завтра должен был проповедовать, он пешком пересек удлинённые и округлые склоны Бухберга, откуда открывался вид на живописные высоты Аммона. Он уверенно продвигался в те леса, которые в течение многих недель часто пересекал без препятствий, когда его внезапно схватили шесть человек, расставленных там, чтобы застать его врасплох, и увезли в Швиц. "Судебные приставы, - сказали они магистратам, - приказали, чтобы все министры-новаторы предстали перед трибуналом: вот один из них, которого мы представляем вам". Хотя Цюрих и Гларис вмешались; хотя правительство Гастера, куда был доставлен Кейзер, тогда не принадлежало Швицу; Ландсгемайнде желало жертвы, и 29 мая они приговорили министра к сожжению заживо. Узнав о вынесенном ему приговоре, Кейзер разрыдался. [1055] Но когда настал час казни, он бодро шел к смерти, свободно исповедовал свою веру и благодарил Господа даже при последнем вздохе. "Идите и скажите им в Цюрихе, как они благодарны нам!" - с саркастической улыбкой сказал один из магистратов Швица цюрихским депутатам. Так новый мученик пал от рук той грозной силы, которая "упилась кровью святых". [1056]

Чаша была полна. Пламя в кубке Кайзера стало сигналом войны. Разъяренный Цюрих издал крик, который разнесся по всей конфедерации. Цвингле прежде всего призывал к энергичным мерам. Повсюду — на улицах, в советах и даже с кафедр — он превосходил в отваге даже самых доблестных военачальников. Он говорил в Цюрихе, — писал он в Берн. "Давайте будем тверды и не будем бояться брать в руки оружие", - сказал он. "Этот мир, которого некоторые так сильно желают, - это не мир, а война, в то время как война, к которой мы призываем, - это не война, а мир. [1057] Мы не жаждем ничьей крови, но мы подрежем крылья олигархии. [1058] Если мы будем избегать этого, истина Евангелия и жизни служителей никогда не будут в безопасности среди нас".

ОШИБКА ЦВИНГЛЯ.

Так говорил Цвингль. Во всех частях Европы он видел, как сильные мира сего помогали друг другу подавлять возрождающееся воодушевление Церкви; и он думал, что без какого-либо решительного и энергичного движения христианство, сокрушенное столькими ударами, вскоре вернулось бы в свое древнее рабство. Лютер при сходных обстоятельствах остановил мечи, готовые скреститься, и потребовал, чтобы на поле битвы появилось только Слово Божье. Цвингль думал иначе. По его мнению, война не была восстанием, поскольку у Швейцарии не было хозяина. "Несомненно, - сказал он, - мы должны уповать только на Бога; но когда Он дает

нам правое дело, мы также должны знать, как его защищать, и, подобно Иисусу Навину и Гедеону, проливать кровь во имя нашей страны и нашего Бога".

Если мы примем принципы справедливости, которыми руководствуются правители народов, совет Цвингле был разумным и безукоризненным. Долгом швейцарских магистратов было защищать угнетенных от угнетателя. Но разве такие формулировки, которые могли бы быть уместны в устах магистрата, не достойны порицания со стороны служителя Христа? Возможно, Цвингле забыл о своем качестве пастора и считал себя всего лишь гражданином, с которым советуются его сограждане; возможно, он хотел защитить Швейцарию, а не Церковь, своими советами; но вопрос в том, должен ли он когда-либо забывать Церковь и свое служение. Мы думаем, что можем пойти еще дальше; и, принимая все, что можно привести в пользу противоположного предположения, мы можем отрицать, что светская власть когда-либо должна была вмешиваться с мечом в защиту веры.

ЦВИНГЛЬ И ВОЙНА.

Для осуществления своих замыслов реформатору требовалось величайшее единство даже в Цюрихе. Но в этом городе было много людей, преданных интересам и суевериям, которые были ему противоположны. "Как долго, - воскликнул он с кафедры 1 декабря 1528 года, - вы будете поддерживать в совете этих неверующих, этих нечестивых людей, которые выступают против Слова Божьего?" [1059] Они приняли решение о чистке совета, как требовал реформатор; они обследовали граждан по отдельности; а затем исключили всех враждебных членов.

II. В субботу 15 июня 1529 года, через семь дней после мученической смерти Кейзера, весь Цюрих был в волнении. Настал момент, когда Унтервальден должен был послать губернатора в обычные бейливики; и после того, как изображения были сожжены в этих районах, Унтервальден поклялся отомстить. [1060] Таким образом, ужас стал всеобщим. "Костер Кейзера, - думали они, - будет вновь зажжен во всех наших деревнях". Многие жители стекались в Цюрих, и на их встревоженных лицах можно было в воображении увидеть отражение пламени, которое только что поглотило мученика.

РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА.

Эти несчастные люди нашли могущественного защитника в Цвингле. Реформатор вообразил, что наконец—то достиг цели, к которой он никогда не переставал стремиться, - свободной проповеди Евангелия в Швейцарии. Нанести окончательный удар, по его мнению, было бы достаточно, чтобы довести это предприятие до благоприятного исхода. "Жадные пенсионеры, - сказал Цвингле цюрихцам, - пользуются невежеством горцев, чтобы настроить эти простые души против друзей Евангелия. Поэтому давайте будем строги к этим надменным вождям. Кротость ягненка только сделает волка более свирепым. [1061] Давайте предложим Пяти кантонам разрешить свободную проповедь Слова Господня, отказаться от своих нечестивых союзов и наказать подстрекателей к дипломатической службе. Что же касается Мессы, идолов, обрядов и суеверий, пусть никого не заставляют отказываться от них. Только Слово Божье должно рассеять своим мощным дыханием всю эту праздную пыль. [1062] Будьте тверды, благородные лорды, и, несмотря на некоторых черных лошадей, таких же черных в Цюрихе, как и в Люцерне, [1063] но чья злоба заставит нас никогда не удастся перевернуть колесницу

Реформ, мы преодолеем этот трудный путь и придем к единству Швейцарии и к единству веры". Таким образом, Цвингле, призывая к силе против политических злоупотреблений, просил только свободы для Евангелия; но он желал немедленного вмешательства, чтобы обеспечить ему эту свободу. Колампадий думал о том же: "Сейчас не время для промедления, - сказал он, - сейчас не время для скупости и малодушия! До тех пор, пока яд этой гадюки в наших сердцах не будет полностью удален, мы будем подвергаться величайшим опасностям". [1064]

Совет Цюриха, ведомый реформатором, пообещал бейливикам поддерживать среди них свободу вероисповедания; и едва они узнали, что Энтони аб Аккер из Унтервальдена направляется в Баден с армией, как они приказали пятистам солдатам выступить к Бремгартену с четырьмя артиллерийскими орудиями. Это было 5 июня, и в тот же вечер цюрихский штандарт развевался над монастырем Мури.

Война.

Началась религиозная война. Звук рога вальдштеттов эхом отдавался далеко в горах: люди вооружались во всех направлениях, и спешно были разосланы гонцы, чтобы призвать на помощь Вале и Австрию. Тремя днями позже (во вторник, 8 июня) шестьсот цюрихцев под командованием Жака Вердмюллера отправились в Раппершвиль и район Гастер; а на следующий день четыре тысячи человек отправились в Каппель под командованием доблестного капитана Георга Бергера, капелланом которого был назначен Конрад Шмидт, пастор Куснахта. "Мы не хотим, чтобы вы отправлялись на войну, - сказал бургомистр Раст Цвингле, - потому что папа, эрцгерцог Фердинанд, римские кантоны, епископы, аббаты и прелаты смертельно ненавидят вас. Оставайтесь с советом: вы нам нужны". — "Нет!" - ответил Цвингле, который не желал никому доверять столь важное предприятие. "Когда мои братья рискуют своими жизнями, я не буду спокойно сидеть дома у своего камина. Кроме того, армии также требуется бдительный глаз, который постоянно оглядывается по сторонам". Затем, сняв свою сверкающую алебарду, которую он нес (как говорят) в Мариньяне, и взвалив ее на плечо, реформатор сел на коня и отправился вместе с армией. [1065] Стены, башни и зубчатые стены были покрыты толпой стариков, детей и женщин, среди которых была Анна, жена Цвингля.

Цюрих обратился за помощью к Берну; но этот город, жители которого не проявляли особого расположения к религиозной войне и который, кроме того, был недоволен растущим влиянием Цюриха, ответил: "Поскольку Цюрих начал войну без нас, пусть она завершится таким же образом". Евангельские государства были разобщены в самый момент борьбы.

Римские кантоны так не поступили. Именно Цуг издал первый призыв, и люди из Ури, Швица и Унтервальдена немедленно выступили в поход. 8 июня большое знамя развевалось перед городским домом Люцерна, а на следующий день армия выступила под звуки старинных рожков, которые Люцерн якобы получил от императора Карла Великого.

10 июня цюрихцы, стоявшие на посту в Каппеле, на рассвете послали в Цуг герольда, которому, согласно обычаю, было поручено объявить Пяти кантонам о разрыве союза. Цуг немедленно наполнился криками и тревогой. Этот самый маленький в Швейцарии кантон, еще не принявший все контингенты конфедерации, был не в состоянии защитить себя. Люди бежали взад и вперед, отсылали гонцов и спешно готовились к битве; воины надевали доспехи, женщины плакали, а дети визжали.

ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦ ЭБЛИ.

Уже первая дивизия цюрихской армии численностью в две тысячи человек под командованием Вильгельма Томинга, расквартированная недалеко от границы ниже Каппеля, готовилась выступить в поход, когда они заметили в направлении Баара всадника, прижимающего с флангов своего коня и скачущего вверх так быстро, как только позволяла гора, на которую ему предстояло взобраться. Это был Эбли, ландамман из Глариса. "Пять кантонов готовы, - сказал он, когда прибыл, - но я убедил их остановиться, если вы сделаете то же самое. По этой причине я умоляю моих лордов и народ Цюриха, ради любви к Богу и безопасности Конфедерации, приостановить свое шествие в настоящий момент". Произнося эти слова, храбрый гельветиец прослезился. [1066] "Через несколько часов, - продолжал он, - я вернусь снова. Я надеюсь, с Божьей милостью, добиться почетного мира и не допустить, чтобы наши коттеджи наполнились вдовами и сиротами".

Эбли был известен как честный человек, дружелюбный к Евангелию и выступавший против службы за границей: поэтому его слова тронули цюрихских капитанов, которые решили остановиться. Один Цвингле, неподвижный и встревоженный, увидел во вмешательстве своего друга козни противника. Австрия, занятая отражением нападения турок и неспособная оказать помощь Пяти кантонам, призывала их к миру. Это, по мнению Цвингле, и было причиной предложений, выдвинутых им ландамменом из Глариса. Итак, в тот момент, когда Эбли повернулся, чтобы вернуться в Цуг, [1067] Цвингле, подойдя к нему, серьезно сказал: "Сплетник ландамман, ты представишь Богу отчет обо всем этом. Наши противники попали в ловушку: вот почему они говорят вам приятные слова. Мало-помалу они нападут на нас врасплох, и некому будет спасти нас". Пророческие слова, исполнение которых превзошло все ожидания! "Дорогой сплетник!" - ответил землевладелец. "Я верю в Бога, что все будет хорошо. Пусть каждый делает все, что в его силах". И он ушел.

БЕРНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО.

Затем, вместо того чтобы наступать на Цуг, армия начала разбивать палатки на опушке леса и на берегу ручья в нескольких шагах от часовых Пяти кантонов; в то время как Цвингле, сидя в своей палатке, молчаливый и погруженный в глубокие раздумья, час за часом ожидал каких-нибудь печальных известий.

Ему не пришлось долго ждать. Это были депутаты Цюрихского совета, которые пришли, чтобы воплотить в реальность его опасения. Берн, сохраняя репутацию, которую он так часто демонстрировал как представитель федеральной политики, заявил, что, если Цюрих или кантоны не захотят заключить мир, они должны знать, как их принудить; этот штат в то же время созвал сейм в Арау и отправил в поле пять тысяч человек под командованием Себастьяна Дисбаха. Цвингле был поражен ужасом.

Послание Эбли, поддержанное посланием из Берна, было направлено советом обратно в армию, ибо, согласно принципам того времени, "где развевается знамя, там и Цюрих". "Давайте не будем колебаться, - воскликнул реформатор, всегда решительный и твердый. - наша судьба зависит от нашего мужества; сегодня они просят и умоляют, а через месяц, когда мы сложим оружие, они раздавят нас. Давайте твердо стоять в Боге. Прежде всего, давайте будем справедливы: после этого наступит мир". Но Цвингле, превратившийся в государственного деятеля, начал терять влияние, которое он приобрел как слуга Божий. Многие не могли понять

его и спрашивали, действительно ли то, что они услышали, было языком служителя Господа. "Ах! - сказал один из его друзей, который, возможно, знал его лучше всех, Освальд Микониус. - Цвингле, безусловно, был бесстрашным человеком посреди опасности; но он всегда испытывал ужас перед кровью, даже перед своими самыми смертельными врагами. Свобода его страны, добродетели наших предков и, прежде всего, слава Христа были единственной целью его замыслов. [1068]— Я говорю правду, как будто в присутствии Бога", - добавляет он.

ШВЕЙЦАРСКОЕ РАДУШИЕ.

Пока Цюрих посылал депутатов в Арау, обе армии получили подкрепление. Жители Турговии и Сен-Галля объединили свои знамена с цюрихскими; валежанцы и жители Сен-Готарда объединились с латинистскими кантонами. Передовые посты находились на виду друг у друга в Тунне, Лематте и Гольдесбруннене, на восхитительных склонах Альбиса.

Пожалуй, никогда швейцарское радушие не сияло так ярко своим древним лоском. Солдаты дружески окликали друг друга, пожимали руки, называли себя союзниками и братьями. "Мы не будем сражаться", - сказали они. "Буря пронесется над нашими головами, но мы будем молиться Богу, и он сохранит нас от всякого зла". Армия Пяти кантонов страдала от нехватки, в то время как в цюрихском лагере царило изобилие. [1069] Однажды несколько молодых голодающих вальдштеттов миновали аванпосты: цюрихцы взяли их в плен, отвели в лагерь, а затем отправили обратно, нагруженных провизией, с еще большим добродушием, чем проявил Генрих IV. при осаде Парижа. В другой раз несколько воинов из Пяти кантонов, поставив на границе ведро, наполненное молоком, закричали цюрихцам, что у них нет хлеба. Последние немедленно спустились вниз и порезали свой хлеб на молоко для врагов; затем солдаты обеих сторон начали с шутками есть из одного блюда — кто с этой стороны, кто с той. Цюрихцы были в восторге от того, что, несмотря на запрет их священников, Вальдштеты ели вместе с еретиками. Когда кто-нибудь из отряда брал кусок, который был на стороне его противников, они шутливо били его своими ложками и говорили ему: "Не переходи границу!" Так эти добрые гельветы воевали друг с другом; и вот почему бургомистр Страсбурга Штурм, один из посредников, воскликнул: "Вы, союзники, - особый народ! Когда вы разобщены, вы по-прежнему живете в гармонии друг с другом, и ваша древняя дружба никогда не дремлет". [1070]

КОНФЕРЕНЦИЯ.

В цюрихском лагере царил самый совершенный порядок. Каждый день Цвингле, командир Шмидт, цинкский настоятель из Каппеля или какой-нибудь другой священник проповедовали среди солдат. Не было слышно ни клятв, ни споров; каждая буйствующая женщина была изгнана из лагеря; молитвы возносились до и после каждой трапезы; и каждый мужчина повиновался своим вождям. Не было ни костей, ни карт, ни игр, рассчитанных на то, чтобы вызвать ссору; но псалмы, гимны, национальные песни, физические упражнения, борьба или бросание камня были военными развлечениями цюрихцев. [1071] Дух, воодушевлявший реформатора, перешел в армию.

Собрание в Арау, переведенное в Штайнхаузен, расположенный по соседству с обоими лагерями, постановило, что каждая армия должна выслушать жалобы противоположной стороны. Прием депутатов Пяти кантонов цюрихцами был относительно спокойным; в другом лагере все было иначе.

15 июня пятьдесят цюрихцев, окруженных толпой крестьян, верхом на лошадях направились к Вальдштеттам. Звук трубы, дробь барабана и повторяющиеся артиллерийские залпы возвестили об их прибытии. Почти двенадцать тысяч человек из небольших кантонов, в хорошем строю, с поднятыми головами и высокомерным видом, были вооружены. Эшер из Цюриха заговорил первым, и многие жители сельских округов перечислили свои жалобы вслед за ним, которые Вальдштетты сочли преувеличенными. "Когда это мы когда-либо отказывали вам в федеральном праве?" - спросили они. "Да, да!" - ответил Функ, друг Цвингле. "Мы знаем, как вы это применяете. Тот пастор (Кейзер) апеллировал к этому, и вы направили его — к палачу!" "Фанк, тебе бы лучше было придержать язык", - сказал один из его друзей. Но слова эти сорвались с языка; внезапно поднялась страшная суматоха; вся армия Вальдштеттов пришла в волнение; самые благоразумные умоляли цюрихцев немедленно отступить и охраняли их отъезд.

МИР ВОССТАНОВЛЕН.

Наконец 26 июня 1529 года договор был заключен. Цвингле не получил всего, чего желал. Вместо свободной проповеди Слова Божьего договор предусматривал только свободу совести; в нем говорилось, что общие судебные органы должны большинством голосов высказываться за или против Реформы. Не издавая указа об отмене пенсий для иностранцев, римским кантонам было рекомендовано отказаться от союза, заключенного с Австрией; пять кантонов должны были оплатить военные расходы, Мурнер взять свои оскорбительные слова обратно, а семье Кейзера была выплачена компенсация. [1072]

Воинственная демонстрация в Цюрихе только что увенчалась неоспоримым успехом. Это почувствовали пять кантонов. Мрачные, раздраженные, молча пережевывающие кусок, который им положили в рот, их вожди никак не могли решиться отказаться от договора о союзе с Австрией. Цюрих немедленно отозвал свои войска, посредники удвоили свои просьбы, а бернцы воскликнули: "Если вы не отдадите этот документ, мы сами устроим процессию и вырвет его из ваших архивов". Наконец, 26 июня, через два часа после полуночи, оно было доставлено Каппелю. Вся армия была выдвинута в одиннадцать часов утра, и они начали читать договор. Цюрихцы с удивлением смотрели на его ширину и непомерную длину, а также на девять скрепленных печатей, одна из которых была золотой. Но едва было прочитано несколько слов, как Эбли, выхватив пергамент, закричал: "Довольно, довольно!" — "Читайте, читайте!" - сказали цюрихцы. "Мы хотим узнать об их измене!" Но бейлиф Глариса смело ответил: "Я предпочел бы, чтобы меня разрезали на тысячу кусков, чем допустить это". Затем, вонзив нож в пергамент, он разрезал его на куски в присутствии Цвингле и солдат, [1073] и бросил куски секретарю, чтобы тот предал их огню. "Эта газета была не швейцарской", - говорит Буллингер с возвышенной простотой.

ГИМН ЦВИНГЛЯ.

Знамена были немедленно сорваны. Жители Унтервальдена в гневе отступили; жители Швица поклялись, что навсегда сохранят свою древнюю веру; в то время как войска Цюриха с триумфом вернулись в свои дома. Но самые противоположные мысли волновали ум Цвингле. "Я надеюсь, - сказал он, насилуя свои чувства, - что мы вернем достойный мир в наши жилища. Мы отправились в путь не для того, чтобы проливать кровь. [1074] Бог в очередной раз показал великим земли, что они ничего не могут сделать против нас ". Но когда он уступил своему естественному настрою, совершенно иной порядок мыслей овладел его умом. Все видели, как

он шел в стороне в глубоком унынии и предвкушал самое мрачное будущее. Напрасно люди окружали его радостными криками. "Этот мир, - сказал он, - который вы считаете триумфом, вы скоро расклетесь в нем, ударив себя в грудь". Именно в это время, изливая свою печаль, он сочинил, спускаясь с Альбиса, знаменитый гимн, который часто повторялся под звуки музыки на полях Швейцарии, среди бюргеров городов Конфедерации и даже во дворцах королей. Гимны Лютера и Цвингле играют ту же роль в немецкой и швейцарской реформации, что и псалмы во Франции.

Управляй своей колесницей, Господи,
И веди ее по своей воле;
Без твоей помощи тщетна наша сила,
И бесполезно все наше мастерство.
Взгляни сверху вниз на своих святых, поверженных врагом.
И распростертых ниц.

Возлюбленный Пастырь, спасший
Наши души от смерти и греха,
возвысь свой голос, пробуди своих овец,
Которые дремлют в
Твоем загоне, и обуздай своей правой рукой
ярость неистовой шайки сатаны.

Ниспошли мир твой и изгони раздоры,
Позволь горечи уйти;
Возроди дух прошлого
В сердце каждого швейцарца;
Тогда Церковь твоя вечно будет петь
хвалу своему небесному Царю.

МОНАХИНИ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ.

Эдикт, опубликованный от имени конфедератов, предписывал повсеместно возродить старую дружбу и братское согласие; но указы бессильны сотворить такие чудеса.

Этот мирный договор, тем не менее, благоприятствовал Реформе. Без сомнения, в некоторых местах он встретил яростное сопротивление. Монахини долины Святой Екатерины в Турговии, покинутые своими священниками и возбужденные некоторыми дворянами за Рейном, которые называли их в своих письмах "Благородными женщинами дома Божьего", сами отслужили мессу и назначили одного из своих прихожан проповедником в монастырь. Поговорив с некоторыми депутатами от протестантских кантонов, настоятельница и три монахини тайно переправились ночью через реку, унося с собой монастырские бумаги и церковные украшения. Но такое изолированное сопротивление, как это, было бесполезным. Уже в 1529 году Цвингле смог созвать синод в Турговии, который организовал там церковь, и постановил, что имущество монастырей должно быть посвящено обучению благочестивых молодых людей священным

наукам. Таким образом, согласие и мир, казалось, наконец-то были восстановлены в Конфедерации.

ЗАВОЕВАНИЯ РЕФОРМ.

III. Однако, когда победитель отдается своему триумфу, именно в этой уверенности он часто находит гибель. Цюрих и Цвингле должны были стать примером этого печального урока истории. Воспользовавшись установившимся в стране миром, они удвоили свои усилия для торжества Евангелия. Это было законное рвение, но оно не всегда направлялось разумно. Достижение единства Швейцарии посредством единства веры было целью цюрихцев; но они забыли, что, желая добиться единства силой, они разрушают его на части и что свобода - это единственное средство, с помощью которого противоположные элементы могут быть растворены и установлен спасительный союз. В то время как Рим стремится к единству посредством анафем, тюремного заключения и костра, христианская истина требует единства через свободу. И давайте не будем бояться, что единство, расширяющее каждую индивидуальность сверх всякой меры, приведет таким образом к бесконечному многообразию. В то время как мы призываем каждый разум привязаться к Слову Божьему, мы вверяем его силе, способной привести его расходящиеся мнения к благотворному единству.

Цвингле сначала обозначил свою победу законными завоеваниями. Он храбро продвигался вперед. "Его глаз и рука были повсюду". "Несколько жалких негодяев, - говорит Салатт, романист-хронист, - проникнув в Пять кантонов, смущали души людей, распространяли свою безделушку, разбрасывали повсюду маленькие стихотворения, маленькие трактаты, маленькие заветы и не переставали повторять, что люди не должны верить священникам". [1075] Это было еще не все; в то время как Реформе было суждено ограничиться несколькими бесплодными усилиями вокруг озера Вальдштетт, она добилась блестящих завоеваний среди кантонов — союзников и подданных Швейцарии; и все удары, нанесенные там папству, эхом отозвались в высокогорных долинах примитивных кантонов и наполнили их ужасом. Нигде папство не проявляло себя с такой решительностью, как в швейцарских горах. Там царила смесь римского деспотизма и гельветской грубости. Рим был полон решимости победить, и все же она видела, как у нее последовательно отнимали самые важные позиции.

Фактически, 29 сентября 1529 года жители Шаффхаузена вынесли "великого Бога" (*le bon Dieu*) из собора, к глубокому сожалению небольшого числа приверженцев, которых римское богослужение все еще учитывало в этом городе; затем они отменили мессу и простерли руки к Цюриху и Берну.

СВЯЩЕННИК ЦУРЗАКСКИЙ.

В Цурзакке, недалеко от слияния Рейна и Ара, в тот момент, когда местный священник, человек, преданный древнему богослужению, с рвением проповедовал, человек по имени Тюфель (дьявол), подняв голову, сказал ему: "Господин, ты осыпаешь оскорблениями хороших людей и оказываешь почести Папе Римскому и святым римского календаря; скажите на милость, где мы находим это в Священном Писании?" Этот вопрос, заданный серьезным тоном, вызвал лукавую улыбку на многих лицах, и люди, не сводя глаз с кафедры, ждали ответа. Священник в изумлении, потерявший рассудок, ответил дрожащим голосом: "Дьявол - твое имя; ты ведешь

себя как дьявол, и ты сам дьявол! По этой причине я не хочу иметь с тобой ничего общего". Затем, поспешно покинув кафедру, он убежал, как будто за ним стоял сам сатана. Изображения были немедленно снесены, а месса отменена. Римско-католики пытались утешить себя, повсюду повторяя: "В Цуржаке Реформацию ввел дьявол". [1076]

РЕФОРМА В ГЛАРИСЕ.

Священники и воины Лесных кантонов были свидетелями ниспровержения римской веры в странах, лежавших ближе к ним. В кантоне Гларис, откуда начинаются крутые перевалы Клаус и Прагель, [1077] Реформа могла внезапно обрушиться на Ури и Швитца, двое мужчин встретились лицом к лицу. В Моллисе Фридолин Бруннер, каждый день спрашивающий себя, какими средствами он мог бы продвигать дело Христа, [1078] атаковал злоупотребления Церкви с энергией своего друга Цвингле, [1079] и стремился распространять среди людей, страстно любивших войну, мир и милосердие Евангелия. Напротив, в Гларисе Валентин Чуди учился со всей осмотрительностью своего друга Эразма сохранять справедливую связь между Римом и Реформой. И хотя — благодаря проповеди Фридолина! — доктрины чистилища, индульгенций, добрых дел и заступничества святых рассматривались гларонайцами просто как безумие и басни, [1080] они все еще Чуди верили, что тело и кровь Христа по существу содержатся в хлебе Господнем. Ужин.

ИТАЛЬЯНСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРИСТАВЫ.

В то же время движение против Реформы происходило в этой высокой и дикой долине, где Линт, бушующий у подножия огромных скал с зазубренными гребнями — огромных цитаделей, которые, казалось, были построены в воздухе, — омывает своими водами деревни Шванден и Рути. Римско-католики, встревоженные продвижением Евангелия и желая спасти хотя бы эти горы, щедрыми руками разбрасывали деньги, которые они получали из своих зарубежных пенсий; и с того времени стало видно, что жестокая ненависть разделила старых друзей, и люди, которые, казалось, были привлечены Евангелием, подло искали предлог, чтобы скрыть позорное бегство. [1081] "Питер [1082] и я, - в отчаянии написал Расдорфер, пастор Рути, - работаем на винограднике, но, увы! виноград, который мы собираем, не используется для жертвоприношения, и даже птицы его не едят. Мы ловим рыбу, но, промучившись всю ночь, обнаруживаем, что поймали только пиявок. [1083] Увы! мы бросаем жемчуг перед собаками и розы перед свиньями!" Этот дух бунта против Евангелия вскоре распространился из этих долин вместе с шумными водами Линта вплоть до Глариса и Моллиса. "Совет, как будто он состоял только из глупых женщин, каждый день поднимал паруса", - сказал Расдорфер; [1084] "однажды у него будет капюшон, на следующий его не будет". [1085] Гларис, подобный листу, уносимому одним из своих потоков и который волны и водовороты гонят в разных направлениях, колебался, вертелся и был почти поглощен.

Но этому кризису пришел конец: Евангелие внезапно обрело силу, и в пасхальный понедельник 1530 года общее собрание народа "поставило на голосование мессу и алтари". Могущественная партия, опирающаяся на Пять кантонов, тщетно сопротивлялась Реформе. Это было провозглашено, и его побежденные и сбитые с толку враги были вынуждены довольствоваться, говорит Буллингер, таинственным сокрытием нескольких идолов, которые они приберегли до лучших времен.

Тем временем Реформа продвинулась во внешнем *Родосе* Аппенцелля, [1086] и в округе Сарганс. Но что больше всего возмутило кантоны, оставшиеся верными римским доктринам, так это то, что он перевалил через Альпы и появился в Италии, в тех прекрасных районах вокруг озера Маджоре, где, недалеко от устья Маджии, в стенах Локарно, среди лавров, гранатов и кипарисов, процветали знатные семьи Орелли, Муральто, Магория и Дуни и где с 1512 года реял государственный штандарт кантонов. "Как! - воскликнули Вальдштеты. - Разве недостаточно того, что Цюрих и Цвингле наводнили Швейцарию?! У них хватает наглости проводить свою мнимую Реформу даже в Италии, даже в стране папы римского!"

МОНАХ ИЗ КОМО.

Среди духовенства там царили большие беспорядки: "Тот, кто хочет быть проклятым, должен стать священником", - было распространенной поговоркой. [1087] Но Евангелию удалось проникнуть даже в этот район. Монах из Комо, Эджидио а Порта, принявший рясу в 1511 году вопреки воле своей семьи, [1088] годами боролся в монастыре Августинцев, и нигде не нашел покоя для своей души. Неподвижный, окруженный, как ему казалось, глубокой ночью, он громко воскликнул: "Господи, что ты хочешь, чтобы я сделал?" Вскоре монаху из Комо показалось, что он услышал в своем сердце эти слова: "Иди к Ульрику Цвингле, и он скажет тебе". Он встал, дрожа от волнения. "Это вы, - немедленно написал он Цвингле, - но нет! это не вы, это Бог, который через вас избавит меня от сетей охотников". "Переведите Новый Завет на итальянский, - ответил Цвингле. - Я возьму на себя обязательство напечатать его в Цюрихе". Это то, что Реформа сделала для Италии более трех столетий назад.

Поэтому Эджидио остался. Он начал переводить Евангелие, но то ему приходилось просить милостыню в монастыре, то повторять свои "часы", а затем сопровождать одного из отцов в его путешествиях. [1089] Все, что его окружало, усиливало его страдания. Он видел, как его страна была доведена до величайшей нищеты из—за опустошительных войн, как мужчины, некогда богатые, протягивали руки за подаянием, как толпы женщин, доведенных нуждой до самого позорного унижения. Он воображал, что только великое политическое освобождение может привести к религиозной независимости его соотечественников.

МОНАХ ИЗ ЛОКАРНО.

Внезапно он подумал, что настал этот счастливый час. Он заметил группу ланскенцев-лютеран, спускавшихся с Альп. Их сомкнутые фаланги, их угрожающие взгляды были устремлены к берегам Тибра. Во главе их шел Фройндсберг с золотой цепью на шее и говорил: "Если я доберусь до Рима, я воспользуюсь ею, чтобы повесить папу". "Бог желает спасти нас", - писал Эджидио Цвингле: "напиши констеблю; [1090] умоляй его освободить людей, которыми он правит, — забрать у бритоголовых, чей Бог - их живот, богатство, которым они так гордятся, — и распределить его среди людей, умирающих от голода. Тогда пусть каждый без страха проповедует чистое Слово Господне.—Сила Антихриста близка к падению!"

Таким образом, примерно в конце 1526 года Эджидио уже мечтал о Реформации Италии. С этого времени его письма прекращаются: монах исчез. Не может быть никаких сомнений в том, что рука Рима смогла дотянуться до него и что, как и многие другие, он был брошен в мрачную темницу какого-нибудь монастыря.

ПИСЬМО НЕМЕЦКОЙ ЦЕРКВИ.

Весной 1530 года для итальянских судебных приставов началась новая эпоха. Цюрих назначил Жака Вердмюллера судебным приставом Локарно; это был серьезный человек, всеми уважаемый, который даже в 1524 году целовал ноги папе римскому; с тех пор он был привлечен к Евангелию и припал к ногам Спасителя. [1091] "Идите, - сказал Цюрих, - и ведите себя как христианин, и во всем, что касается Слова Божьего, соблюдайте постановления". Повсюду Вердмюллер не встречал ничего, кроме темноты. И все же посреди этого мрака из монастыря, расположенного на восхитительном берегу озера Маджоре, казалось, исходил слабый отблеск. Среди кармелитов в Локарно был монах по имени Фонтана, сведущий в Священном Писании и воодушевленный тем же духом, который просветил монаха из Комо. Учение о спасении "без денег и бесценок", которое Бог провозглашает в Евангелии, наполнило его любовью и радостью. "Пока я жив, - сказал он, - я буду проповедовать на основе Посланий святого Павла"; [1092] ибо именно в этих Посланиях он нашел истину. Два монаха, имена которых нам неизвестны, разделяли его чувства. Фонтана написал письмо "ко всей Церкви Христа в Германии", которое было переслано Цвингле. Мы можем представить, что слышим того человека из Македонии, который явился Павлу ночью в видении, зовущего его в Европу и говорящего: "Приди и помоги нам". [1093]— "О, верный и возлюбленный Христа Иисус, - взывал монах из Локарно к Германии, — вспомни Лазаря, нищего из Евангелия, - вспомни ту смиренную хананеянку, жаждущую крошек, упавших со стола Господня! голодный, как Давид, Я прибегаю к явному хлебу, возложенному на жертвенник. Бедный путник, измученный жаждой, Я спешу к источникам живой воды. [1094] Погруженные во тьму, омытые слезами, мы взываем к вам, знающим тайны Божьи, чтобы вы послали нам руками щедрого Й. Вердмюллера все труды божественного Цвингле, знаменитого Лютера, искусного Меланхтона, кроткого Колампадия, гениального Померана, ученого Ламберта, элегантного Бренца, пронизательного Буцера, прилежного Лео, бдительного Хюттена и других прославленных врачей, если таковые имеются. их больше нет. Достопочтенные князья, опора Церкви, наша святая мать, поспешите освободить из вавилонского рабства город Ломбардии, который еще не познал Евангелия Иисуса Христа. Мы всего лишь трое, которые объединились, чтобы сражаться во имя истины; [1095] но Мадиама пал под ударами небольшой группы людей, избранных Богом, а не тысячами Гедеона. Кто знает, не вызовет ли Бог из маленькой искры большой пожар?"

Таким образом, трое мужчин на берегах Маджи надеялись в то время реформировать Италию. Они обратились с призывом, на который в течение трех столетий евангельский мир не откликнулся. Цюрих, однако, в эти дни своего могущества и своей веры проявил святую смелость и осмелился простереть свои еретические объятия за Альпы. Поэтому Ури, Швиц, Унтервальден и все романисты Швейцарии выступили с громкими и ужасными угрозами, поклявшись пресечь даже в самом Цюрихе эти самонадеянные вторжения.

МОНАХИ ИЗ ВЕТТИНГЕНА.

Но цюрихцы этим не ограничились: они дали конфедератам более серьезный повод для страха, ведя непрерывную войну против монастырей — этих центров ультрамонтанского фанатизма. Обширный монастырь Веттинген, вокруг которого омываются воды Лиммата и который из-за своей близости к Цюриху больше, чем какой-либо другой, был подвержен дыханию Реформы, пребывал в сильном волнении. 23 августа 1529 года произошла великая перемена; лед был сломан, и падение завершилось. Монахи перестали петь мессу; они отрезали друг у друга бороды, не без того, чтобы не пролить несколько слез; они сбросили свои рясы и капюшоны и облачились в подобающие светскому облику платья. [1096] Затем, пораженные этой

метаморфозой, они благоговейно выслушали проповедь, которую им прочитал Себастьян Бенли из Цюриха, и вскоре занялись распространением Евангелия и пением псалмов на немецком языке. Таким образом, Веттинген попал в течение той реки, которая, казалось, была повсюду, возрождая Конфедерацию. Монастырь, переставший быть домом для азартных игр, обжорства и пьянства, был преобразован в школу. Только два монаха во всем монастыре остались верны клубу.

Комендант Мулинена, не беспокоясь об угрозах римских кантонов, настойчиво подталкивал комендатуру Святого Иоанна в Хитцкирхе к Реформации. Вопрос был поставлен на голосование, и большинство высказалось в пользу Слова Божьего. "Ах! - сказал военачальник. - я уже давно тащусь за колесницей". [1097] 4 сентября командование было преобразовано. То же самое было и с Ваденсвилем, и с монастырем Пфефферса, и с другими такими же. Даже в Мьюри большинство выступало за Евангелие, но меньшинство одержало верх благодаря поддержке Пяти кантонов. [1098] Новому триумфу, более ценному, было суждено компенсировать Реформу, и довести негодование Вальдштеттов до высшей точки.

АББАТСТВО СВЯТОГО ГАЛЛА

Аббат Сен-Галла, благодаря своему богатству, количеству своих подданных и влиянию, которым он пользовался в Швейцарии, был одним из самых грозных противников Евангелия. Таким образом, в 1529 году, в тот момент, когда цюрихская армия выступила в поход против Пяти кантонов, аббат Франциск Гейсбергский, встревоженный и находящийся на грани смерти, приказал спешно укрыться в укрепленном замке Роршах, не считая себя в безопасности иначе, как в его стенах. Через четыре дня после этого прославленный Вадан, бургомистр Сен-Галла, вошел в монастырь и объявил о намерении народа возобновить пользование своим кафедральным собором и убрать изображения. Монахи были поражены такой дерзостью и, тщетно протестуя и взывая о помощи, сложили свои самые ценные пожитки в безопасное место и бежали в Айнзидельн.

Среди них был Килиан Куффи, главный управляющий аббатством, хитрый и деятельный монах и, как и Цвингле, уроженец Токенбурга. Зная, как важно было найти преемника аббату до того, как весть о его смерти разнеслась по всему миру, он пришел к взаимопониманию с теми, кто прислуживал прелату; и когда последний скончался во вторник Страстной недели, еду, как обычно, приносили в его покои, и с опущенными глазами и тихим голосом слуги справлялись о его здоровье. Пока вокруг мертвого тела разыгрывался этот фарс, монахи, собравшиеся в Айнзидельне, со всей поспешностью отправились в Рапперсвилль, на территорию Сент-Галла, и там избрали Килиана, который так искусно руководил этим делом. Новый настоятель немедленно отправился в Роршах и в Страстную пятницу объявил там о своем избрании и смерти своего предшественника. Цюрих и Гларис заявили, что не признают его, пока он не докажет на основании Священного Писания, что монашеская жизнь соответствовала Евангелию. "Мы готовы защищать дом Божий, - сказали они, - и именно по этой причине мы требуем, чтобы он был заново посвящен Господу. Но мы не забываем, что наш долг также защищать людей. Именно в лоне свободного народа свободная Церковь Христа должна поднять свою голову". В то же время служители Сент-Галла опубликовали сорок два тезиса, в которых они утверждали, что монастыри - это не "дома Бога, а дома дьявола". [1099] Аббат, поддержанный Люцерном и Швицем, которые вместе с Цюрихом и Гларисом осуществляли суверенную власть в Санкт-Галле, ответил, что не будет оспаривать права, которыми он

обладает от королей и императоров. Таким образом, два уроженца Токенбурга, Цвингле и Килиан, боролись вокруг Сент-Галла: один требовал людей для аббатства, а другой - аббатство для людей. Когда цюрихская армия подошла к Вилю, Килиан захватил сокровища и имущество монастыря и опрометчиво бежал за Рейн. Затем, когда был заключен мир, хитрый монах облачился в светское платье и таинственным образом прокрался до Айнзидельна, откуда внезапно огласил всю Швейцарию своими криками. Цюрих ответил лишь тем, что опубликовал совместно с Гларисом конституцию, по которой губернатор, "утвержденный в евангельской вере", должен был руководить округом с советом из двенадцати членов, в то время как выборы пасторов оставались за приходами. [1100] Вскоре после этого изгнанный и беглый настоятель, пересекая реку близ Брегенца, упал с лошади, запутался в своем платье и утонул. Из двух бойцов из Токенбурга победу одержал Цвингле.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

Монастырь был выставлен на продажу и был приобретен городом Сент-Галл, "за исключением, - говорит Буллингер, - отдельно стоящего здания под названием *Ад*, где остались монахи, не принявшие Реформу". [1101] Наступило время, когда губернатор, присланный Цюрихом, должен был уступить место губернатору из Люцерна, жители Сен-Галля призвали последнего присягнуть их конституции. "Никогда не было известно, - ответил он, - чтобы губернатор приносил присягу крестьянам; это крестьяне должны приносить присягу губернатору!" После этого он удалился; губернатор Цюриха остался, и негодование Пяти кантонов против Цюриха, который так смело помог жителям Сен-Галля восстановить свои свободы, достигло наивысшего пароксизма гнева.

Однако несколько побед в какой-то степени утешили сторонников Рима. Солеуре долгое время был одним из самых напряженных полей сражений. Горожане и образованные люди выступали зареформу: патриции и каноники - за папство. Филипп Гроц из Цуга проповедовал там Евангелие, и, поскольку совет пожелал заставить его отслужить мессу, сто реформатов появились в зале собраний 13 сентября 1529 года и энергично призвали к свободе совести. Цюрих и Берн поддержали это требование, и оно было им удовлетворено.

НОВОЕ ЧУДО.

После этого самые фанатичные из римско-католиков, взбешенные уступкой, закрыли ворота города, наставили пушки и устроили демонстрацию изгнания друзей Реформы. Совет приготовился наказать этих агитаторов, когда реформаты, желая показать пример христианской умеренности, заявили, что простят их. [1102] Затем Великий Совет опубликовал по всему кантону, что, поскольку власть совести принадлежит одному Богу, а вера является бесплатным даром Его благодати, каждый может следовать той религии, которую он считает лучшей. Тридцать четыре прихода высказались за Реформацию, и только два - за Мессу. Почти все сельские округа были сторонниками Евангелия, но большинство жителей города встали на сторону папы Римского. [1103] Халлер, за которым послали Реформаты Солера, прибыл, и это был день триумфа для них. Это было в середине зимы: "Сегодня, - иронично заметил один из евангельских христиан, - наш святой покровитель (St. Ours) вспотеет!" И, по правде говоря, - о! чудесно!—со святого образа упали капли влаги. Это было просто немного святой воды, которая замерзла, а затем оттаяла. Но романисты не захотели слушать насмешки над столь прославленным вундеркиндом, напоминающим нам о крови святого Януария в Неаполе. Весь город огласился жалобными криками, зазвонили колокола, по улицам двинулась всеобщая

процессия, и была отслужена торжественная месса в честь небесного князя, который таким чудесным образом показал страдания, которые он испытывал по своей возлюбленной. "Это толстый бернский священник (Галлер) является причиной тревоги святого", - сказали набожные старушки. Одна из них заявила, что вонзится нож в его тело; а некоторые католики пригрозили пойти в церковь Кордельеров и убить пасторов, которые там проповедовали. После этого реформаты поспешили в эту церковь и потребовали публичного обсуждения: двести их противников одновременно разместились в церкви Святого Оура и отказались от обсуждения. Ни одна из двух сторон не желала первой покинуть лагерь, в котором она окопалась. Сенат, желающий очистить две церкви, превращенные таким образом в цитадели, объявил, что в День Святого Мартина, *то есть* девять месяцев спустя, должно состояться общественное обсуждение. Но поскольку реформированные сочли задержку слишком долгой, обе стороны еще целую неделю оставались при оружии. Торговля была прервана, общественные учреждения закрыты, посыльные бегали туда—сюда, предлагались меры; но люди были настолько упрямы, [1104], что никто не уступал дорогу. Город находился на осадном положении. Наконец все пришли к согласию относительно обсуждения, и министры обязались написать четыре тезиса, которые каноники немедленно попытались опровергнуть.

ПАПСТВО ТОРЖЕСТВУЕТ.

Тем не менее они сочли, что это еще лучший способ ускользнуть от них. Ничто так не встревожило романистов, как дискуссия. "Какая нам в них нужда?" - сказали они. "Разве труды обеих партий не выражают их чувств?" Поэтому конференция была отложена до следующего года. Многие реформаты, возмущенные этими задержками, неосмотрительно покинули город; и советы, очарованные таким результатом, которого они никак не ожидали, поспешно объявили, что люди в кантоне должны быть свободны, но что в городе никто не должен нападать на Толпу. С этого времени реформированные были вынуждены каждое воскресенье покидать Солейре и отправляться в деревню Цухсвайль, чтобы услышать Слово Божье. Таким образом, папство, потерпевшее поражение во многих местах, восторжествовало в Солейре.

Цюрих и другие реформатские кантоны внимательно следили за успехами своих противников и со страхом прислушивались к угрозам римско-католиков, которые не переставали объявлять о вмешательстве императора; как вдруг до них дошел слух, что девятьсот испанцев вступили в Граубюнден; что их ведет шурин де Мюссо, недавно пожалованный Карлом Пятым титулом маркиза; что шурин шателена, Дидье д'Эмбс, также выступил против швейцарцев во главе трех тысяч человек. императорские ланскенеты; и что сам император был готов поддержать их всеми своими силами. Граубюндонцы издали тревожный крик. Вальдштеты оставались неподвижны; но все реформированные кантоны собрали свои войска, и одиннадцать тысяч человек выступили в поход. [1105] Император и герцог Миланский вскоре после этого постановили, что они не будут поддерживать шатлен, этот авантюрист увидел, что его замок разрушен до основания, и был вынужден удалиться на берега Сезии, что дало гарантии будущего спокойствия; в то время как швейцарские солдаты вернулись по домам, охваченные негодованием против Пяти кантонов, которые своим бездействием разрушили замок. нарушил федеральный союз. [1106] "Наше быстрое и энергичное сопротивление, - сказали они, - несомненно, расстроило их вероломные планы; но реакция только отложена. Хотя пергамент австрийского союза был разорван на куски, сам альянс все еще существует. Правда освободила нас, но скоро придут имперские ланскенеты и попытаются снова поместить нас под ярмо рабства".

ОБРАЩЕНИЕ МИНИСТРОВ.

Таким образом, в результате стольких жестоких потрясений две партии, разделявшие Швейцарию, достигли высшей степени раздражения. Пропась, разделявшая их, расширялась с каждым днем. Тучи — предвестники бури — быстро неслись по горам и угрожающе сгущались над долинами. В этих обстоятельствах Цвингле и его друзья сочли своим долгом возвысить голос и, по возможности, предотвратить бурю. Таким образом, Николас де Флу в прежние дни встал между враждующими партиями.

АВТОНОМИЯ ЦЕРКВИ.

5 сентября 1530 года главные министры Цюриха, Берна, Базеля и Страсбурга — Николампаций, Капито, Мегандер, Лео Джуда и Миконий — собрались в Цюрихе в доме Цвингле. Желая сделать торжественный шаг вместе с Пятью кантонами, они составили обращение, которое было представлено конфедератам на заседании сейма в Бадене. Как бы неблагоприятно ни относились депутаты как единое целое к этим еретическим министрам, они тем не менее выслушали это послание, но не без признаков нетерпения и усталости. [1107] "Вам известно, милостивые государи, что согласие увеличивает мощь государств и что раздор свергает их. [1108] Вы сами являетесь доказательством первой из этих истин. Начав с малого, вы, благодаря хорошему взаимопониманию друг с другом, пришли к великому концу. Да снизойдет Бог, чтобы не дать вам также привести поразительное доказательство второго! Откуда берется разобщенность, если не из эгоизма? и как мы можем уничтожить эту пагубную страсть, кроме как приняв от Бога любовь к общему благу? По этой причине мы закликаем вас позволить Слову Божьему свободно проповедоваться среди вас, как это делали ваши благочестивые предки. Существовало ли когда-либо правительство, даже среди язычников, которое не видело бы, что только рука Божья поддерживает нацию? Разве две капли ртути не соединяются, как только вы удаляете то, что их разделяет? Тогда покончите с тем, что отделяет вас от наших городов, а именно с отсутствием Слова Божьего; и немедленно Всемогущий Бог объединит нас, как были объединены наши отцы. Тогда, поселившись в ваших горах, как в центре христианского мира, вы станете для него примером, его защитой и прибежищем; и после того, как вы пройдете через эту юдоль слез, став ужасом нечестивых и утешением верующих, вы, наконец, утвердитесь в вечном счастье".

Так откровенно эти мужи Божьи обращались к своим братьям, Вальдштеттам. Но к их голосу не прислушались. "Проповедь священников довольно длинная", [1109] некоторые депутаты говорили, зевая и потягиваясь, в то время как другие делали вид, что видят в этом новый повод для недовольства городами.

Эти действия служителей были бесполезны: вальдштетты отвергли Слово Божье, которое их умоляли признать; они отвергли руки, протянутые к ним во имя Иисуса Христа. Они зывали к Папе, а не к Евангелию. Казалось, что всякая надежда на примирение потеряна.

Однако некоторые люди в то время имели представление о том, что могло бы спасти Швейцарию и Реформацию, — о *автономии* (самоуправлении) Церкви и ее независимости от политических интересов. Если бы они были достаточно мудры, чтобы отказаться от светской власти ради торжества Евангелия, вполне вероятно, что в гельветических кантонах постепенно установилась бы гармония и что Евангелие победило бы своей Божественной силой. Сила Слова Божьего давала шансы на успех, которых не давали пики и мушкеты. Энергия веры,

влияние милосердия оказались бы более надежной защитой для христиан от горящих груды Валдштеттов, чем дипломаты и вооруженные люди. Никто из Реформаторов не понимал этого так ясно, как СЕКолампадий. Его красивое лицо, безмятежность черт, кроткое выражение глаз, длинная и почтенная борода, одухотворенность выражения лица, определенное достоинство, внушавшее доверие и уважение, придавали ему вид скорее апостола, чем реформатора. Особенно он превозносил силу внутреннего слова; возможно, он даже зашел слишком далеко в спиритуализме. Но, как бы то ни было, если кто—то и мог спасти Реформу от несчастий, которые вот-вот должны были обрушиться на нее, то этим человеком был он. Отделяясь от папства, он не желал учреждать вместо него магистрат. "Судья, который отнимет у церкви принадлежащую им власть, - писал он Цвингле, - был бы более невыносим, чем сам Антихрист (*то есть* папа римский)". [1110]— "Рука магистрата поражает мечом, но рука Христа исцеляет. Христос не сказал: "Если брат твой не хочет слушать тебя, скажи это судье", но —*скажи это Церкви*. Функции государства отличаются от функций Церкви. Государство свободно делать многое из того, что осуждается чистотой Евангелия". [1111] СЕ Колампадий видел, как важно, чтобы его убеждения преобладали среди реформированных. Этот человек, такой мягкий и такой духовный, не решался смело выступить в защиту доктрин, тогда еще столь новых. Он изложил их перед собранием синода, а затем развил перед базельским сенатом. [1112] Странно, что эти идеи, по крайней мере на мгновение, были приемлемы для Цвингле; [1113] но они вызвали недовольство собрания братьев, чтобы кому он их сообщил; политический деятель больше всего опасался, что эта независимость Церкви в какой-то мере сдержит осуществление гражданской власти. [1114] Усилия Николафадия по созданию Церкви, однако, не были полностью безуспешными. В феврале 1531 года в Базеле состоялся сейм четырех реформатских кантонов (Базеля, Цюриха, Берна и Сент-Галла), на котором было решено, что всякий раз, когда будут возникать какие-либо трудности в отношении доктрины или богослужения, следует созывать собрание богословов и мирян, которое должно изучить, что сказано в Слове Божьем по этому вопросу. [1115] Это постановление, придав обновленной Церкви большее единство, придало ей также новых сил.

ХРИСТИАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

IV. Но было слишком поздно вступать на этот путь, который предотвратил бы так много катастроф. Реформация уже вступила на всех парусах в бушующий океан политики, и над ней сгущались ужасные несчастья. Импульс, переданный Реформе, исходил не от СЕОлампадия. Гордый и пронзительный взгляд Цвингле, его резкие черты лица, его смелый шаг — все говорило о его решительном уме и человеке действия. Воспитанный на подвигах героев древности, он бросился спасти Реформу по стопам Демосфена и Катона, а не по стопам святого Иоанна и святого Павла. Его быстрые и проницательные взгляды были обращены направо и налево — к кабинетам королей и советам народа, в то время как они должны были быть обращены исключительно к Богу. Мы уже видели, что еще в 1527 году Цвингле, наблюдая, как все силы восстают против Реформации, задумал *плансовместного существования* или христианского государства, [1116] который должен объединить всех друзей Слова Божьего в одну святую и могущественную лигу. Это было тем проще, что реформация Цвингле завоевала Страсбург, Аугсбург, Ульм, Ройтлинген, Линдау, Мемминген и другие города Верхней Германии.

Констанция в декабре 1527 года, Берн в июне 1528 года, Сен-Галль в ноябре того же года, Бьенн в 1529 году, Мюльхаузен в феврале, Базель в марте, Шаффхаузен в сентябре и Страсбург в декабре вступили в этот союз. Эта политическая сторона характера Цвингле в глазах некоторых людей является его наивысшим притязанием на славу: мы без колебаний признаем это его величайшей ошибкой. Реформатор, сошедший с пути Апостолов, позволил порочному примеру папства сбить себя с пути истинного. Первоначальная Церковь никогда не выступала против своих преследователей иначе, как руководствуясь положениями Евангелия мира. Вера была единственным мечом, которым она побеждала сильных мира сего. Цвингле ясно чувствовал, что, вступая на путь мирских политиков, он оставляет путь служителя Христа: поэтому он стремился оправдать себя. "Без сомнения, не человеческая сила, - сказал он, - а только сила Божья должна подтверждать Слово Господне. Но Бог часто использует людей как инструменты для оказания помощи людям. Поэтому давайте объединимся, и от истоков Рейна до Страсбурга составим единый народ и единый союз". [\[1117\]](#)

ДВОЙНАЯ ЧАСТЬ ЦВИНГЛЯ.

Цвингле играл сразу две роли — он был реформатором и мировым судьей. Но это два характера, которые должны быть объединены не больше, чем характеры министра и солдата. Мы не будем винить солдат, мы не будем винить магистратов; создавая лиги и обнажая меч, они действуют в соответствии со своей точкой зрения, хотя она и не совпадает с нашей; но мы решительно будем винить христианского священника, который становится дипломатом или генералом.

В октябре 1529 года, как мы уже отмечали, Цвингле отправился в Марбург, куда его пригласил Филипп Гессенский; и хотя ни один из них не смог прийти к взаимопониманию с Лютером, ландграф и швейцарский реформатор, воодушевленные одним и тем же смелым и предприимчивым духом, вскоре пришли к согласию.

ЦВИНГЛЬ И ЛЮТЕР.

Два реформатора различались не меньше по своей политической, чем по религиозной системе. Лютер, воспитанный в монастыре и в монашеском послушании, в юности был пропитан писаниями отцов Церкви; Цвингле, с другой стороны, выросший среди швейцарской свободы, в те ранние годы, которые определяют ход всех остальных, впитал историю древних республик. Таким образом, в то время как Лютер выступал за пассивное повиновение, Цвингль требовал противодействия тиранам.

Эти два человека были верными представителями своих народов. На севере Германии князья и знать были неотъемлемой частью нации, и народу, чуждому всякой политической свободы — оставалось только подчиняться. Таким образом, в эпоху Реформации они довольствовались тем, что следовали голосу своих врачей и вождей. В Швейцарии, на юге Германии и на Рейне, напротив, многие города после долгой и ожесточенной борьбы отвоевали свою гражданскую свободу; и поэтому почти везде мы видим, что народ принимает решительное участие в реформе Церкви. В этом было добро, но зло было близко. Реформаторы, сами выходцы из народа, которые не осмеливались воздействовать на князей, могли поддаться искушению поторопить народ. Реформации было легче объединиться с республиками, чем с королями. Эта возможность едва не привела к ее краху. Таким образом, Евангелие узнало, что его союз находится на небесах.

СОЮЗ ШТАТОВ.

Был, однако, один принц, с которым реформатская партия свободных государств желала быть в союзе: это был Филипп Гессенский. Именно он в значительной степени побудил Цвингле к осуществлению воинственных проектов. Цвингле хотел как-то отблагодарить его и ввести своего нового друга в евангелическую лигу. Но Берн, следивший за тем, чтобы предотвратить все, что могло вызвать раздражение императора и его старинных союзников, отклонил это предложение и тем самым вызвал живое недовольство в "Христианском городе". "Как! — воскликнули они. - неужели бернцы отказываются от союза, который был бы почетен для нас, угоден Иисусу Христу и ужасен для наших противников?" [1118] — "Медведь, - сказал пылкий Цвингле, - завидует Льву (Цюрих); но всем этим уловкам придет конец, и победа останется за смелым". Действительно, судя по зашифрованному письму, бернцы, наконец, встали на сторону Цвингле, потребовав лишь, чтобы этот союз с принцем Империи не был предан огласке. [1119]

Однако Колампадий не сдавался, и его кротость, хотя и скромно, соперничала со смелостью его порывистого друга. Он был убежден, что вере суждено восторжествовать только благодаря сердечному союзу всех верующих. Пришло ценное облегчение, которое оживило его усилия. Депутаты христианского содружества, собравшиеся в Базеле в 1530 году, посланцы из Страсбурга попытались примирить Лютера и Цвингле. Се Лампадиус написал Цвингле по этому поводу, умоляя его поспешить в Базель, [1120] и не показывать себя слишком неуступчивым. "Сказать, что тело и кровь Христа действительно присутствуют на Вечере Господней, может показаться многим слишком суровым выражением, — сказал он, - но разве это не смягчается, когда добавляется - духовно, а не телесно?" [1121]

ПОЛИТИКА ЦВИНГЛЯ.

Цвингле был непреклонен. "Вы придерживаетесь таких выражений, чтобы польстить Лютеру, а не для защиты истины. [1122] *Есть вера.*" [1123] Тем не менее, на собрании присутствовали мужчины, которые были настроены на энергичные меры. Братская любовь была накануне торжества: мир должен был быть достигнут союзом. Курфюрст Саксонии сам предложил соглашение всех евангельских христиан: ландграф пригласил швейцарские города присоединиться к нему. Распространился слух, что Лютер и Цвингле собирались сделать такое же исповедание веры. Цвингле, вспоминая ранние исповедания саксонского реформатора, сказал однажды за столом перед многими свидетелями, что Лютер не думал бы так ошибочно о Евхаристии, если бы его не ввел в заблуждение Меланхтон. [1124] Казалось, что объединение всей Реформы вот-вот завершится: она была бы побеждена своим собственным оружием. Но вскоре Лютер показал, что Цвингле ошибся в своих ожиданиях. Он потребовал письменного обязательства, по которому Цвингле и Николампадиус должны были придерживаться его взглядов, и в результате переговоры были прерваны. После провала Соглашения не осталось ничего, кроме войны. Се Колампадий должен молчать, а Цвингле должен действовать.

ЕГО ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

И действительно, с этого часа Цвингле все больше и больше продвигался по тому роковому пути, на который его завели его характер, его патриотизм и его ранние привычки. Ошеломленный столькими сильными потрясениями, атакованный своими врагами и собратьями, он пошатнулся, и у него закружилась голова. С этого периода реформатор почти полностью исчезает, и мы видим на его месте политика, великого гражданина, который, видя грозную коалицию, готовящую свои цепи для каждой нации, энергично восстает против нее. Император только что заключил тесный союз с папой римским. Если бы его смертоносным

планам не было оказано противодействия, то, по мнению Цвингле, с Реформацией, религиозной и политической свободой и даже с самой Конфедерацией было бы покончено. "Император, - сказал он, - настраивает друга против друга, врага против врага; и затем он пытается поднять из этой неразберихи славу папства и, прежде всего, свою собственную власть. Он возбуждает владельца замка Мюссо против Граубюнденов, герцога Георга Саксонского — против герцога Иоанна, епископа Констанцкого — против города, герцога Савойского — против Берна, Пять кантонов — против Цюриха, а рейнских епископов — против ландграфа; затем, когда смута станет всеобщей, он нападет на Германию, предложит себя в качестве посредника и заманивает князей и города в ловушку прекрасными речами, пока они все не окажутся у него под ногами. Увы! какие раздоры, какие бедствия под предлогом восстановления Империи и восстановления религии!" [1125] Цвингле пошел дальше. Реформатор из маленького городка в Швейцарии, осознавший самые удивительные политические концепции, призвал к европейскому союзу против таких роковых замыслов. Сын токенбургского крестьянина поднял голову против наследника стольких корон. "Этот человек, должно быть, либо предатель, либо трус, - писал он констанцкому сенатору, - который довольствуется потягиванием и зевотой, когда ему следовало бы собирать людей и оружие со всех сторон, чтобы показать императору, что напрасно он стремится восстановить римскую веру, поработить свободные города и покорить гельветов. [1126] Всего шесть месяцев назад он показал нам, как он будет действовать. Сегодня он возьмет в свои руки один город, завтра другой; и так шаг за шагом, пока все они не будут уничтожены. Тогда у них отберут оружие, их сокровища, их военные машины и всю их мощь Разбудите Линдау и всех ваших соседей; если они не пробудятся, общественная свобода погибнет под предлогом религии. Мы не должны полагаться на дружбу тиранов. Демосфен учит нас, что в их глазах нет ничего более ненавистного, чем *την τὴν πόλιν ἐλευθερίαν*. [1127] Император одной рукой предлагает нам хлеб, но в другой он прячет камень". [1128] А несколько месяцев спустя Цвингле писал своим друзьям в Констанц: "Будьте смелы; не бойтесь интриг Карла. Бритва порежет того, кто ее точит". [1129]

ВЫСТУПАЕТ ЗА СОПРОТИВЛЕНИЕ.

Тогда прочь, с задержкой! Следует ли им подождать, пока Карл Пятый не предъявит права на древний замок Габсбургов? Папство и Империя, как было сказано в Цюрихе, настолько смешаны воедино, [1130], что одно не может существовать или погибнуть без другого. Тот, кто отвергает папство, должен отвергнуть Империю, а тот, кто отвергает императора, должен отвергнуть Папу Римского.

Похоже, что мысли Цвингле даже выходили за рамки простого сопротивления. Когда однажды Евангелие перестало быть его основным предметом изучения, его уже ничто не могло остановить. "Отдельный человек, - сказал он, - не должен забирать себе в голову свергнуть тирана; это было бы бунтом, а царство Божье повелевает миром, праведностью и радостью. Но если весь народ с общего согласия или, по крайней мере, большинство отвергает его, не совершая никаких излишеств, то действует сам Бог". [1131] Карл V. в то время в глазах Цвингля был тираном; и реформатор надеялся, что Европа, пробудившись наконец от своего долгого сна, будет рукой Божьей, которая свергнет его с трона.

ПОСОЛЬСТВО В ВЕНЕЦИИ.

Никогда со времен Демосфена и двух Катонов мир не видел более энергичного сопротивления власти своих угнетателей. С политической точки зрения Цвингле - один из величайших персонажей современности: мы должны воздать ему эту честь, которая, возможно, для служителя Божьего является величайшим упреком. В его голове было подготовлено все, чтобы вызвать революцию, которая изменила бы историю Европы. Он знал, что он хотел поставить на место власти, которую он хотел свергнуть. Он уже обратил внимание на принца, который должен был носить императорскую корону вместо Карла. Это был его друг ландграф.

"Милостивый государь, - писал он 2 ноября 1529 года, - я пишу вам, как ребенок отцу; это потому, что я надеюсь, что Бог избрал вас для великих событий Я осмеливаюсь думать, но не осмеливаюсь говорить о них [1132]..... Однако мы должны, наконец, позвать кота.

[1133].....Все, что я могу сделать своими слабыми средствами, чтобы явить истину, спасти Вселенскую Церковь, приумножить вашу силу и силу тех, кто любит Бога, — с Божьей помощью я сделаю". Так был сбит с пути истинного этот великий человек. Воля Божья в том, чтобы были пятна даже у тех, кто ярче всего сияет в глазах мира, и чтобы только один человек на земле сказал— "Кто из вас убедит меня в грехе?" Сейчас мы рассматриваем недостатки Реформации: они проистекают из союза религии с политикой. Я не мог взять на себя смелость пройти мимо них; воспоминание об ошибках наших предшественников, возможно, является самым полезным наследием, которое они нам завещали.

Уже известно, что в Марбурге Цвингле и ландграф составили первый план общего союза против Карла V. Ландграф обязался привлечь на свою сторону князей Цвингле, вольных городов Южной Германии и Швейцарии. Он пошел еще дальше и разработал план привлечения к этой лиге итальянских республик — по крайней мере, могущественной Венеции, — чтобы она могла задержать императора за Альпами и помешать ему ввести все свои войска в Германию. Цвингле, который искренне выступал против любых иностранных союзов и столько раз провозглашал, что единственным союзником швейцарцев должна быть рука Всемогущего, теперь начал оглядываться в поисках того, что он осудил, и таким образом подготовил почву для страшного суда, который вот-вот обрушится на его семью, его страну и его Церковь.

Едва он вернулся из Марбурга и не сделал официального сообщения великому совету, как добился от сената назначения послом в Венецию. Великие люди после своего первого успеха легко воображают, что они могут все. Эта миссия была поручена не государственному деятелю, а одному из друзей Цвингле, который сопровождал его в Германию, ко двору будущего главы империи, — профессору греческого языка Родольфу Коллину, смелому и умелому человеку, знавшему итальянский. Таким образом, Реформа протянула свои руки к дожу и прокуратору Святого Марка. Библии для этого было недостаточно — у нее должна быть *Золотая Книга*: никогда еще Божий труд не подвергался большему унижению. Мнение, которого тогда придерживались протестанты о Венеции, может, однако, отчасти оправдать Цвингля. В этом городе было больше независимости от папы, больше свободы мысли, чем во всей остальной Италии. Сам Лютер примерно в это же время писал Габриэлю Цвиллингу, пастору в Торгау: "С какой радостью я узнаю, что вы пишете мне о венецианцах. Хвала Богу за то, что они приняли его Слово!" [1134]

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ АЛЬЯНС.

26 декабря Коллен был допущен на аудиенцию к дожу и сенату, которые с изумлением смотрели на этого школьного учителя, этого странного посла, без сопровождающих и без парада. Они

даже не могли понять его верительных грамот, в таком необычном стиле они были составлены, и Колин был вынужден объяснить их значение. "Я пришел к вам, - сказал он, - от имени совета Цюриха и городов христианского содружества, таких свободных городов, как Венеция, и с которыми вас должны объединить общие интересы. Власть императора грозна для Республик; он стремится к всеобщей монархии в Европе; если он добьется успеха, все свободные государства погибнут. Поэтому мы должны проверить его". [1135] Дож ответил, что Республика только что заключила союз с императором, и выразил недоверие, которое столь таинственная миссия вызвала в венецианском сенате. Но впоследствии, на частной конференции, [1136] дож, желая сохранить отступление с обеих сторон, добавил, что Венеция с благодарностью приняла сообщение из Цюриха и что венецианский полк, вооруженный и оплачиваемый самой Республикой, должен быть всегда готов поддерживать евангелических швейцарцев. Канцлер, облаченный в свою пурпурную мантию, проводил Колина до дверей и у самых ворот герцогского дворца подтвердил обещание поддержки. В тот момент, когда Реформация миновала великолепные портики Святого Марка, ее охватило головокружение; она могла лишь, пошатываясь, двигаться дальше, к пропасти. Они отпустили беднягу Колина, вложив ему в руки подарок в размере двадцати крон. Слух об этих переговорах вскоре распространился за границей, и менее подозрительные, например, Капитон, покачали головами, видя в этом мнимом соглашении не что иное, как обычное вероломство Венеции. [1137]

Этого было недостаточно. Делу Реформы было суждено испытать чашу деградации до дна. Цвингле, видя, что его противники в Империи с каждым днем увеличиваются числом и властью, постепенно утратил свое давнее отвращение к Франции; и, хотя теперь между ним и Франциском I было еще большее, чем прежде, препятствие — кровь его братьев, пролитая этим монархом, — он проявил благосклонность к союзу, который он когда-то так решительно осудил.

Ламбер Мегрэ, французский генерал, который, по-видимому, имел некоторое пристрастие к Евангелию — что является небольшим оправданием для Цвингле — вступил в переписку с реформатором, дав ему понять, что тайные замыслы Карла V. Предусматривали союз между королем Франции и Швейцарскими республиками. "Приложите себя, - сказал ему этот дипломат в 1530 году, - к делу, столь приятному нашему Создателю и которое, по милости Божьей, будет очень легким для вашего Могущества". [1138] Цвингле сначала был поражен этими попытками. "Король Франции, - подумал он, - не может знать, в какую сторону повернуть". [1139] Дважды он не обращал внимания на эту молитву; но посланник Франциска I. настаивал, чтобы реформатор сообщил ему план союза. После третьей попытки посла простое дитя токенбургских гор больше не могло сопротивляться его ухаживаниям. Если Карл V должен пасть, то это не может произойти без помощи Франции; и почему Реформация не должна заключить союз с Франциском I. Целью которого было бы установление власти в Империи, которая, в свою очередь, обязала бы короля терпимо относиться к Реформе в его собственных владениях? Казалось, все соответствовало желаниям Цвингле; падение тирана было близко, и он потащил бы за собой папу Римского. Он сообщил о намерениях генерала тайному совету, и Коллен отправился в путь, получив задание передать требуемый проект французскому послу. [1140] "В древние времена, - говорилось в нем, - ни короли, ни народы никогда не сопротивлялись Римской империи с такой стойкостью, как короли Франции и Швейцарии. Давайте не будем отступать от добродетелей наших предков. Его Христианнейшее Величество — все, кто желает, чтобы чистота Евангелия оставалась незапятнанной [1141] — поэтому обязуется заключить союз с христианским братством, который будет соответствовать Божественному закону и который

будет вынесен на порицание евангелическим теологам Швейцарии ". Затем последовал краткий обзор различных статей договора.

ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ГИБЕЛЬ.

Ланзерант, другой королевский посланник, ответил в тот же день (27 февраля) на этот удивительный проект союза, который вот-вот должен был быть заключен между реформатскими швейцарцами и гонителем реформатских французов, *несмотря на порицание теологов.....* Это было не то, чего хотела Франция: это была Ломбардия, а не Евангелие, которого хотел король. Для этой цели ему нужна была поддержка всех швейцарцев. Но союз, который настроил бы против него римско-католические кантоны, его бы не устроил. Удовлетворившись, таким образом, на данный момент знанием настроений Цюриха, французские посланники начали хладнокровно относиться к плану Реформатора. "Вопросы, которые вы нам представили, превосходно составлены, - сказал Ланзерант швейцарскому комиссару, - но я едва могу их понять, без сомнения, из-за слабости моего ума Мы не должны бросать семена в землю, если почва для этого не подготовлена должным образом".

Таким образом, Реформа не приобрела от этих предложений ничего, кроме стыда. Поскольку оно забыло эти заповеди Слова Божьего: "Не впрягайтесь в неравное ярмо с неверующими!" [1142] как это могло не столкнуться с поразительными отклонениями? Друзья Цвингля уже начали покидать его. Ландграф, который подтолкнул его к дипломатической карьере, приблизился к Лютеру и попытался остановить швейцарского реформатора, особенно после того, как в ушах великого человека прозвучали слова Эразма: "Они просят нас открыть наши ворота, громко взывая — Евангелие! евангелие!..... Приподнимите плащ, и под его таинственными складками вы обнаружите демократию".

ПРИЗЕМЛЯЮЩИЕСЯ.

В то время как Реформа своими преступными действиями призывала кару Небес, Пять кантонов, которым предстояло стать орудиями ее наказания, изо всех сил ускорили те роковые дни гнева и мщения. Они были раздражены распространением Евангелия по всей Конфедерации, в то время как подписанный ими мир с каждым днем становился для них все более раздражающим. "У нас не будет покоя, - сказали они, - пока мы не разорвем эти узы и не вернем себе нашу прежнюю свободу". [1143] 8 января 1531 года в Бадене был созван общий сейм. Затем Пять кантонов заявили, что, если их претензии, особенно в отношении аббатства Сен-Галль, не будут удовлетворены по справедливости, они больше не будут фигурировать в сейме. "Союзники Глариса, Шаффхаузена, Фрибурга, Солера и Аппенцелля, - кричали они, - помогите нам уважать наши древние союзы, или мы сами придумаем способы остановить это преступное насилие; и да поможет нам в этом Святая Троица!" [1144]

НАСИЛИЕ.

Но они не ограничились угрозами. Мирный договор прямо запрещал любые оскорбительные высказывания — "из опасения, - говорится, - что из-за оскорблений и клеветы снова возникнут разногласия и возникнут еще большие неприятности, чем прежние". Таким образом, в самом договоре была скрыта искра, из которой должен был разгораться пожар. Фактически, обуздать грубые языки Вальдштеттов было невозможно. Двое цюрихцев, престарелый приор Равенсбюлер и пенсионер Гаспар Гедли, которые были вынуждены отречься, один от своего монастыря, а другой от пенсии, особенно разожгли гнев людей против их родного города. В этих

долинах повсюду безнаказанно говорили, что цюрихцы были еретиками; что среди них не было ни одного, кто не предавался противоестественным грехам и кто, по крайней мере, не был грабителем; [1145]— что Цвингле был вором, убийцей и закоренелым еретиком; и что однажды в Париже (где он никогда не бывал) он совершил ужасное преступление, в котором Лео Джуда был его пособником. [1146] "У меня не будет покоя, - сказал пенсионер, - пока я не вонзу свой меч по рукоять в сердце этого нечестивого негодяя". Старые военачальники, которых все боялись из-за их неуправляемого характера; спутники, следовавшие за ними по пятам; дерзкие молодые люди, сыновья первых лиц государства, считавшие все законным по отношению к жалким проповедникам и их глупой пастве; священники, восплававшие ненавистью и шедшие по стопам этих старых военачальников и легкомысленных молодых людей, которые, казалось, принимали церковную кафедру за скамью в кабаке: все изливали потоки оскорблений на Реформу и ее приверженцев. "Горожане, - воскликнули в один голос эти пьяные солдаты и эти фанатичные священники, - еретики, похитители душ, угнетатели совести, а Цвингль — этот ужасный человек, совершающий позорные грехи, — это *лютеранский Бог*". [1147]

Они пошли еще дальше. Переходя от слов к делу, Пять кантонов преследовали среди них бедных людей, любивших Слово Божье, бросали их в тюрьму, налагали на них штрафы, жестоко мучили и безжалостно изгоняли из своей страны. Жители Швица поступили еще хуже. Не побоявшись объявить о своих зловещих замыслах, они появились на Ландсгемайнде в шляпах с сосновыми ветками в знак войны, и никто им не воспротивился. "Аббат Сен-Галла, - сказали они, - принц Империи, и он получил инвеституру от императора. Неужели они воображают, что Карл V не отомстит за него?" — "Разве эти еретики, - говорили другие, - не осмелились основать *христианское братство*, как будто старая Швейцария была языческой страной?" Тайные советы постоянно проводились то в одном, то в другом месте. [1148] Были предприняты попытки заключить новые союзы с Вале, папой римским и императором [1149]— союзы, несомненно, заслуживающие порицания, но такие, которые они могли бы, по крайней мере, оправдать пословицей: "Птицы одного полета", чего не могли сказать Цюрих и Венеция.

ДУРНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ ОЛУХОВ.

Валезийцы сначала отказались от их поддержки: они предпочитали оставаться нейтральными; но внезапно их фанатизм разгорелся. На алтаре был найден лист бумаги — по крайней мере, таков был отчет, распространенный в их долинах, — в котором Цюрих и Берн обвинялись в проповеди о том, что совершение преступления против природы является меньшим преступлением, чем посещение мессы! [1150] Кто положил эту таинственную бумагу на алтарь? Пришло это от человека? Упало ли это с небес?.....Они не знали; но как бы то ни было, это было скопировано, распространено и прочитано повсюду; и эффект от этой басни, придуманной каким-то злодеем, говорит Цвингле, [1151] был таков, что Вале немедленно предоставил поддержку, в которой поначалу отказал! Вальдштетты, гордые своей силой, сомкнули свои ряды; их свирепые взоры угрожали еретическим кантонам, а ветры доносили с их гор до соседних городов грозный лязг оружия.

При виде этих тревожных манифестаций евангелические города пришли в смятение. Сначала они собрались в Базеле в феврале 1531 года, затем в марте в Цюрихе. "Что же делать?" — спросили депутаты от Цюриха, изложив свои жалобы. "Как мы можем наказать эту гнусную клевету и заставить это угрожающее оружие сложить оружие?" — "Мы понимаем, — ответил Берн, - что вы прибегнете к насилию; но подумайте об этих тайных и грозных союзах, которые

закljučаются с папой, императором, королем Франции, со столькими князьями, одним словом, со всей партией священников, чтобы ускорить нашу гибель; подумайте о невинности стольких благочестивых душ в Пяти кантонах, которые сожалеют об этих преступлениях?" коварные махинации; -подумайте, как легко начать войну, но никто не может сказать, когда она закончится". [1152] Печальное предчувствие! который произошел в результате катастрофы, превосходящей всякое человеческое предвидение, но слишком рано. "Давайте поэтому пошлем депутацию в Пять кантонов, - продолжал Берн. - давайте призовем их наказать эту гнусную клевету в соответствии с договором; и если они откажутся, давайте разорвем с ними все сношения". — "Какая польза от этой миссии?" - спросил Базель. "Разве мы не знаем жестокости этого народа? И не следует ли опасаться, что грубое обращение, которому подвергнутся наши депутаты, может усугубить ситуацию? Давайте лучше созовем общий сейм". Шаффхаузен и Сен-Галль согласились с этим мнением, и Берн созвал 10 апреля в Бадене сейм, на котором были собраны депутаты от всех кантонов.

ВЗАИМНЫЕ ОШИБКИ.

Многие видные люди среди Вальдштеттов не одобряли жестокость отставных солдат и монахов. Они понимали, что эти постоянно повторяющиеся оскорбления нанесут ущерб их делу. "Оскорбления, на которые вы жалуетесь, - заявили они сейму, - огорчают нас не меньше, чем вас. Мы будем знать, как наказать их, и мы уже сделали это. Но с обеих сторон есть жестокие люди. На днях житель Базеля встретил на большой дороге человека, который ехал из Берна, и узнал, что тот направляется в Люцерн: "Ехать из Берна в Люцерн, - воскликнул он, - значит переходить от отца к отъявленному мошеннику!" Кантоны-посредники призвали обе стороны устранить все причины разногласий.

Но когда разразилась война между владельцем замка Мюссо, Цвингле и Цюрих, видевшие в ней первый акт обширного заговора, призванного повсюду задушить Реформу, созвали своих союзников. "Мы не должны больше колебаться, - сказал Цвингле. - разрыв союза со стороны Пяти кантонов и неслыханные оскорбления, которыми они нас осыпают, налагают на нас обязательство выступить против наших врагов", [1153] прежде, чем император, которого все еще удерживают турки, изгнал ландграфа, захватил Страсбург и подчинил его себе". даже мы сами. Казалось, в жилах этого человека кипела вся кровь древних швейцарцев; и в то время как Ури, Швиц и Унтервальден подло целовали руку Австрии, этот Цюрихер — величайший гельвеец эпохи, верный памяти старой Швейцарии, но не более святым традициям, пошел по славным стопам Штауффахера и Винкельрида.

НАРУШЕНИЕ ДИЕТЫ.

Воинственный тон Цюриха встревожил его союзников. Базель предложил повестку в суд, а затем, в случае отказа, разрыв союза. Шаффхаузен и Сен-Галль были напуганы даже этим шагом: "Горцы, такие гордые, неукротимые и раздраженные, - сказали они, - с радостью примут роспуск Конфедерации, и тогда мы будем более продвинутыми?" Таково было положение дел, когда, ко всеобщему великому изумлению, появились депутаты от Ури и Швица. Их приняли холодно; чаша почета им предложена не была, и, по их собственному признанию, им пришлось идти пешком под оскорбительные крики народа. Они безуспешно пытались оправдать свое поведение. "Мы долго ждали, - последовал холодный ответ сейма, - чтобы убедиться в согласии ваших действий и ваших слов". [1154] Жители Швица и Ури в печали вернулись в свои дома; и собрание разошлось, полное печали и огорчения.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЮРИХА.

Цвингле с болью наблюдал, как депутаты евангелических городов расходятся, не придя ни к какому решению. Он больше не желал только реформирования Церкви; он желал преобразования в Конфедерации; и именно эту последнюю реформу он теперь проповедовал с кафедры, согласно тому, что мы узнаем от Буллингера. [1155] Он был не единственным человеком, который желал этого. Долгое время жители самых густонаселенных и влиятельных городов Швейцарии жаловались на то, что вальдштеты, численность людей и деньги которых были намного ниже их собственных, имели равную долю участия в заседаниях сейма и в плодах своих побед. Это стало причиной раскола после Бургундской войны. Пять кантонов, благодаря своим сторонникам, получили большинство. Теперь Цвингле считал, что бразды правления Швейцарией должны быть переданы в руки крупных городов и, прежде всего, в руки могущественных кантонов Берн и Цюрих. Новые времена, по его мнению, требовали новых форм. Недостаточно было уволить со всех государственных должностей пенсионеров иностранных государей и заменить их благочестивыми людьми; федеральный договор должен был быть пересмотрен и установлен на более справедливой основе. Национальное учредительное собрание, несомненно, откликнулось бы на его пожелания. Эти речи, которые были скорее речами народного трибуна, чем служителя Иисуса Христа, ускорили ужасную катастрофу.

И действительно, воодушевленные слова патриота-реформатора перешли из церкви, где они были произнесены, в советы и залы гильдий, на улицы и поля. Пламенные слова, сорвавшиеся с уст этого человека, зажгли сердца его сограждан. Электрическая искра, вырвавшаяся с шумом и суматохой, чувствовалась даже в самом отдаленном коттедже. Древние традиции мудрости и благоразумия казались забытыми. Общественное мнение энергично заявило о себе. 29 и 30 апреля несколько всадников поспешно выехали из Цюриха; это были посланцы совета, которым было поручено напомнить всем союзным городам о вторжении Пяти кантонов и призвать к быстрому и окончательному решению. Добравшись до нескольких пунктов назначения, посланцы кратко изложили свои жалобы. [1156] "Берегитесь, - сказали они в заключение, - великие опасности нависают над всеми нами. Император и король Фердинанд делают обширные приготовления; они собираются вступить в Швейцарию с большими суммами денег и с многочисленной армией".

ДИЕТА АРАУ.

Цюрих присоединил действия к словам. Это государство, будучи преисполнено решимости приложить все усилия для установления свободной проповеди Евангелия в тех бейливиках, где оно разделяло суверенитет с римско-католическими кантонами, желало вмешиваться силой везде, где переговоры не могли увенчаться успехом. Следует признать, что федеральные права были растоптаны в Санкт-Галле, в Турговиин, в Рейнтале; и Цюрих заменил их произвольными решениями, которые вызвали возмущение Вальдштеттов в высшей степени. Таким образом, число противников Реформы продолжало увеличиваться; тон Пяти кантонов с каждым днем становился все более угрожающим, а жители Цюрихского кантона, которых их дела призывали в горы, подвергались оскорблениям, а иногда и жестокому обращению. Эти жестокие действия, в свою очередь, вызвали гнев реформированных кантонов. Цвингле объехал Турговию, Санкт-Галль и Токенбург, повсюду организуя синоды, принимая участие в их заседаниях и проповедуя перед возбужденными и восторженными толпами. Повсюду его встречали с доверием и

уважением. В Сен-Галле огромная толпа собралась под его окнами, и концерт голосов и инструментов выразил реформатору благодарность публики в гармоничных песнях. "Давайте не будем отказываться от самих себя, - постоянно повторял он, - и все будет хорошо". Было решено провести встречу в Арау 12 мая для обсуждения положения дел, которое с каждым днем становилось все более критическим. Эта встреча должна была стать началом печалей.

План В. Цвингле относительно установления новой конституции Гельветии не возобладал в сейме Арау. Возможно, было сочтено, что лучше увидеть результат кризиса. Возможно, более христианский, более федеративный взгляд — надежда обеспечить единство Швейцарии единством веры - занимал умы людей больше, чем превосходство городов. По правде говоря, если бы определенное количество кантонов осталось под властью папы, единство Конфедерации было бы разрушено, возможно, навсегда. Но если бы вся Конфедерация была обращена в одну веру, древнее гельветическое единство было бы установлено на самом прочном и надежном фундаменте. Настало время действовать — или никогда; и не должно быть страха перед применением сильного средства для восстановления здоровья всего тела.

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ МНЕНИЯ.

Тем не менее, союзники отступали при мысли о восстановлении религиозной свободы или политического единства с помощью оружия; и, чтобы избежать трудностей, в которые была поставлена Конфедерация, они искали средний путь между войной и миром. "Нет сомнения, — заявили депутаты от Берна, — что поведение кантонов в отношении Слова Божьего полностью санкционирует вооруженное вмешательство; но опасности, которые угрожают нам со стороны Италии и Империи — опасность пробудить льва от его дремоты — всеобщая нужда и нищета, от которых страдает наш народ — богатые урожаи, которые скоро покроют наши поля и которые война безошибочно уничтожит - огромное количество благочестивых людей среди вальдштеттов, чья невинная кровь прольется вместе с кровью виновных: - все эти мотивы побуждают нас оставить меч в ножнах. Давайте лучше закроем наши рынки для Пяти кантонов; давайте откажем им в хлебе, соли, вине, стали и чугуне; таким образом, мы передадим власть сторонникам мира среди них, и невинная кровь будет спасена ". [1157] Собрание немедленно разошлось, чтобы донести это промежуточное предложение до различных евангелических кантонов, и 15 мая снова собралось в Цюрихе.

Убежденный в том, что средства, кажущиеся наиболее жестокими, тем не менее являются одновременно и самыми надежными, и самыми гуманными, Цюрих изо всех сил сопротивлялся предложению Берна. "Принимая это предложение, - сказали они, - мы жертвуем преимуществами, которыми обладаем сейчас, и даем Пяти кантонам время вооружиться и напасть на нас первыми. Давайте позаботимся о том, чтобы Император не напал на нас с одной стороны, в то время как наши древние союзники нападут на нас с другой; справедливая война не противоречит Слову Божьему; но это противоречит ему — отнимать хлеб изо рта как у невинных, так и у виновных; подвергать голоду больных, стариков, беременных женщин, детей и всех, кто глубоко страдает от несправедливости Вальдштеттов. [1158] Мы должны остерегаться возбуждать такими средствами гнев бедных и превращать во врагов многих, кто в настоящее время являются нашими друзьями и братьями!"

ОШИБКИ РЕФОРМАЦИИ.

Мы должны признать, что этот язык, принадлежавший Цвингле, содержал много правды. Но другие кантоны, и Берн в частности, были непоколебимы. "Однажды пролив кровь наших братьев, - говорили они, - мы никогда не сможем вернуть жизнь тем, кто ее потерял; в то время как с того момента, как Вальдштетты принесут нам удовлетворение, мы сможем положить конец всем этим суровым мерам. Мы полны решимости не начинать войну". Не было никаких средств противостоять такому заявлению. Цюрихцы согласились отказать Вальдштеттам в поставках, но сделали это с сердцами, полными боли, как будто они предвидели, чего им будет стоить эта прискорбная мера. [1159] Было решено, что суровый шаг, который сейчас собирался быть предпринят, не должен быть приостановлен иначе как по общему согласию, и что, поскольку это вызвало бы сильное раздражение, каждый должен быть готов отразить атаки врага. Цюриху и Берну было поручено уведомить об этом решении Пять кантонов; и Цюрих, быстро выполнив свою задачу, немедленно разослал приказ во все бейливики прекратить всякую связь с Вальдштеттами, одновременно приказав им воздерживаться от грубого обращения и враждебных высказываний. Таким образом, Реформация, неосмотрительно впутавшись в политические комбинации, переходила от ошибки к ошибке; она делала вид, что проповедует Евангелие бедным, а теперь собиралась отказать им в хлебе!

ПРОПОВЕДЬ ЦВИНГЛЯ.

В следующее воскресенье — это была Троица — резолюция была опубликована с кафедр. Цвингле направился к себе, где его ждала огромная толпа. Проницательный взгляд этого великого человека легко распознал опасность этой меры с политической точки зрения, и его христианское сердце глубоко ощутило всю ее жестокость. Его душа была перегружена, глаза опущены. Если бы в этот момент в нем пробудился истинный характер служителя Евангелия; если бы Цвингле своим могучим голосом призвал людей к смирению перед Богом, к прощению прегрешений и к молитве, "Швейцария с разбитым сердцем" все еще была бы в безопасности. Но это было не так. В Реформаторе все больше и больше исчезает христианин, и остается только гражданин; но в этом качестве он парит намного выше всех, и его политика, несомненно, самая искусная. Он ясно видит, что любое промедление может погубить Цюрих; и после того, как он пробился сквозь толпу и закрыл книгу Князя Мира, он не колеблется, чтобы выступить против решения, которое он только что сообщил народу, и в самый праздник Святого Духа проповедовать войну. "Тот, кто не боится назвать своего противника преступником, - говорит он своим обычным напористым языком, - должен быть готов вслед за словом нанести удар. [1160] Если он не нанесет удар, он будет лежать пораженный. Жители Цюриха! вы отказываете в пище Пяти кантонам, как злодеям: хорошо! пусть удар последует за угрозой, вместо того чтобы обречь бедных невинных созданий на голодную смерть. Если, не переходя в наступление, вы, по-видимому, считаете, что нет достаточных оснований для наказания Вальдштеттов, и все же вы отказываете им в еде и питье, вынудите их такой линией поведения взяться за оружие, поднять руки и наказать вас. Это судьба, которая ждет тебя".

Эти слова красноречивого реформатора взволновали все собрание. Политический склад ума Цвингле уже настолько повлиял на всех людей и ввел их в заблуждение, что мало нашлось достаточно христианских душ, чтобы почувствовать, насколько странно, что в тот самый день, когда они праздновали излияние Духа мира и любви на христианскую Церковь, уста служителя Божьего произносят призыв к войне. Они смотрели на эту проповедь только с политической точки зрения: "Это крамольная речь, это подстрекательство к гражданской войне!" - говорили некоторые. "Нет, - ответили другие, - это язык, которого требует безопасность государства!"

Весь Цюрих был взволнован. "В Цюрихе слишком много огня", - сказал Берн. "Берн слишком хитер", - ответил Цюрих. [1161] Мрачному пророчеству Цвингле было слишком рано сбыться!

БЛОКАДА ВАЛЬДШТЕТТОВ.

Как только реформированные кантоны сообщили вальдштеттам об этом безжалостном указе, они ускорили его исполнение; и Цюрих проявил величайшую строгость в отношении него. Рынки не только Цюриха и Берна, но также свободных бейливиков, Сен-Галля, Токенбурга, округа Сарганс и долины Рейна, страны, частично находившейся под суверенитетом Вальдштеттов, были закрыты для Пяти кантонов. Грозная сила внезапно обрушилась на бесплодие, голод и смерть благородных основателей гельветийской свободы. Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг и Люцерн, казалось, находились посреди бескрайней пустыни. Их собственные подданные, по крайней мере, они думали, что коммуны, принесшие им присягу на верность, встанут на их сторону! Но нет; Бремгартен и даже Меллингген отказались от всякой помощи. Их последняя надежда была на Везена и Гасталь. Ни Берну, ни Цюриху там нечего делать; ими правят одни Швиц и Гларис; но власть их врагов проникла повсюду. Большинство в тринадцать голосов было отдано за Цюрих на Ландсгемайнде Глариса; и Гларис закрыл ворота Везена и Гасталя перед Швицем. Тщетно сам Берн взывал: "Как вы можете заставлять подданных отказывать в поставках своим господам?" Напрасно Швиц повышал голос в негодовании; Цюрих немедленно отправил Везену порох и пули. Таким образом, именно на Цюрих обрушивается вся ненависть к мерам, с которыми этот город поначалу так рьяно боролся. В Арау, в Бремгартене, в Меллингене, в вольных округах, стояло несколько повозок, груженных провизией для Вальдштеттов. Их останавливали, разгружали и опрокидывали: вместе с ними были возведены баррикады на дорогах, ведущих в Люцерн, Швиц и Цуг. Уже год неурожая привел к нехватке провизии в Пяти кантонах; уже была страшная эпидемия *Потливой болезни*, сеявшая повсюду уныние и смерть; но теперь рука человека соединилась с рукой Бога; зло усилилось, и бедные жители этих гор увидели, что неслыханные бедствия приближаются быстрыми шагами. Нет больше хлеба для их детей— нет больше вина— чтобы восстановить их истощенные силы, нет больше соли для их стад! У них не было всего, что нужно человеку для существования. [1162] Невозможно видеть такие вещи и быть мужчиной без разбитого сердца. В городах конфедерации и за пределами Швейцарии раздались многочисленные голоса против этой неумолимой меры. Что хорошего может из этого получиться? Разве святой Павел не писал Римлянам: "Если враг твой алчет, накорми его; если жаждет, напой его; ибо, поступая так, ты насыплешь ему на голову горящие угли"? [1163] И когда магистраты пожелали убедить некоторые непокорные коммуны в полезности этой меры: "Мы не желаем религиозной войны", - воскликнули они. "Если Вальдштетты не верят в Бога, пусть держатся дьявола!"

ВОЗМУЩЕНИЕ.

БЛОКАДА.

Но серьезные жалобы были услышаны особенно в Пяти кантонах. Самые миролюбивые люди и даже тайные сторонники Реформы, видя, как голод вторгается в их жилища, испытывали глубочайшее негодование. Враги Цюриха умело воспользовались этим положением; они усилили этот ропот, и вскоре крики гнева и отчаяния эхом отозвались со всех гор. Напрасно Берн доказывал Вальдштеттам, что более жестоко отказывать людям в питании души, чем

лишать их питания тела. "Бог, - отвечали эти горцы в своем отчаянии, - Бог делает так, чтобы плоды земли свободно росли для всех людей!" [1164] Они не довольствовались стенаниями в своих коттеджах и выражением своего негодования на советах; они наполнили всю Швейцарию жалобами и угрозами. [1165] "Они хотят использовать голод, чтобы оторвать нас от нашей древней веры; они хотят лишить наших жен и наших детей хлеба, чтобы отнять у нас свободу, которую мы унаследовали от наших предков. Когда подобное вообще происходило в недрах Конфедерации? Разве мы не видели в прошлой войне конфедератов с оружием в руках, готовых обнажить меч, которые ели вместе из одного блюда? Они разрывают на части старую дружбу — они топчут ногами наши древние обычаи- они нарушают договоры —они разрывают союзы..... Мы ссылаемся на хартии наших предков. Помогите! помогите!..... Мудрецы нашего народа, дайте нам свой совет, и все вы, кто умеет обращаться с пращой и мечом, придите и сохраните вместе с нами священные владения, ради которых наши отцы, освобожденные от ига чужеземцев, объединили свои руки и сердца".

В то же время Пять кантонов послали в Эльзас, Брисгау и Швабию за солью, вином и хлебом; но администрация городов была неумолима; повсюду отдавались приказы и везде строго выполнялись. Цюрих и другие союзные кантоны перехватывали все сообщения и отправляли обратно в Германию припасы, которые были переправлены их братьям. Эти Пять кантонов были подобны огромной крепости, все выходы из которой тщательно охранялись бдительными часовыми. Страдающие вальдштетты, оказавшись наедине с голодом между своими озерами и горами, прибегли к обрядам своего культа. Были запрещены все виды спорта, танцы и всевозможные развлечения; [1166] было предписано возносить молитвы; и длинные процессии покрыли дороги Айнзидельна и других курортов паломников. Они надели пояса, посохи и гербы братства, к которому каждый из них принадлежал; каждый мужчина держал в руках венок и повторял заклинания; горы и долины отзывались эхом от их жалобных гимнов. Но вальдштетты сделали еще больше: они схватились за свои мечи, они заострили кончики своих алебард, они размахивали своим оружием в направлении Цюриха и Берна и с яростью восклицали: "Они загораживают свои дороги, но мы разгоним их правой рукой!" [1167] Никто не ответил на этот крик отчаяния; но есть справедливый Судья на небесах, которому принадлежит месть, и который вскоре ответит ужасным образом, наказав тех введенных в заблуждение людей, которые, забыв о христианском милосердии и нечестиво смешивая политические и религиозные вопросы, притворяются, что обеспечивают торжество Евангелия голодом и вооруженными людьми.

ФРАНЦИЯ ИДЕТ НА ПРИМИРЕНИЕ.

Однако были предприняты некоторые попытки уладить дело; но сами эти усилия оказались большим унижением для Швейцарии и для Реформы. Восстановить мир предложили не служители Евангелия, а Франция, которая не раз становилась причиной разногласий в Швейцарии. Каждое действие, рассчитанное на усиление его влияния среди кантонов, служило его политике. 14 мая Мегрэ и Данжертен (последний из которых узнал евангельскую истину и, следовательно, не осмелился вернуться во Францию), [1168] после некоторых намеков на дух, который Цюрих проявил в этом деле — дух, мало соответствующий Евангелию, — сказали совету: "Король, наш повелитель, послал вас, двух джентльменов, посоветоваться о средствах сохранения согласия между вами. Если война и беспорядки вторгнутся в Швейцарию, все общество гельветов будет уничтожено, [1169] и какая бы сторона ни была победителем, она будет так же разорена, как и другая". Цюрих ответил, что если Пять кантонов разрешат

свободную проповедь Слова Божьего, примирение будет легким, французы тайно оповестили Вальдштеттов, чей ответ было: "Мы никогда не позволим проповедовать Слово Божье, как его понимают жители Цюриха". [1170]

ПЯТЬ КАНТОНОВ НЕПРЕКЛОННЫ.

Эти более или менее заинтересованные усилия иностранцев потерпели неудачу, и всеобщий сейм стал единственным шансом на безопасность, который оставался у Швейцарии. Соответственно, в Бремгартене был созван сейм. Он был открыт в присутствии депутатов от Франции, от герцога Миланского, от графини Невшаттельской, от Граубюндена, Вале, Турговии и округа Сарган; и заседал по пяти различным поводам — 14 и 20 июня, 9 июля, а также 10 и 23 августа. Хроникер Буллингер, который был пастором Бремгартена, произнес речь на открытии, в которой искренне призвал конфедератов к единству и миру.

Проблеск надежды на мгновение озарил Швейцарию. Блокада стала менее строгой; дружба и добрососедство во многих местах возобладали над государственными указами. Через самые дикие горы были проложены необычные дороги для доставки припасов Вальдштеттам. Провизия была спрятана в тюках с товарами; и пока Люцерн сажал в тюрьмы и пытал своих собственных граждан, у которых были найдены книги цюрихцев, [1171] Берн лишь незначительно наказал крестьян, которые были обнаружены несущими продовольствие для Унтервальдена и Люцерны; и Гларис закрывал глаза на частое нарушение его приказов. Голос милосердия, который был на мгновение подавлен, со свежей энергией отстаивал интересы своих союзников перед реформированными кантонами.

Но Пять кантонов были непреклонны. "Мы не будем слушать никаких предложений до снятия блокады", - заявили они. "Мы не будем поднимать этот вопрос, - ответили Берн и Цюрих, - до тех пор, пока Евангелие не будет разрешено свободно проповедовать не только в общих округах, но и в Пяти кантонах". Это, несомненно, заходило слишком далеко, даже в соответствии с естественным законом и принципами Конфедерации. Советы Цюриха могли считать своим долгом прибегнуть к войне для поддержания свободы совести в общих округах; но это было несправедливо — это была узурпация - ограничивать Пять кантонов в вопросе, который касался их собственной территории. Тем не менее посредникам удалось, не без особых проблем, разработать план примирения, который, по-видимому, соответствовал пожеланиям обеих сторон. Конференция была разогнана, и этот проект был спешно передан различным государствам для ратификации.

ЦЮРИХ.

Через несколько дней сейм собрался снова; но Пять кантонов настаивали на своем требовании, не уступив ни в одном пункте. Напрасно Цюрих и Берн уверяли их, что, преследуя реформатов, кантоны нарушают мирный договор; напрасно посредники истощали свои силы в предупреждениях и мольбах. Одно время казалось, что стороны сблизились, а затем внезапно они отдалились друг от друга и стали более раздраженными, чем когда-либо. Вальдштетты, наконец, затормозили третью конференцию, заявив, что они далеки от того, чтобы противостоять евангельской истине, они будут поддерживать ее, как этому учили Искупитель, его святые Апостолы, Четыре Доктора и их святая мать, Церковь, — заявление, которое депутатам от Цюриха и Берна показалось горькой иронией. Тем не менее Берн, поворачиваясь к

Цюриху, когда они расходились, заметил: "Остерегайтесь чрезмерного насилия, даже если они нападут на вас!"

В этом увещании не было необходимости. Сила Цюриха иссякла. Первое появление Реформации и реформаторов было встречено с радостью. Люди, стонавшие под двойным рабством, верили, что видят зарю свободы. Но их умы, веками оставленные суевериям и невежеству, были неспособны немедленно реализовать зародившиеся у них надежды, и дух недовольства вскоре распространился среди масс. Перемена, благодаря которой Цвингле, перестав быть человеком Евангелия, стал человеком Государства, отняла у людей энтузиазм, необходимый для сопротивления ужасным атакам, которые им пришлось бы выдержать. Враги Реформы получили неплохие шансы против нее, как только ее друзья отказались от позиции, которая давала им силу. Кроме того, христиане не могли прибегнуть к голоду и войне, чтобы обеспечить торжество Евангелия, без того, чтобы их совесть не была обеспокоена. Цюрихцы *"ходили не по Духу, но по плоти; так вот, дела плоти - это ненависть, разногласия, соперничество, гнев, раздоры, мятежи"*. [1172] Внешняя опасность возрастала, в то время как внутри надежда, согласие и мужество были далеки от того, чтобы увеличиваться: напротив, люди видели постепенное исчезновение той гармонии и живой веры, которые были силой Реформы. Реформация схватилась за меч, и этот самый меч пронзил ее сердце.

В Цюрихе множились случаи разногласий. По совету Цвингле число дворян в обоих советах было уменьшено из-за их неприятия Евангелия; и эта мера посеяла недовольство среди самых почтенных семей кантона. Мельники и пекари были подчинены определенным правилам, которые из-за нехватки стали необходимыми, и большая часть горожан приписала это решение проповедям Реформатора и возмутилась против него. Родольф Лафатер, судебный пристав Кибурга, был назначен генерал-капитаном, и офицеры, занимавшие более высокий пост, чем он, были оскорблены. Многие из тех, кто раньше больше всего отличался своим рвением к Реформе, теперь открыто выступали против дела, которое они поддерживали. Пыл, с которым министры мира требовали войны, повсюду сеял подавленное недовольство, и многие люди дали волю своему негодованию. Это неестественное смешение Церкви и государства, которое исказило христианство после эпохи Константина, ускорило гибель Реформации. Большинство членов Великого Совета, всегда готовых принимать важные и спасительные резолюции, было упразднено. Старые магистраты, которые все еще стояли во главе дел, позволили себе увлечься чувством зависти к людям, чье неофициальное влияние преобладало над их собственным. Все те, кто ненавидел учение Евангелия, будь то из любви к миру или из любви к Папе Римскому, смело поднимали головы в Цюрихе. Сторонники монахов, друзья дипломатической службы, недовольные всех классов объединились, указывая на Цвингле как на виновника всех страданий народа.

ЛОЖНАЯ ПОЗИЦИЯ ЦВИНГЛЯ.

Сердце Цвингля было разбито. Он видел, что Цюрих и Реформация спешат к своему краху, и он не мог их остановить. Как он мог это сделать, если, сам того не подозревая, был главным соучастником этих бедствий? Что было делать? Должен ли лоцман оставаться на судне, которое ему больше не разрешено спасать? Для Цюриха и для Цвингле было только одно средство обеспечения безопасности. Ему следовало бы уйти с политической сцены и вернуться к тому царству, которое не от мира сего; ему следовало бы, подобно Моисею, день и ночь держать свои руки и сердце поднятыми к небу и энергично проповедовать покаяние, веру и мир. Но

религиозные и политические вопросы были объединены в сознании этого великого человека такими старыми и дорогими узами, что для него было невозможно различить линию их разделения. Это смешение стало его доминирующей идеей; христианин и гражданин были для него одним и тем же персонажем; и отсюда вытекало, что все ресурсы государства — даже пушки и аркебузы — должны были быть поставлены на службу Истине. Когда какая-то особая идея таким образом овладевает человеком, мы видим, как в нем формируется ложная совесть, которая одобряет многое из того, что осуждается Словом Божиим.

Таким теперь было состояние Цвингле. Война казалась ему законной и желанной; и если в этом ему было отказано, ему оставалось только уйти из общественной жизни: он был за все или ничего. Поэтому 26 июля он предстал перед Великим Советом с затуманенными глазами и безутешным сердцем: "Прошло уже одиннадцать лет, - сказал он, - с тех пор, как я проповедовал Евангелие среди вас, и я честно и отчески предупреждал вас о бедах, которые нависли над вами; но на мои слова не обращают внимания; друзья иностранных союзов, враги Евангелия, избраны в совет, и пока вы отказываетесь следовать моим советам, я становлюсь ответственным за каждое несчастье. Я не могу согласиться на такую должность и прошу о своем увольнении". Реформатор ушел в отставку, обливаясь слезами.

ВЕЛИКИЙ СОВЕТ.

Члены совета содрогнулись, услышав эти слова. Все старые чувства уважения, которые они так долго питали к Цвингле, возродились; потерять его сейчас означало погубить Цюрих. Бургомистр и другие магистраты получили приказ убедить его отказаться от своего рокового решения. Конференция состоялась в тот же день; Цвингле попросил время на размышление. Три дня и три ночи он искал дорогу, по которой ему следует идти. Видя мрачную бурю, надвигавшуюся со всех сторон, он задумался, не следует ли ему покинуть Цюрих и поискать убежища на высоких холмах Токенбурга, где он вырос, когда его страна и его Церковь были на грани нападения и уничтожения врагами, как кукуруза под градом. Он стонал и взывал к Господу. Он хотел бы убрать чашу горечи, которая была уготована его душе, но не мог собраться с духом. Наконец жертвоприношение было совершено, и дрожащую жертву положили на алтарь. Через три дня после первой конференции Цвингле снова появился в совете: "Я останусь с вами, — сказал он, - и буду трудиться на благо общественной безопасности - до самой смерти!"

ЦВИНГЛЕ В БРЕМГАРТЕНЕ.

С этого момента он проявил новое рвение. С одной стороны, он стремился возродить гармонию и мужество в Цюрихе; с другой стороны, он принялся возбуждать союзные города, чтобы увеличить и сконцентрировать все силы Реформации. Верный политическому характеру, который, как он воображал, был дан ему самим Богом, убежденный, что именно в сомнениях и недостатке энергии бернцев он должен искать причину всего зла, Реформатор отправился в Бремгартен вместе с Коллином и Штайнером во время четвертой сессии сейма, хотя эта попытка подвергла его большой опасности. Он прибыл тайно, ночью, и, войдя в дом своего друга и ученика Буллингера, он пригласил депутатов Берна (Ж. Ж. де Ватвиля и Юра Хэга) встретиться с ним там в обстановке величайшей секретности и самым торжественным тоном искренне попросил их подумать об опасностях Реформы. "Я боюсь, - сказал он, - что из-за нашего неверия это предприятие не увенчается успехом. Отказывая в поставках в Пять кантонов, мы начали работу, которая будет для нас фатальной. Что делать? Отменить запрет?

Тогда кантоны будут более дерзкими и надменными, чем когда-либо. Обеспечить его соблюдение? Они перейдут в наступление, и если их атака увенчается успехом, вы увидите, что наши поля обгажены кровью верующих, учение истины ниспровергнуто, Церковь Христа опустошена, все социальные отношения разрушены, наши противники еще более ожесточились и озлобились против Евангелия, и толпы священников и монахов снова заполняют наши сельские районы, улицы и храмы.....И все же, - добавил Цвингле после нескольких мгновений волнения и молчания, - этому тоже придет конец". Бернцев взволновал торжественный голос реформатора. "Мы видим, — ответили они, - все, чего следует опасаться за наше общее дело, и мы приложим все усилия, чтобы предотвратить такие великие бедствия". - "Я, пишущий эти строки, присутствовал и слышал их", - добавляет Буллингер. [1173]

ВИДЕНИЕ.

Существовали опасения, что, если о присутствии Цвингле в Бремгартене станет известно депутатам Пяти кантонов, они не сдержат своего насилия. Во время этого ночного совещания трое членов городского совета стояли на страже перед домом Буллингера. Перед рассветом реформатор и двое его друзей в сопровождении Буллингера и трех советников прошли по пустынным улицам, ведущим к воротам на дороге в Цюрих. Трижды Цвингле прощался с Буллингером, который вскоре должен был стать его преемником. Его разум был полон предчувствия его приближающейся смерти; он не мог оторваться от этого юного друга, лица которого ему больше никогда не суждено было увидеть; он благословлял его среди потоков слез. "О мой дорогой Генри! - сказал он. - да хранит тебя Бог! Будь верен Господу нашему Иисусу Христу и его Церкви!" Наконец они разошлись; но в этот самый момент, говорит Буллингер, внезапно появился таинственный персонаж, одетый в белую как снег мантию, и, напугав солдат, охранявших ворота, внезапно нырнул в воду и исчез. Буллингер, Цвингле и их друзья не заметили этого; сам Буллингер искал это повсюду, но безрезультатно; [1174] тем не менее стражи настаивали на реальности этого ужасного видения. Буллингер в сильном волнении вернулся в темноте и молчании в свой дом. Его разум невольно сравнил отъезд Цвингле и белого призрака; и он содрогнулся от ужасного предзнаменования, которое мысль об этом призраке запечатлела в его сознании.

СТРАШНЫЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ.

Страдания другого рода преследовали Цвингле в Цюрихе. Он думал, что, согласившись остаться во главе дела, он восстановит все свое бывшее влияние. Но он был обманут: люди желали видеть его там, и все же они не последовали за ним. Цюрихцы с каждым днем становились все более и более неохотными по отношению к войне, которой они поначалу требовали, и отождествляли себя с пассивной системой Берна. Некоторое время Цвингле оставался ошеломленным и неподвижным перед этой инертной массой, которую не могли сдвинуть с места самые энергичные усилия. Но вскоре, обнаружив во всех уголках горизонта пророческие знаки, предвестники бури, которая вот-вот разразится на корабле, на котором он был лоцманом, он издал крик отчаяния и подал сигнал бедствия. "Я вижу, — воскликнул он однажды перед народом с кафедры, куда он пришел, чтобы высказать свои мрачные предчувствия, - я вижу, что самые верные предупреждения не могут спасти вас: вы не накажете пенсионеров иностранца.....У них слишком твердая поддержка среди нас! Приготовлена цепь — смотрите на нее целиком — она разматывает звено за звеном, — скоро они привяжут меня к ней, и не один благочестивый Цюрихец с те.....It против меня, они разгневаны! Я готов; я

подчиняюсь воле Господа. Но эти люди никогда не будут моими. masters.....As за тебя, о Цюрих, они воздадут тебе по заслугам; они ударят тебя по голове. Ты этого хочешь. Ты отказываешься наказать их; что ж! это они накажут тебя. [1175] Но Бог тем не менее сохранит свое Слово, и их высокомерию придет конец". Таков был крик агонии Цвингля, но ответом была только неподвижность смерти. Сердца цюрихцев были настолько ожесточены, что самые острые стрелы реформатора не могли пронзить их, и они падали к его ногам затупленными и бесполезными.

Но события развивались и оправдали все его опасения. Пять кантонов отвергли все предложения, которые им были сделаны. "Почему вы говорите о наказании за несколько проступков?" они ответили посредникам: "Это вопрос совсем другого рода. Разве вы не требуете, чтобы мы снова приняли к себе еретиков, которых мы изгнали, и не терпели никаких других священников, кроме тех, кто проповедует в соответствии со Словом Божиим? Мы знаем, что это значит. Нет—нет, мы не откажемся от религии наших отцов; и если нам придется видеть, как наши жены и наши дети лишаются пищи, наши руки будут знать, как завоевать то, в чем нам отказано: этому мы отдаем в залог наши тела, наше имущество, наши жизни ". Именно с такими угрожающими словами депутаты покинули Бремгартенский сейм. Они гордо встряхнули складками своих мантий, война с них спала.

Ужас был всеобщим, и встревоженные граждане повсюду видели ужасные предзнаменования, устрашающие знаки, очевидно, предвещавшие самые ужасные события. Не только белый призрак появился в Бремгартене рядом с Цвингле: самые страшные предзнаменования, передававшиеся из уст в уста, наполняли людей самыми мрачными предчувствиями. История этих явлений, какой бы странной она ни казалась, характеризует период, о котором мы пишем.

26 июля вдова, случайно оказавшаяся одна перед своим домом в деревне Кастеленшлосс, внезапно увидела ужасающее зрелище — кровь, хлещущая из земли вокруг нее! [1176] Она в тревоге бросилась в коттедж..... но, о ужас! кровь течет повсюду — с обшивки и с камней;— она ручьем льется из таза на полке, и даже колыбель ребенка переполнена ею. Женщина воображает, что за дело взялась невидимая рука убийцы, и в смятении выбегает из дома, крича: "Убийство!" "убийство!" [1178] Сельские жители и монахи соседнего монастыря собираются на крик — им удастся частично стереть кровавые пятна; но немного позже в тот же день другие обитатели дома, в ужасе садящиеся ужинать под выступающим карнизом, внезапно обнаруживают кровь, пузырящуюся в пруду — кровь, текущую с чердака, — кровь, покрывающую все стены дома. Кровь—кровь—повсюду кровь! Прибывают судебный пристав Шенкенберга и пастор Дальхайма - расследуют дело — и немедленно сообщают об этом лордам Берна и Цвингле.

КОМЕТА.

Едва этот ужасный рассказ, подробности которого точно сохранены на латыни и немецком, наполнил все умы идеей ужасной бойни, как в западной части небес появилась ужасающая комета, [1179] огромный шлейф бледно-желтого цвета повернул к югу. В момент своего заката это видение сияло в небе, как огонь в печи. [1180] Однажды ночью — как представляется, 15 августа [1181]— Цвингле и Георг Мюлер, бывший аббат Веттингена, находясь вместе на кладбище при соборе, оба устремили свои взоры на этот потрясающий метеорит. "Этот зловещий шар, - сказал Цвингле, - прибыл, чтобы осветить путь, ведущий к моей могиле. Это будет сделано ценой моей жизни и многих хороших людей рядом со мной. Хотя я довольно

близорук, я предвижу большие бедствия в будущем. [1182] Истина и Церковь будут скорбеть; но Христос никогда не оставит нас". Эта пылающая звезда посеяла ужас не только в Цюрихе. Однажды ночью Вадиан, находясь на возвышенности по соседству с Сент-Галлом, в окружении своих друзей и учеников, после того как объяснил им названия звезд и чудеса Творца, остановился перед этой кометой, которая свидетельствовала о гневе Божьем; и знаменитый Теофраст заявил, что она предвещала не только великое кровопролитие, но особенно смерть ученых и прославленных людей. Это таинственное явление продлило свое ужасное посещение до 3 сентября.

Когда однажды шум об этих предзнаменованиях распространился повсюду, люди больше не могли сдерживаться. Их воображение было возбуждено; они нагромождали страх на страх: в каждом месте были свои ужасы. На горе Бруниг были замечены два развевающихся в облаках знамени; в небе над Цугом появился щит; на берегах реки Рейс ночью неоднократно раздавались взрывы; по озеру Четырех кантонов во всех направлениях курсировали корабли с воздушными воинами. Война—война;—кровь—кровь! — таковы были общие крики.

НОВЫЕ ПОСРЕДНИЧЕСКИЕ УСЛУГИ.

Посреди всей этой суматохи один только Цвингле казался спокойным. Он не отвергал ни одно из этих предчувствий, но спокойно рассматривал их. "Сердце, которое боится Бога, - сказал он, - не заботится об угрозах мира. Продвигать замыслы Бога, что бы ни случилось, — вот его задача. Перевозчик, которому предстоит долгая дорога, должен принять решение носить свой фургон и снаряжение во время путешествия. Если он доставит свой товар в назначенное место, этого для него достаточно. Мы - повозка и снаряжение Бога. Нет ни одного предмета, который не был бы изношен, перекручен или сломан; но наш великий Возница, тем не менее, осуществит с помощью наших средств свои обширные замыслы. Разве не тем, кто пал на поле битвы, принадлежит самая благородная корона? Тогда наберитесь мужества посреди всех этих опасностей, через которые должно пройти дело Иисуса Христа. Ободритесь! хотя нам никогда не суждено увидеть его триумфы здесь, внизу, собственными глазами. Судья боя наблюдает за нами, и именно он вручает корону. Другие будут наслаждаться на земле плодами наших трудов, в то время как мы, уже находясь на небесах, будем наслаждаться вечной наградой". [1183]

Так говорил Цвингле, спокойно приближаясь к угрожающему шуму бури, которая своими повторяющимися вспышками и внезапными взрывами предвещала смерть.

VI. Пять кантонов, собравшихся на сейм в Люцерне, казались полными решимости, и решение о войне было принято. "Мы призовем города уважать наши союзы, - сказали они, - и если они откажутся, мы силой войдем в общие владения, чтобы закупить провизию, и объединим наши знамена в Цуге, чтобы атаковать врага". Вальдштетты были не одни. Нунций, по просьбе своих люцернских друзей, потребовал, чтобы вспомогательные войска, оплачиваемые папой, были выдвинуты в Швейцарию, и объявил об их скором прибытии.

ОБМАНЧИВОЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Эти резолюции посеяли ужас в Швейцарии; кантоны-посредники снова встретились в Арау и разработали план, который должен был оставить религиозный вопрос в том виде, в каком он был урегулирован мирным договором 1529 года. Депутаты немедленно разнесли эти

предложения по разным советам. Люцерн высокомерно отверг их. "Скажите тем, кто вас послал, - был ответ, - что мы не признаем их нашими школьными учителями. Мы скорее умрем, чем уступим хоть в малейшей степени в ущерб нашей вере". Посредники вернулись в Арау, дрожа и обескураженные. Эта бесполезная попытка усилила разногласия среди реформатов и придала Вальдштеттам еще большую уверенность. Цюрих, столь решительно настроенный на принятие Евангелия, теперь становился с каждым днем все более нерешительным! Члены совета не доверяли друг другу; народ не испытывал интереса к этой войне; и Цвингле, несмотря на свою непоколебимую веру в справедливость своего дела, не питал никакой надежды на борьбу, которая вот-вот должна была начаться. Берн, со своей стороны, не переставал умолять Цюрих избегать осадков. "Не давайте нам подвергать себя упрекам в излишней поспешности, как в 1529 году", - таково было общее замечание в Цюрихе. "У нас есть верные друзья среди Вальдштеттов; давайте подождем, пока они не объявят нам, как и обещали, о какой-нибудь реальной опасности".

Вскоре все поверили, что эти выжидатели были правы. На самом деле тревожные новости прекратились. Постоянные слухи о войне, которые непрерывно исходили от Вальдштеттов, прекратились. Больше не было тревог — больше не было страхов! Обманчивое предзнаменование! Над горами и долинами Швейцарии нависла эта мрачная и таинственная тишина, предвестница бури.

ЦЮРИХ ПРЕДУПРЕЖДЕН.

Пока они спали в Цюрихе, Вальдштеты готовились отвоевать свои права силой оружия. Вожди, тесно связанные друг с другом общими интересами и опасностями, нашли мощную поддержку в возмущении народа. На сейме пяти кантонов, состоявшемся в Бруннене, на берегу Люцернского озера, напротив Грутли, были зачитаны союзы Конфедерации; и депутаты, вызванные для того, чтобы своими голосами заявить, считают ли они войну справедливой и законной, с содроганием подняли все руки. Вальдштетты немедленно подготовили свою атаку с величайшей таинственностью. Все перевалы были охраняемы — всякое сообщение между Цюрихом и Пятью кантонами стало невозможным. Друзья, на которых рассчитывали цюрихцы на берегах озер Люцерн и Цуг и которые обещали им разведку, были подобны пленникам в своих горах. Ужасная лавина была готова соскользнуть с ледяных вершин горы и покатиться по долинам, даже к воротам Цюриха, опрокидывая все на своем пути, без малейшего предупреждения о своем падении. Посредники вернулись обескураженные в свои кантоны. Дух неблагоразумия и ошибок — печальный предвестник падения как республик, так и королей - распространился по всему Цюриху. Совет сначала отдал приказ вызвать ополчение; затем, обманутый молчанием вальдштеттов, он неосторожно отменил этот указ, и Лафатер, командующий армией, в недовольстве удалился в Рибург и в негодовании далеко отбросил от себя шпагу, которую они приказали ему оставить в ножнах. Таким образом, ветры с гор вот—вот должны были освободиться; воды великой бездны, поднятые ужасным землетрясением, вот—вот должны были открыться; и все же государственный корабль, печально покинутый, равнодушно носился взад и вперед по ужасному заливу — его реи были пробиты, паруса распущены и неподвижны - без компаса или команды - без лоцмана, вахты или руля.

Какими бы ни были усилия Вальдштеттов, они не могли полностью заглушить слух о войне, который от шале к шале призывал всех их граждан к оружию. Бог позволяет крику тревоги — единственному, это правда, — прозвучать в ушах жителей Цюриха. 4 октября маленькому

мальчику, который не ведал, что творит, удалось пересечь границу Цуга и предстать с двумя буханками у ворот реформатского монастыря Каппель, расположенного на самой дальней окраине цюрихского кантона. Его отвели к настоятелю, которому ребенок, не говоря ни слова, отдал хлебы. Настоятель, с которым в это время случайно оказался советник из Цюриха Генри Пейер, присланный своим правительством, побледнел при виде этого. "Если пять кантонов намерены силой оружия войти в свободные бейливики, - сказали эти двое цюрихцев одному из своих друзей в Цуге, - вы пришлете к нам своего сына с одной буханкой хлеба; но вы дадите ему две, если они пойдут одновременно на бейливики и на Цюрих". Аббат и советник поспешно написали в Цюрих. "Будьте настороже! беритесь за оружие", - сказали они; но этой информации не придали значения. Совет в то время был занят принятием мер по предотвращению попадания в кантоны припасов, прибывших из Эльзаса. Сам Цвингле, который никогда не переставал объявлять войну, не верил в это. "Эти пенсионеры действительно умные ребята", - сказал реформатор. "В конце концов, их приготовления могут быть не чем иным, как французским маневром". [1184]

Он был обманут - они были реальностью. Четыре дня понадобились, чтобы завершить разрушение Цюриха. Давайте последовательно проследим историю этих катастрофических моментов.

В воскресенье, 8 октября, в Цюрих явился гонец и потребовал от имени Пяти кантонов грамоты о вечном союзе. [1185] Большинство усмотрело в этом шаге не что иное, как уловку; но Цвингле начал различать молнию в черной туче, которая приближалась. Он был за кафедрой: это был последний раз, когда ему было суждено появиться на ней; и как будто он увидел грозный призрак Рима, устрашающе поднявшийся над Альпами, призывающий его и его народ отказаться от веры: "Нет, нет! — воскликнул он, - никогда я не отрекусь от моего Искупителя!"

В тот же момент поспешно прибыл гонец от Мулинена, командующего рыцарями-госпитальерами ордена Святого Иоанна в Хитцкюльче. "В пятницу, 6 октября, - сказал он, обращаясь к советам Цюриха, - жители Люцерна водрузили свое знамя на Большой площади. [1186] Двое мужчин, которых я отправил в Люцерн, были брошены в тюрьму. Завтра утром, в понедельник, 9 октября, Пять кантонов войдут в состав бейливиков. Сельские жители, напуганные и беглые, уже бегут к нам толпами". - "Это досужая история", — заявили в советах. [1187] Тем не менее они отозвали главнокомандующего Лафатера, который отправил надежного человека, племянника Джеймса Винклера, с приказом вернуться в Каппель и, по возможности, до Цуга, чтобы разведать расположение кантонов.

МАНИФЕСТ КАНТОНОВ.

Вальдштетты на самом деле собирались вокруг знамени Люцерна. Жители этого кантона; люди из Швица, Ури, Цуга и Унтервальдена; беженцы из Цюриха и Берна с несколькими итальянцами составляли основную часть армии, которая была собрана для вторжения в свободные бейливики. Были опубликованы два манифеста — один, адресованный кантонам, другой - иностранным князьям и нациям.

Пять кантонов энергично заявили о нападках на договоры, о раздорах, посеянных по всей Конфедерации, и, наконец, об отказе продавать им провизию — отказе, единственной целью которого было (по их словам) возбудить народ против магистратов и провести Реформу силой. "Это неправда, - добавили они, — что, поскольку они не перестают кричать— мы выступаем

против проповеди истины и чтения Библии. Как послушные члены Церкви, мы желаем получать все, что получает наша святая мать. Но мы отвергаем все книги и нововведения Цвингле и его товарищей". [1188]

Едва успели отбыть гонцы с этими манифестами, как первая дивизия армии выступила в поход и вечером прибыла в свободные бейливики. Солдаты вошли в опустевшие церкви и увидели, что изображения святых сняты, а алтари разбиты, их гнев разгорелся; они распространились подобно потоку по всей стране, грабили все, что попадалось им на пути, и особенно разъярились на дома пасторов, где они уничтожали мебель с клятвами и проклятиями. В то же время дивизия, которая должна была составить основную армию, выступила на Цуг, чтобы оттуда двинуться на Цюрих.

УВЛЕЧЕНИЕ ЦЮРИХОМ.

Каппель, расположенный в трех лье от Цюриха и примерно в лиге от Цуга, был первым местом, которого они достигли на территории Цюриха после пересечения границы Пяти кантонов. Недалеко от Альбиса, между двумя холмами одинаковой высоты, Гранжем на севере и Ифельсбергом на юге, посреди восхитительных пастбищ, стоял древний и богатый монастырь цистерцианцев, в церкви которого находились могилы многих древних и знатных семей этих округов. Аббат Вольфганг Йонер, справедливый и набожный человек, большой друг искусства и литературы, а также выдающийся проповедник, реформировал свой монастырь в 1527 году. Полный сострадания, богатый добрыми делами, особенно по отношению к беднякам кантона Цуг и вольных округов, он был в большом почете по всей стране. [1189] Он предсказывал окончание войны, но как только приближалась опасность, он не жалел труда, чтобы служить своей стране.

Именно в воскресенье вечером настоятель получил достоверные сведения о приготовлениях в Цуге. Он торопливыми шагами ходил взад и вперед по своей камере; сон улетучился из его глаз; он придвинул поближе лампу и, обращаясь к своему близкому другу Питеру Симмлеру, который сменил его и который тогда проживал в Кюльхберге, деревне на берегу озера, примерно в лиге от города, поспешно написал следующие слова: "Великая тревога и беспокойство, которые меня беспокоят, мешают мне заняться хозяйством в доме и побуждают меня написать вам обо всем, что готовится. Время пришло..... Появляется бич Божий. [1190]..... После многих поездок и расспросов мы узнали, что Пять кантонов выступят сегодня (в понедельник), чтобы захватить Хитцкильх, в то время как основная армия собирает свои знамена в Бааре, между Цугом и Каппелем. Те, кто из долины Адидже, и итальянцы придут сегодня или завтра. Это письмо по каким-то непредвиденным обстоятельствам дошло в Цюрих только вечером.

Тем временем гонец, которого послал Лафатер — племянник Дж. Винклера, — полз на брюхе, незамеченный часовыми и цепляясь за кусты, нависавшие над пропастями, преуспел в том, чтобы пробраться туда, где не было расчищенной дороги. Прибыв к Цугу, он с тревогой обнаружил знамя и ополченцев, спешащих со всех сторон под бой барабанов; затем, снова пересекая эти неизвестные перевалы, он вернулся в Цюрих с этой информацией. [1191]

Давно пора было снять повязку с глаз цюрихцев; но иллюзия должна была сохраняться до последнего. Созванный вместе совет собрался в небольшом количестве. "Пять кантонов, - сказали они, - поднимают небольшой шум, чтобы напугать нас и заставить снять блокаду". [1192] Совет, однако, решил послать полковника Родольфа Дюмайсена и Ульрика Функа в

Каппель, чтобы посмотреть, что происходит; и каждый, успокоенный этим бессмысленным шагом, удалился отдыхать.

Они спали недолго. Каждый час приносил в Цюрих новых вестников тревоги. "Знамена четырех кантонов собраны в Цуге", - сказали они. "Они ждут только Ури. Люди из свободных бейливиков стекаются к Каппелю и требуют оружия.....Помогите! помогите!"

Перед рассветом совет был снова собран, и он приказал созвать Двести человек. Старик, чьи волосы поседели на поле битвы и в государственном совете — знаменосец Джон Швейцер - подняв ослабевшую от возраста голову и отведя, так сказать, последний луч от своих глаз, воскликнул: "Сейчас, в этот самый момент, во имя Бога, пошлите передовой отряд к Каппелю, и пусть армия, быстро собравшись вокруг знамени, немедленно следует за ним". Он больше ничего не сказал, но очарование еще не было ослаблено. "Мы знаем, что крестьяне из вольных бейливиков, - говорили некоторые, - поспешны и легко увлекаются. Они раздувают проблему больше, чем она есть на самом деле. Самый мудрый план - дожидаться отчета членов совета ". В Цюрихе больше не было ни руки, чтобы защищаться, ни головы, чтобы давать советы.

НАЧИНАЕТСЯ ВОЙНА.

Было семь часов утра, и собрание все еще заседало, когда поспешно прибыл Родольф Гверб, пастор из Риффершвиля, недалеко от Каппеля. "Люди светлости Кнонау, - сказал он, - толпятся вокруг монастыря и громко призывают вождей на помощь. Враг приближается. Неужели наши лорды Цюриха (говорят, что они) откажутся от самих себя и от нас вместе с ними? Неужели они хотят предать нас на заклятие? Пастор, который был свидетелем этих скорбных сцен, говорил с воодушевлением. Члены совета, чье увлечение должно было продлиться до конца, были оскорблены его сообщением. "Они хотят заставить нас действовать опрометчиво", - ответили они, поворачиваясь в своих креслах.

Едва они закончили разговор, как появился новый посланец, на лице которого читался величайший ужас: это был Швицер, владелец "Букового дерева" на горе Альбис. "Милорды Дюмисен и Функ, - сказал он, - послали меня к вам как можно скорее, чтобы сообщить совету, что Пять кантонов захватили Хицкильч и что сейчас они собирают все свои войска в Бааре. Милорды остаются в бейливиках, чтобы помочь напуганным жителям.

На этот раз побледнели самые самоуверенные. Ужас, так долго сдерживаемый, подобно вспышке молнии пронзил каждое сердце. [1193] Хицкильх оказался во власти врага, и война была начата.

СТРАШНАЯ НОЧЬ.

Было решено направить в Каппель летучий лагерь численностью шестьсот человек с шестью орудиями; но командование было поручено Джорджу Голдли, брат которого служил в армии Пяти кантонов, и ему было приказано продолжать оборону. Гольдли и его войска только что покинули город, когда генерал-капитан Лафатер, вызвав в зал Малого совета старого знаменосца Швейцера, Уильяма Тонинга, капитана аркебузир, Дж. Денникона, капитана артиллерии, Цвингле и некоторых других, сказал им: "Давайте немедленно обсудим средства спасения кантона и города. Пусть набат немедленно призовет всех граждан". Генерал-капитан

опасался, что советы откажутся от этого шага, и он хотел поднять ландштурм по простому совету армии и Цвингле. "Мы не можем взять это на себя, - сказали они, - оба совета все еще заседают; давайте вынесем это предложение на их рассмотрение". Они спешат к месту собрания; но, по роковой случайности! на скамьях было всего несколько членов Малого Совета. "Необходимо согласие двухсот человек", - сказали они. Снова новая задержка, и враг на марше. Через два часа после полудня Большой Совет собрался снова, но только для того, чтобы произнести длинные и бесполезные речи. [1194] Наконец решение было принято, и в семь часов вечера во всех округах страны зазвучал набат. К этой медлительности присоединилась измена, и лица, выдававшие себя за посланников из Цюриха, остановили ландштурм во многих местах, как противоречащий мнению совета. Огромное количество горожан снова легли спать.

Это была страшная ночь. Густая тьма — яростная буря — набатный колокольный звон на каждой колокольне - люди, бегущие к оружию—звон мечей и ружей — звуки труб и барабанов в сочетании с ревом бури, недоверие, недовольство и даже измена, которые сеют беду повсюду — рыдания женщин и детей — крики, сопровождавшие многие душераздирающие прощания — землетрясение, произошедшее около девяти часов вечера, как будто сама природа содрогнулась при виде крови, которая вот—вот должна была пролиться и которая вот—вот должна была пролиться. яростно сотрясались горы и долины: [1195] все усиливало ужасы этой роковой ночи, за которой должен был последовать еще более роковой день.

ВОЙНА.

Пока происходили эти события, цюрихцы разбили лагерь на высотах Каппеля численностью около тысячи человек, устремив свои взоры на Цуг и озеро, внимательно следя за каждым движением. Внезапно, незадолго до наступления ночи, они заметили несколько лодок, наполненных солдатами, которые шли со стороны Арта и гребли по озеру в сторону Цуга. Их число увеличивается — одна лодка следует за другой — вскоре они отчетливо слышат рев быка (рога) Ури, [1196] и они различают знамя. Барки причаливают к Цугу; они пришвартованы к берегу, вдоль которого собралась огромная толпа. Воины Ури и аркебузиры Адидже вскакивают и выпрыгивают на берег, где их встречают одобрительными возгласами, и устраиваются на ночлег: смотрите, враги собрались! Совет информируется со всей оперативностью.

В Цюрихе волнение было еще сильнее, чем при Каппеле: замешательство усиливалось неуверенностью. Враг атаковал их сразу с разных сторон, и они не знали, куда нести помощь. Через два часа после полуночи пятьсот человек с четырьмя орудиями вышли из города в сторону Бремгартена, а триста или четыреста человек с пятью орудиями - в сторону Ваденшвиля. Они поворачивали направо и налево, в то время как враг был впереди.

Встревоженный собственной слабостью, совет решил без промедления обратиться к городам христианского содружества. "Поскольку это восстание, - писали они, - не имеет иного источника, кроме Слова Божьего, мы умоляем вас один—два-трижды, так громко, так серьезно, так твердо и ревностно, как позволяют и повелевают нам наши древние союзы и наше христианское содружество, — выступить без промедления со всеми вашими силами. Быстрее! быстрее! быстрее! Действуйте как можно быстрее [1197]— опасность угрожает как вам, так и нам". Так говорил Цюрих, но было уже слишком поздно.

На рассвете знамя было поднято перед городским домом; вместо того чтобы гордо развеваться на ветру, оно свисало вниз древком — печальное предзнаменование, вселившее страх во

многие умы. Лафатер занял свой пост под знаменем, но прошло немало времени, прежде чем удалось собрать несколько сотен солдат. [1198] На площади и во всем городе царили беспорядок и неразбериха. Войска, утомленные поспешным маршем или долгим ожиданием, были ослаблены и обескуражены.

ОТЪЕЗД ЦВИНГЛЯ.

К десяти часам только 700 человек были вооружены. Эгоистичные, равнодушные, друзья Рима и иностранные пенсионеры остались дома. Несколько стариков, у которых было больше мужества — чем силы, несколько членов двух советов, преданных святому делу Слова Божьего, многие служители Церкви, желавшие жить и умереть с Реформой, самые смелые горожане и некоторое количество крестьян, особенно из окрестностей города, — таковы были защитники, которые, не имея моральной силы, столь необходимой для победы, не полностью вооруженные, без формы, в беспорядке столпились вокруг знамени Цюриха.

Армия должна была насчитывать по меньшей мере 4000 человек; они все еще ждали; обычная присяга не была принесена; и все же курьер за курьером прибывали, запыхавшиеся и в беспорядке, сообщая об ужасной опасности, нависшей над Цюрихом. Вся эта беспорядочная толпа взбудоражена — они больше не ждут команд своих начальников, и многие, не принеся присяги, устремляются через ворота. Таким образом, около 200 человек в замешательстве отправились в путь. Все оставшиеся приготовились к отъезду.

Затем было видно, как Цвингле выходит из дома, перед которым нетерпеливо топала лошадь в попоне; это была его собственная лошадь. Взгляд его был тверд, но затуманен печалью. Он расстался со своей женой, детьми и многочисленными друзьями, не обманывая себя и с разбитым сердцем. [1199] Он заметил мощный смерч, который, подгоняемый ужасным ветром, приближался к нему. Увы! он сам вызвал этот ураган, покинув атмосферу Евангелия мира и бросившись в гущу политических страстей. Он был убежден, что станет первой жертвой. За пятнадцать дней до нападения Вальдштеттов он сказал с кафедры: "Я знаю, в чем смысл всего этого: все это касается меня. Все это происходит для того, чтобы я мог умереть". [1200] Совет, согласно древнему обычаю, призвал его сопровождать армию в качестве ее капеллана. Цвингле не колебался. Он приготовился без удивления и без гнева, со спокойствием христианина, который уверенно вверил себя в руки своего Бога. Если дело Реформ было обречено на гибель, он был готов погибнуть вместе с ним. Окруженный плачущей женой и друзьями, детьми, которые цеплялись за его одежду, чтобы удержать его, он покинул этот дом, где вкусил столько счастья. В тот момент, когда его рука легла на коня, как раз когда он собирался садиться в седло, животное яростно отскочило на несколько шагов назад, а когда он наконец оказался в седле, какое-то время отказывалось двигаться, вставая на дыбы и гарцуя задом наперед, подобно тому коню, на которого сел величайший полководец современности, собираясь пересечь Неман. Многие в Цюрихе в то время думали вместе с солдатом Великой армии, когда он увидел Наполеона на земле: "Это дурной знак! Римлянин вернулся бы!" [1201] Цвингле, наконец, справившись со своей лошадью, отдал поводья, пришпорил, тронулся вперед и исчез.

СЦЕНА ВОЙНЫ.

В одиннадцать часов был поднят флаг, и все, кто оставался на площади — около 500 человек — начали свое шествие вместе с ним. Большая часть из них с трудом вырвалась из объятий своих

семей и шла печальная и молчаливая, как будто они шли на эшафот, а не на битву. Не было никакого порядка — никакого плана; люди были изолированы и рассеяны, кто—то бежал впереди, кто-то за знаменами, их крайняя растерянность придавала им устрашающий вид; [1202] настолько, что те, кто остался позади - женщины, дети и старики, полные мрачных предчувствий, били себя в грудь, когда видели, как они проходят, и много лет спустя те, кто остался позади, были убиты. воспоминание об этом дне смятения и траура вызвало стон Освальда Микониуса: "Всякий раз, когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что меч пронзил мое сердце". Цвингле, вооруженный по обычаю капелланов Конфедерации, скорбно ехал позади этой растерянной толпы. Миконий, когда увидел его, был близок к обмороку. [1203] Цвингле исчез, а Освальд остался плакать.

Не он один проливал слезы; отовсюду слышались причитания, и каждый дом был превращен в дом молитвы. [1204] Посреди этой всеобщей скорби одна женщина хранила молчание; ее единственным криком было ожесточенное сердце, ее единственным языком были кроткие и умоляющие глаза веры: — это была Анна, жена Цвингля. Она видела, как уходил ее муж, ее сын, ее брат, множество близких друзей и родственников, приближающуюся смерть которых она предчувствовала. Но ее душа, сильная, как у ее мужа, принесла Богу в жертву свои самые святые чувства. Постепенно защитники Цюриха ускоряют свой марш, и суматоха затихает вдали.

ВРАГ У ЦУГА.

VII. Эта ночь, которая была такой бурной в Цюрихе, не была более спокойной в Каппеле. Они получали одно за другим самые тревожные сообщения. Необходимо было занять позицию, которая позволила бы войскам, собранным вокруг монастыря, противостоять атаке противника до прибытия подкрепления, которое ожидалось из города. Они обратили внимание на небольшой холм, лежащий к северу от Цюриха и пересеченный большой дорогой, представлявший собой неровную, но достаточно обширную поверхность. Глубокий ров, окружавший его с трех сторон, защищал подходы; но небольшой мост, который был единственным препятствием на стороне Цюриха, делал поспешное отступление очень опасным. На юго-западе тянулся буковый лес; на юге, в направлении Цуга, была большая дорога и болотистая долина. "Ведите нас к Гранжам", - закричали все солдаты. Их повели туда. Артиллерия была размещена возле каких-то развалин. Линия фронта была выстроена со стороны монастыря и Цуга, а у подножия склона были расставлены часовые.

Тем временем в Цуге и Бааре подается сигнал: бьют барабаны: солдаты Пяти кантонов берут в руки оружие. Всеобщее чувство радости окрыляет их. Открываются церкви, звонят колокола, и сомкнутые ряды кантонистов входят в собор Святого Освальда; отслужена месса; Воинство принесено в жертву за грехи народа, и вся армия начинает свой марш в девять часов с развевающимися знаменами. Беглец Джон Голдер командует контингентом в Люцерне; ландамман Жак Трогер - контингентом в Ури; ландамман Райхмут, смертельный враг Реформации, контингентом Швица; ландамман Зелльгер - контингентом в Унтервальдене; и Освальд Доосс - контингентом в Цуге. Восемь тысяч человек маршируют в боевом порядке: здесь собрались все отборные люди из Пяти кантонов. Свежие и активные после спокойной ночи, которым оставалось преодолеть всего одну короткую лигу, прежде чем они доберутся до

врага, эти надменные вальдштетты продвигаются твердым и размеренным шагом под командованием своих вождей.

ЦЮРИХСКАЯ АРМИЯ.

Добравшись до общего луга Цуг, они останавливаются, чтобы принести клятву: каждая рука воздета к небу, и все клянутся отомстить за себя. Они собирались возобновить свой марш, когда несколько пожилых мужчин сделали им знаки остановиться. "Товарищи, - сказали они, - мы долго оскорбляли Бога. Наши богохульства, наши клятвы, наши войны, наша месть, наша гордыня, наше пьянство, наши прелюбодеяния, золото чужеземца, к которому были протянуты наши руки, и все беспорядки, которым мы предавались, настолько вызвали его гнев, что, если бы он наказал нас сегодня, мы получили бы только воздаяние за наши преступления ". Волнение вождей передалось и рядам. Вся армия преклоняет колена посреди равнины; царит глубокая тишина, и каждый солдат, склонив голову, набожно крестится и повторяет тихим голосом пять отцов, столько же аве и кредо. Можно было бы сказать, что какое-то время они находились посреди обширной и безмолвной пустыни. Внезапно снова слышен шум огромной толпы. Армия поднимается. "Солдаты, - сказали капитаны, - вы знаете причину этой войны. Постоянно держите своих жен и детей перед глазами".

Затем главный пристав (*гранд Сотье*) Люцерна, одетый в цвета кантона, подходит к военачальникам: они вручают ему объявление войны, датированное тем же днем и скрепленное гербом Цуга. Затем он отправляется верхом на лошади, сопровождаемый трубачом, чтобы отнести эту бумагу командиру цюрихцев.

Было одиннадцать часов утра. Цюрихцы вскоре обнаружили армию противника и с грустью посмотрели на те небольшие силы, которые они могли противопоставить ей. С каждой минутой опасность возрастала. Все преклонили колени, их глаза были подняты к небу, и каждый цюрихец испустил крик из глубины своего сердца, молясь об избавлении от Бога. Как только молитва закончилась, они приготовились к битве. В то время там было около тысячи двухсот человек с оружием в руках.

БИТВА ПРИ КАППЕЛЕ.

В полдень невдалеке от передовых постов прозвучали трубы Пяти кантонов. Гольдли, собрав членов двух советов, случайно оказавшихся при армии, а также рядовых и унтер-офицеров и выстроив их в круг, приказал секретарю Райнхарду зачитать декларацию, предьявителем которой был Сотье из Люцерна. После оглашения Гольдли открыл военный совет. "Нас мало, а силы наших противников велики, - сказал Ландольт, бейлиф Марпака, - но я буду ждать врага здесь во имя Бога". - Подождите! - воскликнул капитан алебардщиков Рудольф Зиглер. - Это невозможно! давайте лучше воспользуемся канавой, которая перерезает дорогу, чтобы осуществить наше отступление, и давайте массово повсюду возведем дамбу ". По правде говоря, это было единственное средство обеспечения безопасности. Но Руди Галлманн, расценивавший каждый шаг назад как акт трусости, закричал, с силой топая ногами по земле и бросая вокруг горящий взгляд: "Здесь... здесь будет моя могила!" [1205]— "Теперь слишком поздно уходить в отставку с честью", - сказали другие офицеры. "Этот день в руках Божьих. Давайте перенесем все, что он возложит на нас". Вопрос был поставлен на голосование.

Едва члены совета подняли руки в знак согласия, как вокруг них послышался сильный шум. - Капитан! капитан! - крикнул солдат с аванпоста, поспешно прибывший на место. "Молчать,

молчать!" — ответили приставы, оттесняя его. "Они держат совет!" - "Сейчас уже не время держать совет", - ответил солдат. "Немедленно проводите меня к капитану"....."Наши часовые отступают", - крикнул он взволнованным голосом, когда опередил Голдли. "Враг там — они наступают через лес всеми своими силами и с большим шумом". Не успел он договорить, как подбежали часовые, которые на самом деле отступали со всех сторон, и вскоре было видно, как армия Пяти кантонов взбирается по склону Ифельсберга перед Гранжем и наводит ружья. Лидеры вальдштеттов изучали позицию и пытались выяснить, каким образом их армия сможет достичь Цюриха. Цюрихцы задавали себе тот же вопрос. Характер местности не позволял Вальдштеттам проходить ниже монастыря, но они могли прибыть еще на четверть пути. Ульрик Брюдер, управляющий Хузена в кантоне Цюрих, устремил встревоженный взгляд на буковую рощу. "Именно оттуда враг обрушится на нас!" — Топоры, топоры! - тут же закричало несколько голосов. - Давайте рубить деревья! [1206] Голдли, аббат, и несколько других были против этого: "Если мы загоним лес, повалив деревья, мы сами не сможем направить наши пушки в этом направлении", - сказали они.—"Нучтож! по крайней мере, давайте разместим несколько аркебузир в этом квартале". — "Нас и так так мало, - ответил капитан, - что было бы неосторожно разделять силы". Ни мудрость, ни мужество не спасли Цюрих. Они еще раз призвали на помощь Бога и замерли в ожидании.

В час дня пять кантонов дали первый залп: пуля, пролетев над монастырем, упала ниже Гранжей; вторая пролетела над линией фронта; третья попала в живую изгородь рядом с развалинами. Цюрихцы, видя, что сражение началось, храбро ответили; но медлительность и неуклюжесть, с которыми в те дни обслуживалась артиллерия, предотвратили нанесение больших потерь с обеих сторон. Когда неприятель заметил это, он приказал своему передовому отряду спуститься с Ифельсберга и достичь Гранжа через луг; и вскоре вся армия кантонов двинулась в этом направлении, но с трудом и по плохим дорогам. Пришли несколько цюрихских аркебузир и объявили о беспорядках в кантонах. "Храбрые цюрихцы, - воскликнул Руди Галлманн, - если мы нападём на них сейчас, с ними все будет кончено". При этих словах несколько солдат приготовились войти в лес слева, чтобы напасть на обескураженных вальдштеттов. Но Голдли, заметив это движение, закричал: "Куда ты идешь? — Разве ты не знаешь, что мы договорились не разлучаться?" Затем он приказал отозвать стрелков, чтобы лес оставался полностью открытым для врага. Они удовлетворились несколькими случайными выстрелами время от времени, чтобы помешать кантонам закрепиться там. Артиллерийский обстрел продолжался до трех часов и возвестил повсюду, даже в Бремгартене и Цюрихе, что сражение началось.

МАРШ.

Тем временем огромное знамя Цюриха и все те, кто его окружал, среди которых был Цвингле, в беспорядке двинулись к Альбису. За прошедший год веселость реформатора полностью исчезла: он был серьезен, меланхоличен, легко растроган, с тяжестью на сердце, которая, казалось, раздавливала его. Часто он с плачем бросался к ногам своего Учителя и искал в молитве силы, в которой так нуждался. Никто никогда не замечал в нем никакого раздражения; напротив, он с кротостью принимал советы, которые ему предлагали, и оставался нежно привязанным к людям, чьи убеждения не совпадали с его собственными. Теперь он скорбно продвигался по дороге в Каппель; и Джон Мейлер из Винтертура, ехавший в нескольких шагах позади него, слышал его стоны и вздохи, перемежавшиеся с горячими молитвами. Если кто-нибудь заговаривал с ним, он оказывался твердым и непоколебимым в мире, исходящем от

веры; но он не скрывал своего убеждения, что никогда больше не увидит свою семью или церковь. Так продвигались силы Цюриха. Ужасный марш! напоминающий скорее похоронную процессию, чем армию, идущую на битву.

Приближаясь, они увидели, как экспресс за экспрессом скачут по дороге из Каппеля, умоляя цюрихцев поспешить на защиту своих братьев. [1207]

В Адлисвиле, миновав мост, под которым текут бурные воды Зиля, и миновав деревню среди женщин, детей и стариков, которые, стоя перед своими хижинами, с грустью смотрели на этот беспорядочный отряд, они начали подниматься по Альбису. Они были примерно на полпути от Каппеля, когда раздался первый пушечный выстрел. Они останавливаются, прислушиваются: раздается второй, третий... Сомнений больше нет. Слава, само существование республики находятся под угрозой, а их нет рядом, чтобы защитить ее! Кровь стынет в их жилах. Внезапно они пробуждаются, и каждый бросается на помощь своим братьям. Но дорога через Альбис была гораздо круче, чем в наши дни. Плохо снаряженная артиллерия не могла взобраться на нее; старики, горожане, не привыкшие к маршированию и закованные в тяжелые доспехи, продвигались с трудом; и все же они составляли большую часть войск. Видели, как они останавливались один за другим, запыхавшиеся и измученные, по обочинам дороги возле зарослей и ущелий Альбиса, прислонялись к буку или ясеню и унылыми глазами смотрели на вершину горы, покрытую густыми соснами.

Однако они возобновляют свой марш; всадники и самые отважные пешие воины спешат вперед и, достигнув "Букового дерева" на вершине горы, останавливаются, чтобы посоветоваться.

Какая перспектива тогда открылась перед их глазами! Цюрих, озеро и его улыбающиеся берега — эти сады, эти плодородные поля, эти поросшие виноградом холмы, почти весь кантон. Увы! возможно, вскоре они будут опустошены Лесными бандами.

Едва эти благородно мыслящие люди начали раздумывать, как перед ними появились новые посланцы от Каппеля и воскликнули: "Поспешите вперед!" При этих словах многие цюрихцы приготовились галопом броситься на врага. [1208] Тонинг, капитан аркебузирова, остановил их. "Мои добрые друзья, - крикнул он им, - что мы можем сделать в одиночку против таких великих сил? Давайте подождем здесь, пока наш народ не соберется, а затем обрушимся на врага всей армией". "Да, если бы у нас была армия", — с горечью ответил генерал-капитан, который, отчаявшись спасти республику, думал только о том, чтобы умереть со славой. "но у нас есть только знамя и нет солдат". "Как мы можем спокойно оставаться на этих высотах, — сказал Цвингле, - в то время как мы слышим выстрелы в наших сограждан? Во имя Бога я пойду навстречу нашим воинам, готовый умереть, чтобы спасти их". [1209] — "И я тоже", - добавил престарелый баннерет Швейцер. "Что касается вас, - продолжал он, бросив презрительный взгляд на Тонинга, - подождите, пока вы немного придете в себя". — "Я так же отдохнул, как и вы, - ответил Тонинг, и краска залила его лицо, - и вы скоро увидите, что я не могу сражаться". Все ускорили свои шаги по направлению к полю битвы.

Спуск быстрый; они углубляются в лес, проходят через деревню Хусен и, наконец, оказываются возле Гранджес. Было три часа, когда знамя пересекло узкий мост, ведущий туда; и вокруг него было так мало солдат, что каждый трепетал, видя, как это почитаемое знамя подвергается атакам столь грозного врага. Армия кантонов в этот момент разворачивалась на глазах у вновь

прибывших. Цвингле смотрел на это ужасное зрелище. И так, взгляните на эти фаланги солдат!— еще несколько минут, и труды одиннадцати лет будут уничтожены, возможно, навсегда!.....

Гражданин Цюриха, некто Леонард Буркхард, который был недоброжелателен к реформатору, сказал ему резким тоном: "Ну, мастер Ульрик, что вы скажете об этом деле? Достаточно ли редиска соленая?..... кто ее теперь будет есть?" [1210] "Я, — ответил Цвингле, — и многие храбрые люди, которые находятся здесь в руках Бога; ибо мы принадлежим ему в жизни и в смерти". — "И я тоже - я помогу съесть их", - немедленно продолжил Буркхард, устыдившись своей жестокости, - "Я рискну своей жизнью ради них". И он сделал это, и многие другие. другие с ним, добавляет хроника.

Было четыре часа; солнце быстро садилось; вальдштетты не продвигались вперед, и цюрихцы начали думать, что атака будет отложена до завтра. На самом деле, вожди Пяти кантонов, видя прибытие большого знамени Цюриха, близкую ночь и невозможность перейти под огнем цюрихцев болото и ров, разделявшие сражающихся, искали место, где их войска могли бы провести ночь. "Если бы в этот момент появились какие-либо посредники, - говорит Буллингер, - их предложения были бы приняты".

БИТВА ПРИ КАППЕЛЕ.

Солдаты, видя нерешительность своих начальников, начали громко роптать. "Большие покидают нас", - сказал один. "Капитаны боятся укусить лису за хвост", - сказал другой. "Не нападать на них, - закричали они все, - значит погубить наше дело". В это время отважный человек готовил искусный маневр, который должен был решить судьбу дня. Воин из Ури, Джон Джоух, бывший бейлиф Сарганса, хороший стрелок и опытный солдат, взяв с собой несколько человек, двинулся вправо от армии Пяти кантонов, прокрался в гущу буковых деревьев, которые, образуя полукруг на востоке, соединяют холм Ифельсберг с холмом Гранж, [1211] обнаружил, что лес пуст, подошел на расстояние нескольких шагов к цюрихцам и там, спрятавшись за деревьями, незаметно заметил малочисленность их отрядов и отсутствие у них осторожности. Затем, незаметно удалившись, он направился к вождям в тот самый момент, когда недовольство готово было вырваться наружу. "Сейчас самое время атаковать врага", - воскликнул он. "Дорогой сплетник, - ответил Трокер, главнокомандующий "Ури", - ты же не хочешь сказать, что мы должны браться за работу в столь поздний час; кроме того, люди готовят свои квартиры, и все знают, чего стоило нашим отцам в Неаполе и Мариньяне начать атаку незадолго до наступления ночи. И потом, это день невинных, а наши предки никогда не давали сражений в праздничный день. [1212]— "Не думайте о Невинных в календаре, - ответила Эмили, - но давайте лучше вспомним о невинных, которых мы оставили в наших коттеджах". Гаспар Гольдли из Цюриха, брат командира Гранжей, присоединил свои мольбы к мольбам воина из Ури. "Мы должны или разбить цюрихцев сегодня вечером, - сказал он, - или быть разбитыми ими завтра. Выбирайте сами".

ЗАСАДА.

Все было бесполезно; вожди были непреклонны, и армия приготовилась занять свои позиции. Тогда воин Ури, понимая, как и его соотечественник, что великое зло требует великих средств, обнажил свой меч и воскликнул: "Пусть все истинные союзники следуют за мной". [1213] Затем, поспешно вскочив в седло, он пришпорил свою лошадь и помчался в лес; [1214] и немедленно

аркебузиры, солдаты из Адидже и многие другие воины Пяти кантонов, особенно из Унтервальдена - всего около 300 человек, бросились в лес вслед за ним. При виде этого Яух больше не сомневается в победе Вальдштеттов. Он спешивается и падает на колени, "ибо, - говорит Чуди, - он был человеком, который боялся Бога". Все его последователи делают то же самое и вместе призывают на помощь Бога, его святую мать и все небесное воинство, затем они продвигаются вперед; но вскоре воин Ури, не желая подставлять никого, кроме себя, останавливает свои войска и скользит от дерева к дереву к опушке леса. Заметив, что противник был так же неосторожен, как и всегда, он присоединяется к своим аркебузирам, незаметно ведет их вперед и бесшумно размещает за деревьями леса, [1215] приказывая им прицелиться, чтобы не промахнуться по своим людям. В это время начальники Пяти кантонов, предвидя, что этот опрометчивый человек вот-вот начнет боевые действия, приняли решение вопреки своей воле и собрали своих солдат вокруг знамен.

VIII. Цюрихцы, опасаясь, что враг захватит дорогу, ведущую к их столице, направили часть своих войск и орудий на невысокий холм, с которого открывался вид на нее. В тот самый момент, когда невидимые аркебузиры, стоявшие среди буковых деревьев, прицеливались, этот отряд проходил мимо небольшого леса. Глубочайшая тишина царит в этом уединении: каждый, кто находится там, выбирает человека, которого он желает уничтожить, и Эмили восклицает: "Во имя Святой Троицы — Бога Отца, Сына и Святого Духа — Святой Божьей Матери и всего небесного воинства - огонь!" При этом слове из дерева вылетают смертоносные шары, и за этим ужасным выстрелом следует кровавая бойня в рядах Цюриха. Битва, начавшаяся четыре часа назад и которая никогда не казалась серьезной атакой, теперь претерпела непредвиденные изменения. Меч нельзя было возвращать в ножны до тех пор, пока он не будет залит потоками крови. Те из цюрихцев, кто не упал при первом выстреле, ложатся плашмя на землю, так что пули пролетают у них над головами; но вскоре они вскакивают, говоря: "Неужели мы позволим зарезать себя? Нет! давайте лучше нападём на врага!" Лафатер хватается копьё и, врываясь в первые ряды, восклицает: "Солдаты, поддержите честь Бога и наших господ и ведите себя как храбрые люди!" Цвингле, молчаливый и собранный, как природа перед разразившейся бурей, тоже был там с алебардой в руке. "Мастер Ульрик, - сказал Бернارد Спрангли, - поговорите с людьми и ободрите их". "Воины!" - сказал Цвингле, - "Ничего не бойтесь. Если сегодня нам суждено потерпеть поражение, все равно наше дело правое. Вверьте себя Богу!"

Цюрихцы быстро разворачивают артиллерию, которую они тащили, на другой квартал и направляют ее против леса; но их пули, вместо того чтобы поражать врага, достигают только верхушек деревьев и срывают несколько веток, которые падают на застрельщиков. [1216]

Райхмут, землевладелец из Швица, галопом подъехал, чтобы отозвать добровольцев; но, увидев, что битва началась, он приказал всей армии наступать. Немедленно пять знамен двинулись вперед.

БИТВА ПРИ КАППЕЛЕ.

Но стрелки Яуха уже выскочили из-за деревьев и стремительно обрушились на цюрихцев, размахивая своими длинными и заостренными алебардами. - Еретики! святотатцы! — кричали они. - Наконец-то мы поймали вас!" - "Торговцы людьми, идолопоклонники, нечестивые паписты! - отвечали цюрихцы. - Неужели это действительно вы?" Сначала с обеих сторон

посыпался град камней, ранивший нескольких человек; сразу же они вступили в рукопашную. Соппротивление цюрихцев было ужасным. [1217] Каждый нанес удар мечом или алебардой: наконец солдаты Пяти кантонов были в беспорядке отброшены назад. Цюрихцы продвинулись вперед, но при этом утратили преимущества своей позиции и увязли в болоте. Некоторые римско-католические историки утверждают, что это бегство их войск было уловкой, направленной на то, чтобы заманить цюрихцев в ловушку. [1218]

Тем временем армия Пяти кантонов спешно продвигается через лес. Пылая отвагой и гневом, они нетерпеливо ускорили шаги; из гущи буковых деревьев донесся неясный и дикий шум - устрашающий ропот; земля затряслась; можно было бы сказать, что лес издает ужасающий рев или что ведьмы устраивают свои ночные пирушки. [1219] Напрасно храбрейшие из цюрихцев оказывают бесстрашное сопротивление: вальдштетты имеют преимущество в каждой четверти. "Они окружают нас", - кричали одни. "Наши люди бегут", - говорили другие. Человек из кантона Цуг, смешавшийся с цюрихцами и выдававший себя за члена их партии, восклицает: "Бегите, бегите, храбрые цюрихцы, вас предали!" Таким образом, все против Цюриха. Даже рука Того, кто распоряжается битвами, обращается против этого народа. Так было и в древние времена, когда Бог часто наказывал свой собственный народ Израиль ассирийским мечом. Панический ужас охватывает самых храбрых, и беспорядок распространяется повсюду с ужасающей быстротой.

ЗНАМЯ В ОПАСНОСТИ.

Тем временем престарелый Швейцер твердой рукой поднял большое знамя, и все отборные люди Цюриха выстроились вокруг него; но вскоре их ряды поредели. Джон Каммли, которому было поручено защищать знамя, заметив небольшое количество бойцов, оставшихся на поле битвы, сказал знаменосцу: "Давайте приспустим знамя, милорд, и сохраним его, ибо наш народ позорно бежит". — "Воины, сохраняйте твердость", - ответил престарелый знаменосец, которого никогда не поколебала никакая опасность. Беспорядок усиливался — число беглецов увеличивалось с каждой минутой; старик стоял неподвижно, изумленный, как старый дуб, побитый страшным ураганом. Он непоколебимо принимал обрушившиеся на него удары и в одиночку сопротивлялся ужасной буре. Каммли схватил его за руку: "Милорд, - снова сказал он, - опустите знамя, иначе мы его потеряем: здесь больше нельзя пожинать славу!" Баннерет, который уже был смертельно ранен, воскликнул: "Увы! город Цюрих должен быть так наказан!" Затем, оттащенный Каммли, который держал его за руку, он отступил до канавы. Тяжесть прожитых лет и раны, которыми он был покрыт, не позволили ему пересечь ее. Он упал в трясину на дне, все еще держа славное знамя, складки которого упали на другой берег.

Враг подбежал с громкими криками, привлеченный цветами Цюриха, как бык флагом гладиатора. Каммли, видя это, без колебаний прыгает на дно рва и хватается за окоченевшие и умирающие руки своего начальника, чтобы сохранить драгоценное знамя, которое они крепко сжимали. Но все напрасно; руки престарелого Швейцера не выпустят штандарт из рук. "Милорд баннерет! - воскликнул этот верный слуга. - не в вашей власти больше защищать его". Руки баннерета, уже окоченевшие от смерти, все еще отказываются повиноваться; тогда Каммли яростно срывает священное знамя, перепрыгивает на другой берег и мчится со своим сокровищем подалее от шагов врага. Последние цюрихцы в этот момент достигают рва, они падают один за другим на умирающего баннерета и таким образом ускоряют его смерть.

ЗНАМЯ СПАСЕНО.

Однако Каммли, получив огнестрельное ранение, затормозил свой марш, и вскоре вальдштетты окружают его со своими мечами. Цюрихер, держа знамя в одной руке и свой меч в другой, храбро защищается. Один из вальдштеттов хватается за древко, другой хватается за флаг и рвет его. Каммли одним ударом меча рубит первого и, нанося удары вокруг себя, кричит: "На помощь, храбрые цюрихцы! спасите честь и знамя наших лордов". Нападающих становится все больше, и воин вот-вот падет, когда Адам Нафф из Волленвида бросается вперед с мечом в руке, и голова Вальдштета, сорвавшего знамена, катится по равнине, и его кровь заливает знамя Цюриха. Дюмисен, член Малого Совета, поддерживает Неффа своей алебардой, и оба наносят такие сильные удары, что им удается освободить знаменосца. Он, хотя и опасно ранен, бросается вперед, держа в одной руке окровавленные складки знамени, которое поспешно уносит, волоча за собой посох. Со свирепым взглядом и огненным взором он, таким образом, проходит с мечом в руке сквозь гущу друзей и врагов: он пересекает равнины, леса и болота, повсюду оставляя следы своей крови, которая течет из многочисленных ран. Двое его врагов, один из Швица, другой из Цуга, особенно усердствовали в его преследовании. "Еретик! негодяй! - кричали они. - Сдавайся и отдай нам знамя!" — "Сначала ты получишь мою жизнь", - ответил Цюрихер. Затем два враждебных солдата, которых смущали их кирасы, на мгновение остановились, чтобы снять их. Каммли воспользовался этим, чтобы опередить: он побежал; Хубер, Дюмисен и Данцлер из Нэникона были рядом с ним. Таким образом, они все четверо добрались до Хусена, на полпути вверх по Альбису. Им еще предстояло взобраться на самую крутую часть горы. Водопад Хубер покрыт ранами. Дюмисен, генерал-полковник, сражавшийся рядовым, почти добирается до церкви Хусена и там падает бездыханным; а двое его сыновей в расцвете юности вскоре лежат, распростертые на поле битвы, испившем кровь их отца. Каммли делает еще несколько шагов, но вскоре останавливается, измученный и запыхавшийся, возле изгороди, которую ему придется перелезть, и обнаруживает двух своих врагов и других вальдштеттов, бегущих со всех сторон, как хищные птицы, к колеблющемуся штандарту Цюриха. Силы Каммли быстро убывают, его глаза тускнеют, его окружает густая тьма: свинцовая рука приковывает его к земле. Затем, собрав все свои иссякающие силы, он перебрасывает знамя по другую сторону изгороди, восклицая: "Есть ли рядом со мной храбрый цюрихер? Пусть он сохранит знамя и честь наших лордов! Что касается меня, я больше ничего не могу сделать!" Затем, бросив последний взгляд на небо, он добавляет: "Да будет Бог моим помощником!" Он упал, обессиленный этим последним усилием. Подошедший Данцлер отбросил шпагу, перепрыгнул через изгородь, схватил знамя и воскликнул: "С Божьей помощью я унесу его". Затем он быстро взобрался на Альбис и, наконец, поместил древний штандарт Цюриха в безопасное место. Бог, на которого эти воины возлагали все свои надежды, услышал их молитвы, но была пролита самая благородная кровь республики.

Враг одерживал победы на всех участках. Солдаты Пяти кантонов, и особенно Унтервальдена, давно закаленные в миланских войнах, проявили себя более безжалостными по отношению к своим союзникам, чем когда-либо по отношению к иностранцам. В начале сражения Гольдли обратился в бегство и вскоре после этого навсегда покинул Цюрих. Лафатер, генерал-капитан, после доблестного сражения упал в ров. Его вытащил солдат, и он сбежал.

УЖАСНАЯ РЕЗНЯ.

Самые выдающиеся люди Цюриха падали один за другим под ударами Вальдштеттов. [1220] Руди Галлманн нашел великолепную могилу, о которой мечтал, а два его брата, распростертые рядом с ним, оставили дом своего отца в запустении. Тонинг, капитан аркебузирова, погиб за

свою страну, как он и предсказывал. Вся гордость населения Цюриха, семь членов Малого совета, девятнадцать членов из Двухсот шестидесяти пяти жителей города, четыреста семнадцать из сельских округов: отец среди своих детей, брат, окруженный братьями, - лежали на поле.

Герольд Мейер из Кнонау, сын Анны Цвингле; в то время ему было двадцать два года, и он уже был членом совета Двухсот, мужем и отцом, — бросился в первые ряды со всей стремительностью юности. "Сдавайтесь, и ваша жизнь будет сохранена", - кричали некоторые из воинов Пяти кантонов, желавших спасти его. "Для меня лучше умереть с честью, чем сдаться с позором", - ответил сын Анны, немедленно сраженный смертельным ударом, он упал и испустил дух недалеко от замка своих предков.

Министры были теми, кто отдал пропорционально наибольшую дань уважения в этот кровавый день. Меч, орудовавший на высотах Каппеля, жаждал их крови: двадцать пять из них пали под его ударом. Вальдштетты задрожали от ярости, когда обнаружили одного из этих еретических проповедников и с энтузиазмом принесли его в жертву Пресвятой Деве и святым. Пожалуй, никогда еще не было битвы, в которой пало бы в прах столько слугителей Слова Божьего. Почти везде пасторы маршировали во главе своих паств. Можно было бы сказать, что Каппель был собранием христианских церквей, а не армией швейцарских рот. Аббат Йонер, получив смертельное ранение у рта, скончался на виду у своего собственного монастыря. Жители Цуга, преследуя врага, издали крик боли, проходя мимо его тела, вспоминая все хорошее, что он им сделал. [1221] Шмидт из Купраха, находившийся на поле боя среди своих прихожан, пал, окруженный сорока их телами, [1222] Герольдсек, Джон Халлер и многие другие пасторы, возглавлявшие свои паствы, внезапно ужасным и непредвиденным образом встретились с Господом, которого они проповедовали.

ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНИЯ ЦВИНГЛЯ.

Но смерть одного человека намного превзошла все остальные. Цвингле был на самом опасном посту, на голове у него был шлем, на боку висел меч, в руке - боевой топор. [1223] Едва началось действие, как, по словам Дж. Дж. Хоттингера, камень, брошенный сильной рукой Вальдштетта, попал ему по голове и закрыл рот. И все же Цвингле поднялся, когда два других удара, нанесенных ему последовательно по ноге, [1224] снова сбили его с ног. Еще дважды он встает, но в четвертый раз получает удар копьем, шатается и, согнувшись под множеством ран, падает на колени. Разве тьма, которая распространяется вокруг него, не предвещает еще более густую тьму, которая вот-вот покроет Церковь? Цвингле отворачивается от таких печальных мыслей; он снова поднимает голову, которая была такой смелой, и, глядя спокойным взглядом на сочащуюся кровь, восклицает: "Что это за зло? Они действительно могут убить тело, но не могут убить душу!" [1225] Это были его последние слова.

Едва он успел произнести их, как упал навзничь. Там, под деревом (грушей Цвингле) на лугу, он остался лежать на спине, со сложенными руками и устремленными к небу глазами. [1226]

ГОРНИЛО ИСПЫТАНИЙ.

В то время как самые храбрые преследовали рассеянных солдат Цюриха, отставшие жители Пяти кантонов набросились, как голодные вороны, на поле битвы. С факелами в руках эти

негодяи бродили среди мертвых, бросая вокруг раздраженные взгляды и освещая черты своих умирающих жертв тусклым мерцанием этих погребальных факелов. Они переворачивали тела раненых и мертвых; они пытали и раздевали их. [1227] Если они находили кого-нибудь, кто все еще был в здравом уме, они кричали: "Призовите святых и исповедуйтесь нашим священникам!" Если цюрихцы, верные своей вере, отвергали эти жестокие приглашения, эти люди, столь же трусливые, сколь и фанатичные, пронзали их своими копьями или выбивали им мозги прикладами своих аркебуз. Римско-католический историк Салатт из Люцерна хвастается этим. "Их бросили умирать, как неверных собак, или убили мечом или копьем, чтобы они быстрее отправились к дьяволу, с помощью которого они так отчаянно сражались". [1228] Если кто-либо из солдат Пяти кантонов узнавал цюрихца, на которого они затаили обиду, с сухими глазами, презрительным ртом и чертами лица, искаженными гневом, они подходили к несчастному существу, корчившемуся в предсмертных муках, и говорили: "Ну! спасла ли тебя твоя еретическая вера? Ах-ха! сегодня было довольно ясно видно, у кого истинная вера..... Сегодня мы втоптали ваше Евангелие в грязь, и вы тоже, даже вы покрыты своей собственной кровью. Бог, Пресвятая Дева и святые покарали тебя". Едва они произнесли эти слова, как вонзили свои мечи в грудь своего врага. "Месса или смерть!" - было их девизом.

ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНИЯ ЦВИНГЛЯ.

Так восторжествовали Вальдштеты; но благочестивые цюрихцы, скончавшиеся на поле битвы, вспомнили, что у них есть вместо Бога тот, кто сказал: *"Если вы терпите наказание, Бог поступает с вами как с сыновьями; ибо какой же это сын, которого отец не наказывает?"* — *"Хотя он и убьет меня, я все же буду уповать на него."* Именно в горниле испытаний Бог Евангелия прячет чистое золото своих самых драгоценных благословений. Это наказание было необходимо, чтобы отвратить Цюрихскую церковь от "широких путей" мира и вернуть ее на "узкие пути" Духа и жизни. В политической истории поражение, подобное поражению Каппеля, было бы названо великим несчастьем; но в истории Церкви Иисуса Христа такой удар, нанесенный рукой самого Отца, скорее следовало бы назвать великим благословением.

Тем временем Цвингле лежал, вытянувшись, под деревом, недалеко от дороги, по которой проходила масса людей. Крики победителей, стоны умирающих, мерцающие факелы, передаваемые от трупа к трупу, униженный Цюрих, проигранное дело Реформ — все громко зывало к нему о том, что Бог наказывает своих слуг, когда они прибегают к человеческой руке. Если бы немецкий реформатор смог подойти к Цвингле в этот торжественный момент и произнести эти часто повторяемые слова: "Христиане сражаются не мечом и аркебузой, но страданиями и крестом", [1229] Цвингле протянул бы свою умирающую руку и сказал: "Аминь!"

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ БИТВЫ.

Двое солдат, бродивших по полю битвы, приблизились к реформатору, не узнав его: "Ты хочешь, чтобы священник сам исповедался?" - спросили они. Цвингле, не говоря ни слова (потому что у него не было сил), сделал отрицательные знаки. "Если ты не можешь говорить, - ответили солдаты, - то, по крайней мере, подумай в своем сердце о Божьей Матери и призови святых!" Цвингле снова покачал головой, по-прежнему устремив взгляд к небу. [1230] После этого раздраженные солдаты начали проклинать его. "Без сомнения, - сказали они, - ты один из городских еретиков!" Одному из них было любопытно узнать, кто это был, он наклонился и повернул голову Цвингле в сторону костра, который был разведен неподалеку от этого места. [1231] Солдат немедленно позволил ему упасть на землю. "Я думаю, - сказал он, удивленный и

изумленный, - я думаю, что это Цвингле!" В этот момент капитан Фокингер из Унтервальдена, ветеран и пенсионер, приблизился: он слышал последние слова солдата. "Цвингль! - воскликнул он. - Этот подлый еретик Цвингль! этот негодяй, этот предатель!" Затем, подняв свой меч, так давно проданный чужеземцу, он ударил умирающего христианина по горлу, воскликнув в неистовой страсти: "Умри, упрямый еретик!" Уступая под этим последним ударом, реформатор испустил дух: он был обречен погибнуть от меча наемника. "Драгоценна в очах Господа смерть его святых". Солдаты бросились к другим жертвам. Не все они проявили такое же варварство. Ночь была холодной; густой иней покрыл поля и тела умирающих. Протестантский историк Буллингер сообщает нам, что некоторые вальдштетты осторожно поднимали раненых на руки, перевязывали их раны и несли их к кострам, разожженным на поле битвы. "Ах! - воскликнули они. - почему швейцарцы так убивают друг друга?"

Основная часть армии осталась на поле боя возле штандартов. Солдаты беседовали у костров, время от времени прерываемые криками умирающих. В это время вожди, собравшиеся в монастыре, разослали гонцов, чтобы донести весть об их знаменательной победе до конфедеративных кантонов и римско-католических держав Германии.

ВАРВАРСКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ.

Наконец наступил день. Вальдштетты рассредоточились по полю битвы, бегая туда-сюда, останавливаясь, созерцая, пораженные удивлением при виде своих самых грозных врагов, безжизненно расprostертых на равнине; но иногда они также проливали слезы, глядя на трупы, которые напоминали им о старых и священных узах дружбы. Наконец они добрались до грушевого дерева, под которым лежал мертвый Цвингле, и вокруг него собралась огромная толпа. Его лицо все еще светилось выразительностью и жизнью. "У него такой вид, - сказал Бартоломью Стокер из Цуга, который любил его, - он похож на живого, а не на мертвеца. [\[1232\]](#) Таким он был, когда зажигал людей огнем своего красноречия". Все взгляды были прикованы к трупу. Иоанн Шенбруннер, бывший каноник Цюриха, удалившийся в Цуг в эпоху Реформации, не мог сдержать слез; "Каковы бы ни были твои убеждения, - сказал он, - я знаю, Цвингле, что ты был верным сообщником! Да упокоится твоя душа с Богом!"

Но пенсионеры иностранца, с которыми Цвингле никогда не переставал вести войну, потребовали, чтобы тело еретика было расчленено, а часть отправлена в каждый из Пяти кантонов. "Мир мертвым! и только Бог им Судья!" - воскликнули беглец Голдер и землевладелец Тосс из Цуга. Крики ярости ответили на их призыв и вынудили их отступить. Немедленно забили барабаны, призывая собраться; мертвое тело предстало перед судом, и было постановлено четвертовать его за измену Конфедерации, а затем сжечь за ересь. Палач Люцерны привел приговор в исполнение. Пламя поглотило разрозненные члены Цвингле; пепел свиньи смешался с его собственным, и беззаконная толпа, набросившись на его останки, развеяла их по всем ветрам небесным. [\[1233\]](#)

УЖАС ЦЮРИХА.

Цвингле был мертв. Великий свет погас в Церкви Божьей. Как и другие реформаторы, он был могущественнее их Словом, но в действии; но сама эта сила была его слабостью, и он пал под тяжестью своей собственной силы. Цвингле не было сорока восьми лет, когда он умер. Если бы могущество Бога всегда сопровождало могущество человека, чего бы он только не сделал для Реформации в Швейцарии и даже в Империи! Но он орудовал рукой, которую Бог запретил;

шлем покрывал его голову, и он сжимал алебарду. Его более преданные друзья сами были поражены и воскликнули: "Мы не знаем, что сказать!.. Епископ с оружием в руках!" [\[1234\]](#) Разряд прошел облако, удар достиг реформатора, и его тело стало не более чем горстью пыли на ладони солдата.

НАСИЛИЕ НАСЕЛЕНИЯ.

IX. Ужасающая тьма нависла над Цюрихом в течение ночи, последовавшей за мучительным днем Каппеля. Было семь часов вечера, когда поступили первые известия о катастрофе..... поначалу смутные, но тревожные сообщения распространялись с быстротой молнии. Было известно, что был нанесен ужасный удар, но не было известно, какого рода; но вскоре несколько раненых, прибывших с поля боя, прояснили страшную тайну. "Затем, - сказал Буллингер, которому мы позволим высказаться, - внезапно раздался громкий и ужасный вопль плача, стенаний". Ужас был настолько велик, что никто не ожидал такой катастрофы. "Этого не хватит на завтрак", - сказали несколько надменных светских людей. "Одним ударом мы станем хозяевами *Пяти шале*", - сказал другой; а старый солдат добавил с презрительной усмешкой: "Мы скоро разведем эти пять навозных куч". Христианская часть, убежденная, что Цюрих сражается за правое дело, не сомневалась, что победа будет на стороне истины..... Таким образом, за их первым оцепенением последовала яростная вспышка гнева. В слепой ярости толпа обвиняла всех своих вождей и осыпала оскорблениями даже тех, кто защищал свою страну ценой собственной крови. Огромная толпа — взволнованная, бледная и сбита с толку - заполнила все улицы города. Они встречаются, они задают вопросы и отвечают; они задают снова, но ответа не слышно, потому что крики людей перебивают или заглушают голоса ораторов. Советники, оставшиеся в Цюрихе, поспешили в ратушу. Люди, которые уже собрались там толпами, смотрели на происходящее угрожающими глазами. Обвинения в измене срывались со всех уст, и ко всеобщему негодованию указывали на патрициев. У них должны быть жертвы. "Прежде чем идти сражаться с врагом на границах, - заявила толпа, - мы должны защититься от тех, кто находится в наших стенах". Печаль и страх будоражили умы всех. Тот дикий инстинкт народа, который при больших бедствиях приводит его, подобно дикому зверю, к жажде крови, был сильно возбужден.

Рука из гущи толпы указывает на зал совета, и резкий и пронзительный голос восклицает: "Давайте отрубим головы некоторым людям, которые сидят в этих залах, и позволим их крови вознестись на небеса, чтобы молить о пощаде тех, кого они убили".

Но эта ярость ничто по сравнению с той, которая вырывается против министров, против Цвингле и всех тех христиан, которые были причиной (говорят они) разорения страны. К счастью, меч Вальдштеттов оградил их от ярости их сограждан; тем не менее, еще оставались те, кто мог заплатить за остальных. Лео Джуда, которого смерть Цвингля должна была поставить во главе религиозных дел, едва оправился от тяжелой болезни; именно на него они набрасываются. Они угрожают, они преследуют его; несколько достойных граждан уводят его и прячут в своих домах. Ярость этих безумцев не утихает: они продолжают кричать, что за резню в Каппеле должно быть совершено искупление еще более ужасной резней в самих стенах города. Но Бог зажал пасти этим разъяренным хищным животным и усмирил их.

Внезапно горе сменилось яростью, и рыдания заглушили слова самых разъяренных. Все те, чьи родственники шли маршем к Каппелю, воображают, что они входят в число жертв. Старики, женщины и дети выходят в темноте при мерцающем свете факелов, с изможденными глазами и торопливыми шагами; и как только появляется какой-нибудь раненый, они дрожащим голосом расспрашивают его о тех, кого они ищут. Некоторым они отвечают: "Я видел, как он упал рядом со мной.— Он был окружен таким количеством врагов, - говорят они другим, - что у него не было шансов спастись". [1235] При этих словах обезумевшая семья роняет факелы, и воздух наполняется криками и стонами.

ЦВИНГЛЕ МЕРТВ.

Анна Цвингле слышала из своего дома повторяющиеся артиллерийские залпы. Как жена и мать, она провела в ожидании много долгих часов страданий, вознося горячие молитвы небесам. Наконец на нее обрушились одно за другим самые ужасные известия.

Среди тех, чьи крики отчаяния эхом разносились по дороге в Каппель, был Освальд Микониус, который с тревогой спрашивал, что стало с его другом. Вскоре он слышит, как один из несчастных, спасшихся от резни, рассказывает окружающим, что Цвингле пал!

[1236].....Цвингле больше нет! Цвингле мертв! Крик повторяется: он проносится по Цюриху с быстротой молнии и наконец достигает несчастной вдовы. Анна падает на колени. Но потери ее мужа недостаточно: Бог нанес ей другие удары. Гонцы, следующие друг за другом с небольшими интервалами, сообщают ей о смерти ее сына Герольда из Кнонау, ее брата, судебного пристава Рейнхардта, ее зятя Энтони Вирца, Джона Ласки, мужа ее дорогой сестры, а также всех ее самых близких друзей. Эта женщина остается одна — наедине со своим Богом; наедине со своими маленькими детьми, которые, видя ее слезы, тоже плачут и безутешно бросаются в объятия своей матери.

НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ.

Внезапно раздается сигнал тревоги. Совет, сбитый с толку самыми противоположными мнениями, наконец решил созвать всех граждан к Альбису. Но звук набата, эхом разносящийся в темноте, жалобные истории раненых и горестные стоны осиротевших семей еще больше усилили суматоху. Многочисленный и беспорядочный отряд горожан устремился по дороге в Каппель. Среди них валайсонец Томас Платер. Здесь он встречается с человеком, у которого только одна рука, [1237]— там другие, которые поддерживали свои раненые и кровоточащие головы обеими руками;— еще дальше солдат, у которого кишки торчат из тела. Впереди этих несчастных существ идут крестьяне с зажженными факелами, потому что ночь очень темная. Платер хочет вернуться, но не может, поскольку часовые, расставленные на мосту через Зиль, позволяют людям покидать Цюрих, но никому не разрешают возвращаться.

На следующий день известие о позорном обращении с трупом Цвингле вызвало гнев всего Цюриха; и его друзья, подняв затуманенные слезами глаза, воскликнули: "Эти люди могут напасть на его тело; они могут поджечь свои костры и заклеить его невинную жизнь ... но он жив - этот непобедимый герой живет в вечности и оставляет после себя бессмертный памятник славы, который не может уничтожить никакое пламя. [1238] Бог, ради чести которого он трудился, даже ценой своей крови, сделает память о нем вечной". "И я, - добавляет Лео Джуда, - я, на кого он осыпал столькими благословениями, вслед за столькими другими попытаюсь защитить его славу и превознести его добродетели". Таким образом, Цюрих посвятил Цвингле

надгробную речь, полную слез и вздохов, благодарности и криков боли. Никогда не было более красноречивой надгробной речи!

ЦЮРИХСКАЯ АРМИЯ.

Цюрих собрала свои силы. Джон Штайнер собрал на Альбисе несколько разрозненных частей армии для защиты перевала: они расположились бивуаком вокруг своих костров на вершине горы, и все были в беспорядке. Платер, окоченевший от холода (это он сам рассказывает нам об этом), снял сапоги, чтобы согреть ноги у сторожевого костра. Внезапно объявляется тревога, отряд поспешно выстраивается, и, пока Платер готовится, трубач, бежавший с поля боя, хватается свою алебарду. Платер берет его обратно и становится в строй; перед ним стоит трубач, без шляпы и обуви, вооруженный длинным шестом. Такова цюрихская армия.

Главный капитан Лафатер присоединился к армии на рассвете. Постепенно подошли союзники; 1200 граубюнденцев под командованием цюрихского генерал-капитана Фрея, 1500 торговцев, 600 токенбургцев и другие вспомогательные силы вскоре сформировали армию численностью в 12 000 человек. Все, даже дети, бросились к оружию. Совет отдал приказ, чтобы эти молодые люди [1239] должны быть отправлены обратно, чтобы выполнять домашние обязанности с женщинами.

Еще одна неудача вскоре усилила отчаяние реформированной партии. В то время как войска Берна, Цюриха, Базеля и Бьенна численностью в 24 000 человек собирались в Бремгартене, Пять кантонов укрепились в Бааре, недалеко от Цуга. Но Цвингле не хватало в Реформированной армии, и он был бы единственным человеком, способным вселить в них мужество. Порыв ветра повалил несколько елей в лесу, где стояли лагерем цюрихцы, и стал причиной гибели нескольких их солдат, но они не смогли не увидеть в этом сигнала к новым поражениям.

БЕЗДЕЙСТВИЕ бернцев.

Тем не менее Фрей громко призывал к битве, но бернский комендант Дисбах отказался. После этого цюрихский капитан выступил в путь ночью 23 октября во главе 4000 человек из Цюриха, Шаффхаузена, Базеля и Сен-Галля; и, пока бернцы спокойно спали, он обогнул Вальдштетты, вытеснил их аванпосты за Зиль и занял свою позицию на высотах, возвышающихся над Губелем. Его опрометчивые солдаты, полагая, что победа неизбежна, гордо размахивали своими знаменами, а затем погрузились в тяжелый сон. Вальдштетты наблюдали за всем. 24 октября, в два часа ночи, при ярком лунном свете, они покинули свой лагерь в глубоком молчании, оставив гореть костры и надев белые рубашки поверх платьев, чтобы они могли узнать друг друга в темноте. Их лозунгом было "Мария, мать Божья". Они незаметно скользнули в сосновый лес, возле которого стояли лагерем реформированные войска. Люди, стоявшие в передовом охранении цюрихцев, заметив врага, подбежали к кострам, чтобы разбудить своих друзей, но едва они добрались до третьего костра, как появились вальдштеты, издавая устрашающий крик. [1240] "Хар..... Хар.....Хар..... Хар!..... Где эти нечестивые еретики?..... Хар..... Хар..... Хар.... Хар..... Хар?" Городская армия сначала оказала энергичное сопротивление, и многие белорубашечники пали, обливаясь кровью; но это продолжалось недолго. Самые храбрые, во главе с доблестным Фреем, обратились в прах, разгром стал всеобщим, и на поле битвы осталось 800 человек.

Несмотря на все эти невзгоды, бернцы оставались упрямыми и неподвижными. Фрэнсис Кольб, который, несмотря на свой преклонный возраст, сопровождал бернский контингент в качестве капеллана, в проповеди упрекнул небрежность и трусость своей партии. "Ваши предки, - сказал он, - переплыли бы Рейн, а вы — этот маленький ручеек останавливает вас! Они вступили в битву за слово, а вы даже Евангелие не можете сдвинуть с места. Нам остается только верить наше дело Богу". Много голосов было поднято против неосторожного старика, но другие встали на его защиту; и капитан Жак Мэй, будучи так же возмущен, как и престарелый капеллан, промедлением своих сограждан, выхватил шпагу и, воткнув ее в складки бернского знамени, проткнул изображенного на нем медведя и закричал в присутствии всей армии: "Ты, негодяй, неужели ты не покажешь свои когти?" [1241] Но медведь оставался неподвижным.

РАДОСТЬ РОМАНИСТОВ.

Вся Реформация была скомпрометирована. Едва Фердинанд получил известие о смерти закоренелого еретика Цвингля и поражении при Каппеле, как с радостным возгласом передал эти хорошие вести своему брату, императору Карлу Пятому. "Это первая из побед, которым суждено восстановить веру", - написал он. После поражения при Губеле он снова написал, говоря, что, если бы император не был так близко, он бы, не колеблясь, каким бы слабым он ни был, лично бросился вперед с мечом в руке, чтобы положить конец столь праведному предприятию. "Помни, - сказал он, - что ты первый принц в христианском мире и что у тебя никогда не будет лучшей возможности покрыть себя славой. Помогите кантонам своими войсками; немецкие секты погибнут, когда их больше не будет поддерживать еретическая Швейцария". [1242]— "Чем больше я размышляю, - ответил Чарльз, - тем больше я доволен вашим советом. Императорское достоинство, которым я облечен, защита, которой я обязан христианскому миру и общественному порядку, одним словом, безопасность австрийского дома, — все это привлекает меня!"

Уже около двух тысяч итальянских солдат, посланных папой под командованием генуэзца Де л'Изола, развернули свои семь знамен и соединились близ Цуга с армией Пяти кантонов. Не обошлось без вспомогательных войск, дипломатических переговоров и даже миссионеров для обращения еретиков. Епископ Веролийский прибыл в Швейцарию, чтобы с помощью своих друзей и своих денег вернуть лютеран к римской вере. [1243] Римские политики приветствовали победу при Каппеле как сигнал восстановления папской власти не только в Швейцарии, но и во всем христианском мире. [1244] Наконец-то эта самонадеянная Реформация была близка к подавлению. Вместо великого освобождения, о котором мечтал Цвингль, имперский орел, выпущенный на свободу папством, был готов наброситься на всю Европу и задушить ее в своих когтях. Дело свободы погибло на Альбисе.

КОНЕЦ ВОЙНЫ.

Но надежды папистов были тщетны: делу Евангелия, хотя и приниженному в этот момент, было суждено в конце концов одержать славную победу. Облако может скрыть солнце на время, но облако проходит, и солнце появляется снова. Иисус Христос всегда один и тот же, и врата ада, которые восторжествовали на поле Каппеля, не могут одолеть его Церковь.

Тем не менее, казалось, что все приближается к грандиозной катастрофе. Токенбургцы заключили мир и удалились. За ними последовали турговианцы, а затем жители Гастера. Таким

образом, евангелическая армия была постепенно распущена. К этим разногласиям добавилась суровость сезона. Непрекращающиеся штормы с ветром и дождем загнали солдат по домам.

После этого Пять кантонов с недисциплинированными отрядами итальянского генерала Изолы бросились на левый берег Цюрихского озера. Со всех сторон зазвонил набатный колокол; крестьяне толпами возвращались в город со своими плачущими женами, испуганными детьми и скотом, который наполнял воздух угрюмым мычанием. Также было распространено сообщение о том, что враг намеревается осадить Цюрих. Встревоженные крестьяне заявили, что, если город откажется лечить, они будут лечить за свой счет.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАПСТВА.

В совете преобладала партия мира; для ведения переговоров были избраны депутаты.

"Превыше всего сохраняйте Евангелие, а затем нашу честь, насколько это возможно!" Таковы были их инструкции. 16 ноября депутаты из Цюриха прибыли на луг, расположенный недалеко от границы, на берегу Зиля, где их ожидали представители Пяти кантонов. Они перешли к обсуждению. "Во имя самой достопочтенной, святой и божественной Троицы, - начинался договор, - во-первых, мы, жители Цюриха, связываем себя обязательствами и соглашаемся оставить наших надежных и горячо любимых союзников из Пяти кантонов, их горячо любимых сограждан из Вале и всех их приверженцев-мирян и священнослужителей в их истинной и несомненной христианской вере", [1245] отказ от всех злых намерений, уловок и стратагем. И, со своей стороны, мы, представители Пяти кантонов, соглашаемся оставить наших союзников из Цюриха и их союзников во владении их верой". [1246] В то же время Рапперсвиль, Гастер, Везен, Бремгартен, Меллинген и общие судебные округа были переданы Пяти кантонам.

Цюрих сохранил свою веру, и это было все. Когда договор был прочитан и одобрен, полномочные представители сошли с коней, упали на колени и призвали имя Божье. [1247] Затем новый капитан-генерал цюрихцев Эшер, торопливый и красноречивый старик, поднявшись, сказал, поворачиваясь к Вальдштеттам: "Слава Богу, что я снова могу называть вас моими горячо любимыми союзниками!" и, подойдя к ним, он пожал руки поочередно Гольдеру, Хагу, Трогеру, Райхмуту, Маркварту, Зеллгер и Тосс, ужасные победители при Каппеле. Все глаза наполнились слезами. [1248] Каждый дрожащей рукой взял бутылку, подвешенную рядом с ним, и предложил глоток одному из вождей противоположной стороны. Вскоре после этого аналогичный договор был заключен с Берном.

Х. Восстановление папства немедленно началось в Швейцарии, и Рим повсюду проявлял себя гордым, требовательным и амбициозным.

После битвы при Каппеле римское меньшинство в Гларисе вновь взяло верх. Оно выступило вместе со Швицем против Везена и округа Гастер. Накануне вторжения, в полночь, двенадцать депутатов пришли и бросились к ногам вождей швицеров, которые удовлетворились конфискацией национальных знамен этих двух округов, подавлением их судов, отменой их древних свобод и приговором одних к изгнанию, а других к уплате крупного штрафа. Затем месса, алтари и изображения были повсюду восстановлены и существуют до наших дней. [1249] Таково было прощение Швитца!

Страшную месть кантоны намеревались учинить именно в Бремгартене, Меллингене и вольных округах бейливик. Берн отозвал свою армию, и Мутчли, избегавший Бремгартена, последовал за Дисбахом до Арау. Тщетно первый напоминал бернцам, что только по приказу Берна и Цюриха Бремгартен блокировал Пять кантонов. "Подчинитесь обстоятельствам", - ответил генерал. На это несчастный Мутчли, отвернувшись от безжалостного бернца, воскликнул: "Хорошо сказал пророк Иеремия: *"Проклят тот, кто уповает на человека!"* Швейцарские и итальянские банды яростно вторгались в эти процветающие районы, размахивая оружием, налагая большие штрафы на всех жителей, вынуждая евангельских служителей бежать и восстанавливая повсюду на острие меча мессы, идолов и алтари.

На другом берегу озера несчастье было еще большим. 18 ноября, в то время как реформированные жители Реппершвиля мирно спали, полагаясь на договоры, армия из Швица бесшумно перешла деревянный мост длиной почти 2000 футов, пересекающий озеро, и была впущена в город римской партией. Внезапно реформаты проснулись от громкого звона колоколов и нестройных голосов католиков: большая часть покинула город. Однако один из них, по имени Майкл Вольгемут, забаррикадировал свой дом, расставил аркебузы у каждого окна и отразил атаку. Разъяренный враг подтянул несколько тяжелых артиллерийских орудий, осадил эту импровизированную цитадель правильной формы, и вскоре Вольгемут был схвачен и предан смерти в разгар ужасных пыток.

СЕ КОЛЛАМПАДИЙ.

Нигде борьба не была такой ожесточенной, как при Солере: обе партии выстроились в боевой порядок по обе стороны Ара, и румыны уже выпустили по одному ядру в противоположный берег, за ними должно было последовать другое, когда избегающий Венге, бросившись на жерло пушки, искренне закричал: "Сограждане, да не будет кровопролития, иначе пусть я буду вашей первой жертвой!" Изумленная толпа опустила оружие, но семидесяти евангелическим семьям пришлось эмигрировать, и Солейре вернулся под папское иго.

Опустевшие кельи Святого Галла, Мури, Айнзидельна, Веттингена, Рейнау, Святой Екатерины, Эрметшвиля и Гваденталья стали свидетелями триумфального возвращения бенедиктинцев, францисканцев, доминиканцев и всего римского ополчения; священники и монахи, опьяненные своей победой, наводняли страны и города и готовились к новым завоеваниям.

Ветер бедствий дул с яростью: евангелические церкви падали одна за другой, как сосны в лесу, падение которых перед битвой при Губеле вызвало такие мрачные предчувствия. Пять кантонов, преисполненные благодарности Пресвятой Деве, совершили торжественное паломничество в ее храм в Айнзидельне. Капелланы заново совершали свои мистерии в этом заброшенном святилище; аббат, у которого не было монахов, отправил несколько юношей в Швабию для обучения правилам ордена, и эта знаменитая часовня, которую голос Цвингле превратил в святилище Слова, стала для Швейцарии тем, чем она оставалась по сей день, центром власти и интриг папства.

Но этого было недостаточно. В то самое время, когда эти процветающие церкви рушились до основания, Реформа стала свидетелем угасания ее самых ярких огней. Удар камнем сразил энергичного Цвингле на поле битвы, и ответный удар достиг тихого Колумпадия в Базеле, в разгар жизни, которая была полностью евангелической. Смерть его друга, суровые суждения, с которыми они преследовали его память, ужас, внезапно сменивший надежды, которые он питал

относительно будущего, — все эти горести разрывали сердце Николампадия, и вскоре его голова и вся его жизнь печально склонились к могиле. "Увы! - воскликнул он. - этот Цвингль, которого я так долго считал своей правой рукой, пал под ударами жестоких врагов!" [1250] Однако он восстановил достаточно энергии, чтобы защитить память о своем брате. "Гнев Пилата и Силоамская башня пали не на головы самых виновных, - сказал он. Суд начался в доме Божьем; наша самонадеянность была наказана; давайте теперь положимся только на Господа, и это будет неоценимым приобретением ". СЕ Колампадий отклонил призыв Цюриха занять место Цвингле. "Мой пост здесь", - сказал он, глядя на Базеля.

Ему не суждено было долго продержаться. Болезнь обрушилась на него в дополнение ко многим несчастьям; в городе была чума; на него напало сильное воспаление, [1251] и вскоре после волнений Каппеля наступила спокойная сцена. Мирная смерть успокоила взволнованные сердца верующих и сменила сладостными, безмятежными и неземными эмоциями ужас и отчаяние, которыми наполнила их ужасная катастрофа.

Услышав об опасности, грозящей Николампадию, весь город погрузился в траур; толпа людей всех возрастов и званий устремилась к его дому. "Радуйтесь, - сказал реформатор с кротким видом. - я отправляюсь в место вечной радости". Затем он почтил память о смерти нашего Господа вместе со своей женой, родственниками и домочадцами, которые проливали потоки слез. "Этот ужин, - сказал умирающий, - является знаком моей истинной веры в Иисуса Христа, моего Искупителя".

На следующий день он послал за своими коллегами: "Братья мои, - сказал он, - Господь здесь; он зовет меня прочь. О, братья мои, какая черная туча появляется на горизонте, какая буря приближается! Будьте непоколебимы: Господь сохранит своих". Затем он протянул свою руку, и все эти верные служители с благоговением пожали ее.

СМЕРТЬ СЕКОЛАМПАДИЯ.

23 ноября он созвал к себе своих детей, старшему из которых едва исполнилось три года. "Евсевий, Ирина, Алетия, - сказал он им, беря их маленькие ручки, - любите Бога, который есть ваш Отец". Пообещав за них матери, дети удалились с благословением умирающего слуги Божьего. Ночь, последовавшая за этой сценой, была для него последней. Все пасторы собрались вокруг его кровати: "Какие новости?" - спросил СЕКолампадий у вошедшего друга. "Ничего", - был ответ. "Что ж, - сказал верный ученик Иисуса, - я расскажу тебе кое-что новое". Его друзья в изумлении ждали. "Через короткое время я буду с Господом Иисусом". Теперь один из его друзей спросил его, не мешает ли ему свет, и он ответил, приложив руку к сердцу: "Здесь достаточно светло". Забрел день; он повторил слабым голосом 51-й псалом: *Помилуй меня, Господи, по милости твоей*. Затем, сохраняя молчание, словно желая восстановить силы, он сказал: "Господь Иисус, помоги мне!" Десять пасторов упали на колени вокруг его постели с воздетыми руками; в этот момент взошло солнце и осветило своими первыми лучами сцену столь великой и сокрушительной скорби, которой снова была поражена Церковь Божья. [1252]

Смерть этого слуги Господня была подобна его жизни, полной света и покоя. СЕ Колампадий был в особой степени христианским спиритуалистом и библейским богословом. Важность, которую он придавал изучению книг Ветхого Завета, наложила отпечаток на реформатское богословие. [1253] Считался человеком действия, его умеренность и кротость ставили его на второе место. Если бы он смог больше воздействовать на Цвингле своим миролюбивым

настроим, возможно, можно было бы избежать больших несчастий. Но, как и все люди кроткого нрава, его миролюбивый характер слишком сильно уступал энергичной воле цюрихского священника; и таким образом он отказался, по крайней мере частично, от законного влияния, которое мог бы оказывать на реформатора Швейцарии и Церкви.

ГЕНРИ БУЛЛИНДЖЕР.

Цвингле и Колампадий пали. В Церкви Христа была великая пустота и великая скорбь. Разногласия исчезли перед этими двумя гробницами, и ничего нельзя было увидеть, кроме слез. Сам Лютер был тронут. Получив известие об этих двух смертях, он вспомнил дни, проведенные с Цвингле и Колампадиусом в Марбурге; и удар, нанесенный ему их внезапной кончиной, был таков, что много лет спустя он сказал Буллингеру: "Их смерть наполнила меня такой глубокой скорбью, что я сам был близок к смерти". [1254]

Юный Генри Буллингер, которому грозила эшафот, был вынужден бежать из Бремгартена, своего родного города, вместе со своим престарелым отцом, коллегами и шестьюдесятью главными жителями, которые бросили свои дома на разграбление Вальдштеттам. [1255] Через три дня после этого он проповедовал в кафедральном соборе Цюриха: "Нет! Цвингле не умер! - воскликнул Миконий. - Или, подобно фениксу, он восстал из своего пепла. Буллингер был единогласно избран преемником великого реформатора. Он усыновил детей-сирот Цвингле, Вильгельма, Регулу и Ульрика, и попытался заменить им отца. Этого молодого человека, которому едва исполнилось двадцать восемь лет и который сорок лет с мудростью и благословением руководил этой церковью, повсюду приветствовали как апостола Швейцарии. [1256]

РАСКАЯНИЕ ЦЮРИХА.

И все же, как море шумит еще долго после того, как утихла сильная буря, так и жители Цюриха все еще пребывали в волнении. Многие были взволнованы сверху. Они пришли в себя; они признали свою ошибку; оружие их войны было плотским; теперь они были кающимися и смиренными духом; они встали, пошли к своему Отцу и исповедали свой грех. В те дни в Цюрихе был большой траур. Некоторые, однако, поднялись с гордостью, устами своих министров выразили протест против работы дипломатов и смело заклеили позорное соглашение. "Если пастухи спят, собаки должны лаять", - воскликнул Лео Джуда в Цюрихском соборе. "Мой долг - предупредить о зле, которое они собираются причинить дому моего Хозяина". [1257]

Ничто не могло сравниться с печалью этого города, кроме ликования Вальдштеттов. Грохот барабанов и флейт, стрельба из ружей, звон колоколов издавна раздавались на берегах их озер и даже в самых высоких долинах. Теперь шума стало меньше, но эффект возрос. Пять кантонов, в тесном союзе с Фрибургом и Солером, образовали постоянный союз для защиты древней христианской веры с епископом Сиона и десятиной Вале; и с тех пор они смело проводили свои меры в федеральных делах. Но в тот период в сердцах швейцарских реформаторов сформировалось глубокое убеждение. "Вера исходит от Бога, - говорили они. - ее богатство не зависит от жизни или смерти человека. Пусть наши противники хвалятся нашим поражением, мы будем хвалиться только на Кресте". [1258] "Правит Бог, - писал Берн в Цюрих, - и он не допустит, чтобы кора затонула". Это убеждение принесло больше пользы, чем победа Каппеля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таким образом, Реформация, отклонившаяся от правильного пути, была отброшена самой силой удара в свое первоначальное русло, не имеющее никакой другой силы, кроме Слова Божьего. Непостижимое увлечение овладело друзьями Библии. Они забыли, что наша война не плотская; и они взывали к оружию и битве. Но Бог царствует: он наказывает церкви и людей, которые уклоняются от его путей. Таким образом, мы взяли несколько камней и сложили их в виде памятника на поле битвы при Каппеле, чтобы напомнить Церкви о великом уроке, который преподает эта ужасная катастрофа. Прощаясь с этой печальной сценой, мы начерчиваем на этих монументальных камнях, с одной стороны, следующие слова из Божьей Книги:

"Некоторые полагаются на колесницы, а некоторые на коней; но мы будем помнить имя Господа, Бога нашего. Они повержены и пали, но мы восстали и стоим прямо." А с другой - это заявление Главы Церкви: *"Царство Мое не от мира сего."* Если бы из праха мучеников в Каппеле мог раздаться голос, то именно к этим словам Библии эти благородные исповедники обратились бы спустя три столетия к христианам наших дней. Что у Церкви нет другого царя, кроме Иисуса Христа; что она не должна вмешиваться в политику мира, черпать в ней свое вдохновение и призывать к ее мечам, ее тюрьмам, ее сокровищам; что она будет побеждать духовными силами, которые Бог вложил в ее лоно, и, прежде всего, правлением своего обожаемого Главы; что она не должна ожидать земных тронов и смертных триумфов; но что ее шествие подобно шествию ее Царя, от яслей к кресту и от креста к короне: таков урок, который следует прочесть на кровавом кресте, запятнанная страница, которая вкралась в наше простое и евангельское повествование. **Ошибка! Закладка не определена.**

Но если Бог преподает своему народу великие уроки, он также дарует им великое освобождение. Молния упала с небес. Реформация казалась не более чем безжизненным телом, громоздящимся на земле, чьи расчлененные конечности вот-вот должны были превратиться в пепел. Но Бог воскрешает мертвых. Новые и еще более славные судьбы США ожидали Евангелие Иисуса Христа у подножия Альп. На юго-западной оконечности Швейцарии, в большой долине, на которую издаലെка указывает белый гигант гор; на берегах озера Леман, в том месте, где Рона, чистая и голубая, как небо над ней, катит свои величественные воды; на небольшом холме, по которому когда-то ступала нога Цезаря и по которому ступали шаги другого завоевателя, галла, пикардинца [1260] которым было суждено вскоре оставить свои неизгладимые и славные следы, стоял древний город, пока еще покрытый густой тенью папства; но который Бог собирался воздвигнуть, чтобы он стал маяком для Церкви и оплотом христианского мира.

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОГО ТОМА.

СНОСКИ:

[1] Левит. xxiv. 22.

[2] 2 Фес. ii.

[3] Лука xix. 40.

[4] См. Том. III. книга x. глава xiv. Сейм в Спайре, состоявшийся в 1526 году, не следует путать с сеймом 1529 года, на котором состоялся протест.

[5] Слэйдан, Историческая справка, книга vi.

[6] Христос фарисейский, яростный, невидимый.— (Второе дополнение. ii. стр. 46.)

[7] Дополняющий перевод.— (CochlœS, стр. 138.)

[8] Единодушный плебис и рустикорум.— (Улитка.) Multis millibus hominum accurrentibus.— (Seckend. ii. p. 48.)

[9] Populum a sacris avertabant.— (CochlœUs, стр. 138.)

[10] Служители закона, всадники и стабулярии, идиоты, раздражительные, склонные к глаголу Домини.— (CochlœUs, стр. 138.)

[11] Глагол Домини Мане в Оригине.— (Там же)

[12] Закоренелый враг и импиос узус нитендум эссе.— (Разд. ii. стр. 46.)

[13] Это дополняет всю историю болезни, у ferculis portabantur carnes coctae y diebus jejunii, aperte y conspec nitotius auditorii.—(CochlœUs, стр. 138.)

[14] Анналы Спалатини.

[15] Germaniae populi Lutherico fermento inescati, et in externis quoque nationibus, gravissimi erant motus.—(Cochlœus, p. 138.)

[16] 1 Царств ii. 4.

[17] Некоторые историки, похоже, считают, что эти инструкции были сообщены на самом деле при открытии диеты. Ранке показывает, что это было не так; но добавляет, что он не видит причин, по которым комиссары должны были считать себя уполномоченными выдвигать какие-либо другие предложения. Мотивы, которые я назвал, кажутся мне истинными. Ниже я объясню, почему комиссары впоследствии вернулись к императорским инструкциям.

[18] Всеобщая свобода действий. Sed rejectum est quia sic omnis doctrina et eruditio theologica interitura esset.—(Seckend. ii. p. 45.)

[19] Civitatum suffragia multum valuerunt.—(Там же)

[20] Саксонский курфюрст, согласный с истиной, в евангелической доктрине фирми.— (Второе дополнение. ii. стр. 48.)

[21] Список лютеранских веналов по всему миру.— (CochlœUs, стр. 138.)

[22]

Dass die Schrift sie nicht verführe,
Durft ihr keinen nicht studir.—(L. Opp. xix. p. 536.)

[23] Doch war ihr küch nimmer leer.—(Ibid.)

[24] L. Opp. xix. стр. 535. Джоэл i. 4.

- [25] Либелли, парвули кидем мол, зараза перкам грандес, сермо Лютери Тевтонский за разрушение Иерусалима.— (CochlœUs, стр. 138.)
- [26] Вирд мужской, дневной, стирка мехового белья.— (Lut. Opp. xiv. (L.) стр. 226.)
- [27] Грайффен—Готт-цу-фреш в ден-Барте.- (Там же.) Deo nimis ferociter barbam vallicant.— (Cochlœus.)
- [28] Perquam plurima vendebantur exemplaria.— (CochlœUs, стр. 139.)
- [29] Non solum plebs et rustica turba, verum etiam plerique optimatum et nobilium trahebantur in favorem novi Evangelii, atque in odium antiquæ religionis.—(Cochlœus, p. 160.)
- [30] Слейден, История. de la Ref. liv. vi. стр. 229.
- [31] 1 Цар. xvi. 14-23; Матф. ii.
- [32] Слейден, История. де ла Реф. лив. vi.; Буллар. Mag. роман. х.
- [33] Ferdinandus, ut audio, graviter minatur.— (Ссылка на корп. i. p. 801.)
- [34] Император поллицетур... Дал немо свое обещание двигаться дальше. Spero Deum defensurum esse suas Ecclesias.—(Ibid.)
- [35] Unusquisque in sua ditioe ita se gereret ut rationem Deo et imperatori reddere posset.— (Seckend. ii. p. 41.)
- [36] Картофель и люди, претериа низшая.— (L. Epp. iii. стр. 126.)
- [37] Конгресс танцует, но не продвигается вперед.
- [38] Смотрите том II. книга vii. глава viii.
- [39] Хауг Марс мел, по фамилии Зеллер.
- [40] Каполи Императ. Rescriptum ad Clementis Septimi criminationes.—(Goldasti, Constitut. Imperiales, i. p. 479.)
- [41] Пасторство без варенья — это заслуга коммунистического патриотизма, это превосходство и дерзость номен.- (Там же, стр. 487.)
- [42] Cum id ab evangelica doctrina, prorsus alienum videtur.—(Ibid. p. 489.)
- [43] Утрийский закон о Верховном Папском престоле—(Turrecremata de Potestate Papali.)
- [44] Исход. xxi. 24.
- [45] Откровение. xviii. Однако нам не следует ограничивать это предсказание неполным разграблением 1527 года, от которого город вскоре оправился.
- [46] Гвиччардини, История войн в Италии, книга xviii. стр. 698.
- [47] Повсеместный визит папы, полное уничтожение; конец света и гора смерти.— (Лютер Осману, 10 января 1527 г. Epp. iii. стр. 156.)

[48] Ланц, lanz, гелт, gelt.

[49] Cum vero hastas ducibus obverterent indignatione et ægritudine animi oppressus, Fronsbergius subito in deliquium incidit, ita ut in tympano quod adstabat desidere cogeretur, nullumque verbum proloqui amplius posset.—(Seckend. ii. p. 79.)

[50] Гвиччардини, том ii. стр. 721.

[51] С тех пор, как Урбан VIII построил новую стену. на вершине Яникулума врата Святого Духа и Селтимианы пришли в негодность.

[52] Иовий Вита Помпейской колонны, стр. 191; Ранке, Немецкая история. ii. стр. 398.

[53] Гвиччардини, ii. стр. 724.

[54] Священные вести профанов, нуждающихся в помощи.— (CochlæUs, стр. 156.)

[55] Войны Италии, ii. стр. 723.

[56] Eundem civem seu curialem haud raro, nunc ab Hispanis, nunc a Germanis ære mutuato redimi.—(Cochlæus, p. 156.)

[57] Вооруженные силы Италии призывают левассе к восклицанию: Папа Лютер! Папа Лютер! — (CochlæUs, стр. 156.)

[58] Ромам ноллем экзустам, великий эним портентум эссет.— (Epp. iii. стр. 221.)

[59] Metuo bibliothecis.— (Ссылка на корп. i. стр. 869.)

[60] У Цезаря за папу Лютерова сына, за папу лютерова бога всего мира.— (L. Epp. iii. стр. 188.)

[61] *Выше*, т. III. b. xi. ch. x.

[62] Роммель, Фил. von Hesse, i. p. 128.

[63] Nunc cum familiola mea panem manduco et potum capio in mensura.—(Lamberti Commentarii de Sacro Conjugio.)

[64] Cum statura homines hujusmodi esset ut inter Pygmæos internosci difficulter posset, scabellum sibi dari postulabat, eoque conscenso, cœpit, &c.—(Othon. Melandri Jocorum Cent.)

[65] Вана есть всеобщее преобразование, требующее согласия.— (Парадокса Ламберти: Летопись Скульптети.)

[66] Ecclesia est congregatio eorum как единое целое духа.— (Парадокса Ламберти: Летопись Скульптети.)

[67] В равной степени оспаривается. Illam ne quidem attigerim.—(Othon. Мел. Джок. Цент.)

[68] Спасибо, туманность! qui quod impugnes infirmesque invenire haud possis! hisque dictis scabellum ei mox subtrahit, ut miser ille præseps in lutum ageretur.—(Oth. Mel. Joc. Цент.)

[69] Fulgura impietatum, тонитруа богохульная.

[70] Настоящий эним прежде всего: Эго утверждает чистилище; алиус, Эго оспаривает парадоксальную титульную сексту и т.д.— (Эпистола Ламберти до двоеточия.)

[71] Эту конституцию можно найти в Schminke, Monumenta Hassiaca, том ii. стр. 588: "Pro Hassiae Ecclesiis, et si deinde nonnullæ *aliæ* ad idem *nostro exemplo* provocarentur".

[72] Синод *in nomine Domini congregata*.— (Там же)

[73] Не относится к неразумным.— (Там же, глава 3.)

[74] Недопустимый глагол *aliud quam ipsius pastoris nostri*.— (Шминке, Монуменга Хасиака, глава 2.)

[75] Si quis pius, in verbo sancto et exercitatus, docere petit verbum sanctum, non repellatur, a Deo enim interne mittitur.—(Ibid. cap. 23.)

[76] Ne quis putet, nos hic per episcopos, alios intelligere, quam ministros Dei verbi.—(Ibid.)

[77] Право задавать вопросы церкви, епископу суум.— (Там же, загл. 23.)

[78] Manus imponant duo ex senioribus, nisi alii episcopi intersint.— (Там же, загл. 21.)

[79] Депонат ecclesia episcopum suum, вопрос к судебному суду по голосу пастора.— (Там же. загл. 23.)

[80] Alit quævis ecclesia episcopum suum sicque illi administret ut cum sua familia vivere possit.— (Schminke, Monumenta Hassiaca, cap. 23.)

[81] Fiat conventus fidelium in congruo loco, ad quotquot ex viris in sanctorum numero habentur.....Церковь Христа должна быть отлучена от церкви.—(Там же, загл. 15.)

[82] Молитесь за всех, кто прославляет синод Гессии в Марпургуме, терция Доминики после пасхи.— (Там же, глава 18.)

[83] Universi episcopi..... Вселенская церковь, конгрегирующая и обладающая правом на исход единого пленума веры и Духа Божьего.— (Там же.)

[84] Реттиг, Свободная церковь.

[85] Таково мнение, изложенное в "*Символике*" доктора Мелера, самого знаменитого защитника римской доктрины среди наших современников.

[86] Туций эним и салюбрий эссет, отец семейства, живущий в Евангелии.- (L. Opp. lat. ii. стр. 363.)

[87] По обычаю папистов, не являющихся священными, Они сами являются священными сатаны, тантум и Христос вместе взятые.— (Там же. стр. 364.)

[88] Публичная речь о приватизации. — (Там же. стр. 370.)

[89] Право на получение информации. Tum impositis super eos manibus, sint hoc ipso vestri episcopi, vestri ministri, seu pastores.—(L. Opp. lat. ii. p. 370.)

[90] In æde parochiali evangelico more docebat, in filiali missi fiabat.—(Seck. p. 102.)

- [91] Так называется папистская ложь и ностра современности.— (L. Epp. iii. стр. 224.)
- [92] Als oberster vormund der Jugend und aller die es bedurften, soll sie mit Gewalt dazu halten.—(L. Epp. iii. p. 136.)
- [93] Непубличный, распущенный и всеобщий плебей.— (De Missa German.)
- [94] Как номинация сама по себе в справочнике catalogum, добавляет он.— (Там же.)
- [95] Отлучение Христианина от Церкви больше не имеет отношения к нему.— (De Missa German.)
- [96] Никогда не прекращайте жить в одиночестве.— (Там же)
- [97] Доктор Деветт считает, что это письмо Лютера (L. Epp. iii. стр. 352). Мне, как и доктору Бретшнейдеру, кажется очевидным, что это дело рук Меланхтон. Лютер никогда не заходил так далеко на пути уступок.
- [98] Квантовое исследование потенции головного мозга, сетчатки.— (Корр. Ссылка ii. стр. 990.)
- [99] вульгарно нет ничего нового.— (Там же)
- [100] Non aboleas eam totam (латинская месса): satis est alicubi miscere Germanicas cantationes.—(Там же.)
- [101] Хранитель вестей об усопших в святилище.— (Корр. ссылка. ad Jonam, 20 декабря 1527 г.)
- [102] Вель си Цвинглиус об основных положениях сб.— (Корр. Ссылка. ii. стр. 910.)
- [103] Другим причинам.— (Камера. Вита Меланхтон, стр. 107.)
- [104] Монстр немецкой части, септический лютер.— (CochlœUs, стр. 169.)
- [105] Жестокость и неумелость, многочисленные наложницы и картофелекопатели порочны. — (Второе дополнение. стр. 102.)
- [106] Евангелический аукцион в Церкви, не являющейся агностиком, по сути, претендент на то, чтобы воцарить пасторов Христовых после смерти. — (Второе дополнение. i. стр. 245.)
- [107] Не модальный корпус, а этимический корпус животных.— (Второе дополнение. ii. стр. 121.)
- [108] Ресиус, cucullum indutus, suggestum ascendit.—(Scultet. Энн. стр. 93.)
- [109] Аликвота смерти марито в кубическом механизме обнаружения.— (Второе дополнение. ii. стр. 122.)
- [110] Статуя Марехо в замурованном виде.— (L. Epp. ad Lenkium, iii. стр. 296.)
- [111] Откровение xii. 11.

- [112] Die sollen mit den Feuer Schwerdt oder Wasser gestraft werden.—(Ferd. Мандат. L. Opp. xix. стр. 596.)
- [113] Contra hostes sacramentarios strenue nobiscum certare.— (Еpp. Ленку, 14 июля 1528 г.)
- [114] Самолюбие сангвиника позднего в сумме, этиам уби меритум изобильный.— (Там же)
- [115] Нулевой прием опоссума ложными докторами Запада.— (Посл. Ленку, 14 июля 1528 г.)
- [116] Я не хочу вмешиваться, пострадать из—за авиационного местоположения, ни в коем случае не иметь собственных денежных средств.- (Cochl. стр. 152.)
- [117] Я использую licebit, servatoris nostri nomen profiteri nunquam intermittam.— (Scultet. ii. стр. 110.)
- [118] Инсенсо джем игне, клара во время воззвания: *Да здравствует Иисус! Спаси меня!*— (Второе дополнение. ii. стр. 85.)
- [119] Tam impar verbosus prædicator, illi tam potenti verbi operator.—(L. Epp. iii. p. 1214.)
- [120] Si quis dixerit fidem non esse veram fidem, licet non fit viva, aut eum qui fidem sine charitate habet, non esse christianum, anathema sit.—(Конс. Пятница. Сессия. 6, стр. 28.)
- [121] Не нужно искать мирари, чтобы избежать ожидаемых реформ.— (Второе дополнение. ii. стр. 101.)
- [122] 2-е Коринфянам xi. 3.
- [123] Homo erat versutus, et præterea prodigus, quo vitio ad alia inductus est.—(Seckend. ii. p. 94.)
- [124] Ее еще предстоит увидеть в архивах Дрездена.
- [125] Cui filum sericum circligatum, et sigillum cancellariae impressum erat.— (Разд. ii. стр. 94.)
- [126] Хортлебер, Де Белло Германико, ii. стр. 579.
- [127] Мы подтверждаем видимость архетипа, поминаем σφράγιδας.— (Ссылка на корп. i. стр. 986.)
- [128] Incensus от Mirabiliter erat.— (Ссылка на корп. i. стр. 986.)
- [129] Venditisque templorum donariis.— (Разд. ii. стр. 95.)
- [130] Сравнение достоверности Magno studio с ambo exercitum.— (Cochl. стр. 171.)
- [131] Общие объекты, не связанные с левитацией, суть ностро—анимус.- (Корп. Ссылка ii. стр. 986.)
- [132] Подготовка Ландграфа к противостоянию в защиту прав человека.— (Разд. ii. стр. 95.)
- [133] Man darf den Teufel nicht über die Thür malen, noch ihn zu gevattern bitten.—(L. Epp. iii. p. 321.)
- [134] Средство для борьбы с яростью.— (Ссылка на корп. i. стр. 988.)
- [135] Εν ὑποτασὶ θεοῦ.— (Там же. стр. 988.)

- [136] Wir fühlten dass wir betrogen waren.—(Hortleber, iv. p. 567.)
- [137] Копп. Гесс. Gerichts.—Верфь. i. с. 107.
- [138] Сангвиники ненасытны, не спешат, низы Германии сангвиники стали разумными. 14 Июня 1528 года.
- [139] Без каких—либо серьезных конфликтов.- (Ссылка на корпорацию, i. p. 988.)
- [140] Hæc minæ apud inimicos odia auxerint.— (Ссылка на корпорацию на стр. 985.)
- [141] Северное сияние. "Великая пропасть, в которой нет ничего общего с иллюминацией". — (Л. Эпп. iii. стр. 420.)
- [142] Si vera sunt, diem Christi præcurrunt hæc monstra.— (Там же, стр. 438.)
- [143] Adspectum τετραγώνων Saturni et Jovis.— (Ссылка на корп. i. стр. 1075.)
- [144] Эго не левитирует самостоятельно или его ребус.— (Там же. стр. 1076.)
- [145] Нунквам фюит танта частотных уллиских согласительных ὀρχιερῶν квантов в его книге.— (Corp. Ref. стр. 1039.)
- [146] Могантиум и тревиренсем с арматурным комитетом.— (Второе дополнение. ii. стр. 129.)
- [147] Вульгарно значимый квантовый номер, и кроме машинного оборудования.— (Corp. Ref. i. p. 1040.)
- [148] Pfalz kennt kein Sachsen mehr.—(Epp. Alberti Mansfeld.)
- [149] Противники участвуют в процессе изменения темпа жизни.— (L. Epp. iii. стр. 438.)
- [150] Alii exclusum Spiræ, alii ademtum electoratum.—(Там же)
- [151] За спасение Христа и бедных народов.— (Ссылка на Корп. i. стр. 1040.)
- [152] Христос есть день в манибу Каиафи и Пилати.— (Юнг Бейтраге, стр. 4.)
- [153] Vociferatus est Turcos Lutheranis meliores esse.— (Ссылка на корп. стр. 1041.)
- [154] Основные положения священного писания, касающиеся ветеранских ошибок Церкви.— (Там же, стр. 1046.)
- [155] Фабер лапидат не является частным лицом concione.—(Тамже.)
- [156] Некий католикос свободной религии, осуществлявший импедирию дебри, впоследствии покинул свой лютеранский дом в полном объеме.— (Второе дополнение. ii. стр. 127.)
- [157] Слэйдан, i. стр. 261.
- [158] Das wort Gottes zu wiederrufen oder aber brennen.—(Jung Beyträge, p. 37.)
- [159] Артикель был бешлоссен.— (Юнг Бейтр. стр. 90.)

[160] Существует две копии этого акта; одна из них краткая, а другая, более длинная, была передана в письменном виде имперским комиссарам. Именно из последней мы извлекаем отрывки из текста. Оба они будут найдены в книге Юнга Бейтраге, стр. 91-105. See also Müller's *Historie der Protestation*, p. 52.

[161] Ein jeglicher fur sich selbt vor Gott stehen.—(Jung Beyträge, p. 96.)

[162] Allein Gottes wort, lauter und rein, und nichts das dawieder ist.—(Jung Beyträge, p. 101.)

[163] Also zu verritten urlaub genommen.—(Jung Beyträge, p. 52.)

[164] Пердуэллы в Понтифике Цезаря.— (Паллавичини, С. Т. I., стр. 217.)

[165] Повсеместный портал omnia verbo vertutis suæ.—(Госпиталь. Хист. Sacr. ii. p. 112.)

[166] Χάριν γάρ τῇν δόρατον μετὰ των συμβόλων ὁράτων.—(Там же.)

[167] Лаборатория Omni studio в illos uniret— (Разд. ii. стр. 127.)

[168] В книге "Эо мансурос эссе", посвященной пассурасам и их человеческому механизму, посвященному разделению.— (Второе дополнение. ii. стр. 121.)

[169] Верглейх артикель.— (Юнг Бейтраге, стр. 55.)

[170] In diesen Schweren Sachen, nichts mit Gewalt noch Schwerdt, sondern mit Gottes gewissem wort.—(Ibid p. 59.) Этот документ принадлежит перу Штурма.

[171] Cyclops ille nunc ferocem se fecit.— (Corp. Ref. i. p. 1062.)

[172] Основной ингредиент смазки — стимулирующие кальции.- (Там же.)

[173] De quo reliquum est ut invocemus Filium Dei—(Там же)

[174] Unten in einem Kleinen Stüblein.—(Jung Beyträge, p. 78. Instramentum Appellationis.)

[175] Membra unius corporis spiritualis Jesu Christi et filii unius patris cœlestis, ideoque fratres spirituales.—(Seckend. ii. p. 130.)

[176] Деяния i. 14.

[177] Миранти задается вопросом о причинах торжества танцев.— (Camerarius Vita. Mel. стр. 113.)

[178] Фабер, действительно, оскорбляет ораторов тали, непохожих друг на друга.— (Там же)

[179] Ereptus quasi e faucibus eorum qui sitiunt sanguinem innocentium.—(Mel. ad Camer. 23 апреля, Corp. Ref. i. стр. 1062.)

[180] Богатая армата, отвечающая за манус и понимание Великой миссии.- (Камера. Вит. Мел. стр. 113.)

[181] Ita fuit perturbatus ut primis diebus pene extinctus sit.—(Corp. Ref. i. p. 1067)

[182] Non enim tantum imperium, sed religio etiam periclitantur.—(Там же)

[183] Адская долорес, угнетающая меня.— (Там же, и стр. 1069.)

[184] Кристо мастиджес и психо-тираннизм произвели фурор без потенциального исследования.— (L. Epp. Линко, 6 мая 1529 г.)

[185] Illatamque Christo injuriam pro viribus ulciscuntur.—(Dumont, Corp. Университет. Diplomatique, iv. p. 1, 5.)

[186] Исаия XXX. 15. Л. Эпп. iii. стр. 454.

[187] Уберите ее. Christus, &c.—(Ibid.) Эта уверенность Лютера шокирует лютеранского историка—Планк, ii. с. 454.

[188] In the writing entitled, *Dass diese Worte noch feste Stehen*.—(L. Opp. xix.)

[189] *Amica exegesis*, то есть Изложение евхаристических переговоров М. Лютера.— (Zw. Opp.)

[190] Лютеранское предупреждение.— (L. Opp. xix. стр. 391. *Wider die Schwärmgeister*.)

[191] Между религиозными доктринами нет согласия.— (Zw. Epp. ii. стр. 287.)

[192] Через Франкофурди капиас, где—то там, где перикүлозиорем, находится путамус.- (Там же, стр. 312.)

[193] *Juvante Deo tuti*.—(Zw. Epp. ii. p. 329.)

[194] Папистское дело и партнерство.— (Ссылка на Корп. i. стр. 1066.)

[195] Си потес, ноли адессе.— (L. Epp. iii. стр. 501.)

[196] *Ut veritatis splendor oculos nostros feriat*.—(Zw. Epp. ii. p. 321.)

[197] Смотрите ниже, книга xvi. глава. ii. anno 1529.

[198] Кто—то упал духом, кто-то остался без памяти, кто-то заслужил репутацию.- (Zw. Epp. ii. стр. 356.)

[199] Суббота умрет, до рассвета, 1 сентября.— (Там же)

[200] *Equis conductoriis*.— (Zw. Epp. ii. стр. 361.)

[201] "Туфелька веры" имма гезина.— (Буллинг. ii. стр. 224.)

[202] Первенство целого и святого Базилиама.— (Zw. Epp. ii. стр. 361.)

[203] *Aliquos mercatorum fide dignos*, комитеты.— (Там же)

[204] *Ich bin 14 Tag magd und Köchin gewesen*.—(Fussl. Бейтр. v. стр. 313.) Посмотрите ее замечательную переписку с суперинтендантом Рабусом. — (Там же. стр. 191-354.)

[205] Президентский совет де-юре по гражданским делам христиан.— (Там же, v. стр. 364.) Смотрите книгу xvi этой Истории.

[206] За девию и сильву, монтеса и долины, тутиссимоса и оккультистов.— (Там же, стр. 368.)

- [207] За исключением случаев, когда речь идет о госпитализации и регалиях.— (Ссылка на корпорацию на стр. 1096.)
- [208] Ответ Subridens aliquantulum: *ты рядом с туманностью*.— (Летопись Скульптети, 1529 г. н.э.)
- [209] Государственные документы Касселя.
- [210] Abgetheilt zu den rühren.—(Bull. ii. p. 225.)
- [211] Кто виноват в повторном слушании, в словах божественного наставления?— (Zw. Opp. iv. стр. 191.)
- [212] Слово *Реформированный* используется для отличия доктрины и церкви Цвингля и Кальвина от доктрин Лютера.
- [213] Люди и словесный мозг, люди и добровольные помощники человека.— (Zw. Epp. iv. стр. 173.)
- [214] Малум, грешок.— (Там же, стр. 172.)
- [215] О грехе оригинала на английском языке. Регион.— (Там же, iii, стр. 632.)
- [216] Atque adeo ipse non negarim, aquam baptismi esse aquam regenerantem: fit enim puer ecclesiae, qui dudum ab ecclesia non agnoscebatur.—(Zw. Opp. iv. p. 193.)
- [217] Лютеранский католический собор, за исключением этого, и мой вопрос о моллюсках, который произошел в Eccium incidisse.— (Zw. Epp. ii. стр. 369.)
- [218] At Melancthon, cum nimis lubricus esset et Protei in morem se in omnia transformaret, me compulit, ut sumpto calamo manu armarem.—(Ibid.)
- [219] Я изучаю коллоквиум "Секс в horas traximus".— (Там же. 370.)
- [220] Quinquaginta aut sexaginta colloquio præsentes.— (Zw. Opp. iv. стр. 201.) Pauci arbitrii ad summum quatuor et viginti.—(Epp. ii. p. 370.)
- [221] Это мое тело.— (Zw. Opp. iv. стр. 175.)
- [222] В книге Цвинглио агресте "Что такое справедливость и высокомерие".— (Ссылка на корпорацию, i. p. 1097.)
- [223] Признаки процесса.— (Булл. ii. стр. 236.)
- [224] И купидон подавляет вобис, Церковь вот Вестрос кадит кожу и ноги.—(Бык. ii, стр. 236.)
- [225] Главное в математике.— (Zw. Opp. iv. стр. 175.)
- [226] Если кто-либо отрицает, что тело и кровь нашего Спасителя Иисуса Христа с его душой и его божественностью, а следовательно, и весь Иисус Христос (totum Christum), содержатся в таинстве Евхаристии, да будет предан анафеме. (Тридентский собор, Sess. 13.)
- [227] Персона Тота Кристи.- (Форма. согласие. viii.)

- [228] Квалис эст карнис бовилл сам по себе.— (Scult. стр. 217.)
- [229] Что касается права, то оно мундусное; и везде осквернение слов.— (Zw. Opp. iv. стр. 176.)
- [230] *Человек должен* что—то прививать.— (Там же)
- [231] Si juberet fimum comedere, facerem.— (Там же)
- [232] Anima non edit ipsum (corpus) corporaliter.— (Zw. Epp. ii. стр. 370.)
- [233] Смотрите его Комментарий к святому Луке (xxii. 19, 20.)
- [234] Он добавил, что тело Христово не было в Евхаристии ни математически, ни соизмеримо, ни реально (neque mathematice seu composurative, neque re ipsa).— (Послание. Lamb. de Marb. col.)
- [235] Si interrogo, excido a fide.— (Zw. Epp. ii. стр. 177.)
- [236] Инвидиозный локерис.— (Булл. ii. стр. 228.)
- [237] Вернемся к кантиленам.— (Zw. Opp. iv. стр. 221.)
- [238] Глагол истудирован, танкам кастрации и круэнтума.— (Хоспин. стр. 131.)
- [239] Том. III. Книга ix.
- [240] Никто не может действовать против природы, модно действовать против фидема.— (Zw. Opp. iv. стр. 178.)
- [241] 2 Кор. v. 16.
- [242] Pro carnalibus affectibus.— (Zw. Opp. iv. стр. 202.)
- [243] Наличие твердого тела в сальном отверстии и гладиуса во влагалище.— (Там же)
- [244] Fuimus кѡфа прѡѡпта.— (Corp. Ref. i. p. 1098.)
- [245] Как избавиться от проблем с глазами.— (Scultet. стр. 225.)
- [246] В Германии diuturnum contubernium egisse.— (Zw. Opp. iv. стр. 202.)
- [247] Приняв облик слуги.— (Фил. ii. 7.)
- [248] Ibi Zwinglius illico prosiliens.— (Scultet. p. 225.)
- [249] Да, да, да. *Ibi* est adverbium loci.— (Scultet. p. 225.)
- [250] Дамит рихтенд ир дас папстум ст.— (Zw. Opp. iii. стр. 57.)
- [251] Могу установить и направить документы.— (Там же. iv. стр. 179.)
- [252] Объявление чапаса в олласе Египетском.— (Zw. Opp. ii. часть 3, стр. 57.)

[253] Secundum humanam substantiam, отсутствие земли, полное погружение в землю и заброшенность земли, полное восхождение в землю.— (Фульгенций королю Тразамонду, книга ii.)

[254] Вместо coeli propter veri corporis modum.— (Aug. Ep. стр. 57.)

[255] Вопрос о всесезонном вмешательстве, межпальцевом виде у пауло моросиора, после чего цитра контумелиам.— (Zw. Opp. iv. стр. 201.)

[256] Non nominabimus illos.— (Scultet. стр. 228.)

[257] Da hub Luther die Sammaten deck auf, und Zeigt ihm den Spruch, den er mit kreyden hett für sich geschrieben.—(Osiander; Niederer's Nachrichten, ii. p. 114.)

[258] Лютер веро ут эрат феро и империозо ингенио.— (См. стр. 136.)

[259] Всеобщий гуманизм и сумма трансгендерных операций мансуэтудина.— (Zw. Opp. iv. стр. 201.)

[260] Amicissime Domine, Vestra charitas и id genus.....Dixisses Lutherum и Zwinglium non adversarios.— (Zw. Opp. iv. стр. 201.)

[261] Сертамин Ацерримо.— (Corp. Ref. i. p. 1096.)

[262] Ниси *англический суд*, поражающий Марбургум, инвазирующий и ужасающий омниумный животный, проникающий.— (Госпиталь. стр. 131.)

[263] Прокламация палама.— (Ссылка на корп. стр. 1097.)

[264] Закон о ландграфе хефтиге.— (L. Epp. iii. стр. 512.)

[265] Решение суда по абсурдному арбитражу.— (Zw. Opp. iv. стр. 203.)

[266] Compellans, rogans, monens, exhortans, postulans ut Reipublicæ Christianæ rationem haberemus, et discordiam e medio tolleremus.—(Ibid.)

[267] Несколько миллионов лет.— (Хоспин. стр. 131.)

[268] Вопрос о том, почему Церковный мир конституционно правит, а не во множественном числе инакомыслящих является факультативным лицом.— (Scultet. стр. 207.)

[269] Es werendt keine lüth uff Erden.—(Bull. ii. p. 225.)

[270] Имя принцепса вальде ургебата.— (L. Epp. iii. стр. 513.)

[271] Свинглий палам лакриманс корам Лангравио и другие.— (Хоспин. стр. 136.)

[272] Смотрите, как это делается!— (Ссылка на корп. i. стр. 1108.)

[273] Нет танкам поклонников панифики среди торговцев.— (Zw. Opp. iv. стр. 203.)

[274] Это общение Церкви с чужими христианами.— (Там же)

- [275] Немо альтери вел между братьями ипсос эрит.— (Zw. Opp. iv. стр. 194.)
- [276] Идентификатор последующего тестирования.— (Там же)
- [277] Принципы иллюзии твердых сортов винограда.— (Там же, стр. 203.)
- [278] Не трогай мунгендо, сангвиник элицеремус.— (Л. Эпп. в своем письме, написанном Гербеллиусу в тот же день —понедельник.)
- [279] Против того, чтобы мы вели себя как друзья танку, а не как братья танку.— (Zw. Opp. iv. стр. 203.)
- [280] Добиваться разрешения этих проблем.— (Там же. стр. 190.)
- [281] Оскорбительное отношение к солнцу.— (Там же)
- [282] Вопрос по поводу сентенции документа с абсурдной инвективой.— (L. Epp. iii. стр. 514.)
- [283] Хранитель мира и милосердия.— (Там же, стр. 513.)
- [284] Утинам и реликвиям скрупулезности за Христа, совершенным совместно, — в его письме Гербеллиусу после ухода с этого собрания.
- [285] Ut orbi Christiano notum fieret eos in omnibus fidei capitibus consentire.—(Hospin. p. 127.)
- [286] Het gern ihrer Schwachheit verschont.—(Niederer Nachr. ii. p. 120.)
- [287] Doch zuletzt sprach er Ich will die artikel auffaller pesste stellen, sy werdens doch nicht annemen.—(Ibid.)
- [288] Вопрос мирари без удовлетворения.— (Брентиус, Zw. Opp. iv. стр. 203.)
- [289] К вопросу о духовном обучении человека корпоративному и сангвиническому единству христианской практики, необходимой для принятия решений.— (Scultet. стр. 232.)
- [290] Осиандер (лютеранин) использует винительный падеж "*in den rechten Verstand*", что указывает на движение к объекту, которым мы не обладаем: Буллингер и Скультет (оба реформатские богословы) используют дательный падеж.
- [291] Буллингер и другие указывают 3 октября как день подписания статей; очевидец Осиандер, чей рассказ очень точен, говорит, что это было 4-го, что согласуется со всеми остальными данными.
- [292] Nīc unus in Ecclesia hāret scrupulus.—(Corp. Ref. i. p. 1106.)
- [293] Понтифики, не являющиеся ультраправыми, защищают Лютеранство в первую очередь.— (Zw. Opp. ii. стр. 370.)
- [294] Die Händ einander früntlich gebotten.—(Bull. ii. p. 236.)
- [295] Эгоизм и эго домум обратная сумма.— (L. Epp. iii. стр. 520.)
- [296] Так меня мучает Анджело Сатана, я в отчаянии от своей жизни и спасительного видения меня.—(Тамже.)

[297] Сам урбем в трех местах, суффозо соло, пульверизатор, предполагающий разъединение и патефицит.— (L. Epp. iii. стр. 518.)

[298] Dschelalsade, цитируется Панке.

[299] Я предлагаю шире умереть по—турецки.- (L. Opp. (W.) хх. стр. 2691.)

[300] Форте ипсум Туркам частично в истории agone согор ферре и винсере, сольем смерть дьяволу.— (L. Epp. iii. стр. 520.)

[301] Ангел сатаны, который вызывает у меня смертельную усталость.— (L. Epp. iii. стр. 515.)

[302] Доктор Вине.

[303] Das Lutherthum werde so schwer, als das Papsthum.—(Zw. Epp. p. 374.)

[304] Lutherus impudens et contumax aperte est victus.— (Zw. Epp. стр. 370.)

[305] Избранный плебей сам по себе, но без права возврата.— (Zw. Opp. ii. стр. 19.)

[306] Роммельс Анмеркунген, стр. 227-229.

[307] Понтификиис и катабаптистский множественный диспозиционный консенсус Марпургиев.— (Scultet. стр. 208.)

[308] Статуя Карла Цезаря мульт атроция минатура и севира в Носу, куам Турка.— (L. Epp. iii. стр. 324.)

[309] Послание к Евреям vii. 16.

[310] Законный атрибут равного пола.— (Второе дополнение. ii. стр. 134.)

[311] По существу вопроса.— (Там же, стр. 133.)

[312] Ни в коем случае не следует прибегать к официальному вмешательству, поскольку это невозможно и вредно для здоровья — (Второе дополнение. ii. стр. 134.)

[313] Hortleben, von den Ursachen des deutschen Kriegs, p. 50.

[314] Изящное украшение.— (Scultet. стр. 253.)

[315] Cum obiter legisset—(Там же)

[316] От Луки xxii. 26.

[317] Ложное и пагубное отношение эссе—(Второе дополнение. ii. стр. 133.)

[318] Sibi non defore media quibus ad id compellerentur.—(Продолжение. ii, стр. 133.)

[319] Официальная нотариальная таблица.— (Там же)

[320] К югу от столицы, а не к югу от диверсионного движения.— (Второе дополнение. ii. стр. 133.)

[321] Общеизвестный факт, подтверждающий всеобщее признание — (Там же)

[322] Идея сценария, демонстрирующая дело понтификов.— (Scultet. стр. 254.)

[323] Равное молчание.— (Там же)

[324] У обыкновенной редкой птицы *aurum quatuor millia ducatorum*.— (L. Epp. iii. стр. 565.)

[325] Армис когандос.— (Второе дополнение. ii. стр. 112; Майбург, ii. стр. 194.)

[326] Ораторское искусство о *Бонониенсе*, в "*Ораторском искусстве Melancthonis*", iv. стр. 87, и Cælestinus Hist. Консилиум 1830 г., Август, i. стр. 10. Уважаемые авторы, Уолш, Мюллер и Бособр, неправильно полностью цитируют речи, произнесенные на этой конференции. Они являются дополнениями; но отрицать, что они имеют какое-то историческое основание, было бы впадением в противоположную крайность.

[327] Решение о несогласии, прекращение военных споров — (Scultet. стр. 248; Maimbourg the Jesuit, ii. стр. 177.)

[328] Понтифик, верховная церковь христианских принципов, *ipsos pro viribus juvent*.— (Гвиччардини, xix. стр. 908.)

[329] Против VI Германии и ее армии, против удаления глазного дна и ликвидации.— (Cælestin. i. стр. 42.)

[330] Либер зен мал тодт сейн.— (Epp. iii. стр. 526.)

[331] Auf sein eigen Fahr glauben.—(Ibid. p. 527.)

[332] Адвентивный и общий референт.— (Второе дополнение. ii. стр. 140; Слэйдан. i. стр. 235.)

[333] Непобедимый скрипильянт, диценты: Сальватор венит.— (L. Epp. iii. стр. 540.)

[334] Данные о стоимости проезда в аэропорту.— (Там же)

[335] Младенцы внутриутробно, общая аудитория, есть голосовые связки.— (Там же)

[336] Посвящение Даниила Джону Фредерику.— (L. Epp. iii. стр. 555.)

[337] *Schwebt in seiner Macht, wie ein Schiff auf dem Meer, ja wie eine Wolke unter dem Himmel*.— (L. Epp. iii. p. 555.)

[338] *Wie wir alle unter einem Christo seyn und streiten*.—(Forstenmanns, Urkundenbuch, i. p. 1.)

[339] Книга Фердинанда Бухольца, iii. стр. 432.

[340] *Sopravennero lettere di Germania che lo sollicitavano à transferirsi in quella provincia*.— (Guicciardini, L. xx.)

[341] *Natali suo quem semper felicem habuit*.—(Второе дополнение. ii. стр. 150.)

[342] *Omnibus viribus, ingenio, et facultatibus suis Pontificiae dignitatis et Romanæ Ecclesiae perpetuum foreignorem*.—(Лестин. История. Комитет. 16 августа.)

[343] Письмо М. Адмирал, 25 февраля. — (Легран, "История развода", iii. стр. 386.)

[344] Танкам Колумбии, адвениенте аквила, расселение.— (Роммель Анмеркунген, стр. 236.)

[345] Я знаю, что нужно понимать, что такое истинная суть, мориар эним вопрос.— (Корп. Ссылка ii. стр. 122.)

[346] Копия, как правило, для жителей Тироля, происходит от случая к случаю и альпийский транзит затруднен.— (Второе дополнение. ii. стр. 150.)

[347] Cum hæc comitia pro concilio aut conventu nationali haberi videantur.—(Второе дополнение. ii. стр. 17.—Письмо избирателю, Corp. Ссылка. ii. стр. 26.)

[348] Различные проекты можно найти в *Forstenmanns Urkundenbuch*, i. стр. 63-108, и в Corp. Ref. iv. p. 973, кв. Те, что были представлены, несомненно, были *Articuli non concedendi*, *Статьями, не подлежащими уступке*. В них говорится о причастии обоих видов, о безбрачии, мессе, орденах, папе римском, монастырях, исповеди, различии мяса и таинств. — (Корп. Ссылка iv. стр. 981.)

[349] Mirantibus hominibus.— (Раздел ii. стр. 153.)

[350] Мы предприняли попытку очень слабого перевода второй строфы.

[351] Qui tristem etiam et abjectum animum erigere et exhilarare, et velut ενθουσιάζειν possent.— (Scult. p. 270.)

[352] Что делать дальше: Так ту, хабес малам вокем.— (L. Epp. iv. стр. 2.)

[353] Общий ребус сепсиса.— (L. Epp. iii. стр. 564.)

[354] Zum kreutz kriechen werden.—(Предисловие Матезиуса, стр. 91.) Намек на крест, вышитый на туфельке папы римского.

[355] Iter Coloniam против decrevisse.—(Epp. Zw. 13 мая.)

[356] Alii censent Cæsarem debere, edicto proposito, sine ulla cogitatione damnare causam nostrum.—(Corp. Ref. ii. p. 57.)

[357] *Instructio data Cæsari*. [357]

[358] Настоящий испанец из Inspruck unfläthig gehalten.— (Ссылка на корп. ii. стр. 56.)

[359] Причины колебаний в отношении веры и, безусловно, здорового обмена веществ.— (Разд. ii. стр. 57.)

[360] О мужском возрасте, равном половом акте, предполагаемом предложении.— (Раздел ii. стр. 156.)

[361] Ibi habentur de nostris cervicibus comitia.— (Корп. Ссылка ii. стр. 45.)

[362] Секкендорф.

[363] Везде написано.— (CochlœUs, стр. 191.)

[364] Публичный дом Рогантибуса Августаниса в доминиканском храме.— (Вторая латинская страница, стр. 193.)

- [365] Täglic in den kirchen, unverstört; dazu kommt sehr viel Volks.—(Corp. Ref. ii. p. 53.)
- [366] Крикун и вокалист. Audires homines stupidissimos atque etiam sensu communi carentes.—(Ibid. p. 86.)
- [367] Созвать специальных понтификов.—(Протокол. стр. 271.)
- [368] Ὁ ἄρχιερεὶς c miris machinis opugnant.—(Ссылка на корп. ii. стр. 70.)
- [369] Evangelicos omnes obtritutum.—(Scultet. стр. 269.)
- [370] Эти инструкции можно найти в CœLestin, i. стр. 50, и Forstemann Urk. i. стр. 220.
- [371] Квидвид дури Электори денунциабант суо велюти номинант и инджусси дицебант.—(Разд. ii. стр. 156.)
- [372] Den nächsten heim zu reiten.—(Corp. Ref. ii. p. 88.)
- [373] L. Epp. iv. стр. 18.
- [374] Недействительные материалы, оспариваемые в nobis doceri.—(Corp. Ref. ii. стр. 72.)
- [375] Модальная плоскость, в которой мир изменился.—(Там же, стр. 74.)
- [376] B cujus urbe jam sumus hospites.—(Там же, стр. 46.)
- [377] Sed noster senex difficilis est.—(Там же)
- [378] Ein fügsamer Anfang der Niderbrengung des Evangelii.—(Ibid. p. 76.)
- [379] Невозможного.—(См. стр. 156; Мюллер, История. Прот., стр. 506.)
- [380] Ut sub anathemate cogam te in regulas servandi corpusculi tui.—(L. Epp. iv. p. 16.)
- [381] Идея эним Саббатум волюит там же, где и цетерис сервари.—(Там же)
- [382] Скорее риторически. Feci aliquande ρητορικώτερον по кобургским сценариям.—(Корп. ii. стр. 40.)
- [383] Дополнение Экиуса διαβολικώτατας διαβολῶς contra nos.—(Ссылка на корп. стр. 45.)
- [384] В "Апологии банального множества ошибок".—(Там же, стр. 60.)
- [385] Матезиус Предигтен, стр. 92.
- [386] Длинный амниссимус и студия коммодиссимуса.—(L. Epp. iv. стр. 2.)
- [387] Орабо игитур и плорабо, не тихий донец и др.—(L. Epp. iv. стр. 2.)
- [388] Это письмо, являющееся шедевром в своем роде, можно найти в книге Лютера Epp. iv. стр. 41, а также в книге Риддла "Лютер и его время", стр. 268.
- [389] В соответствии со всеми требованиями и итоговой суммой finxit.—(Epp. iv. стр. 33.)
- [390] К Задыхающемуся Теутлебену, 19 июня.—(L. Epp. iv. стр. 37.)

- [391] На невод Тишгезеллен.— (L. Epp. iv. стр. 7.)
- [392] Причины и следствия, по которым необходимо устранить нарушения в мышлении.— (L. Epp. iv. стр. 14.)
- [393] Eswächst jetzt daher die zart Jugend von Knäblin un Maidlin.—(Ibid. p. 21.)
- [394] Плюримос Ланскнектос, причина, по которой когар страдает, не имеет права на продолжение.— (L. Epp. iv. стр. 10.)
- [395] Pestis eram vivus, moriens ero mors tua, Папа.— (L. Opp. xx. стр. 164.)
- [396] Тантум ликтором суум у херетиков.— (Epp. iv. стр. 10.)
- [397] Главный закон, заключающий закон.— (Ссылка на корп. стр. 39.)
- [398] Cum uxoris presbyteris tuis privatim colloqui non intendimus.—(Corp. Ref. ii. p. 82.)
- [399] Нет ничего, кроме суммы монахи, которые войдут в illa arce vestra.— (Там же, стр. 146.)
- [400] Und dennoch Tag und Nacht voll und toll seyn.—(Ibid. p. 79.)
- [401] In gemein in aller Fürsten und Stadte Nämen.—(Corp. Ref. ii. p. 88.)
- [402] Die *constitutiones canonicæ* den Kaysern verbieten zu richten und sprechen in geistlichen sachen.—(Ibid. p. 66.)
- [403] Бешенство лютеранского народа.....(Zw. Epp. ii. стр. 432.)
- [404] На латыни возобновляются песнопения, повторяются святые вести.— (Zw. Epp. ii. стр. 457.)
- [405] Cattus inter sacrum et saxum stat, et de sociis magis quam hostibus sollicitus est.—(Ibid.)
- [406] Кейн Кирхе и кейнский полк.— (Корп. Ссылка ii. стр. 95.)
- [407] Wo Sachsen, Hessen, und andere Lutherische nit hie wären.—(Corp. Ref. ii. p. 89.)
- [408] Великий исход сатаны.— (Там же. стр. 92.)
- [409] Er wolte es machen, wie es Ihm eben wäre.—(Ibid. p. 88.)
- [410] Neu aufgerichte Ketten und Stöck.—(Ibid. p. 66.)
- [411] Mit sammet und seide auf's kostlichst ausgestrichen.—(Ibid.)
- [412] Den jungen Fürsten zu neubourg ihre wappen abgerissen.—(Corp. Ref. ii. p. 55.)
- [413] Вор зен Ярэн в Шинн гехальт.— (Там же, стр. 66.)
- [414] Gehen nicht mehr in die Häuser und schrieben an die Thür.—(Ibid. p. 89.)
- [415] Инструкция Цезаря по искусству понтификума о причинах смерти.— (L. Epp. iv. стр. 31.)
- [416] Дас хат Кайс. Майор. wohl gefallen.—(Forstemann, Urkunden. i p. 246.)

- [417] Alle stund die Wagen, der Tross und viel gesinds nact einander harein.—(Corp. Ref. ii. p. 90.)
- [418] Найдите общего друга фейера.— (Там же)
- [419] Zu morgens, um fünf Uhr.—(F. Urkunden. i. p. 263.)
- [420] Ab Electorum filiis qui procurrerant rogatus.— (Разд. ii. стр. 101.)
- [421] Mox ab equis descenderunt.— (Улитка)
- [422] Auf ein ort geruckt.—(F. Urkunden. i. p. 256.)
- [423] Образец Primum constantia.— (Раздел ii. стр. 101.)
- [424] Обвинение в преступлении по неосторожности.— (Там же)
- [425] Осознание младших вспомогательных принципов.— (Там же. и Ф. Уркунден. i. стр. 258.)
- [426] Беклейт фон Голд.— (Ф. Уркунден. i. стр. 258.)
- [427] Саммете по сейдену Рекке.— (L. Opp. xx. стр. 201.)
- [428] Noster princeps de more prætulit ensem.— (Корп. Ссылка ii. стр. 118.)
- [429] Omnium oculos in se convertit.— (Раздел ii. стр. 160.)
- [430] Totus gemmis coruscabat.— (Там же)
- [431] Ein kilen Spanisch Hütlein.—(F. Urkunden, i. p. 260.)
- [432] Защита в имперской безвизе.— (Раздел ii. стр. 160.)
- [433] Ingressus est intra octavam et nonam.— (Там же, стр. 114.)
- [434] Da entsetzt sich K. M. Hengst für solchem Himel.—(F. Urkunden. i. p. 261.)
- [435] Ihr hand aufgehebt.— (Там же)
- [436] Cardinalem legatus castigatum abegit.— (Разд. ii. стр. 161.)
- [437] Объявление конклава suum.— (Корп. ссылка. стр. 106 и 114.)
- [438] Die beede alte Fürsten zum höchsten entsetz.—(Ibid.)
- [439] Se non posse cibo verbi Dei carere, nec sana conscientia Evangelium negare.— (Ссылка на корпорацию, стр. 115.)
- [440] Во французском языке.— (Там же, стр. 107.)
- [441] Сич дароб был разгневан и уничтожен.— (Корп. Ссылка ii. стр. 115.)
- [442] K. M. gewissen sey aber kein Herr und meyster uber ihr gewissen.—(Ibid. p. 115.)
- [443] Очень просто, это великодушно, говорит Бренц.— (Там же.)
- [444] Es wäre Spanisch oder Französisch und dazu eines Landes minder.—(Corp. Ref. ii. p. 114.)

- [445] И в честь всех прославленных лиц — (Корп. Ссылка ii. стр. 116.)
- [446] Цезарь настаивает на постулировании, или настаивает на отводе.—(Там же. 115.)
- [447] A sævitia Legati Romanensium captivi.— (Корп. Ссылка. ii. стр. 116.)
- [448] В течение второй мировой войны гравитационные мины, яковлевы возмущения Цезарида.—(Там же.)
- [449] Тихий сибирский опус о сути дела, ответ в случае, если что—то изменится - (Разд. ii. стр. 162.)
- [450] Шляпа, надетая на ауфбеккен лассен.— (Корп. Ссылка ii. стр. 106.)
- [451] Wie die Juden die Schlange haben angebethet.—(Ibid. p. 111.)
- [452] Heute zu sieben Uhren sind gemeldete Fürsten.—(Corp. Ref. iii. p. 107.)
- [453] Cælestin. i. стр. 82.
- [454] О вассалах и принципах империи.— (CochlœUs, стр. 192.)
- [455] Sie wolle sehen, ob sie I. M. gehorhsam leisten oder nicht.—(Corp. Ref. ii. p. 108.)
- [456] Священнослужитель, детонсо капилло.— (Zw. Epp. ii. стр. 471.) Nudo capite sub meridiani solis ardoribus.— (Паллавичини, i. стр. 228.)
- [457] 2 Тимофею iii. 5.
- [458] Сарпи, Тридентский собор, i. p. 99.
- [459] Вместо смерти, после залпа, лютеранский абирентный дом.- (Cochl. стр. 193.)
- [460] Pacis et concordiae avidi, supplicarunt ejus majestati ut sedata ira.—(Ibid.)
- [461] Максимус народного согласия, усиливающий эде.— (Там же)
- [462] О том, как плохо животному питаться. Комитет. i. стр. 88; Форст. Urkunden. i. p. 283.)
- [463] Цезарь на меридиане.— (Вторая страница. стр. 165.) Ден ганген Тег.— (Корп. Ссылка. ii. стр. 113.)
- [464] Продолжение следует само по себе.— (Второе. стр. 165.)
- [465] Цезарь всевышний там, папист, как евангелический коньяк.— (Корп. Ссылка ii. стр. 116.)
- [466] Qui tantum recitent Evangelium et epistolam ураматикѣ.— (Корп. Ссылка. ii. стр. 119.)
- [467] Non sumus parochi Augustanorum, добавил он.— (Корп. Ссылка. ii. стр. 119.)
- [468] Смотрите miram sapientiam Aulicorum.— (Там же)
- [469] Убедительный аргумент в пользу исправления причиненного ущерба.— (Разд. ii. стр. 105.)
- [470] Ob je einer einen Prediger in seiner Herberg fur sich predigen liess.— (Corp. Ref. ii. p. 113.)

[471] Согласно tubicines et heraldum.— (Штурмиус, Zw. Ерр. стр. 466.)

[472] Херт, Херт.— (Корп. Ссылка. ii. стр. 124.)

[473] Ожидание смерти.— (Там же, стр. 116.)

[474] Химера aut Tragelaphum aliquem expectamus.— (Там же.) *Трагелаф* - сказочное животное, сочетающее в себе черты козы и оленя. Изображения его были распространены на чашах и кубках для питья у древних греков.

[475] Множественные угрозы.— (Штурм Цвингле, Ерр. стр. 466.)

[476] Ушная раковина.— (Корп. Ссылка ii. стр. 116.)

[477] Услуга novus concionator allaturus sit.— (Там же, стр. 117.)

[478] Так принято после евангелика, после папистики, после обнаженного текста.— (Там же)

[479] Всюду ездят всадники и, несомненно, над ними смеются.— (Там же)

[480] Paucula quædam, eaque puerilia et inepta, nec Christiane, abaque fundamento verbi Divini et consolatione.—(Seck. ii. p. 165.)

[481] Дормир солет уске, но не у нас, а у децимов.— (Корп. Ссылка ii, стр. 117.)

[482] Ibi videas — Галлос, испаноязычный, эфиопский, итальянский, турецкий, в том числе вокальный стратиот.- (Корп. Ссылка ii. стр. 117.)

[483] Hac ratione, Deo ejusque verbo silentium est impositum.—(Seck. ii.p. 165.)

[484] Ut nisi sanguinem biberint, vivere non possint.—(Seck. ii. p. 165.)

[485] Magnum omnino periculum est.— (Корп. Ссылка ii. стр. 118.)

[486] Советник верит в жизнь и утешение вос, в силу Высшей юридической силы.— (L. Ерр. iv. стр. 59.)

[487] Сарпи, История. Тридентский собор, книга i, стр. 99.

[488] 2 Царств, ст. 18. Пример Нааманиса.— (Раздел ii, стр. 167; Сарпи, стр. 99.)

[489] Не устранено Духовное средство передвижения, что является глаголом Божьим, Духовным святилищем Августа, первенство которого невозможно. — (Корп. Ссылка ii. стр. 116.)

[490] Воздержание от обожания гостей.— (Разд. ii. стр. 119.)

[491] Прямо указываем на клаузу, которая касается вопросов, связанных с речью.— (Ссылка на корп. ii. стр. 120.)

[492] Средство от дьявольского убеждения и от скверны, от дерзкого вывода.— (Паллавичини, История. Trid. С. i. стр. 23.)

[493] Точный ответ гладиатора на перверзос илос пертурбаторес.— (Корп. Ссылка ii. стр. 120.)

[494] Nisi eradicata funditus на gladium hæresi illa.— (Ссылка на корп. ii. стр. 120.)

- [495] Protestantes etiam ad offerendum munuscula in altari, ut moris erat, accessisse, sed cum risu.—(Spalat. Сек. ii. стр. 167.)
- [496] Ut nostros principes ab importuna violentia retineamus.—(Corp. Ref. ii. p. 120.)
- [497] Император в омнибусе в вечном прошлом.— (от штурма до смерти. Epp. ii. стр. 430.)
- [498] В письменном виде единогласно.— (L. Epp. iv. стр. 13.)
- [499] Nicht anders dann zu Raub, Brandt, und Krieg.—(F. Urkunden. i. p. 307.)
- [500] Когортатус есть причина неустрашимости и согласия.— (Разд. ii. стр. 108.)
- [501] Исаия viii. 10.
- [502] Сводный консилиум и министерства по вопросам управления.— (Разд. ii. стр. 169.)
- [503] Главное — добиться успеха в переговорах. - (Там же)
- [504] Вопрос об адмиралтействе в законодательстве.— (Разд. ii. стр. 169.)
- [505] Si acturi sunt secreto et inter sese, nulla publica disputatione vel audientia.—(L. Epp. iv. p. 43.)
- [506] Убеждение испанцев в том, что они лютеране, империя Святой Троицы.— (Ex relatione Spalati в разделе ii. 165.)
- [507] Non adeo per eos Ecclesiam catholicam oppugnari, quam vulgo putaretur.—(Там же. 100.)
- [508] Mit beider Gestalt sacraments oder des Plaffen und Mönch Ehe— (Corp. Ref. ii. p. 123.)
- [509] Die Sache in einer Enge und Stille vorzu nehmen.—(Ibid.)
- [510] Селестин, История. Комитет. Август. стр. 193. Intelligo hoc τοὺς ἀρχιερεῖς moliri, ut omnino nihil agatur de negotiis ecclesiasticis.—(Corp. Ref. ii. p. 57.)
- [511] Плоскость переменного тока путается с пикротеоров по сути, со стороны притяжательных противников.— (Там же, стр. 140.)
- [512] Абгешлаген Дассельбиге.— (Корп. Ссылка. ii. стр. 127.)
- [513] Аргентинская атмосфера не является ликвидной, за исключением артикулярного таинства.— (Там же, стр. 155.)
- [514] Non principum nomine edited decentium qui theologi vocantur.— (Камера. стр. 120.)
- [515] Landgravius subscribit nobiscum, sed tamen dicit sibi, de sacramento, a nostris non satisfieri.— (Корп. Ссылка ii. стр. 155.)
- [516] Признание подписчика на тантум в Нюрнберге и Ройтлингене.— (Корп. Ссылка ii. стр. 155.)
- [517] Постановление о публичном концерте и концессии Императора Петра.— (Разд. ii. стр. 169.)
- [518] Слово suffundor non mediocri, quod nos, præ illis mendici и с.— (Ссылка на корпорацию ii. стр. 125.)

- [519] Краткий обзор хинного происхождения, проникающих бактерий. Фил. 4. в Апол.)
- [520] Дополнение к эпилогу *plane sanguine scriptum*.— (Корп. Ссылка. ii. стр. 126.)
- [521] Безопасность — это квази нулевое положение Бога.- (Там же, стр. 156.)
- [522] Меланхтон Цезарь, Салисбургский язык и вокатус Кампеджио эст.— (Zwi. Epp. ii. стр. 473.)
- [523] *Ut cum mitigarit tam multa, cedat et reliqua*.—(Ibid.)
- [524] Не стоит останавливаться на вариациях секторальных колебаний навикулы Петри.— (Раздел ii. стр. 169.)
- [525] Ораторий вальде лугубриса и мизерабилиса против Турции.— (Корп. Ссылка ii. стр. 154.)
- [526] Истинный смысл этих слов и их значение для всего мира.— (Раздел ii. стр. 189.)
- [527] Я вижу, Как мы видим белангет.— (Ссылка на Корп. ii. стр. 128.)
- [528] Обратите внимание на субиндекс аликвидной кислоты в ауреле в случае необходимости.— (Раздел ii. стр. 169.)
- [529] *Zum dritten mal heftig angehalten*.— (Корпоративная ссылка. ii. стр. 128.)
- [530] *Circumsistebant Cæsarem magno numero cardinales et prælati ecclesiastici*.—(Seck. ii. p. 169.)
- [531] Публичное обращение в претории, приватизация во дворце суо.— (Корп. Ссылка ii. стр. 124.)
- [532] *Non modo suspirantem sed profundentem lacrymas conspexi*.— (Камера. стр. 121.)
- [533] Брентиус ассидебат хек скрибенти, уна лакриманс.— (Ссылка на корпорацию ii. стр. 126.)
- [534] Римский вопрос: мула пеперит и часть жизни святых. Важные сведения об исходе Рима из схизмы.— (Корп. ii. стр. 126.)
- [535] *Gaudeo Papæ signum datum in mula puerpera, ut citius pereat*.—(L. Epp. iv. p. 4.)
- [536] *Hic consumitur omne mihi tempus in lacrymis et luctu*.—(Corp. Ref. ii. p. 126.)
- [537] Версамурский в несчастном случае и вечной слезной плоскости.— (Там же, стр. 140.)
- [538] Ужас животного мира.— (Там же)
- [539] Из прошлого тациты.— (Л. Epp. iv. стр. 51.) Именно так он датирует свое письмо.
- [540] Прилежно изучайте слова в трактатах.— (Корп. Ссылка. ii. стр. 159.)
- [541] Нулевая способность умирает, квинтэссенция оптимальных результатов обучения в ораторском искусстве.— (Там же)
- [542] Семел михи находится рядом с орантем эум аудирем.— (Ссылка на Корп. ii. стр. 159.)
- [543] Танца в духе и вере, а также отца и дружеского общения.— (Там же)

[544] Tum orantem clara voce, procul stans, audivi.—(Ibid.)

[545] Ardebat mihi quoque animus singulari quodam impetu.— (Корп. Ссылка ii. стр. 159.)

[546] Hic cœpi cogitare tristia, suspirans, vos aliquid mali me celare velle.—(L. Epp. iv. p. 60.)

[547] 2 Тим. iii. 12; Филипп. ii. 12, 13; Иоанн х. 17, 18; Матф. xvi. 18; Псалом xlv. 1, 2; 1 Иоанна iv. 4; Псалом lv. 23; xxvii. 14; Иоанна xvi. 33; Луки xvii. 5; Псалом xxxii. 11; cxlv. 18, 19; xci. 14, 15; Сирах. ii. 11; 1 Маккаб. ii. 61; Матф. vi. 31; 1 Петра, ст. 6, 7; Матф. х. 28; Рим. iv. и vi.; Евр. v. и xi.; 1 Цар. iv. 18; xxxi. 4-8; ii. 30; 2 Тим. ii. 17, 18, 19; i. 12; Еф. iii. 20, 21. Среди этих отрывков следует отметить два стиха взято из Апокрифов, но эквиваленты которым можно легко найти в Слове Божьем.

[548] Sed orandi tempus non sinebat irasci, et ira non sinebat orare.— (L. Epp. iv. стр. 46.)

[549] Nec vellem, nec consultum esset, in nostra manu esse.—(L. Epp. iv. p. 46.)

[550] Признание пересмотрено и исправлено.

[551] Deus posuit eam in *locum* quendam *communem*, что касается риторики, не имеющей права на жизнь в философии *fides*.— (L. Epp. iv. стр. 53.),,

[552] Есть опус истины, не причина веры, сидящая до конца. — (Там же, стр. 61.)

[553] Виттембергский скрибунт, там старательный проповедник ibi Ecclesiam orare.— (L. Epp. iv. стр. 69.)

[554] Подпись форсана дучентоса.— (Jonas, Corp. Ссылка ii. стр. 157.)

[555] Сарпи, История. Совет. Трент. i. стр. 101.

[556] Кто, как не анимо и хищники.— (Scultet. i. стр. 273.)

[557] До десятилетнего возраста в монастыре червей.— (Корп. Ссылка ii. стр. 153.)

[558] Цезарь Латинский прелегий воли.— (Раздел ii. стр. 170.)

[559] Будь ясен, различим, тард и голос адео гранди и соноры в произношении.— (Scultet. стр. 276.)

[560] Ad unam veram concordem religionem, sicut omnes sub uno Christo sumus et militamus.— (Confessio, Præfatio. Urkunden. i. p. 474.)

[561] Причины, определяющие тали генерали, либеро и Кристиано консилио.— (Там же, стр. 479.)

[562] И там же для каждого человека существует своя сущность.— (Там же. стр. 682.)

[563] Vitium originis, афференс перед смертью его не возрождался.—(Confessio, Præfatio. Urkunden. i. p. 483.)

[564] Unus Christus, vere Deus, et vere homo.—(Ibid.)

[565] Quod homines non possint justificari coram Deo, propriis viribus, meritis, aut operibus, sed gratis, propter Christum, per fidem.—(Ibid. p. 484.)

[566] Congregatio sanctorum et vere credentium.— (Там же. стр. 487.)

[567] Ad veram unitatem Ecclesiæ, satis est consentire de doctrina Evangelii et administratione sacramentorum, nec necesse est, &c.—(Ibid. p. 486.)

[568] К чему свод законов и кровь Христа, откуда берутся и распространяются кровеносные сосуды в стране Домини.— (F. Urkund. i. стр. 488.)

[569] De quibus rebus olim parum docebant concionatores; tantum puerilia et non necessaria opera urgebant.—(F. Urkund. i. p. 495.)

[570] Non tantum historiæ notitiam, sed fidem quæ credit non tantum historiam, sed etiam effectum historiæ.—(F. Urkund. i. p. 498.)

[571] Nihil inesse quod discrepat a Scripturis vel ab Ecclesia Catholica, vel ab Ecclesia Romana, quatenus ex Scriptoribus nota est.—(Ibid. p. 501.)

[572] Истинный источник в низшей и ближайшей областях за пределами потенциальных возможностей.— (Sculdet. стр. 274.)

[573] Джонас скрибит опубликовал сводную информацию о том, что происходит с повествованием о кораме.— (L. Epp. iv. стр. 71.)

[574] L. Epp. iv. стр. 82.

[575] Ни в коем случае не затрудняйте обсуждение потестата церковному и потестату глади; и даже вак путаница, & с.— (Уркунден. Конференция. Август. i. стр. 539.)

[576] Действия против остендерской дискриминации церковного потестата и потестата глади.— (Там же.)

[577] Politica administratio versatur enim circa alias res quam Evangelium; magistratus defendit non mentes sed corpora—et coerces homines gladio.—(Urkund. Исповедоваться. Август. i. стр. 541.)

[578] Вне закона уполномоченные органы власти церковные и гражданские.— (Там же)

[579] Греческий, πολιτεία.— (Филипп. iii. 20. Комментарий Скотта и Генри.)

[580] Excludere a communione Ecclesiæ, sine vi humana sed verbo.—(Urkund. Конфессия. Август. i. стр. 544.)

[581] Nec catholicis episcopis consentiendum est, sicuti forte falluntur, aut contra canonicas Dei scripturas aliquid sentiunt.—(Urkund. Конференция. Август. i. стр. 544.)

[582] Mit grosser Stille und Ernst.—(Brüch's Apologie, p. 59.)

[583] Уместны уступки во всех вопросах, касающихся стабильности епископата.— (Корп. Ссылка ii. стр. 431.)

[584] Nullum detractavimus onus, quod sine scelere suspici posset.—(Ibid.)

[585] *Верное решение для суставов веры.*

- [586] С уважением, эрат Цезарь. (Джонас в корпорации. Ссылка ii. стр. 184.)
- [587] Cum nostra confessio legeretur, obdormivit. (Брентиус в Корп. ii. стр. 245.)
- [588] Латинский экземпляр, хранящийся в архивах императорского дома, должен быть найден в Брюсселе; а немецкий экземпляр, отправленный впоследствии Тридентскому собору, должен находиться в Ватикане.
- [589] Гнедичлич вернохмен. (Ф. Уркунден, ii. стр. 3.)
- [590] Cum incredibili protestantium gaudio. (Раздел ii, стр. 170.)
- [591] Мухи яростный помещает викисссу в храмах. (L. Епп. iv. стр. 71.)
- [592] Grösser und höher Werk. (Матезиус, История, стр. 93-98.)
- [593] In still angeredet und gebethen. (Корп. ii. стр. 143.)
- [594] Руководство пользователя Brücks. in den Sachen des Glaubens zu Augsbourg. (Förstemann Archiv. p. 50.)
- [595] Несколько епископов в одном направлении. (Л. Эпп. iv. стр. 70.)
- [596] Illa quæ recitata sunt, vera sunt, sunt pura veritas; non possumus inficiari. (Корп. ii. стр. 154.)
- [597] Итак, жилец, я ничего не понимаю. (Математика. История. стр. 99.)
- [598] Закон Пророческий и Апостольский -nicht. (Тамже.)
- [599] Cæsar sibi fecit nostram confessionem reddi Italica et Gallica lingua. (Корп. ii. стр. 155.)
Французский перевод можно найти в *"Уркундене" Ферстемана*, i. стр. 357.—*Статьи принципо де ла фуа*.
- [600] Перрумпет во всех отношениях Принцип и правило. (L. Епп. iv. стр. 96.)
- [601] Послание к курфюрсту Менцскому. (Там же, стр. 74.)
- [602] Закон об абсолютном праве вос в номинальном Доме в историческом монастыре. (Л. Эпп. iv. стр. 96.)
- [603] Vellem ego sacrificium esse hujus novissimi concilii, sicut Johannes Huss Constantiæ. (Там же, стр. 110.)
- [604] Это катастрофа или трагикомедия, но не ожидаемый комизм. (Там же, стр. 85.)
- [605] Sic Satan chorda semper oberrat eadem, et mille-artifex ille non habet contra Christum, nisi unum illud elumbe robur. (Там же, стр. 100.)
- [606] Вопрос к единому монаху решается без постоянного реформирования. (Корп. ii. стр. 155.)
- [607] В Австралии Озеро Винкель. (L. Опп. xx. стр. 307.)
- [608] Вопрос, связанный с учением софиста о монахи. (Корп. ii. стр. 141.)
- [609] Нет его соли в пустыне. (Тамже.)

[610] Нет, у нас нет привычных денег, простая религия, как у великого эмигранта Италии. (Корп. ii. стр. 156.)

[611] Будьте добры к моргенессен. (Там же, стр. 143.)

[612] Es sind unter uns Städten, viel practica und Selt Sames wesens. (Корп. ii, стр. 151.)

[613] Ohne Verletzung der gewissen gegen Gott. (F. Urkunden. ii. P. 6.)

[614] Противники намеренно пытаются избежать ответа. (Корп. Ссылка ii. 26 июня.)

[615] Суть vi повестки дня, не являющейся причиной для слушания. (Там же, стр. 154.)

[616] Привет солнечным герцогам и их альтернативным участникам. (Там же.)

[617] Единая провинция рустикус. (Корп. ссылка от 26 июня, стр. 176.)

[618] Cardinel, Churstusanen, Pracht und Küchen. (Brück Apol. p. 63.)

[619] Wir wokten antworten mit einer Schrift mit Rubricken geschrieben. (Корп. ii. стр. 147.)

[620] Недействительна в сенате. (Корп. ii. стр. 175.)

[621] Почему эти люди не правы и неумелы.

[622] Смотрите документ, извлеченный из архивов Баварии в F. Urkunden. ii. p. 9.

[623] Konnen den Kaiser nicht uber Gott setzen. (L. Epp. iv. p. 83.)

[624] Romischen Kaiser, Vogt, Advocaten und Obristen Beschirmer der kirken. (F. Urkunden. ii. p. 10.)

[625], например, на Таити.

[626] Patres, Patres, Patres; Ecclesia, Ecclesia; usus, consuetudo, præterea e Scriptura nihil. (L. Epp. iv. p. 96.)

[627] Предписание против Цезаря. (Там же.)

[628] Квадрам тристития и квази-депрессивное расстройство. (Корп. ii. стр. 163.)

[629] Никто не виноват в том, что он является враждебным. (Там же, стр. 146.)

[630] Легат Норинберг в Сенате. (Корп. ii. стр. 161.)

[631] Меланктон и др. Саксофон. Избирать. (Там же, стр. 162.)

[632] Принципы обращения с иском против R. D. V. (Там же, стр. 171.)

[633] Первенствующее утверждение без предложений, написанных курсивом, является лютеранским. (Там же, стр. 163.)

[634] Истис германис асинис, нобис по высшей части защиты прав человека. (Там же.)

[635] Испаноязычные специалисты-практиканты и разумные респонденты из Цезаря. (Корп. ii. стр. 179.)

- [636] *Ἡδὲ λήθη αὐτοκράτορος* нобелевская премия братства. (Там же, стр. 178.)
- [637] См. статью ii. стр. 168
- [638] Нулевая хабемусская догма о Римской церкви. (Там же, стр. 170.)
- [639] Как церковно-римская догматическая сумма защиты константы. (Там же.)
- [640] Прошу отозвать отзыв в благодарность получателю. (Там же.)
- [641] *At certe pro mea persona, ne pilum quidem cedam.* (Л. Эпп. iv. стр. 88.)
- [642] Почему джувабимур ни дезертировал первым. (Там же, стр. 91.)
- [643] Будьте уверены, что вы видели меня. (Там же, стр. 98.)
- [644] Многие из нас стремятся к единству и процветанию по сей день. (Корп. ii. стр. 193.)
- [645] Рекомендуются для Кампегіума. (Там же, стр. 174.)
- [646] *Se nihil posse discernere*, низы добровольного принципа Германии. (Корп. ii. стр. 174.)
- [647] Сильное средство от вениамина, *Eccius et CochloeUs*. (Там же, стр. 175)
- [648] Исповедь Ностры в Риме в соответствии с вередариосской миссией. (Корп. ii. стр. 186, 219.)
- [649] Многочисленные споры между Цезарем и первосвященником в связи с преступлением. (Там же, стр. 188.)
- [650] *Melanthonis Judicium*. (Корп. ii. стр. 182.)
- [651] *Aus Gottes Wort, weiter bericht zu thun.* (F. Urkundenbuch, ii. p. 19.)
- [652] Правила поведения. (Zw. Epp. ii. стр. 472.)
- [653] *Eccius cum sua commanipulatione*. (Корп. ii. стр. 193.)
- [654] Длинный и исчерпывающий судебный сценарий. (Там же.)
- [655] Причины путаницы, неполноценности, виоленты, сангвиоленты и грубых продуктов у пудеринта (Ссылка на корпорацию ii. стр. 198.)
- [656] *Hodie auctoribus ipsis Sophistis, a Cæsare rursus esse redditam ut emendetur et civilius componatur.* (Там же.)
- [657] Признание Ностра в глупости, согласии и смущении. (Там же.)
- [658] Corp. Ref. ii. стр. 206; F. Urkund. ii. стр. 93.
- [659] *Mit reden und Gebehrden prächtig erzeugt.* (Там же, стр. 207.)
- [660] Многообещающие вспомогательные слова. (Zw. Epp. ii. стр. 484.)

- [661] Venimus huc, ego pridie solemnitatis Divi Johannis, Capito die dominica sequente. (Zw. Epp. ii. стр. 472.)
- [662] Rumor apud nos est, et te cum tuis Helvetiis comitia advolatarum. (Там же, стр. 431, 467.)
- [663] Ita latent ut non quibuslibet sui copiam faciant. (Корп. Ссылка, стр. 196.)
- [664] Объявление Капитана и Букаруса. Id hodie certo comperi. (Там же.)
- [665] Cinglianæ civitates propriam Confessionem obtulerunt Cæsari. (Корп. ссылка, стр. 187.) Это признание можно найти у *Нумейера*, Collectio Confessionum, стр. 740.
- [666] Ingenue ac fortiter; citra procaciam tamen et sannas, id fateri et dicere quod res est. (Zw. Epp. ii. р. 485.)
- [667] См. Niemeyer Coll. Конф., стр. 16.
- [668] Педатум и митратум рода Episcoporum, id esset в Экклесии, quod gibbi et strumata в целом. (Там же.) Цвингле сравнивает епископов с сухими и бесплодными подпорками, поддерживающими виноградные лозы.
- [669] Это упрощенный ментальный план действий. (Корп. Ссылка, стр. 193.)
- [670] Цвинглиус Михи сансе плейсет и Буцерус. (Л. Эпп. iv. стр. 110.)
- [671] Узнать, что происходит с полевками. (Корп. ii. стр. 208.)
- [672] Всеобщий вокс: *Обращение к Церкви*. (Zw. Epp. ii. стр. 484.)
- [673] Коллоквиум о том, что такое недумаящий фруктовый напиток. (Раздел ii, стр. 154.)
- [674] Аппарат императорского величества.....инсигниитус вестибус суис империалибус (Корп. Ссылка ii. стр. 242.)
- [675] Мюллер, Геш. der Protestation, р. 715.
- [676] Послание к Евреям xi. 33, 34.
- [677] Unter dem Heerrannyr Иисус Христос. (Там же, стр. 134.)
- [678] Этимси больше к югу от тибета для прославления Христа. (Корп. Ссылка ii. 228. Л. П. Розелли.)
- [679] От Луки х. 18.
- [680] Gottes Wort keines wegs durch weltlich Schwert. (F. Urkund. ii. p. 82.)
- [681] Sie wollen ihnen an ihrem Blüte genügen lassen. (Там же, стр. 90.)
- [682] "Urkundenbuch" Форстеманна, стр. 80-92, 113-119.
- [683] Papistas obmutuisse ad ipsorum Confessionem. (Colch. стр. 195.)
- [684] Богословы-подхалимы λεοντήν, обитающие по всему Миру, но суть которых состоит в том, что никто не способен на ошибку. (Корп. ссылка, стр. 252.)

- [685] Velut suam suaque publica auctoritate roboratam, ab omnibus unanimi consensu acceptandam. (Urkundenbuch, ii. p. 144.)
- [686] Многие лютеране в кашиннабантуре. (Улитка, стр. 895.)
- [687] Imperator iterum obdormivit. (Корп. ii. стр. 245.)
- [688] Ходатайство о поминовании Цезаря по взаимному согласию. (Корп. ii. стр. 345.)
- [689] Итог выступления. (Корп. Ссылка, стр. 253.)
- [690] Цезарь не по-звериному феребатит своих врагов. (Cochl., стр. 195.)
- [691] Факты о животном. (Корп. ii. стр. 259.)
- [692] Церковь иби, не знающая Христа.
- [693] Вопрос ниси фит, вопрос в тот момент, когда мы увидим будущее. (Корп. ii. стр. 148.)
- [694] F. Urkund. ii. стр. 179; Corp. Ref. ii. стр. 256; Brück, Apol. стр. 72.
- [695] Gluck wie der Fuchs brauchet, da er den Storch zu gast lud. (Brück, Apol. p. 74.)
- [696] Некоторые примеры по отдельности в vulgus exire poterat. (Корп. ii. стр. 76.)
- [697] Das Sie es Gott and Kays. Maj. beschlen mussten. (Уркунд. ii. стр. 181.)
- [698] Und darob wie man Spüren mag, ein Entzet zen gehabt. (Тамже.)
- [699] Hi accedunt ad nostros principes et jubent omittere hoc certamen, ne Cæsar vehementius commoveatur. (Корп. ii. стр. 254.)
- [700] Религиозные противоположности, дисциплина, законность Церкви. (Паллав. i., стр. 234.)
- [701] Als were der Papst selbst gegenwärtig gewest. (Brück, Apol. 62.)
- [702] Se alcuni.....perseverassero in questa diabolica via quella S. M. potrà mettere la mano al ferro e al foco et *radicitus extirpare* questa venenata pianta. (Instructio data Cæsari a reverendissimo Campeggi in dieta Augustana, 1530.)
- [703] Откровение xvii. и XVIIIв.
- [704] Тацита возмущения. (Корп. ii. стр. 254.)
- [705] Привычка к яйцам, к яйцам и к носовым платкам: разумность по воле случая. (Корп. ii. стр. 246.)
- [706] В прекрасном видеобитуре cujus toni.....(L. Epp. iv. стр. 130.)
- [707] Винкат Христос модо, ни кто не ссылается на Лютера, как на победителя Христо виктора эрита. (Там же, стр. 139.)
- [708] Contecta persona larva, обитающая в портах struem lignorum. (T. L. Fabricius, opp. omnia, ii. стр. 131.)

[709] Hic conabatur curva rectis exæquare lignis. (Т. L. Fabricius, opp. omnia, p. ii. 231.)

[710] В книге азула ференс игнем и прунас. (Тамже.)

[711] Вино в амфоре oleo plenam. (Т. L. Fabricius, opp. omnia, ii. p. 232.)

[712] Che tentano col Duca di Mantona d' avere il modo di condurre 1000 cavalli leggieri d' Italia in caso si facesse guerra in Germanica. (Ник. Относящийся к Тьефоло.)

[713] Цезарь (Cæsari) обвиняет нас в преступлениях против честолюбивых англичан, обещающих будущее. (Zw. Epp. ii. стр. 484.)

[714] Решение для максимального изучения ὁξίόπιοτοῦ. (Корп. ii. стр. 259.)

[715] Monachorum Spirensium ф́орма плоскость, означающая ужасное восстание. (Там же, стр. 260.)

[716] Показывает нежность самолета к войне. (Корп. Ref. 12 августа, стр. 268.)

[717] Комитет по финансовым вопросам, действующий в отношении Германии, мало и досрочно. (Корп. ii. стр. 216.)

[718] Laniena sanctorum qualis vix Diocletiani tempore fuit. (Buc. Ep. 14 августа 1530 г.)

[719] Великий переворот в гражданском обществе. (Корп. ii. стр. 277.)

[720] Facto autem intempesta nocte Cæsar senatui mandavit, ne quenquam per portas urbis suæ emittant. (Там же, стр. 277.)

[721] Daff man auf den Churfurst zu Sachsen aufschen haben soll. (Brück, Apol. p. 80.)

[722] Auf den hohen berg gefuhrt. (Lanze's Chronik.)

[723] Von ihr selbst gen Hof geritten. (Корп. ii. стр. 165.)

[724] Снова и снова в режиме завершающего этапа curabimus. (Rommel, Philip der Gr. i. p. 268.)

[725] Общие принципы являются догматическими. (Корп. ii. стр. 221.)

[726] Арктиссимум по поводу соединения носа с сущностью, цитата quot;Christi esse volumus. (Там же, стр. 236.)

[727] Cum imperator dilationem responsendi на запрос о принятии. (Корп. ii. стр. 254, 276.)

[728] Объявление всадников в честь государственного учреждения Цезаря, которое должно быть открыто. (Раздел ii, стр. 172.)

[729] Ландгравиус вальде умеренный урон. (Корп. ii. стр. 254.)

[730] Эго истинно сомнамбулическое, успокаивающее. (Корп. ii. стр. 273.)

[731] Фактический цезарь Мане..... созывает новые принципы. (Там же, стр. 277; Брук, Апол., стр. 79.)

[732] В качестве опровержения от подписчика аудиозаписи. (Корп. ii. стр. 277.)

[733] *Intelligis nunc cur portæ munitæ fuerunt.* (Тамже.)

[734] Что за жестокий поступок цезаря, вынесенный в связи с обвинительным приговором. (Тамже.)

[735] За минувшие дни ничего общего не произошло: сохраняется в сентенции, но не исчезает окончательно. (Корп. ii. стр. 277.)

[736] Общее возмущение действием. (Корп. ii. стр. 260.)

[737] Просим прощения. (Тамже.)

[738] *Abit omnibus Clam.* (Корп. ii. стр. 260.)

[739] Мульты с каутой. (Раздел ii, стр. 172.)

[740] Моллюск *cum paucis equitibus*. (Corp. Ref. ii. p. 277; Mit 5 oder 6 pferden. Там же, стр. 263.)

[741] Секендорф и М. де Роммель, без сомнения, вслед за ним, говорят, что ландграф вышел через секретные ворота (*porta urbis secretiori*, раздел ii, стр. 172; Роммель i, стр. 270). Я предпочитаю свидетельства современников, в частности, Бренца, в которых говорится: "Вечерний приускам порт урбис клаудентур, время прошедшее". (Корп. ii. стр. 277.) Главный магистрат Аугсбурга, у которого одного были ключи от калитки, никогда бы не осмелился одобрить отъезд ландграфа.

[742] Прошу прощения за невежество. (Корп. Ссылка, стр. 261.)

[743] На сайте *enim Cæsar adhuc præsto adesse*. (Тамже.)

[744] Вы ни в чем не подозреваете. (Корп. ii. стр. 277.)

[745] *Imperator re insperata commotus*. (Раздел ii, стр. 172.)

[746] Нежелательно отправлять Чурфурстена фон Заксенунда унсерера. (Корп. ii. стр. 263.)

[747] *Es möchte wohl ista mora et indignitas* noch einen Landgraven müde machen. (Л. Эпп. iv. стр. 134.)

[748] *Ut nullo modo a verbo Dei abstrahi aut terreri se patiatur*. (Раздел ii, стр. 172.)

[749] Прерывание предупреждения о насилии в отношении Landgravii. (Корп. Ссылка, стр. 277.)

[750] *Nam cum paucis post horis resciscunt Landgravium elapsum, convocant iterum nostros*. (Тамже.)

[751] Zertrennung dieses Reichstags zu verursachen. (Корп. ссылка, стр. 264.)

[752] Es habe ein Trabant mit einem andern ein Unwill gehabt. (Корп. ii. стр. 265.)

[753] *Nullo alio tempore mitius et benignius quam tunc cum protestantibus egerit*. (Раздел ii, стр. 172.)

[754] П. Уркунденбух, ii. стр. 219.

[755] Die Sünd die man nicht wisse, die durff man nicht beichten. (F. Urkunden, ii. p. 228.)

[756] Человек должен умереть *Единолично*, как настоящий Шустер Шикен. (Urkund. ii. стр. 225.)
Этот жалкий каламбур Эка не требует комментариев.

[757] Омнино, omnino, дополнение к *разочарованию*. (Scultet. стр. 289.)

[758] Если Бог - дух, как учат поэты, ему следует поклоняться с чистым разумом.

[759] Брауншвейгский орех существует в присутствии *πρός τὸν μαακῆδονα*, что противоречит упражнениям. (Scultet. стр. 299.)

[760] Vorschläge des Anschlusses der Sieben des Gegentheils. (Урк. ii. стр. 251.)

[761] Wie von alters in der ersten Kirche etliche Hundert Jahre, in Gebrauch gewesen. (Урк. ii. стр. 254.)

[762] Руководство по ошибочным выводам. (Там же, стр. 253.)

[763] Ist Ihnen auch nicht möglich. Dazu Kostet es zu viel. (Урк. ii. стр. 247.)

[764] Cum dicimus eum Antichristum. (Урк. стр. 247.)

[765] Нет политики, которая допускает нарушения совести. (Корп. ii. стр. 302.)

[766] Филипп - добрый человек, он же добрый надзиратель. (Baumgartner, Ibid. p. 363.)

[767] Der lüge als ein Bösewichtst. (Там же, стр. 364.)

[768] Закон о свободе христиан. (Baumgartner, Corp., Ссылка ii, стр. 295.)

[769] Quid ea concordia aliud esset quam natae jam et divulgatae luci obducere nubem. (Там же, стр. 296.)

[770] Die gange Stadt sagt. (Корп. ii. стр. 297.)

[771] Папа нолет и Лютер устарели. (L. Epp. iv. стр. 144.)

[772] Нам известен древний змеиный отросток пяточной кости. (Там же, стр. 151.)

[773] Признаем недействительными крупные концессии, largius, largissime, suas vero, stricte, strictius, strictissime. (Там же, стр. 145.)

[774] Sed ab ipsis totum verbum Dei *quod plus quam ecclesia est* дамнари. (Л. Эпп. iv. стр. 145.)

[775] Что такое Кампеджиус, что такое unus magnus и insignis diabolus. (Там же, стр. 147.)

[776] Венеция, не дубита, veniet Lutterus, hanc aquilam liberaturus magnifice. (Л. Эпп. iv. стр. 155.)

[777] Никто не осуждает вульгарные крики. (Корп. ii. стр. 303.)

[778] Profani jurisdictionem ecclesiasticam et similia negotia religionem non curent. (Корп. Ссылка ii.)

- [779] Не вечная позорная раскольническая работа. (Тамже.)
- [780] Лютеранское отступничество среди папистов. (Zw. Epp. ii. стр. 461.)
- [781] Баумгартнер - Шпенглери. (Корп. ii. стр. 363.)
- [782] Фремунт и другие общественные деятели, выступающие за возмущение правящего епископата *restitui*. (Там же, стр. 328.)
- [783] Кванты проводимости, исходящие от объема денежных средств, а не от папы эссета. (Корп. ii. стр. 333.)
- [784] Петро это, ут рак. (Zw. Epp. ii. стр. 506.)
- [785] Das sie nicht weyber seyen sondern männer. (Корп. ii. стр. 327.)
- [786] Путаница и возмущение религии. (Корп. ii. стр. 382.)
- [787] Ut aula ministerium in ecclesia ordinet bonis non videtur consultum. (Там же, стр. 362.)
- [788] Видеозапись о множественной нетерпимости к будущим тиранидемам и борьбе с ними. (Корп. ii. стр. 334.)
- [789] Si mea causa hæc tempestas coacta est, me statim velut Jonam in mare ejiciat. (Там же, стр. 382.)
- [790] Er wollte sich ehe auf Stücker Zureissen lassen. (L. Opp. xx. стр. 328.)
- [791] Он является важным Императором для всего человечества. (Корп. ii. стр. 335.)
- [792] Муравейник Кайзеров и др. (Urkund. ii. стр. 313.)
- [793] Не знаю, что приготовить самостоятельно, варенье из железа в ману Цезарисском. (Корп. ii. стр. 342.)
- [794] In eam (concilii celebrationem) Pontificis animus haud propendebatur. (Паллавичини. i. стр. 251.)
- [795] Al contrario, remedio e piu pericoloso e per partorir maggiori mali. (Lettere de Principe, ii. p. 197.)
- [796] Слухи о примирении римская общественность (Паллав. i., стр. 251.)
- [797] Че не се не трованано данари. (Lett. di Prin. iii. p. 5.)
- [798] Временное восстановление после смерти Паписта. (Корп. ii. стр. 355. See also *Erklärung des Kaisers Karl*, v. Urkunden, ii. p. 391.)
- [799] Нит нойе, Сектен видер, хайлиге Шриффт. (Brück. Апол. стр. 136.)
- [800] Urkunden. ii. стр. 410; Brück, Apol. стр. 139.
- [801] Kurtz mit Solchen Worten ob er erwarten wolte oder nicht? (Brück, Apol. p. 143.)
- [802] Ein beschwerlich Geschrey zu Augsbourgdien selben abend ausgebrochen. (Там же, стр. 145.)

[803] Man würde ein Kriegs-volk in Preussen Schicken. (Brück, Apol. p. 143.)

[804] Там же. стр. 155-160.

[805] A mare Baltico ad Helvetios. (Эразм. Еpp. xiv. стр. 1.)

[806] Ingewöhnlichen Kleidungen mit Gesang und Lesen. (Урк. ii. стр. 418.) Канон представлял собой картонную рамку, помещенную на алтарь перед священником и содержащую Апостольский символ веры с различными молитвами.

[807] Estel List gefährliche Tücke и др. (Jonas. Уркунд. ii. стр. 423.)

[808] Die gräuliche artikel. (Spalat. Там же, стр. 428.) De Primatu Papæ, de Purgatorio, de Indulgentiis. (Меланхтон, Корп. Ссылка ii. стр. 374.)

[809] Dem Teufel und antichrist zu gefallen. (Урк. ii. стр. 431.)

[810] Вел маледикти, папа и Цезарь. (Л. Эпп. iv. стр. 162-171.)

[811] Alles das, so Ihm Gots geben hätt, dorob zu vertieren ein geringes wäre. (Корп. ii. стр. 379.)

[812] In der selben Nacht. (Корп. ii. стр. 379.)

[813] Практический анализ сводных препятствий одновременно. (Корп. ii. стр. 385.)

[814] Показать себя и показать себя. (Там же, стр. 380.)

[815] Etwas darob schwermütig und hitzig erzeight. (Там же, стр. 380.)

[816] Придерживаться решения цезаря, чтобы никто не сидел, а дитя живое. (Корп. Ссылка ii.)

[817] Urkunden. ii. стр. 455-472.

[818] Нюрнберг и Рентлинген, к которым были добавлены города Кемптен, Хайльбрунн, Виндсхайм и Вайсемберг. (Ссылка на Корп. ii. стр. 474-478.)

[819] Яростный протестантский призыв к минимальным ожиданиям на территории (Разд. ii. стр. 200.)

[820] Брюк, Апология, стр. 182.

[821] Betrüge, meisterstuck, aber Gott errettet die sernen. (Там же.)

[822] Auf König Ferdinandus wincke wieder geben. (Apologie, p. 184.)

[823] Нач эссен аллерли: Процесс обсуждения и убеждения. (Урк. ii. стр. 601.)

[824] Sondern vom Schreiber gesetzt, der dis nicht geacht. (Урк. ii. стр. 606.)

[825] Wüssten auch nicht anders denn wohl und gut. (Урк. стр. 210.)

[826] Эйн Сау фахен хелфен. (Там же. 211.)

[827] Ссылка на корп. ii. стр. 397.

- [828] Ein mal aus de Hölle los ist. (L. Epp. iv. p. 175.)
- [829] "Кайзер и быстрый хитциг им Генделя". (Корп. Ссылка ii. 591.)
- [830] Es gehören die Fauste dar zu. (Там же, стр. 592; Urkund. ii. стр. 710.)
- [831] Фермент кетцер ангезоген. (Там же.)
- [832] Bis in die Hundert Prediger in andere Lande Schiken helfen daselbst die neue Lehre zu predigen. (Уркунд. ii. стр. 646.)
- [833] Сокращение от альт-Хаус. (Корп. ii. стр. 400.)
- [834] Ратшлаг и др. (Urkund. ii. 737-740.)
- [835] Wo sie nicht einen gemeinen Friedensversichert. (Корп. ii. стр. 411, 416.)
- [836] Diesem Theil desto mehr Freude und Trost und dem gegentheil Erschrecken. (Уркунд. ii. стр. 728.)
- [837] Это Волшебная палочка, которая помогает понять, что происходит. (Корп. ii. стр. 423.)
- [838] Эти переговоры можно найти в книге Форстермана "Уркунден", стр. 750-793.
- [839] Уркунден, ii. стр. 823; Ссылка на корпорацию ii. стр. 437.
- [840] 40 000 злотых и 8000 злотых росс. (Корп. ii. стр. 399.)
- [841] Legati Norinb. ad Senatum, 11 октября. (Корп. Ссылка. ii. стр. 402); Legati Sax. ad Electorem, 10 октября. (Urkund. ii. стр. 711.)
- [842] Незадолго до окончания диеты.
- [843] Hatt der Kayser unter andern in Franzosisch geredet. (Там же, стр. 421.)
- [844] Geneva expugnata, bellum etiam urbibus Germaniaæ Superioris inferretur. (Корп. ii. стр. 402.)
- [845] Моя жизнь, мой мир, Хенкер сейн. (L. Opp. xx. стр. 304.)
- [846] Постоянный участник, как и любой другой доброволец. (L. Epp. iv. стр. 167.)
- [847] Французская часть Швейцарии, включающая кантоны Женевы, Во, Невшатель и часть кантонов Фрибург, Берн и Вале.
- [848] Экклз. iii. 1, 2, 3.
- [849] Гравабат пох, противопоказан плювии..... (Обращается к Капито и Буцеру; Невшатель, ср.)
- [850] Piis artibus et apostolicis versatiis ad circumveniendum illum opus est. (Кол. Фарелу, 27 декабря 1526 года. Невшатель ср.)
- [851] Ubi ostium patuerit, средство противодействия либерийской одержимости. (Там же.)
- [852] Апология Веры и любви в лютеранской проповеди. (Указ. том ii. т. 2, стр. 1.)

[853] Ut Christi succussa unique Ecclesia, pacis non nihil sentiat. (Zw. Epp. ii. стр. 26.)

[854] Папа не имеет права изменять свой статус. (Zw. Epp. ii. стр. 36.)

[855] Имя Урсин, несомненно, было взято от медведя (*ursa*), который был на щите Берна. Урсин имел в виду бернца.

[856] Дж. Дж. Хоттингер, X. К. Г., iii. стр. 364.

[857] Фердинандо авантюрист, суть изобретения из Испании. (Цвинглиус, Epp. ii. стр. 64; датировано 11 мая 1527 г.)

[858] Подавление божественного распространения. (Мисс Шупар)

[859] "История швейцарской реформации" Руча, i. стр. 35.

[860] про экземпляров *Libros* Сиби защитником comparant, про студию concubinas амант. (Тритхейм Просто. *Vitæ Sacerdotalis*, p. 765.) Пьеса о *libros* и *liberos* (книгах и детях) не может быть передана на английском языке.

[861] Urbanus, doctus, magnus, обязательный консуэтодин. (Фарель Галеотто, Невшательская г-жа)

[862] Pluris faciunt miserrimi subulci aspectum quam omnipotentis Dei. (Фарель Галеотто, Невшательская г-жа)

[863] Pulsare, vociferari perge, nec prius cessa quam и др. (Там же)

[864] Это итоги имплементации и осуждения. (Там же.)

[865] Как бороться с упрямством дьявола, бесстрашно бороться с репробусом и contumax monachus. (Jacob von Juterbock; de Negligentia Prelatorum.)

[866] Комментарий темпестера; в повествовании он рассказывает об этом приключении монахиням Вебе. (СР. Невшатель)

[867] Tournant maintenant de ça, maintenant de là, comme fait la conscience mal assurée. (Там же.)

[868] Il n'appartient à personne vivante d'ordonner autre manière de faire service à Dieu, que celle qu'il a commandée. Nous devons garder ses commandemens, sans tirer ni à la dextre, ni à la senestre. (СР. Невшатель)

[869] Закуски из сена, тремблуга, с'агитуа, палиссуа и ружиссуа - тур за туром. Enfin tirant son bonnet de sa tête, hors da chaperon, il le rua à terre, jettant et mettant son pied sus, en s'écriant: "Je suis esbahi comme la terre ne nous abyme!" (Там же.)

[870] Я в одном туре, и я в одном туре. (СР. Невшатель)

[871] Lors le frère se jeta à genoux, disant: Messeigneurs, je demande merci à Dieu et à vous.....Et aussi, Magister, ce que j'ai prêché contre vous a été par de faux rapports, &c. (Neuchatel MS.)

[872] Je suis pauvre pécheur comme les autres, ayant ma fiance, non en ma justice, mais à la mort de Jesus. (Там же.)

[873] Puis quand le frère fut parti, depuis ne l'ai vu, et nulles promesses ni sermens ne l'ont pu faire demeurer. (Тамже.)

[874] Сэд Сатан за все сервоприводы, объемное прослушивание звука тарелок. (СР. Невшатель)

[875] Первоначальное изобретение подвески, определение достоинства комбинации, изменение формы капитала, новизна в области слияния. (СР. Невшатель)

[876] Я квантовый человек Галлум и варвар. (Zw. Epp. ii. стр. 205.)

[877] Абсцесс улло фуко, нивеум и верхнее отверстие грудной клетки. (Тамже.)

[878] Да пребудет с тобой вентерь накаливания! quot minarum plaustra! Солентские сказки Беллуэ и др. (ср. Невшатель)

[879] Не в пальцах рук, ног, глазных яблоках, ноздрах, суставах, плечах, потому что у человека есть различия, и вопрос в ребусе есть разновидности, принцип, не являющийся мультиплексом. (Тамже.)

[880] Намек на споры об анабаптизме и его реальном присутствии. Non tanta erit super aqua et pane contentio, nec super gramine, solutaque obsidione. (Невшательская г-жа) Смысл этих последних слов неясен.

[881] Милосердный овен. (Фарел Буцеру, 10 мая 1529 г.)

[882] Втор. xxxii. 14.

[883] Hundeshagen, Konflikte der Bernischen Kirche, p. 19.

[884] Законный календарь наготы-терция *Мурнери*, часть пути человека к совершенству. (ŒColamp. к Цвингле, февраль 1527 г., Epp. ii. стр. 26.)

[885] Mullinen e Senatoria dignitate protrusus est. Lapides quoque. (Галлер Цвингле, 25 апреля 1527 г. Там же, стр. 49.)

[886] Aculeos ac hamos, sic in mortalium pectora dimitte, ut etiam si velint, non possint. (Zw. Epp. ii. p. 10.)

[887] Ne plebem dehortentur ab auditione concionum nostrarum ob idolorum præsentiam. (Zw. Epp. ii. p. 49.)

[888] Consideravimus omnes periculum urbis nostræ et totius Christianismi, ubi illæ furia irrepserint. (Там же, стр. 50.)

[889] Nostrum est, omnio gladio spiritus refellere. (Тамже.)

[890] Ut privata auctoritate nemo quippiam immutare præsumat (Haller to Vadian.)

[891] В Сенате Лорда Эмменталья адииссе, *миссдля мисс фецисс*. (Zw. Epp. ii. стр. 104.)

[892] Pueros, hereticos, et homines lascivos. (Там же, стр. 106.)

[893] Галлер - Цвингле, 4 ноября 1527 г. (Epp. ii. стр. 105.)

[894] Дж. Дж. Хоттингер, Х. Кирхен, viii. стр. 394.

[895] Священный сценарий, абсцедирующий ветеран глоссематиса. (Халлер Цвингле, 19 ноября 1527 г. Epp. ii. стр. 113.)

[896] Жители примитивных демократических кантонов Швиц, Ури, Ундервальд и Люцерн, к которым можно добавить Цуг.

[897] Джон Гоч, "Диалог об ошибке", стр. 237.

[898] Эпистолам лепрози, дамнати, херетици Цвинглии акцепти. (Спасибо Г. А. Зеллу, Zw. Epp. ii. стр. 126.)

[899] *Judex controversiarum*-1 Иоанна iv. 1; 1 Фес. v. 21.

[900] Во мне доминирует анимат, и я ничему не верю. (Zw. Epp. ii. стр. 123.)

[901] Намек на спор в Бадене, знаменитом месте купания, и на герб Берна. (Там же, стр. 118.)

[902] Красная волчанка тенемус. (Цюрих, ср.)

[903] Далее о возмущении нострой альмы Гельветии. (Zw. Epp. ii. стр. 120.)

[904] Олигархи в ангулийском обурмане. (Там же, стр. 123.)

[905] Крессит, Домино gloria, михи анимус в нас pugna. (Zw. Epp. Vadiano.)

[906] Местоблюститель архитектора Тиллманнуса Урбиса сопоставляет деформацию с операцией. (Там же. ii, стр. 123.)

[907] Примите от меня крещение! Zur Schrift, zur Schrift! (Закон Zw. ii. стр. 92.)

[908] Das lachet menklich und ward durch die gantzen Stadt kundt. (Буллинг, i. стр. 436.) В этой и других цитатах мы сохраняем орфографию того времени.

[909] Буллингер, напротив, утверждает, что совет решительно запретил Массовые мероприятия. Но Буллингер, который является очень энергичным писателем, не всегда точен в дипломатических вопросах. Совет не пришел бы к такой резолюции до завершения обсуждения. Другие современные историки и официальные документы не оставляют места для сомнений на этот счет. Стеттлер в своей Хронике, pars ii. p. 6, 1528 год н.э., подробно описывает эти действия, как указано в тексте.

[910] Имя виновного дьявола. (Дж. Дж. Хоттингер, iii. стр. 405.)

[911] Pueri in plateis cantant: суть дела освобождения. (L. Epp. iii. стр. 290.)

[912] История Берна, Тилье, iii. стр. 257.

[913] Si studiorum quam scortorum nostri episcopi amantiores essent. (Ruchat, i. стр. 576. Письмо Ж. де Мюнстера, священника в Солере.)

[914] Hie lüt einer, dem ist's haupt ab, dem andern ein arm, &c. (Zw. Opp. ii. p. 228.)

- [915] Da der König aller Könige.....(Халлер, Кирхгофер, стр. 439.)
- [916] Mit iren Spyessen für den hauffen. (Bull. chr. i., стр. 439.)
- [917] Цвингель, триумфатор и император славы. (L. Epp. iii. стр. 290.)
- [918] Причина смерти. (Письмо священника Дж. де Мюллера, очевидца дискуссии. Rachat. i. стр. 575.)
- [919] Доктор тамен гек беллуа эст куам путабам. (Тамже.)
- [920] Победа в крупной мелиорации. (Тамже.)
- [921] Бычий текст. Хронология, i, стр. 466.
- [922] Хундесхаген, конфликт Бернеркирхе, стр. 22.
- [923] Da tregt ein Götz den andern in das fhüwr. (Бык. Хронология. ii. стр. 1.) Человек, в обязанности которого входило стричь стада, и которого прозвали Гетц-шерер (стригущий идолов), очень выделялся среди тех, кто нес изображения к огню. Таково было происхождение этой популярной легенды, и она является ключом ко многим другим.
- [924] Das wyt und breit ein gross geschrey und wunder gepar. (Бык. Хроника. ii. стр. 1.)
- [925] Дж. Дж. Хоттингер, iii. стр. 414.
- [926] Главная тайна тибби. (Галлер Цвингле, 21 января 1530 г.)
- [927] Relucet enim in illorum vestitu et habitu nescio quid veteris illius Helvetiæ simplicitatis. (Гофмейстер Цвингле. Zw. Epp. ii. стр. 167.)
- [928] Ea res magnam spem mihi injecit de illis lucrandis qui hactenus fuerunt male morigeri verbo. (Тамже.)
- [929] Правящий суд по делу manus magistrates nostri (от Халлера до Цвингле, 31 марта.)
- [930] Собрание всего народа.
- [931] Прослушивание как очевидный *призыв австрийцев* к войне, противник как невежда. Susplicantur quidam in Helvetios. (Кол. к Zw. Epp. ii. стр. 161.)
- [932] Крамольный спор против повседневности. (Zw. Epp. ii, стр. 227.)
- [933] Nunc, nunc suum Messiam advenisse sperantes. (Тамже.)
- [934] Ita languet Christus apud nos. (Тамже.)
- [935] Я держу руку на пульсе геворфена здесь. (Гимн и молитва.)
- [936] Вопрос о том, кто из нас венаторес робустос. (Zw. Epp. ii. стр. 223.)
- [937] Знаменитый отшельник, предотвративший гражданскую войну в Швейцарии в 1481 году.
- [938] За то, что мы упустили возможность снизить уровень насилия в стране. (Халлер - Цвингле, 26 октября.)

- [939] Традиция гласит, что это было на том месте, где сейчас стоит отель Интерлакен.
- [940] Берненсес выступает за достойный узел живота, кемадмодум Александра Маседо, Гордий диссектари. (Zw. Epp. ii. стр. 243.)
- [941] Война между землями и Арменией в аусгетхайле. (Дж. Дж. Хоттингер, iii. стр. 415. Св. Матфея xxvi. 7.)
- [942] Arch. Gesch. Сент-Галл, ii. стр. 529. Дж. Дж. Хоттингер, стр. 416. Müller; Hottinger, ii. p. 91.
- [943] Ссылка на животное ветеринара Тускоса, искреннего ветеринара Гельвеция. (Зв. Эпп.)
- [944] Дж. Дж. Хоттингер, iii. стр. 426.
- [945] В чем суть тандема radio cessuras. (Zw. Epp. ii. стр. 136.)
- [946] Основные вопросы гражданского общества, которые касаются всего, что касается борьбы с диссидентской лабораторией. (Там же, стр. 36.)
- [947] Vereorque ne dum semper utraque sella sedere velit, utraque extrudatur aliquando. (Zw. Epp. ii. p. 157.)
- [948] Имя святого. Мать Огюстена.
- [949] Смотрите *Символику* Мелера как в предисловии, так и в основной части работы. Это одно из самых важных сочинений, созданных Римом со времен Боссюэ.
- [950] Кетцер, шельмен и бюбен. (Буллинг, ii. стр. 36.)
- [951] Созревание фатальной горы и тревога враждебных действий. (Zw. Epp. ii. стр. 213.)
- [952] Просьба к простолюдинам: Нос non fiet! (Zw. Epp. ii. стр. 255.)
- [953] Нет самолета, который не существует, но остается неизменным. (Там же.)
- [954] At altera pars minitabat praelia si missam rejicerent (Ibid.)
- [955] Ut nemo non commoveretur et profecto fere mihi lacrymas excussisset. (Zw. Epp. ii. стр. 255.)
- [956] Мыслители выступают за славу Христа, за справедливость для общественности, за постеритативный суд над деберетом. (Кол. Цюрих, ср.)
- [957] Не является сильной стороной внутренней борьбы. (Там же.)
- [958] Моллюск сознательный navicula fuga, nescio senatu, elapsus est. (Кол. Цюрих, ср.)
- [959] Cum halpardis quasi per ludum aperirent armarium idolorum, unumque idolum educerent. (Там же.)
- [960] Эразм. Указ. соч. 291.
- [961] Лигнис воображаемый нами во время ночных бдений, pro arcendo frigore nocturno. (Цюрих, ср.)

- [962] Де-вос за трехлетний период сознателен, эффективен, не является внутренним для всех абсолютным. (Кол. Капитони, ср. Базель)
- [963] Нулевой результат от удаления оболочки. (Ib.)
- [964] Дополнение plebi. (Кол. Капитони, ср. Базель)
- [965] Состояние плебса, у которого красный дом, к югу от сумерек. (Там же. Цюрих, ср.)
- [966] Ita sævitum est in idola, ac missa præ dolore expiravit. (Кол. Заглавная. Цюрих ср.)
- [967] Базилика торренс-кидем, к югу от земли лабебатур, субито-эрумпенс и др. (от Рождества Христова, июль 1539 г.)
- [968] Мало что проясняет клиновидную мышцу. (Кол. Заглавная.)
- [969] Хагенбах, Ворлзунген, ii. стр. 125, 200.
- [970] Это манибус собственного производства. (История. из Невшателя, Ф. де Шамбрёе, стр. 13.)
- [971] Воспоминания об Эглизском колледже Невшателя, стр. 240.
- [972] Месье де Перро, бывший пастор Серьера и автор работы, озаглавленной "Взгляд и преобразование", показал мне камень, на котором стоял Фарель.
- [973] "Aucuns de Neuchatel, auxquels Dieu avaient donné connoissance de la vérité," &c. (Choupart MS.)
- [974] Цитируется в отрывке MS.
- [975] Rasorum remora menta. (Фареллус Молано, мисс Невшатель)
- [976] Концепция борьбы с тиранией. (Фар. Мол. Невшатель, ср.)
- [977] дословно для родителей. (Там же.)
- [978] Для ознакомления. (Там же.)
- [979] За Христа в суде. (Там же.)
- [980] Gratias ergo, Fratres, mecum agite Patri misericordiarum, quod sit propitius gravi pressis tyrannide. (Там же.)
- [981] Указана в аннотации. Farel Leben von Kirchofer.
- [982] В levia facit omnia Christus, добавил он. Фарель - Дюмулену, 15 декабря. (СР. Невшатель)
- [983] Фрагмент MS. (Шамбрёе, История. де Невшатель, стр. 293.)
- [984] Послание из Берна графу Грюйеру, 5 и 16 января 1530 года.
- [985] Слева от современной дороги из Веве во Фрибург.
- [986] Послание из Берна, Шупар г-жа

[987] Для сеньоров, людей и пастырей. См. выше, том. III. книга xii.

[988] Петра Пертуза.

[989] Donc le pauvre prêtre qui chantoit sa messe ne la peut pas achever. (Старая рукопись, цитируемая в рукописи Чупарта)

[990] Лучше всего перемешать джем для приготовления джема. Мегандер - Цвингле, 6 августа 1530 года.

[991] Де Шамбрье, История. де Невшатель, i. стр. 293

[992] Поисковый файл *привлекает*.

[993] Фрагмент MS.

[994] Wingarterus iste infectus peste apud senatum nostrum, pia legatione. (Мегандер Цвинглю.)

[995] Здесь расположены Шо-де-Фон, Локль и др.

[996] Шамбрье, История. де Невшатель, стр. 276.

[997] Анналы Бойве и семейная рукопись —С тех пор эта семья дала несколько пасторов церкви Невшателя.

[998] Существуют две оригинальные рукописи (обе цитируются в рукописи Чупара), в которых рассказывается об этой сделке. В одной говорится, что Фарел проповедовал в Валанжине, в другой указывается деревня недалеко от Валанжина. Ruchat приняла первую версию; я думаю, что последняя предпочтительнее. Вторая рукопись кажется мне более древней и правильной, чем первая.

[999] Фрагмент MS.

[1000] Деяния iii. 21.

[1001] Les prêtres n'avoient pas la goutte aux pieds et aux bras, et ils les battirent tellement que peu s'en fallut qu'ils ne perdissent la vie. (Г-жа Чупар)

[1002] Да здравствует! à l'eau! jetez les dans le Seyon ces chiens de Luthériens qui ont méprisé le bon Dieu! (Г-жа Чупар)

[1003] Фрагмент MS.

[1004] Choupart MS. Mais eux rudement fâchés de ses propos et constance, lui donnèrent tant de coups, qu'ils le mirent tout en sang, jusques là que son sang jailissoit sur les murailles de la chapelle. On en voyoit long temps après encore les marques.

[1005] Деяния xiv. 19.

[1006] Деяния xiv. 14.

[1007] Фрагмент MS.

[1008] Письмо губернатора принцессе.

[1009] Это заключение, которое я делаю из различных документов, и в частности из отчета о собрании, проведенном в Невшателе бернскими депутатами, в котором главы граждан заявляют, *что им показалось очень правильным снести алтари*, и т.д. До сих пор была замечена только одна фаза этого действия — народное восстание. движение; а другой, а именно законное решение магистратов города, по-видимому, было упущено из виду.

[1010] Фрагмент MS.

[1011] Там же.

[1012] 2 Хронология. xxxiv. 7.

[1013] Фрагмент MS.

[1014] Дьявольский разум создает статую, воображение и универсальный симулякр. (Тертуллиан, "Об идолопоклонстве", глава 3.)

[1015] Сократ против 16.

[1016] "Четверо (муниципальные власти) упомянутого Невшателя", - отмечает священник Безансене. Смотрите также *перерыв* в совете, проведенном в Невшателе г-ном Бернским 4 ноября 1530 года.

[1017] Письмо губернатора принцессе.

[1018] В чем причина недостаточной валидности ключицы, врожденной недостаточности клаустрофобии, а не непреодолимой силы? (Arnobius contra gentes, vi. p. 257.)

[1019] 23 октября 1530 года идолопоклонство было свергнуто и удалено из церкви гражданами.

[1020] Трое послов, которые помогут мне разобраться с grosom и грубыми предложениями. (Губернатор принцессе.)

[1021] Там же.

[1022] Шамбрье, История. де Невшатель, стр. 296. (Письмо губернатора. Quand bien *le plus* sera des votres, si passerez vous par là, &c.)

[1023] Choupart MS.; Архив М. де Берна.

[1024] (Там же)

[1025] Devez entendre que la plupart de cette ville, hommes et femmes, tiennent fermement à l'ancienne foi. Les autres sont jeunes gens de guerre, forts de leurs personnes, remplis de la nouvelle doctrine, ayants le feu à la tête. (Г-жа Чупар)

[1026] *Файл плюс*, большинство.

[1027] Письмо губернатора принцессе.

[1028] Там же.

[1029] Там же.

[1030] Там же.

[1031] Alors iceux dirent en pleurant que les noms et les surnoms. des bons et des pervers fussent écrits en perpétuelle mémoire, et qu'ils protestoient être bons et fidèles bourgeois de Madame, et lui faire service jusqu' à la mort.

[1032] Письмо губернатора. Nous disons le semblable en toute autre chose où il plaira à Madame nous commander, sauf et reserve icelle foi évangélique, dans laquelle nous voulons vivre et mourir.

[1033] Reces de MM. de Berne, MS. Et que l'on paie à Madame ou à qui il sera dû justement dîmes, cens, rentes et revenus.

[1034] Ungefährlich, ungezwungen, aufrecht und redlich. (Из Берна губернатору, 17 декабря 1530 г.)

[1035] Летопись Бойва, СР.

[1036] 1 Тим. iv. 6.

[1037] Choupart MS. Nous voulons vivre et mourir sous la protection de Madame, sans changer l'ancienne foi, *jusqu' à ce que par elle en soit ordonné.*

[1038] Берн - Невшатель, 17 декабря.

[1039] из Берна губернатору, 23 декабря.

[1040] Шамбрье, История. de Neuchatel et Valangin, p. 299. Je ne crois pas que ce soit selon les vieux évangiles; s'il y en a de nouveaux qui fassent cela faire, j'en suis esbahie.

[1041] Не похоже, что Белый мог стоять и проповедовать на этом камне, как обычно говорят, если только то, что сейчас осталось, не является всего лишь фрагментом оригинала.

[1042] Г-жа А.А. в отрывке г-жа

[1043] 2 Кор. xi. 24, 25.

[1044] Де Перро: Взгляд и преобразование, ii. стр. 233.

[1045] Обычно этот инцидент приписывают Фарелю, но Шупар, следуя более старой рукописи, говорит: *министр Невшателя*, под этим названием он всегда подразумевает Маркура, а не Фареля.

[1046] Некоторые историки говорят "кучер графини"; но Шупар в трех разных случаях пишет *канон*. Последнее, без сомнения, более отвратительно, но в этом нет ничего невероятного.

[1047] Для равного доступа к информации.

[1048] Викарий "Хроники Безансне". Des grands vitupères qu'on lui avait faits.

[1049] Эшер и Хоттингер, Архивы, ii. стр. 263.

[1050] Mögen sie blätzen am alten Glauben. (Хоттингер, Цвингли, стр. 389.)

- [1051] Die Zungen geschlitz, mit dem Schwerdt richten und verbrännt. (Бык. ii. стр. 31.)
- [1052] Умереть в Готтесе, увер Зелен Хайль. (Буллинг. Хроника. ii. стр. 28.)
- [1053] Там же, стр. 48.
- [1054] Буллингер приводит договор полностью. (Хронология ii, стр. 49-59.)
- [1055] Weinet häfftig. (Булла. ii. стр. 149.)
- [1056] Rev. xvii. 6.
- [1057] Воин, но не инстамус, не мир, не война. (Vita Zwinglii per O. Myconium.)
- [1058] Сукцидант нервов олигархии. (Тамже.)
- [1059] Имя рата райнигена. (Füssli Beyträge, iv. p. 91.)
- [1060] Den götzen brand, an inen mitt der Hand zu rächen. (Бык. Хроника. ii. стр. 193.)
- [1061] Волчаночный синдром агни, волчаночный воспалительный процесс. (Цвинг. Епп. ii. стр. 296.)
- [1062] Суть в том, чтобы измельчать всюду, без необходимости распылять. (Тамже.)
- [1063] Пенсионеры.—За исключением аликвоты *nigris equis*. (Цвинг. Эпп. ii. 298.)
- [1064] Домашнее больное мясо. (Тамже.)
- [1065] Soudern sass auf ein Ross, und führte eine hubsche Helparten aufden Achseln. (Füssli Beytr. iv. p. 103.)
- [1066] Дас редт эр митт вейненден Оуген. (Булла. ii. стр. 169.)
- [1067] Alls nun der Amman wiederum zu den 5 orton ryten wollt. (Бык. Хроника. ii. стр. 170.)
Цвингле был крестным отцом одного из детей Эбли.
- [1068] Свобода патриотов, добродетели и признание славы Кристи. (Osw. Мус. De vita Zw.)
- [1069] Мера зерна продавалась за флорин, а мера вина - за полбатца, около трех полупенсовиков. (Бык. Хроника. ii. стр. 182.)
- [1070] Wenn ihr schon uneins sind, so sind ir eins. (Бык. Хроника. ii. стр. 183.)
- [1071] Зондерн пел, прыгал, вертелся и продолжал умирать. (Фюссли Бейт. iv. стр. 108.)
- [1072] Выше, стр. 753. Полностью этот договор приведен в Bullinger, ii. стр. 185, и Ruchat, ii.
- [1073] Таблица, содержащая краткое описание и удаление языка *Glaronensis gladio*, ид для *ipse vidi*. (Zw. Epp. ii. стр. 310.)
- [1074] Cum non cædem factum profecti sumus. (Тамже.)
- [1075] Die sectischen haltend vil elends Hüdel volk gefunden, &c. (Salat, Chron.)

[1076] That der Tüffel den ersten Angriff.

[1077] Это дорога, по которой армия Суворова бежала в 1799 году.

[1078] Нам следует мыслить единственно верным образом для христианской адъювантной медицины. (Zw. Epp. ii. стр. 13.)

[1079] Audeo ego intrepide omnem ecclesiæ abusum et omnia humana precepta in enunciatione verbi Dei damnare. (Тамже.)

[1080] Суть и сказки. (Zw. Epp. ii.)

[1081] Замять дело о том, что палинодиам может быть осужден. (Zw. Epp. ii. стр. 292.)

[1082] Пьер Румелен; пастор Швандена.

[1083] Тотализатор ночных рыб, сангвисугас, аспендиос цепимус. (Zw. Epp. ii. стр. 13.)
Расдорфер, очевидно, ссылается на то, что Плиний говорит о разновидности виноградной лозы, называемой *Аспендиос*: E diverso aspendios, damnata aris. Ferunt eam nec ab alite ulla attingi. (Hist. Nat. lib. xiv. cap. xviii § 22.)

[1084] Вертит вела индия сенатус ностер мулиеркулярный подробнее. (Тамже.)

[1085] Варите тыквенное варенье, публикуйте без рекламы. (Там же.) То есть, в одно время он признает, в другое - отвергает настоятеля Святого Галла.

[1086] См. Письмо Бенедикта Нолла Цвингле, Epp. ii. стр. 635.

[1087] Святой Чорлес Барромео, архиепископ Милана, несколько позже упразднил несколько монастырей в этом районе: "Monialium non dicam collegia, sed amantium contubernia", - сказал он. (Die evangel Gem. in Locarno von F. Meyer, i. p. 109.)

[1088] Субдукси-мемет родительского отростка, черного яйца, восприимчивого к животным. (Zw. Epp. i. стр. 448.)

[1089] Confratres nonnulli viri certe et pietate et eruditione nequaquam contemptibiles. (Zw. Epp. i. p. 533.)

[1090] Бурбон, командовавший Италией от имени императора. (Выше, книга xii.)

[1091] Люк Икс. 39.

[1092] Да здравствует сатис-де-Эпистолис Паули concionaturum esse. (Zw. Epp. ii. стр. 497.)

[1093] Деяния xvi. 9.

[1094] Debilis et infirmus apud piscinam, salutem mei et patriæ toto mentis affectu citissime expecto. (Hottinger, sæcul. 16, pars 2, p. 619.)

[1095] Конъюнктура Конфедерации в истинной экспедиции представляет собой сумму чисел. (Хоттингер, глава 16, параграф 2, стр. 630.)

[1096] Беклейтенд сич в эрбаре гемайне Ландсклейдер. (Бык. Хроника. ii. стр. 221.)

- [1097] Я работаю в специальной промышленной лаборатории, занимаюсь там длительным процессом. (Zw. Epp. ii. стр. 334.)
- [1098] Das das minder müst das meer sin. (Буллa. ii. стр. 241.)
- [1099] Тезис 8. (Буллa. ii. стр. 115.)
- [1100] Die Pfarer soll den Gmeinden irs gfallens zu erkiessen Zugestellt syn. (Буллa. ii. стр. 268.)
- [1101] Allein was ein gebuw die *Hell* genampt, das liess man den Munchen blyten. (Там же, стр. 271.)
- [1102] Ruchat, ii. стр. 139.
- [1103] Важнейшее сельскохозяйственное предрассудок против партии ностра. Major et potior pars urbis a papistis. (Zw. Epp. ii. p. 489.)
- [1104] Там есть твердая шейка матки. (Zw. Epp. ii. стр. 489.)
- [1105] Бычий текст. Хрон. ii. стр. 357.
- [1106] Подопечный эйн гроссер Невилтедер зи. (Там же, стр. 461.)
- [1107] Закон об эпистоле ностра в Баденском комитете. (Кол. к Буцеру. 28 декабря 1530 г.)
- [1108] Wie mit einhalligkeit kleine Ding gross werdend. (Zw. Opp. ii. стр. 78.)
- [1109] Libellum supplicem ad quinque pagos breviorum vellent. (Zw. Epp. ii. стр. 511.) Fastidiunt tam sancta. (OECol.)
- [1110] Нетерпимый к антихристу ipso magistratus, как к Церковному аукциону по правам человека. (Zw. Epp. ii. стр. 510.)
- [1111] Ipsorum functio alia est et ecclesiastica, multaque ferre et facere potest quæ puritas evangelica non agnoscit. (Там же.)
- [1112] Произнесите речь мне, братству номине, кораму сенату хабуи. (Там же.)
- [1113] Решение суда над магами. (Там же, стр. 518.)
- [1114] Ut non impediatur alicubi magistratum Christianum. (Ссылка на Zw. стр. 836.)
- [1115] Дж. Дж. Хоттингер, iii. стр. 554.
- [1116] Civitas Christiana.
- [1117] Dass von oben hinab hie dises Rhyns, bis gen Strasbourg ein Volk und Bundniss würde. (Zw. Opp. ii. p. 28.)
- [1118] Ipsi et nobis honestius, ob religionis et caritatis causam, Christo gratius, ob conjunctas vires utilius, hostibusque terribilius. (Zw. Epp. ii. p. 481.)
- [1119] Решение об отказе от участия в судебном заседании. (Там же, стр. 487.) Шифр 3, по-видимому, указывает на бернцев.
- [1120] Си потес, мох адвола. (Zw. Epp. ii. стр. 547.)

[1121] Christi corpus et sanguinem adesse vero in cœna fortasse cuipiam durius sonat, sed mitigatur dum adjungitur animo non corpore. (Там же.)

[1122] Hæc omnia fieri pro Luthero neque pro veritate propugnandi causa. (Там же, стр. 550.)

[1123] Есть - значит верить. (Там же.)

[1124] Memini dudum Tiguri te dicentem cum convivio me exciperes, Lutherum non adeo perperam de Eucharistia sentire, nisi quod Melancthon ex alio eum cogeret. (Zw. Epp. ii. стр. 562.)

[1125] Quas dissidia, quas turbas, quæ mala, quas clades! (Zw. Epp. ii. стр. 429.)

[1126] Римлянам осталось жить, урбес освободил капер, Гельвеций в порядке вещей. (Там же. Март 1530 г.)

[1127] "Свобода городов". В оригинале эти слова написаны по-гречески.

[1128] Цезарь альтера ману панем остентат, альтера лапидем челат. (Zw. Epp. Март 1530 г.)

[1129] Инцидент в котеме aliquando novacula. (Там же, стр. 544.)

[1130] Бапст и Кейзертумен обитают в дермассене в эйнандерне гефликте. (Булл. ii. стр. 343.)

[1131] Итак, вы в курсе. (Zw. Opp.)

[1132] Суть дела в том, чтобы возвыситься.....quasquidem cogitare sed non dicere licet. (Zw. Epp. ii. стр. 666.)

[1133] Никогда не было потенции при тинтиннабулюме с придатком фели. (Zw. Epp. ii.)

[1134] Lætus audio de Venetis quæ scribis, quod verbum Dei receperint, Deo gratia ac gloria. (7 марта 1528 г. L. Epp. iii. стр. 289.)

[1135] Формирующий ребус-публичный потенциал Цезарис, вопрос о верховном правителе Европы (Zw. Epp. ii. стр. 445.)

[1136] Отправить приватный ответ. (Там же.)

[1137] Вероломный противник Цезаря, доброволец фидема видери. (Capito, Zw. Epp. ii. стр. 445.)

[1138] Операция Созидания ностро акцептиссимо, Господство над лицом, медиа-благодарность Бога. (Zw. Epp. ii. стр. 413.)

[1139] Regem admodum desesperare et inopem concilii esse, ut nesciat quo se vertat (Ibid. p. 414.)

[1140] Bis negavi, at tertio misi, non sine conscientia Probulatarum. (Zw. Epp. ii. стр. 422.)

[1141] Nihil enim æqui esse in votis Christianissimi Regis, atque ut Evangelii puritas illibata permaneant. (Там же, стр. 417.)

[1142] 2 Кор. vi. 13.

[1143] Nitt ruwen biss sy der banden ledig. (Булл. ii, стр. 394.)

[1144] Дарзу хелфе и смерть хелига сухопутного (Bull. ii. p. 330.)

[1145] Это были kein Zurycher er hatte chuy и merchen gehygt. (Бык. стр. 336.)

[1146] Alls der zu Parys ein Esel gehygt; und habe imm Leo Jud denselben geliept (Bull. ii. p. 336.)

[1147] Лютеранский Готт. (Булл. ii. стр. 337.)

[1148] Радт шлагтенд и тагентенд против хеймлиха (Bull. ii. p. 336.)

[1149] Nüwe fründschaften, by den Walliseren, dem Bapst, und den Keysserischen, (Bull, ii.)

[1150] Ut si quis rem obscænam cum jumento sive bove habeat, minus peccare quam si missam inaudiat (Zw. Epp. p. 610.)

[1151] Perfidorum ac sceleratorum hominum commentum. (Zw. Epp.)

[1152] Конец греху и неманский лысый вюссен. (Булл. ii. стр. 346.)

[1153] Си гвалтиг зе уберзихен. (Булл. ii. стр. 366.)

[1154] Und wortt und werk mit einandern gangen werind. (Булл. ii. стр. 367.)

[1155] Trang gar häfftig uff eine gemeine Reformation gemeiner Eydgenoschaft. (Булл. ii. стр. 368.)

[1156] Их можно найти в Bullinger, ii. стр. 368-376.

[1157] И церковь, передающая шульдиез Блют эрспарт вюрде. (Булл. ii. стр. 383.)

[1158] Кранке альте швангере вайбер, киндер и санст бетрубте. (Булл. ii. стр. 384.)

[1159] Schmerzlich und kummersachlich. (Булл. ii. стр. 386.)

[1160] Das er wortt und faust mitt einander gan lasse. (Булл. ii. стр. 388.)

[1161] Именно Цвингле охарактеризовал эти два города:—

Bern: klage Zurich wäre zu hitzig:

Zurich: Bern wäre zu witzig.—(Stettler.)

[1162] Deshalb sy bald grossen mangel erlittend an allem dem das der Mensh geläben soll. (Булл. ii. стр. 396.)

[1163] Булл. ii. стр. 396.—Римлянам xii. 20.

[1164] Хартманну фон Халвиллю Альберту Мулиненскому, 7 августа.

[1165] Klagtend sich allent halben wyt und breit. (Булл. ii, стр. 397.)

[1166] Stelltent ab spielen, Танц.—Tschudi der Capeller krieg, 1531. Эта рукопись приписывается Эгидиусу Чуди, который, должно быть, написал ее в 1533 году в пользу Пяти кантонов и была напечатана в "Гельвеции", том ii. стр. 165.

[1167] Trowtend auch die Straassen uff zu thun mit gwalt. (Булл. ii, стр. 397.)

[1168] Ер. Ругери и Буллинг., 12 ноября 1560г.

[1169] *Universa societas Helvetiorum dilabetur, si tumultus et bellum inter eam eruperit.* (Zw. Epp. ii. стр. 604.)

[1170] Ответчик на глагол предикации без латуризма, как носитель интеллекта. (Zw. Epp. ii. стр. 607.)

[1171] Бык. ii. стр. 30.

[1172] Послание к Галатам, ст. 19, 20.

[1173] Эти слова написаны на латыни: *Hæc ipse, qui hæc scribo, ab illis audiui, præsens colloquio.* (Булла ii, стр. 49.)

[1174] *Ein menschen in ein schneeweissen Kleid.* (Булла ii, стр. 49.)

[1175] Страафен будет си нитт, верден си дих страафен. (Бык. ii. стр. 52.)

[1176] До и после удаления кровеносных сосудов из твердой мозговой оболочки, после разреза по вене. (Zw. Epp. ii. стр. 627.)

[1177] Отложения крови из почвы, лигниса и лапидибуса. (Zw. Epp. ii. стр. 627.)

[1178] Отправляемся на экскурсию к нашим кламитанам. (Zw. Ep. ii. стр. 627.)

[1179] Комета эйнштейна эшроклихера. (Bull. ii. стр. 46.) Это была комета Галлея, которая возвращается примерно каждые 76 лет. В последний раз она появлялась в 1835 году.

[1180] *Wie ein fhuwr in einer ess.* (Тамже.) Возможно, Буллингер намекает таким образом на явление, замеченное Аппианом, астрономом Карла V, который наблюдал эту комету в Ингольдштадте и который говорит, что хвост исчезал, когда ядро приближалось к горизонту. В 1456 году его появление уже вызвало большой ужас.

[1181] *Cometam jam tribus noctibus viderunt apud nos alii, ego una tantum, puto 15 Augusti.* (Zw. Epp. стр. 634.)

[1182] Это не ожидает беды. (Там же, стр. 626.)

[1183] Zw. Opp. Комментарий. in *Jeremiam*. Это произведение было написано в тот самый год, когда Цвингле умер.

[1184] *Dise ire Rustung mochte woll eine französische prattik sein.* (Булла ii, стр. 86.)

[1185] *Die ewige Bünd abgefordert.* (Дж. Дж. Хоттингер, iii. стр. 577.) По словам Буллингера, это произошло только в понедельник.

[1186] Гневаюсь на панера за его брунненский жест. (Булла ii, стр. 86.)

[1187] *Ein gepöch und prögerey und unt darauff setzend.* (Тамже.)

[1188] *Als wir vertrauen Gott und der Wel antwurt zu geben.* (Булла ii, стр. 101.)

- [1189] То, что армен лютен сделал с потрохами..... и аллер Эрбаркайт в grossern ansähen. (Булла. iii. стр. 151.)
- [1190] Die Zyt ist hie, das die rüt gottes sich wil erzeugen. (Бык. стр. 87.)
- [1191] Naben den Wachten, durch umwag und gestrupp. (Булла. iii. стр. 87.)
- [1192] Sy machtend alein ein geprög. (Там же, стр. 103.)
- [1193] Дизельный завод в менклих-бюеле. (Булла. iii. стр. 104.)
- [1194] Подопечный дарима джерада шлагта. (Булла. iii. стр. 104.)
- [1195] Ein startrer Erdbidem, der das Land, auch Berg und Thal gwaltiglich ershütt. (Tschudi; Helvetia, ii. p. 186.)
- [1196] Vil schiffen uff Zag faren, und hort man luyen den Uri Stier. (Булла. iii. стр. 109.)
- [1197] Иленц, иленц, иленц, уффс аллер шнеллист. (Бык. iii. стр. 110.)
- [1198] Саммлет сич-дочь волка гмахсам. (Там же, стр. 112.)
- [1199] Анна Райнхард пар Г. Мейр из Кнонау. (Бык. iii. стр. 33.)
- [1200] Для всех пользователей. (De vita et obitu Zwinglii, Myconius.)
- [1201] Сегур: История. de Napoléon et de la Grande Armée, i. p. 142.
- [1202] Nullus ordo, nulla consilia, nullæ mentes, tanta animorum dissonantia, tam horrenda facies ante et post signa sparsim currentium hominum. (De vita et ob. Цвинглий.)
- [1203] В чем суть видений репентино долоре кордис викс консистебам. (Тамже.)
- [1204] Manebamus non certe sine jugibus suspiriis, non sine precibus, ad Deum. (Тамже.)
- [1205] Да, да, это мой грех. (Булла. ii. стр. 118.)
- [1206] Ettliche schröwend nach Achsen das man das Wäldi verhallte. (Булла. iii. стр. 118.)
- [1207] Dan ein Manung uff die ander, von Cappel kamm. (Булла. iii. стр. 113.)
- [1208] Уфф россен хафтиг илтенд цум огрифф. (Булла. iii. стр. 113.)
- [1209] Ich will Kacht, in den namen Gotts, zu den biderben luten und willig mitt und under inen sterben. (Там же, стр. 123.)
- [1210] Sind die Rüben gesaltzen! мы будем вместе. (Дж. Дж. Хотт. iii. стр. 383.)
- [1211] Этот лес больше не соединяет два холма. Нынешний пастор Каппеля сказал мне, что, когда он впервые приехал в этот район, лес был гораздо обширнее, чем сейчас.
- [1212] Вечный тег Блут зе верджиссен. (Tschudi, Helv. ii. p. 189.)
- [1213] Welche redlicher Eidgnossen wärt sind, die louffind uns nach. (Булла. iii. стр. 125.)

- [1214] Дерзкий перевод *wiederum uff* из России. (Tschudi, Helv. ii. p. 191.)
- [1215] Zertheilt die Hagken hinter die Bäum im Wald in grosser Stille (Tschudi, Helv. ii. p. 191.)
- [1216] Denn das die Aest auf sie fielent (Tschudi, p. 182.)
- [1217] Der angriff war hart und währt der Widerstand ein gute Wyl. (Tschudi, p. 192.)
- [1218] Подлинный католицизм, внутренний позитив, ретроцессерунт, одновременный фугам. (CochlœUs, Acta Luth. стр. 214.)
- [1219] Der Boden erzittert; und nit anders war, denn als ob der Wald lut bruelete. (Tschudi, p. 123.)
- [1220] Optimi et docti viri, quos necessitas traxerat in commune periculum patriæ et ecclesiæ veritatisque defensandæ, quam et suo sanguine redemerunt. (Доп. вит. ср. стр. 6.)
- [1221] Es klagtend inn в зондерах die Züger. (Булла. iii. стр. 151.)
- [1222] Фонд охраны Уолстетта под руководством синена Куссначерна. (Там же, стр. 147.)
- [1223] капелланы швейцарских войск до сих пор носят меч. Цвингле не воспользовался своим оружием.
- [1224] Hatt auch in den Schenklen yween Stiche. (Tschudi, Helv. ii. p. 194.)
- [1225] У genua prolapsus dixisse: "Действительно ли это несчастье? Возраст! corpus quidem occidere possunt, animam non possunt" (Osw. Миконий, вит. Зв.)
- [1226] Was er nach lebend, lag an dem Ruggen und hat seine beide händ zamen gethan, wie die betenden, sach mit synem angen obsich in hymel. (B. iii. p. 136.)
- [1227] Ein gross plünderen, ein ersuchen und usgiessen der todten und der wunden. (Булла, iii, стр. 135.)
- [1228] Damit sie desto eher zum Teufel, damit sie mit allen vieren fechtend, geführt würdend. (Salat.)
- [1229] Christen sind nicht die für sich selbst mit dem Schwerdt oder Büchsen streiten, sondern mit dem Kreuz und Leyden. (Лут. Против.)
- [1230] Найти убер-сич в Гимеле. (Булла, iii, стр. 136.)
- [1231] Вейн Фуур бесах. (Tschudi, Helv. ii. p. 194.)
- [1232] Nicht einem Todten sondern einem Lebenden gleich. (Zwingli für dass Volk von J. J. Hottinger.)
- [1233] Чуди Гельвет. ii. стр. 195. "Cadaver Zwinglii.....in quatuor partes secatur, in ignem conjicitur, in cinerem resolvitur." (Мус. de Vit. Zw.)
- [1234] Ни в коем случае нельзя считать меня статуей опоссума, максима епископа в доспехах. (Цуйцкиус Эколампадио, 8 ноября 1531 г., Цюрих, ср.)
- [1235] Dermassen umbgäben mit Tygenden, dass kein Hoffnung der rettung uberig. (Булла. iv. стр. 163).

[1236] Ut igitur mane videram exeuntem, ita sub noctem audio nuntium, pugnatum quidem acriter, tamen infeliciter, et Zwinglium nobis periisse. (Мус. Vit. Zw.)

[1237] Этлих камень, хаттен нур эйн хэнд. (Libensbeschreibung Plateri, p. 297.)

[1238] Да здравствует адхунк и вечная жизнь фортиссимус герос. (Леонис Иудейский увещевает. ad Chr. Раздел. Псалом Энхиридио. Цвинглийская премисса.)

[1239] Юнген фазельс, молодой выводок. (Bull. Chr. iii. стр. 176.)

[1240] Mit einem grossen grusamen geschrey. (Булл. iii. стр. 201.)

[1241] Bätz, Bätz, willt dan nicht kretzen! (Булл. iii, стр. 215.)

[1242] Что случилось и как исправить ситуацию в кибрас-де-нуэстра-фе и сеньор де Аллемана, доктор медицинских наук. (Фердинанд Карлу V. 11 ноября 1531 г.)

[1243] Con proposita di rimóver Lutheriani dalla loro mala opinione, con mezzo di alcuni suoi amici e con denari. (Отчет Басадонны, архиепископа Венеции.)

[1244] Ранке, Немецкая история, iii. стр. 867.

[1245] By ihren wahren ungez wyfflten christenlichen glauben. (Tschudi, p. 247.)

[1246] Автора Ирена Глаубена. (Tschudi, p. 247.)

[1247] Knuwet mencklich wider und bättet. (Булл. iii, стр. 253.)

[1248] Und luffend ihnen allen die Angen über. (Tschudi, p. 245.)

[1249] Es würdent mäss, altär und götren vieder uff gericht. (Бык. iii.)

[1250] Цвинглиум нострум, как способ изменить жизнь во многих временных рамках. (Цюрих, ср.)

[1251] Перед carbunculus quovis carbunculo в доме мертвых. (J. J. Хоттингер, iii. стр. 634.)

[1252] Некролог Иоанниса Колампадиса, согласно Симону Гринюму. (Эпп. ŒКол. et Zwinglii, libri iv.)

[1253] Смотрите его Комментарии к Исае (1525), 1-я глава; к Иезекиилю (1527); Аггею, Захарии, Малахии (1527); Даниилу (1530); и комментарии, опубликованные после его смерти, с толкованиями на Иеремию, Иезекииля, Осию, Иоиля, Амоса, Обадию, Иона, а также 1-я и 2-я главы Книги Михея.

[1254] О смерти зачатия..... это единственный случай, когда я могу умереть. (L. Epp. v. стр. 112.)

[1255] Не является пятой страницей, но не является обязательным дополнением. (Булл. от Рождества христового. Ноябрь 1531 г.)

[1256] Халлер рекламирует травлю. 1536.

[1257] Я слушаю беллена. (Булл. iii, стр. 321.)

[1258] Гибель противников Глориантиба, носителя креста славы. (Ad OEColamp. 29 ноября 1531 г. Цюрих, ср.)

[1259] После гибели *грушевого дерева* Цвингле на том месте, где умер этот прославленный реформатор, был установлен большой камень; на нем выгравированы подходящие надписи, отличающиеся, однако, от тех, что приведены в тексте.

[1260] Иоанн Кальвин Нойонский.

Примечания переписчика:

Орфографические, пунктуационные различия и расстановка переносов сохранены, за исключением очевидных случаев типографской ошибки.

Страница 26 - Переписчик изменил "nullumpue" на "nullumque".